★ВСЕ ЗВЕЗДЫ★

ГЕНРИ КАТТНЕР

Писатель, которого нельзя не любить!

МОКРАЯ МАГИЯ

Эксмо

★ВСЕ ЗВЕЗДЫ★

ГЕНРИ КАТТНЕР

Писатель, которого нельзя не любить!

МОКРАЯ МАГИЯ

Рассказы и повести, которых вы еще не читали!

★ВСЕ ЗВЕЗДЫ★

★ВСЕ ЗВЕЗДЫ★

ГЕНРИ КАТТНЕР

МОКРАЯ МАГИЯ

Москва
ЭКСМО
Санкт-Петербург
издательство ДОМИНО
2007

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
К 29

Henry Kuttner
STORIES

Составитель серии *Александр Жикаренцев*

Оформление серии *Сергея Шикина*

Серия основана в 2006 году

Каттнер Г.

К 29 Мокрая магия: Фантастические рассказы / Генри Каттнер; [пер. с англ.]. — М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2007. — 656 с. — (Все звезды).

ISBN 5-699-20634-5

Генри Каттнер — один из самых загадочных фантастов двадцатого века. Хотя его много лет знают и любят в нашей стране, к сожалению, до настоящего времени большая часть его обширного литературного наследия оставалась недоступна нашим читателям. Мы рады представить сборник блестящих рассказов мастера, почти все из которых впервые публикуются на русском языке.

Большое влияние на творчество Генри Каттнера оказала его жена, известная писательница Кэтрин Мур. Супруги часто работали в соавторстве, однако плоды их совместного труда выходили под именем Каттнера или под общим псевдонимом. Порой остается только догадываться, кто из них внес более существенную лепту в создание того или иного произведения. В настоящий сборник включены четыре рассказа, чье авторство, несомненно, принадлежит Кэтрин Мур: «Даэмон», «Дверь во времени», «Нет женщины прекраснее» и «Превзойти богов».

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Перевод. Т. Алехова, Н. Берденников, Д. Громов, О. Ладыженский, Н. Гузнинов, Б. Жужунава, И. Тетерина, 2007
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2007

ISBN 5-699-20634-5

DE PROFUNDIS*

Вся беда в словах. Вся беда в том, что только сумасшедший мог написать это, потому что только с сумасшедшим такое могло произойти. И барьер трудно преодолеть. Я имею в виду барьер, возведенный вокруг настоящего меня. Я могу мыслить разумно, но не чувствую, когда на меня находит приступ безумия и на бумаге появляются не те слова...

Я похож на бешено вращающееся колесо. Я ведь достаточно образованный человек... Был. Я знаю множество красивых фраз. Врачи до сих пор не могут понять, что со мной, и ставят лишь предположительный диагноз. Может быть, это кататония или шизофрения...

КОВАРНЕЙШАЯ ИЗ ЛОВУШЕК, ВОТ ЧТО ЭТО ТАКОЕ.

Стоп. Я должен постараться быть последовательным. Я должен постараться описать это, как пишут нормальные люди. Хотя лично мне хотелось бы писать вверх ногами, и задом наперед, и поверх, как на палимпсесте**, но я должен сделать все, чтобы меня поняли. Я единст-

---

© Перевод Н. Берденникова.

* *Из глубины (лат.). (Здесь и далее примеч. перев.)*

** Палимпсест — древняя рукопись, обычно на пергаменте, написанная поверх смытого или соскобленного старого текста.

венный могу отличить галлюцинацию от реальности, но не могу никого заставить увидеть то, что вижу сам. Вся беда в том, что они проникают в мои галлюцинации и выглядят как иллюзии...

Иногда я сам толком не понимаю, что со мной происходит. У меня нет якоря здравомыслия, который бы держал меня. Я знаю, что безумен. То есть я в состоянии определить, когда бываю нормальным хотя бы наполовину. Потому что когда я слетаю с катушек, то вокруг смыкается темный вихрь безумия, откуда не вырваться...

История болезни: Уильям Роджерс, тридцать восемь лет, белый, холост, с ранних лет страдает нервными и психическими расстройствами. Примерно так написано в моей медицинской карте. Сам я мало что помню о своем прошлом. Мне уже приходилось бывать в лечебнице. Кажется, я начал заболевать чуть ли не в детстве. Память у меня пошаливает, особенно с тех пор, как время потеснилось, чтобы впустить Гостей.

Гости — не галлюцинация. Среди всех моих иллюзий только они настоящие. Они появились недавно. Я точно знаю. Они всё доходчиво мне объяснили. Никто не видит их и не слышит. Они сказали, что я могу обо всем рассказать врачам, те сочувственно меня выслушают, но ни во что не поверят. Слуховые и зрительные галлюцинации. Бог свидетель, у меня было достаточно и тех и других.

Иногда я видел Облако. А еще — демонов. Они были настолько шаблонными, что я сразу понял: их не существует, хотя они и уверяли меня, будто я грешен. Это началось задолго до того, как появились Гости. Эти были настоящими. Они пришли из другого пространственно-временного континуума и хотели присутствовать и наблюдать. Вы скажете, что в таком случае им больше подошел бы кто-нибудь вроде Эйнштейна, но на самом деле все не так. Они не хотят, чтобы наш мир узнал о них. Я могу представить себе почему. Нельзя изучить электрон,

не сбив его с привычной орбиты. Животное не будет вести себя естественно, зная, что за ним наблюдают. Возможно, есть и другие причины...

Смотреть на Гостей страшно.

Они общаются со мной в основном телепатически, хотя я часто воспринимаю их послания как произнесенные вслух слова. Гости мыслят совершенно не так, как мы, люди,— порой кажется, что имеешь дело с полным олухом, а порой — что со специалистом по высшей математике.

Слова плывут и мутируют, я не могу рассказать о том, что со мной произошло, по порядку... наверное, Крыс Каприз влез на карниз, свесил лапки вниз... Он поет и плюет, спать нам не дает...

НЕТ!

Почему-то все время хочется рифмовать что попало. Может, это эхолалия?* Наверное, что-то заставляет меня думать, будто если заполнить разум бессмысленными рифмами, то Гости не смогут проникнуть в него. А остальные...

В смысле *все* остальные. Призрачные голоса, которые я слышу, сколько себя помню. С самого рождения со мной что-то было не так, вот только что? Я постоянно пытался что-то сделать, но не мог объяснить зачем. Одно время я коллекционировал носовые платки. Бессмысленное занятие. И голоса в моей комнате... «Уильям Роджерс сейчас подойдет к окну,— шептали они,— и вывалится из него. Нет, не вывалится, но когда будет спускаться по лестнице, споткнется и свернет себе шею. Он знает слишком много, чтобы оставаться в живых. Мы позаботимся о том, чтобы он умер».

Это были слуховые галлюцинации.

НАДО... ПЕРЕСТАТЬ...

---

* Эхолалия — неосмысленное повторение услышанного детьми, душевнобольными и животными.

Так. Это была черная полоса в моей жизни. Я знал, что они ненастоящие, но казались-то они настоящими — все эти яркие разноцветные жуки, ползающие по штанинам моей пижамы. Как-то раз я даже не выдержал и закричал. Пришел санитар. Я испугался, что мне снова сделают влажное обертывание, поэтому предпочел закрыть глаза и позволить жукам беспрепятственно ползать по мне,— и через минуту все прекратилось. Санитар спросил, что со мной, и я ответил, что уже все в порядке.

Но ему приказали при необходимости давать мне успокоительное. Я до сих пор остаюсь под надзором. Врачи так и не выяснили до конца природу моего психоза. Много осложняющих факторов. Я знаю, в чем дело. Вначале у меня был обычный психоз, но потом появились Гости и все окончательно перепуталось. Гироскоп моего разума совершенно потерял устойчивость.

Некоторые люди рождаются с плохой наследственностью, другие впадают в умопомешательство в силу внешних причин. У меня было и то и другое. Я многого не помню и вспоминать не хочу. Уж очень неприятно. Кроме того, самое важное произошло уже после того, как я окончательно свихнулся. Гости не дураки. Они притворяются галлюцинациями и приходят только к тому, кто и без того страдает галлюцинациями.

Но до появления Гостей все было не так... не так жутко.

Периоды черной тоски время от времени перемежались приступами эйфории, которые скрашивали мне жизнь, да и голоса... Голоса иногда обещали защитить меня. Иногда угрожали. Очень часто они заявляли, что я грешен и должен понести кару.

Я грешен. В этом нет никаких сомнений. Правда, я не знаю, в чем мой грех. Однако я должен искупить его. Голоса...

Еще были тактильные галлюцинации. Просто кошмар: прикасаешься к стеклу — и чувствуешь под рукой мех. Еще страшнее знать, что твоя кожа покрыта слоем

ледяной студенистой массы. А когда меня привезли сюда, мне стали подбрасывать нечистоты в пищу. Я перестал есть.

В глубинах моего сознания всегда жила чернота. Я всегда чувствовал, когда она готовилась поглотить меня. Чернота была бесформенной и непостижимой. Она появлялась из ничего, распространялась во всех мыслимых и немыслимых направлениях, становилась все больше и больше, подступала ближе и ближе... Но она никогда не касалась меня. Только наблюдала. Я прозвал ее Облаком. Я не знаю, каково оно на ощупь или на вкус, не знаю, как оно пахнет. Я его даже не видел толком. Облако уже давно не появлялось, хотя прочие галлюцинации остались при мне. Но голоса затихают, когда приходят Гости...

Вот как это было.

Все началось вскоре после того, как меня привезли сюда. Сперва мне прописали ванны и влажные обертывания. Это лечение продолжалось довольно долго. Несколько раз на меня даже надевали смирительную рубашку, что было особенно мучительно: в рубашке было трудно дышать, и яркие жуки ползали по моему лицу. Спустя некоторое время я понял, что лучше терпеть. Люди наблюдали за мной со смесью подозрительности, настороженности и дружелюбия. К такому отношению я давно привык. Голоса в моей голове продолжали звучать, несколько раз из ничего появлялось Облако, разрасталось и смотрело на меня, потом съеживалось и исчезало. Так прошло немало времени.

Потом появились Гости.

Я чувствовал, как они подбираются ко мне. Той ночью в лечебнице случился переполох. Из отделения для буйных сбежал маньяк, одержимый мыслью об убийстве. Всем вкололи двойные дозы успокоительного. Это было похоже на конец света. На самом деле это Гости пытались вступить в контакт.

Безумие не обязательно означает притупление восприятия. Очень часто мне удавалось смотреть на события свежим взглядом, будто они не имели ко мне никакого отношения. Я мог уловить закономерности в хаосе происходящего. Стремление человечества к достижению какой-то загадочной цели, притом стремление не вполне самостоятельное. Кто-то нас направлял. Я понимал: что-то должно случиться. Что-то новое, что-то неслыханное. Возможно, оно принесет перемены к лучшему.

Но я не мог даже предположить, настолько чужеродным оно окажется.

Той ночью я был один в своей палате. Дверь была закрыта и заперта. Я смотрел на стекло, забранное мелкоячеистой сеткой, и ждал врачебного обхода. И вдруг я почувствовал, как нечто просочилось в мою голову, словно бы через дымоход, потом ушло, а через мгновение снова вернулось. Оно извивалось, зарываясь все глубже, и росло. Сначала я подумал, что это Облако, но оно всегда было тихим и бесформенным пассивным наблюдателем. Оно никогда меня не беспокоило. А это, пришедшее сейчас, меня беспокоило. Я почувствовал острое, радостное возбуждение.

Они явились из неведомой дали и зависли в воздухе передо мной. Их окружал мрак, абсолютно черный и все же полупрозрачный, потому что я видел сквозь него стены палаты. Их было трое. Они были похожи на людей, но людей уродливых, маленьких, с непропорционально огромными головами, испещренными голубыми пульсирующими венами. Они сроду не ходили по земле — на таких ногах, как у них, невозможно ходить.

Они парили в темноте, иногда чуть смещаясь, и смотрели на меня.

— Годится. Интеллект выше среднего. И психоз подходит.

Я сразу же понял, что это не галлюцинация. Я встал позвать санитара. Они заставили меня снова лечь на кро-

вать. Я открыл рот, чтобы закричать, однако они парализовали мои голосовые связки.

— Мы не причиним тебе вреда.

— Но вы настоящие,— сказал я мысленно.— Настоящие. Настоящие.

— Мы настоящие. Мы не причиним тебе вреда. Мы хотим использовать тебя для...

Но тут все голоса в моей голове объединились и хором закричали:

— ТЫ ГРЕШНИК! ТЫ ГРЕШНИК! ТЫ ГРЕШНИК...

Я тоже закричал, я кричал и кричал, и никак не мог остановиться.

Гости вернулись чуть позже. Однако потребовалось время, прежде чем я смог связно разговаривать с ними. Как-то раз, когда они были у меня, пришел врач, но Гости застыли в прозрачной темноте, и он ничего не заметил. А когда он ушел...

— Вы невидимки?

— Мы находимся в вашем пространстве-времени не полностью.

— Что вам нужно от меня?

— На рынок, на рынок, купить жирную свинью...

— Что?

Но они не могли ничего объяснить. Их слова казались мне бредом. Я спросил, откуда они появились.

— Из-за гор, из-за моря. Время. Будущее. Мы изучаем твой мир.

— Но я почти не покидаю эту комнату.

— Тебе и не нужно. Это не имеет значения.— Голубые вены пульсировали на их головах.— Твой разум дал нам...— тут они использовали слово, которого я не понял,— и теперь мы можем достичь любого места в твоем временно́м секторе. Ты — катализатор.

Я почувствовал прикосновение. Чудовищная тварь, красная, жуткая, выбиралась из пола. Она ненавидела

меня. Голоса смеялись. Я закрыл глаза и закричал. Потом я стал куда-то проваливаться, кружась в темноте, кружась, кружась, кружась...

Черная полоса осталась позади. Гости вернулись.

— Почему я? Почему выбор пал на меня?

— Нам был нужен агент. Ты оказался чрезвычайно удачной кандидатурой. Мы долго искали, прежде чем нашли тебя.

— Но почему...

— Вы, люди, сейчас стоите на перепутье. Потревожены могущественные силы. Сдвигаются вероятностные плоскости. Наступил исключительно важный момент. Существует множество уровней реальностей. Мы вынуждены обратиться к прошлому, чтобы найти истинную реальность, и, при необходимости, изменить это прошлое.

Я ничего не мог понять.

— Мы не причиним тебе вреда. Мы не причиним вреда твоему миру. Любые изменения будут выглядеть совершенно естественными.

— Я этого не выдержу. Выберите кого-нибудь другого.

— Нет.

— Но вы ужасны...

Я сказал так, потому что Гости действительно выглядели дико. Слишком мало общего было у них с людьми, и дело тут не только в их отталкивающем обличье. Их мысль развивалась другими путями. Их тела отличались от наших во всех отношениях. Их нервная структура была иной. Я чувствовал излучаемую ими энергию. Напряжение было невыносимым. Я всегда начинал кричать, если они оставались со мной долго.

Врачи были озадачены. Они задавали мне вопросы. Я рассказал им о Гостях, но они только переглянулись.

— А раньше вы не видели этих Гостей?

— Нет, не видел.

— Они похожи на упоминаемое вами Облако?

— Нет. Облако было со мной на протяжении многих лет. Оно то появлялось, то исчезало, но никогда не причиняло мне вреда.

— Они похожи на голоса? Они разговаривают, как звучащие в вашей голове голоса?

— Нет. Голоса бестелесны. А Гости разговаривают без слов. Они сказали, что вы не поверите в их существование.

— Не знаю, не знаю... Может быть, если вы расскажете мне чуть больше...

ПРОКЛЯТЫЙ ЛЖЕЦ, ТЫ ЖЕ НЕ ВЕРИШЬ НИ ЕДИНОМУ МОЕМУ СЛОВУ!

Но врачи пытались мне помочь. Они не знали, как быть. Пока не появились Гости, доктора верили, что сумеют вылечить меня. Я думаю, они собирались применить шоковую терапию и возлагали на нее большие надежды. Но тут вмешались Гости, и характер психического расстройства изменился, перестав поддаваться определению.

Потом какое-то время Гости не приходили. Кажется, они пытались мне объяснить почему, но я ничего не понял. После их ухода остались лишь голоса и кое-какие другие скверные вещи. Врачи все-таки решили применить ко мне шоковую терапию. Это было жестоко, зато действенно.

В голове у меня начало проясняться. Не помню, как долго это длилось. Врачи разговаривали со мной менее настороженно, в воздухе витали надежды на лучшее...

Меня перевели в палату для небуйных. Там было гораздо приятнее. Я провел три замечательных дня. А потом Гости вернулись...

— Мы хотели бы выяснить еще кое-что.

— Нет. Убирайтесь... Прошу вас. Я больше не выдержу.

— Мы не причиним тебе вреда.

— Уже причиняете. Я чувствую, как от вас исходит... напряжение. Я от него проваливаюсь внутрь себя. Рассудок болит...

— Странно. Обычный homo sapiens с необычной восприимчивостью. Вероятно, причина в психических отклонениях. Шишковидная железа и таламус... поглощают наши... Чтоб ведро воды набрать, Джек на холм свалился...

Слова. Я не понимал смысла слов. Единственное средство общения стало непреодолимым барьером.

— Уходите. Убирайтесь. Оставьте меня в покое. Я этого не выдержу.

— Данный конкретный агент нам необходим. Мы должны поддерживать наш энергетический уровень, чтобы осуществлять контакт с вашим временным сектором. Ты оказался необычайно восприимчивым.

— Как долго вы тут еще пробудете?

— В течение многих циклов. Мы заняты серьезной реорганизацией вашей пространственно-временной области...

— В чем дело, Роджерс?

Голос санитара.

— Ни в чем. Они вернулись.

— Кто вернулся?

— Гости. И не хотят уходить. ПРОГОНИ ИХ!

— Сестра, позаботьтесь о Роджерсе...

— Мы не причиним тебе вреда. В настоящий момент мы расширяем ментальные измерения, чтобы изучить подбазисные характеристики чепухи, чепухи, чепухи...

БУДЬТЕ ВЫ ПРОКЛЯТЫ! ОТСТАНЬТЕ ОТ МЕНЯ, РАДИ БОГА!

Я снова оказался в одиночестве.

Никакой надежды не осталось.

Я сумасшедший. Стена, отделяющая меня от человечества, выросла снова. Надежда в глазах врачей погасла. Кататония и шизофрения могут поддаваться шоко-

вой терапии. Но невозможно заставить работать плавно и без сбоев гироскоп, который сотрясают непредсказуемые толчки. Голоса вернулись. Всюду ползали яркие жуки, пища пахла ядом, а постель превратилась в разверстую пасть с белыми губами...

Настал день, когда я понял, что Гости действовали умышленно. Они не хотели, чтобы я выздоровел. Одного их присутствия было достаточно, чтобы вызвать у меня обострение психоза, а пока я оставался безумным, они могли приходить ко мне, когда пожелают, и не бояться, что я о них кому-нибудь расскажу.

В них не было ничего человеческого. Для них я был пустым местом. В лучшем случае, низшим существом. Они представляли собой результат эволюции, который мог появиться на Земле или в другом, похожем на нее мире, в гипотетическом будущем. Я часто подолгу размышлял об этой крошечной искорке — о нашей планете на коротком отрезке времени и пространства — и об окружающей ее бескрайней неизвестности, населенной бог знает кем.

А я был всего лишь маленьким одиноким человеком, причем ущербным с рождения.

Доктора оставили всякие попытки излечить меня.

Той ночью я лежал на кровати и тихо плакал. Выхода не было. Потом я почувствовал нарастающее напряжение в голове и понял, что сейчас придут Гости. Я был беспомощен и одинок, совершенно, абсолютно одинок. Только душевнобольные понимают, что такое одиночество.

Они пришли.

Я умолял их оставить меня в покое. Они смотрели на меня холодными глазами, и на их лбах пульсировали синие вены.

— Как долго он проживет?

— Достаточно долго.

— Я не хочу жить,— сказал я.— Вы все сделали, как было раньше. Я боюсь пошевелиться. Прямо сейчас я чув-

ствую, как от вас что-то исходит. Может быть, это «что-то» — необходимая часть вашей жизни, но я-то устроен иначе. Я даже находиться рядом с вами не могу. Позвольте мне умереть.

— Ты не имеешь значения. Ты всего лишь полезное орудие...

Я перестал их слушать. Что-то надвигалось, я чувствовал это.

В самой глубине моего сознания появилось крохотное темное Облако. Оно начало расти. Я обрадовался. Оно скрашивало мое одиночество. Облако, по крайней мере, было знакомым, оно никогда не мучило меня. Я не видел его уже несколько месяцев. Ни разу после того, как пришли Гости. Хорошо знакомый вихрь закружился в моей голове, и вдруг появилось Облако. Оно стало молча и пристально наблюдать, как всегда. Я обрадовался ему, как старому другу.

Гости вдруг заерзали. Они болтались в прозрачной темноте, как будто их кто-то толкнул.

— Что это? Отвечай! Что это такое?

— Облако. Я так рад...

Облако все разрасталось. Вскоре оно заполнило мою голову целиком. Все расплылось и перепуталось.

— Облако? Что это значит? Что это? Я чувствую...

— ГЛУПЦЫ! ЭТОТ ЧЕЛОВЕК ПРИНАДЛЕЖИТ МНЕ.

Голос Облака. Но Облако не умеет говорить! Или умеет?

Гости принялись кричать и пихать друг дружку в своей подвешенной посреди комнаты тьме. Как запульсировали их огромные головы! Облако захлестнуло их, и они посходили с ума. Прямо как я. Из недр Облака их приглушенные и писклявые голоса были едва слышны...

Я закричал. Санитар открыл дверь. Прибежали медсестры. Они не видели Облака. Они не видели Гостей. Но я видел. Я ВИДЕЛ!

Облако тоже использовало меня. Как использовали Гости. Может быть, я действительно оказался полезным орудием. Может быть, наша эпоха — и впрямь поворотный момент в истории. Посланники двух чужих миров выбрали меня для контакта. Но Облако гораздо умнее Гостей. Оно использовало меня, не причиняя вреда.

И оно было гораздо более чуждым по сравнению с Гостями. Даже им оно казалось чем-то совершенно диким и страшным. Его странные энергии дотянулись до них из немыслимо далекого времени, пространства и вероятности, и Гости, корчась и теряя рассудок, исчезли в направлении, которое я не мог ни проследить, ни постичь.

Больше они не могли навредить мне. Я принадлежал Облаку. Оно охраняло свою собственность.

Ледяной холод сковал мои ноги, распространился по телу вверх до макушки. Я услышал знакомые голоса, кричащие на меня со стен. Почувствовал странные запахи, незнакомый вкус появился во рту, и Облако заполнило всю палату, всю больницу, весь мир и бесконечное пространство за его пределами, и я стал, кружась, проваливаться в белую темную бездну, чтобы исчезнуть там навсегда...

На прошлой неделе меня как выздоровевшего выписали из больницы. Лечение заняло много месяцев. Но совет опекунов объявил меня вменяемым. Не могу понять почему.

Врачи утверждают, что вылечили меня. Ладно, хорошо. По крайней мере, Гости больше не появлялись. Да и как они могли теперь прийти ко мне?

Что же до Облака...

Подобно Гостям, оно явилось из глубин пространства, времени и вероятности, чтобы изучить этот мир. Однако оно оказалось более чуждым, чем Гости, и более могущественным. Достаточно могущественным, чтобы...

Облако — наблюдатель, преследующий свои, одному ему известные цели.

Меня объявили вменяемым. Я разгуливал по планете и наблюдал, как люди строят будущее. Но я знал, что безумен. Я правильно отвечал на вопросы психиатров. Реагировал на внешние раздражители как вполне нормальный человек. Но это реагировал не я. Не я отвечал на вопросы. Это был кто-то другой. Кто-то другой. Потому что

ПОТОМУ ЧТО
ПОТОМУ ЧТО
ПОТОМУ ЧТО

Трудно писать правду, тяжело преодолевать барьер в сознании.

Трудно сделать так, чтобы меня поняли, потому что истинная моя сущность все еще погружена...

...в тени, в эфир, в ломбер, в химеры, в тучу...

Нет. Притворяться самим собой, притворяться здоровым, в то время как я все еще беспомощно погребен

ПОД
ОБЛАКОМ
ОБЛАКОМ
ОБЛАКОМ

МЕЛКИЕ ДЕТАЛИ

Решив наконец, что оторвался от погони, он направился к киоску с газетами. Его интересовала дата. Он не знал, сколько времени провел в Замке Иф, ибо уже в конце первого года стало ясно, что считать дни не имеет смысла.

Бегство было попросту невозможно. Правда, Эдмон Дантес все-таки бежал из настоящего Замка Иф, но здесь этот номер не прошел бы. Когда «гости» этого единственного в своем роде пансионата умирали, где-то в подземельях проходила быстрая кремация.

То была одна из немногих крох информации, которые ему удалось собрать за время заточения. За все это время он ни разу не покидал почти роскошно обставленной комнаты без окон и совершенно уж роскошной сиамской кошки Шан, которая скрашивала его одиночество. С болью расстался он с Шан, но она привязывалась к предметам, а не людям, и для нее эта комната не была тюрьмой. Чудо, сделавшее возможным его бегство, было не из тех, что продолжаются бесконечно. Он использовал подвернувшийся случай и выбрался на свободу, когда еще не стихли раскаты взрыва где-то внизу.

Он не знал, что это было, но возможности тамошних охранников были почти сверхъестественными.

© Перевод Н. Гузнинова.

Он выбрался в мешке, брошенном вместе с несколькими другими на платформу лифта, а потом попытался сориентироваться, положившись — временно — на осязание и слух. Узнал он немного, но предположил, что мешками занимаются автоматы.

Во всяком случае геликоптер управлялся именно автоматом — это он обнаружил, выбравшись из мешка и пережив несколько напряженных минут, пока не разобрался в управлении. В 1945 году геликоптеры были невероятно сложными машинами, и он никак не мог избавиться от склонности к ненужному усложнению своей задачи.

Перед самой посадкой пульт буквально взорвался огнями и криками. Охранники, годами державшие его в Замке Иф, уже бросились в погоню. Вот и хорошо. Он был в превосходной физической форме. Здоровое тело и психику позволили ему сохранить специальное облучение и процедуры. Источником образования и развлечения был телевизор, а кроме того, книги.

Однако он никогда не видел и не читал ничего, что появилось бы после июля 1945 года. Может, именно потому беспокойство не въелось в его мозг и нервную систему. Разумеется, он понимал, что мир идет вперед, но не видел этого движения. И это помогало.

Геликоптер приземлился на вспаханном поле. Была ночь, но светила полная луна. По контурам, рисовавшимся на фоне слабого зарева, он сделал вывод, что до города недалеко. Геликоптер поднялся в воздух и улетел. У него не было позиционных огней, и он быстро исчез вверху, должно быть, поднялся в стратосферу.

Мужчина несколько раз глубоко вздохнул и тут почувствовал на себе невидимый взгляд. Мурашки пробежали по его телу, и он вспомнил, что его преследуют.

Вокруг все было иначе, но не слишком. По улицам ходили люди, и покрой их одежды изменился мало. Сам он носил копию того самого костюма, который был на

нем в 1945 году, в тот июльский день, когда за ним пришли. Начальники сидели снаружи и ждали, пока их подчиненные... брали Теннинга.

«Я — Дейв Теннинг»,— подумал он и испытал легкое потрясение от этой мысли. Он отвык думать о себе подобным образом. Спокойное, непоколебимое осознание личности с течением лет постепенно пропадало. Подобно ребенку, он перестал сознавать собственное «я». В этом просто не было никакой необходимости.

«Я — Дейв Теннинг, но существует еще и другой Дейв Теннинг». Именно здесь кончалась действительность и начинался страх. До сих пор до него как-то не доходило, что снаружи ходит по свету его alter ego. Все потому, что внешний мир очень скоро практически перестал для него существовать, а населяющие его люди, даже те, которых он хорошо знал, стали менее реальны, чем чувственное равнодушие сиамской кошки Шан.

Одежда его не бросалась в глаза, и никто не смотрел ему вслед. Разумеется, у него не было денег, но эту проблему можно было решить. Парни из «Стар» всегда помогут. Однако следовало быть осторожным, чтобы не наткнуться на псевдо-Дейва Теннинга, пока он не подготовится к встрече. Возможно, понадобится пистолет. Этих двойников можно было убить, а еще... они всегда умирали, когда умирал оригинал.

Именно потому оригиналам сохраняли жизнь и поддерживали их в хорошей физической и психической форме. Существовала какая-то важная психическая связь, динамизм жизненной силы Оригинала, индуктивно связанного со своим Двойником. Он много размышлял на эту тему, и пока все сходилось.

Все-таки он чувствовал себя как-то странно, ибо это был уже не его мир. Ему все казалось, что проходящие мимо мужчины и женщины вот-вот остановятся, приглядятся, и тогда прозвучит окрик. Он весьма отчетливо понимал, что стал здесь чужаком. Он принадлежал тому далекому 1945 году.

Мужчина догадывался и за что его посадили. Фельетонист городской газеты, он слишком много знал. Им требовались свои люди — двойники — на ключевых постах. Несомненно, их было много. 1945 год стал переломным. Это был один из немногих случаев, когда открылась шкатулка Пандоры, когда *слишком многое* стало доступным любопытной цивилизации.

Немцы уже стояли на коленях, Япония практически не сопротивлялась, и на послевоенный мир тенью ложился страх. Не потому, что так много требовалось сделать, а потому, что открывалось слишком много путей для дальнейшего развития. Нет, то была не шкатулка Пандоры, то была удочка счастья.

Гораздо труднее технических были общественные проблемы, ибо отношения между людьми не изменились: ведь люди меняются не так быстро, как творения их рук. Можно запланировать цыпленка в горшочке для каждого, но конверсия целой общественной системы — совершенно иное дело.

Непохоже было, чтобы многое изменилось.

Он даже узнавал некоторые места. Появились новые здания, хотя и немного; машины имели другую форму: они лишились обтекаемых линий и стали приятнее для глаз. Вдоль тротуаров двигались автобусы без водителей, они то и дело останавливались. Уличные фонари светили как-то странно, в витринах магазинов были выставлены одежда, спортивные товары, алкоголь, игрушки, но ничего принципиально нового.

Однако именно из-за этих мелких деталей Теннинг чувствовал себя чужим. Он не был здесь дома. При этом он знал, что где-то существует другой Дейв Теннинг, вытеснивший его, и это сознание отчасти стирало ощущение собственного «я».

На мгновение его охватило совершенно абсурдное чувство вины, словно, убегая из Замка Иф, он помешал реализации чьего-то плана. «Ты чужой,— говорили люди,

проходившие мимо и не удостаивающие его даже взгляда.— Ты — чужой».

«И вовсе нет,— возражал он.— Я жил в этом городе восемь лет, и люди читали в газете мою колонку. Что с того, что я не умел писать как Уинчелл, Пил или Дэн Уолкер? Я никогда не стремился ни к чему большему, чем место второразрядного фельетониста. Меня читали за завтраком, за кофе, и люди веселились при виде грязи, которую я разгребал.

Я Дейв Теннинг. Много лет, а может, столетий я просидел в небольшой уютной тюрьме с божественной библиотекой и кошкой по имени Шан. Не знаю, куда я теперь иду, но мне нужны хоть какие-нибудь зацепки. Например, дата».

В киоске лежали нормальные газеты, а еще — небольшие толстые кружки из пластика или лакированного картона. Теннинг остановился, чтобы посмотреть. Вот и дата...

Рыбы, 7, децем. И как это понимать?

— Газету, сэр? — спросил киоскер.— Бумажную или рото?

— Скажите, сегодня у нас какой день? — пробормотал Теннинг.

— Децем.

Он хотел задать еще один вопрос, но передумал; просто повернулся и ушел, ломая голову над тем, что может означать эта семерка. Седьмой год? Наверняка не от Рождества Христова. Тогда от чего же?

В таких вот мелочах будет труднее всего разобраться. Люди не меняются, а просто стареют, зато моды, приборы и всякие бытовые мелочи меняются быстро и порой до неузнаваемости. А он все еще не знал, какой сейчас год.

Ну и черт с ним. Он стоял на Гарднер-стрит и по крайней мере знал, как добраться до здания «Стар». Теннинг прыгнул в один из автоматических автобусов, когда тот

остановился. Ему захотелось курить. Впервые со времени бегства у него выдалась свободная минутка, но нервы его по-прежнему были напряжены.

Никто из пассажиров автобуса не курил. Он вспомнил, что до сих пор не видел ни одного курящего.

Здание «Стар» стояло на прежнем месте, большое, старое и, что самое удивительное, темное. С крыши исчезла неоновая надпись. Теннинг поднялся по ступеням и постучал в дверь. Она была закрыта, и он несколько минут нерешительно топтался перед ней.

Вот сейчас он по-настоящему боялся. Преследуемый лис прячется под землю, но если он застает свою нору заваленной, значит, его дело плохо. Теннинг машинально принялся рыться в карманах. Пусто...

Крепко сложенный мужчина, шагавший по улице, остановился и поднял голову, чтобы взглянуть на него. Из-под нависших бровей сверкнули глаза.

— Это здание закрывается в тилт,— сообщил он Теннингу.

Тот оглянулся на закрытую дверь.

— Во сколько?

— В тилт.

— Неужели?

— Это государственное учреждение,— сказал мужчина, пожимая плечами,— и открыто только в рабочее время. Нечего колотить в дверь. Во всяком случае не в фент утра.

Теннинг спустился по лестнице.

— Я думал, это здание «Стар».

— Нет,— сообщил ему уверенный, спокойный голос.— Уже нет. Но мы ждали тебя здесь.

Натянутые нервы Теннинга не выдержали. Он ударил мужчину в челюсть, затем дополнил первый удар еще несколькими. Он колотил наугад, охваченный паникой. Только громкие крики заставили его понять, что его противник лежит на земле, а к нему бегут какие-то люди.

Он знал здесь каждую улицу и переулок, поэтому легко ушел от погони. Это несколько утешило его. Преследователи были обычными прохожими. Будь то люди из Замка Иф, оторваться от них было бы куда труднее.

Итак, они идут по его следу. Отлично. Он мечтал о пистолете, мечтал о большой палке, утыканной шипами, или о ядовитом газе, мечтал о бомбах и огнеметах. Но больше всего он мечтал об укрытии.

Полагаться на знание города было опасно. Имелись отличия в деталях, и это могло подвести его. Также его могла погубить излишняя уверенность в себе. Например, переулок, по которому он шел, выглядел совершенно как знакомая ему Поплар-Уэй, но тротуар вполне мог вдруг взлететь вверх, унося его вместе с собой обратно в Иф.

Дойдя до Скид-роу, он не заметил, чтобы этот район сильно изменился. Зато изменились его жители. Он не знал никого из них. Возможно, в новой общественной системе на дно скатились совсем другие люди. Но сильно ли изменилась общественная система?

Наткнувшись на пивную в сквере, он вошел за барьер, обращая внимание на детали. Клиенты расплачивались за напитки какими-то жетонами. У столика, что стоял под деревцем в кадке, сидела одинокая девушка, в руке у нее был высокий бокал.

Они переглянулись. При виде приближающегося официанта Теннинг поспешно встал и вошел в телефонную будку. В ней обнаружилось несколько устройств неизвестного назначения, но телефонной книги не было. Выйдя из будки, он остановился, не зная, что делать дальше.

Наконец он подошел к девушке. Она тоже производила впечатление потерянной.

— Простите,— начал Теннинг,— можно подсесть к вам?

— Ничего... не сходится,— пробормотала она.— Никак не могу понять. Ты не тот человек, черт побери.

Она была изрядно пьяна, но держалась хорошо и красота ее от этого не страдала.

— Садись,— буркнула она наконец.— Тоже потерялся?

— Да. Потерялся и сломался. Мне нужно пять центов, чтобы позвонить.

Голубые глаза девушки расширились, и она неприятно рассмеялась. Потом подозвала официанта.

— Два виски.

Теннинг ждал. Напиток был неплох на вкус, но чего-то в нем не хватало.

— В чем дело? — спросил он.— Спасибо за выпивку, но вообще-то я хотел...

— Ты не можешь дозвониться в столь давние времена,— сказала она, и у Теннинга мурашки побежали по спине. Он стиснул стакан.

— Что вы хотите сказать? — осторожно спросил он.

— У меня тоже ничего не вышло. Я родилась не в то время. Некоторые люди просто не могут приспособиться. Мы с тобой из их числа. Меня зовут Мэри. А тебя?

— Дейв,— представился он, ожидая ее реакции, но ничего не дождался.

Значит, она не знала. Да и откуда бы ей знать? Не мог же весь мир следить за ним. Не весь мир был связан с Замком Иф. Кот, крадущийся по кирпичному полу, не был в телепатическом контакте с Шан и не передавал ей, где находится беглый узник.

— Почему ты не можешь позвонить? — спросил он.

— Не стоит устанавливать телефоны для людей вроде нас. Мы вымрем, Дейв. Мы не можем размножаться. Нас оставили в покое только потому, что мы не становимся на их пути. Но как только зацепился — конец. Остается только напиваться и думать об Энди. Ты знал Энди?

— Кого?..

Она рассмеялась.

— Он умер, а я нет. Или наоборот. Я никогда тебя здесь не видела.

— Меня не было... в городе. Довольно долго.

— Я бы никогда не решилась уехать.

— Телефон...

— Ты знаешь, как они теперь действуют? — спросила она.— И как их теперь называют?

Теннинг смотрел на часы, висящие высоко на стене, и не понимал цифр на циферблате. Собственно, это были не цифры, их заменили какими-то странными знаками.

— Села плюс,— сказала Мэри,— значит, у нас еще масса времени. Энди не придет. Я уже говорила тебе, что он умер?

Мелкие детали очень важны. Они создали собственные даты, собственные названия часов. Зачем? Возможно, чтобы посеять в людях чувство неуверенности. А может, потому, что определение времени было своего рода общим знаменателем и, меняя его, людей направляли на иной путь развития.

Внезапных перемен не бывает. Города, полные небоскребов, не вырастают за одну ночь, космические корабли не полетят ни с того ни с сего к другим планетам. И все потому, что люди изменяются медленнее, чем предметы. После возрождения приходят хаос и революция. Если у людей достаточно сил.

Тогда, в 1945 году, сил было с избытком.

Возникали сотни планов строительства нового мира, и у каждого были свои сторонники, зачастую фанатичные.

Тогда выбрали Гардинга, потому что он обещал *нормальность*. Люди устали после войны и хотели вновь заползти в лоно 1912 года. Они не желали новых экспериментов, которые могли бы еще больше усложнить жизнь.

Еще перед поражением Японии дорога в будущее была четко очерчена — сотни планов и сотни фанатиков. И мощное оружие. Выбор какого-то одного плана повлек бы за собой сопротивление и смертельную опасность для цивилизации, потому что к 1945 году развитие науки и техники позволило изобрести оружие слишком большой

разрушительной силы, чтобы его осмелился употребить кто-либо, кроме фанатиков.

Все сходились на одном — на платформе Гардинга. Довоенная безопасность, добрый старый образ жизни. В этом направлении было легко вести пропаганду — люди жаждали отдыха.

Вот они и отдыхали, а Утопия все не наступала. Однако появлялись определенные изменения.

Плавные линии не были обязательны для наземных машин, и от них отказались.

Спиртное опьяняло, однако не вызывало отравления.

Рыбы, 7, децем.

Села плюс.

Но официально — никаких перемен. Люди были довольны и чувствовали себя в безопасности, обретя, как казалось, старый, проверенный образ жизни. Кроме того, возможно, они бессознательно приспосабливались, и теперь им казалось естественным, что сегодня Рыбы, 7, децем.

Горстка же неприспособившихся, которые не могли принять психофоны...

Дейв был репортером и по профессиональной привычке разговорил Мэри. Для этого пришлось немного выпить и при этом так направлять разговор, чтобы не коснуться Энди, который умер, но много чего делал во времена, когда еще использовались телефоны.

— Люди теперь другие,— сказала Мэри.— Это так, словно... не знаю даже, как сказать. Чего-то они добиваются, но я не знаю чего. Помню когда-то в школе всем очень хотелось выиграть у команды «Тек-Хай». Мне это было безразлично, но всем другим — нет. Началось что-то вроде массовой истерии. Где-то глубоко в себе все работали на эту победу, а я никак не могла этого понять. Ну и что, если не выиграем? Что тогда?

— Ты — антиобщественный тип,— заметил Теннинг.

— Теперь тоже что-то висит в воздухе. Все опять трудятся ради победы над «Тек-Хай». Вот только не я и

не...— Она махнула рукой.— Людей вроде нас это даже не волнует.

— Когда-то я работал в редакции «Стар»,— сказал он.— Кстати, по-моему, они переехали, а?

— Конечно, как и все газеты. Их где-то издают, только никто не знает где.

— А ты... читала «Стар»?

— Я не хочу ничего читать.

— Я имел в виду этого фельетониста... Теннинга.

Она пожала плечами.

— Я знаю, о ком ты говоришь. Он теперь не работает в «Стар». Перешел на местную радиостанцию.

— На... радио?

— Ага. Теннинг сейчас популярен, Дейв. Все его слушают.

— И о чем он говорит?

— О сплетнях. О политике. Людям нравится...

«Итак, люди слушают этого чертова двойника, а он формирует общественное мнение. Формирует так, как того хотят важные персоны. Именно поэтому меня схватили в тысяча девятьсот сорок пятом. Я не занимал тогда высокого положения, но меня слушали. Я пользовался популярностью. Посадить на ключевые места нужных людей, которые будут проводить их план в действие...

Дублеры, двойники на определенных местах. Безболезненная психологическая процедура, сдобренная лакрицей пропаганда. И мир покатился вперед, оставляя позади настоящего Дейва Теннинга,— огромный шар, толкаемый тысячами двойников, менял курс и набирал скорость.

Ну ладно, может, сам план и хорош, но Дейв Теннинг слишком долго был узником...»

— У меня есть друзья... точнее, были,— сказал он.— Мэри, как мне связаться с человеком по имени Пелхэм?

— Не знаю.

— Ройс Пелхэм. Он издавал «Стар».

— Закажи еще выпить.

— Это очень важно.

Она встала.

— Хорошо, Дейв, я устрою это.

И она вошла в кабину психофона. Теннинг сидел и ждал.

Ночь была теплой, стакан, охлаждаемый по принципу индукции, приятно холодил руку. Пивная в трущобах, вонючая и не очень чистая, с засыхающими деревцами в кадках, казалось, растворялась в лунном сиянии.

«Добро пожаловать домой, Дейв Теннинг. Добро пожаловать снова в число живых. Нет духового оркестра, но и что с того? Духовой оркестр играет Дейву Теннингу Второму. Псевдочеловеку, творящему добро». Откуда-то доносились безумные, прыгающие ритмы мелодии, вызывающей ностальгическую грусть.

Вернулась Мэри, она была бледна.

— Я все думаю об Энди,— сказала она.— Какой он был, когда жил. Ему нравились эти психофоны, а я никак не могу привыкнуть.

А вправду ли после 1945 года люди хотели жить по-старому? А может, вступили в действие законы развития общества, назрели эволюционные перемены? Внешне все осталось по-прежнему, но ведь люди всегда любили окружать себя новыми предметами — если только они не были слишком новыми и не слишком назойливо указывали путь к Переменам. Прежде чем ребенок начнет бегать, он должен научиться ходить, пересиливать страх.

— Ну и что с Пелхэмом? — спросил Теннинг.

— Кариб-стрит, вела ти.

— Как... как туда добраться?

Она объяснила ему, но он так толком ничего и не понял. Мэри осушила свой стакан.

— Ладно, я провожу тебя. Покончим с этим и снова вернемся сюда.

Они сели в автобус — никто не требовал платы за проезд — и в конце концов добрались до уютного старомод-

ного домика на окраине. Мэри заявила, что подождет в баре на углу, где выпьет чанга. Нажимая кнопку звонка, Теннинг гадал, какого цвета этот чанг.

Дверь открыл сам Пелхэм. Он был теперь ниже, совершенно лысый и какой-то пыльный. Красное обвислое лицо вопросительно поднялось к Теннингу.

— Слушаю?

— Ройс? Ты узнаешь меня?

— Нет,— возразил Ройс Пелхэм.— А что, должен бы?

— Не знаю, как давно это было, но... Теннинг, Дейв Теннинг. «Стар». Тысяча девятьсот сорок пятый.

— Вы друг Теннинга? — спросил Пелхэм.

— Мне нужно с тобой поговорить. Я постараюсь объяснить...

— Пожалуйста, входите. Сегодня вечером я один в доме, дети ушли.

Они уселись в роскошной комнате, обставленной в основном старой мебелью, среди которой, впрочем, встречались и новые предметы, нарушающие гармонию, вроде сверкающего, двигающегося и звучащего кристалла на подставке. Пелхэм был вежлив, он сидел и слушал. Теннинг рассказал ему все, что пережил и узнал, не скрывая ничего.

— Но вы же не Теннинг,— сказал Пелхэм.

— Я ведь уже сказал, что он мой двойник.

— Вы даже не похожи на Теннинга.

— Я постарел.

— Вы никогда не были Теннингом,— отрезал Пелхэм и сделал какой-то странный жест.

Часть стены превратилась в зеркало. Теннинг повернулся и увидел человека, который не был Теннингом. Который даже не походил на Теннинга.

Это сделали в Замке Иф. У них там не было ни одного зеркала. Только Шан могла бы рассказать правду, но ей было все равно. Пять, десять, даже двадцать лет не

могли его так изменить, лицо было совершенно иным. Он стал старше, но он не был постаревшим Дейвом Теннингом. В Замке Иф постарел кто-то совершенно другой.

— Отпечатки пальцев,— прошептал Теннинг после долгой паузы и повторил это дважды, прежде чем голос его перестал дрожать.— Отпечатки, Ройс. Их не могли изменить.

Но потом он взглянул на свои ладони. Теннинг помнил, как должны выглядеть его отпечатки, но эти линии и спирали были какими-то необычными.

— Мне кажется...— начал Пелхэм.

— Неважно. Они ничего не упустили. Но мозг у меня по-прежнему мой. Я помню времена прежнего «Стар».

Он умолк — двойник тоже помнил бы их. Двойник был идеальной копией Дейва Теннинга образца 1945 года вместе с его воспоминаниями и всем прочим. ЕНОХ АРДЕН. ЧУЖОЙ И НАПУГАННЫЙ. В МИРЕ, КОТОРЫЙ Я ТАК НИКОГДА И НЕ СОЗДАЛ.

— Должен быть какой-то способ доказать, что...

— Я человек без предубеждений,— сказал Пелхэм,— но, поверьте, я знаю Теннинга много лет. В прошлый квестен мы встречались с ним за ленчем в Вашингтоне. Вы просто не вправе ожидать, что у вас получится то... что вы задумали.

— Может, и нет,— буркнул Теннинг.— Значит, в конце концов меня настигнут и вновь отправят в уютную маленькую комнатку черт знает где.

Пелхэм развел руками.

— Ну ладно,— закончил Теннинг.— Во всяком случае и на том спасибо. Я пойду.

И он вышел.

Когда Теннинг вошел в бар, Мэри пила у стойки свой апельсиновый чанг. Теннинг сел на стул рядом с ней.

— Как дела? — спросила она.

— Просто великолепно,— криво усмехнулся он.

— Есть какие-нибудь планы?

— Пока нет, но будут.

— Пошли со мной,— приказала она.— Теперь моя очередь, я хочу кое-что увидеть.

Они поехали на центральную площадь, которую он помнил, остановились у тротуара, напротив навеса над входом в отель, и некоторое время смотрели, как посреди теплой пророческой ночи в слабом ритме пульсирует новая жизнь.

Теннинг заметил, что люди стали какими-то другими. Это было нечто неуловимое. Они, конечно, постарели, но не так, как он. Даже не так, как Мэри. Они приспособились к замедленному темпу.

И при этом каждое лицо выражало затаенное ощущение безопасности. Не будет никаких революций, корни прочно вросли в старые предметы. А новые предметы появлялись постепенно, но неотвратимо.

— Пропади все пропадом,— буркнул Теннинг.

— Что?

Все было не так. Он легко сумел бы приспособиться к совершенно новому миру. Цивилизация, которая будет существовать через тысячу лет, была бы для него слишком новой, но это он смог бы принять. А здесь изменились только мелкие детали. Да еще способ мыслить.

Какой-то мужчина вышел из отеля и сел в машину, остановившуюся у тротуара. Это был совершенно обычный человек, но, когда машина отъехала, пальцы Мэри судорожно стиснули руку Теннинга.

— В чем дело?

— Это был Энди,— сказала она.

В первый момент он не понял, а потом подумал: «Выходит, умер не Энди, а Мэри. Точнее, перестала жить. Ей по-прежнему нужны телефоны, тогда как Энди начинал привыкать к психофонам».

Она тоже была жертвой.

— Вернемся в пивную,— предложил Теннинг.

— Охотно. Пошли.

Они отсутствовали недолго, но за их столиком уже кто-то сидел — мужчина с кустистыми бровями, кото-

рого Теннинг встретил у дверей «Стар». На его щеке виднелась пурпурная ссадина.

Теннинг похолодел, напрягся и огляделся по сторонам.

— Я один,— произнес мужчина.— Послушай, не начинай опять скандала. Я забыл дать тебе вот это.— Он хлопнул ладонью по кожаной папке, лежавшей на столе.

— Я обратно не вернусь! — рявкнул Теннинг и автоматически согнул ноги в коленях, одновременно закрывая собой Мэри.

— Конечно нет. Ты вышел на неделю раньше, чем следовало, но это не имеет особого значения. Удачи тебе.

Мужчина улыбнулся, встал и вышел, оставив Теннинга совершенно растерянным.

Мэри открыла папку.

— Это был твой друг?

— Н-нет.

— Наверняка друг, раз оставил это.

— А что там? — Теннинг продолжал смотреть на дверь.

— Платежные жетоны,— сказала девушка.— И много. Теперь ты можешь поставить мне выпивку.

Он схватил папку.

— Деньги? Неужели они... черт возьми! Теперь я смогу с ними бороться! Смогу рассказать всему миру правду. Ну, мы еще посмотрим...

Шан мурлыкала на коленях рыжеволосого мужчины.

— На сегодня Теннинг единственный, кто сбежал, Джерри,— сказал мужчина, осторожно поглаживая кошку.— И этого бы не случилось, не устрой мы тогда реконверсии. Впрочем, это все равно не имеет значения. Его должны были выпустить через неделю или около того. Если у тебя будет свободное время, можешь просмотреть его документы. Теннинг — интересный тип, из самых беспокойных.

— Для меня еще не все ясно,— сказал второй мужчина.— Я занимаюсь геополитикой, а не физикой. Эти двойники...

— Это дело техников, а ты специалист по администрированию и общественной психологии. Сейчас ты видишь все как бы с высоты птичьего полета — проходишь что-то вроде практики. Что же касается двойников... понятие дубля довольно интересная штука. Когда появляется Дубль, связь между ним и Оригиналом очень сильна. Именно поэтому мы и вынуждены держать Оригинал в заключении. Через некоторое время Дубль развивает свою личность настолько, что может жить независимо, и тогда Оригинал выпускают на свободу. Он уже никому не угрожает.

— А поначалу он опасен?

— О да. Особенно такой, как Теннинг. Он входит в группу риска. Творцом его не назовешь, но влияние у него есть. Понимаешь, творцы и техники были с нами с самого начала, они понимали, что это единственное безопасное решение. Однако Теннинг и ему подобные, люди средних способностей, но наделенные агрессивностью... Представь себе, сколько вреда мог он причинить в тысяча девятьсот сорок пятом, выплескивая в эфир свои эмоции. Недисциплинированные, недозрелые эмоции, то и дело меняющие направление. Это, разумеется, нормально — в тысяча девятьсот сорок пятом все меняли мировоззрение. Именно этому мы и должны были положить конец, пока не воцарился хаос. Теннинг — из нерешительных неудачников, но он был слишком популярен, чтобы так легко изменить свою точку зрения, чтобы решиться на конструктивное сотрудничество с нами. Договориться с людьми его типа не было никаких шансов. Мы даже не могли сказать им всю правду. Двойник Теннинга сделал много хорошего... под нашим контролем. Все наши ключевые люди хорошо проявили себя. Нам нужны такие, как Теннинг, чтобы направлять людей на нужный путь.

— Под нашим же контролем.— добавил Джерри.

Рыжеволосый мужчина рассмеялся.

— Мы не надзиратели, не позволяй этой мысли зародиться в твоей душе, Джерри. Люди с диктаторскими

замашками подвергаются вторичной адаптации... причем довольно быстро. Ответ заключается в том, что в данной системе мы никогда не сможем стать надзирателями, даже если бы захотели. Перемены происходят слишком медленно.

Разумеется, в этом и заключалась наша концепция, а сама медлительность процесса способствует надежному функционированию системы взаимного контроля и равновесия, которая влияет и на наше поведение. Если кто-то из нас проявит вдруг диктаторские замашки, ему придется менять всю общественную систему. А люди не примут такой резкой перемены, им перемен хватило по горло. Воцарится хаос, и оставшийся в одиночестве диктатор не будет иметь ни малейшего шанса. Слишком много противников... Все наши усилия — не забывай об этом, Джерри,— направлены на изменение мировоззрения. Работы хватит на всех.

— А что делать с Теннингом? Не опасно ли оставлять его на свободе?

— Никакой опасности нет. Меллорн дал ему достаточно платежных жетонов, чтобы он прожил переходный период и приспособился... если сумеет.

— Тяжело ему в чужом мире, правда?

— Ну, не такой уж этот мир и чужой. Привыкнет. То есть либо привыкнет, либо нет. Этого я не берусь предсказывать. Некоторые просто не могут приспособиться. Способность изменяться вместе с окружением требует определенной эластичности и уверенности в себе. Люди вроде Теннинга... сам не знаю. Это забавно, Джерри, но теперь появился новый класс, скатывающийся на самое дно общественной системы. Люди, которые не могут или не хотят принимать новые вещи. Разумеется, это случается после любого общественного потрясения, но на сей раз мы получили новую группу неприспособленных. Но пользы, разумеется, все равно больше, чем вреда. Мне жаль этих неприспособившихся, но мы ничего не можем для них сделать. Не знаю, что будет с Теннингом. Мы

будем следить за ним и поможем, если это будет в наших силах. Однако у этих людей со средними способностями и тягой к заискиванию перед общественным мнением есть одно слабое место. Надеюсь, он справится. Очень надеюсь.

— Не понимаю, Дейв,— сказала Мэри,— с кем ты хочешь бороться?

Он яростно стиснул кожаную папку.

— С теми, кто состряпал психофоны и ввел эту чертову систему с Рыбами, семь, децем. Со всем этим бардаком. Уж ты-то должна понимать.

— Но чего ты хочешь? — спросила она.— За что, по-твоему, ты борешься?

Он взглянул на нее, переполненный ненавистью.

— Я буду бороться,— пообещал он.— Я... я это остановлю.

Теннинг повернулся и вышел. Официант остановился у столика Мэри.

— Виски со льдом,— заказала она.

— Одно? — Он вопросительно посмотрел вслед Теннингу.

— Да, одно.

— Он уже не вернется?

Девушка помолчала, прислушиваясь к тихой музыке, доносящейся из-за спины.

— Сегодня уже нет,— сказала она наконец.— А вообще — вернется. Ему там не место. Его там не ждут. Конечно, он вернется... Когда-нибудь.

БОЛЬШАЯ НОЧЬ

/1/

Он тяжело сошел с плоскости эклиптики, словно какой-нибудь неуклюжий космический зверь, дюзы реактивных двигателей покорежены и испятнаны, центральная часть оплавлена — это оставила глубокий шрам перенасыщенная влагой атмосфера Венеры,— все сварные швы массивного корпуса угрожают разойтись при малейшей перегрузке.

Капитан пил в своей каюте, жалуясь на черствость и хамство Межпланетной торговой комиссии, и его пьяный плаксивый голос отдавался эхом во всех отсеках корабля.

Экипаж состоял из уроженцев дюжины миров, причем половину из них опоили и обманом заманили на корабль. Логгер Хилтон, первый помощник, пытался разобраться в потрепанных путевых картах, и «Кукарача», скрежеща двигателями, словно одержимая мыслью о самоубийстве, мчалась сквозь пространство, все глубже погружаясь в Большую Ночь.

В машинном зале замигала сигнальная лампочка. Хилтон схватил микрофон.

© Перевод Б. Жужунавы.

— Ремонтная команда! — завопил он.— Хватит прохлаждаться! Проверьте двигатель А-6. Шевелитесь!

Он развернулся в кресле, покусывая нижнюю губу и глядя на пилота, крошечного паукообразного селенита со множеством конечностей и обманчиво хрупким телом. Тс'сс — так, или примерно так, его звали — носил неудобную маску, которая трансформировала издаваемые им инфразвуки в слышимую для человеческого уха речь. В отличие от Хилтона, на нем не было космического скафандра — селениты не нуждались в защите от глубокого космоса. За миллионы лет жизни на Луне они приспособились к безвоздушному пространству. Наличие на корабле атмосферы также ничуть не мешало Тс'сс.

— Чтоб тебя, нельзя ли полегче! — рявкнул Хилтон.— Хочешь, чтобы с нас содрало шкуру?

Взгляд фасеточных глаз селенита замерцал сквозь прорези маски.

— Нет, сэр. Я иду на минимальной скорости, которую позволяют двигатели. Как только вы сообщите мне формулу перехода, станет легче.

— К черту двигатели!

— Чтобы переключиться в режим перехода, требуется ускорение, сэр.

— Плевать,— ответил Хилтон.— Я вроде как разобрался. Похоже, кто-то давил мух на этих картах. Здесь все измазано.

Он продиктовал несколько уравнений, и память Тс'сс тут же намертво запечатлела их.

Издалека донеслось унылое завывание.

— Надо думать, это капитан,— заметил Хилтон.— Вернусь через минуту. Входи в гиперпространство как можно быстрее, или мы сложимся гармошкой.

— Есть, сэр. Минуточку... мистер Хилтон!

— Ну?

— Проверьте огнетушитель в каюте кэпа.

— Зачем? — спросил Хилтон.

Селенит разыграл небольшую пантомиму, изобразив своими гибкими конечностями состояние опьянения. Хилтон состроил гримасу, поднялся и, борясь с перегрузкой, спустился по трапу. Бросив взгляд на видеоэкраны, он с облегчением отметил, что они уже миновали Юпитер. Преодоление поля тяготения планеты-гиганта — подлинное испытание для измученных костей «Кукарачи». Однако теперь они благополучно оставили его позади. Благополучно! Первый помощник криво усмехнулся, открыл дверь капитанской каюты и вошел.

Капитан Сэм Денверс стоял на койке и произносил речь, обращаясь к воображаемой Межпланетной торговой комиссии. Капитан был крупный мужчина, вернее, когда-то он был таковым, но теперь мышцы заметно усохли, плечи ссутулились. Изборожденное морщинами лицо за долгие годы почернело от космического загара. Коротко остриженные седые волосы Денверса сердито топорщились.

Тем не менее между ним и Логгером Хилтоном, несомненно, чувствовалось нечто общее. Оба много лет ходили в глубокий космос. Хилтон был на тридцать лет моложе, но у него был такой же темный загар и то же выражение голубых глаз. Существует старая поговорка, что стоит углубиться в Большую Ночь, за орбиту Плутона, и безбрежная пустота проникнет в тебя, станет глядеть твоими глазами. К Хилтону это относилось в полной мере, как и к капитану Денверсу. А в остальном... Хилтон — в противовес потрепанному годами Денверсу — отличался могучим телосложением, белый китель с трудом сходился на его широкой груди. У первого помощника не было времени сменить парадную форму на повседневную, хотя он знал, что даже на этой синтетической материи видна будет вся грязь, которой одежда пропитается за время космического перелета. По крайней мере, на «Кукараче».

Ладно, это все равно его последнее путешествие на старой лоханке.

Капитан Денверс прервал свою речь, чтобы спросить Хилтона, какого дьявола ему тут нужно. Первый помощник отсалютовал.

— Обычная проверка, сэр,— ответил он и снял со стены огнетушитель.

Денверс спрыгнул с койки, но где ему было угнаться за своим помощником. Прежде чем капитан добрался до него, Хилтон выпустил содержимое резервуара в ближайшее вентиляционное отверстие.

— Смесь выдохлась,— объяснил он.— Я заново наполню огнетушитель.

— Послушай-ка, мистер Хилтон,— слегка покачиваясь, сказал Денверс, тыча длинным пальцем в нос помощника.— Если ты думаешь, что там было спиртное, ты сошел с ума.

— Конечно. Я же деревенщина, а деревенские все придурки. Как насчет кофе, капитан?

Денверс махнул рукой в сторону окна доставки и мутным взглядом посмотрел себе под ноги.

— Кофе. Ха! Послушай, какого черта ты тащишь «Кукарачу» через гиперпространство? Тебе нужно подать в отставку.

— Конечно, конечно. Но через гиперпространство мы быстрее доберемся до Фриа, где у вас назначена встреча с агентом.

— С Кристи? Ну да... да...— Денверс рухнул на койку и обхватил руками голову.— Полагаю, я просто сошел с ума, Логгер. МТК... что они понимают? В конце концов, это мы открывали торговый пункт на Сириусе-30.

— Послушайте, капитан, когда вы явились на борт, вы были так пьяны, что не сочли возможным поделиться со мной подробностями,— сказал Хилтон.— Просто заявили, что мы меняем курс и идем на Фриа. С какой стати?

— Межпланетная торговая комиссия,— проворчал Денверс.— Они проверили «Кукарачу».

— Ну да. Обычная проверка.

— Ага, у этих жирных слюнтяев хватило наглости заявить, что мой корабль ненадежен! Что гравитация Сириуса слишком сильна... и что мы не можем лететь на Сириус-30!

— Возможно, они правы,— задумчиво произнес Хилтон.— Посадка на Венеру далась нам нелегко.

— Да, корабль старый.— В голосе Денверса зазвучали оборонительные нотки.— Ну и что с того? Я провел «Кукарачу» вокруг Бетельгейзе, это намного ближе к Сириусу, чем наш маршрут к Сириусу-30. Старушку не переделаешь. В те дни строили атомные двигатели.

— А сейчас их не строят,— сказал Хилтон.

Лицо капитана побагровело.

— Транспортировка материи,— проворчал он.— Что за безумный проект? Ты заходишь в маленькую кабинку на Земле, нажимаешь кнопку, и вот ты уже на Венере, или на Бар-Канопусе, или в Чистилище, если угодно! Я летал на гиперкораблях, когда мне было тринадцать, Логгер. Я вырос на гиперкораблях. Они надежные. Они прочные. Они доставят тебя, куда пожелаешь. Черт побери! Летать в космосе вообще небезопасно. Здесь нет атмосферы, и никакой скафандр не спасет.

— Кстати,— заметил Хилтон,— а где ваш?

— Ох, здесь слишком жарко, а рефрижератор в скафандре что-то забарахлил.

Первый помощник нашел в шкафу облегченный скафандр и принялся умело чинить сломанный переключатель.

— Шлем не обязательно держать закрытым, но скафандр лучше надеть,— рассеянно сказал он.— Я отдал такое распоряжение всему экипажу. Кроме Тс'сс, разумеется, он в защите не нуждается.

Денверс поднял взгляд.

— Как проходит полет? — быстро спросил он.

— Ну, кораблю требуется капитальный ремонт,— ответил Хилтон.— Я хочу побыстрее уйти в гиперпространство. Полет в обычном пространстве — слишком большая нагрузка для «Кукарачи». Приземления я тоже опасаюсь.

— Уф! Ладно, капитальный ремонт будет, когда вернемся... Если, конечно, подзаработаем. Скажу тебе вот что: делай свое дело и получишь большой куш.

Пальцы Хилтона, возившегося с переключателем, задвигались медленнее, но он не обернулся.

— Прошу прощения, капитан, но, когда этот полет закончится, меня здесь уже не будет.

За спиной у него все стихло. Хилтон состроил гримасу и снова занялся скафандром.

Потом Денверс сказал:

— В наши дни мало гиперкораблей, где нужны помощники капитана.

— Знаю. Но я получил инженерное образование. Может, найду место в транспортировочной конторе. Или стану поселенцем... торговцем.

— Ох, святой Петр! Логгер, о чем ты толкуешь? Торговцем? Грязным поселенцем? Ты же человек гиперпространства!

— Через двадцать лет ни одного гиперкорабля не останется,— ответил Хилтон.

— А вот и нет. Один наверняка будет.

— Да он через пару месяцев развалится! — сердито воскликнул Хилтон.— Не собираюсь спорить. Зачем мы летим на Фриа? За грибами?

После паузы Денверс ответил:

— А что еще есть на Фриа? Конечно за грибами. Сейчас, правда, не совсем сезон. Мы прилетим за три земных недели до его начала, но у Кристи всегда есть запасец. И тогда сеть крупных отелей заплатит нам приличную цену. Чтоб мне провалиться, если я понимаю, почему люди едят эту гадость, но они платят двадцать баксов за порцию.

— В таком случае и впрямь заработать можно,— сказал Хилтон.— При условии, что мы приземлимся на Фриа, не развалившись на части.— Он бросил починенный скафандр на койку рядом с Денверсом.— Вот, капитан. А мне лучше вернуться на мостик. Мы вот-вот войдем в гиперпространство.

Денверс наклонился, нажал кнопку, открывающую шторки иллюминатора, и посмотрел на усыпанную звездами черноту.

— Такого у транспортировщиков не увидишь,— медленно произнес он.— Смотри, Логгер.

Хилтон наклонился, заглядывая через плечо капитана. Пустота сверкала. С одной стороны ослепительным холодом сиял изогнутый край титанической громады Юпитера. В поле зрения двигались несколько лун, парила парочка астероидов, поймавших разреженной атмосферой свет Юпитера и сияющих, словно затянутые дымкой миниатюрные миры. А все пространство между сверкающими звездами, лунами и планетами и за ними заполняла Большая Ночь, черная пустота, которая, словно океан, омывала Солнечную систему.

— Очень мило,— сказал Хилтон.— Но холодно.

— Возможно. Однако мне это по душе. Ну и займись торговлей, болван. Лично я сросся с «Кукарачей». И знаю, что могу доверять старушке.

Словно в ответ на его слова, «старушка» резво подпрыгнула и неуклюже накренилась.

/2/

Хилтон пулей выскочил из каюты. Корабль встал на дыбы. Помощник капитана услышал, как Денверс за его спиной кричит что-то о некомпетентности пилотов, но знал, что, скорее всего, селенит не виноват. Когда Хилтон добрался до машинного зала «Кукарачи», корабль все еще содрогался, заканчивая последний прыжок. Тс'сс

двигался так быстро, что походил на маленький торнадо, его суставчатые ноги яростно скребли по пульту управления, одновременно нажимая дюжину кнопок, дергая рычаги и переключатели.

— Я свяжусь с парнями! — рявкнул Хилтон, и Тс'сс сосредоточился на невероятно сложной задаче ввода корабля в гиперпространство.

Первый помощник уселся за вспомогательный пульт и торопливо защелкал тумблерами.

— Всем постам! — закричал он.— Задраить шлемы! Не забудьте пристегнуться, вы, космические крысы! Мы входим! Поехали!

Стрелка дико металась по шкале вокруг нужной отметки. Хилтон рухнул в кресло, просунул руки под гнутые скобы и зацепился за них локтями, потом аналогичным образом закрепил и ноги. Видеоэкраны затуманились и замерцали разными цветами, которые то вспыхивали, то гасли — это «Кукарача» моталась туда-сюда между обычным и гиперпространством.

Хилтон схватил другой микрофон.

— Капитан Денверс! Все в порядке?

— Да, я надел скафандр,— ответил Денверс.— Справишься без меня? Что там у Тс'сс не ладится?

— Вокодер у меня на пульте не работает, кэп,— сказал селенит,— а до вспомогательного не дотянуться.

— Нам позарез нужен капитальный ремонт,— ответил Денверс и отключился.

Хилтон усмехнулся.

— Нас нужно разобрать по винтикам и собрать заново,— пробормотал он, держа руки на рычагах управления на случай, если Тс'сс ошибется.

Однако селенит, словно точный прибор, никогда не ошибался. Старушка «Кукарача» неистово сотрясалась. Атомные двигатели выбрасывали огромное количество энергии в зазор между измерениями. Внезапно на какой-то миг колебания прекратились. В этот крошечный про-

межуток времени корабль проскользнул по силовому мосту и... исчез. В трехмерном пространстве его больше не существовало. Будь там наблюдатель, он увидел бы, что корабль вдруг взял и растворился. Для наблюдателя же в гиперпространстве он, напротив, так же неожиданно возник из ниоткуда.

Вот только никаких наблюдателей в гиперпространстве нет. Фактически в гиперпространстве нет ничего — оно, как утверждают ученые, представляет собой некое вещество, хотя никто не знает, какое именно. Удалось исследовать отдельные свойства гиперпространства, но не более того. Внутри его белым-бело и явно существует какая-то энергия. Ее течение, словно невообразимо мощный поток, несет на себе корабли со скоростью, которая в обычном пространстве привела бы к гибели экипажа. Сейчас, подхваченная гипертечением, «Кукарача» стремительно мчалась в Большую Ночь и должна была проскочить мимо орбиты Плутона за считанные секунды.

Однако увидеть Плутон из гиперпространства не удастся. Здесь приходится действовать вслепую, полагаясь лишь на приборы. И если нажмешь не на ту кнопку... В общем, это может закончиться очень скверно.

Хилтон торопливо проверил показания приборов. Это было гипертечение С-75-8-R. На разных пространственных уровнях гиперпоток тек в разных направлениях. На обратном пути они изменят свою атомную структуру и выйдут на уровень гипера М-75-L, который понесет их от Фриа к Земле и дальше.

— Порядок.— Хилтон расслабился и потянулся за сигаретой.— Никаких тебе метеоров, никаких проблем с перегрузками — просто скользим, пока не доберемся до Фриа. Потом выскочим из гипера и, скорее всего, развалимся на части.

В динамиках интеркома раздался шорох помех, потом голос:

— Мистер Хилтон, у нас проблема.

— Слышу тебя, Виггинс. Что на этот раз?

— Один из новеньких. Он занимался ремонтом на корпусе.

— У вас было достаточно времени, чтобы все успели вернуться внутрь! — рявкнул Хилтон, хотя в глубине души вовсе не был в этом уверен.— Я же предупредил всех.

— Да, сэр. Но этот парень новичок. Похоже, он никогда прежде не летал на гиперкораблях. Как бы то ни было, он сломал ногу. Сейчас он в лазарете.

Хилтон задумался. Людей на «Кукараче» не хватало. Хорошие специалисты по доброй воле не шли на такую развалюху.

— Сейчас спущусь,— сказал Хилтон и кивнул Тс'сс.

Спустившись по трапу, он заглянул к капитану — тот, как выяснилось, спал. Хилтон передвигался, хватаясь за поручни и подтягиваясь, поскольку в гиперпространстве отсутствует инерционная сила тяготения. В лазарете он обнаружил врача-хирурга, по совместительству исполняющего на корабле также обязанности кока. Врач заканчивал накладывать шину на ногу бледного, обливающегося холодным потом молодого человека, который то негромко ругался, то стонал.

— Ну, что с ним? — спросил Хилтон.

Врач — его звали Бруно — небрежно отсалютовал.

— Просто перелом. Я наложу шину, и он сможет передвигаться. Хотя я вколол ему наркотик, так что толку от него в ближайшее время будет немного.

— Похоже на то,— сказал Хилтон, изучая пациента.

Парень открыл глаза и сердито уставился на Хилтона.

— Меня напоили! — завопил он.— Я подам на вас в суд! Вы за это дорого заплатите!

Помощник капитана остался невозмутим.

— Я не капитан, я первый помощник,— сказал он.— И могу заверить тебя, что отсуживать у нас почти нечего. Слышал, есть такое слово — дисциплина?

— Меня напоили!

— Знаю. Для нас это единственный способ завербовать людей на «Кукарачу». Я упомянул про дисциплину. Возможно, тут у нас с этим не очень. Тем не менее на людях тебе лучше называть меня «мистер». А теперь закрой пасть и успокойся. Дай ему успокоительного, Бруно.

— Нет! Я хочу послать сообщение!

— Мы в гипере. Это невозможно. Как тебя звать?

— Саксон. Лютер Саксон. Я — инженер-консультант, работаю в нуль-транспортировке.

— А, ты у нас, значит, транспортировщик... И какого черта тебя понесло в космические доки?

Саксон сглотнул.

— Ну... уф... я вышел с техниками, чтобы проследить за работой новых установок. Мы заканчивали станцию нуль-транспортировки на Венере. Я отлучился ненадолго, только пропустить стаканчик — и все! И выпил-то совсем немного...

— Ты зашел не в то заведение.— Хилтона забавляла эта история.— Наш агент подсыпал тебе снотворное. В контракте твоя подпись, поэтому сиди и не рыпайся, если только не собираешься спрыгнуть с корабля. Сообщение можно будет послать с Фриа, но оно доберется до Венеры или Земли через тысячу лет. Лучше держись нас, тогда хоть вернуться сможешь.

— На этом корыте? Это же означает рисковать жизнью! Корабль такой старый, что тут вдохнуть полной грудью — и то страшно.

— Ну, значит, не дыши,— отрывисто бросил Хилтон.

«Кукарача», конечно, старая бродяжка, но он отлетал на ней немало лет. Впрочем, чего еще можно ожидать от нуль-транспортировщика? Они всегда избегают малейшего риска.

— Ты когда-нибудь летал раньше на гиперкораблях? — спросил Хилтон.

— Естественно,— ответил Саксон.— В качестве пассажира! Как же иначе можно попасть на планету, чтобы смонтировать там транспортировочную станцию?

— Ну-ну...— Хилтон разглядывал хмурое лицо на подушке.— А теперь ты не пассажир.

— У меня нога сломана.

— Ты получил степень инженера?

После недолгого колебания Саксон кивнул.

— Порядок, будешь помощником пилота. Ходить тебе почти не придется. Пилот объяснит тебе, что делать. По крайней мере, отработаешь кормежку.

Саксон выразил свой протест, смачно сплюнув.

— И еще кое-что,— добавил Хилтон.— Лучше не говори капитану, что ты нуль-транспортировщик. Он повесит тебя на любой из дюз по своему выбору. Отошлешь его, Бруно, когда он придет в себя.

— Да, сэр,— со скрытой усмешкой ответил врач.

Старый космический волк, он тоже недолюбливал транспортировщиков.

Хилтон потащился обратно в машинный зал, сел и уставился на абсолютно белые видеоэкраны.

Большинство многочисленных конечностей Тс'сс бездействовало. Сейчас пилот работал в нормальном режиме.

— У тебя теперь есть помощник,— сообщил Хилтон.— Натаскай его побыстрее, тогда у нас будет возможность передохнуть. Если бы этот олух с Каллисто не остался на Венере, у нас был бы полный комплект.

— Перелет будет коротким,— ответил Тс'сс.— Мы идем с быстрым гиперпотоком.

— Ага. Этот парень — новичок. Не говори капитану, но он из транспортировщиков.

Тс'сс засмеялся.

— Это тоже пройдет. Мы — древняя раса, мистер Хилтон. Земляне — дети по сравнению с селенитами. Ги-

перкорабли исчезают, и нуль-транспортировка в конце концов исчезнет тоже, потому что на смену ей придет что-нибудь новое.

— Мы не исчезнем,— возразил Хилтон и сам удивился, обнаружив, что защищает философию капитана.— Ваш народ не исчез... селениты, я имею в виду.

— Некоторые из нас остались, это правда,— мягко сказал Тс'сс.— Немногие. Великая эпоха Империи селенитов ушла в далекое прошлое. Но кое-кто из нашего рода еще жив — как я, например.

— Вы продолжаете уходить, верно? Не боитесь, что ваша раса перестанет существовать?

— Это не так просто. Все не могут исчезнуть одновременно. Но, в конечном счете, так, вероятно, и случится. И традицию тоже можно уничтожить, хотя это займет гораздо больше времени. Но все знают, что конец неизбежен.

— Ох, заткнись,— сказал Хилтон.— Ты слишком много болтаешь.

Тс'сс склонился над пультом. «Кукарача» плыла в белом гиперпотоке — очень плавно, словно в тот день, когда впервые оторвалась от земли.

Однако когда они доберутся до Фриа, их ожидает суровый космос и большая гравитация. Хилтон недовольно одернул себя: «Ну и что? Это просто еще один полет. Судьба Вселенной от него не зависит. От него, в общем-то, ничего не зависит. Разве что, если удастся подзаработать, можно будет подремонтировать старушку... Впрочем, для меня и это не имеет значения, поскольку это мой последний полет в Большую Ночь».

Он посмотрел на экраны. Они были пусты, но Хилтон знал, что́ находится за этой всепоглощающей белизной, в пространстве, недоступном его зрению: маленькие искорки планет и солнц, мерцающие в необъятном космосе, однако не освещающие его. Пустота слишком неизмерима, слишком неумолима. Даже гигантские солнца

когда-нибудь утонут в ее океане и погаснут. И все остальное тоже погаснет — все, что движется с потоками времени в этой бескрайней тьме.

В этом и состоит прогресс. Волна рождается, вздымается, растет — и разбивается. На смену ей приходит новая, а старая сливается с океаном и исчезает навсегда. Остаются пенные пузыри вроде Тс'сс — остатки гигантской волны, какой была когда-то древняя Империя селенитов.

Их Империя исчезла. В свое время она яростно сражалась и правила сотней миров, но в итоге Большая Ночь покорила и поглотила ее.

Как рано или поздно поглотит и последний гиперкорабль.

Они грохнулись на Фриа спустя шесть дней по земному времени. «Грохнулись» — самое подходящее слово. От удара у Тс'сс оторвало одну из покрытых хитином рук — что его, похоже, ничуть не взволновало. Селенит не чувствовал боли и мог за несколько недель отрастить новую конечность. Остальные члены экипажа, пристегнутые ремнями безопасности, отделались синяками.

Лютер Саксон, нуль-транспортировщик, который сидел в кресле второго пилота — инженерное образование помогло ему быстро усвоить новую науку,— заработал синюю шишку на лбу, и только. «Кукарача» вышла из гиперпространства с толчком, от которого вся ее грузная старая туша затрещала по швам, а атмосфера и гравитация Фриа стали последней каплей. Швы разошлись, одна из дюз отвалилась, и новые шрамы прочертили добела раскалившийся корпус.

Экипаж рвался «на берег», но на отдых не было времени. Хилтон сформировал рабочие бригады, сменяющие друг друга каждые шесть часов, и, как бы между прочим, сказал, что всякие вылазки в поселок Ласковый Свет запрещены. Он знал, что экипаж проигнорирует

этот приказ. Невозможно удержать людей на борту, пока в близлежащем населенном пункте продают спиртное и даже кое-что более эффективное. Однако на Фриа было мало женщин, и Хилтон надеялся, что работнички не все разбегутся, «Кукарачу» отремонтируют и подготовят к выходу в космос до того, как закончится погрузка грибов.

Он знал, что Виггинс, второй помощник, сделает все возможное. Сам Хилтон вместе с капитаном отправился на поиски Кристи, местного торговца. Путь пролегал через Ласковый Свет, поселок, защищенный куполом от горячего, ослепительного ярко сияющего здешнего солнца. Поселок был невелик, но ведь и на всей Фриа жило несколько сот человек. Люди прилетали и улетали с кораблями в соответствии с сезонами сбора урожая. «Если понадобится,— думал Хилтон,— можно будет напоить и завербовать кого-нибудь из этих бездельников. Хотя вряд ли кто-то из экипажа вздумает сбежать. Ведь им не видать своих денежек до возвращения в Солнечную систему».

Они нашли Кристи в его хижине из пластикоида — толстый, лысый, потный, он сидел и пускал клубы дыма из большой пенковой трубки. Торговец взглянул на них с некоторым испугом, но тут же смирился с визитом гостей и откинулся в кресле, взмахом руки предложив им сесть.

— Привет, Крис,— сказал Денверс.— Что новенького?

— Привет, капитан. Привет, Логгер. Хорошо долетели?

— Посадка вышла не очень мягкой,— ответил Хилтон.

— Да, слышал, слышал... Выпьете?

— Потом,— сказал Денверс, хотя глаза у него алчно загорелись.— Давай сначала покончим с делом. Груз готов?

Кристи погладил толстую лоснящуюся щеку.

— Ну... вы прилетели на пару недель раньше.

— У тебя же есть запас!

Торговец проворчал:

— Дело в том... послушайте, вы что, не получили моего сообщения? Нет, конечно, вы улетели раньше. Я послал его для тебя на «Голубые небеса» на прошлой неделе, капитан.

Хилтон и Денверс переглянулись.

— Похоже, у тебя для нас плохие новости, а, Крис? — спросил Хилтон.— В чем дело?

Кристи, явно испытывая неловкость, ответил:

— Ничего не могу поделать. Вы не конкуренты для нуль-транспортировки. Они побили вас ценой. Полеты на «Кукараче» обходятся слишком дорого, одно топливо чего стоит. А транспортировщики монтируют свою станцию, платят за нее — и дело в шляпе. Остаются лишь расходы на энергию. Атомную, заметьте, а это сущие пустяки.

Лицо Денверса начало наливаться краской.

— Транспортировщики монтируют здесь станцию? — быстро спросил Хилтон.

— Ага. И я не могу помешать им. Будет готова через пару месяцев.

— Но зачем? Грибы того не стоят. Рынок не так уж велик. Ты блефуешь, Крис. Чего ты хочешь? Поднимаешь цену?

Кристи уставился на свою трубку.

— Нет. Помнишь, двенадцать лет назад здесь проверяли качество руды? На Фриа очень ценная руда, Логгер. Только ее нужно как следует обогатить, а иначе пришлось бы возить слишком много лишнего. Поэтому ее и не вывозят отсюда на кораблях. Ну, еще и потому, что требуется специальное оборудование, оно тоже стоит немало. В общем, серьезная волынка.

Хилтон бросил взгляд на Денверса. Тот побагровел, но сидел с плотно сжатым ртом.

— Но... постой, Крис. А что транспортировщики-то с ней будут делать? Посылать необработанную руду на Землю через свои кабины?

— Я слышал, они собираются доставить сюда обогатительные агрегаты и запустить их прямо на Фриа. Для этого достаточно одного передатчика. Знаешь, транспортировочное поле можно расширить, и оно доставит практически все, что угодно. Черт, да таким образом можно перебросить целую планету, лишь бы хватило мощности! Они будут обогащать руду здесь и пересылать ее на Землю.

— Значит, им нужна руда,— негромко сказал Денверс.— Грибы им не нужны, я так понимаю?

Кристи покачал головой.

— Похоже, как раз наоборот. Они сделали мне предложение. Очень серьезное. Я не могу отказаться, и вы не в силах перебить цену, капитан. Ты не хуже меня это понимаешь. Тринадцать баксов за фунт.

Денверс фыркнул, Хилтон присвистнул.

— Нет, нам точно не потянуть,— сказал он.— Но откуда у них такие деньги?

— Все дело в количестве. Они перебрасывают все через свои станции. Устанавливают по одному передатчику на планете, и дверь открывается прямо на Землю — или любое другое место, которое они укажут. Одна переброска много прибыли не принесет, но миллион... и они получают все, что захотят! Ну что я могу поделать, Логгер?

Хилтон пожал плечами. Капитан резко встал.

Кристи сказал, не сводя взгляда со своей трубки:

— Послушай, капитан, почему бы вам не попытать счастья на Орионе-два? Я слышал, там небывалый урожай смолы голубого дерева.

— Я слышал это месяц назад,— ответил Денверс.— Это много кто слышал. Так что сейчас там уже все вычистили. Кроме того, старушка не выдержит такого пе-

релета. По возвращении в Систему нужно срочно ее отремонтировать, и капитально.

Последовала пауза. Кристи истекал потом, как никогда.

— Как насчет выпить? — предложил он.— Может, чего и надумаем.

— Я пока еще в состоянии сам платить за выпивку,— взорвался Денверс, повернулся и вышел.

— Черт, Логгер! — крикнул вслед Кристи.— Что я могу поделать?

— Это не твоя вина, Крис,— ответил Хилтон.— Увидимся позже, если не... Ладно, лучше я догоню капитана. Похоже, он отправился в Ласковый Свет.

Он последовал за Денверсом с таким ощущением, что все потеряно.

/3/

Два дня спустя капитан все еще был пьян.

В Ласковом Свете царил полумрак. Хилтон вошел в огромный прохладный ангар, где огромные вентиляторы гоняли горячий воздух, и, как обычно, нашел Денверса за дальним столиком, со стаканом в руке. Капитан разговаривал с крошечным канопианцем, представителем деградировавшей расы, чей интеллект был ненамного выше, чем у слабоумных людей. Канопианец был словно покрыт с ног до головы черным плюшем, на плюшевом же лице испуганно мерцали красные глазки. Перед ним тоже стоял стакан.

Хилтон подошел к парочке и окликнул капитана.

— Отвали,— рявкнул Денверс.— Не видишь — я разговариваю.

Хилтон в упор посмотрел на канопианца и резко ткнул в него пальцем. Красноглазая тень подхватила свой стакан и быстро смылась. Хилтон сел.

— Мы готовы к старту,— сказал он.

Денверс посмотрел на него затуманенным взором.

— Ты мешаешь мне, мистер. Я занят.

— Купите ящик и продолжайте пьянствовать на борту,— сказал Хилтон.— Если мы не взлетим в ближайшее время, экипаж разбежится.

— Ну и пусть.

— Ладно. Тогда кто поведет «Кукарачу» на Землю?

— Если мы сейчас полетим на Землю, старушка доберется до нее, превратившись в груду хлама,— сердито бросил Денверс.— МТК не даст разрешения на новый полет без капитального ремонта.

— Вы можете занять денег.

— Ха!

В раздражении Хилтон шумно выдохнул.

— Вы достаточно протрезвели, чтобы воспринимать мои слова? Тогда слушайте. Я тут поговорил с Саксоном.

— Кто такой Саксон?

— Тот молодчик, которого мы напоили и обманом завербовали на Венере. Ну... инженер из нуль-транспортировщиков,— быстро заговорил Хилтон, не давая капитану вставить ни слова.— Это была ошибка. Ошибка вербовщиков и наша. Транспортировщики стоят за своих людей. Саксон нашел транспортировщиков на Фриа, и их управляющий нанес мне визит. У нас неприятности. Нам грозит тяжба. Но выход есть. В ближайшие несколько месяцев на Фриа не прибудет ни одного корабля, а нуль-транспортировщики закончат монтировать свою установку не раньше чем через два месяца. И, похоже, у них нехватка инженеров. Если мы сможем быстро доставить Саксона на Венеру или на Землю, он не станет возникать, и тяжбы не будет.

— Он, может, и не станет возникать. А их контора?

— Что они могут сделать, если Саксон не напишет жалобу? — Хилтон пожал плечами.— Для нас это единственный выход.

Денверс покрутил стакан в руках, усеянных коричневыми пятнами.

— Транспортировщик,— пробормотал он.— Ах ты... Ну хорошо, вернемся мы на Землю. И что потом? Так там и застрянем.— Из-под полуопущенных век он посмотрел на Хилтона.— В смысле, я застряну. Совсем забыл, что ты нас бросаешь.

— Я вас не бросаю. Просто не хочу загадывать наперед. В конце концов, что вам от меня надо?

— Да делай что хочешь. Сбеги со старушки. Я-то думал, ты человек глубокого космоса...— Денверс сплюнул.

— Я просто умею проигрывать,— сказал Хилтон.— Когда становится ясно, что противник намного сильнее, единственный благоразумный выбор — отказаться от боя, не дожидаясь нокаута. У вас инженерное образование. Вы тоже могли бы уйти к транспортировщикам.

На мгновение у него создалось впечатление, что капитан швырнет в него стакан. Потом Денверс обмяк в кресле и попытался выдавить улыбку.

— Каждому свое. Это правда.

— Ага. Ну... вы идете?

— Старушка готова к взлету? Ладно, я приду. Только сначала выпей со мной.

— У нас нет времени.

Денверс поднялся и с пьяным достоинством заявил:

— Не строй из себя начальника! Полет еще не закончен. Я сказал — пей! Это приказ.

— Ладно, ладно,— махнул рукой Хилтон.— Один глоток не повредит. И потом мы пойдем?

— Не сомневайся.

Хилтон проглотил спиртное, не распробовав вкуса. Слишком поздно он почувствовал жгучую боль на языке. И прежде чем он смог подняться, огромная полутемная комната сложилась над ним, точно зонтик. Он потерял сознание, с горечью осознав напоследок, что ему подмешали снотворное, словно какому-нибудь зеленому новичку. Но ведь капитан тоже пил эту дрянь?

Сны сбивали с толку. Он сражался с чем-то неизвестным. Иногда это нечто меняло форму, а иногда его вообще не было, но постоянно ощущалось таинственное присутствие чего-то огромного, ужасного и могущественного.

И сам он тоже менялся. Иногда он был тем парнем с широко распахнутыми глазами, что нанялся на «Звездного скакуна» двадцать пять лет назад и первый раз углубился в Большую Ночь. Потом он стал немного старше и на протяжении одинаково белых дней и ночей гиперпространства изучал сложные логарифмы, которые должен знать опытный пилот.

Казалось, он медленно, но верно продвигался к какой-то цели, но цель эта все время ускользала от него. Однако он не знал, что это за цель. С ней было связано ощущение удачи. Может, это и была удача. Однако все время было очень много однообразной, механической работы. Бестелесный голос в Большой Ночи тоненько причитал:

— Твоя карта бита, Логгер. Тридцать лет назад у тебя было будущее, связанное с гиперкораблями. Теперь его нет. Идет новая волна. Уходи, или она накроет тебя с головой.

Красноглазая тень наклонилась над ним. Хилтон боролся со сном. Неуклюже вскинув руку, он оттолкнул поднесенный к его губам стакан. Канопианец издал пронзительный, резкий крик. Жидкость, которая была в стакане, собралась в воздухе в сияющий шар.

Стакан плавал... и канопианец тоже. Они были в гиперпространстве. Хилтона удерживали на койке легкие ремни, но это была его каюта. Голова кружилась, во всем теле ощущалась тупая слабость — как после приема наркотиков.

Канопианца ударило о стену и отшвырнуло обратно к Хилтону. Тот вырвался из удерживающих его ремней, выбросил вперед руку и вцепился в черный плюш. Канопианец полоснул Хилтона когтями, целясь в глаза.

— Капитан! — закричал он.— Капитан Денверс!

Боль пронзила до крови расцарапанную щеку Хилтона. Он взревел от ярости и заехал канопианцу в челюсть, но теперь оба плавали в невесомости и удар не причинил вреда. Они сцепились в воздухе, канопианец пронзительно визжал.

Ручка двери дважды щелкнула. Снаружи послышался голос — голос Виггинса, второго помощника. Последовал глухой удар. Хилтон, все еще чувствуя слабость, неуверенными движениями отталкивал от себя канопианца. Дверь с грохотом распахнулась, в каюту ворвался Виггинс.

— Дзенн! — закричал он.— Прекрати! — Он вытащил импульсный пистолет и прицелился в канопианца.

В дверях толпились люди. Хилтон увидел нуль-транспортировщика Саксона, удивленно разинувшего рот, и других членов экипажа, на чьих физиономиях застыло выражение недоумения. Потом за их спинами возникло напряженно вытянувшееся лицо капитана Денверса.

Канопианец забился в угол и испуганно мяукал.

— Что произошло, мистер Хилтон? — спросил Виггинс.— Этот кот напал на вас?

Только тут Хилтон осознал, что он в скафандре. Шлем был откинут назад, как у Виггинса и остальных. Хилтон вытащил из-за пояса грузик и отбросил его в сторону; реактивный момент оттолкнул первого помощника к стене, где он ухватился за скобу.

— Посадить зверушку в карцер? — продолжал допытываться Виггинс.

— Порядок, парни,— сказал Денверс.— Я сам разберусь.

Он протиснулся в каюту, не обращая внимания на смущенные и отчасти даже подозрительные взгляды команды.

— Дзенн! — сказал он.— Почему ты не в скафандре? Надень. Остальные... идите по своим местам. И ты тоже, мистер Виггинс. Я займусь этим делом.

Виггинс тем не менее колебался. И даже начал было что-то говорить, но Хилтон перебил его:

— Чего ты ждешь? Скажи Бруно, чтобы принес кофе. А теперь уходи.

Маневрируя, он добрался до койки и уселся на ней, краем глаза наблюдая, как Виггинс и остальные выходят. Канопианец нашел в углу скафандр и теперь неуклюже натягивал его.

Денверс тщательно закрыл дверь и убедился, что замок сломан.

— Нужно будет починить,— пробормотал он.— Непорядок на корабле.

Найдя подходящую скобу, он замер напротив первого помощника — взгляд холодный, внимательный, усталое лицо по-прежнему напряжено. Хилтон потянулся за сигаретой.

— В следующий раз, когда твой кот бросится на меня, я прожгу в нем дыру,— пообещал он.

— Я оставил его здесь присматривать за тобой, просто на всякий случай,— пояснил Денверс.— Чтобы было кому позаботиться о тебе, если мы потерпим аварию или вляпаемся в какую-нибудь другую неприятность. Я показал ему, как закрывать твой шлем и включать подачу кислорода.

— И ты рассчитывал, что слабоумный канопианец запомнит это? — спросил Хилтон.— А еще ты велел ему продолжать накачивать меня наркотиками.— Он потянулся к плавающему в воздухе блестящему шару, ткнул в него и облизнул палец, пробуя на вкус.— Так и есть. Вакхиш. Ты подмешал мне его в выпивку на Фриа. Давай, колись, капитан. Что этот канопианец делает на борту?

— Я взял его на службу.

— В качестве кого? Суперкарго?*

---

* Суперкарго — лицо, ведающее погрузкой на судне; обычно второй помощник капитана.

— В качестве юнги,— ответил Денверс, не проявляя никаких эмоций и не сводя внимательного взгляда с Хилтона.

— Ну да. Что ты сказал Виггинсу? Обо мне, я имею в виду.

— Сказал, что ты под наркотой,— с усмешкой ответил Денверс.— Если уж на то пошло, так оно и было.

— Однако сейчас я в норме,— заявил Хилтон, и в его голосе зазвенел металл.— Ты собираешься рассказать мне, где мы? Учти, я ведь и сам могу узнать. Поговорю с Тс'сс, просмотрю карты. Мы на М-75-L?

— Нет. Мы на другом уровне.

— Который ведет куда?

Канопианец заверещал:

— Я не знаю названия. У нее нет названия. У нее есть двойное солнце.

— Ты с ума сошел! — накинулся Хилтон на капитана.— Мы летим к системе двойной звезды?

— Ага,— все еще усмехаясь, ответил Денверс.— Более того, мы собираемся приземлиться на планете, находящейся в тридцати тысячах миль от этих звезд... примерно.

Хилтон легко стукнул по иллюминатору, открывая его, и посмотрел на белую пустоту.

— Ближе, чем Меркурий к Солнцу. Это невозможно. Насколько велики светила?

Денверс ответил.

— Все ясно. Чистой воды самоубийство. Ты и сам понимаешь. «Кукарача» не справится.

— Старушка справится со всем, что может предложить Большая Ночь.

— Только не с этим. Не обманывай себя. Она может доставить нас на Землю — с приземлением на Луне,— но ты мчишься на верную гибель.

— Я еще помню, чему меня учили,— сказал Денверс.— Мы выйдем из гипера таким образом, что пла-

нета окажется между нами и солнцами. Притяжение поможет нам опуститься на поверхность.

— Ну да, в виде мелких осколков,— с иронией заметил Хилтон.— Зря ты держал меня под наркотой. Если будешь помалкивать, мы изменим курс, полетим к Земле и никто не пострадает. А затеешь что-нибудь — получишь мятеж, и я рискну обратиться в Адмиралтейство.

Капитан издал звук, больше всего напоминающий смешок.

— Ладно,— сказал он.— Пойди взгляни на карты. Если пожелаешь поговорить, я у себя в каюте. Пошли, Дзенн.

Подтягиваясь на руках, он двинулся к трапу. Канопианец неслышно, словно тень, заскользил следом.

Хилтон вышел вслед за Денверсом и по дороге встретил Бруно с кофе. Промычав что-то невразумительное, первый помощник схватил закрытую чашку и втянул в себя жидкость со сноровкой, приобретенной долгой практикой пребывания в условиях невесомости. Бруно внимательно наблюдал за ним.

— Все в порядке, сэр? — спросил повар-врач.

— Конечно. А в чем дело?

— Ну... люди интересуются.

— Чем?

— Ну, как сказать, сэр... Вы никогда... вы всегда командовали взлетом, сэр. И этот канопианец... людям он не нравится. Они думают, тут что-то нечисто.

— Да неужели? — мрачно сказал Хилтон.— Они что, рассчитывают, что я приду и разрешу им валяться в постели, когда нужно заступать на ночную вахту? Они слишком много болтают, понятно?

Он хмуро посмотрел на Бруно и пошел дальше, к ходовой рубке. Несмотря на упоминание о мятеже в разговоре с капитаном, Хилтон был слишком опытным челове-

ком, чтобы попустительствовать подобным настроениям, разве что в чрезвычайных обстоятельствах. Дисциплину необходимо поддерживать, даже несмотря на то, что Денверс, похоже, свихнулся.

Тс'сс и Саксон сидели за своими пультами. Селенит искоса взглянул на Хилтона, но бесстрастная маска под аудиофильтром не позволяла разглядеть выражение его лица. Однако Саксон резко крутанулся в кресле и возбужденно заговорил:

— Что произошло, мистер Хилтон? Какая-то путаница. По времени мы должны вот-вот сесть на Землю, но почему-то не садимся. Я не слишком разбираюсь во всех этих уравнениях и картах, а Тс'сс ничего мне не объясняет.

— Нечего объяснять,— сказал Тс'сс.

Протянув руку, Хилтон взял лежащую рядом с селенитом папку с расчетами и рассеянно сказал Саксону:

— Помолчи. Мне нужно сосредоточиться.

Какое-то время он изучал расчеты.

И обнаружил в них смертный приговор кораблю и экипажу.

/4/

Логгер Хилтон вошел в каюту капитана, прислонился к стене и выругался, негромко, но со вкусом. Когда он закончил, Денверс с усмешкой посмотрел на него.

— Ну что, усек? — спросил он.

Хилтон перевел взгляд на канопианца, который скорчился в углу, потихоньку расстегивая замки своего скафандра.

— Мои слова и тебя касаются, кошак,— заявил помощник капитана.

— Дзенну на это наплевать,— заявил Денверс.— У него хватает ума не обижаться на ругань. Да и меня, по правде говоря, тоже не волнует — пока я получаю

то, что хочу. Все еще планируешь поднять мятеж и повернуть к Земле?

— Нет, уже нет,— ответил Хилтон и раздраженно, но терпеливо принялся перечислять доводы, загибая пальцы.— Нельзя перейти из одной гиперплоскости в другую, не выйдя сначала в нормальное пространство. А если мы выйдем в нормальное пространство, от удара «Кукарачу» может разорвать на куски. И мы в своих скафандрах будем плавать в пустоте, в тысяче миллионов миль от ближайшей планеты, поскольку сейчас, по-видимому, движемся вместе с быстрым гиперпотоком куда-то к краю Вселенной.

— Одна планета в пределах досягаемости есть,— сказал Денверс.

— Конечно. Та, которая на расстоянии тридцати тысяч миль от двойной звезды. И ничего больше.

— Ну? Думаешь, мы непременно разобьемся? Посадив корабль, мы сможем заняться ремонтом. Там есть все, что нам требуется. В глубоком космосе этого не сделаешь. Я понимаю, посадка будет нелегкой задачей. Но сейчас у нас нет выбора — или это, или ничего.

— И что потом?

— Этот канопианец, Дзенн, уже летал туда, шесть лет назад,— начал объяснять Денверс.— На грузовом гиперкорабле. Рычаги управления у них заколодило, и старая калоша выскочила из гипера не там, где надо. Они вынуждены были сделать аварийную посадку. В общем, сесть куда придется... Ну и тут как раз им подвернулась планета, уже открытая и занесенная на карту, но на ней еще никто не бывал. Они там отремонтировались и вернулись на торговые маршруты. Однако был на борту один парень, землянин, который подружился с Дзенном. Очень изворотливый парень, и, сдается мне, он был замешан в махинациях с наркотиками. Немногие знают, как выглядит растущий парайн, но этот тип знал. Однако не сказал никому. Он взял образцы, намереваясь позже добыть

денег, зафрахтовать корабль и слетать на эту планету за парайном. Однако в каком-то дешевом ресторане на Каллисто его пырнули ножом. Правда, умер он не сразу, и ему нравился Дзенн. Вот он и поделился своей тайной с Дзенном.

— С этим полоумным? — спросил Хилтон.— Разве он в состоянии запомнить курс?

— Это, пожалуй, единственное, что канопианцы в состоянии запомнить. Может, они и слабоумные, но математика — их конек. Талант у них такой.

— Неплохо устроился — сначала шатался без дела, выпивал за чужой счет, а потом еще и получил место на корабле,— заметил Хилтон.

— Нет. Он показал мне образцы. Я немного говорю на его языке, поэтому-то он и поделился со мной своим секретом там, на Фриа. Ладно, поехали дальше. Мы приземляемся на планету — у нее даже названия нет — и загружаем парайн. Ремонтируем старушку, если потребуется...

— Еще как потребуется!

— И летим обратно.

— На Землю?

— Думаю, на Луну. Меньше проблем с посадкой.

— Скажите пожалуйста, теперь вас беспокоит посадка,— с горечью сказал Хилтон.— Ну, думаю, меня все это больше не касается. Как уже было сказано, после полета я выхожу из дела. Сколько сейчас на рынке дают за парайн?

— Пятьдесят за фунт. В Медицинском центре.

— Большие деньги,— заметил первый помощник.— Вы сможете купить новый корабль, и еще останется немало, чтобы повеселиться.

— Ты получишь свою долю.

— Считайте, я уже уволился.

— Нет, полет еще не закончился,— сказал Денверс.— Ты первый помощник капитана на «Кукараче».— Он

захихикал.— У человека глубокого космоса в рукаве всегда припрятаны козыри — а я был им дольше тебя.

— Это точно. Голова у вас работает. Но вы забыли о Саксоне. Теперь он подаст на нас в суд, и вся транспортная контора встанет за него стеной.

Денверс пожал плечами.

— Я что-нибудь придумаю. Хотя вообще-то это твоя обязанность. До выхода из гипера еще двести часов. Идика, поломай голову, мистер.

Он рассмеялся Хилтону вслед.

За двести часов много чего может случиться, и работа Хилтона состояла как раз в том, чтобы ничего не случилось. По счастью, его появление придало экипажу уверенности. Когда начальство ссорится, подчиненные склонны нарываться на неприятности. Однако теперь, когда Хилтон снова расхаживал по «Кукараче», выглядел уверенно и вел себя как обычно, даже второму помощнику, Виггинсу, стало спокойнее. Тем не менее все уже поняли, что летят не на Землю. Слишком много времени прошло.

Единственным, от кого следовало ожидать серьезных неприятностей, был Саксон, но и с ним Хилтон более-менее сумел разобраться. Хотя тут пришлось попотеть. Дело чуть не дошло до того, чтобы раскрыть карты, однако Хилтон был опытным руководителем и в конце концов сумел задурить голову инженеру-транспортировщику. Отнюдь не удовлетворенный, но, безусловно, усмиренный, Саксон с ворчанием сдался.

— Я сделаю для тебя все, что смогу, Саксон,— убеждал его Хилтон.— Но мы сейчас в Большой Ночи. Ты не в цивилизованном пространстве. Не забывай, капитану известно, что ты человек транспортировочной конторы, а он вас терпеть не может. На гиперкорабле слово Старика закон. Поэтому — ради себя самого — следи за каждым своим шагом!

Саксон слегка побледнел, но смысл сказанного явно уловил и в дальнейшем старался не попадаться на глаза капитану.

Хилтон был занят тем, что проверял и перепроверял «Кукарачу». Никакой наружный ремонт в гиперпространстве невозможен из-за отсутствия гравитации и еще потому, что обычные физические законы здесь не действуют — к примеру, не срабатывают магнитные подошвы. Только внутри корабля было безопасно, хотя и эта безопасность была иллюзорной, поскольку сильные колебания при выходе в обычное пространство могли в считанные секунды разрушить «Кукарачу».

Хилтон задействовал Саксона. Не только потому, что первому помощнику требовалась помощь техника, но в первую очередь ради того, чтобы строптивый инженер был все время занят делом. В результате они вдвоем вкалывали как проклятые, проверяя все несущие конструкции корабля, чтобы те не подвели в случае повышенной нагрузки. Реакция на скручивание, давление, натяжение — все было изучено, проектные чертежи проанализированы, структурные дефекты металлических деталей выявлены с помощью рентгеновских лучей.

Кое-где обнаружились трещины и другие изъяны — в конце концов, «Кукарача» и в самом деле была старушкой,— но их оказалось меньше, чем Хилтон ожидал. Пришлось выломать несколько переборок и использовать как материал для увеличения прочности несущих конструкций.

Однако Хилтон понимал, и Саксон соглашался с ним, что этого недостаточно для смягчения неизбежного удара при посадке.

Существовал единственный выход — пожертвовать кормовой секцией корабля. Это можно было успеть сделать, хотя время катастрофически поджимало. Экипаж безжалостно срезал балки с кормы, перетаскивал вперед и приваривал на новое место. Потом с помощью грубо сва-

ренных герметичных переборок носовую часть корабля изолировали от кормовой и заполнили синтезированной водой, тоже с целью смягчения удара.

Денверсу, конечно, все происходящее не нравилось, но ему пришлось смириться. В конце концов, Хилтон не мешал кораблю лететь прежним курсом, каким бы безумно дерзким ни был замысел капитана. Если «Кукараче» уцелеет, то лишь благодаря Хилтону. Однако капитан закрылся в своей каюте и хранил угрюмое молчание.

Незадолго до конца полета Хилтон и Тс'сс сидели вдвоем в машинном отделении, а Саксон, увлекшись работой, руководил последними действиями по повышению надежности корабля. Хилтон пытался вычислить нужный гиперпространственный уровень, который унесет их на Землю после того, как они загрузят парайн. Поставив точку в десятичной дроби не на то место, он вполголоса выругался.

Тс'сс засмеялся, и первый помощник резко повернулся к нему.

— Что тебя так позабавило?

— Ну, не то чтобы позабавило...— ответил селенит.— В любом большом деле должны быть такие люди, как капитан Денверс.

— О чем ты бормочешь, не пойму? — с любопытством спросил Хилтон.

Тс'сс пожал плечами.

— Я летаю на «Кукараче» потому, что здесь я могу заниматься делом и приносить пользу, а планет для селенитов больше нет. Мы утратили свой собственный мир, он умер много лет назад. Однако я еще помню древние традиции нашей Империи. Традиция становится великой и живет долго лишь по одной причине — благодаря личностям, посвятившим себя ей. Без этого никакое величие невозможно. И именно поэтому гиперкорабли стали такой важной вехой в истории человечества. Были люди, которые жили и дышали гиперкораблями. Люди,

которые поклонялись гиперкораблям, как богу. Боги уходят, но люди по-прежнему поклоняются старым алтарям. Есть личности, не способные измениться. Иначе они не были бы теми людьми, благодаря которым их боги обретают величие.

— Вероятно, для этого им требуется парайн? — ехидно спросил Хилтон.

У него раскалывалась голова, и меньше всего на свете ему сейчас хотелось искать оправдания для действия капитана.

— Нет, наркотический дурман тут ни при чем,— ответил Тс'сс.— Кстати, о рыцарских традициях. У нас был император Кейра, который сражался за...

— Я читал о Кейре,— перебил Хилтон.— Король Артур селенитов.

Тс'сс медленно закивал, не спуская взгляда огромных глаз с первого помощника.

— Вот именно. В свое время он был чрезвычайно полезным орудием, в силу безграничной преданности делу. Однако когда его дело погибло, Кейре — как и Артуру — не оставалось ничего иного, как тоже умереть. Но, даже умирая, он продолжал верить в своего поверженного бога и служить ему. Капитан Денверс никогда не смирится с тем, что время гиперкораблей прошло. Он останется предан им до самой смерти. Такие люди придают величие любому делу... Но если они переживают свое дело, их судьба заслуживает сочувствия.

— Ну, я не настолько безумен,— проворчал Хилтон.— Я в эти игры больше не играю. В конце концов, пусть будет нуль-транспортировка или еще что-нибудь. Ты хороший специалист. Почему бы тебе после этого полета не уйти вместе со мной?

— Мне нравится Большая Ночь,— ответил Тс'сс.— И у меня нет своего мира... мира, где можно жить. Нет ничего, что... заставляло бы меня стремиться к успеху, мистер Хилтон. На «Кукараче» я могу делать то, что мне

нравится. Однако за пределами этого корабля я быстро стану изгоем — ведь люди недолюбливают селенитов. Нас слишком мало, чтобы внушать уважение и вызывать дружеские чувства. Знаете, я ведь очень стар.

Хилтон удивленно посмотрел на селенита. Он не мог по внешнему виду определить возраст этого паукообразного существа. Однако селениты всегда безошибочно знали, сколько еще проживут, и могли точно предсказать момент своей смерти.

Ну, зато самому Хилтону до старости еще далеко. И он не помешан на гиперпространстве, как Денверс. Он не станет цепляться за изжившее себя ремесло. Ничто не заставит его остаться на гиперкорабле после этого полета — если, конечно, им удастся выкарабкаться.

Зазвенел сигнал. Внутри у Хилтона все похолодело, хотя он вот уже несколько часов ожидал этого мига. Он потянулся к микрофону.

— Всем постам! Застегнуть шлемы! Саксон, докладывай!

— Все работы завершены, мистер Хилтон,— произнес напряженный, но ровный голос Саксона.

— Тогда поднимайся сюда. Ты можешь нам понадобиться. Всем постам: будьте наготове! Пристегнитесь! Мы выходим.

И началось!

/5/

Без сомнения, она была очень выносliва, эта старая леди. Она побывала на тысячах миров и пролетела в гиперпространстве несчетное количество миль. Она позаимствовала нечто у Большой Ночи, нечто более прочное, чем металлические крепления и сплавы, из которых была сделана. Назовем это душой, хотя, как известно, ни одна машина не имеет души. Однако с тех давних пор, как первое деревянное судно отчалило от берега и направилось

в туманные морские просторы, люди знали, что у каждого корабля есть душа, которую он получает... неизвестно откуда.

«Кукарача» прыгала, словно блоха. Она становилась на дыбы, точно обезумевший конь. Распорки ломались и гнулись, трапы издавали странные потрескивания и стоны — когда металл уступал чудовищному, превосходящему его напряжению. Двигатели пожирали слишком много энергии. Однако вопреки всему старушка справилась и, шатаясь, кренясь и ворча, каким-то образом ухитрилась не развалиться на части.

Качание туда-обратно создало мост между двумя типами пространства, и «Кукарача» дико запрыгала по этому мостику — поведение, не подобающее старой леди, которой, в ее-то почтенном возрасте, пристало степенно летать сквозь пустоту. Однако она была прежде всего гиперкораблем, а уж потом леди, и сумела-таки проскочить в обычное пространство. Капитан все рассчитал правильно. Двойного солнца не было видно, поскольку его заслоняла единственная планета, но притяжение огромной двойной звезды, словно кулак невиданного великана, давило на «Кукарачу», неодолимо волоча ее вперед.

Удар был такой силы, что всех находящихся на борту оглушило. Того, что произошло дальше, не видел ни один человек, остались лишь автоматические записи показаний приборов.

Похоже было, что «Кукарача» врезалась в каменную стену, но даже это не остановило корабль, хотя замедлило скорость до безопасного минимума. «Кукарача» развернулась кормой вниз и рухнула на безымянную планету, доблестно стреляя из всех своих тормозных двигателей. Наполненные водой отсеки смягчили приземление, однако удар все равно был чудовищным. И все же «Кукарача» каким-то чудом не развалилась на части — должно быть, благодаря той таинственной своей составляющей, которая была надежнее любого металла и пластика.

Воздух с шипением вырывался в разреженную атмосферу. Корпус наполовину оплавился, то же самое произошло с большинством дюз. Нос почти что сплющило в лепешку.

И тем не менее «Кукарача» все еще оставалась кораблем.

Погрузка прошла скучно и буднично. Люди в экипаже повидали так много планет, что не уделили особого внимания еще одной. Воздух здесь оказался не пригоден для дыхания, поэтому экипаж работал в скафандрах. Без них обходились лишь три человека — они пострадали при посадке и теперь лежали в лазарете, в одном из герметически закрытых помещений. Сама старушка тоже была больна, и на этой планете ей можно было оказать лишь первую помощь.

Сам Денверс руководил ремонтными работами — в конце концов, «Кукарача» была его кораблем. Половина экипажа деятельно трудилась над оплавившимися, практически спаявшимися дюзами, ремонтировала аварийные системы — в общем, делала все возможное, чтобы подготовить судно к полету. Денверс позволил Саксону как знающему инженеру быть неофициальным прорабом, хотя каждый раз, когда он сталкивался с транспортировщиком, в глазах капитана появлялся лед.

Что касается Хилтона, он вместе со второй половиной экипажа собирал урожай парайна. Они использовали вакуумные уборочные машины и длинные гибкие транспортеры, доставляющие груз в трюм «Кукарачи»; понадобились две недели упорного труда, чтобы полностью загрузить судно. К этому времени ремонтные работы тоже были завершены, и Денверс уже проложил курс на Силенус.

Хилтон сидел в машинном отделении вместе с Тс'сс и Саксоном. Он открыл грузовой отсек, заглянул туда и снова закрыл его.

— Капитан не передумал,— сказал он.— Мы летим на Силенус. Я никогда там не был.

— А я был,— откликнулся Тс'сс.— Как-нибудь расскажу при случае.

Саксон сердито фыркнул.

— Тогда ты знаешь, какая там гравитация, Тс'сс. Я там тоже не был, но заглянул в справочники. Силенус окружают в основном планеты-гиганты, и выйти из гиперпространства в обычное в плоскости эклиптики невозможно, потому что ее там просто нет. Это безумие. Прокладывая курс к Силенусу, нужно учитывать гравитацию дюжины хаотически разбросанных планет, да и о притяжении звезды забывать не следует. Вы же понимаете, мистер Хилтон, «Кукарача» этого не выдержит.

— Понимаю,— ответил Хилтон.— Удача и без того слишком долго улыбалась нам, и, конечно, снова искушать ее не следует. Еще одна попытка может стоить нам жизни. Корабль просто развалится на части. Однако капитан в это не верит.

— Он не в своем уме,— сказал Саксон.— Мне известны пределы прочности любой машины — их можно рассчитать математически, а этот корабль всего лишь машина. Или вы согласны с капитаном Денверсом? Может, вы тоже воображаете, что «Кукарача» живая?

Саксон явно и думать забыл о дисциплине, но Хилтон понимал, в каком напряжении пребывает сейчас вся команда.

— Нет, это, конечно, машина. И мы оба знаем, что уже пришлось выдержать кораблю. Если мы пойдем на Силенус, то...— Он сделал жест, показывающий, что им всем крышка.

— Капитан Денверс говорит: «Идем на Силенус»,— пробормотал Тс'сс.— Не бунт же нам поднимать, мистер Хилтон?

— Можно сделать кое-что получше,— ответил Хилтон.— Уйти в гиперпространство, промчаться с потоком и снова вынырнуть. Но где, вот вопрос? Любая планета

или солнце с достаточно мощной гравитацией раздавит нас. Проблема в том, что для капитального ремонта «Кукараче» нужно попасть поближе к цивилизации. Если мы срочно не сделаем ремонт, нам конец. По-моему, существует единственный выход, Саксон. Сесть на астероид.

— Почему?

— Потому что это нам по силам. Гравитация там самая незначительная. Мы, правда, не сможем радировать о помощи, поскольку для того, чтобы сигнал дошел куда-нибудь, понадобятся годы. Только гиперпространство способно перенести нас достаточно быстро. Кстати... на астероидах есть нуль-транспортировочные станции?

Саксон открыл рот... и снова закрыл.

— Да. Есть одна в системе Ригеля. Далеко от солнца. Но капитан Денверс ни за что не согласится.

Хилтон снова открыл грузовой отсек. Оттуда повалил серый дым.

— Это парайн,— сказал он.— Вентилятор загоняет дым в каюту капитана. Капитан Денверс будет плавать в волнах нирваны до самой посадки на астероид в системе Ригеля, Саксон.

Последовала короткая пауза. Хилтон вдруг стукнул кулаком по пульту.

— Давай рассчитаем курс. Чем скорее мы доберемся до Ригеля, тем скорее вернемся на Землю... через нуль-транспортировочную станцию.

Как ни странно, именно Саксон заколебался.

— Мистер Хилтон, погодите минуточку. Транспортировщики... я знаю, ведь я работал на них... они очень крутые ребята. Ну, в смысле, деловые. Чтобы воспользоваться их передатчиком, вам придется выложить изрядную сумму.

— Но ведь они в состоянии транспортировать целый гиперкорабль? Или он слишком велик для переброски?

— Нет, они могут расширить поле до огромных размеров. Я не то имею в виду. Я хочу сказать, они потре-

буют оплаты и вытянут из вас все, что можно. Вам придется отдать им по меньшей мере половину груза.

— Оставшегося все равно хватит, чтобы оплатить капитальный ремонт.

— Да, но еще они наверняка захотят узнать, где вы нашли парайн. И поскольку деваться вам некуда, вы в конце концов все им выложите. А это будет означать, что очень скоро прямо там, на той планете, где мы были, появится нуль-транспортировочная станция.

— Думаю, так оно и будет.— Хилтон пожал плечами.— Но старушка снова сможет летать. Когда капитан увидит ее после капитального ремонта, он поймет, что это был единственный выход. Поэтому давай-ка займемся делом.

— Напомните мне рассказать вам о Силенусе,— сказал Тс'сс.

Лунная ремонтная станция поражала своими размерами. Кратер был накрыт прозрачным куполом, а под ним на специальных опорах покоились гиперкорабли. Они прилетают сюда разбитыми, поломанными, а уходят чистыми, гладкими, сильными — готовыми к новому полету в Большую Ночь. «Кукарача» тоже была здесь: не скрипящая развалина, какой она приземлилась на астероид Ригеля, но восхитительная леди, блестящая и прекрасная. Высоко над ней, прислонившись к перилам, стояли Денверс и Хилтон.

— Она готова к полету,— лениво протянул Хилтон.— И выглядит неплохо.

— Не благодаря тебе, мистер.

— Тьфу! Если бы я вас не одурманил, мы бы сейчас были уже покойниками, а «Кукарача» плавала бы в космосе в виде скопления обломков. А теперь только гляньте на нее.

— Да... Ну, она и впрямь выглядит хорошо. Однако больше ей не возить парайн. Это была моя золотая жи-

ла. Если бы ты не назвал транспортировщикам координаты планеты, все досталось бы нам.— Денверс состроил гримасу.— Теперь они оборудуют там станцию, и никакие гиперкорабли им не соперники.

— В галактике много миров.

— Конечно. Конечно.— Глаза Денверса вспыхнули, и он опустил взгляд.

— Куда вы полетите теперь, капитан?

— Что тебе за дело? Ты же согласился работать на транспортировщиков, верно?

— Еще бы! Я встречаюсь с Саксоном через пять минут. Мы собираемся подписать контракты. Хватит с меня глубокого космоса. И все же... куда вы собираетесь?

— Не знаю,— ответил Денверс.— Может, полетаю вокруг Арктура и посмотрю, не подвернется ли что-нибудь...

Долгое время Хилтон молчал. Потом он заговорил, не глядя на капитана.

— Вы случайно не собираетесь сделать остановку на Канисе?

— Смотри, как бы тебе не опоздать,— вместо ответа сказал Денверс.

Хилтон перевел взгляд на огромный гиперкорабль внизу.

— Старушка всегда была хорошим, честным судном. Никогда не преступала пределы дозволенного. Всегда летала верным курсом. Это будет очень скверно — если она станет возить рабов с Арктура на рынок на Канисе. Конечно, это незаконно, но я хочу сказать другое. Это отвратительное, грязное дело.

— Я не спрашиваю у тебя совета, мистер! — вспыхнул Денверс.— Никто не собирается перевозить рабов!

— Надо полагать, вы и парайн разгружать на Силенусе не собирались? Вы могли получить за него хорошую цену в Медицинском центре, но наркоторговцы на Силе-

нусе заплатили бы в шесть раз больше. Да, Тс'сс рассказал мне. Он бывал на Силенусе.

— Да заткнись ты! — буркнул Денверс.

Хилтон откинул голову и бросил взгляд вверх, в бескрайнюю тьму.

— Даже проигрывая сражение, лучше драться честно. Знаете, чем это может закончиться?

Денверс тоже поднял взгляд и, по-видимому, увидел в пустоте нечто такое, что ему не понравилось.

— Что мы можем противопоставить транспортировщикам? — вопросил он.— Нужно же как-то зарабатывать.

— Есть легкий, но грязный путь, и есть честный, но трудный путь. У старушки прекрасный послужной список.

— Ты не человек глубокого космоса. И никогда им не был. Убирайся! Мне нужно собрать экипаж!

— Послушайте...— начал Хилтон, но вдруг оборвал себя.— А, черт с вами! Я ухожу.

Он повернулся и пошел прочь по длинному стальному коридору.

Тс'сс и Саксон пили виски с содовой в «Полумесяце». Через окно им был виден крытый ход, который вел к ремонтной станции, и за ним скалы на краю кратера, темными силуэтами вырисовывающиеся на фоне усеянной звездами тьмы. Саксон взглянул на часы.

— Он не придет,— сказал Тс'сс.

Саксон нетерпеливо передернул плечами.

— Нет. Ты ошибаешься. Конечно, мне понятно твое желание остаться на «Кукараче».

— Да, я стар. Это единственная причина.

— Но Хилтон-то молод. И он умница. Его ждет большое будущее. Вся эта пустая болтовня о необходимости цепляться за идеалы... Может, для капитана Денверса та-

кое и сгодится, но не для Хилтона. Он не влюблен в гиперкорабли.

Тс'сс медленно поворачивал в своих странных пальцах бокал.

— Знаешь, ты кое в чем ошибаешься, Саксон. Я не буду больше летать на «Кукараче».

Саксон пристально посмотрел на него.

— Но я думал... Почему?

— Я умру в пределах тысячи земных часов,— ответил Тс'сс.— Когда придет время, я спущусь в пещеры селенитов. Немногим известно об их существовании, и лишь некоторые из нас знают тайные пещеры, святые для нашей расы места. Но я знаю. Я пойду туда, чтобы встретить смерть, Саксон. Это сильнее меня — я должен умереть в своем собственном мире. Что касается капитана Денверса, он останется верен своему делу — как наш император Кейра и как ваш король Артур. Своим величием гиперкорабли обязаны людям, подобным капитану Денверсу. Теперь само дело мертво, но люди, которые придавали ему величие, не могут ему изменить. Иначе их корабли никогда не летали бы по всей Галактике. Поэтому Денверс останется на «Кукараче». А Хилтон...

— Он не фанатик! Он не останется. С какой стати?

— Наши легенды гласят, что император Кейра потерпел поражение, а его Империя была разрушена,— сказал Тс'сс.— Но он продолжал сражаться. И рядом с ним оставался лишь один, хотя он не верил в дело Кейры. Селенит по имени Джейлира. В ваших легендах был, кажется, сэр Ланселот? Он не верил в дело Артура, но был ему другом и потому оставался рядом. Да, Саксон, есть фанатики, сражающиеся за то, во что верят,— однако есть и другие, не верящие и сражающиеся во имя того, что кому-то может показаться гораздо менее значительным, сущим пустяком. Во имя того, что называют дружбой.

Саксон засмеялся и кивнул на окно.

— Ты ошибся, Тс'сс,— победоносно воскликнул он.— Хилтон не дурак. Вон он идет.

В окно была хорошо видна высокая фигура Хилтона. Он прошел мимо окна и исчез из поля зрения. Саксон повернулся к двери.

Последовала пауза.

— А может, не такой уж это и пустяк,— продолжал Тс'сс.— Поскольку все проходит — и Империя селенитов, и королевский двор Артура, и гиперкорабли. В итоге Большая Ночь забирает все. Но так уж заведено с начала времен... Что это? — На этот раз Тс'сс указал на окно.

Саксон наклонился вперед, чтобы лучше видеть, и под некоторым углом смог разглядеть Хилтона, неподвижно застывшего на ступенях. Проходившие мимо толкали его, но он ничего не замечал. Хилтон думал.

Саксон и селенит увидели выражение неуверенности на его лице. Потом его лицо внезапно прояснилось. Хилтон криво улыбнулся. Наконец-то он разобрался с самим собой. Он повернулся и быстро зашагал туда, откуда пришел.

Саксон не сводил взгляда с широкой спины, удаляющейся в направлении ремонтной станции, где ждали Денверс и «Кукарача». Хилтон возвращался в то место, которого никогда по-настоящему не покидал.

— Сумасшедший! Идиот! — воскликнул Саксон.— Нет, это просто немыслимо! Никто не отказывается от работы у транспортировщиков!

Тс'сс наградил его мудрым, невозмутимым взглядом.

— Ты веришь в это,— сказал он.— Нуль-транспортировка много значит для тебя. Нуль-транспортировка нуждается в таких людях, как ты,— чтобы расти и развиваться, чтобы обрести величие. Тебе повезло, Саксон. Ты на гребне волны. Пройдет сто лет — ну, может, две-

сти — и ты окажешься в положении Хилтона. Тогда ты поймешь.

Саксон удивленно посмотрел на него.

— Что ты имеешь в виду?

— Нуль-транспортировка сейчас набирает силу,— мягко ответил Тс'сс.— Она станет по-настоящему великой — благодаря таким людям, как ты. Но и для нее тоже когда-нибудь настанет конец.

Он пожал плечами, глядя нечеловеческими фасеточными глазами на мерцающие над краем кратера точки света, которые, пусть и недолгое время, отчаянно противостояли Большой Ночи.

А ДВЕ ЛУЧШЕ

Брюс Тинни как раз намазывал на гренок джем, когда раздался крик дяди Вилбура. Это не был крик боли — скорее, торжествующий вопль, победная песнь необузданного восторга.

Послышался тихий щелчок, и красное мерцание в тостере у локтя Тинни погасло.

Крокетт, дворецкий, повар и мастер на все руки, продолжал разливать кофе. Выражение его бледного лица с крупными чертами оставалось все таким же бесстрастным. Ничто не могло нарушить душевное равновесие Крокетта. Для этого он слишком долго проработал у дяди Вилбура.

Брюс Тинни, хорошо сложенный молодой человек с некрасивым, но приятным лицом и бледно-голубыми глазами, вздохнул.

— Опять он что-то соорудил,— заметил он с набитым ртом.

— Сэр?

— Дядя. Ты знаешь, о чем я. Над чем он работал на этот раз?

— Мистер Ван Дилл не ставит меня об этом в известность, сэр. Не могу сказать.

© Перевод Б. Жужунавы.

Тинни прожевал гренок.

— По-моему, он говорил о каком-то четырехмерном устройстве. Бог знает, что это такое! Интересно, сколько он будет отсутствовать на сей раз?

— Боюсь, и этого не могу сказать,— холодно ответил Крокетт.

Тут дверь распахнулась, и появился Вилбур Ван Дилл, низкорослый, точно гном, с морщинистым лицом орехового цвета и взлохмаченной седой шевелюрой.

Он ворвался в кухню с выражением необузданной ярости на лице и пустой бутылкой в руке.

— Крокетт!

— Да, сэр?

— Это все бренди, что имеется в доме?

— Да, сэр.

— В таком случае, я ухожу,— заявил дядя Вилбур.— Брюс, позаботься обо всем, пока меня не будет. Никогда не думал, что закончу эту проклятую машину. Ха!

Тинни проглотил гренок и торопливо встал.

— Дядя Вилбур! — запротестовал он.— В вашем возрасте...

— Не грех и расслабиться,— прервал его Ван Дилл.— Не спорь со мной, молокосос. Вот будь у тебя хоть четверть моего ума, тогда ты имел бы право рот раскрывать... Этого следовало ожидать,— забормотал он, злобно глядя на пустую бутылку.— Великий ученый. Перенапрягся. Такая концентрация. Должен расслабиться... Теперь заткнись и не докучай мне. Я вернусь.

— Но...— начал Тинни.

— И не прикасайся ни к чему в моей лаборатории! — исчезая за дверью, бросил через плечо Ван Дилл.— Ты же известный растяпа!

Он хлопнул дверью с такой силой, что Тинни, размышлявший об особенностях характера дяди, чуть не подавился гренком. Этот человек и впрямь был великим ученым. Его нить накаливания для электрических лампочек

потрясала воображение, а холодильник, который он изобрел, даже принес ему небольшую прибыль.

Однако дядя Вилбур определенно не был образцом пристойности, и именно этим были вызваны возражения Тинни. Сам он по характеру, скорее, походил на мышь, и его шокировал тот факт, что после каждого успешного эксперимента дядя Вилбур испытывал потребность расслабляться, обходя местные бары и накачиваясь спиртным.

Быть секретарем дяди — отнюдь не синекура, с грустью подумал Тинни. А теперь еще это новое устройство... что оно собой представляет? Что-то, имеющее отношение к четвертому измерению. Дядя Вилбур объяснял ему, правда, весьма расплывчато, да и Тинни не слишком прислушивался. Он вообще плохо разбирался в машинах.

Появился Крокетт, с полной бутылкой.

— Я забыл о ней,— заявил он.— Мистер Ван Дилл уже ушел?

Вздохнув в ответ на кивок Тинни, он поставил бутылку в буфет. И замер со зловещим видом, пока молодой человек, съежившись под его холодным взглядом, торопливо допил кофе и скомкал салфетку.

— Ну, э-э... наверное, вам стоит проверить пробки.— Тинни встал.— Дядя Вилбур устроил короткое замыкание.

— Да, сэр. Немедленно этим займусь.

С тяжелым сердцем Тинни вышел из кухни. Проходя мимо дядиной лаборатории, он остановился. Лучше посмотреть, все ли там в порядке. Однажды начался пожар, и рассеянный Ван Дилл этого не заметил. Тинни открыл дверь и заглянул внутрь.

Все вроде бы как обычно, если не считать устройства странной формы посреди комнаты. Больше всего оно походило на огромную телефонную будку, со стен-

ками лишь с двух сторон. На полу «будки» лежала шляпа дяди Вилбура.

Аккуратность была одним из пунктиков Тинни, поэтому он без раздумий бросился подобрать шляпу. Но стоило ему войти в будку и наклониться, послышался странный щелкающий звук, и на него хлынул красный свет.

Крокетт сменил предохранитель, и машина включилась!

Тинни тряхнуло, он повалился вперед и схватился за первые попавшиеся рычаги управления на стене. Под его руками повернулись какие-то верньеры. Возникло необыкновенное ощущение, будто он находится одновременно в двух местах. Будто существуют два Брюса Тинни!

Потом они слились. Устройство пронзительно загудело. Два Тинни снова распались, пошатываясь, вышли из будки и на одно ужасное мгновение замерли, уставившись друг на друга.

Да... теперь их было двое. Точные копии.

Красное мерцание все еще омывало будку. Словно сговорившись, оба Тинни метнулись обратно, бросились к рычагам управления и принялись наобум их дергать. Поставить диски набора в прежнее положение, вот что нужно сделать...

Снова послышалось щелканье. Обоих Тинни притянуло друг к другу, возникло неописуемое ощущение слияния, и, хватая ртом воздух, Брюс Тинни — снова в единственном числе — выскочил из дьявольского устройства.

Он едва не влип! Ох, лучше держаться подальше от изобретений дяди Вилбура. По счастью, на этот раз все обошлось.

Постепенно успокаиваясь, Тинни поднял руки и пригладил растрепавшиеся волосы. Это было ошибкой. На мгновение им овладело странное ощущение, будто кто-то стоит за спиной и протягивает руки, как бы собираясь прикрыть ими Тинни глаза и сказать:

— Угадай, кто это?

Молодой человек обернулся со вполне оправданным раздражением. Он был один. Недоумевая, он перевел взгляд на свои руки...

У него было *четыре* руки. Ей-ей! У него было четыре руки!

Тинни замер, вытаращив глаза. Верхние руки выглядели как обычно. Вторые вылезали из подмышек, прорвав тонкий шелк пижамной рубашки. Мелькнула мысль, что в таком виде он, должно быть, смахивает на какую-то восточную богиню.

Четыре руки!

Пошатнувшись, Тинни рухнул в кресло, до крайности обеспокоенный. Посмотрел на будку. Это все она сотворила, конечно. Дядя Вилбур... проклятый дядя Вилбур!

По-видимому, эта четырехмерная штука, в числе прочего, может удваивать людей. Дублировать атомную структуру или что-то в этом роде. Операция наверняка обратима, но лишь если точно знать, как это сделать. Тинни облизнул губы.

Встал, медленно подошел к будке и... остановился. А если он совершит новую ошибку? Она может оказаться роковой. В прошлый раз два Брюса Тинни сжались до одного, но с лишними руками. Чего доброго, один Брюс Тинни съежится до половины человека!

Нет, лучше не пытаться. Как выключить машину? Черт ее знает... Красный свет в будке все еще горел, в воздухе слышалось слабое гудение. Тинни снова сел и задумался.

Дядя Вилбур, вот кто сейчас нужен. Только он может устранить результаты такого... в высшей степени неприятного развития событий. Две лишние руки! Господи! Тинни закрыл глаза.

— Крокетт! — позвал он, но тут же почти пожалел об этом, испытывая естественное нежелание демонстрировать дворецкому свое новообретенное уродство.

Однако в коридоре уже послышались шаги Крокетта. Тинни машинально спрятал нижние руки за спину, стараясь, чтобы их не было видно спереди.

— Сэр?

— М-м... Ты имеешь представление, куда ушел дядя Вилбур?

— Нет, сэр. Не имею.

В какой-нибудь кабачок, скорее всего, с горечью подумал Тинни. Притон самого низкого пошиба, где собираются одни пьяницы. Черт побери, почему дядя Вилбур не может вести себя как нормальный человек? Это нечестно с его стороны — сбежать и оставить племянника в таком состоянии. Уже не в первый раз у Тинни возникло страстное желание послать дядю к черту.

Но он, конечно, не мог этого сделать. У него не было ни гроша. Дядя Вилбур содержал его. Если бы только Тинни смог раздобыть хотя бы тысячу... этого хватит, чтобы купить магазинчик на Семьдесят второй улице. Там он был бы счастлив, на свой спокойный манер, и не вляпывался бы постоянно в истории вроде этой.

А ведь Ван Дилл может вернуться аж через несколько дней!

— Спасибо, Крокетт,— сказал Тинни, и дворецкий ушел.

И что теперь? Не разыскивать же дядю Вилбура, будучи в таком виде!

Хотя... почему бы и нет? Лишние руки нетрудно спрятать под пальто. Может, все еще не так уж и скверно. Тинни встал со вздохом некоторого облегчения.

Теперь нужно принять душ...

С бритьем возникли некоторые трудности, но зато тереть спину оказалось фантастически легко. Тинни не торопился. Лучше пусть дядя Вилбур успеет нагрузиться и будет в хорошем настроении, а то еще откажется возвращаться в лабораторию.

Поскольку Тинни встал поздно, было уже около двух часов, когда он начал спускаться по лестнице, полностью приведя себя в порядок и спрятав лишние руки под пальто. На улице стояла жара, но что поделаешь...

Крокетт пререкался в дверях с дородным мужчиной с воинственной физиономией.

— Сожалею, сэр. Мистера Ван Дилла нет дома.

— Да? А это кто спускается по лестнице, в таком случае? Прочь с дороги! — И мужчина отпихнул дворецкого в сторону.

Тинни торопливо нырнул в ближайшую дверь, ведущую, как выяснилось, в лабораторию. Гость, однако, моментально нашел молодого человека. Его физиономию украшали сломанный нос, развесистые уши и крошечные, глубоко сидящие глазки.

При виде Тинни у него сделался разочарованный вид.

— Ты не Ван Дилл,— проворчал он, но тут же просиял.— Может, родственник? А?

— Я... э-э... я племянник мистера Ван Дилла. Чем могу помочь? — с ощущением некоторой неловкости спросил Тинни.

— Ага! А я Твистер Хаггерти. Час назад твой дядя врезал мне ногой в задницу.— Сжав кулаки, он двинулся на Тинни.

— Ох! — Тинни поспешно отступил.— Это же был мой дядя, не я! Понимаете разницу?

— Все я понимаю, что нужно. Дедок выбежал из бара, прежде чем я успел подняться, но я разузнал, кто он такой. И пришел сюда, чтобы выбить ему зубы. Раз его нет дома, я подожду. Но его родственнички мне тоже не нравятся. Поэтому пока что, чтоб скоротать время, я выбью зубы *тебе*.

— Послушайте,— взволнованно сказал Тинни.— По-моему, вы кое-чего не понимаете. Я вам ничего не сделал!

— Зато я тебе сделаю! — радостно объявил Хаггерти, продолжая медленно приближаться.

— Крокетт! — позвал Тинни.

Никакого ответа. Дворецкий, как обычно, смылся при первых признаках опасности. Тинни медленно отступал.

— Я вас предупреждаю...— начал он, но закончить не смог.

Твистер Хаггерти, похожий на хищную горгулью, усмехнулся.

— У меня бой сегодня вечером. Мой импресарио сказал, чтобы я постарался не вляпаться в неприятности. Ну а из-за твоего дяди я в них вляпался. И раз его здесь нет, я отыграюсь на тебе.

— Нет...— безнадежно промямлил Тинни, и тут Хаггерти ринулся вперед.

Тинни пискнул, сделал шаг назад и на что-то наткнулся. Пока он пытался сохранить равновесие, здоровяк обрушился на него. Тинни автоматически обхватил его руками. Всеми четырьмя. Пальто распахнулось, и лишние руки выскочили из-под него, словно щупальца осьминога.

— Эй! — завопил Хаггерти, но сказать не успел больше ничего.

...Поскольку оба они, потеряв равновесие, свалились прямо в четырехмерную машину дяди Вилбура.

Тинни снова испытал чувство головокружения и неприятного сдавливания, которое, впрочем, быстро прошло. Усилием воли он заставил себя выскочить из будки, готовясь встретить нападение Хаггерти...

Но того нигде не было.

— Ну и ну! — прошептал голос в ухо Тинни.— Ну и ну! Забавное ощущение. Какого...

На правую щеку что-то давило. Воротник, как выяснилось, был разорван. Где же Хаггерти?

Медленно поворачиваясь, Тинни оказался напротив висящего на стене большого зеркала. И в ужасе замер.

Его испугал не вид собственного лица, достаточно знакомый. Оказывается, на нем была одежда Хаггерти. Но это было еще не самое худшее.

Отражающееся в зеркале тело имело *две* головы. Одна принадлежала Тинни, а другая Хаггерти. Обе вырастали из плеч, щека к щеке — как это бывает у сиамских близнецов. Кошмарное зрелище!

Небритый подбородок Хаггерти царапал челюсть Тинни. Рот и глаза воинствующего здоровяка были широко распахнуты и с каждым мгновением раскрывались все шире.

Потом Хаггерти повернул голову. Тинни сделал то же самое. Два лица столкнулись нос к носу, после чего Хаггерти издал хрюкающий звук и отключился. Глаза у него закатились, голова безвольно свесилась Тинни на грудь.

Что касается самого Тинни... ну, он сознания не потерял, однако почувствовал сильное головокружение. Хватая ртом воздух, он ринулся на террасу, рывком открыл буфет и достал бутылку, которую поставил туда Крокетт. Откупорил ее и рухнул в кресло.

Бренди обожгло горло, на глазах выступили слезы. Однако, скорее всего, именно оно спасло его от безумия.

— Господи всемогущий,— пробормотал Тинни, закрыл глаза и сделал большой глоток.— Ничего не произошло. Не нужно думать об этом. Я... Интересно, сколько мне потребуется выпить? Дядя Вилбур пьет много. Думаю, меньше чем двумя бутылками мне не обойтись.

Тинни в жизни не пробовал спиртного, если не считать стакана портвейна, которым его однажды в детстве лечили от колик.

Как человек здоровый, он накачивался алкоголем, не испытывая ни позывов к рвоте, ни даже тошноты, и к

тому времени, когда бутылка наполовину опустела, почувствовал, что в состоянии открыть глаза.

Пошатываясь, он подошел к дивану, сел, откинул голову своего компаньона к стене и накрыл ее подушкой. Если это... это создание задохнется... ну, все к лучшему. Хотя, конечно, этого не произойдет. Две головы снабжала кислородом всего одна пара легких, которые работали безупречно.

Он хлебнул еще бренди и оглядел себя. Почему на нем одежда Хаггерти? Внимательное обследование показало, что и тело его было телом Хаггерти.

Эта ужасная четырехмерная машина! Она была настроена на сжатие и делала свое дело поистине фантастическим способом, хотя явно не слишком совершенным. «Кто я теперь — два человека или один?» — спрашивал себя Тинни.

Бессвязные мысли бродили у него в голове. «Одна голова хорошо, а две лучше»,— вдруг пришло ему на ум. Он засмеялся. И задумался о том, как еще можно использовать дядину машину. Если, скажем, кошка принесет котят, можно не топить их, а засунуть в будку и включить ее. Бац — и останется всего один котенок!

— Способ сокращения народонаселения,— хрипло сказал он и выронил бутылку.

Она разбилась.

Тинни между тем сделал еще одно открытие. У него по-прежнему было четыре руки. Четыре руки и две головы. И тело Хаггерти. Тинни решил, что ему требуется еще бренди. Пожалуй, имеет смысл отправиться на поиски дяди Вилбура.

Тут объявился Крокетт и с презрительным видом оглядел комнату. Поскольку голову Хаггерти прикрывала подушка, ничего особенно ужасного он не заметил.

— Этот джентльмен ушел, сэр?

— Жен... тлемен? Ага... ну да,— ответил Тинни.

— Вы уронили бутылку, сэр,— ледяным тоном заметил Крокетт.

Уязвленный, Тинни поднял на него взгляд. Ему никогда не нравился дворецкий.

— Ага. Я... ур-р-ронил бутылку, эт-то точно. И еще у меня четыре руки.

— Боюсь, вы пьяны...

Крокетт не закончил, внезапно смертельно побледнев. Молодой человек был, несомненно, пьян, но также не вызывало сомнений, что его ужасные слова соответствуют действительности. У него действительно было четыре руки, и все они тянулись к Крокетту, жадно царапая пальцами воздух.

— О-о-о...— только и сказал Крокетт.

— И лишняя голова. Мой дружок. Очень *близкий*.— Тинни схватил Хаггерти за волосы и откинул подушку, демонстрируя лицо.— Сейчас он, кажется, уснул, но это не беда. Поприветствуй джентльмена, Крокетт.— Он встал и шагнул вперед.

Дворецкий молчал. Лицо его приобрело зеленоватый оттенок. Пьяный Тинни почувствовал себя счастливым.

— Пожмем друг другу руки,— продолжал разглагольствовать он.— Я имею в виду и свои новые руки. Обе. Вот правая.— Он сжал руку дворецкого, а другой парой рук внезапно схватил его за горло.

Это доконало Крокетта. Завопив от ужаса, он вырвался и бросился бежать. Тинни засмеялся.

— Нужно найти дядю Вилбура. И раздобыть еще бутылку. Постой-ка! Я не могу выйти в таком виде. Пойдут разговоры. Нельзя, чтобы люди видели, что у меня четыре руки.

Не замечая прорех в цепи своих рассуждений, он нашел второе пальто и надел его, прикрыв лишние руки. Уже на пороге он вспомнил о голове Хаггерти. Тот все еще был без сознания; возможно, теперь еще и под воздействием алкоголя, которым пропитался Тинни.

Тинни попытался использовать пальто, чтобы прикрыть голову Хаггерти, но ничего не получилось. Выпуклость выглядела слишком подозрительно, да и пальто все время соскальзывало. На столике в коридоре Тинни увидел сверток, и тут его осенила идея. Он пошел на кухню, отыскал упаковочную бумагу и полностью обернул ею голову Хаггерти, закрепив липкой лентой.

Под бумагой Хаггерти не задохнется. А со стороны они будут смотреться так, словно Тинни просто несет на плече тяжелый сверток. Чтобы было совсем похоже, он прижал «сверток» рукой, как будто придерживая его.

Теперь он выглядел вполне сносно. Можно двигаться дальше. Что Тинни и сделал. Остановив такси, он поехал в деловой центр города. Обнаружив в кармане Хаггерти туго набитый бумажник, Тинни счел, что без зазрения совести может воспользоваться его содержимым. Когда человеку требуется выпивка... ну, она ему требуется. Спиртное, как выяснилось,— отличная штука. Почему никто прежде не рассказывал ему об этом?

На самом деле, если бы Тинни был трезв, он, вполне вероятно, оказался бы на грани безумия. Но он был определенно пьян, и еще он совершенно точно знал, что дядя Вилбур маг и волшебник во всем, что касается науки. Что дядя рассказывал ему вчера? С трудом, но Тинни все же кое-что припомнил.

«Организмы естественным образом склонны стремиться к слиянию... Моя машина может дублировать атомную структуру, но действовать нужно очень осторожно. Я могу получить двух кроликов или половину кролика. Или трех кроликов и ухо... Когда я даю машине задний ход, то могут получиться кролик и несколько лишних ушей. Они, скорее всего, будут на кролике, хотя... физиологическое единство...»

Да, физиологическое единство, вот именно... что бы это ни означало.

Завидев бар, Тинни велел таксисту остановиться. Бар назывался «Зеленый чулок», и дядя как-то упоминал о нем. «Чулок» обслуживал спортивный клуб, давним чле-

ном которого был дядя Вилбур. Он немало времени висел на телефоне, разговаривая с неизвестным человеком по имени Джо и делая с его помощью ставки.

Брюс Тинни вошел в бар и приказал подать бутылку бренди. Бармен, крупный человек с подозрительным выражением лица, пристально посмотрел на него.

— Будете пить здесь? — спросил он.

— Конечно. Может, и еще понадобится. Кто знает?

Тинни сделал чересчур экспансивный жест, его пальто взметнулось, и лишние руки зашевелились под ним.

— А-а-а... Ладно. Значит, здесь. Ну, ну! — Бармен с заговорщицким видом наклонился к нему.— Кто у вас под пальто? Цыпочка?

— Цыпочка? — Тинни налил себе бренди и уставился на бармена.— Что вы имеете в виду?

Однако в этот момент внимание того привлек новый феномен.

— Какого дьявола вы таскаете на плече этот сверток? Он у вас что, пришпилен?

Как назло, сверток упал вперед, на грудь Тинни, и повис там. Слабый голос произнес:

— Водки. Неразбавленной.

— Ладно.— Бармен автоматически дернулся, собираясь выполнить заказ, но тут же уставился на Тинни.— Это вы сказали?

— Нет,— ответил Тинни.

Одновременно другой голос произнес:

— Да.

— Послушайте, приятель.— Бармен оперся локтями о стойку.— Я не хочу неприятностей, понятно? Я тружусь, как каторжный, и терпеть не могу розыгрышей. Если хотите бренди, так и говорите. Если хотите водки, будет вам водка. Но...

— О черт! — взвыл слишком хорошо знакомый голос.— Я ослеп! Слепой, как летучая мышь! Помогите!

Сверток на груди Тинни яростно затрясся. Бармен поспешно отступил, вооружившись открывалкой.

— Чревовещатель, да? Я... Господи!

Лишние руки Тинни вырвались из-под пальто, и все четыре замолотили по воздуху, словно крылья ветряной мельницы. Они сорвали бумагу с головы Хаггерти, и показалось его лицо, багровое, с пылающим яростью взглядом.

— Что за дурацкая идея — обмотать мне голову бумагой? — взорвался он.

Голос у него звучал хрипло, поскольку он был пьян не меньше Тинни.

Единственный — кроме Тинни — клиент в баре, сидящий в углу худой человек, поднялся, зашаркал к стойке и похлопал Тинни по плечу.

— Прошу прощения,— сказал он,— но, по-моему, у вас две головы.

— Господи, конечно! — выпалил бармен.— Только гляньте на них!

— Вы тоже их видите? — У худого посетителя отвисла челюсть.— А я... я подумал, что это мне спьяну чудится. О-о-о...— Он потерял сознание и рухнул на пол.

— Водки! — потребовал Хаггерти.

— Сию секунду! — откликнулся бармен.— Водка. Вот.

Он поставил на столик бутылку, стакан и на цыпочках попятился прочь, бормоча себе под нос, что нужно подняться наверх и прилечь. На протяжении многих лет он не пил ни капли. Может, все дело в алкогольных парах? Нет, лучше убраться отсюда подобру-поздорову...

Он ушел, оставив двухголового Тинни и распростертое в беспамятстве тело.

Головы повернулись друг к другу, и потом, как бы по общему согласию, четыре руки метнулись вперед и схватили бутылки: Тинни с бренди, Хаггерти с водкой. Некоторое время слышны были лишь булькающие звуки.

Довольно долго.

— Смешно,— заявил в конце концов Хаггерти.— Мне все время кажется, что у меня две головы.

— Ничего смешного,— уныло отозвался Тинни.— Это все мой дядя виноват. Тот, который врезал вам по заднице. Помните?

— Что-то я не въезжаю. Не будь я пьян, наверно, хлопнулся бы в обморок.

Вообще-то вид у Хаггерти и так был не ахти. Тинни вздохнул.

— Машина, которая имеет какое-то отношение к четвертому измерению.

— А-а! Наука! — кивнул Хаггерти с таким видом, будто это объясняло все.

— Я вам все растолкую, просто выслушайте меня,— сказал Тинни.

Что он и попытался сделать, прихлебывая из бутылки. В конце концов Хаггерти вроде бы понял, в чем дело, хотя и весьма смутно.

— Наука. Хоть не черная магия, и то хорошо. Я, знаешь ли, не дурак и готов поверить тебе на слово. В особенности, раз ты говоришь, что твой дядя может снова привести нас в порядок. И все же... две головы!

— И четыре руки,— из чистой зловредности напомнил Тинни.

— Нужно срочно найти твоего дядю!

— Нам нельзя выходить на улицу в таком виде. Одному из нас нужно снова обернуть голову.

Хаггерти задумался.

— Пошарь-ка за стойкой. Может...

Они нашли холстяной мешок, затягивающийся шнурком. Не слишком охотно, но Хаггерти согласился, чтобы мешок натянули ему на голову.

— Я могу видеть сквозь него,— сообщил он.— А ты меня видишь?

— Нет. Вид такой, будто я несу на плече мешок, вот и все. Куда пойдем?

— Давай попробуем в «Павлин». Угол Пятнадцатой и Седьмой авеню.

Тинни спрятал лишние руки и, пошатываясь, покинул заведение. Оттого что теперь он был не один, на душе у него полегчало. Как-то незаметно для себя он тоже стал обращаться к Хаггерти на «ты». Теперь оставалось лишь найти дядю Вилбура...

Увы. В пять часов Хаггерти потребовал сделать перерыв.

— У меня сегодня бой. Давай на всякий случай позвоним к тебе домой.

— Бой? Как же...

— В «Парке». Я уже заявлен. Вольная борьба. Противник — Тарк Зорион.

— Ну я позвоню дяде Вилбуру.

Однако тот все еще не вернулся. Тинни застонал.

Поиски продолжались, но тщетно. В конце концов Хаггерти остановился рядом с кофейней.

— Послушай,— сказал он.— Я непременно должен драться сегодня вечером. И времени уже почти не осталось.

— Разве можно бороться в таком виде?!

— Почему бы и нет? — упрямо гнул свое Хаггерти.

— Две головы... и четыре руки!

— В правилах ничего не говорится о том, сколько можно иметь рук. А на твою голову натянем этот мешок. Никто ничего и не заметит.— В голосе Хаггерти зазвучали жалобные нотки.— Знаю я их... Они решат, что я намеренно увильнул от последнего боя. Импресарио разозлится. Если я не явлюсь, мне конец.

— Ты с ума сошел!

— У меня бой сегодня вечером,— упрямо повторил Хаггерти.— И отличный шанс выиграть... с четырьмя-то руками. Так или иначе, я там буду. Ты не пострадаешь.

Он продолжал убеждать Тинни, и в конце концов это ему удалось. Тот даже начал склоняться к мысли, что идея не так уж плоха. Человек с четырьмя руками практически обречен победить в вольной борьбе!

— Нам нужно протрезветь,— сказал Хаггерти.— Пошли выпьем кофе. Вот туда! — Он стянул мешок со своей головы и нацепил на голову Тинни.— Давай какое-то время я побуду за главного.

Что ж, это было справедливо. Тинни почти отключился. Стал дремывать, изредка просыпаясь и глядя сквозь мешок. Сквозь холстину и впрямь все было видно.

От кофе, усвоенного общим желудком, прояснились обе головы. Тинни проснулся и взбодрился. У него возникла идея. Он растолковал ее Хаггерти, и они отправились искать телефонную будку.

Сначала попытались дозвониться дяде Вилбуру, но того по-прежнему дома не было. Вышколенный Крокетт высказал предположение, что, возможно, он в «Парке», где сегодня вольная борьба.

— Это мне не пришло в голову,— сказал своему компаньону Тинни.— Мы можем найти его там.

— Очень надеюсь на это,— пробормотал Хаггерти.— Грязный...

— Тс-с! Я пытаюсь вспомнить нужный номер.

И наконец Тинни его вспомнил — номер человека по имени Джо, через которого дядя Вилбур делал ставки. Молодой человек набрал номер.

— Джо?

— Да. Кто говорит?

— Брюс Тинни.

— А-а, племянник мистера Ван Дилла. Что случилось?

— Я хочу поставить на сегодняшнее сражение. На Твистера Хаггерти. Вы можете... м-м... можете сделать это?

— На Твистера... на этого алкоголика?! От имени кого? Вашего дяди?

— Нет. От моего. Я располагаю секретной информацией.

— Ну-ну,— скептически заметил Джо.— Буду рад помочь. Сколько? Соотношение восемь к одному.

— Двести долларов,— выдавил из себя Тинни.

Именно столько он накопил, мучительно ограничивая себя во всем,— в надежде, что когда-нибудь наберет достаточно, чтобы купить магазинчик. И сейчас рисковал всем!

Нет никакого риска, заверил его Хаггерти.

— Ладно. Две сотни. На Твистера,— сказал Джо.

— Хорошо.

Тинни повесил трубку и полностью расслабился, окончательно передав бразды правления Хаггерти.

Сквозь пелену дремы он едва замечал яркие огни, пропахшую потом раздевалку, обрушившиеся на Хаггерти бесчисленные вопросы, его ответы. Хаггерти не разговаривал ни с кем, кроме своего импресарио. И отказывался объяснить тому, откуда у него взялись лишние руки и что это за мешок на плече.

— Пусть себе лежит. Это же не против правил?

— Конечно, но...

Потом настал момент, когда Хаггерти перешагнул через канаты. Тинни проснулся и посмотрел сквозь мешок. Толпа ахнула при виде необычных физических особенностей борца.

— Фальшивые? Ну конечно. А выглядят, как настоящие. Чтоб мне сдохнуть...

На ринг вышел Тарк Зорион, плотный, густо заросший волосами, с лицом свирепого убийцы. Тинни содрогнулся.

— Не переживай,— прошептал Хаггерти.— Предоставь все мне. Дело верное, с четырьмя-то руками.

И буквально тут же знакомый хриплый голос что-то прокричал из первого ряда. Тинни повернул голову и по-

смотрел сквозь мешок. Это был дядя Вилбур, с бутылкой и пакетом арахиса в руках.

Ну конечно, он купил у спекулянта билет в первый ряд. Дядя Вилбур никогда не пропускал поединков в «Парке».

Однако Хаггерти тоже увидел его.

В его горле зародился глубокий, клокочущий звук. Он встал, перемахнул через канаты и рванулся к дяде Вилбуру.

— Хаггерти! — завопил Тинни.— Ради бога!

Слишком поздно. Хаггерти уже душил Ван Дилла. Лицо старика налилось краской. Тинни прикладывал неимоверные усилия, чтобы заставить руки слушаться себя. Увы, сейчас они подчинялись лишь Хаггерти.

Дядя Вилбур поднял бутылку и с размаху опустил ее на голову борца.

Глаза Хаггерти остекленели, голова свесилась вперед. Он был в нокауте... отключился.

Возникло всеобщее смятение. Тинни, снова обретя власть над своим телом, сумел удержаться на ногах. Вокруг столпились люди, осыпая его вопросами.

— Что тебе в голову взбрело? Ты не пострадал? — вырвался вперед импресарио Хаггерти.

Голова борца свесилась на грудь, глаза были закрыты. Голова Тинни, ясное дело, все еще оставалась в мешке. Он мог видеть сквозь него... и то, что он видел, не утешало.

Он машинально вернулся на ринг и уселся на свой стул.

— Хаггерти! — яростно зашептал он.— Очнись! Очнись же, говорю тебе!

Он всеми четырьмя руками захлопал борца по щекам. Для зрителей это выглядело так, как будто Хаггерти сидит, свесив голову, и бьет себя по лицу в попытке прочистить мозги.

Дядя Вилбур, который, по-видимому, не пострадал, снова устроился на своем месте. Тинни тяжело задышал — до него дошел весь ужас его положения.

Им начала овладевать паника. Нет, такого просто не может быть. Он, Брюс Тинни, сидит тут в спортивных трусах, с двумя головами и четырьмя руками, напротив Тарка Зориона...

Публика ревела. Вспомнив о своих двух сотнях долларов, Тинни проклял Хаггерти.

— Очнись! — тяжело дыша, прошептал он.

Никакого ответа.

И что теперь? Бежать, очевидно... Но это означало бы для Тинни утрату двухсот долларов — и всех надежд на будущее. Хаггерти мог в любой момент прийти в себя. Если бы только Тинни смог до тех пор продержаться против Тарка...

Почему бы и нет? В конце концов, у него четыре руки!

Да, он выдержит. Пока Хаггерти не очнется и не возьмет все на себя... если, конечно, к тому времени Тинни не убьют.

Имелись и кое-какие плюсы. Он располагал мускулистым телом борца. И четырьмя руками. Ну...

Бой начался. Поначалу особых проблем не возникало, если не считать выражения тупого изумления на физиономии Тарка и криков публики.

Хаггерти боролся, свесив голову на грудь. Люди спрашивали себя, как он может видеть, что делает. Его голова пьяно моталась из стороны в сторону. И еще вопрос: почему мешок из белой холстины у него на плече не падает? А эти четыре руки!

Тарк справился со своим изумлением и начал наступать. Он кинулся на Тинни и попытался одолеть его сразу, кавалерийским наскоком. Однако никогда прежде ему не приходилось бороться с противником с четырьмя руками. Это было все равно что пытаться отшвырнуть от себя осьминога.

Плотно обхватив Тарка, на манер паука, Тинни медленно, но верно утягивал его тело вниз и в конце концов повалил.

Тарк был так потрясен, что Тинни легко взял над ним верх. Борец сумел отшвырнуть своего жуткого противника, но четыре руки помогли Тинни быстро перекувырнуться. Прежде чем Тарк смог подняться, Тинни бросился на него и с силой прижал к полу всеми четырьмя руками. Судья хлопнул Тинни по спине.

Первый раунд закончился. Тарк был весь в мыле. Тинни вернулся на свое место и зашипел:

— Хаггерти! Очнись!

В новом раунде Тарк снова атаковал Тинни и на этот раз сбил с ног, но Тинни откатился в сторону. Когда он вскочил, Тарк прыгнул на него ногами вперед, и на туловище Тинни словно обрушился удар парового молота. Он упал.

Тарк вспрыгнул на него, отжимая плечи к полу. Судья был в затруднении; определить, где точно у Тинни плечи, оказалось нелегко.

Тем не менее этот раунд выиграл Тарк Зорион.

Пошатываясь, Тинни встал. Пот обжигал ноздри.

— Хаггерти! — выдохнул он.

По-прежнему никакой реакции. Голова Хаггерти свесилась вперед. Зрелище было из ряда вон — борец бежит по краю ринга, с белым мешком на плече, по-видимому, глядя исключительно себе под ноги, а его преследует Тарк Зорион.

Публика засвистела и зашикала.

Видно сквозь мешок было плохо, и в какой-то момент Тинни столкнулся с Тарком. Не успел он отпрыгнуть в сторону, как Тарк мощным ударом свалил его с ног и вскочил ему на грудь. Судья подбежал поближе.

Тинни действовал, повинуясь импульсу. Выбросив вверх одновременно все четыре руки, он подсунул ладони под подбородок Тарка и со всей силой оттолкнул его.

Тот упал на спину, Тинни вскочил и навалился на него. Руки и ноги сплелись в тесный клубок.

Возможно, сильнее всего на Тарка подействовал вид покачивающегося над ним лица Хаггерти, явно пребывающего в отключке. Как бы то ни было, нервы у Тарка не выдержали. Он прямо на глазах терял всякое самообладание, истерически вопя и практически не оказывая сопротивления, когда Тинни прижимал его плечи к обтянутому парусиной полу.

— Уберите его от меня! — визжал несчастный Тарк.— Это дьявол! Зомби! Помогите!

Тинни почувствовал хлопок по спине. Встал и, покачиваясь, вернулся в свой угол.

Рев публики разнесся по всему «Парку». Шляпы полетели в воздух. Никогда прежде не было на этом ринге такой необычной схватки.

— Уф! — произнес знакомый голос.— Что произошло? Кто-то ударил меня? — Хаггерти вскинул голову.— А-а, понятно. Теперь я этим займусь, парень, а ты просто расслабься. Я разделаюсь с Тарком, не дав ему выйти из угла.

Сдерживая злость, Тинни заскрипел зубами и торопливо прошептал, что произошло.

— Да ну? Ты молодец! Спасибо!

Хаггерти поднялся, вышел на середину площадки и пожал сам себе руки. Все четыре.

Журналисты и зрители бросились к рингу. Заметив, что дядя Вилбур пробирается к проходу, Тинни снова зашептал Хаггерти.

— А? — откликнулся тот.— Ладно.

— Ты все понял? Затащи его в такси, отвези домой и добейся, чтобы он снова пропустил нас через свою четырехмерную машину, но в обратном направлении. После этого мы разделимся. Дядя Вилбур может сделать это... если захочет.

— Захочет, не сомневайся,— угрюмо пообещал Хаггерти и двинулся вперед, расталкивая толпу.— Пропустите меня! — ревел он, точно бык.— Дайте пройти! Мне надо кое с кем повидаться.

Тинни, чувствуя себя в безопасности в холстяном мешке, с удовольствием расслабился. Все хорошо. Ван Дилл вернет их с Хаггерти в нормальное состояние. Больше того — он, Тинни, выиграл бой! Двести долларов, при соотношении восемь к одному... этого хватит, чтобы купить магазинчик и начать обустраиваться.

Все просто отлично.

Тинни усмехнулся. Старая поговорка права: одна голова хорошо, а две лучше!

НАЗОВЕМ ЕГО ДЕМОНОМ

/1/

Прошло много времени, прежде чем она вернулась в Лос-Анджелес и проехала мимо дома бабушки Китон. Собственно, он мало изменился, но то, что в 1920 году представлялось ее детскому взору элегантным особняком, сейчас выглядело большим нелепым сооружением, покрытым чешуйками серой краски.

По прошествии двадцати пяти лет чувство опасности исчезло, но осталось настойчивое и непонятное ощущение тревоги, как в те времена, когда Джейн Ларкин, девятилетняя худая большеглазая девочка, со столь модной тогда челкой, была прислана в этот дом.

Оглядываясь назад, в те времена, она могла припомнить одновременно и слишком много, и слишком мало. Когда в тот июльский день 1920 года Джейн вошла в гостиную с зеленой стеклянной люстрой, ей пришлось обойти всех членов семьи и поцеловать каждого: бабушку Китон, чопорную тетю Бетти и четырех дядей. Она ни секунды не сомневалась, когда пошла к новому дяде, такому отличному от остальных.

Остальные дети внимательно наблюдали за ней. Они знали; и они поняли, что она тоже знает — но сразу ни-

---

© Перевод Д. Громова и О. Ладыженского.

чего не сказали. Джейн обнаружила, что и она также не может упомянуть о беде, пока они сами не заведут об этом разговор.

Таково было свойственное детям понятие об этике. Но тревога ощущалась во всем доме. Взрослые лишь смутно чувствовали, что что-то не так. Дети, как поняла Джейн, ЗНАЛИ.

Позже они собрались на заднем дворе, под большой финиковой пальмой. Джейн машинально теребила свое ожерелье и ждала.

Она видела, как другие обменивались взглядами, говорившими: «Думаете, она и в самом деле заметила?» Наконец Беатрис, старшая, предложила сыграть в прятки.

— Ты должна ей сказать, Би,— влез тут же маленький Чарльз.

Беатрис пристально посмотрела на Чарльза.

— Сказать ей? О чем? Ты, Чарльз, с ума сошел.

Чарльз настаивал, хотя и не очень уверенно:

— Ты знаешь.

— Держите при себе свои тайны,— сказала Джейн,— но я все равно знаю, в чем дело. Он — не мой дядя.

— Видите?! — вскричала Эмилия.— Она тоже заметила. Я же говорила вам, что она заметила!

— Смешно,— бросила Джейн.

Она прекрасно знала, что тот человек в гостиной не ее дядя, никогда им не был, и что он усиленно притворялся — достаточно умело для того, чтобы убедить взрослых,— будто он всегда был тем, за кого себя выдает. Но ясным, лишенным предвзятости взглядом не достигшего зрелости существа Джейн могла видеть то, что было недоступно любому взрослому. Он был каким-то... пустым.

— Он приехал недавно,— сообщила Эмилия,— около трех недель назад.

— Трех дней,— поправил ее Чарльз, пытаясь помочь.

Однако его измерение времени не зависело от календаря. Он измерял время, сообразуясь со значительностью

событий, и понятие «день» не служило для него стандартом. Когда Чарльз был болен или когда шел дождь, время для него тянулось медленно; когда же он совершал веселые прогулки в Океанском парке или играл на заднем дворе, время бежало гораздо быстрее.

— Это было три недели назад,— твердо сказала Беатрис.

— Откуда он приехал? — спросила Джейн.

Снова обмен взглядами.

— Не знаю,— осторожно ответила Беатрис.

— Он пришел из большого дупла,— сказал Чарльз.— Оно такое круглое и внутри все сверкает, как рождественская елка.

— Не ври,— одернула его Эмилия.— Ты что, видел это собственными глазами?

— Нет. Ну, может, только краешком.

— И *они* ничего не заметили?

Джейн имела в виду взрослых.

— Нет,— покачала головой Беатрис.

Все дети посмотрели в сторону дома, размышляя о непостижимости взрослых.

— Они ведут себя так, будто он всегда был здесь. Даже бабушка. Тетя Бетти сказала, что он здесь был еще до меня, но я-то знаю, что это неправда.

— Три недели,— сказал Чарльз, меняя мнение.

— Он всех их заставил чувствовать себя больными,— заметила Эмилия.— Тетя Бетти все время пьет аспирин.

Джейн размышляла. Подобные факты делали положение тревожным. Дядя трех недель от роду? Возможно, взрослые всего лишь притворяются, как они иногда это делают, руководствуясь своими непонятными взрослыми мотивами. Но почему-то такое предположение не казалось убедительным. Детей подобными штуками не обманешь.

Теперь, когда лед растаял и Джейн уже перестала выглядеть чужой, Чарльз пришел в большое волнение.

— Скажи ей, Би! Настоящую тайну, ты же знаешь. Можно мне показать ей Дорогу Из Желтого Кирпича? Пожалуйста, Би! А?

Снова повисло молчание. Чарльз слишком много выболтал. Джейн, конечно, знала про Дорогу Из Желтого Кирпича — она вела через всю Страну Оз, от Мертвой пустыни прямо к Изумрудному городу.

После продолжительного молчания Эмилия кивнула.

— Да, мы должны ей сказать,— подтвердила она.— Только она может напугаться. Там так темно.

— Ты сама испугалась,— подтвердил Бобби.— В первый раз ты даже заплакала.

— И вовсе нет!.. Все равно, тогда она сможет поверить...

— А в последний раз,— похвастался Чарльз,— я протянул руку и коснулся короны.

— Это не корона,— возразила Эмилия.— Это он, Руггедо.

Джейн подумала о дяде, который не был настоящим дядей, и вообще был ненастоящим.

— *Он* — Руггедо? — спросила она.

Дети сразу поняли, кого она имела в виду.

— О нет,— сказал Чарльз,— Руггедо живет в погребе. Мы даем ему мясо, красное и мокрое. Оно ему нравится. Он жрет — чав-чав!

Беатрис глянула на Джейн, и та кивнула в сторону домика, маленькой сторожки с хитроумным замком, а потом она очень ловко перевела разговор на другую тему. Началась игра в ковбоев и индейцев, и Бобби, ужасно вопя, помчался вокруг дома...

В хижине приятно пахло акацией, запах которой сочился сквозь щели. Беатрис и Джейн, тесно прижавшись друг к другу, слушали затихающие вдали индейские кличи. Беатрис выглядела на удивление взрослой.

— Я рада, что ты приехала, Джейн,— сказала она.— Малыши ничего не понимают, а это просто ужасно!

— Кто *он*?

Беатрис содрогнулась.

— Не знаю. Думаю, *он* живет в погребе.— И, немножко посомневавшись, добавила: — Но до него вполне можно добраться и через чердак. Я бы его жутко боялась, если бы малыши не были настолько... Они как будто вообще не придают этому значения.

— Но, Би, кто он такой?

Беатрис повернула голову и посмотрела на Джейн так, как будто не могла или не хотела отвечать ей. Как будто ей что-то мешало, какая-то невидимая стена, но, поскольку это было действительно важно, она пересилила себя.

— Я думаю, Руггедо — то же самое, что и *он*,— промолвила она, имея в виду Неправильного Дядю.— Даже знаю, что это наверняка так. Они оба — одно и то же. Чарльз и Бобби так говорят, а они не ошибаются. Они куда лучше меня знают. Они ведь младше... Трудно объяснить, в общем, это нечто вроде прыгалсов. Помнишь?

Прыгалсы. Раса неприятных существ, живущих в пещере по дороге в Страну Оз. Они умели снимать свои головы с плеч и кидаться ими в путников. Джейн сначала не поняла, что имеет в виду Беатрис, но потом сообразила. Ну конечно, ведь это очевидно. Прыгалсы умели делать так, чтобы голова их находилась в одном месте, а туловище — в другом. Но обе части принадлежали одному и тому же прыгалсу.

Конечно, дядя-фантом имел и голову, и тело. Но Джейн сумела лишь смутно осознать возможную двойственность его натуры — одна из частей уверенно двигалась по дому, являясь источником странной злобы, а другая, безымянная, гнездились в погребе и ждала красного мяса.

— Чарльз знает об этом больше остальных,— сказала Беатрис.— Это он обнаружил, что мы должны кормить Руггедо. Мы пробовали и другую пищу, но оказалось, что

требуется именно сырое мясо. А если мы прекратим его кормить, должно произойти что-то ужасное! Мы, дети, это понимаем.

Джейн даже не спросила как. Дети обладали своего рода телепатией, которую принимали как само собой разумеющееся.

— Они не знают,— сказала Беатрис,— и мы не можем им сказать.

— Не можем,— согласилась Джейн.

Две девочки посмотрели друг на друга, беспомощные перед лицом известной проблемы не достигших зрелости существ — той проблемы, что мир взрослых слишком сложен, чтобы можно было его понять, из-за чего детям приходится быть осторожными.

Взрослые — всегда правы. Они — раса чужих.

К счастью для детей, они оказались перед лицом опасности сплоченной группой.

Случись это с одним ребенком, он мог бы впасть в шок. Но Чарльзу, которому принадлежала честь открытия, было всего шесть лет. Он был еще достаточно мал, так что обычный процесс перехода в психически неустойчивое состояние был для него невозможен.

— И они болеют с тех пор, как он появился,— сказала Беатрис.

Джейн это уже заметила. Волк может спрятаться среди стада овец незамеченным, но овцы будут нервничать, сами не понимая, в чем источник этой нервозности.

Дело тут было в настроении. Даже *он* поддался этому настроению, чувству тревоги, ожидания, ощущению того, что что-то не так — хотя и непонятно что, но для *него* это был только камуфляж. Джейн знала наверняка: он не хотел привлекать внимания отличием от избранного им эталона, заключенного в человекообразную оболочку.

Джейн сразу приняла объяснение Беатрис. Дядя был... пустым. Того, кто сидел в погребе, звали Руггедо, и его

следовало регулярно кормить сырым мясом, чтобы не случилось Нечто...

Ряженый, взявшийся неизвестно откуда, *он* обладал властью, но у *него* были и ограничения. Очевидные доказательства его власти принимались безоговорочно.

Дети — реалисты. Им не казалось невероятным, что среди них появился странный и голодный нечеловек — ведь он был.

Он пришел откуда-то. Из времени, из пространства или из некоего укрытия. Он никогда не обладал человеческими чувствами — дети легко видят подобные вещи. Он очень умело притворялся, будто он — человек, и разум взрослых создал искусственные воспоминания о его прежнем существовании. Взрослые думали, будто помнят его. Взрослые распознают мираж, ребенок — обманывается. Мираж же интеллектуальный обманет взрослого — но не ребенка.

Власть Руггедо не могла распространяться на их умы, ибо, с точки зрения взрослого, дети не были ни достаточно зрелыми, ни достаточно нормальными. Беатрис, самая старшая, боялась. У нее начало развиваться воображение.

Маленький Чарли испытывал состояние, близкое к восторгу. Бобби, самый младший, уже откровенно скучал.

Возможно, позже Беатрис могла бы припомнить, как выглядел Руггедо, но остальные не помнили ничего — ибо они шли к нему по очень странной дороге и каким-то образом менялись на то время, что были с ним. Он принимал или отвергал еду, лишь это было фактом. Наверху тело прыгалса притворялось человеческим, в то время как голова его лежала в маленьком ужасном гнезде, сделанном из свернутого пространства, так что он был невидим и недостижим для любого, кто не знал, как отыскать Дорогу Из Желтого Кирпича.

Кем же он был? Не прибегая к стандартным сравнениям — а в этом мире их нет,— сущность его определить нельзя. Дети думали о нем как о Руггедо. Но он не был толстым полукомичным королем гномов, неизменно пребывающим в расстроенных чувствах.

Он никогда им не был.

Назовем его демоном.

Как имя-символ, оно включает в себя слишком много и слишком мало. Но оно подойдет.

По своим физическим качествам он был чудовищем, иным, сверхсуществом.

Но, следуя его поступкам и желаниям, назовем его демоном.

/2/

Несколькими днями позже Беатрис спросила у Джейн:

— Сколько у тебя с собой денег?

— Четыре доллара тридцать пять центов,— ответила Джейн, исследовав содержимое своего кошелька.— Папа дал мне пять долларов на вокзале. Я купила жареной кукурузы и... ну, еще разное.

— Послушай, до чего же я рада, что ты приехала!

Джейн тяжело вздохнула. Само собой разумелось, что свойственные детям принципы социализма будут применены и в данной тесной группке. Маленький капитал Джейн принадлежал не одному из ее членов, но всем, вместе взятым.

— Нам страшно нужны деньги,— сказала Беатрис.— Бабушка поймала нас, когда мы брали мясо из холодильника, и больше мы этого делать не можем. Но на твои деньги мы можем купить много еды. Для него.

И никто даже не подумал о том неизбежном моменте, когда капитал этот должен был истощиться. Четыре доллара тридцать пять центов казались по тем временам

крупной суммой. И потом, не нужно ведь покупать дорогое мясо — главное, чтобы оно было сырым и красным.

Девочки шли по затененным акациями улицам. Кое-где акации уступали место пальмам и перечным деревьям. Беатрис купила два фунта мяса, а еще двадцать центов истратила на содовую.

Когда они наконец вернулись домой, то застали там обычное воскресное сонное царство.

Дяди Саймон и Джеймс пошли за сигаретами, дяди Лью и Берт читали газеты, тетя Бетти вязала крючком. Бабушка Китон читала «Журнал для молодежи», выискивая всякие пикантные места. Девочки остановились за расшитыми портьерами и заглянули в комнату.

— Входите, малышки,— сказал Лью.

У него был глубокий густой голос.

— Карикатуры видели? Матт и Джефф хороши. И Спарк Плаг...

— Для меня достаточно хорош только мистер Гибсон,— сказала бабушка Китон.— Он настоящий художник. Его люди похожи на людей.

Дверь с шумом распахнулась, и на пороге появился дядя Джеймс — толстый, улыбающийся, явно довольный жизнью после нескольких кружек пива. За ним, подобно олицетворению честности, вышагивал дядя Саймон.

— Во всяком случае, хоть тихо,— сказал он, бросив кислый взгляд в сторону Джейн и Беатрис.— Иногда дети устраивают такой шум и гам, что я не слышу даже собственных мыслей.

— Бабушка, а где малыши? — спросила Джейн.

— Думаю, на кухне, дорогая. Им для чего-то понадобилась вода.

— Спасибо.

Две девочки пересекли комнату, в которой ощущались первые признаки неосознанного смятения. Овцы чувствовали присутствие волка, но пока что его обличье было достаточно эффективным. Овцы не знали...

Младшие были в кухне, увлеченно обрабатывая водой и кистями черно-белые рисунки-комиксы. Когда покрываешь газетную страницу водой и красками, рождаются чудеснейшие рисунки. Влага выявляла на свет различные краски, пастельные — но удивительно чистые, подобные тем, что можно найти на японских цветах, растущих в воде, или на китайских бумажных коробочках с крошечными призами внутри.

Беатрис продемонстрировала пакет от мясника.

— Два фунта,— сказала она.— У Дженни были деньги, а лавка Мертона сегодня как раз открыта. Вот я и подумала...

Эмилия с увлечением продолжала свое занятие. Чарльз вскочил.

— Пойдем сейчас, да?

Джейн встревожилась.

— Не знаю, стоит ли мне идти. Я...

— Я тоже не хочу,— сказал Бобби.

Это было уже предательством. Чарльз объявил, что Бобби боится.

— Вовсе нет. Просто мне неинтересно. Я хочу играть во что-нибудь другое.

— Эмилия,— мягко проговорила Беатрис,— этот раз ты можешь пропустить.

— Нет, я пойду.— Эмилия подняла взгляд от рисунков.— Я не боюсь.

— А я хочу посмотреть на огоньки,— сказал Чарльз.

Беатрис повернулась к нему.

— Ты говоришь неправду, Чарльз. Никаких огоньков там нет.

— Есть. По крайней мере, иногда.

— Нет.

— Есть. Просто ты глупая и не можешь их увидеть. Пойдем его кормить.

Само собой разумелось, что сейчас командовала Беатрис. Она была старше, и она, как почувствовала Джейн, боялась больше всех, даже больше Эмилии.

Они пошли наверх. Беатрис несла пакет с мясом; она уже разрезала бечевку. Очутившись в верхнем коридоре, они сгрудились у двери.

— Вон туда нам надо, Джейн,— с оттенком гордости сообщил Чарльз.— Мы должны подняться на чердак. В потолке ванной есть опускающаяся лестница. Нужно взобраться на ванну и дотянуться до нее.

— Но мое платье...— с сомнением в голосе протянула Джейн.

— Ты не испачкаешься. Идем.

Чарльз хотел быть первым, однако он был слишком мал. Беатрис вскарабкалась на край ванны и потянула за кольцо в потолке. Круглая дверь заскрипела, и медленно, с некоей величавостью, сверху спустилась лестница и встала возле ванны. Наверху было темно. Слабый свет едва пробивался сквозь чердачные окна.

— Идем, Джейн,— странным шелестящим шепотом сказала Беатрис.

И они, как отважные акробаты, принялись карабкаться вверх.

На чердаке было тепло, тихо и пыльно; в лучах света танцевали пылинки.

Беатрис двинулась вперед по одной из балок. Джейн внимательно смотрела на нее.

Беатрис не оглядывалась и ничего не говорила. Лишь чуть погодя опустила руку за спину и призывно помахала, и тогда Чарльз, шедший за ней следом, ухватился за ее пальцы. Потом Беатрис достигла доски, ведущей на другое стропило. Она прошла по доске, затем вдруг остановилась и вместе с Чарльзом вернулась назад.

— Ты все делала не так,— разочарованно сказал Чарльз.— Ты думала о неверных вещах.

Лицо Беатрис казалось неестественно белым в слабо-золотистом свете.

Джейн встретилась взглядом с кузиной.

— Би...

— Все правильно, нужно думать о чем-нибудь другом,— быстро проговорила Беатрис.— Идем.

Она снова двинулась по балке; Чарльз шел за ней по пятам и бормотал что-то ритмически-механическое, монотонное:

Раз-два — вот халва,
Три-четыре, заплатили,
Пять-шесть — можно есть...

Беатрис исчезла.

Семь-восемь — пить просим...

Чарльз исчез.

Бобби, всем своим видом выражая неудовольствие, последовал за ними. И он тоже исчез.

Эмилия слабо пискнула.

— О, Эмилия! — выдохнула Джейн.

— Я не хочу туда идти, Джейн! — тоненьким голосом пожаловалась ее младшая кузина.

— Так не иди. Останься здесь.

— Не могу! — вскрикнула Эмилия.— Но я... Я не буду бояться, если ты пойдешь следом за мной. Мне всегда кажется, будто кто-то крадется за мной и вот-вот схватит. Но если ты обещаешь идти следом, я не буду бояться.

— Обещаю,— ответила Джейн.

Повеселевшая Эмилия двинулась по мостику из доски.

На этот раз Джейн смотрела особенно внимательно. И все же она не видела, как Эмилия исчезла. Вот она была... а потом — раз, и ее не стало.

Джейн шагнула вперед, но голос, донесшийся снизу, заставил ее остановиться:

— Джейн!

Голос принадлежал тете Бетти.

— Джейн!

На сей раз окрик был более громким и решительным.

— Джейн, ты где? Иди сюда!

Джейн стояла не шевелясь и смотрела на доску-мостик. Пусто, никого. Ни следа Эмилии и других детей.

Чердак внезапно превратился в место, полное странной угрозы. Но все равно нужно было идти, потому что она обещала...

— Джейн!

Джейн покорно спустилась по лестнице и последовала на зов тети Бетти. Женщина с суровым ртом недовольно поджала губы.

— И где, скажи на милость, ты была? Джейн, я ведь зову тебя и зову?!

— Мы играли,— ответила Джейн.— Я тебе нужна, тетя Бетти?

— Я бы не стала утверждать обратного,— сказала тетя Бетти.— Я вяжу воротник — для твоего платья, между прочим. Иди сюда, нужно примерить. Как ты выросла, девочка!

После этого началась бесконечная возня с булавками, повороты туда-сюда, а Джейн думала не переставая об Эмилии, об испуганной Эмилии, оставшейся на чердаке.

В эту минуту Джейн ненавидела тетю Бетти, но мысль о побеге даже не мелькнула у нее в голове. Ведь взрослые обладают правом абсолютной власти.

С точки зрения поддержания родственных связей в этот момент не было ничего важнее возни с воротником. По крайней мере, с точки зрения взрослых, правящих этим миром.

А Эмили, одна, испуганная, шла по мостику, который вел куда-то...

Дяди играли в покер. Тетя Гертруда, водевильная актриса, неожиданно приехавшая на несколько дней, болтала с бабушкой Китон и тетей Бетти в гостиной.

Тетя Гертруда была маленькой и хорошенькой, в высшей степени очаровательной. Она была полна нежной хрупкости, а ее вкус к жизни наполнял Джейн восхищением. Но сейчас она казалась подавленной.

— В этом доме у меня все время бегают мурашки по коже,— заявила она и сделала вид, будто хочет хлопнуть Джейн по носу сложенным веером.— Привет, милое личико! Ты почему не с другими детьми?

— Да так, устала немножко...— ответила Джейн.

Она не переставала думать об Эмилии. Прошел почти час с тех пор, как...

— А вот я в твоем возрасте никогда не уставала,— сказала тетя Гертруда.— Так вот, слушайте дальше. Три дня, и все время рядом этот ужасный человек! Ма, а я тебе рассказывала...

Голоса понизились.

Джейн следила за тем, как худые пальцы тети Бетти с неизменной скоростью цепляют крючком шелк.

— Это не дом, а просто морг,— произнесла внезапно тетя Гертруда.— Да что с вами со всеми случилось?! Кто-то умер?

— Все дело в воздухе,— отозвалась тетя Бетти.— Жара круглый год.

— А вот если бы тебе пришлось поиграть зимой в Рочестере, Бетти, моя девочка, ты бы радовалась теплому климату. Но все равно, дело не в этом. Я чувствую себя так, будто стою на сцене после поднятия занавеса.

— Это все твои фантазии,— сказала ей мать.

— Это все призраки,— буркнула тетя Гертруда и сразу замолкла.

Бабушка Китон внимательно посмотрела на Джейн.

— Поди-ка ко мне, малышка,— велела она.

Мягкие, уютные колени, державшие на себе стольких детей.

Джейн окунулась в это надежное тепло и попыталась забыть обо всем, оставить все заботы бабушке Китон. Но ничего не вышло.

Что-то в доме было не так, и тяжелые волны этого неправильного и ненужного исходили от источника тревоги, находившегося совсем рядом.

Неправильный Дядя. Голод и алчность, требующие пищи. Близость кровавого мяса дразнила его, когда он лежал в укрытии в своем страшном гнезде, где-то там, в другом мире, в том удивительном месте, куда отправились дети.

Он притаился там и жаждал еды, и он был здесь — пустой, алчный, жаждущий водоворот голода.

Он был двойным дядей. Он прятался за обличьем, но дети видели его насквозь.

Джейн закрыла глаза и теснее прижалась к плечу бабушки Китон.

Тетя Гертруда болтала странно напряженным голосом, как будто чувствовала присутствие рядом чего-то иного, и непонятное ощущение пугало ее.

— У меня премьера в Санта-Барбаре через пару дней... Мы...— говорила она.— Я... Да что же такое с этим домом, в конце концов?! Я сегодня нервная, как кошка!.. В общем, я хочу, чтобы вы все приехали на первое представление. Это музыкальная комедия. Меня повысили.

— Я уже видела «Пильсенского князя»,— сказала бабушка Китон.

— Но не со мной же! Я уже забронировала комнаты в отеле. Ребятишки тоже поедут. Хочешь посмотреть, как играет твоя тетя, а, Джейн?

Джейн кивнула из-за бабушкиного плеча.

— Тетя,— внезапно спросила Джейн,— а ты всех дядей видишь?

— Конечно.

— Всех-всех? Дядю Джеймса, дядю Берта, дядю Саймона и дядю Лью?

— Всю компанию. А в чем дело?

— Это я просто так спросила.

Значит, тетя Гертруда тоже не заметила Неправильного Дядю. Правда, подумала Джейн, она никогда не отличалась наблюдательностью...

— А вот ребятишек я не вижу. Если они не поторопятся, то не получат подарков, которые я им привезла. Ни за что не догадаешься, что у меня для тебя есть, Дженни!

Но даже эти многообещающие слова едва достигли ушей Джейн. Ибо внезапно напряжение в воздухе разрядилось. Неправильный Дядя, мгновение назад бывший водоворотом голода, стал теперь водоворотом экстаза.

Где-то, каким-то образом, Руггедо наконец-то был накормлен. Где-то, каким-то образом, вторая половина двойного дяди пожирала кровавую пищу.

Колени бабушки Китон вдруг куда-то исчезли, и комната превратилась в кружащуюся темноту с крохотными подмигивающими огоньками — Чарльз называл их огнями рождественской елки,— а в центре этого вращения находилось ядро ужаса. Здесь, в этой исчезнувшей комнате, Неправильный Дядя был трубой, ведущей от того невероятного гнезда, где обитала другая его половина, и по этой трубе в комнату вливалось полное экстаза чувство его насыщения.

В это мгновение Джейн оказалась очень близко от других детей, стоящих, должно быть, возле вращающегося фокуса тьмы. Она почти ощущала их присутствие, почти касалась их рукой.

Потом темнота содрогнулась, крошечные огоньки соединились в одно свечение, и в сознании ее закружились невозможные воспоминания. Она была совсем рядом с *ним*. А *он* был безопасным, когда его кормили. Он не руководил своими мыслями, они лились, бесформенные, как у животного, и наполняли темноту. Мысли о красной еде и других временах и местах, где такую же красную еду протягивали ему другие руки.

Неслыханно! Воспоминания не касались Земли, они не касались этого времени и пространства. Он много путешествовал, этот Руггедо, и под многими личинами. Он вспоминал теперь, в потоке бесформенного расщепления, вспоминал, как разрывал меховые бока, пищавшие под

его пальцами, вспоминал поток горячей красной жидкости, струившейся сквозь эти шкурки.

Ничего подобного Джейн не могла раньше даже вообразить.

Он вспоминал огромный двор, мощенный чем-то странным, и что-то яркое в цепях, в центре двора, и кольцо наблюдающих глаз, когда он вышел и направился к жертве.

Когда он вырывал свою долю из гладких боков, цепь клацала в такт его жевавшему рту.

Джейн попыталась закрыть глаза и не смотреть. Но видела она не глазами. Она испытывала чувство стыда и легкого отвращения, ибо тоже присутствовала на этом пиршестве вместе с Руггедо, ощущая сладкий вкус красного вещества, и луч экстаза пронзил ее голову так же, как и его.

— Вот и ребятишки идут,— донесся откуда-то издалека голос тети Гертруды.

Вначале Джейн не поняла смысла ее слов, но потом вдруг снова ощутила мягкость колен бабушки Китон и опять очутилась в знакомой обстановке.

— Не стадо ли слонов мчится по лестнице? — говорила тетя Гертруда.

Они бежали. Теперь Джейн слышала их.

Собственно, они создавали гораздо меньше шума, чем обычно. На полпути они замедлили бег, и до слуха Джейн донесся взрыв голосов.

Дети вошли. Беатрис была немного бледной, Эмилия — розовой, с припухшими глазами, Чарльз что-то взволнованно бормотал, а у Бобби, самого младшего, вид был угрюмый и скучающий. При виде тети Гертруды дети сразу оживились, хотя Беатрис успела обменяться с Джейн быстрым многозначительным взглядом.

Шум, возгласы, приветствия. Вернулись дяди. Началось обсуждение поездки в Санта-Барбару, но это напряженное веселье быстро перетекло в тяжелое молчание.

Ни один из взрослых не оглядывался, не бросал по сторонам подозрительных взглядов, но всех томило предчувствие чего-то плохого.

Только дети — даже тетя Гертруда не примыкала к их числу — сознавали полную *пустоту* Неправильного Дяди. Ощущали присутствие ленивого, вялого, полубессознательного существа. Внешне он имел убедительный человеческий облик, как будто никогда не сосредоточивал свой голод под этой крышей, никогда не позволял своим мыслям крутиться в сознании детей, никогда не вспоминал о красных влажных празднествах, происходивших в другие времена и в других местах.

Теперь он испытывал насыщение. Переваривая, он стал излучать медленные дремотные волны, и все взрослые зевали и удивлялись почему. Но даже теперь он был пустым, ненастоящим. Чувство «якобы-тут-и-нетникого» не могло обмануть маленькие, пронзительные, повсюду проникающие сознания, которые видели Неправильного Дядю таким, какой он есть.

/3/

Позже, когда пришла пора ложиться спать, лишь Чарльз захотел поговорить о дяде. У Джейн было такое чувство, будто Беатрис немного выросла с начала дня. Бобби читал «Маугли» — или притворялся, что читает. Во всяком случае он с огромным удовольствием рассматривал картинки с изображением тигра Шерхана. Эмилия отвернулась к стене и делала вид, будто спит.

— Меня позвала тетя Бетти,— сказала Джейн.

Она ощутила молчаливый упрек.

— Я пыталась ускользнуть от нее так быстро, как только могла. Она хотела примерить на мне тот новый воротничок.

— О!

Извинение было принято, но Беатрис по-прежнему отказывалась общаться.

Джейн подошла к кровати Эмилии и обняла малышку.

— Ты сердишься на меня, Эмилия?

— Нет.

— Сердишься, я знаю. Но я ничего не могла сделать, дорогая.

— Все в порядке,— сказала Эмилия.— Неважно.

— Все сверкает и сияет,— сонным голосом произнес Чарльз,— как рождественская елка.

Беатрис круто повернулась к нему.

— Заткнись, Чарльз! — выкрикнула она.

Тетя Бетти просунула голову в комнату.

— В чем дело, дети? — спросила она.

— Ни в чем, тетя,— ответила Беатрис.— Мы просто играем.

Сытый, удовлетворенный, лежал *он* в своем гнезде. Дом стал тихим. Обитатели его заснули. Даже Неправильный Дядя спал, ибо Руггедо был хорошим притворщиком.

Неправильный Дядя не был фантомом, не был всего лишь проекцией Руггедо. Как амеба тянет к еде ложноножкой, так и Руггедо увеличился и создал Неправильного Дядю. Но на этом сходство кончалось. Ибо Неправильный Дядя не был эластичным расширением, которое можно было бы изъять по желанию.

Скорее *он* — *оно* было перманентной конечностью, как рука у человека. Мозг с помощью нервной системы посылает сигнал, рука протягивается, пальцы хватают — и вот она, еда. Правда, расширение Руггедо имело меньше ограничений. Оно не было постоянно связано законами человеческой плоти. Руку можно отдернуть назад, а Неправильный Дядя выглядел и действовал как человек, и только чистый, незамутненный взгляд мог проникнуть сквозь его личину.

Существуют законы, подчиняться которым должен даже Руггедо. Естественные законы мира связывают его

до известных пределов. Существуют циклы. Жизнь мотылька-гусеницы подчинена циклам, и, прежде чем соткать кокон и претерпеть метаморфозу, гусеница должна есть, есть, есть. Изменение может произойти не раньше, чем придет время. И Руггедо не мог измениться раньше, чем закончится цикл. П потом произойдет другая метаморфоза, как это уже бывало в немыслимой вечности его прошлого — миллионы удивительных мутаций. Но в настоящее время он был связан законами идущего цикла. Вытянутую вперед ложноножку нельзя было втянуть. И Неправильный Дядя был ее частью, а она была частью Неправильного Дяди.

Тело прыгалса и голова прыгалса.

По темному дому гуляли все не прекращающиеся, не затихающие волны насыщения, медленно, почти незаметно ускорявшиеся и переходившие к той нервной пульсации алчности, что всегда следует за процессом пищеварения, завершая его.

Тетя Бетти повернулась на другой бок и начала посапывать. В другой комнате Неправильный Дядя, не просыпаясь, тоже повернулся на спину и тоже засопел.

Искусство мимикрии было развито очень хорошо...

И снова наступил день, и пульс дома изменился и по темпу, и по настроению.

— Если мы собираемся в Санта-Барбару,— сказала бабушка Китон,— то сегодня я хочу отвести детей к дантисту. Нужно привести в порядок их зубы, а с доктором Гувером трудно договориться даже насчет одного ребенка, не говоря уж о четырех. Джейн, твоя мама писала мне, что ты была у дантиста месяц тому назад, так что тебе идти не нужно.

После этих слов детей обуяла невысказанная тревога, однако никто из них ни жестом не выдал ее. Лишь когда бабушка Китон повела детей за ворота, Беатрис немного задержалась. Джейн стояла у дверей, глядя им вслед. Беатрис, не оглядываясь, протянула руку, схватила пальцы Джейн и сжала их.

И это было все.

Но ответственность была возложена.

Слова не требовались. Беатрис дала понять, что теперь заботы передавались Джейн. Ответственность лежала на ней.

Джейн не осмелилась надолго откладывать свои обязанности. Чуть ли не с каждой минутой взрослые становились все грустнее и грустнее, и она это ясно видела. Руггедо снова начинал испытывать голод.

Она наблюдала за своими двоюродными братьями и сестрами, пока те не исчезли за перечными деревьями. Через некоторое время рокот автобуса сообщил о том, что на их возвращение можно не надеяться. Тогда Джейн пошла к мяснику и купила два фунта мяса. Выпив содовой, она вернулась домой.

Сердце ее колотилось в груди, как маленькая птичка.

Взяв на кухне жестяной тазик, Джейн положила туда мясо и проскользнула в ванную. С такой ношей вскарабкаться на лестницу было довольно-таки трудно, но она справилась. В теплом молчании, царившем под крышей, Джейн остановилась и стала ждать — она почти надеялась на то, что тетя Бетти снова позовет ее. Но ничьих голосов слышно не было.

Простой механизм предстоящих ей действий делал страх не таким острым. Кроме того, ей едва исполнилось девять. Но на чердаке было темно.

Вытянув одну руку в сторону, Джейн ступила на балку и шла, пока не достигла доски-мостика. Ступив на нее, она ощутила под ногами вибрацию.

Раз-два — вот халва,
Три-четыре — заплатили,
Пять-шесть — можно есть,
Семь-восемь...

Два раза у нее ничего не получалось, но на третий — удалось. Нужно было освободить голову от мыслей. Она пересекла мостик, свернула и...

В этом месте было сумрачно, почти темно... Здесь пахло холодом и сыростью подземелья. Ничуть не удивившись, она вдруг поняла, что находится глубоко внизу, возможно, под домом, а может, и очень далеко от него. Но она восприняла эту странность как должное. Она ничему не удивлялась.

Как ни странно, она словно бы знала, куда надо идти. Она шла по направлению крошечного, замкнутого пространства — и в то же самое время блуждала по пустынным, с низкими покрытиями, бесконечным, очень тусклым, пахнувшим холодом и влагой местам. О таких местах даже думать неприятно, не то что бродить по ним, имея при себе только тазик с мясом...

Оно нашло мясо приемлемым.

Позже, припоминая случившееся, Джейн так и не смогла определить, что же это было за *оно*. Она не знала, как предложить еду, не знала, как эта еда была принята. Не знала, как нашла *его* лежавшим посреди парадоксального пространства и утлости и грезящим об иных мирах и эрах.

Она лишь знала, что темнота снова закружилась вокруг нее, подмигивая маленькими огоньками, когда оно пожирало еду. Воспоминания перебегали из его разума в ее разум, как будто оба они были сделаны из единой ткани. На сей раз она видела все яснее. Видела огромное крылатое существо в блестящей клетке, она прыгнула вместе с Руггедо, ощутила биение крыльев, почувствовала взметнувшуюся в теле волну голода, живо вкусила жар, сладость, солоноватость упруго бившей струи.

Это было воспоминание, собранное из многих других событий. Другие жертвы бились, схваченные *им*, роняли перья, извивались. Когда *он* ел, все его жертвы сливались в воспоминаниях в единое огромное целое.

Самое сильное воспоминание было и последним. Джейн увидела сад, наполненный цветами, каждый из которых был ее роста. Фигуры, скрытые одеяниями с капюшонами, молча двигались среди цветов, а в чашечке гигант-

ского цветка лежала жертва со светлыми волосами, и цепи на ней сверкали. Джейн показалось, будто она сама крадется среди этих молчаливых фигур, и что она — оно — Руггедо — в другой личине идет рядом, направляясь к тому, кто вот-вот умрет.

Это было его первое воспоминание о человеческой жертве. Джейн попыталась проникнуть дальше, узнать побольше. Моральные критерии не играли для нее никакой роли. Еда есть еда. Но затем воспоминание перешло в другую картинку, и она так и не узнала, чем все кончилось. Впрочем, это было и не нужно. У всех подобных воспоминаний лишь один конец. Возможно, это и хорошо, что Руггедо решил не задерживаться на этом моменте своих кровавых пиршеств.

Семнадцать-восемнадцать —
Пора собираться.
Девятнадцать-двадцать...

Она осторожно балансировала на балке, неся обратно пустой таз. На чердаке пахло пылью. Это помогло немножко разогнать красные пары, клубившиеся в ее воспоминаниях.

Когда дети вернулись, Беатрис просто спросила:

— Сделала?

Джейн кивнула. Табу по-прежнему было в силе. Вопрос этот обсуждался ими лишь в случае крайней необходимости. А томительный, вялый жар дома, удовлетворенная пустота Неправильного Дяди ясно показывали, что опасность снова на время отступила...

— Прочитай о Маугли, бабушка,— попросил Бобби.

Бабушка Китон села, надела очки и взяла Киплинга. Остальные дети, довольные, устроились рядом с ней. Бабушка читала о гибели Шерхана, о том, как тигра поймали в ловушку в глубоком, узком ущелье, и о сотрясающем землю паническом бегстве, превратившем бывшего убийцу в кровавую кашу.

— Ну вот,— сказала бабушка Китон.

Она закрыла книгу.

— Вот вам и конец Шерхана. Теперь он мертв.

— Нет,— сонным голосом возразил Бобби.

— Ну, как это? Ведь стадо убило его.

— Только в самом конце, бабушка. А если ты начнешь читать сначала, Шерхан снова будет здесь.

Бобби был слишком мал для того, чтобы понять, что такое смерть. Ведь во время игры в ковбоев и индейцев тебя тоже убивают, и в этом нет ничего ни плохого, ни печального. Смерть — просто термин, понять который можно, лишь пережив некий личный опыт.

Дядя Лью курил трубку и, морща коричневую кожу под глазами, смотрел на дядю Берта, который, прикусив губу, долго сомневался, прежде чем сделать ход. Но дядя Лью все равно выиграл партию в шахматы. Дядя Джеймс подмигнул тете Гертруде и сказал, что ему бы хотелось пройтись: мол, не составит ли она ему компанию? Она согласилась.

После их ухода тетя Бетти подняла голову и презрительно фыркнула.

— Когда они вернутся, посмотрим, чем от них будет пахнуть. И как только ты это допускаешь?

Однако бабушка Китон лишь усмехнулась и потрепала Бобби по волосам. Он уснул у нее на коленях, сжав руки в кулачки. Щеки его зарумянились.

У окна горбилась тощая фигура дяди Саймона.

Он смотрел сквозь занавески и молчал.

— Так, дети,— сказала тетя Бетти.— Если мы едем завтра утром в Санта-Барбару, нужно сегодня пораньше лечь спать.

Так они и поступили.

/4/

К утру у Бобби поднялась температура, и бабушка Китон отказалась рисковать его жизнью ради поездки в какую-то Санта-Барбару. Бобби, конечно, очень расстро-

ился, зато решилась проблема, многие часы не дававшая всем детям покоя. А потом раздался телефонный звонок, и отец Джейн сообщил, что сегодня приедет за ней и что у нее появился маленький братик. Джейн, давным-давно знавшая, что никаких детоносящих аистов не существует, вздохнула с облегчением. Быть может, теперь со здоровьем у мамы будет все в порядке.

Совещание состоялось перед завтраком в комнате Бобби.

— Ты знаешь, что делать, Бобби? — спросила Беатрис.— Обещаешь, что все сделаешь правильно?

— Угу. Обещаю.

— А ты, Дженни, позаботься обо всем до того, как приедет твой папа. Купи побольше мяса и оставь его Бобби.

— Чтобы купить мясо, нужны деньги,— сказал Бобби.

С большой неохотой Беатрис пересчитала то, что осталось от маленького капитала Джейн, и вручила Бобби несколько монеток. Бобби спрятал деньги под подушку и поправил красную фланелевую повязку, обматывавшую его шею.

— Кусается,— сказал он.— И все равно, ничего я не болен!

— Это все от тех зеленых груш, которые ты вчера ел,— язвительно сообщила Эмилия.— Думаешь, никто тебя не видел?

Вбежал Чарльз, который был внизу. Он шумно дышал.

— Эй, а знаете, что случилось? — проговорил он.— *Он* ушиб ногу. Теперь он не может ехать в Санта-Барбару. Держу пари, он нарочно это сделал.

— Черт возьми! — воскликнула Джейн.— Но как?

— Он сказал, что подвернул ее на лестнице. Держу пари, что врет.

Просто не хочет ехать.

— А вдруг... он не может так далеко отъезжать от дома? — предположила Беатрис, и больше они этого вопроса не касались.

Но, в общем-то, Беатрис, Эмилия и Чарльз были довольны, что *он* не поедет с ними в Санта-Барбару.

Чтобы разместить всех и уложить багаж, понадобилось два такси. Бабушка Китон, Неправильный Дядя и Джейн стояли на крыльце и махали отъезжающим автомобилям, которые быстро исчезли в облаке пыли. Затем Джейн взяла у Бобби часть денег и пошла к мяснику. Вернулась она тяжело нагруженная.

Неправильный Дядя приковылял, опираясь на палку, на террасу и сел на солнце. Бабушка Китон приготовила для Бобби омерзительное, но полезное питье, а Джейн решила погодить до полудня, прежде чем сделать то, что нужно было сделать. Бобби читал «Маугли», спотыкаясь на трудных словах.

На некоторое время установилось перемирие.

Джейн долго не могла забыть этот день.

Все запахи были особенно отчетливыми: запах пекущегося хлеба с кухни, густой аромат цветов, слегка отдающий пылью густо-коричневый запах, источаемый нагретыми солнцем коврами и мебелью. Бабушка Китон поднялась к себе в спальню намазать питательным кремом руки и лицо, а Джейн села на пороге и стала смотреть.

Это была уютная комнатка, милая на свой, особый лад. Занавески были так накрахмалены, что сверкали какой-то особой белизной, а стол был уставлен всякими завораживающими взор предметами: подушечками для булавок, сделанными в форме куколок, крошечными красными фарфоровыми башмачками и прочими диковинками. Там же стояла малюсенькая фарфоровая мышка и лежала брошь-камея с портретом бабушки в детстве.

Медленно, но настойчиво некое скрытое биение усиливалось. Оно ощущалось даже здесь, в этой спальне, куда, казалось бы, ни в коем случае не могло проникнуть.

А сразу после ленча зазвонил звонок.

Оказалось, что это отец Джейн, приехавший за ней из Сан-Франциско. Он торопился на поезд, такси ждало у

дома, и оставалось лишь время для короткого разговора. Но все же Джейн улучила минутку и побежала наверх попрощаться с Бобби и сказать ему, где спрятано мясо.

— Хорошо, Джейн,— кивнул Бобби.— Ну, пока.

Она знала, что ей не следовало бы оставлять все на Бобби. Чувство вины мучило ее всю дорогу до станции. Как будто сквозь какую-то дымку до нее доносились голоса взрослых, обсуждавших задержку поезда. Говорили, что он будет еще не скоро.

Отец вдруг вспомнил, что в город приехал цирк...

В цирке было здорово. Она даже забыла о Бобби и о том, что может произойти, если он не выполнит своего обещания. Голубел ранний вечер, когда они вместе с другими людьми вышли из большого шатра. А потом сквозь просветы в толпе Джейн увидела маленькую знакомую фигурку, и внутри у нее все оборвалось. Она все сразу поняла.

Мистер Ларкин увидел Бобби почти одновременно с ней. Он громко окликнул его, и буквально через миг дети уже смотрели друг на друга.

Пухлое лицо Бобби было угрюмым.

— А твоя бабушка знает о том, что ты здесь? — строго спросил мистер Ларкин.

— Думаю, что нет,— ответил Бобби.

— Тебя следовало бы отшлепать, молодой человек. А ну-ка, идем со мной. Нужно немедленно ей позвонить. Она, наверное, умирает от беспокойства.

В аптеке, пока отец звонил, Джейн смотрела на своего двоюродного брата и страдала от гнета первой тяжкой ноши зрелости, сознавая свою ответственность.

— Бобби,— спросила она тихо,— ты сделал?

— Ты оставила меня одного,— мрачно откликнулся Бобби.

Наступило молчание.

Вскоре вернулся мистер Ларкин.

— Никто не отвечает. Я вызвал такси. Мы как раз успеем завезти Бобби домой до отхода поезда.

Почти всю дорогу они молчали. Что бы ни случилось в доме, Джейн не думала об этом — такова была автоматическая защитная реакция мозга. Как бы там ни было, теперь было слишком поздно что-либо предпринимать.

Когда такси подъехало к дому, тот оказался ярко освещенным. На крыльце стояли люди. Свет отражался от значка полицейского офицера.

— Подождите-ка здесь, ребятишки,— велел мистер Ларкин. В его голосе звучала тревога.— Не выходите из машины.

Шофер такси пожал плечами и развернул газету. Мистер Ларкин торопливо направился к крыльцу.

— Ты не сделал,— тихонько сказала Джейн, повернувшись к Бобби.

Это даже не было обвинением.

— А мне все равно,— прошептал в ответ Бобби.— Я устал от этой игры. Я хочу играть во что-нибудь другое.— Вдруг он хихикнул.— А вообще, я победил,— объявил он.

— Как это? С чего вдруг?

— Полиция приехала, и я знал, что они приедут. А *он* об этом даже не подумал — вот я и победил!

— Я не понимаю...

— Ну, это как в «Маугли». Помнишь, как убивают тигра? Привязывают к стволу дерева кого-нибудь маленького, а когда появляется тигр — бух! Но все дети уехали в Санта-Барбару, и ты тоже уехала. Осталась лишь бабушка, вот я ее и «привязал». Да ладно тебе дуться, она же много с нами играет. И потом, кроме нее, все равно никого не было.

— Но, Бобби, к дереву привязывают не человека. А кого-нибудь из животных, например козленка...

— О! — нахмурился Бобби.— Ну да, конечно. Но я решил, бабушка вполне подойдет. Она слишком толстая, чтобы быстро бегать.— Он мрачно усмехнулся.— А вообще, он дурак. Все знают: когда к дереву кто-то привязан,

значит, рядом сидит охотник. Но *он* ничего не знал. Когда я сказал ему, что запер бабушку в ее комнате и больше в доме никого нет, я думал, он догадается...— У Бобби был весьма довольный вид.— Я хитрый. Я ему через окно сказал. Иначе он мог бы подумать, что приманка — это я. А он ничего такого не подумал. Чуть ли не бегом побежал наверх. Даже забыл, что ему нужно хромать. Наверное, здорово проголодался...

Бобби посмотрел в сторону крыльца, на котором царило оживление.

— Полицейские, должно быть, уже схватили его,— бросил он безразличным тоном.— Легче легкого. Я победил.

Джейн не успевала следовать за ходом столь прихотливой логики.

— Значит, она умерла? — очень тихо переспросила она.

Бобби кинул на нее задумчивый взгляд. Для него это слово имело совсем другой смысл, и вне игры оно ничего не значило. И потом, тигр ведь никогда не успевает добраться до приманки.

Мистер Ларкин возвращался к такси. Он шел очень медленно и ступал не слишком уверенно.

Лицо его было опущено...

...Дело, конечно, замяли; детей, знавших гораздо больше, чем опекавшие их взрослые, упорно оберегали от подробностей случившегося. Примерно так же чуть раньше дети пытались защитить взрослых. Но, кроме двух старших девочек, остальных это происшествие не особенно взволновало. Игра была окончена, бабушка уехала в долгое путешествие, из которого ей не суждено было вернуться.

Впрочем, дети понимали, что это на самом деле означает.

С другой стороны, Неправильному Дяде тоже пришлось уехать — как было им сообщено, в большую больницу, где о нем позаботятся.

Это тоже не слишком-то их встревожило, ибо находилось вне границ их опыта. Их понимание смерти было несовершенным, а все остальное вообще являлось полной тайной. Позднее, когда интерес угас, они вообще практически не вспоминали о прошлом. Лишь Бобби, когда ему читали «Маугли», всякий раз ждал: а вдруг на сей раз тигра куда-нибудь уведут, вместо того чтобы убить на месте? Разумеется, такого ни разу не случилось. Наверное, в реальной жизни тигры были другими.

Однако долгое время после этого в ночных кошмарах Джейн являлись такие вещи, которые она не позволяла себе помнить наяву. Она видела бабушкину спальню такой, какой видела ее в тот последний раз, с белыми занавесками, с солнечным светом, красным фарфоровым башмачком и куколкой-булавочницей. Бабушка втирала крем в морщинистые руки и чуть морщилась: она чувствовала, как алчные волны голода наполняют дом, исходя от ужасного пустого места где-то внизу.

Должно быть, оно было очень голодным.

Неправильный Дядя притворился, будто у него болит лодыжка; он крутился и ворочался на кушетке, этот полый человек, пустой и глухой ко всему, кроме потребности в красной еде, без которой он не мог жить. Хищное существо внизу пульсировало от голода, алкая пищи.

Бобби очень мудро поступил, решив передать сообщение-приманку через окно.

К тому времени запертая в комнате наверху бабушка, должно быть, уже обнаружила, что не может выйти. Ее толстые, испещренные крапинками пальцы, скользкие от крема, тщетно пытались повернуть ручку.

Джейн много раз слышала во сне звук шагов.

Эти шаги были куда более громкими и реальными, чем те, которые ей доводилось слышать наяву. Она точно знала, какими они были: топ-топ, топ-топ, две ступени за шаг, и бабушка прислушивается с тревогой, зная, что дядя с его больной ногой не может так ходить. «Во-

ры, наверное...» — подумала она, и сердце ее тревожно екнуло.

Но тревожилась она недолго: должно быть, одного лишь удара сердца хватило на то, чтобы шаги протопали через коридор. К тому времени уже весь дом дрожал и пульсировал от триумфального голодного рева, и шаги попадали в ритм этой пульсации. С ужасающей неотвратимостью они звучали в коридоре все ближе. А потом в замке повернулся ключ...

А потом...

А потом Джейн обычно просыпалась...

«Он не виноват, он же совсем маленький»,— много раз твердила себе Джейн тогда и позже. После этого она долго не видела Бобби, а когда увидела, он успел обо всем забыть — слишком много было новых впечатлений. Он пошел в школу, а на Рождество ему подарили щенка.

Когда же Бобби услышал о том, что Неправильный Дядя умер в психиатрической лечебнице, то с трудом вспомнил, о ком идет речь, ибо для самых младших Неправильный Дядя никогда не был членом семьи, а только частью игры, в которую они играли и победили.

Мало-помалу непонятная депрессия, некогда угнетавшая домочадцев, сделалась менее явной, а потом и вовсе пропала. Дни после смерти бабушки были самыми тяжелыми, но затем стало легче, поэтому всё списали на переживания после потери близкого человека.

Как ни странно, холодная, ограниченная логика Бобби оказалась верной. Руггедо не мог ввести в игру нового Неправильного Дядю, ведь это было бы нечестно, и Бобби верил, что *он* будет соблюдать правила. И *он* соблюдал их, ибо они представляли собой закон, нарушать который было нельзя.

Руггедо и Неправильный Дядя были частью единого целого, намертво связанного основным циклом. И пока этот цикл не завершится, связь с Неправильным Дядей нельзя было разорвать. Руггедо просто не мог ничего сделать, он был бессилен.

В сумасшедшем доме Неправильный Дядя медленно умирал от голода. К той пище, что ему предлагали, он даже не притрагивался. Голова и тело умерли вместе, и дом бабушки Китон снова обрел покой.

Вспоминал ли Бобби когда-нибудь о случившемся, об этом никто не знал. Его действия основывались на идеальной, абсолютной логике, ограниченной лишь его опытом: если ты попытаешься совершить что-нибудь плохое, обязательно придет полицейский и заберет тебя.

Бобби надоела эта игра. Лишь инстинкт соперничества мешал ему бросить ее и начать играть во что-то другое.

Он хотел победить, и он победил.

Ни один взрослый не сделал бы того, что сделал Бобби, но ребенок — совсем иное существо. Согласно стандартам, принятым среди взрослых, всякий ребенок слегка безумен. Он мыслит иначе, он иначе действует, иного жаждет, а поэтому...

Назовем его демоном.

МЕЧ ГРЯДУЩЕГО

/1/

Опиум облегчал его страдания. Он впадал в наркотическое беспамятство, из которого его не могли извлечь никакие пытки. Поначалу он цеплялся за два воспоминания: свое звание и армейский номер. Сосредоточив затуманенное болью сознание на этих крохотных кусочках действительности, он был способен сохранять рассудок.

Потом настало время, когда он пожалел, что не потерял разум.

В японском тюремном лагере люди выдерживали год, максимум два. Они становились калеками, душевнобольными, но продолжали жить и помнили свои имена.

Поначалу он часто говорил вслух в сырой мгле камеры.

— Этан Корт,— шептал он, обращаясь к черным, неразличимым во мраке стенам.— Этан Корт. Таймс-сквер. Тиффани. Статен-айленд. Стадион «Янки», попкорн, виски с лимонным соком, Гринвич-виллидж!

Но вскоре он перестал узнавать собственный голос и после этого разговаривать почти перестал. Самым ужасным было бездействие. Постепенно он погружался в состояние, напоминающее летаргический сон. Время от вре-

---

© Перевод Б. Жужунавы.

мени Корта водили на допрос к японским офицерам, но и это случалось все реже.

Он знал, что находится где-то на оккупированной территории Китая. Он был пилотом и совершил вынужденную посадку. А потом его схватили и долго везли куда-то кружным путем. Должно быть, это временная штаб-квартира, расположенная, скорее всего, в каком-нибудь бывшем китайском городе в горной части страны. Японцы, конечно, ничего ему не объясняли, только задавали вопросы.

Они понятия не имели, что именно Корту известно, но, поскольку выбирать им не приходилось, стремились выжать из него все возможное. Его упорное молчание выводило их из себя. Начальником гарнизона был желчный самурай, семья которого попала в немилость у нынешних властей. Постепенно японец убедил себя в том, что между ним и Кортом существует личная вражда, что-то вроде дуэли японского и американского офицеров, где оружие одного противника — абсолютное бездействие, а другого, напротив, беспощадное действие.

Время тянулось медленно. Над Японией все громче и чаще ревели бомбардировщики, и японцам пришлось отзывать войска из Бирмы, Таиланда и островов к северу от Борнео. Но все эти бурные события штаб-квартиры не касались. Хоть она и находилась в стратегически важном месте, она была тщательно изолирована. Яростные приливы войны то накатывались, то снова отступали, не касаясь ее. Радио не приносило начальнику гарнизона хороших новостей. Японский император хранил молчание.

Рано или поздно любой пленник заговорит, нужно лишь время. Томясь вынужденным бездействием, начальник гарнизона посвятил себя тому, чтобы сломить волю американца. От пыток японец перешел к проверенному веками средству — опиуму. Наркотик стали подмешивать Корту в пищу, и со временем у пленного

развилось привыкание. Японский офицер постепенно увеличивал дозу. Разум Корта мало-помалу охватывало тупое оцепенение.

Однажды в камеру к Корту поместили монгола по имени Кай Сьенг. Он тоже был пленником и знал лишь несколько английских слов. Корт догадался, что на оккупированных территориях произошло восстание. Тюремные камеры форта были переполнены. Кай Сьенг оставался с ним месяц, и за это время Корт ближе познакомился с обманчивым Маковым миром.

Странные беседы вели они в темноте — немного на английском, чуть-чуть на китайском, а больше на смеси языков, понятной им обоим. Монгол был фаталистом. Рано или поздно все умирают, говорил он. А пока не настал его смертный час, Кай Сьенг успел убить очень много японцев. Издевательства и пытки, через которые он прошел, никак на него не подействовали. Японцам так и не удалось вытянуть у него, где прячется главарь китайских партизанских отрядов.

— Им меня не достать,— говорил монгол Корту.— Часть меня, настоящий я, не здесь. Настоящий я — в бездонной глубине, где царит мир и покой.

Да, признавал Кай Сьенг, он курит опиум, но дело не только в этом. Он побывал в Тибете, в ламаистском монастыре. Там он приобщился к тайному знанию, позволяющему на время разлучить душу и тело.

Корту стало интересно.

На офицерских курсах им рассказывали про психонамику, необычный способ психологической защиты, который, в сущности, сводится к самогипнозу. И теперь здесь, в тюремной камере в Китае, провонявший прогорклым жиром монгольский партизан рассказал ему о похожей науке. Точнее, о похожем мистическом учении.

Корт признался Кай Сьенгу, что боится сойти с ума или не выдержать пыток. Под воздействием конопля-

ного зелья его воля слабела, и он опасался, что в конце концов заговорит.

— Обрати их оружие против них самих,— посоветовал ему монгол.— Маковый дым открывает врата. Я научу тебя тому, что умею. Ты должен научиться полностью растворяться в спокойствии Вселенной.

Да, это было учение, далекое от науки, но по сути оно во многом совпадало с основами психонамики. Жаль только, в камере не было свечи, чтобы медитировать, сосредоточившись на язычке пламени. К тому же Корт был болен телом и душой и никак не мог отбросить все тревоги, обрести внутренний покой.

Стоит ему хоть раз открыть рот, и он выболтает все. Японцы и не догадывались, что ему известна крупица военной тайны. На всем Восточном театре военных действий лишь Корту и еще нескольким генералам с тремя звездочками на погонах была ведома подлинная важность этих сведений. Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы враг узнал о них. Покончить с собой Корт не мог, для этого за ним слишком тщательно следили. И потому он добровольно шагнул в капкан, расставленный его мучителями, и стал наркоманом.

Кай Сьенг показал ему выход. Японцы радовались, что Корт идет у них на поводу, а он между тем обрел Маковый мир. Однако монгол открыл ему не только преимущества дурмана, но и еще кое-что — секрет психонамической защиты, какой ее видели тибетские ламы. Поначалу Корту было трудно, но опиум служил хорошим подспорьем.

Корт рисовал в своем воображении море, глубокое, спокойное, бескрайнее, и позволял себе утонуть в его бездонных глубинах. Чем глубже он погружался, тем меньше его волновал внешний мир. Насыщенный опиумом разум Корта пребывал в безбрежном океане, а он сам — в сине-зеленой бездне, и тюрьма с каждым днем отодвигалась дальше и дальше. Это была методика работы с сознанием, методика высочайшего порядка, но началь-

ник гарнизона об этом не догадывался. Он думал, что Корт становится все более податливым и совсем скоро превратится в отупевшее, безвольное существо, покорно отвечающее на все вопросы.

Кай Сьенга увели и расстреляли. Сквозь дымку забытья Корт смутно понял, что произошло. Однако для него это не имело значения. Ничто не имело значения. Только лазурное море было реально, бездна, которая приняла его в свои объятия, убаюкивала и давала ощущение безопасности.

Ему перестали давать опиум — японцы что-то заподозрили. Но они опоздали. Как сильно ни страдало тело Корта без наркотика, это не смогло пробудить его от сине-зеленого сна. Самые бесчеловечные и безжалостные пытки оказались не способны зажечь искру жизни в его глазах. Он ушел древним тибетским путем, ушел далеко и обрел мир.

Но он не умер. Бездействующее тело требовало все меньше и меньше пищи. Оно простаивало, словно опустевший дом, потому что разум Корта блуждал далеко от него. Подобно гималайским ламам в голубых одеяниях, которые, по слухам, живут до тысячи лет, Корт продлил срок своей жизни, дав телу отдых. Организм — машина, поддерживающая его материальное существование,— работал вхолостую. И лишь в глубине этой машины тлела крошечная искорка жизни.

Он не осознавал этого. Он больше не помнил своего имени, не помнил ничего. Он спал, убаюканный прозрачной сине-зеленой бесконечностью, а в это время армии проносились по лику мира, над пылающими городами кружили самолеты с хищными акульими мордами и дома взлетали на воздух, превращаясь в дымящиеся руины. Он не проснулся, когда здание наверху обрушилось и орошенные кровью японцев обломки отрезали его камеру от внешнего мира. Безжизненные дымящиеся развалины — все, что осталось от японской крепости.

Этан Корт покоился в полной темноте, без доступа воздуха. В тибетских монастырях ламы тоже впадали в подобное состояние, а потом просыпались и, в конце концов, умирали. Земля мчалась сквозь пространство, описывая гигантские круги вокруг Солнца, и со временем воюющие народы успокоились.

Воцарился мир... Впрочем, ненадолго.

На пробуждение ушло много-много лет. Приспособившееся к тем или иным условиям человеческое тело — хрупкий и невероятно сложный организм. Человек, проспавший целые эпохи, не может бодро вскочить, как если бы просто прилег вздремнуть на полчасика. Кроме того, специфический метод, благодаря которому Корт погрузился в сон, также замедлил его возвращение к жизни.

Толчком к пробуждению послужил воздух. Он просачивался сквозь трещину в погребенном под развалинами потолке камеры и проникал в ноздри Корта. Бездействующие легкие стали понемногу усваивать кислород, снабжая им почти застывшую кровеносную систему. Красные кровяные тельца разносили кислород по организму, и искра жизни медленно, исподволь, разгоралась все ярче.

Однако разум по-прежнему оставался безмятежен. Океан глубок. В нем возникло легкое волнение, да... но почти незаметное.

В конце концов Корта нашли люди.

Он не видел смуглого бородатого лица того, кто первым заметил его, не видел, как факел опустили пониже, чтобы лучше разглядеть неподвижное тело. Не слышал возгласов изумления на незнакомом языке, не чувствовал, как его на грубых носилках несут в деревню, приютившуюся среди горных пиков.

Одежда на нем давным-давно истлела, но металлические солдатские медальоны сохранились, хотя цепочка проржавела да и сами жетоны пострадали от времени. Люди, которые его нашли, положили крошечные пла-

стинки в священное место и, по приказу местного жреца, стали ухаживать за Кортом. Возможно, сквозь века до них дошел какой-то отголосок знания о святых тибетских ламах, поскольку люди восприняли сон Корта как нечто мистическое и священное.

Они мыли его и осторожно натирали истощенное тело маслом. Они по каплям вливали ему в рот теплое молоко харама, животного, которого не существовало в двадцатом столетии. А иногда молились ему.

Сам жрец подолгу разглядывал его усталыми, мудрыми глазами — и удивлялся. У его народа не существовало письменной истории, только устные предания, за многие годы обросшие выдумками. Сказания говорили о том дне, когда боги уничтожили мир. Боги-колоссы шагали по земле, сея на своем пути разрушение и оставляя позади лишь бушующее пламя. Жрец не мог понять, как этот человек пережил конец света и уцелел.

Между тем мирная жизнь кочевников шла своим чередом. Они вели меновую торговлю и охотились, и со временем среди них появилась исхудавшая фигура Этана Корта, небритого, в нелепой туземной одежде. Однако, хотя глаза его были открыты, дух его по-прежнему пребывал далеко.

Психиатр наверняка догадался бы, что причиной тому была душевная травма, вызванная сильным потрясением. Синее море, в безмятежных глубинах которого парила душа Корта, не давало ране закрыться. Но часть его разума все же пробудилась. Слово за словом, Корт учил чужой язык — это оказалось несложно — и играл в тихие игры с детьми. Голубоглазый и бородатый призрак прошлого... Постепенно он влился в жизнь племени и его перестали считать святым. Однако относились к нему дружелюбно, и жрец потратил немало часов, пытаясь найти ключ к душе удивительного человека.

Потом пришли перемены. В темном зеркале затуманенного восприятия Корта отразилось новое лицо, а вслед за ним и другие пугающе непривычные вещи. Он бросил-

ся искать спасения в сине-зеленых глубинах, то есть снова попытался спастись бегством. Новизна страшила его. Он едва замечал свое изменившееся окружение — сияющее разнообразие цветного пластика и приглушенную музыку. Его сознание отторгало болезненные уколы крошечных иголок, которые впивались ему в руки и ноги.

Однако что-то беспокоило бездонные воды. Что-то неумолимо тянулось вниз, к нему, ощупывая, захватывая, вытаскивая на поверхность.

Голоса разговаривали с ним на языке, который он выучил в племени. Они теребили его... будто пытались найти кого-то. Кого? Они утверждали, что он знает. Они приказывали ему вспомнить... что?

Имя.

Чье имя?

Синее море постепенно мелело. Волны странной, вызывающей беспокойство музыки захлестывали Корта. Краски и свет трепетали перед его недоумевающим взглядом.

Имя... Корт. Этан Корт!

Сине-зеленое забвение схлынуло, разлетелось клочьями, словно туман. Оно ускользало все дальше, пока не исчезло совсем, и на его место обрушились воспоминания о человеке по имени Этан Корт.

Память вернулась. Теперь он проснулся по-настоящему. И сразу понял, что попал в совершенно новый мир.

/2/

Его окружали тревожные лица, но вдруг все они, как одно, просветлели. Раздались изумленные и радостные возгласы. Обводя взглядом комнату, Корт непроизвольно нахмурился. Он полулежал в странном громоздком кресле, его тело кольцами обвивали какие-то светящиеся трубки. Тесно обступившие кресло незнакомые люди с любопытством рассматривали его.

Он поджал губы.

— Что происходит? — спросил он по-английски.— Где я?

Абсолютно лысый человек в белой одежде, плотно облегающей худощавую фигуру, жестом велел уйти, добавив на языке, который Корт недавно выучил в племени:

— Оставьте меня с ним наедине. Он очнулся. Свяжитесь с Барленом. Известите Трон. Уходите же!

Часть стены бесшумно поднялась, и люди торопливо удалились. Корт выбрался из кресла, сверкающие кольца трубок потускнели. Тело было послушным и надежным, как старый друг. После частичного пробуждения Корт долгое время, сам не осознавая того, заставлял его двигаться, и теперь оно было в хорошей форме. Оглядев себя, он обнаружил, что одет в коричневую с синим узорчатую куртку из мягкого материала и такие же шорты. На ногах были удобные туфли из полупрозрачного пластика.

Комната имела непривычный, экзотический вид. Стены мерцали абстрактными узорами мягких, пастельных тонов. Это мерцание успокаивало. Мебель состояла из нескольких кушеток и заставленного разнообразными предметами стола. Никогда прежде Корт не видел ни такой комнаты, ни такой мебели.

Лысый человек подошел к нему. Корт, все еще хмурясь, попытался объясниться с ним на новом языке:

— Что это? Я спрашиваю, где я? Я пленник?

— Нет, вы не пленник,— ответил человек.— Вы были больны. Я — Тор Кассел. Вы хорошо меня понимаете?

Корт кивнул, но настороженность не покидала его.

— Что это за место?

— Мой дом,— ответил Кассел. Поколебавшись, он спросил: — Вы помните свое имя?

— Разумеется. Но больше почти ничего.

— Правда? — Темные глаза пристально вглядывались в лицо Корта.— Воспоминания не вернулись?

Корт устало покачал головой.

— Все путается в голове. Я ожидал чего-то другого. Но это, наверное, естественно.

— Конечно,— мягко сказал Кассел.— Чтобы окончательно вернуться к жизни, вам предстоит еще многое узнать. Что касается вашего здоровья, оно в полном порядке. Вы провели здесь, на моем попечении пять месяцев. Давайте посмотрим, точна ли моя теория. Прежде всего, вы хотите пить? Или есть?

— Нет. Я хочу только знать, где я.

Тор Кассел положил тонкую руку на стол.

— Вы находились в подземелье и там уснули. Вы сами вызвали этот сон. Загипнотизировали себя.

— Опиум,— внезапно сказал Корт по-английски.

Кассел удивленно посмотрел на него.

— Опиум?

— Наркотик. Он помогал мне впадать в сон. Возникло привыкание.

— У вас больше нет наркотической зависимости,— успокоил его Кассел.— Поверьте мне на слово. В общем, вы погрузились в сон, находясь в уединенном, хорошо защищенном месте, и провели там много времени. Очень много.

Корт начал злиться.

— Это мне и без вас понятно. Я не маленький. Сколько я проспал? Тысячу лет?

Только когда предположение сорвалось с его губ, он почувствовал, насколько неправдоподобно это звучит.

Кассел заколебался.

— Точно не знаю. Если бы вы сообщили нам хоть что-то о своей эпохе... скажем, положение звезд в ваше время. Наша история началась всего тысячу лет назад.

— Кто вы? Что за раса?

— Мы лиранцы. Это ведь ни о чем вам не говорит, верно?

— Нет.— Корт задумался.— Тысяча лет... всего-навсего? Какой сейчас год? Наверно, трехтысячный с чем-то?

— Семьсот восемьдесят четвертый,— ответил Кассел.— Мы ведем летоисчисление от подписания Первого Пакта, когда объединились несколько кочующих племен.

— Ладно. Возможно, я не очень хорошо вас понимаю.

— У вас варварский акцент, и вы не знаете наших разговорных выражений,— сказал Кассел.— Однако вы очень хорошо выучили язык, живя с кочевниками-моранами. Вы провели в племени несколько лет, и все это время ваш разум спал.

— Дайте мне зеркало,— потребовал Корт.

Лысый человек шагнул к одной из мерцающих стен и сделал какое-то движение рукой. Овальный участок поверхности стены потускнел и приобрел серебристый оттенок.

— Вот,— сказал Кассел.

Корт неуверенно подошел. Конечно, он не ожидал увидеть прежнего Этана Корта. Впрочем, как и хмурого бородатого дикаря. Да, он постарел. На висках появились седые пряди, смуглое лицо осунулось. Возле губ пролегли глубокие складки морщин. Из-под сердито нахмуренных темных бровей недоверчиво смотрели пронзительно-голубые глаза.

Кассел подошел к нему.

— Наши этнологи и историки обнаружили вас в племени моранов. Выяснили, что смогли, касательно вашей истории. Кочевники нашли вас, полуживого, под землей, среди древних развалин. Они отнесли вас в свою деревню и ухаживали за вами.

— Это я помню,— сказал Корт.— Да, помню.

Его пальцы неуверенно коснулись губ. Эта плоть... все еще теплая, живая... хотя прошло больше тысячи лет? Возможно, больше... десяти тысяч! Трудно поверить.

Кассел держал в раскрытой ладони что-то маленькое, блестящее.

— Это нашли при вас. Конечно, наши ученые не смогли прочесть, что тут написано, однако узнали некоторые

буквы и цифры. Очень древний язык... Он давно уже мертв, от него осталось лишь несколько записей на металле, которые мы не можем расшифровать.

Он вложил предметы в ладонь Корта. Заново отполированные, они выглядели удивительно родными. Внезапно Корт ощутил их как единственную реальную вещь в этом чуждом ему мире. Имя... группа крови... прививка от брюшного тифа... личный номер.

— Потом вас перевезли сюда,— продолжал Кассел.— Мы догадывались, что наша находка может иметь огромное значение. В наши дни мы умеем вызывать временное замедление биологических процессов, но то, что это было возможно и в вашу эпоху, стало открытием. Когда это произошло?

— В тысяча девятьсот сорок четвертом году. Или тысяча девятьсот сорок пятом. Не знаю.

— Боюсь, это ни о чем мне не говорит. У нас другая хронология. Кем вы были?

Смысл вопроса был ясен.

— Сначала художником. Потом солдатом.

На безволосом лице Кассела внезапно проступило выражение облегчения.

— Хорошо. Художники есть и сегодня, а вот солдат нет. У нас мир. Корт, вам необходимо как можно больше узнать о нашем времени.

Дверь открылась, и вошел очень крупный румяный человек с окладистой золотистой бородой и густой гривой светлых волос. На его высоких скулах блестели капли пота. Одет новоприбывший был ярко, даже кричаще.

— Тор Кассел, я пришел за пациентом,— быстро сказал он.— Значит, он проснулся!

— Да, он пришел в себя.

— Прекрасно! Эй, вы, идите за мной! Живо!

Глаза Кассела вспыхнули.

— Какого дьявола вы тут распоряжаетесь? Это мой дом, Барлен! А этот человек, которого, кстати, зовут

Корт,— мой пациент. И он пойдет с вами, только если я разрешу. Понятно?

Корт переводил взгляд с одного лица на другое.

— А мое мнение вас интересует? — спросил он.

Барлен изумленно посмотрел на него.

— Конечно,— кивнул Кассел.— Выбор за вами. И я прослежу, чтобы на вас не оказывали давления.— Он сердито взглянул на крупного мужчину.

Барлен обнажил зубы в усмешке.

— Что ж, придется в очередной раз просить прощения. Приношу вам... друг мой... и вам, Тор Кассел, свои извинения. Простите, я слишком нетерпелив. Однако вам, Кассел, придется признать, что у меня есть для этого основания.

— Возможно. Да, согласен. Тем не менее Этан Корт по-прежнему мой подопечный.

— Нет, он нечто несравненно большее.— Барлен снова усмехнулся.— Им интересуется Трон.

— Я известил Трон.

— Тогда чего мы дожидаемся?

— Я всего лишь хочу, чтобы вы не забывали о вежливости! — взорвался Кассел. Взяв себя в руки, он повернулся к Корту и уже другим тоном продолжил: — Трон... наш правитель... очень интересуется состоянием вашего здоровья и настаивает на встрече. Но вам нельзя перенапрягаться, поэтому вы отправитесь к Трону только тогда, когда почувствуете в себе силы.

Корт не смог сдержать улыбки.

— Я ведь здоров, Кассел?

— Конечно.

— Что ж, меня донимает любопытство. Я готов встретиться с ним хоть сейчас.

— Что еще вам нужно, Кассел? Чтобы я упал перед ним на колени? — нетерпеливо спросил Барлен.— Моя машина ждет снаружи.

— Мне нужно всего лишь, чтобы вы проявили немного уважения,— пробормотал врач.— Даже если затро-

нуты национальные интересы, медицина остается в своем праве.

— Идемте, Корт,— сказал Барлен.— Если вы и впрямь готовы.

Сжимая в руке свои медальоны, Корт в сопровождении Кассела вышел вслед за Барленом. Они прошли по спиральному спуску мимо светящихся, издающих негромкую музыку стен и оказались во дворе, где стояла машина, похожая на огромную гладкую ванну. Изнутри «ванну» опоясывала обитая мягким скамья, а в центре возвышалась простая, на первый взгляд, тумба управления, до которой легко можно было дотянуться с любого места. Барлен забрался в машину, остальные последовали за ним. Взмахом руки он указал на сиденья.

— Мы умеем летать,— заявил он Корту с простодушной гордостью.

— Мы тоже летали,— ответил Корт, и великан бросил на него удивленный взгляд.

— Что ж...— Он взялся за рычаги.— Смотрите.

Машина заскользила во тьму.

Они окунулись в прохладный, свежий ночной воздух, насыщенный запахами растений, и машина совершенно беззвучно стала набирать высоту. Корт замер, глядя на раскинувшийся внизу прекрасный город. Город, созданный словно из роз и перламутра.

«А чего ты ожидал? — мысленно спросил он себя.— Это будущее. Естественно, все изменилось. Иначе и быть не может».

Валира, центральный город Лиры, раскинулась на невысокой горе. Окраины виднелись вдали, на границе темноты у подножия возвышенности. Город испускал теплое сияние, которое очерчивало изящные изгибы куполов и освещало мостовые. Воплотивший мечты сотен архитекторов, он был прекрасен, как сон. Все изгибы зданий и повороты улиц мягко направляли взгляд к центральной горе.

Там, на вершине, стоял увенчанный куполом дворец, сверкающий и хрупкий на вид.

— А такое у вас было? — спросил Барлен с плохо скрываемым самодовольством.

— Нет,— признал Корт.— Ничего подобного у нас не было.

Он сильнее стиснул в кулаке медальоны — вид волшебного города подавлял и пугал его. Пропади оно пропадом все это совершенство. Корт скучал по грязным домам Шестой авеню, домам из бетона, гранита, кирпича и стали. По раздражающему гулу подземки, по запаху хот-догов, которые жарятся перед кафе Недика. С какой радостью он променял бы этот прекрасно спланированный город на что-нибудь типа Нью-Йорка, Питсбурга или Денвера, с их такими привычными, безыскусными названиями, где простые дома из известняка соседствуют с роскошными небоскребами, а тележки уличных торговцев — с дорогими лимузинами...

Зачем ему все это? Так нечестно. Он был как все. Грянула война, и он отправился воевать. А дальше все пошло не так. Не должен он был впадать в китайской тюрьме в таинственный беспробудный сон, чтобы проснуться спустя тысячи лет. Это неправильно.

Розы и перламутр — ха! Для какого-нибудь героя это, возможно, в самый раз, но он, Этан Корт, никакой не герой и никогда не хотел им быть.

Все, что он видел вокруг, напоминало ожившую сказку, а простому солдату в сказке не место. Этот гигант с золотистой бородой, сидевший рядом с ним, наверное, с детства питался исключительно романтическими историями. Но Корту такая диета была не по нутру.

Он закрыл глаза, отчаянно сжимая свои медальоны. Больше всего на свете ему сейчас хотелось вновь оказаться в знакомой желтой слякоти Китая. Да где угодно, только не в этом городе, будто выточенном из тончайшего льда, и не в этом времени, таком чужом и чуждом.

— Осторожно, Барлен! — услышал Корт голос Кассела.— Вон та машина летит что-то уж слишком близко.

— Идиоты! — пророкотал Барлен.— Они же врежутся в нас...— Здоровяк вдруг оборвал себя на полуслове и закричал: — У них захваты! Задержи их, Кассел! Я позабочусь о Корте.

Могучие руки обхватили Корта и подняли его с сиденья. Он успел лишь мельком заметить напряженные смуглые лица чужаков и серебристые стержни, которые, словно щупальца, потянулись во все стороны от чужой машины. Потом Барлен перевалился через борт, прижимая Корта к своей широкой груди, и они полетели вниз сквозь пустоту ночи.

/3/

Корт машинально попытался дернуть кольцо парашюта, которого при нем, естественно, не было. И совершенно автоматически начал вслух вести отсчет. Падая, они медленно вращались, при этом Барлен все так же крепко прижимал к себе Корта. Неосвещенные машины наверху быстро потерялись на фоне неба.

Корт почувствовал, что Барлена закрутило быстрее. Город с пугающей быстротой надвигался на них и был уже так близко, что стали видны отдельные детали. Однако могучее тело Барлена вращалось, и Корт то и дело терял из виду сверкающие переливы красок. Железные руки крепко держали Корта. Затем последовал рывок, такой сильный, что Корт едва не вывихнул шею, но после этого они поплыли вниз уже медленнее, утопая в море света.

Потом быстрее... еще быстрее...

Приземление вышло жестким, перед глазами Корта вспыхнули и погасли разноцветные пятна. Великан рывком поставил его на ноги и быстро огляделся по сторонам.

— Они могут преследовать нас. Вон туда, быстро!

— А Кассел? Что с ним?

— Не знаю. Либо погиб, либо захвачен в плен. Поторопитесь!

Они приземлились на мерцающий бледно-розовый купол. Вслед за Барленом Корт осторожно соскользнул на карниз и стал осторожно пробираться в сторону овального окна, забранного каким-то удивительным материалом, очень похожим на перламутр. Барлен ударом ноги пробил в окне дыру, бросил еще один взгляд на небо и полез внутрь, потянув за собой Корта. Они оказались в огромной, до неприличия роскошной комнате.

Барлен зашагал к двери. Панель скользнула вверх, и на пороге возник человек средних лет, с черными густыми волосами. Глаза его были широко распахнуты от испуга.

— Кто вы? Что все это значит?

— Я действую в интересах Трона,— ответил Барлен.— Где ваш визор?

— Там. Я покажу вам, идемте.

Человек повел их по коридору. Барлен тащил Корта за собой. Визор выглядел как черный овал в стене. Барлен встал перед ним и взмахнул рукой. Овал зажужжал, на нем появился тонкий узор, похожий на персидскую вязь.

— Опознание произведено,— произнес невыразительный голос.— Докладывайте.

— Вражеский авиамобиль в настоящий момент прямо над нами.— Барлен повернулся к хозяину жилища.— Где мы?

— Сектор сорок, гамма три.

— Сорок гамма три. Возможно, это шпионы. Не лиранцы, по-моему. Доктор Тор Кассел пытается задержать их. Действуйте.

— Сообщение принято,— произнес голос, и свет в овале погас.

— На место происшествия пришлют авиамобили, но, скорее всего, они уже никого не найдут,— сказал Барлен.

— А что с Касселом? — спросил Корт.

— У нас есть враги, и они безжалостны. Им нужны вы. Каким-то образом информация о вас просочилась наружу.— Барлен посмотрел на брюнета.— Друг мой, вы не отвезете нас во дворец? Или пошлите с нами одного из ваших слуг. На карту поставлены интересы Трона.

— С радостью,— последовал ответ.— Вы не пострадали, Ден Барлен?

— О, вы меня узнали. Нет, я не пострадал. Где машина?

— Туда, пожалуйста.

— Поедем по земле,— объяснил Барлен, когда похожая на ванну машина понеслась по сверкающим улицам.— Так безопаснее. Мой антиграв разряжен.

— Антиграв?

— Ну да, это была антигравитация, то, что не дало нам разбиться. Не слишком совершенное устройство — вы наверняка почувствовали рывок — и требует очень точного расчета. Нельзя включать, пока не окажешься в двухстах футах над землей. Если сделать это раньше, заряда не хватит, чтобы опуститься медленно. Конечно, есть более совершенные антигравы, но они достаточно громоздки и используются в основном на авиамобилях. А карманный вариант маломощен. И требует перезарядки после каждого использования.

— Кто были те люди? — спросил Корт.

Брюнет обернулся, на миг отвлекшись от управления машиной.

— Враги, кто же еще,— зло ответил он.— Скорее всего, деккане. Я прав, Ден Барлен?

— Не исключено. Хотя не уверен. Я не разглядел их как следует.

— Точно, деккане. У них везде шпионы.

— Ну, деккане это или нет, но им нужны вы, Корт,— сказал Барлен.— Я предпочел бы остаться с Касселом и вступить в бой, однако ваша жизнь важнее.

— Почему?

Великан заговорщицки подмигнул и взглядом указал на водителя.

— Вот и дворец. Спасибо, друг. Сегодня вы помогли Трону.

— И, надеюсь, навредил декканам.

Машина остановилась. У входа во дворец стояло несколько охранников. Барлен что-то сказал одному из них, тот ответил, и их пропустили внутрь. Корта поразили огромные размеры дворца и яркие краски. Потом они с Барленом ехали в лифте, который быстро скользил вверх. Кабина остановилась, они вышли и оказались в просторной комнате, где их ждал худощавый невысокий человек. В его умном, по-своему красивом лице было что-то лисье; он улыбался, нервно проводя рукой по рыжим волосам. За его спиной начинался спиральный пандус, ведущий к хрустальной двери высоко наверху.

— Привет, Барлен,— сказал человек.— Это и есть Корт?

— Да. Прошу прощения, но Трон ждет.

— Я отведу его.

— Идите к дьяволу, Хардони! — воскликнул Барлен.— Занимайтесь своей тайной шпионской сетью, а с этим делом я и сам справлюсь.

Хардони перестал приглаживать волосы.

— Знаете, это и мое дело.

— Это военные проблемы, а не шпионаж. Идемте, Корт.

Откуда-то донесся сердитый женский голос:

— Прекратите препираться! Барлен! Хардони! Пусть Корт поднимется один.

Мужчины отвесили поклоны в сторону хрустальной двери наверху. Барлен взмахнул рукой, давая понять Корту, чтобы тот шел вперед.

— Поднимайтесь вверх,— с улыбкой сказал он.— Не нервничайте. Вам не о чем беспокоиться.

Корт сжал губы и медленно зашагал по спиральному подъему, чувствуя, что мужчины внизу не сводят с него глаз. Значит, Трон — женщина. Очередной дешевый эффект в стиле роз и перламутра. Криво усмехнувшись, Корт коснулся белой пряди на виске. Ну, если она ждет прекрасного принца, то придется ее разочаровать.

Хрустальная дверь открылась. Пространство за ней было тускло освещено и бледнело перед зрелищем раскинувшейся внизу Валиры. Это была самая высокая точка дворца, стоящего на вершине горы. Стены и крыша огромного зала были из прозрачного, как стекло, материала.

Дверь за спиной Корта со щелчком закрылась.

— Я незнаком с правилами,— внезапно охрипшим голосом сказал он.— Должен ли я поклониться или упасть ниц?

— Диалект у вас варварский,— ответил голос.— И ведете вы себя так же. Хотя, возможно, я слишком многого от вас требую. Вы ведь так долго проспали. Постойте.

Под куполом начало медленно пульсировать и разрастаться голубое мерцание. Потом оно приобрело холодный розоватый оттенок и быстро затопило весь зал. Раскинувшийся внизу город померк и казался теперь почти призрачным.

Зал был таким огромным, что выглядел почти пустым, несмотря на богатство меблировки. Хрупкое изящество скульптур и занятных, порой очень необычных мобилей* резко контрастировало с массивными тяжелыми столами, огромными резными шкафами и мраморными колоннами.

Тем не менее убранство зала подчинялось единому замыслу, в нем не было ни одной диссонирующей ноты. Стены и крыша представляли собой прозрачный стек-

---

* Подвижная скульптура, чаще всего абстрактная или полуабстрактная.

лянный купол. Пол был разделен на разноцветные сектора, краски которых непрерывно менялись, бледнели и ярко вспыхивали снова.

Лицом к Корту на расстоянии нескольких футов расположилась девушка — очень красивая девушка — с золотисто-рыжими волосами и пристальным взглядом голубых глаз. Предельно короткое платье тускло-серебристого цвета не скрывало стройности ее фигуры и совершенства форм. Если не считать роскошного наряда, ничто не свидетельствовало о ранге незнакомки.

Она сидела на тахте, оценивающе разглядывая Корта.

— Я видела вас спящим,— сказала она.— Тогда вы выглядели иначе. Теперь вы проснулись.

Корт смотрел на нее, чувствуя, как внутри нарастает глухое раздражение, причины которого он не понимал. Алые губы незнакомки изогнулись в мягкой улыбке. Окружающий ее ореол необычности исчез. Теперь это была просто девушка, человек, с которым можно запросто поговорить, а не правительница чуждой Корту цивилизации.

— Меня зовут Ирелла. Ваше имя я знаю. Если вы в состоянии, мы поговорим.— Она улыбнулась.— Можете сесть, если хотите.

— Да.— Корт сел рядом с ней.— Да, давайте поговорим.

— Как вы себя чувствуете?

Он заколебался на мгновение.

— Вполне здоров. Но мне не по себе.

В голубых глазах мелькнуло сочувствие.

— Кассел говорил мне, чего можно ожидать. Вы мало что помните, конечно. Вы заснули так давно и вдруг — раз! — проснулись в совершенно новом мире. Я понимаю, Корт. Вам сейчас нелегко.

Ее сочувствие развязало ему язык.

— Да, это трудно. Мне доводилось читать о подобных вещах, но это были выдумки, не имеющие ничего общего с реальной жизнью. И вот это случилось со мной. Прав-

да, пока я не увидел здесь ничего особенного. Наука существовала и в наши дни. Антигравитация — не чудо. Чудо в том, что я-то не изменился.

В этом все дело, думал Корт. Он не соответствовал новому окружению. Он был настроен на другую волну — тысяча девятьсот сорок пятого года. А эта новая эпоха с ее розовыми городами, с незнакомыми обществом и культурой заставляла его чувствовать себя беспомощным и обделенным. Давным-давно в его жизни была цель, основанная на идеалах двадцатого столетия. Теперь этих идеалов больше нет. Они утратили всякий смысл, и даже фундаменты городов, где он жил когда-то, рассыпались в прах.

А здесь все другое, это цивилизация, о корнях которой ему ничего не известно.

Ирелла, видимо, поняла его состояние.

— Но вы изменитесь, поверьте мне. Я не психолог, но вполне могу представить себя на вашем месте. Сейчас вы даже не знаете, чего хотите. Правда?

Корт провел пальцами по диванной подушке, и та начала гудеть и вибрировать от его прикосновения. Он быстро отдернул руку и встретился с Ирелой взглядом.

— Что-то в этом роде.

— И вас мучают подозрения. Вам многое непонятно, и это вызывает возмущение и обиду. Не стоит обижаться, Корт. В особенности, вам.

Она не сводила с него заинтересованного взгляда.

— Я что, превращусь в любопытный экспонат? Или буду читать лекции в каком-нибудь университете?.. Если здесь, конечно, есть университеты.

«Есть, наверное,— подумал он про себя,— иначе в языке не существовало бы такого слова. Тем не менее они могут очень, очень отличаться от Йельского и всех тех, что были в мои времена».

Ирелла прикоснулась к одному из мобилей. Пластиковые изгибы принялись скользить и вращаться, и мобиль принял вид причудливого маленького водопада.

— Вот. Он приобретает смысл, только когда движется. Тогда становится понятна его цель. С вами будет то же самое, Корт, когда вы начнете действовать, подчиняясь определенному плану.

— Какому плану?

— Как мне сейчас не хватает Тора Кассела...— вздохнула она.— Он гораздо больше меня знает о тайнах разума. Барлен и Хардони — прекрасные стратеги, но тонкости не для них. Те, кого мы послали на место происшествия, не нашли и следа нападавших. Обнаружили лишь неуправляемую машину Барлена. Кассел исчез, скорее всего, его захватили в плен. Им нужна информация...

— Кому «им»?

Ее глаза вспыхнули.

— Послушайте. Думаю, вы сумеете понять. Вы были солдатом, не так ли? Что ж, сейчас солдат нет.

— И войны тоже нет?

— Пока нет,— мрачно ответила Ирелла.— Но скоро будет. И когда это произойдет, мы окажемся беспомощными. Вы видели, на что способны шпионы... деккан. Они каким-то образом узнали о вашем существовании и захотели захватить вас или уничтожить. Барлен спас вас. Он готов сражаться, чтобы защитить Лиру. Но что он сможет без оружия? Да и Хардони тут бессилен, хотя его Корпус шпионов хорошо организован.

— Без оружия? — переспросил Корт.— А почему у вас нет оружия?

— Это вам лучше объяснил бы Кассел,— сказала девушка.— Но я постараюсь...— Она сделала глубокий вдох.— Мы не можем делать оружие — ни для защиты, ни для нападения. Именно не можем, не способны. Наше сознание отказывается воспринимать саму идею. У нас есть ученые. Какое-то время назад они открыли антигравитацию. Однако нечто, очень глубоко укоренившееся в нашем сознании и в наших душах, держит на замке дверь к этому запретному знанию. Мы — творческие лю-

ди, мы можем создавать все... кроме средств уничтожения себе подобных.

— Все равно не понимаю,— сказал Корт.— Даже я вижу, как антигравитацию можно использовать для создания мощного оружия.

— Вы солдат, Корт. А мы — дети катастрофы. По словам Кассела, это условный рефлекс, передающийся по наследству. В общем, нечто, произрастающее в нашем сознании из семени, которое посеяно до начала нашей истории. Это случилось после того, как закончилось ваше время, и задолго, очень задолго до начала моего. Существует легенда о Троих в Саду, плодом этого древа и была война.

Ее лицо омрачилось.

Корт почувствовал, как по спине пробежал озноб. Как никогда прежде он ощутил пугающую неизвестность, которая таилась в глубине внешне прекрасного мира роз и перламутра. Зловещий барабанный бой прошлого, грохочущий глубоко под землей.

Волшебный город... На чьей крови он построен?

— Да, существует легенда,— почти шепотом продолжала Ирелла.— Бог отдал в распоряжение человека сад и сказал: «Только не ешь плод вот этого древа». Однако человек ослушался. Тогда Бог сказал: «Чтобы зло не завладело тобой целиком, дарую тебе забвение». И Он коснулся разума человека, и в месте Его прикосновения... что-то умерло.

/4/

Только сейчас Корт по-настоящему начал осознавать случившееся, и это осознание потрясло его до глубины души. «Я в будущем»,— повторял он про себя. Однако «будущее» — это всего лишь слово, смысл которого казался знакомым и вполне прозрачным, пока Корт напрямую не столкнулся с тем, что стоит за ним. Синее море, которое столь долго давало ему приют, не сразу отпусти-

ло его разум. Лира, ее столица, летающие машины — до сих пор он принимал непривычное ему окружение, но смотрел на него отстраненно, будто оно не имело к нему отношения.

Но теперь он начал понимать, что все это происходит с ним на самом деле. Понимание обрушилось на него, словно жестокий удар. До тех пор, пока Корт не был вовлечен в эту фантастическую жизнь, держался в стороне от нее, он был в безопасности. Нет, не совсем так. Он подсознательно лелеял надежду, что стоит лишь проснуться — и новый мир исчезнет.

Освещенное неярким светом лицо Ирелллы, такое человечное и прекрасное, было совсем рядом. За ее спиной, тускло мерцая, ронял свои воды хрустальный мобиль, преображенный в журчащий водопад. Еще дальше высилась огромная прозрачная стена, а за ней перламутрово-розовыми огнями переливалась Валира, где люди жили, растили детей, ели и принимали ванны.

В груди разливалась сухая, мучительная боль. Корт знал ее причину. Он хотел домой. Хотел видеть города, за спасение которых сражался и которые пережил без надежды увидеть когда-нибудь снова. Это было хуже смерти.

Нью-Йорка больше нет. Чикаго больше нет. Маленькие озера Висконсина, где рыба выпрыгивает из воды, блестя в солнечном свете; белый пунктир дорожной разметки, ярко проступающий в свете фар; оживление и суета в вестибюлях отелей — все исчезло. Это была... ампутация. Хирург-время произвел операцию безупречно, однако люди способны чувствовать боль в отрезанной ноге.

«После войны,— думал Корт,— я собирался вернуться в Штаты. Там была моя семья, моя работа, мой дом — все, ради чего я трудился, за что сражался. Оказывается, я трудился и сражался напрасно. Ничего больше нет».

Вместо этого перед ним лежал новый, совершенно чужой мир. Корту был глубоко безразличен и этот мир, и его неурядицы.

Что-то умерло. Что ж, ничего не поделаешь.

— Итак, вы рассказали мне легенду,— хрипло сказал он.— А какова истина?

Ирелла откинулась назад, и на ее лице отразилось непонятное Корту облегчение.

— Истина? Мы не знаем. Наша история начинается с тех времен, когда мы были кочевниками. Все оставшиеся в живых люди скитались по земле, и их единственной целью была борьба за существование. О прошлом ничего не известно. Тогда это никого не волновало, все были слишком заняты. И теперь мы знаем лишь то, что прежний мир погиб. Вероятно, это была война, но в наши дни такую страшную войну невозможно даже вообразить. Целые континенты были разрушены.

Ирелла сделала жест, и на полу между ними возник медленно вращающийся шар — объемная карта мира.

— Узнаёте, Корт?

Никаких знакомых очертаний. Ни Африки, ни Америки, ни Евразии, ни Австралии. Совсем новый мир.

— У нас остались только предания,— продолжала девушка.— Рассказы о невероятно огромных, могущественных демонах, вооруженных молотами, которые обрушивали на землю гром и огонь. Когда все кончилось, уцелела лишь горстка людей.

«Даже в мое время,— думал Корт,— существовали молоты, перед которыми ничто не могло устоять. Какая война погубила цивилизацию? Третья мировая? Четвертая? Пятая?»

Новое оружие! Новое дьявольское оружие!

— Это было время безумия,— рассказывала Ирелла.— Разрозненные племена бродили среди руин. Ничто не уцелело, кроме самой жизни. Жизни, исполненной ужаса и страха. Когда, спустя много лет, снова появилась наука, выяснилось, что люди неспособны создавать оружие. Они боятся. Кассел называет это психическим блоком. Люди забыли то, чего не хотели помнить. Подсозна-

ние имеет огромную власть над нами. Сколько люди ни старались направить свои способности на создание оружия, ничего не получалось.

Корт кивнул. Он видел солдат, переживших в бою такое сильное нервное потрясение, что ужасные сцены, свидетелями которых они были, начисто стерлись у них из памяти. Так действуют защитные механизмы психики. В мире, почти полностью уничтоженном неслыханной войной, вполне могла развиться передающаяся по наследству частичная амнезия. Да, теперь он начал понимать, что произошло.

— Но если у вас нет оружия, откуда оно взялось у деккан?

Ирелла покачала головой.

— Да, у них есть оружие. Они всегда были воинствующей расой и угрожают нам на протяжении уже многих лет. А теперь собираются напасть. У нас есть сведения, полученные от разведчиков Хардони. Послушайте, Корт. Мы хотим мира, но иногда от войны никуда не деться.

— Да. Это мне известно.

— Мы нуждаемся в оружии, чтобы защитить себя, но не в состоянии создать его. Точнее, мы смогли бы его изготовить, но не сконструировать. Сама идея нам недоступна. Так утверждает Кассел. Вот вы говорите, что можно использовать для этой цели антигравитацию. А ведь нам на протяжении тысячи лет такое и в голову не приходило. Мы нуждаемся в вашей помощи.

— Человек, генерирующий идеи,— сказал Корт.— Я начинаю понимать, чего вы от меня хотите. Но мне это не нравится.

— Ясно,— вздохнула Ирелла.— Дело в том, что вы пока не чувствуете, насколько все серьезно. Но для нас это действительно вопрос жизни и смерти. Вы нам поможете? Пожалуйста, не спешите отказываться. Приглядитесь к нашему миру, постарайтесь его понять. Я спрошу вас позднее. Никто не будет оказывать на вас давления,

обещаю. Все, чего я хочу от вас,— это чтобы вы оценили ситуацию беспристрастно.

Корт заколебался.

— Ну... не знаю. Мне не хотелось бы заниматься чем-то подобным.

Девушка встала, Корт тоже. Она подвела его к огромной прозрачной стене. Внизу раскинулся сияющий город, иссеченный узкими извилистыми улочками и широкими дорогами.

— Валира жива,— сказала Ирелла.— А вот вы, по-моему, мертвы, Корт. Вы не желаете просыпаться, верно?

Это была правда. Он страстно мечтал о глубоком синем море, баюкавшем его на протяжении долгих эпох.

— Вы забыли, что такое жизнь? — Девушка приблизила к нему свое пылающее гневом лицо.

Корт поцеловал ее, грубо, с дерзостью и злостью, которая должна была показать, что он вовсе не испытывает нежных чувств. Да, он мертв, а мертвую плоть нелегко оживить.

Однако прикосновение губ Ирелллы вернуло его к жизни. Не полностью, конечно. Возможно, какая-то часть Этана Корта не проснется уже никогда, навсегда затерявшись в голубом море прошлого.

Потрясенный, он наконец отстранился от девушки.

— Вы этого добивались? — спросил он.

— Я не раздаю свои поцелуи просто так,— сказала она.— Я попыталась ответить на свой вопрос за вас. И как, мне это удалось?

Этан Корт удивленно смотрел на Ирелллу. Под ее мягкостью, дружелюбием, ее лучистой красотой на миг проступила сталь. Доведенная до отчаяния, она могла быть непреклонной... даже безжалостной и жестокой. Однако Корта это не удивило. Она ведь королева, а королевам свойственно высокомерие. Да он и сам не раз бывал жесток и беспощаден — в бою.

Он отвернулся.

— Не знаю. Может быть. Не знаю.

— Я никогда больше не поцелую вас,— сказала она.— Помните это. В конце концов, я — Трон. Мне доложат, когда вы примете решение. Пока же вы вольны делать все, что пожелаете.

— А если я скажу «нет»? — спросил он.— Предположим, я не стану помогать вам в создании оружия. Меня убьют?

— Тогда мы окажемся в отчаянном положении.— Ирелла перевела взгляд на перламутрово-розовый город внизу.— Но нет, вас не убьют. Просто я пойму, что Кассел так и не сумел пробудить вас от долгого сна. Я буду знать, что вы уже мертвы, Корт. Умерли давным-давно, в своем старом, забытом мире.

Выходя, Корт задел плечом мобиль, и тот рассыпался ослепительным водопадом сверкающих капель.

Шли дни, Корт старался приспособиться к новой жизни. Когда-то давно ему доводилось видеть фантастические фильмы. Если судить по этим картинам, что мог он встретить в будущем? Ну, скажем, гигантские машины и идеально гладкие ленты скользящих дорог, по которым с поручениями разъезжают сверкающие роботы. Однако на деле все оказалось иначе. Это была другая реальность, да, однако весьма далекая от совершенства.

Машины здесь имелись, но не такие уж большие, и порой они пахли горелым пластиком и смазкой, а то и вовсе ломались. Корт не был ни механиком, ни техником. Но, хотя он и не понимал, как все это работает, он осознавал, что технических приспособлений такой сложности в его мире не существовало. Тем не менее технические новшества оставили его равнодушным. В конце концов, это всего лишь машины.

Опекать его поручили великану Дену Барлену, и Корт постепенно проникся симпатией к этому бесцеремонному, нетерпимому военачальнику. Барлен имел одно ценнейшее свойство — не знающую сомнений преданность. Были у него, однако, и другие черты, казавшиеся Кор-

ту странными. К примеру, сентиментальность. С точки зрения Барлена, Лира была больше, чем страна; он воспринимал ее как живое существо. Когда он рассказывал старые народные предания, в глазах у него стояли слезы. В Лире действительно присутствовало некое особое очарование, сказочная атмосфера, и это временами сбивало Корта с толку. Хотя, конечно, не только это.

В основном страна была земледельческая, но кроме столицы, Валиры, в ней имелось больше десятка крупных городов. Существовали и заводы, что неизбежно заставило Корта задуматься над такой проблемой, как источники энергии. К его удивлению, атомной энергии тут не знали. Зато использовали в высшей степени эффективное жидкое и сжатое порошкообразное топливо. Однако особый интерес у Корта вызывали антигравитационные механизмы.

На авиамобилях устанавливались особые генераторы, а портативные антигравы, которыми пользовались в случае аварии, накапливали энергетический заряд, как аккумуляторы накапливают электричество. Лиранцы умели сжимать большие объемы энергии, помещая их в металлические контейнеры, причем мощность заряда ограничивалась лишь их размерами.

Как-то незаметно получилось, что Корт стал смотреть на Лиру глазами стратега.

Страна не имела никаких укреплений, и оборонять ее было бы нелегко. С учетом этого, возможно, лучшим способом защиты было бы нападение. Вражеский воздушный флот, даже вооруженный бомбами двадцатого века, очень быстро мог сровнять страну с землей. Фугасные бомбы разрушат заводы и дома. Зажигательные бомбы станут бичом для сельскохозяйственных построек и полей. Такие воздушные налеты даже не потребуют риска — сбросил бомбы и улетай, не боясь, что тебя обстреляют.

Оружия и впрямь не было — никакого. Не раз и не два Корт замечал идеальные места для размещения про-

тивовоздушной артиллерии, прекрасно замаскированных аэродромов, ракетных установок. Однако огромные заводы производили исключительно мирные изделия, тут ковали орала, но не мечи. При других обстоятельствах все это очень походило бы на утопию. И все же для утопии здесь было слишком неспокойно. По всей Лире ходили слухи об угрозе и опасности, о декканских шпионах, выискивающих слабые места для удара, о неумолимо приближающихся врагах.

Конечно, оружие существовало, но только примитивное — мечи, жезлы и кинжалы с рукояткой в виде змеи; последние использовались шпионами Хардони и служили одновременно знаком воинского отличия. Во времена Корта этот символ — змеи Эскулапа, обвившиеся вокруг жезла,— свидетельствовал о принадлежности к медицине, а теперь он относился исключительно к, так сказать, «хирургическому вмешательству» в жизнь общества. Корт обнаружил, что люди Хардони хорошо обучены. Они опутали всю Лиру шпионской сетью и были фанатично, самозабвенно преданы Трону. Однако, похоже, самого Хардони они недолюбливали.

Барлен тоже не слишком благоволил к рыжеволосому начальнику шпионской службы.

— Не доверяю я ему,— говорил он Корту.— Хардони ни во что не верит и любит подчеркивать это. Он циник и очень жестокий человек. Нанести удар из темноты — вот его стиль.

И Барлен прятал злую усмешку в свою золотистую бороду. Да, он ненавидел Хардони.

/5/

Со временем Корт все больше склонялся к мысли, что Барлен относится к Хардони предвзято. У главы шпионского Корпуса были и положительные стороны. Так, несмотря на свой цинизм, он, как ни странно, не был скло-

нен кривить душой. Они часто беседовали, хотя и не так долго, как хотелось бы, потому что Барлен под любым предлогом стремился помешать им. Вскоре Хардони начал приглашать Корта для участия в той или иной операции, иногда и по делам Трона.

— Город лучше всего узнается по винным погребкам,— рассуждал рыжий лис однажды ночью, когда они с Кортом сидели в тускло освещенной таверне, где было не продохнуть от густого благоухания.

Зал был огромный, с низким потолком; белая ароматическая пыль плавала в воздухе, точно завеса, и отовсюду доносилась непривычная музыка. Напитки тоже были незнакомые, но хмельные. Хардони не спускал взгляда с заливающегося смехом фатоватого, разодетого в шелка юноши, который сидел на ближайшем помосте.

— Вот этот человек, к примеру,— продолжал Хардони.— Что вы о нем думаете, Корт?

— Он нервничает. С тех пор как мы вошли, он ни разу не взглянул в вашу сторону. Он не так уж пьян, просто притворяется.

Хардони кивнул.

— Но ему известно, кто я такой. Ему шепнула девушка, которая сидит рядом. Впрочем, я его не знаю. Он или гость из другого города, или декканский шпион. Вы когда-нибудь задумывались, почему кто-то — или я, или Барлен — всегда рядом с вами?

— Нет,— ответил Корт.— Охраняете меня?

— Правильно. А почему, не догадываетесь?

— Из-за деккан?

— Один раз они уже пытались вас захватить. Они не дураки. По правде говоря, по законам естественного отбора у них больше шансов уцелеть, чем у нас. Они узнали о вас почти сразу же, как вы у нас появились. И, естественно, хотят вас заполучить — с целью либо использовать ваши знания, либо уничтожить.

— Какие кровожадные...— заметил Корт.

Хардони пригладил рыжие волосы.

— Таковы обстоятельства. Я сам убил бы вас не задумываясь, если бы не видел другого способа не отдать вас врагу. Но в этом нет... ничего личного. Простая логика.

— Мне понятен ваш подход,— усмехнулся Корт.— Только учтите, я буду сопротивляться.

— Если бы все рассуждали так, как вы, было бы проще.— Хардони пригубил голубоватый напиток, пронизанный извивающимися золотистыми прожилками.— Однако люди разные. Среди наших граждан бытуют различные мнения, как и в любом обществе. Чтобы править нами, нужна твердая рука. По счастью, Трон передается по наследству, и люди верны Ирелле. Преданность Трону у них крови. Однако в остальном они склонны изобретать собственные взгляды на жизнь. Многие, например, ненавидят меня — за то, что я очень хорошо понимаю необходимость разветвленной, могущественной шпионской сети. Нельзя формовать глину с помощью глины. Для этого нужен нож. Я и есть нож.

— А Барлен?

— Тупой нож,— ровным тоном ответил Хардони.— Не занимай он пост, равный моему, он был бы полезным орудием. В настоящей же ситуации его докучливая военная машина вступает в конфликт с моей организацией при любой возможности. Мои люди не любят меня, однако они мне подчиняются. Это вынужденная преданность, но меня она устраивает. А люди Барлена во всем подражают своему начальнику. Они меня ненавидят. Что, впрочем, не имеет значения, пока сильная рука сохраняет единство Лиры. А вот если начнется хаос, декканам не составит труда взять над нами верх.

— Пока что я не вижу никаких признаков хаоса.

— И не увидите. Хаос не показывается на поверхности. Но он подбирается к нам.— Хардони поморщился.— Барлен романтик. По его представлениям, Лира — страна молочных рек с кисельными берегами, где повсюду сладкая музыка, розовые младенцы и цветочки. Я же

знаю, что скрывается за этим. Думаю, вам это тоже известно. Человеческие существа несовершенны. Они хищники, с инстинктами и повадками диких зверей. Лиранцы ничем не лучше любой другой расы. И деккане тоже. Не стоит удивляться тому, что они меня ненавидят.— Он криво усмехнулся.

— Тем не менее вы прекрасно делаете свое дело,— сказал Корт.— Интересно, почему?

— Чтобы отличаться от остальных хищников.— Хардони прикончил свой стакан.— Мне не улыбается мысль пресмыкаться в грязи вместе со всеми. Мои ноги созданы для того, чтобы стоять на них.

— И шагать по головам, если понадобится?

Хардони бросил на Корта быстрый взгляд.

— Кто, кроме меня, в состоянии возглавить Корпус шпионов? Барлен? У него на это ума не хватит. Он непременно напортачит, и однажды, когда деккане будут готовы, Лира потерпит сокрушительное поражение. Пусть наша страна далека от совершенства, но другой у нас нет. И я сделаю все, чтобы такой она уцелела.— Он устремил на Корта проницательный взгляд.— Вы здесь уже несколько недель и, подозреваю, уже сходите с ума от скуки.

— С чего бы это?

— Быть зрителем неинтересно.

Корт молчал, задумчиво вертя бокал между ладонями.

Хардони пожал плечами.

— Пора идти. У меня этой ночью есть еще одно дельце. Если хотите, можете поучаствовать. Вам будет интересно.

— Согласен.

Распыленные в таверне ароматические смеси оказывали легкое наркотическое воздействие, и Корт был совсем не прочь уйти. Вслед за Хардони он стал пробираться к выходу, лавируя между помостами, на которых стояли столики. В сумраке зала негромко звучала музыка.

Чей-то резкий крик нарушил спокойствие. Корт обернулся и замер. Крупная, одетая в черное фигура, опрокинув столик, рванулась вперед с криком:

— Хардони! Осторожно!

Человек бежал к помосту, где сидел фатоватый молодой человек. Сейчас тот рывком поднялся на ноги, радужные шелка окутали его разноцветным вихрем. В руке он держал что-то голубоватое, блестящее и боролся с девушкой, которая повисла на нем. Вокруг них клубилась завеса розовой пыли, и Корт с трудом различал парочку.

Все произошло очень быстро. Корт даже не успел опомниться от удивления. Молодой человек в шелковом одеянии высвободил руку. Из оружия вырвался сверкающий белый луч и ударил девушке в грудь.

Она замерла, откинув назад голову и открыв рот в беззвучном крике боли.

А потом упала и осталась лежать без движения.

Человек, который выкрикнул предупреждение Хардони, уже бежал, чтобы схватить убийцу. Но он не успел. Снова вспыхнул белый луч, во все стороны полетели клочки темной одежды и смуглой кожи.

По инерции человек пробежал еще несколько шагов, врезался в помост и с предсмертным криком обрушился на него.

Розовая завеса искажала все вокруг, и фигура юноши казалась несоразмерно высокой. Сверкая глазами, он оглядывался, словно ища кого-то, пока его взгляд не остановился на Корте.

— Этан Корт! — закричал убийца и вскинул свое оружие.

Низко пригнувшись, Корт метнулся вперед, хоть и понимал, что не успеет добраться до противника.

Что-то просвистело у него над головой. Сквозь обманчивую дымку благовоний Корт увидел стремительный росчерк света, который промелькнул в воздухе и вонзился убийце в лоб.

Молодой человек упал без единого звука.

В зале поднялся переполох. Корт выпрямился и увидел бегущего мимо Хардони с инфразвуковым свистком во рту. Оказавшись около убийцы, разведчик первым делом с плотоядной усмешкой подобрал оружие и сунул его в карман. Затем опустился на колени рядом с телом и поманил к себе Корта.

— Что, черт побери, происходит, Хардони?

— Не знаю. Счастье, что я не промахнулся.— Хардони вытащил из тела убитого свой кинжал с обвивающей рукоятку змеей, убрал его в ножны и кивнул на рану во лбу распростертого на полу молодого человека.— Вы оказались правы. Наш друг был не так уж пьян.

Быстрым движением Хардони разорвал куртку молодого человека, взял со стола стакан с остатками спиртного, плеснул на обнаженную грудь и растер жидкость куском шелка.

На коже проступил призрачный символ — крест, заключенный в круг.

Столпившиеся вокруг люди ахнули.

— Декканин,— прошептал кто-то.

— Это декканский знак, Корт,— объяснил Хардони.— Значит, это шпион.

Он поднялся, сосредоточенно хмурясь.

Со всех сторон, на ходу отдавая распоряжения, к ним проталкивались люди в форме — шеф разведки вызвал подкрепление при помощи свистка. Хардони подозвал одного из своих подчиненных.

— Корт, идите с этим человеком. Он отведет вас в безопасное место.

— Я останусь.

— Не глупите. Если понадобится, я применю силу. Вы беззащитны против оружия деккан. Вполне возможно, этот шпион был не один. Уходите немедленно.

Чья-то твердая рука легла Корту на плечо. Понимая, что сопротивление бесполезно, он позволил увести

себя к выходу. Мускусные ароматы таверны сменил свежий ночной воздух.

Очутившись в комнатах, которые выделили ему под жилье, Корт принялся нервно вышагивать из угла в угол. Очень хотелось курить, на душе становилось все тревожнее. У двери стояли охранники. Прежде они, по крайней мере, старались не попадаться ему на глаза. Прошел час, другой, и Корт почувствовал, что его терпение на исходе. Наконец дверная панель плавно заскользила вверх. Он резко обернулся, готовясь излить накопившееся раздражение на Хардони... Но это оказался Ден Барлен.

Его золотистая борода была всклокочена, голубые глаза пылали. Он обрушился на охранников с проклятиями.

— Я поговорю с Хардони лично! С каких это пор Ден Барлен не имеет права войти туда, куда пожелает? — Он быстро подошел к Корту и обхватил его за плечи.— С вами все в порядке? Вы не пострадали?

Однако меньше всего Корт сейчас нуждался в сочувствии.

— Я сам в состоянии о себе позаботиться,— буркнул он, высвобождаясь из объятий Барлена.— Если у вас достаточно полномочий, скажите охранникам, чтобы выпустили меня отсюда.

— Нет,— ответил Барлен.— Это единственное, в чем Хардони прав. Во всем остальном — нет. Позволить вам уйти... без охраны... в очередной погребок, где вас запросто могут пырнуть ножом! Какой цинизм! Этот негодяй не в состоянии защитить вас. Все, на что он способен, это вынашивать свои порочные, грязные планы.

— Говорю же, я не пострадал.

— Однако могли. Я прибыл сразу же, как только получил сообщение. С этой минуты вы будете находиться исключительно под моей защитой.

Потемнев от гнева, Корт посмотрел в лицо великану.

— С меня хватит,— с трудом сдерживаясь, заявил он.— Я взрослый человек, не какой-нибудь беспомощ-

ный младенец. Три недели вы носились со мной, показывая то одно, то другое. Словом, вели себя так, точно я калека. Ха! Меня, знаете ли, не нужно кормить с ложечки! В следующий раз, увидев плетущегося за мной охранника, я выбью ему зубы.

Барлен, похоже, растерялся. Он стоял, бормоча что-то себе под нос и теребя бороду.

— Вы... Ну, может, вы и правы. Мне понятна ваша точка зрения. Однако не забывайте, Корт, вы находитесь на особом положении.

Корт поморщился.

— В вашем мире я всего лишь новичок, который очень долго спал,— и ничего больше.

— Нет, есть и кое-что еще. Вы не гений и не великий ученый, это так. Знаете, на Лире и своих умников хватает. Однако у вас есть то, чего начисто лишена наша раса,— творческий и одновременно агрессивный дух. Лира похожа на заправленную горючим машину, не хватает только искры, чтобы воспламенить смесь. Вы и есть эта искра, Корт. Если в самое ближайшее время машина не начнет двигаться, ее сотрут в порошок.

— Или она сама взорвется под напором внутреннего напряжения,— произнес чей-то голос.

В комнату с насмешливой улыбкой на лице вошел Хардони. Рыжие волосы вспыхнули на свету.

— Корт, вы либо спасете Лиру, либо ее погубите. Что именно, я пока не уверен.

Щеки Барлена побагровели.

— Это все ты виноват, рыжий лис! Я не удивлюсь, если ты сам задумал убить Корта.

Хардони тяжело вздохнул.

— Не будь дураком, Ден Барлен. Пожелай я убрать Корта, это не составило бы особого труда. Только я не хочу. Он должен создать для нас оружие.

— Что случилось сегодня ночью? — спросил Барлен.— Декканский шпион в «Зеленой таверне»?

— Да. Он пытался убить Корта, чтобы не дать ему осуществить наш замысел. Что ж, он потерпел неудачу. Однако ему удалось убить женщину и одного из моих людей.

— И какое оружие у него было? — поинтересовался Корт.

Хардони недовольно фыркнул.

— Не знаю. Его передали нашим ученым для анализа, но оно взорвалось, как только с ним начали работать. Один погиб, двое серьезно ранены. А шпион... конечно, жаль, что не удалось его допросить, но вряд ли ему было что-либо известно. Кто-то дал ему эту штуку и приказал убить Этана Корта — вот и все.

— И ты взял Корта с собой в «Зеленую таверну»!

Хардони пожал плечами.

— По крайней мере, ясно одно — нам необходимо поторопиться. Везде неспокойно. Ходят разные слухи, и людям известно о Корте. Это грязное Подполье — они действуют по указке деккан, а деккане велели им разжигать смуту. Да что там говорить, Барлен! Твои люди готовы сцепиться с моими агентами по самому ничтожному поводу.

— Что это за Подполье? — спросил Корт.— Я что-то слышал о них, но очень мало.

— Тайная организация,— ответил Хардони.— Предатели и преступники. Их необходимо уничтожить, и я это сделаю.— Глава шпионского Корпуса засучил рукав, показав пропитанную кровью повязку выше локтя.— Это произошло на улице, когда я шел сюда. Да, в стране нарастает смута.

— Кто же на вас напал? — спросил Корт.

— Не знаю. Он скрылся.

— Это мог быть кто угодно,— язвительно прокомментировал Барлен.— Любой, кто узнал тебя.

Какое-то время они с Хардони сверлили друг друга ненавидящими взглядами. Потом Хардони опустил рукав и рассмеялся.

— Думаю, вам пора принять решение, Корт. Мы не можем обещать вам постоянную защиту. Не сегодня-завтра на нас нападут деккане, а если даже и этого не произойдет, то гражданская война почти неминуема. Или кто-нибудь просто решит убить вас за то, что вы отказываетесь нам помочь.

— Но этот декканский смертоносный луч...— неуверенно начал Корт.— Я ведь понятия не имею, как можно сделать такое оружие.

— Вздор! — Барлен стиснул ему плечо.— Нам сгодится любое. Пока что у нас нет никаких шансов, так что мы обрадуемся даже малому. Если придется, мы будем сражаться и мечами...

Корт вспомнил девушку, безжалостно убитую декканским шпионом. Его все еще трясло при мысли об этом.

— Трон желает видеть вас,— сказал Хардони.— Вы готовы?

— Почему бы и нет?

В глубине души Корт уже принял решение.

/6/

...И не изменил его, пока в сопровождении Хардони и Барлена летел во дворец. Снизу наплывала музыка Валиры, но в мелодичном пульсе города отчетливо проступало растущее напряжение, некий диссонанс, способный в любой момент спровоцировать взрыв ярости. Страна, которой угрожало вторжение, достигла предела прочности и желала только одного: заполучить оружие.

Ирелла ожидала в одном из больших приемных залов, битком набитом пестро одетой лиранской знатью. Во дворце тоже ощущались напряженность и тревога. Ирелла разговаривала с невероятно толстым человеком, облаченным в развевающиеся красные, фиолетовые и зеленые шелка. Корту подумалось, что в таком наряде толстяк сошел бы за придворного шута, какие были у королей Средневековья.

— Мне нужны зарядные устройства,— печально говорил толстяк. Его полные красные губы резко выделялись на фоне обвисших бледных щек.— Они у меня закончились, а я без них не могу. Хоть на какой-то минимум комфорта может рассчитывать человек?

— Ничем не могу помочь,— терпеливо отвечала Ирелла.— Вы же знаете, Фарр, зарядные устройства нужны всем.

Фарр оттянул кисточку на своем объемистом животе.

— Ну, всего несколько штучек! Никто и не заметит, а мне будет приятно.

Барлен хлопнул толстяка по спине.

— Приятно, Фарр? Ты хочешь, чтобы тебе было приятно? Да у себя в замке ты только и делаешь, что наслаждаешься. Хотя, по правде говоря, я тебе не завидую. Что заставило тебя оторваться от своих снов? — В голосе Барлена отчетливо слышалась насмешка.

Фарр попытался втянуть живот.

— Мои удовольствия никого не касаются,— резко ответил он.— Я ни в чьи дела не вмешиваюсь. Прошу только оставить меня в покое и дать мне зарядные устройства.

— Они нужны всем,— повторила Ирелла.— Не забывайте, кроме вашего мира грез существуют и другие. Полагаю, Лира важнее.

— Но мне нужно так немного!

— Довольно! — отрезала Ирелла.— Барлен, Хардони, Корт — следуйте за мной.

Она повернулась и повела их за собой в меньшее помещение, примыкавшее к залу.

— Так что же? — спросила она, когда они остались вчетвером.

Хардони развел руками.

— Теперь все зависит от Корта. Я сделал все, что мог. Мои люди готовы, но нет оружия.

— И мои люди готовы,— заявил Барлен.

Ирелла перевела взгляд на Корта.

— Я слышала, что случилось сегодня ночью. И пойду на все, лишь бы спасти Лиру. Даже на то, чтобы применить пытки.— Взгляд ее голубых глаз был тверд.

Корт молчал.

— Послушайте,— сказала Ирелла, обращаясь только к нему.— До сих пор вы отказывались дать нам оружие. Вы пришли из прошлого, из мира, настолько мерзкого, что он уничтожил сам себя. И вы еще смеете осуждать нас! Лиру! Вы что, бог? — В ее голосе послышались визгливые нотки; чувствовалось, что она с трудом сдерживает ярость.

— Нет,— ответил Корт.— Нет, я не бог.

— Тогда... в чем дело?

— Я помогу вам. Больше ничего не остается, теперь я понимаю. Земля еще не готова для мира. Я проснулся слишком рано.

Барлен восторженно выругался, его брань барабанным боем ударила о гулкие своды комнаты.

— Отлично, Корт! Отлично! Вы были солдатом, остаетесь им и сейчас. С оружием у нас есть шанс одолеть деккан.

На лице Хардони появилась невеселая улыбка.

— Долго же вы раздумывали,— сказал он.— Но, возможно, это к лучшему. Сейчас Лира доведена до белого каления, ее легко перековать. Как только люди узнают, что вы с нами... В общем, у вас и в самом деле есть шанс стать богом.

Корт не сводил взгляда с Ирелы. Жесткая линия ее рта смягчилась, огонь в глазах погас. Теперь она опять выглядела как девушка, которая подарила ему поцелуй, а не как властная правительница, угрожающая пытками.

— Значит, вы все-таки живы,— тихо произнесла она, и только Корт понял, что она имеет в виду.

Спустя полчаса он в одиночестве прогуливался по террасе дворца, ожидая и размышляя. Над ним мерцали холодные звезды чужого неба, в сравнении с суетными делами рода человеческого неизменные, как сама вечность. Внизу, под балюстрадой раскинулась Валира — розово-перламутровое пятно на фоне ночи. Дворец за спиной бурлил от возбуждения.

Совсем скоро здесь соберутся ученые и технические специалисты, которые давно ждали этого дня.

— От вас не потребуется никаких речей,— сказал Корту Хардони.— Они хотят расспросить вас. Им нужно понять основы, чтобы начать работать. Сейчас даже одна-единственная проведенная впустую ночь может обернуться бедствием.

Корт не знал, о чем будет говорить. Как описать мир, в котором он когда-то жил? Совсем немногое сохранилось в его памяти отчетливо — обсаженные деревьями улицы, где даже в солнечный летний день зелень дышит прохладой; дети, которые с веселыми криками бегают по этим улицам; тележка с мороженым, медленно едущая по тротуару; звон колокольчика. Ему не хотелось говорить с лиранскими учеными об оружии. Ему хотелось рассказать о других, совсем мирных вещах...

Все бесполезно. Войны, похоже, будут всегда. Неужели другое решение невозможно? Он поднял взгляд на безответные звезды. Скорее всего, войны будут и здесь. Хардони прав: люди — хищники.

Нет, все-таки Хардони ошибается. Где-то есть и другой выход. Нужно лишь найти его, и его непременно найдут — когда-нибудь, в далеком, еще не родившемся будущем, в стране и времени, которые будут потом. Сам Корт, конечно, этого не увидит. Он проспал не одно тысячелетие, однако даже сейчас в крови людей пульсирует страстное стремление воевать и убивать себе подобных. Война едва не уничтожила человечество, но люди позабыли об этом. И снова вытащили из ножен пламенеющий меч.

На этот раз он обрушится на землю, которой нечем от него защититься.

— Наука,— с горечью прошептал Корт.— Снова она будет работать на войну. И это будущее!

— Война — ужасная глупость,— произнес чей-то голос.

Из полутьмы выступила тучная фигура и, неуклюже переваливаясь, двинулась вперед. Сумерки скрадывали яркие краски одежды Фарра, но лицо и общие очертания были различимы.

— Война — ужасная глупость,— повторил Фарр.— Но я не имею привычки спорить с глупцами. Трон правит, и пусть себе правит, говорю я — пока мне не мешают жить своей жизнью. Но нет. Они отказывают мне в оборудовании, которое необходимо мне, чтобы быть счастливым.

Корт отвернулся, собираясь уйти, но толстяк с удивительной прытью преградил ему дорогу.

— Пожалуйста, подождите,— в высоком голосе Фарра звучали нотки беспокойства.— Вы можете оказать мне огромную услугу. Ирелла к вам благоволит, а у меня есть одна скромная просьба. Это для меня чрезвычайно важно. Не уходите, выслушайте меня.

— Ну, в чем дело? — не заботясь о вежливости, спросил Корт, недовольный тем, что его уединение нарушено.

— Разве человек не имеет права быть счастливым, если он никому не мешает? Мне требуется кое-какое оборудование, совсем немного, а они отвечают, что оно требуется всем. Однако несколько зарядных устройств ничего не значат для Лиры. Я, знаете ли, очень полезный друг, Корт, и прошу об очень маленькой услуге. Замолвите Ирелле словечко за меня, и дело будет сделано.

— Улаживайте свои проблемы сами,— проворчал Корт.— Кстати, для чего вам нужно это оборудование?

— Для счастья,— ответил Фарр.— Я создаю сны.

— Что?

— Я создаю сны,— повторил толстяк.— Науку можно повернуть совсем в другую сторону, не на службу войне. Много лет назад я удалился в свой замок и с тех пор создаю собственные миры. Там я могу делать все, что пожелаю. Я разработал, в некотором роде... науку снов. Но я не ученый, я художник.

— Правда? — сказал Корт.— Когда-то давно я тоже считал себя художником.

Фарр улыбнулся.

— Тогда вы меня поймете, не сомневаюсь. Красота и необычность новых миров помогает мне забыть о тревогах и недостатках нынешнего. Наука способна дать искусству жизнь. Если вы можете шагнуть в нарисованную вами картину, это замечательно.

— Ну, это только красивый образ.

— В том-то и дело, что я могу,— воодушевился Фарр.— Я рисую с помощью определенной... силы или энергии, способной трансформировать материю на уровне реальности так, как хочет художник. И более того — эта вновь сформированная материя не статична. Из семени цвета, замысла и звука она развивается и растет как растение.

— И что, специалистам известно об этом? — с сомнением спросил Корт.

— Конечно. Некоторые из них даже разрабатывали для меня основные принципы... Ну, как мастер-техник может создавать музыкальный инструмент. Однако играю на нем я.

В душе Корта скептицизм боролся с любопытством. Вдруг тут тоже есть что-то, что можно превратить в оружие?

— И как ваша система работает? — спросил он.

Фарр извлек из складок своего одеяния черный шар размером с апельсин.

— Человека всегда привлекали образы, представляющие собой материализацию его подсознания... говоря

точнее, его истинного «я». Каждому интересно воплотить в жизнь собственные мысли, облечь их в цвет, форму, звук... Создать свою, личную, реальность. Думаю, в ваше время люди тоже делали нечто подобное.

— Да. Иногда им это очень неплохо удавалось.

— Лишь искусство совершенно,— продолжал Фарр,— потому что с его помощью человек достигает состояния абсолютной свободы. Он — пленник своего тела, ограниченный пятью чувствами. Однако сознание способно простираться в бесконечность и творить чудеса. Если ты не связан оковами плоти, если создаваемые твоим разумом миры стали реальностью — хотя бы для тебя одного, тогда ты достиг совершенства! Тюремные стены падут. Свободный разум, воплощающий собственный замысел и таким образом реализующий себя. Здесь, сейчас, в цвете и звуке.

Волосатый палец Фарра прочертил на шаре линию, и тот стал молочно-белым. Потом в глубине сферы возникло медленное вращение красок, напоминающее спиральную туманность. Оно сменилось чисто абстрактным узором — быстро мелькающие цвета, которые растворялись друг в друге, становились то бледнее, то ярче, ослепительно вспыхивали...

— Конечно, это не предел моих возможностей,— снова заговорил Фарр.— Так, портативная модель, которую я ношу с собой для... для восстановления сил. В замке у меня есть более совершенное оборудование. Теперь вы понимаете, зачем нужны зарядные устройства, в которых мне отказывают,— и, поверьте, это важнее, чем создание какого-то там оружия. Это цвет, Корт — но он не совсем реален. В некотором роде он обладает свойством хамелеона. Вытаскивает образы, которые скрываются в вашем подсознании.

Крошечный, мерцающий, зачаровывающий мир радуг ожил в ладони Фарра. Янтарный и перламутрово-

белый, сапфировый и агрессивно-красный — цвета струились, смешивались, быстро сменяли друг друга. Узоры возникали и исчезали, на их месте тут же появлялись новые. В этой игре красок было нечто бесконечно чуждое, хотя в то же время удивительно знакомое. И еще в ней чувствовался необычный ритм, захватывающий, точно музыка Равеля. Когда-то, в свою эпоху, Корту доводилось видеть мобили, которые точно так же завораживали его. Но шар Фарра производил гораздо более сильное впечатление, он был почти что само совершенство.

Словно в водовороте, кружились осколки и грани медово-золотистого цвета. Ослепительно вспыхивали лучи, напоминающие ярко-голубые и зеленые павлиньи перья. Наплывали бархатисто-фиолетовые облака, плотные, почти осязаемые. Цвета и ритмы внутри маленького шара плясали, изменялись, перетекали друг в друга, точно живые...

И вдруг они исчезли. Шар потемнел.

— А сейчас я покажу вам мои настоящие миры, Корт,— это был всего лишь скромный образец,— раздался голос Фарра.

Корт оглянулся — и не поверил своим глазам: ни перламутрово-розового отсвета Валиры внизу, ни зеленой листвы террасы за спиной Фарра больше не было. Вместо них появилась гладкая как стекло стена... стена какой-то комнаты.

Он был не на террасе. Он находился в пустой комнате с голыми стенами. Низкий потолок тускло светился.

— Вы у меня в замке, Корт, в темнице,— с улыбкой сообщил Фарр.— С тех пор как вы погрузили взгляд в мой разноцветный шар, прошло почти пять часов. Вы очень далеко от Валиры, и даже Хардони не придет в голову заподозрить, что глупый толстый Фарр захватил вас в плен.

/7/

Корт метнулся вперед, чувствуя, как напряглись мышцы ног. Фарр покачал головой.

— Вам до меня не добраться. То, что вы видите перед собой, всего лишь мое изображение. Во плоти — а плоти у меня, как вы знаете, немало — я сейчас нахожусь на одном из верхних этажей. А вы, Корт, заперты в помещении, которое я много лет назад приготовил для себя.

Изображение Фарра выглядело удивительно реальным. Однако, когда Корт, заподозрив обман, ткнул в толстяка рукой, она без малейшего сопротивления прошла сквозь мираж.

— Ну, теперь вы мне верите? — усмехнулся Фарр.— Что ж, раз так, вы делаете успехи.

Корт оглянулся, увидел кушетку и опустился на нее, не сводя взгляда прищуренных глаз с Фарра.

— Значит, я в плену. Вы декканин?

— Декканин? Старый толстяк Фарр, который безвылазно сидит в своем замке, создавая сны? Нет, я уроженец Лиры. Однако по духу я космополит, обитатель множества миров. Правда, ненастоящих.

— Зачем вы привезли меня сюда?

Корт обшаривал взглядом стены, но не обнаружил на гладкой поверхности никаких признаков двери.

— Вы нарушаете мои планы. Похитить вас оказалось нетрудно. Мой авиамобиль стоял на террасе дворца, и никто не заподозрил Фарра в том, что он собирается украсть человека. Я без труда доставил вас сюда, и, поскольку я противник убийства, здесь вы и останетесь.

— И каким же планам я помешал?

Крошечные глазки Фарра хитро заблестели.

— Вы поверили тому, о чем я рассказывал вам на террасе? Мир любой ценой? Нет, Корт, нет! — Толстяк расправил плечи и, казалось, даже стал выше ростом.— Прежде, в те времена, когда я строил этот замок в уго-

ду своим прихотям, я действительно так думал. Тогда мне хватало снов, ничего больше меня не интересовало. Однако я не мог не заметить тень, которая сгустилась над Лирой, поскольку этот сумрак проник даже в мои миры.

— И что дальше?

— Если война неизбежна, Лира должна быть к ней готова, это я понимаю. Но мне известно кое-что еще. Опасность исходит не от Декки. У меня есть свои надежные источники информации. Враг притаился внутри, и если бы вы, Корт, помогли создать оружие, это было бы ему на руку.

— Кто же этот враг?

— Не важно, ведь оружие не будет создано,— ответил Фарр.

Корт с горечью посмотрел на толстяка.

— Прекрасно. Но когда придут деккане, вам тоже придется несладко.

— Они не придут.

— У них есть оружие.

— Неужели? Что ж, я понимаю, что к войне надо подготовиться заранее, и обещаю, что как только Декка и впрямь задумает нападение, я пробужу вас от сна и вы создадите свое оружие. Тогда оно и в самом деле будет необходимо, и предатель, который жаждет лишь власти и побед, не сможет использовать его исключительно в собственных интересах. Вот почему, Корт, я привез вас сюда. Вы в потайной камере, в глубоком подземелье моего замка, и ключ есть только у меня. Вы не будете нуждаться ни в пище, ни в воде, потому что свет, который вы видите, содержит в себе энергию. Вы проведете в этой темнице долгие годы, состаритесь и, в конце концов, умрете. Однако вы не будете чувствовать себя несчастным, поскольку сможете жить в мирах, несравненно более прекрасных, чем Земля.

В горле у Корта пересохло.

— По-моему, Фарр, вы сошли с ума.

Толстяк захихикал.

— А вы взгляните на это с другой стороны. Возможно, миры безумца куда интересней и содержательней, чем тот, который от него не зависит. Вам выпадет редкий шанс стать творцом, Корт.

— Может быть.

— Вам не удастся избежать своей участи, даже не мечтайте. Энергия вашего разума будет создавать картины... живые картины. Картины, где вы будете жить. Вы забудете Лиру, Трон и прочие глупости — все это перестанет иметь для вас значение — и будете счастливы.

— Я...

— До меня вам не добраться. Я оказываю вам огромную услугу, позволяя стать создателем чудесных снов и самому погрузиться в них. Ни один человек еще не удостаивался такой чести. А теперь прощайте.— Тучная фигура стала таять в воздухе, но маленькие глазки продолжали с любопытством взирать на Корта.— Ах, еще кое-что напоследок. Ложитесь на кушетку. Она мягче пола.

Корт выругался, однако Фарр уже исчез, остались лишь голые стены, отражающие искрящийся свет. Свет, который, по словам толстяка, заменит пленнику и пищу, и воду.

Черт побери!

С искаженным от бешенства лицом Корт вскочил на ноги. С каким удовольствием он сомкнул бы сейчас пальцы на толстой шее Фарра!

Он перевел дыхание и попытался успокоиться. Ему хотелось биться головой о стену, но этим делу не поможешь. Тогда Корт начал ощупывать стены, тщательно, фут за футом, надеясь найти хоть какой-то намек на выход. Но нет, дверь была замаскирована надежно.

И тут он почувствовал, что засыпает.

Им овладела паника. Он яростно тряс головой и таращил глаза, борясь со сном, который, казалось, дождем

лился с потолка вместе с золотисто-песочным светом. Корт начал ходить из угла в угол. Ноги норовили ступать в такт какому-то ритму.

Туда и обратно, туда и обратно. Пока удается не спать...

И вдруг оказалось, что он сидит на кушетке, привалившись спиной к стене!

Корт вскочил, но теперь ноги вовсе не держали его. Он уже по бедра погрузился в теплый золотистый песок, который медленно заполнял комнату и в конце концов заставил его снова опуститься на кушетку. Корт до крови прикусил губу, но боль мгновенно перетекла в ощущение острого удовольствия...

Он безвольно лег.

Он больше не чувствовал под собой твердой кушетки. Падающий сверху песок постепенно засыпал его с головой. Корт летел вниз, сквозь сияние теплого света. Из песка начали складываться узоры... папоротник... пальмы... застывшие кристаллы...

Он стоял в стеклянном лесу.

Воздух был прозрачен, как на картине Руссо*, и, в точности как у Руссо, вокруг возвышались живые растения. Они выглядели узорчатыми, точно папоротник, и прозрачными, словно хрусталь.

Корт прикоснулся к мерцающему листу, и тот завибрировал. И запел.

Пиццикато хрустального звона... Шепот и шелест стеклянного леса... Звуки, невесомые, как лучи света, пели на тысячи ладов, ветви грациозно покачивались, вспыхивая на солнце. Музыка отзывалась трепетом в теле Корта. Он стал частью сверкающих джунглей, их песня была его песней...

---

* Вероятно, имеется в виду не Теодор Руссо, французский живописец XIX века, чьи картины можно увидеть в Эрмитаже, а его однофамилец Анри Руссо (1844–1910), один из известнейших представителей примитивизма.

Что-то теплое ласково коснулось ноги. Он посмотрел вниз. Непонятно откуда прихлынуло голубое озеро и, точно слезы Ниобеи*, стало подниматься все выше и выше.

Корт вспомнил. Синее море! Синее море, которое укачивало его на всем долгом пути сквозь время!

Однажды он уже боролся за то, чтобы вырваться из-под гипнотической власти лазурных глубин, и сейчас это прикосновение наполнило его гневом и ужасом. Сине-зеленая безмятежность, когда-то сулившая мир и покой, теперь означала для Корта забвение смерти.

Он ринулся вперед, сокрушая хрустальный лес.

Прозрачная страна чудес оказалась хрупкой. Причудливые ветки легко ломались, когда Корт продирался сквозь них. В хрустальном пении послышался диссонанс, звенящий крик протеста. Песок под ногами скрипел и похрустывал. Все закружилось в ослепительном водовороте, сжалось до размеров далекой световой туманности. Звук усилился, перешел в рев, и...

Все исчезло.

Вокруг была безбрежная серая пустота. Потом, откуда ни возьмись, в ней явилось что-то громоздкое, асимметричное, странно угловатое, ярко-желтое.

Оно росло.

Оно стало величиной с башню. Оно выбрасывало бледно-коричневые протуберанцы, огромные грибовидные отростки. От основания «башни» к ногам Корта, словно ковер, протянулась янтарного цвета дорожка.

Пятна света с невероятной скоростью превращались в ядовито-оранжевые сферы с бледно-серыми пятнами. Они кружились в чудовищном танце, отступали, надвигались снова, улетали вдаль и возвращались.

Вокруг, словно деревья, росли кубы и многогранники.

---

* В греческой мифологии — дочь Тантала, жена царя Фив Амфиона, в наказание была превращена Зевсом в каменное изваяние, из глаз которого продолжали вечно литься слезы.

Янтарная дорожка заскользила к «башне», унося Корта в самый центр дьявольской свистопляски.

Громоздившиеся вокруг абстрактные фигуры падали, разбивались и исчезали. Какая-то алая чаша наверху устремилась вниз, издавая оглушительный вой,— казалось, рушится само небо.

Мир, который сам порождает себя и сам себя воплощает...

В какой-то глубоко запрятанной и потому нетронутой части разума Корта сложилась мысль: «Это видения, извлеченные из моего подсознания. Дьявольский механизм Фарра делает так, что для меня они становятся реальностью».

Этот мир был пугающе настоящим, и страшнее всего было приятное возбуждение, поднимающееся внутри Корта. В геометрическом танце он уловил определенный смысл, начал ощущать, что кроется за символами абстрактного кубизма, живыми и звучащими. Желтые кольца складывались в спираль и поднимались ввысь, издавая пронзительно-высокий звук, их визг сливался с глубоким басом бесформенного фиолетового пятна, которое извивалось и корчилось, точно амеба.

Корт чувствовал, что постепенно становится частью этой неистовой пляски форм и цвета, дышит ей в такт.

Желтое с пронзительным визгом превращалось в красное... красное с пением в оранжевое... оранжевое с журчанием в зеленое. Гудящий хор изумрудного треугольника перерастал в синее...

Синее сворачивалось кольцами и вздымалось, маня, увлекая в бездну безвременья...

В синее море вечности!

Корт бросился с кулаками на «башню», на чудовищные, угловатые фигуры вокруг и увидел, как они рушатся под его ударами, проваливаются во тьму, которая постепенно растекается, пожирая краски и звуки.

Он стоял один в темноте.

Мрак был почти полный. Корт скорее чувствовал, чем видел скользящие сквозь него тени, еле различимый намек на форму...

И вспыхнул свет.

Буйная растительность джунглей окружала его со всех сторон. Целая цепочка солнц, словно ожерелье, тянулась по небу, такому бездонному, какого никогда не бывает на Земле. Своей яркостью и пестротой джунгли тоже превосходили земные.

Слишком разноцветные, чересчур пышные, они как будто стремились произвести впечатление. В сочной зелени огромных листьев извивались вены, по которым текла алая кровь растений. Фантастически яркие цветы достойны были украшать сады Соломона. Никакой художник не нашел бы красок, чтобы изобразить их, но они не были нарисованы. Чаши сияющего серебра проливали жидкое золото, которое пенилось на плодородной почве. Из семени, брошенного здесь, могло вырасти только чудо.

В тени деревьев — в глубокой, бархатистой тени — мелькали желто-черные тела тигров. Их глаза следили за Кортом. С текучей плавностью хищные тела скользили среди сверкающего, поразительного буйства джунглей.

Мир, который сам себя порождает... Самозарождающийся мир...

На этот раз Корт вовремя заметил голубую воду и отпрянул в сторону. Блестящий, точно полированный, цветок опустил свою чашу, проливая на человека пламенный нектар. Над Кортом склонились женские фигуры, с белой как снег кожей. У одной из них были рыжевато-золотистые волосы и потрясающе красивое лицо. Ирелла!

Тигры растаяли, точно миражи... Впрочем, они ведь миражами и были. Однако один тигр не исчез — оказалось, Корт сидит на его спине. Корт почувствовал, как плавно сократились мышцы на боках зверя, когда тигр на мгновение присел и бросился вперед.

Холодный ветер высушил пот на щеках. Вцепившись одной рукой в покрытый мехом загривок хищника, другой Корт прикрывал глаза от пламени, внезапно вспыхнувшего впереди.

Он несся сквозь огонь. Его тигр оглушительно рычал от возбуждения удивительно звучным и чистым басом, и Корт, вовлеченный в эту мистерию звериной мощи и бешеной скачки, закричал тоже.

Они мчались и мчались... пока впереди не показалась морская синь.

Корт спрыгнул со спины тигра, поток встречного ветра тут же стих. Не осталось ничего, только серая пустота вокруг.

Эту серость медленно пересекала причудливо изогнутая прерывистая линия.

Навстречу ей поползла вторая, тонкая, черная.

Потом появилось еще несколько.

Вокруг не было ничего, кроме серой пустоты и разбросанных по ней линий, в которых Корт не видел никакого смысла.

Может, это и есть чистая сущность изобразительного искусства? Несколько линий, символизирующих ритм и узор... Узор, который художник может искать всю свою жизнь, но так никогда и не найти.

Корт долго стоял, глядя на причудливо сплетающиеся линии.

И к нему снова начало подступать синее море.

В следующем видении не было ни света, ни звука — вообще ничего сравнимого с тем, что способны воспринимать человеческие органы чувств. Это был едва ли не самый странный мир изо всех, и, однако, Корт оставался там дольше, чем где бы то ни было. Он видел этот мир с помощью какого-то загадочного внутреннего взора, и упоение стремительного движения сквозь пространство и время заставило его надолго задержаться.

Потом были новые видения.

Свободный разум, воплощающий собственный замысел...

Безгранично свободный, не связанный путами плоти, Корт наконец ощутил среди ошеломляющего разнообразия миров что-то... живое. Оно пыталось ускользнуть, но он не отставал.

Он больше не был человеком в полной мере, и все же узы, привязывающие его к той Земле, которую он знал когда-то, все еще оставались сильны. Гипнотические оковы, которые навсегда сковали бы любого лиранца, были не вполне властны над Кортом. Ведь он не принадлежал к этой расе, что на протяжении всей своей истории боролась за выживание. И возможно, часть его разума была неподвластна чарам. Та часть, которую до сих пор не отпустило синее море...

И здесь, в этом невероятном мире чистого пространства-времени, за пределами реальности, Корт почувствовал чужую жизнь и бросился за ней в погоню.

Он узнал ее.

Это был... Фарр.

Немыслимая встреча, встреча двух разумов! Однако Корту важно было лишь, что некая часть Фарра здесь, в пределах досягаемости, и он метнулся к ней...

Метнулся — и поймал. Схватил — и подчинил своей воле.

Фарр отчаянно сопротивлялся, но Корт был сильнее. Наконец он почувствовал, что враг покорился. Корт сражался за то, чтобы вырваться из непостижимого космоса вокруг, чтобы вернуться к теплу и знакомым вещам — он не сомневался, что его родной, знакомый мир не исчез, что он существует. В такой битве проиграть было нельзя. Не в этот раз.

Скорее! Надо бежать!

Вращаясь в водовороте пространства и времени, Корт уходил все ниже и ниже, все быстрее и быстрее, сжимаясь из безмерности вселенского разума во что-то маленькое, ограниченное, знакомое...

И в конце концов упал в помещение с голыми стенами, тесную комнату, где лежала на кушетке маленькая фигурка, заключенная в темницу жалких пяти чувств. Упал, оставив позади невиданное великолепие, которого он никогда не знал прежде и никогда не узнает вновь.

Этан Корт пробудился.

/8/

Дверь в стене была открыта, на пороге стоял Фарр с металлическим ключом в руке. Жизнь медленно возвращалась в его затуманенные глаза. Он раскачивался вперед и назад, как болванчик, и ошалело тряс головой.

Корт встал, чувствуя слабость в коленях, с трудом шагнул вперед, выхватил ключ из пальцев Фарра и сунул его в карман.

Это заставило толстяка очнуться. Не делая попыток вернуть себе ключ, он лишь непонимающе смотрел на Корта.

— Боги! Вы проснулись! Что вы за человек такой?

— Я слишком сильно хотел вцепиться вам в глотку, Фарр,— ответил Корт.

Впрочем, он не спешил двигаться с места, ожидая, пока к нему вернутся силы.

Фарр потер лоб.

— Никогда не думал, что такое возможно. Вы... вы вытащили меня из сна и заставили открыть дверь своей темницы!

— Ага. Гипноз,— сказал Корт, хотя знал, что дело не только в этом.

— Не понимаю. Что вы сделали?

— Мы оба спали и встретились... где-то в мирах. Остановимся на этом объяснении.

Толстое тело Фарра заколыхалось.

— Я сделал глупость. Мне не следовало уходить в мир снов, где вы могли дотянуться до меня. Но откуда мне было знать, что у вас такая сила воли?

— Ниоткуда. К счастью для меня и к несчастью для вас, Фарр.— Корт сделал шаг вперед.

— Постойте! — всполошился Фарр.

— Сколько времени я находился без сознания?

— Недолго. Несколько часов.

Корт почувствовал облегчение; его мучили опасения, что видения продолжались много дольше — дни или даже недели. Он стиснул дряблое плечо Фарра.

— Мы сейчас же возвращаемся в Валиру, вместе. Вы — заложник. Если поведение ваших людей вызовет у меня подозрения, это обернется для вас очень скверно. Вы нужны Валире. У меня возникли кое-какие идеи относительно этих ваших наведенных снов. Не исключено, что на их основе можно создать оружие.

Вытаращив глаза, Фарр попытался вырваться.

— Нет, Корт! Нет! Я сделал глупость, теперь это ясно. Следовало с самого начала рассказать вам правду, но я боялся, что не смогу вас убедить.

— Какую еще правду?

— У меня не было выбора, Корт, поверьте! Вы не понимаете, почему я привез вас сюда!

— Ну и почему же?

— Я действительно хотел помешать вам создать оружие, это правда. Но отнюдь не из эгоистических соображений. Я — глава Подполья.

— Мир любой ценой, да? Мир, даже если деккане нападут на Лиру и завоюют ее?

— Нет! Декка хочет мира, по причинам, которые я не могу вам открыть. Декка не вооружается втайне от нас. Если бы она готовилась к войне, поверьте, я действовал бы совершенно иначе. Тогда я, конечно, помог бы вам в изготовлении оружия. Однако моим шпионам удалось кое-что выяснить. Корт, на Лире есть человек, который хочет захватить власть и развязать войну. Вот кто настоящий враг! У деккан нет оружия. Они не способны его создать по той же причине, что и мы.

Корт хрипло рассмеялся.

— Черта с два! Ваша ложь шита белыми нитками. Чтоб вы знали, один декканин пытался убить меня с помощью каких-то смертоносных лучей.

— Пытался убить вас? С помощью смертоносных лучей? — Фарр прикусил толстую губу.— Никогда не слыхал ни о каких лучах. Полная чушь. Наше Подполье поддерживает постоянную связь с Деккой. И мы, и они делаем все возможное, чтобы сохранить мир.

— Вас легко могли обвести вокруг пальца. Но я думаю, что вы лжете, Фарр.

На обрюзглом лице толстяка отразилось отчаяние.

— Я забыл еще кое о чем. Существует конвенция.

— Какая конвенция?

— Помните Тора Кассела? — спросил Фарр.— Врача, который вернул вас к жизни?

— Того, которого захватили деккане?

— Да. Сейчас он здесь, в моем замке. Поговорите с ним, Корт. Это единственное, о чем я прошу.

— Хотите заманить меня в новую ловушку? Нет уж, благодарю. Мы немедленно возвращаемся.

— Вы должны повидаться с ним!

Пальцы Корта стиснули плечо Фарра сильнее.

— Давайте, выводите меня отсюда. Если возникнут хоть какие-то осложнения, я сверну вам шею. Для этого мне никакого оружия не потребуется.

Плечи Фарра беспомощно опустились.

— Ладно. Но вы совершаете ошибку.

— Смотрите, сами не просчитайтесь. Вперед! — приказал Корт, не отпуская плеча Фарра.

Тот повернулся к двери, вышел в крошечную комнатку и нажал кнопку в стене. Комната — по-видимому, лифт — начала быстро подниматься. Наконец она остановилась. Открылась дверь.

В холодном зеленом свете перед Кортом маячила фигура худощавого, невысокого человека с блестящей

лысиной. Корт дернул Фарра за локоть и спрятался за толстяком.

— Можете свернуть мне шею, если хотите, но сначала вы должны поговорить с Тором Касселом,— сказал Фарр.— Он знает правду и все вам расскажет.

На какое-то мгновение они замерли, словно живая картина: Тор Кассел, стоящий с выражением безмолвного вопроса на лице, и Корт, прикрывающийся Фарром, точно щитом.

— Ладно, я вас выслушаю,— сказал Корт.— Только давайте покороче.

Спустя несколько минут все трое расположились в удобных пневматических креслах. Перед ними лежала копия какого-то документа, которую Кассел достал из тайника в стене. Корт внимательно прочел документ и ткнул пальцем в подпись.

— И Администратор Декки подписал это, а?

— Это заверенная копия,— ответил Фарр.— Оригинал несколько недель назад был отослан Трону.

— Попал он в руки Трона или его перехватили — остается только догадываться,— сказал Кассел.

Корт покачал головой.

— Все равно не понимаю. Если Декка не собирается нападать, к чему вся эта суета в Лире?

— Декка никогда не хотела войны,— ответил Фарр.— Нам в Подполье это доподлинно известно, потому что мы тесно сотрудничаем с ними. Именно от нас они узнали о том, что сейчас творится в стране. Вы, Корт, представляете собой угрозу — как человек, знающий принципы изготовления оружия. Однако попытка декканских шпионов похитить вас окончилась неудачей. Вместо этого они захватили Тора Кассела.

— Я провел в Декке несколько недель,— заговорил Кассел.— И узнал многое, о чем прежде даже не догадывался. Они не больше нашего способны создать оружие. Тот же психический бл[illegible]к, возникший еще в давние

времена. Однако они знают о милитаристских настроениях Лиры и, как могут, пытаются разрядить обстановку. Эта конвенция — их последнее предложение, но и оно, по-видимому, останется без ответа.

Корт перелистал страницы.

— Они предлагают открыть все декканские лаборатории и заводы — фактически всю Декку — для посещения лиранцев. Хм-м... «Мир возможен лишь при условии полного доверия и взаимопонимания... Мы готовы снять все барьеры, чтобы дать возможность даже самым недоверчивым лиранцам убедиться в отсутствии у Декки воинственных намерений».— Корт негромко присвистнул.— Если это правда, дело принимает совершенно новый оборот. Почему же Лира так убеждена, что Декка готовит вторжение?

Взволнованно всплеснув руками, Фарр подался вперед.

— Ответственность за это лежит на одном безжалостном человеке, которому чужда сама идея доброты и великодушия, который считает людей хищниками и без стеснения совести использует окружающих, чтобы удовлетворить свое стремление к власти. Вы знаете, кто это, Корт.

— Хардони. Да, возможно, это он. Но не Ден Барлен. Барлен честный человек.

— Я думаю, Хардони скрыл существование конвенции от Трона,— сказал Кассел.— Не знаю, каковы его планы. Возможно, он хочет свергнуть Иреллу.

Корт встал.

— Подождите,— заговорил Фарр, не спуская с него пристального взгляда.— Подумайте еще вот над чем: в подчинении Хардони находится разветвленная шпионская сеть. Конечно, такая служба порой бывает необходима. Но она чем-то напоминает огонь: когда ее становится слишком много, когда она выходит из-под контроля, то становится опасна. Зачем нужна контрразведка, по размерам не уступающая армии Дена Барлена?

— Сам удивляюсь,— ответил Корт.— Да, это подозрительно.

— Не спорю, нужно всегда быть начеку,— продолжал Фарр.— Но почему бы Трону не попробовать разобраться в истинных намерениях деккан? Почему на протяжении долгих лет Лира практически отрезана от Декки? Ответ прост. Имея в своем распоряжении мощную шпионскую сеть, да еще и оружие, Хардони сможет завоевать весь мир. И уж он позаботится о том, чтобы все средства уничтожения оставались у него одного. Человек, который снова создаст оружие и применит его, может быть втянут в опасную игру. Теперь послушайте. Двери Декки открыты для любого лиранца. Отправляйтесь туда и убедитесь сами. Если на Декке обнаружатся признаки хоть какого-то оружия, можете назвать меня лжецом.

— Есть более легкий способ узнать истину,— хмуро проговорил Корт.

Фарр взволнованно наклонился вперед.

— Что вы имеете в виду?

— Если за всем этим стоит Хардони, если он в ответе за волну пропаганды, втягивающую Лиру в войну, я выведу его на чистую воду.

— Он очень могущественный человек,— предостерег Корта Фарр.— Его агенты вездесущи.

Корт зло прищурился.

— Значит, способность создавать оружие была вытравлена из сознания человеческой расы. Это не помогло, Кассел! Природа подавила следствие, но не причину. Источник все еще существует — врожденное стремление человека к власти и завоеваниям. Возможно, такие люди будут всегда.

Кассел промолчал, однако на пухлой физиономии Фарра появилось неприязненное выражение.

— А человечество всегда будет бороться с убийцами,— упрямо заявил он.— Прежде чем мы уйдем отсю-

да, ответьте мне, Корт: нам удалось убедить вас? Вы все еще собираетесь создавать оружие?

— Для Хардони — нет.

— Не стоит его недооценивать,— предостерегающе сказал Кассел.— Прежде чем вернуться в Валиру, где он всевластен, нужно принять меры предосторожности. Я отправлюсь с вами. Мое имя кое-что значит, и, возможно, мне удастся вам помочь.

— Нет, я полечу один. Я не доверяю никому из вас. Мне нужен авиамобиль, Фарр.

— Это безрассудство!

— Если хотите, чтобы я вам поверил, дайте авиамобиль.

Толстяк задумчиво кивнул.

— Хорошо, Корт. Пусть будет по-вашему. Я могу лишь посоветовать вам соблюдать осторожность.— Он грузно выбрался из кресла.— Идите за мной.

Оставив Кассела молча провожать их взглядом, они двинулись прочь через длинные анфилады огромных комнат. Все залы были обставлены скудно, почти аскетически.

— Чтобы купаться в роскоши, у меня есть мои сны,— негромко пояснил Фарр.

Проходя мимо одной из арок, он кивком указал Корту на маленькую комнатку, как две капли воды похожую на его недавнюю темницу. Здесь тоже стояла кушетка, а рядом в стене была серебряная панель с двумя тумблерами.

— Одним движением руки я создаю собственные миры,— продолжал Фарр.— В цепь вот этого тумблера входит таймер, который будит меня в заданное время.— Он криво усмехнулся.— Ко второму тумблеру таймер не подключен, поскольку он связан с темницей, откуда вы недавно сбежали. Я приготовил ее на тот случай, когда слишком устану от этого мира. Там я смогу уснуть и спать долго-долго, до самой смерти, обитая в собственных все-

ленных... Вот крыша, Корт, и вот авиамобиль. Вы умеете им управлять?

Корт кивнул, перешагнул через низкий бортик и проверил аппарат. Тот завибрировал, оживая под его руками.

— В каком направлении Валира?

— Летите на север. Удачи вам. Возможно, мы увидимся скорее, чем вы рассчитываете.

Но Корт уже не слышал его. Авиамобиль взмыл в ночное небо. Силуэт Фарра на крыше быстро уменьшался, вскоре и он, и сам замок исчезли из виду. Внизу темнела земля, над головой сияли звезды.

Взглянув на компас, Корт направил машину на север и до предела увеличил скорость. Ледяной ветер обжигал ему щеки, однако никакой холод не мог погасить тлеющее в душе Корта пламя сомнений: кто лжет, а кто говорит правду?

Чем дольше Корт размышлял, тем больше верил в двуличие Хардони. Главе шпионской сети несложно посеять в стране воинственные настроения. Ирелла доверяет Хардони, Барлен — нет, однако поделать Барлен ничего не может. Тем более что он и не подозревает измены. Однако все это справедливо лишь при условии, что Фарр не лгал. А может быть, конвенция — просто искусная фальшивка... Тор Кассел? Но почем знать, что ему можно верить?

Тем не менее, вспоминая холодную улыбку Хардони, его беспощадное презрение к человеческому роду, Корт проникался уверенностью, что именно рыжий лис — враг, с которым ему предстоит встретиться лицом к лицу.

Но если это правда, как убедить Трон? Хардони наверняка позаботился о том, чтобы не оставить никаких улик.

Прошел час, за ним второй. На горизонте уже забрезжило тусклое свечение Валиры, а Корт так и не пришел к решению. Было далеко за полночь, однако над розово-

перламутровым городом мерцало облако света — городские огни по-прежнему горели. Валира никогда не погружалась в ночь.

Но большая часть жителей Валиры спала. Добравшись до дома Дена Барлена, Корт обнаружил, что тот тоже спит. Охранник узнал Корта, отсалютовал и отвел в приемную, где спустя несколько минут появился Барлен в ночном халате, с взъерошенной бородой.

— Корт! — воскликнул он.— Где вы были? Мои люди обыскали весь город. Да что там город, всю страну! С вами все в порядке?

Корт искоса взглянул на охранника.

— Мы можем поговорить наедине, Барлен?

— Что? Ну... да, конечно. Идемте.— Он повел Корта к себе в спальню.— Что случилось?

— Я точно не знаю,— медленно заговорил Корт, тщательно подбирая слова.— Единственное, в чем я уверен, это что вы преданы Трону, Барлен.

Великан непонимающе посмотрел на него.

— В чем дело? — с тревогой спросил он.

Корт протянул ему копию декканской конвенции.

— Вы уже видели этот документ?

Пока Барлен читал, его брови все сильнее сходились к переносице.

— Подписано Администратором Декки. Странно... Нет, я впервые вижу эту конвенцию. Где вы ее взяли?

— Пока мне не хотелось бы объяснять. Скажем так, документ дал мне человек, имеющий тесные отношения с Деккой. Я предпочел бы обсудить с вами другое.

И Корт начал торопливо излагать свою теорию. Барлен некоторое время слушал его, а потом нетерпеливо махнул рукой.

— Говорите, говорите, я пока оденусь. Возможно, придется действовать немедленно.

На мгновение Корт похолодел от страха. Что, если предатель не Хардони, а Барлен? Вдруг он, Корт, ошибся и пришел не к тому, к кому следовало?

Тут Барлен с чувством выругался и заметил:

— Доказать что-либо будет очень нелегко, но вообще это похоже на Хардони. Неужели у Декки и вправду нет оружия? С ума сойти можно...

Услышав это, Корт немного успокоился.

— А как же смертоносные лучи?

— Ну, не знаю... Возможно, и этому найдется объяснение. Быть может, все подстроил Хардони. Допустим, он был уверен, что Трон никогда не увидит конвенции. Заметьте, он все время пытается ослабить мою организацию, а свою, наоборот, всячески укрепить. Что, если он собирается начать войну, завоевать Декку, а потом захватить власть в стране?

Да, такого нельзя было исключить. Есть над чем подумать...

— Но как нам выяснить правду? — спросил Корт.— Чтобы уже не сомневаться?

— Есть только один путь.— Барлен на мгновение заколебался.— Декка действительно засылает в Лиру своих шпионов, хотя теперь я не уверен, что причиной тому воинственные намерения наших соседей. Нескольких шпионов мы захватили. Они в штаб-квартире Хардони. Вероятно, они смогут рассказать нам об истинных планах Декки.

— Если захотят.

— Захотят,— угрюмо ответил Барлен. Он накинул плащ, повесил на пояс меч и зашагал к двери.— Но нам придется действовать быстро, чтобы выяснить все раньше, чем Хардони сообщат, что мы вторглись в его штаб-квартиру.

Барлен отдал распоряжения. Его голос гулко отдавался в коридорах. К тому времени, когда они с Кортом добрались до главного выхода, к ним присоединились полтора десятка вооруженных солдат.

Воздушные машины стремительно понесли небольшой отряд к молчаливому темному зданию — цитадели

Хардони. Самого рыжего лиса там в этот ночной час, по расчетам Барлена, не должно было быть. Однако у входа дежурил часовой, одетый в красную униформу Корпуса, и он потребовал пропуск. Как некстати! Пока они будут пререкаться с часовым, Хардони могут сообщить о неожиданных визитерах.

— Тебе известно, кто я такой? — рявкнул Барлен.

Охранник поклонился.

— Ден Барлен. Конечно, я узнал вас. Однако я служу в Корпусе.

— Ты служишь Трону! Как и я! Еще слово, и я перережу тебе глотку! Где арестованные деккане?

— Ден Барлен, я не вправе пропустить вас.

Барлен жестом отдал приказ. Два его солдата бросились вперед и схватили часового за руки, третий приставил нож к его горлу.

— Ну, теперь отведешь нас к пленникам? — спросил Барлен.

Это, похоже, убедило часового. Потирая шею, он молча возглавил процессию и двинулся в глубь здания, украдкой поглядывая на незваных гостей.

Вскоре они оказались на пересечении коридоров, и провожатый свернул налево. Один из солдат потянул Барлена за рукав.

— Ден Барлен, он ведет нас не туда,— прошептал он.— Я как-то слышал, как агенты Корпуса говорили, что левый коридор выводит прямиком в офис Хардони.

— Понятно,— сказал Барлен.— Убей обманщика.

— Нет! Не надо! — в ужасе закричал агент, услышав его слова.— Я отведу вас к арестованным! Клянусь!

— Прекрасно. Приставь меч к его горлу. Если этот парень снова вздумает шутить — прикончи его,— приказал Барлен своему солдату и снова обратился к пленнику: — Итак, друг мой, ты, кажется, сказал, что здесь нужно повернуть направо?

Дальше они шли по коридорам в молчании, тишину нарушал лишь негромкий звук шагов. Спустившись по

спиральному пандусу, они оказались в еще одном узком коридоре, который, после поворота, вывел их в ярко освещенную комнату, где сидели четверо агентов, коротая время за игрой в карты. Увидев чужаков, они лишь на мгновение растерялись и тут же вскочили на ноги. Однако солдаты Барлена оказались проворнее, и вскоре к шее каждого из агентов был приставлен меч.

— Все-таки решил пошутить? — спросил Барлен у провожатого.

— Нет, нет! Клянусь, я понятия не имел, что тут кто-то есть!

— Барлен! — окликнул Корт.

— Ну?

— Вон тот человек! — Корт указал на одного из агентов.— Я его знаю. Это декканский шпион, который пытался убить меня в «Зеленой таверне».

— Что? Декканин?

— Ага,— усмехнувшись, подтвердил Корт.— Вот только теперь на нем почему-то форма Корпуса. Странно, правда?

С трепещущими от гнева ноздрями Барлен в несколько шагов пересек комнату и, видимо, побрезговав использовать меч, просто опустил тяжелую руку на плечо агента и сжал пальцы. Человек вскрикнул от боли.

— Говори! — Из глаз Барлена глядела сама смерть.— Говори, или я расплющу тебя в лепешку. Кто ты? Человек Хардони?

— Хардони приказал мне! — выпалил тот.— Я просто выполнял приказ. И никому не причинил вреда — оружие было ненастоящее.

— Смертоносные лучи? — удивленно спросил Корт.— Ты же убил двух человек. Я сам видел, как они упали.

— Хардони нанял их,— корчась от боли, отвечал агент.— Я... Ох, мое плечо! Это... это оружие совершенно безвредно. Просто световой луч. Потом, как велел Хардони, я спрятался здесь.

— Неплохой способ убедить меня создать оружие для Лиры,— заметил Корт.— И он сработал. Я собственными глазами видел, как декканин безжалостно убивает с помощью смертоносного луча. Да, все вышло так, как и было задумано... почти все.

— Теперь поговорим с пленниками,— сказал Барлен.— С настоящими декканами.— Его улыбка напоминала волчий оскал.

Четверть часа спустя Барлен и Корт снова мчались на авиамобиле по ночному небу. Внизу с обманчивой безмятежностью сверкала огнями Валира.

— Теперь у меня нет никаких сомнений,— заявил Барлен.— Действовать нужно решительно. Мои люди готовы к бою. Я прикажу арестовать Хардони и всех руководителей его Корпуса.

— А Трон?

— Нет времени сообщать Ирелле. Хардони вот-вот станет известно о нашем визите в его штаб-квартиру. Нужно нанести удар прежде, чем он очухается.

/9/

Стоя рядом с Барленом, Корт смотрел, как тот отдает приказы по домашнему визору. Сейчас Корт был всего лишь зрителем, он бездействовал и ждал... чего? Он не знал, но остро чувствовал, как в воздухе сгущается напряжение.

— Найдите Хардони! Арестуйте его за измену, по моему приказу и в интересах Трона. Арестуйте всех руководителей Корпуса. Действуйте!

Прекрасно обученные люди в тысячах отдаленных штаб-квартир услышали приказ Барлена. Щелкнув выключателем, он разорвал связь и повернулся к Корту.

— Ждите здесь. Я лечу к Хардони домой. Свяжусь с вами позже.

— Я с вами.

— Нет, оставайтесь здесь, где вам ничто не грозит. Вы ведь еще не все мне рассказали, и ваши свидетельские показания могут сыграть важную роль. А значит, вы должны выжить. Не стоит рисковать.

Не дожидаясь ответа, Барлен вышел, оставив недоумевающего и раздраженного Корта в одиночестве.

Долго ждать ему не пришлось. Спустя десять минут экран визора снова ожил, и на нем появилось лицо Ирелллы.

— Где Барлен? — требовательно спросила она, не спуская с Корта взгляда голубых глаз.

— Отправился на поиски Хардони, чтобы арестовать его за измену.

— Значит, это правда,— проговорила Ирелла.— Паранойя Барлена наконец перевесила доводы рассудка. Что ж, его приказы отменяются. А вы оставайтесь здесь. Я пришлю за вами.

— Подозрительность Барлена? — возмутился Корт.— Хардони — предатель. У Барлена есть доказательства. И у меня тоже.

Корона золотисто-рыжих волос закачалась из стороны в сторону.

— Не верю. Хардони предан мне. Ручаюсь жизнью.

— Что ж, в таком случае вы рискуете потерять ее. Хардони хочет развязать войну с Деккой.

— Вы сошли с ума.— Ирелла протянула руку, собираясь прервать связь.

— Подождите, Ирелла!

— Что еще?

— Вам не нужно посылать за мной людей. Я сам приду к вам и принесу с собой доказательство, неоспоримое доказательство того, что Хардони собирался свергнуть вас и занять ваше место.

Тень сомнения затуманила ее голубые глаза.

— Какое доказательство? У вас его нет.

— Уделите мне пять минут. Если я за это время не сумею вас убедить, тогда действуйте.

— Не вижу смысла ждать.

— Я лечу во дворец! — отрезал Корт и отключился.

Он вышел и сказал охраннику на входе:

— Мне нужен авиамобиль.

— Вы не можете уйти отсюда, Этан Корт.

— Мне приказано явиться к Трону с докладом.

— Ах, к Трону...

Человек подал сигнал, и к пандусу, на котором они стояли, бесшумно скользнул авиамобиль.

— Мне сопровождать вас, Этан Корт? — спросил охранник.

Не удостоив его ответом, Корт поднял машину в воздух и полетел к сверкающему дворцу на горе. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Корт добрался до места. Однако он все еще не решил, что станет делать. Нужно убедить Ирелу не отменять приказы Барлена, но как?

Не существовало ни доказательств, ни бесспорных свидетельств, которым Хардони не нашел бы какого-нибудь невинного толкования. Но Корт верил, что, когда Барлен нанесет удар и его люди захватят всех руководителей Корпуса, такие доказательства появятся. Нельзя допустить, чтобы Хардони ускользнул из ловушки.

Корт торопливо поднялся в огромный зал под прозрачным куполом. Ирелла была там — тоненькая фигурка в серебристом платье, замершая в кресле перед визором.

Она обернулась и тихим голосом велела сопровождавшему Корта охраннику оставить их. Когда дверь за ним закрылась, Ирелла встала.

— Я ждала. Где ваше доказательство?

Корт отдал ей декканскую конвенцию, и Ирелла принялась внимательно изучать документ. Спустя некоторое время она подняла взгляд.

— И что?

— Декка никогда не собиралась нападать на Лиру,— ответил Корт.— У них нет оружия. Это Хардони убедил всех в воинственных настроениях деккан.

Ирелла задумчиво смотрела на бумаги.

— Откуда мне знать, что это подлинный документ, посланный нам Деккой?

— Вы не получили его, это верно. Хардони помешал этому. Он жаждет войны, потому что война даст ему такую власть, какой он никогда не добьется в мирное время.

Глядя в отрешенное лицо Ирелллы, Корт торопливо рассказал ей все, даже больше, чем собирался.

И, закончив, понял, что проиграл. Ирелла молчала.

— Вы верите мне?

— Нет. Декка хочет войны, Корт. Тому слишком много доказательств. Единственный путь спасти Лиру — подготовиться и дать отпор захватчикам.

Корт застонал. Неужели его слова ничего для нее не значат?

— Но у них нет оружия!

— Это всего лишь ваши слова... Но даже если его нет сейчас, рано или поздно оно появится. Нации могут жить в мире лишь в том случае, если их силы равны.

— Мы тоже так рассуждали когда-то,— угрюмо сказал Корт.— И ничего хорошего из этого не вышло. Надо добиваться доверия и понимания, а не нагромождать по обе стороны границы горы оружия, пока однажды оно не рванет.

— Вы трус, Корт? — спросила Ирелла.

— Может быть,— ответил он после недолгой заминки.— Есть вещи, которые меня пугают. Рассказать вам об одной из них?

Он взял ее за руку и подвел к прозрачной стене купола. Металлический обруч на голове Ирелллы поблескивал в тусклом свете.

Глядя вниз на прекрасную, розово-перламутровую Валиру, Корт представил, как ее хрупкие мосты и купола рушатся под ударами падающих с неба бомб, и содрогнулся от ужаса.

— Это ваш город, Ирелла. Сейчас он встревожен, но по-прежнему прекрасен. В нем живут славные люди. Од-

нако их легко можно превратить в нечто прямо противоположное — в загнанных животных, которые боятся, ненавидят и жаждут убивать, потому что им кажется, что другого выхода нет. В зверей, ослепленных болью и гневом и забывших, что любая жестокость вызовет жестокость в ответ. Вы сожжете города деккан, а они сделают то же самое с вашими. Вы будете мстить им, но, если вы не уничтожите всех деккан до последнего, Лира рано или поздно тоже погибнет.

Люди ничего не забывают, Ирелла. Последняя война на Земле была давным-давно, и вам трудно представить, что это такое. У вас есть сверкающие города, красивая форма и блестящие мечи. По-вашему, война — это что-то вроде дуэли?

Она хотела отодвинуться, но Корт сильнее сжал ее руку.

— Кто возьмет в руки меч, тот от меча и погибнет. В свое время я воевал против тех народов, которые не понимали этого, за что и понесли заслуженное наказание. Да, я был солдатом, Ирелла. Возможно, это вас привлекает, ведь ваши представления о войне сводятся к блестящей форме и сверкающим мечам. Вы не знаете, что такое оружие на самом деле.

От темного неба, от далеких звезд, что равнодушно смотрели за Землю уже много-много лет, казалось, повеяло могильным холодом. Однако Ирелла оставалась бесстрастной, словно мраморная статуя.

— Вы не видели, на что способно настоящее оружие,— продолжал Корт.— От него не спрятаться, не спастись. Вы слышите гул и падаете ничком в грязь, а порой прямо на изуродованные, окровавленные человеческие останки. И ждете. Вы одиноки, абсолютно, бесконечно одиноки. Не имеет значения, герой вы или трус, правитель Лиры или испуганный ребенок. Потому что не в ваших силах остановить бомбы, а они падают не только на поля сражений. И убивают не только солдат. Бомбы

будут дождем сыпаться на Валиру, Ирелла, на мирных жителей, прямо сюда! Если вам повезет и бомба упадет далеко от вас или ее осколок всего лишь проделает дыру в вашем теле, вы, может, и выкарабкаетесь. Но потом вами будет владеть одно желание — убивать тех, кто сбросил эти бомбы.

Корт мягко развернул Иреллу лицом к себе.

— Вы по-прежнему хотите, чтобы я сделал бомбы, которые упадут на Декку?

В ее глазах, сейчас потемневших, почти фиолетовых, метался страх. На мгновение оба замерли на фоне перламутрово-розового города, а потом слились в долгом поцелуе. Недавно Ирелла обещала Корту, что никогда больше не поцелует его. Теперь она нарушила свое слово.

Напуганная его рассказом, она в страхе прижималась к нему. Однако это длилось всего лишь мгновение. Корт знал, что так и будет. Потом он услышал звуки приближающихся шагов и в отчаянии понял, что все его усилия были напрасны — ему не удалось убедить ее.

Ирелла отстранилась, взмахнула рукой, и свет вспыхнул ярче. Вошли двое: Хардони со взъерошенными рыжими волосами и кривой усмешкой на лице, а следом, тыча мечом ему в спину, Барлен.

Дверь скользнула вниз.

— Не шевелись, подлец,— проворчал Барлен.— Ты предал Трон, пусть Трон и примет решение. Думаю, ты заслуживаешь смерти.

— Вы нашли доказательства? — быстро спросил Корт.

— Мне не требуется никаких доказательств, чтобы перерезать этому изменнику глотку! — рявкнул Барлен.— У деккан нет оружия и никогда не было. Хардони рассчитывал развязать войну и стать правителем. Что, будешь отрицать, рыжий лис?

Ирелла подошла к ним и встала рядом с Хардони. Повернув голову, он встретился с ее спокойным взглядом.

— Ну, так что, Хардони? — спросила она.

— С какой стати мне отрицать? — усмехнулся он.— Все правда, кроме одного. Я не собирался предавать вас. Я сделал бы вас правительницей мира.

— Слышали? — воскликнул Барлен.— Он хотел войны!

На губах Ирелы мелькнула легкая улыбка.

— А ты, военный, выходит, стремишься к миру?

— Война для меня — дело чести, а не способ извлечь выгоду,— ответил Барлен.

Корт слишком поздно сообразил, что происходит. Ирелла подошла к Барлену и вдруг резким движением выхватила из складок платья кинжал. Сверкнув на свету, клинок вонзился Барлену в спину.

Великан выпрямился во весь рост и повернулся к Ирелле, на лице его застыло удивление. Меч выпал из его руки.

Барлен открыл рот, чтобы что-то сказать, но оттуда хлынула кровь.

Военачальник упал ничком и больше не двигался.

Ирелла подняла меч и рукоятью вперед протянула его Хардони. Корт рванулся к ним, но стальное острие мгновенно взлетело вверх, подрагивая от желания нанести удар.

— Не глупите, Корт,— сказал Хардони.

— Вы убили его! — прошептал Корт, потрясенно глядя на Ирелу.

Он был просто не силах поверить в случившееся.

Ирелла взяла Хардони за руку и потянула назад. Тот попятился, не опуская оружия. Корт шел за ними, хотя меч по-прежнему был нацелен ему в сердце.

— Ирелла... остановитесь.

— Нет.

— Почему?

Продолжая вести за собой Хардони, она улыбнулась, и на ее лице отразилось непонятное Корту торжество.

— Потому что я все знала, Корт,— знала о намерениях Хардони. Декканская конвенция... Я сама умолчала о ней. Хардони должен был сделать меня правительницей Декки, а потом и всего мира.

— Какая глупость! — воскликнул Корт.

— Может быть. Знаю одно — я должна покорять. Покорять и властвовать. Еще ребенком я грезила о власти. Голоса в крови нашептывали мне о былом величии и грядущих победах. Я должна править!

Теперь сквозь мраморную красоту ее лица проглядывало чудовищная, безумная жажда власти.

— За дверью солдаты Барлена, Ирелла,— сказал Хардони.

— Мы уйдем через террасу.

Она что-то сделала, и участок прозрачной стены купола скользнул в сторону. Ирелла и Хардони вышли на террасу.

— Когда Барлена найдут, я предпочитаю быть в окружении своих людей. Хотя...— Она обернулась к Корту.— Я скажу, что это вы убили его, и никто не усомнится в словах Трона. А потом, когда вы окажетесь в темнице, мы придумаем способ заставить вас создать оружие.

Корт шагнул вперед. Еще немного — и Ирелла с Хардони растворятся во тьме. Стряхнув с себя оцепенение, Корт метнулся к проходу в стене и выскочил на террасу. За парапетом сверкали городские огни.

Он увидел две бегущие человеческие фигуры и какой-то громоздкий силуэт...

Авиамобиль на крыше! Вот только — чей?..

Потом тени впереди, казалось, начали какой-то нелепый танец. Корт услышал негромкий предостерегающий крик и бросился вперед, туда, где шевелился клубок трудно различимых во тьме борющихся тел. Неистовое возбуждение охватило его. Может быть, ему еще удастся спасти страну!

Корт видел, как Хардони пронзил кого-то мечом. Как тот, смертельно раненный, из последних сил вцепился в эфес, не давая вытащить меч из своего тела.

А потом Корт оказался рядом с Хардони.

Его кулак с силой обрушился на лицо рыжего лиса, раздробив кости. Хлынула кровь. Хардони с криком отшатнулся, но быстро пришел в себя и заозирался в поисках оружия.

Ирелла метнулась к Корту и повисла на нем. Она отчаянно царапалась и лягалась, ее волосы ярко пламенели в темноте.

Корту некогда было с ней церемониться. Наотмашь, раскрытой ладонью, он ударил ее по щеке. Он не видел, как она упала, потеряв сознание,— все внимание Корта было сосредоточено на Хардони.

Тот метнулся в сторону, но это была лишь уловка — рыжий лис попытался проскочить мимо Корта обратно в зал под куполом. Однако Корт оказался проворнее. С окаменевшим от гнева лицом и застывшим взглядом он бросился наперерез, и его руки сомкнулись на горле врага.

Хардони сопротивлялся что было сил, несколько раз ударил Корта кулаком в лицо, а когда это не помогло — сделал подсечку и опрокинул его. Корт не ослабил хватки даже в падении, его руки лишь еще крепче вцепились в горло противника.

И тогда Хардони охватил ужас. Он попытался закричать, но не смог; попытался вырваться, но и это ему не удалось.

— Корт! — прохрипел он.— Не... не надо!..

— Ты хотел войны,— ответил Корт.— Ну так вот тебе война.

В конце концов он разжал пальцы, и безжизненное тело Хардони упало к его ногам. Борясь с подкатывающей к горлу тошнотой и невесть откуда взявшейся слабостью, Корт повернулся к человеку, которого Хардони пронзил мечом.

Это оказался Фарр, и он был еще жив. Его пухлое лицо исказилось от боли. Он поднял взгляд на Корта.

— Полетел... вслед за вами...— Фарр говорил с трудом, хватая ртом воздух.— Думал... как-то... помочь. Вот и помог! — Его хриплый смех перешел в стон. Превозмогая боль, Фарр протянул руку и сжал пальцы Корта. В маленьких глазках застыл вопрос.— Корт... Корт, вы спасете Лиру?

— Да. Никакого оружия мы делать не станем. Я расскажу правду, и конвенция с Деккой будет подписана.

— Но если... Ирелла... не согласится?..

— Войны не будет, я вам обещаю.

Фарр с облегчением кивнул и испустил дух.

Прекрасная, как никогда, она безмятежно лежала на кушетке в крошечной комнатке в подземелье замка Фарра: серебристое платье аккуратно расправлено, золотисто-медные волосы рассыпались по подушке. Металлический обруч на голове девушки тускло мерцал в неярком свете.

Корт склонился над ней. Горло у него перехватывало от слез.

— Думаю, всегда были и будут такие люди, как ты, Ирелла,— наконец заговорил он.— Безумие бродит в твоей крови, тебя нельзя переубедить. Однако можно остановить. Завтра Лира получит нового правителя. Это будет не Этан Корт, но человек, который тоже хочет мира.

Длинные ресницы на фоне бледных, как слоновая кость, щек даже не дрогнули. Корт сжал кулаки, до боли вонзив ногти в ладони.

— Слышишь ли ты меня, Ирелла? Нет. Ты уже на пути в собственные миры. В снах ты будешь всемогущей, ты будешь сама создавать их такими, какими захочешь. И все в них будет настоящим. Однако отныне ты никому не причинишь вреда. Ты никогда не проснешься, я позабочусь об этом. Нет, ты никогда не проснешься. Еще со-

рок лет, может, пятьдесят, я буду приходить сюда и смотреть на тебя, но ты не почувствуешь, что я здесь. Ты состаришься и умрешь, но не осознаешь этого. Ирелла... любовь моя!

Этан Корт наклонился ниже и в последний раз коснулся губами нежных алых губ спящей девушки.

— Мне следовало убить тебя, Ирелла,— прошептал он,— но такая смерть легче. Хотелось бы знать, понимала ли ты, что я любил тебя?

Голубые глаза Ирелллы оставались закрыты. Корт повернулся и вышел из комнаты, пошатываясь, словно пьяный. Закрыл за собой тяжелую дверь, запер ее ключом Фарра и прижался лбом к холодному металлу.

Как много нужно успеть сделать! Иначе все, завоеванное с таким трудом, пропадет втуне. Но отныне больше никто не стоит у человечества на пути, и ведет этот путь к миру, а не к войне.

Лифт быстро нес Корта наверх, обратно к жизни и надеждам на будущее. Внизу, в коморке с голыми стенами, осталась Ирелла. Она никогда не проснется. Он не оставил ей ничего. Одни лишь сны.

НЕВЕРОЯТНАЯ СИЛА ЭДВИНА КОБАЛЬТА

Меня нелегко убедить в чем-либо. Я ставлю под сомнение буквально все. Короче говоря, я настоящий «человек из Миссури».

Именно это вполне привычное чувство недоверия охватило меня как-то раз, когда я вернулся домой и, удобно устроившись в любимом мягком кресле, долго смотрел на сюрреалистическое полотно, купленное когда-то Сюзан в состоянии временного помрачения рассудка. Если, конечно, это можно было назвать произведением искусства...

Картина представляла собой жуткое переплетение зеленых и лиловых полос, извивающихся, словно змеи. Я ужасно устал после тяжелого рабочего дня, и перед глазами у меня немного плыло. От этого казалось, что картина колышется, идет волнами, будто в ночном кошмаре.

И тут, ни с того ни с сего, я вдруг подумал: а существует ли картина на самом деле? Право, было бы куда лучше, если б эта пародия на произведение искусства никогда не была написана... Меня посетило сомнение в ее реальности...

© Перевод Н. Берденникова.

И в одно мгновение картина бесследно исчезла. От нее не осталось ничего, даже более светлого пятна на стене.

Я встал с кресла и подошел посмотреть на стену поближе. Должно быть, решил я, Сюзан сняла картину, когда я задремал... Странно.

Из кухни появилась Сюзан — немного раскрасневшаяся и, как всегда, по-своему очаровательная. Сногсшибательная стройная блондинка.

— Суп почти готов,— сказала она.

— А где картина? — спросил я.

Сюзан озадаченно посмотрела на меня.

— Какая картина?

— Сюрреалистическая.— Я показал на стену.

Сюзан натянуто хихикнула и подошла ближе, явно надеясь на поцелуй.

— Эд, ради бога, о чем ты? Ты же знаешь — у нас не было никаких сюрреалистических картин.

— Если ты решила выбросить ее,— сказал я, поцеловав наконец Сюзан,— я не буду возражать. Совсем наоборот.

— Ты с ума сошел,— ответила жена и вернулась на кухню.

Я снова посмотрел на стену и не увидел даже дырки от гвоздя, на котором висела картина. Тогда я обыскал квартиру, но полотна нигде не было.

Сюзан приготовила бифштекс. Я чувствовал его запах, но когда попытался открыть крышку жаровни, жена шлепнула меня по руке и прогнала с кухни. Я удалился в ванную, привел с себя в порядок и задумался об иллюзиях.

Взять хотя бы эту картину... Порой воображение рисует вещи, которых в действительности не существует. Такие вот фокусы. Например, я мог вообразить, что на решетке жаровни лежит бифштекс, хотя на самом деле его там нет. Аппетитный аромат — самовнушение. Иногда я слишком много думаю. Чертовски много.

Вот и теперь я сам не заметил, как увлекся: задумался о бифштексе на кухне, а потом начал сомневаться в его существовании.

— Эд, нам пора,— услышал я голос Сюзан.— Ты идешь?

Я нашел жену в спальне, примеряющей совершенно нелепую шляпку.

— Как, ты еще не готов? — возмутилась она.

— Я-то готов,— ответил я.— А зачем шляпка?

— Так-так! Мы, кажется, собирались ехать ужинать... Или ты решил перекусить гамбургерами в ближайшей забегаловке?

— Ехать ужинать? — Вероятно, голос мой звучал удивленно.— Я готов рвать зубами бифштекс.

— Какой бифштекс?

Я взял жену за руку, провел на кухню и показал на жаровню.

— Вот этот,— сказал я, поднимая крышку.

Под ней ничего не было. Там не было даже ни капли жира. Решетка была идеально чистой.

Но картофель фри и шпинат были приготовлены. Я показал их Сюзан, и она прямо-таки застыла от изумления.

— Боже!..— ахнула она.— Ничего не понимаю. Зачем я их приготовила, если знала, что мы ужинаем в ресторане?

— Послушай,— начал я, едва не срываясь на крик,— ты помнишь, что покупала и готовила мясо?

— В последний раз это было на прошлой неделе,— ответила Сюзан без тени сомнения.

Мы поужинали в ресторане. Вот уж действительно, Фома Неверующий! Теперь я был почти уверен в том, что случилось с картиной. Но по поводу всего остального меня по-прежнему терзали сомнения. Я внимательно рассмотрел себя в зеркале, висевшем напротив нашей кабинки в ресторане: невысокий, коренастый, светловоло-

сый, внешность вполне заурядная. Ничуть не похож на волшебника. И тем не менее...

Тем не менее я посмотрел на солонку и прошептал:

— Я сомневаюсь в твоем существовании.

— Ничего не понимаю,— сказала Сюзан, взяв солонку.— В чем смысл?

— Нет никакого смысла,— ответил я.

Либо некоторые вещи существуют только в моем воображении, либо я не могу контролировать свои способности. Не могу включать и выключать их, как воду из крана. Я заказал выпить, а потом еще.

Мы отправились в ночной клуб. Когда мы вышли оттуда, я был пьян. Я хотел вызвать такси, но Сюзан настояла на метро. Она любила ездить под землей, когда была навеселе.

— О'кей,— согласился я.— Станция «Шестьдесят девятая улица» всего в нескольких кварталах.

Это если по прямой. Мы шли не по прямой. Мы шли зигзагами. Каким-то образом мы попали в Центральный парк, где вступили в ожесточенный спор с вязом, но в итоге вышли-таки на Шестьдесят девятую улицу. По ней мы двинулись в сторону Бродвея, но он куда-то подевался.

Наконец я с некоторой горечью в голосе произнес:

— Сомневаюсь, что на Шестьдесят девятой улице в самом деле есть станция.

И действительно, когда мы вышли на угол Бродвея и Шестьдесят девятой, никакой станции там не было. Полицейский, к которому мы обратились, сказал, что мы пьяны и что здесь никогда не было станции метро. Если вы знаете Нью-Йорк, не сможете с ним не согласиться. Я был единственным человеком в мире, который помнил, что на Шестьдесят девятой улице существовала станция подземки.

Полицейский остановил для нас такси, и мы поехали домой.

На следующее утро у меня было жуткое похмелье, и я на скорую руку приготовил себе завтрак из острого соевого соуса и яичного желтка. Когда я уходил, Сюзан еще крепко спала. В моей голове неумолчно грохотал паровой молот, и сосредоточиться никак не удавалось. Но я пытался. Магия? Чудеса? Сила воли? Что-то изменилось во мне, но я не знал, как и почему. Казалось, стоило мне усомниться в существовании чего-либо, это переставало существовать. Причем мои способности имели обратную силу. Объект моих сомнений не просто исчезал — его не было никогда.

Может быть, и весь этот мир — всего лишь мой сон...

Я добрался до здания «Манхэттен Виста» и поднялся в юридическую контору «Хандрел и сын». Саймон Хандрел — толстый, лысоватый, седой старый прохвост — поприветствовал меня с выражением искренней сердечности на розовом после массажа лице:

— Доброе утро, Эд. Облигации Ханскома лежат у тебя на столе. Ты займешься ими немедленно?

— Конечно,— сказал я и направился в свой кабинет.

Мой стол был завален всякой всячиной. Я вспомнил, что сегодня день моего рождения. По случаю столь знаменательного события сотрудники обычно засыпали меня подарками. Документы и папки тоже лежали на столе. Я принялся перебирать их, тщетно пытаясь найти облигации Ханскома. Бесполезно. От отчаяния я был готов проклясть день, в который родился.

Я нашел аспирин и запил таблетку водой. Однако так и не смог отыскать эти треклятые облигации.

В голове царил полный сумбур. «Облигации,— думал я, а потом, буквально через мгновение: — Какие облигации? Облигации Ханскома. А кто такой Ханском? Какой-то старый сукин сын из Бруклина? А на черта он мне сдался? А, облигации... Какие облигации? Нет, все это — заговор, чтобы свести меня с ума».

Лично я сомневался, что эти облигации вообще когда-нибудь существовали.

Я навел порядок на столе, ничего не нашел и вернулся в кабинет Хандрела, чтобы объяснить ситуацию. Он удивленно уставился на меня.

— Облигации Ханскома? Но у Ханскома никогда не было никаких облигаций! Я думал, ты в курсе. Вероятно, ты перепутал их с какими-то другими бумагами.

Наверное, выглядел я не очень хорошо, потому что Хандрел вдруг хихикнул и сказал:

— Похмелье? Может быть, возьмешь выходной?

— Мне нужно выпить,— сказал я.— И хорошенько.

И тогда старый алкоголик Хандрел убрал бумаги со своего стола и предложил составить мне компанию. Он никогда не упускал такой возможности. Мы спустились на лифте и ввалились в бар.

Мы несколько раз пропустили по стаканчику.

Я посмотрел на Хандрела. Он человек отзывчивый и не законченный тупица. Может быть, он сможет мне помочь. Мне бы и в голову не пришло поделиться с ним своими бедами, не будь я так пьян.

— Послушайте,— сказал я,— вы никогда не задумывались, а существуем ли мы на самом деле?

— О, конечно, задумывался.

— Я говорю серьезно. Мне как-то попался на глаза рассказ, в котором главному герою приснился мир и живущие в нем люди. Все оказалось просто сном. А когда он проснулся — пшик!

Хандрелу мои слова почему-то показались очень забавными. Он даже несколько раз со смешком повторил: «Пшик! Хе-хе!»

Я уставился на него, этого толстого самодовольного глупца, который гордился тем, что работает в шикарной адвокатской конторе в «Манхэттен Виста», в огромном небоскребе... таком нереальном и таком далеком. А существует ли этот небоскреб на самом деле? Меня стали обуревать пьяные сомнения.

Потом мы шли по улице мимо пустой площадки. Огромное количество людей появлялось на площадке и тихо смешивалось с толпой на тротуаре. Некоторых из них я узнавал. Это были товарищи по работе в «Манхэттен Виста».

Только вот знаменитого небоскреба не было. Его никогда не было. Вы его помните?

Я помню.

— Приятно быть свободным,— заметил, попыхивая сигарой Хандрел.— Кем, говорите, вы работали, Эд?

— Адвокатом,— ответил я.— Я работаю на вас.

— Хе-хе. Хорошая попытка, но тебе не удастся вовлечь меня в игру. Если я увольняюсь, то раз и навсегда.

И тут я задумался о людях, которые работали в «Манхэттен Виста». Неужели они тоже все внезапно уволились? Или... я не знаю. В этом году резко возрос уровень безработицы. А вдруг это я лишил работы огромное количество людей? Правда, они об этом, конечно, не подозревали. Их образ жизни изменился полностью, как и их память.

Стирание событий из памяти, причем с обратным действием...

Мне следовало быть крайне осторожным. Но я почему-то стал думать о Сюзан. Я решил вернуться домой и пригласил с собой Хандрела. Подумалось, что знакомое прелестное личико Сюзан поднимет мне настроение.

Когда мы вошли в квартиру, смуглый мужчина с каштановыми волосами занимался с моей женой любовью. Судя по их виду, для них это было вполне привычное занятие. В мужчине я узнал сына Хандрела, Бена.

Хандрел что-то возмущенно промямлил. Сюзан вырвалась из объятий любовника и забилась в угол, она выглядела испуганной до смерти. Бен облизал пересохшие губы и встал передо мной, бессильно опустив руки. Я не понимал, чего он ждет от меня — может, убийства?

— Послушай, Эд,— сказал он.— Ты не...

Он замолчал, потому что я просто стоял и, покачиваясь, смотрел на них. Рядом Хандрел судорожно ловил ртом воздух — он и впрямь был потрясен увиденным. В своем сыне он души не чаял.

А перед моими глазами уже возникали другие картины.

Сюзан. Прогулки в парке... Лунный свет на зеркальной глади Гудзона... Слепая влюбленность, ночь, когда я сделал ей предложение... Милые безделушки, придающие нашей квартире домашний уют... Как она ела маленькими кусочками тост за завтраком, как мило морщила носик, когда улыбалась... Я вдруг увидел все это совершенно в другом свете. Сюзан. Бен, стоящий передо мной, виноватый, робкий, испуганный...

Не может быть, чтобы я был таким идиотом. Чтобы любил эту женщину и доверял этому мужчине. Они ненастоящие. Они...

Их здесь уже не было. Сюзан и Бен исчезли!

— СЮЗАН! — закричал я.

— Сюзан? — удивленно спросил стоявший рядом Хандрел.— В чем дело, Эд? Я не знал, что у тебя есть подружка.

Я расхохотался.

— У меня есть подружка? Ага! Хандрел, ты просто... О мой бог! — Я тяжело опустился на кушетку и глубоко задумался.

Хандрел, подняв седые брови, посмотрел на меня.

— Женщины опасны, Эд. По крайней мере, для твоей репутации. Тебе давно следовало бы подумать о женитьбе.

— У тебя есть сын по имени Бен? — спросил я.

Хандрел долго молчал, а потом очень тихо и осторожно спросил:

— Ты нормально себя чувствуешь? Я хочу сказать, что спиртное здесь ни при чем. Я же ясно это вижу. Ты ведешь себя очень странно.

— У меня разыгралось воображение,— сказал я.— Я вообразил, что у меня есть жена Сюзан, а у тебя — сын Бен. Но ведь это не так, верно? Я их выдумал.

Я встал, подошел к буфету и налил выпить. Вспомнил, что Сюзан почему-то хранила в буфете свою сумочку. Как и следовало ожидать, сумочки там не оказалось.

Я влил себе в глотку чистое виски. Вскоре Хандрел напился до бесчувствия. Я отвез его домой на такси, сунув пару бутылок виски в карманы. Я был безрассудно, отвратительно, тошнотворно пьян. И той ночью...

Я начал во всем сомневаться!

Все потеряло стабильность и прочность, алкоголь смазал очертания окружающего. Помните величественный мост Метрополитен через Гудзон, построенный в тысяча девятьсот тридцать четвертом на Семьдесят второй улице? Конечно, не помните. А он существовал, пока я не стал в этом сомневаться.

Помните «Титанию», английский пароход, самый большой в мире, который пришвартовался в Нью-Йорке за несколько дней до «Куин Мэри»? Чудовищно огромный лайнер, просто бегемот. Так вот, «Титания» существует теперь только в моей памяти.

Помните... черт, какая разница? Вы не помните, потому что не можете помнить. Единственное, что спасло Землю, это старое доброе шотландское виски.

Потому что я начал сомневаться в существовании Земли, но, к счастью, вырубился в Центральном парке, прежде чем сомнения успели укорениться.

Вот и все. Я проснулся, пошел домой и написал все это. Как и следовало ожидать, у меня было ужасное похмелье. И мои пугающие способности продолжают дремать во мне. Какова их природа, я не знаю.

Я сижу за своим столом, усталый, с напряженными до предела нервами, мой организм временно отравлен

алкоголем. Я не знаю, что будет дальше. Потому что все вокруг кажется мне ненастоящим. Например, эти часы на столе... Какие часы?

Да. Это продолжается. С чего мне вообще вздумалось сомневаться в реальности материальных трехмерных предметов, которые, безусловно, существовали? Это еще можно было бы понять, когда речь идет о чем-то неосязаемом, например, о любви Сюзан или дружбе Бена. Сюзан... Никто не верит, что у меня была жена. И Бен. Его не помнит даже собственный отец. Здание «Манхэттен Виста». «Титания». Мост Метрополитен.

Но происходят ли эти исчезновения объективно? Быть может, дело только во мне? Тогда «Титания», мост и все остальное — лишь плод моего воображения. Врач назвал бы меня сумасшедшим и, возможно, был бы прав.

Не знаю. Это полное безумие. Этого просто не может быть. Я не могу заставлять исчезать реальные предметы, просто сомневаясь в их существовании. Но все же я...

Ради бога, кто я или что я? Эдвин Кобальт. Кто такой Эдвин Кобальт? Кто-нибудь еще видит, как его пальцы порхают по клавиатуре пишущей машинки? Кто-нибудь видит эту серую рубашку в полоску, что надета сейчас на нем? Я опустил взгляд на синие брюки, расстегнутую жилетку и серый галстук. Что могут доказать органы чувств? Зрение, слух, осязание?

Я начинаю сомневаться в существовании Эдвина Ко...

Послесловие автора. Эта история — чистый вымысел. Эдвин Кобальт — плод моего воображения, потому что, как вы можете убедиться, существование самой рукописи опровергает теорему, на которой она основана. «Способность к разрушению» обладает обратной силой. Когда Сюзан исчезла, исчезли ее вещи, одежда и все, тесно связанное с ней. Естественно, если Сюзан Кобальт никогда не было, в этом мире нет места для ее сумочки или предметов одежды.

Аналогично, если бы Эдвин Кобальт исчез, в этом мире не могло быть и рукописи, написанной им, то есть человеком, которого никогда не существовало.

Тот факт, что я недавно переехал в квартиру рядом с Центральным парком, которая, как заверил меня управляющий, пустовала в течение некоторого времени, является чистым совпадением. Совершенно невероятным было бы предположение, что Эдвин Кобальт действительно жил здесь и что управляющий просто забыл его. Также нелепо было бы предполагать, что мои воспоминания о том, как я сам написал это рассказ,— всего лишь самообман.

Это я, Ноэл Гарднер*, а не Эдвин Кобальт, которого нет и никогда не было, написал этот рассказ.

Наверное.

---

* Читатель, в свою очередь, может усомниться и в существовании Ноэля Гарднера — и окажется прав. Такого человека действительно никогда не было. Под этим именем публиковал свои рассказы Генри Каттнер, в существовании которого, к счастью, сомневаться не приходится. Ну, почти не приходится...

НАСЛЕДНИК ПИЛАТА

Город захлебывался ревом. Он надрывался шестьсот лет. И пока этот невыносимый рев звучал, город был работоспособным объектом.

— Ты переходишь на особый режим,— сообщил Нерал, глядя на юного Флеминга, который сидел в мягком кресле в другом конце большой, голой, тихой комнаты.— При обычных обстоятельствах тебя допустили бы до Контроля не ранее чем через шесть месяцев, но кое-что произошло. Другие считают, что не помешает свежий взгляд. Тебя избрали, потому что ты старший из помощников.

— Бриттон старше меня,— возразил Флеминг, невысокий и плотный рыжеволосый мальчик с грубоватыми чертами лица, которым подготовка придала необычайную чуткость.

Он сидел и ждал, расслабленный до предела.

— Физиологический возраст ничего не значит. Куда важнее цивилизационный показатель. И уровень эмпатии. Тебе всего семнадцать, но эмоционально ты взрослый. С другой стороны, ты еще не... не закостенел. В отличие от тех, кто на Контроле многие годы. Мы считаем,

---

© Перевод И. Тетериной.

ты можешь предложить новый подход, который будет нам полезен.

— Я думал, новые подходы нежелательны.

На худом усталом лице Нерала мелькнула скупая улыбка.

— По этому поводу возникли разногласия. Культура — живой организм, она не может существовать на отходах собственной жизнедеятельности. Во всяком случае, не до бесконечности. Однако мы не собираемся оставаться в изоляции бесконечно.

— Я не знал,— заметил Флеминг.

Нерал разглядывал кончики пальцев.

— Не воображай, будто мы повелители. Мы — слуги, куда более, чем простые горожане. Мы должны следовать плану. Однако не все его подробности нам известны. Так было задумано специально. В один прекрасный день Барьер упадет. Тогда город не будет больше изолирован.

— Но — снаружи!..— Флеминг слегка занервничал.— Положим...

— Шестьсот лет назад был построен город и создан Барьер. Этот Барьер совершенно непроницаем. Имеется переключатель — когда-нибудь я тебе его покажу,— который в настоящее время бесполезен. Его назначение — возводить Барьер. Но никому не известно, как Барьер разрушить. Существует теория, что его нельзя уничтожить, пока срок его полураспада не истечет и энергия не достигнет достаточно низкого уровня. Тогда он отключится автоматически.

— Когда?

Нерал пожал плечами.

— Этого тоже никто не знает. Может, завтра, может, еще через тысячу лет. Вот в чем суть. Город изолировали, чтобы защитить его. Это означало полную изоляцию. Ничто — *вообще ничто* — не способно преодолеть Барьер. Поэтому нам ничто не грозит. Когда Барьер исчезнет, мы увидим, что произошло со всем остальным ми-

ром. Если опасность миновала, можно начинать колонизацию. Если нет, мы снова воспользуемся переключателем и окажемся в безопасности за Барьером еще на неопределенное время.

Опасность. Земля стала слишком большой, слишком перенаселенной. Древние обычаи никак не хотели отмирать. Наука ушла вперед, но цивилизация безнадежно отставала. В то время было выдвинуто множество планов. Выполнимым оказался лишь один. Строгий контроль — безотходное использование новой энергии — и нерушимая броня. Так город был возведен и окружен Барьером, в то время как все остальные города рушились...

— Мы осознаем опасность *status quo*,— продолжал Нерал.— Новые теории и новые эксперименты никто не запрещал. Отнюдь нет. Многие из них, подавляющее большинство, развивать в настоящее время не представляется возможным. Но записи ведутся. Когда Барьер упадет, этот справочный материал будет в наличии. А пока город — наша спасательная шлюпка. Эта часть человеческой расы обязана выжить. Вот в чем наша главная забота. В спасательной шлюпке не учат физику. В ней пытаются выжить. Когда она причалит к берегу, можно будет снова приступить к работе. А пока...

Остальные города рушились, ужас волной катился по земле. Шестьсот лет назад. То была эпоха гения и злодейства. Наконец-то люди заполучили в свои руки оружие богов. Его использование сокрушило основы материи. Спасательную шлюпку подхватил тайфун. Ковчег сражался с потопом.

Иными словами, одна беда влекла другую — и планета содрогнулась.

— Сначала строители полагали, что достаточно будет одного Барьера. Город, разумеется, должен был обладать полной автономностью. Это была нелегкая задача. Человек — существо неавтономное. Ему требуется еда, топливо — из воздуха, из растений и животных. Ре-

шение крылось в создании всего необходимого в пределах города. Однако затем положение ухудшилось. Бактериологическое оружие вызвало мутации бактерий. Начались цепные реакции. Сама атмосфера из-за постоянной бомбардировки...

Ковчег все усложнялся и усложнялся.

— И люди построили город, как было запланировано, но обнаружили, что он... непригоден для жизни.

Флеминг вскинул голову.

— О, мы защищены экранами,— успокоил его Нерал.— Нас адаптировали. Мы же Контролеры.

— Да, знаю. Но я тут подумал... Почему нельзя было...

— Защитить экранами горожан? Потому что они должны выжить. Мы имеем значение лишь до тех пор, пока не упал Барьер. После этого мы станем бесполезным балластом, который скидывают со шлюпки. В нормальном мире нам нет места. Но здесь и сейчас, как Контролеры города, мы важны. Мы служим.

Флеминг беспокойно заерзал.

— Тебе нелегко будет это постичь. Тебя начали готовить еще до рождения. Ты никогда не знал — как и все мы — нормальной жизни. Ты глух, нем и слеп.

Мальчик уловил в этих словах проблеск смысла.

— Вы говорите о...

— ...способах восприятия, которыми наделены горожане, потому что они им понадобятся, когда Барьер падет. Мы в сложившихся обстоятельствах не можем позволить себе их иметь. Замена — телепатическое чутье. Позже я расскажу тебе об этом подробнее. А сейчас я хочу, чтобы ты сосредоточился на проблеме Билла Нормана. Он горожанин.

Нерал помолчал. Он ощущал безмерный вес города, давящий ему на плечи, и ему казалось, что фундамент крошится, не выдержав этой тяжести...

— Билл Норман выходит из-под контроля,— ровным голосом произнес Нерал.

— Но я же никто,— сказал Билл Норман.

Они танцевали в саду на крыше. Седьмой монумент, возвышавшийся над ними даже здесь, разбрасывал мерцающие неяркие огоньки. В вышине серела пустота Барьера. Музыка заводила. Миа протянула руку, растрепала волосы у него на затылке.

— Только не для меня,— возразила она.— Впрочем, я небеспристрастна.

Высокая, стройная, темноволосая, девушка являла собой разительный контраст белокурому богатырю Норману. Его чуть озадаченные голубые глаза изучали ее.

— Мне повезло. А вот тебе — не уверен.

Музыка возвысилась в ритмичном крещендо, достигла высшей точки; духовые грянули басовито и громко, мелодия настойчиво повторялась снова и снова, вселяя смутную тоску. Норман беспокойно повел могучими плечами и свернул к парапету, увлекая за собой Мию. В молчании они пробрались сквозь толчею к проему в высокой стене, огораживающей сад. Здесь можно было побыть в уединении, любуясь городом сквозь узкую амбразуру.

Время от времени Миа украдкой поглядывала на встревоженное лицо своего спутника. Он смотрел на увенчанный светом Седьмой монумент; позади Седьмого высился Шестой, за ним вдалеке маленький Пятый — памятники каждой из Великих Эпох человеческой истории.

Но город...

Во всем мире никогда не было ничего подобного. Ни один город прежде не строился для человека. Мемфис, рвущийся к небу исполин, был возведен во славу царей; Багдад был жемчужиной султана; тот и другой волею монарха представляли собой всего лишь большие увеселительные заведения. Нью-Йорк и Лондон, Париж и Москва — все они до конца своего существования оставались менее приспособленными для жизни, менее функ-

циональными, чем пещеры троглодитов. Жить в них было — все равно что возделывать бесплодную землю.

А этот город создавался для человека.

И дело не просто в парках и дорогах, в самодвижущихся лентах-транспортерах и параграватационных потоках для левитации. Не только в проектировании и архитектуре кроется его секрет. Город был спланирован в соответствии с законами человеческой психологии. Он обнимал, как мягчайшая перина. В нем царил покой. В нем царили красота и функциональность. Он безукоризненно подходил для своих целей.

— Я сегодня опять был у психолога,— сказал Норман.

Миа сложила руки на груди и прислонилась к парапету. На своего спутника она не смотрела.

— И?

— Общие слова.

— Но они ведь всегда знают ответы,— сказала Миа.— Правильные ответы.

— Этот — нет.

— На это может уйти время. Правда, Билл, понимаешь, никто... никто не испытывает неудовлетворенности.

— Я не знаю, что со мной,— продолжал Норман.— Возможно, наследственность. Я знаю лишь, что у меня бывают эти... эти вспышки. Которых психологи не могут объяснить.

— Но должно же быть какое-то объяснение.

— Психолог тоже так сказал. Тем не менее он не смог объяснить, что со мной происходит.

— Неужели ты не можешь все проанализировать? — не сдавалась она; ее руки скользнули в его ладони. Его пальцы сжались. Он устремил взгляд на Седьмой монумент, потом еще дальше.

— Нет. Просто я чувствую, что никакого ответа нет.

— На что?

— Не знаю. Я... мне хотелось бы выбраться из города.

Ее руки внезапно ослабли.

— Билл. Ты же знаешь...

Он негромко рассмеялся.

— Знаю. Пути наружу нет. Барьер непреодолим. Может, я совсем не этого хочу. Но это... это...— Он уперся взглядом в монумент.— Это все порой кажется неправильным. Не могу объяснить. Весь город. Он сводит меня с ума. А потом начинаются эти вспышки...

Его рука одеревенела. Он выдернул ее из пальцев Мии. Билл Норман закрыл лицо руками и закричал.

— Вспышки понимания,— сказал Нерал Флемингу.— Они не затягиваются надолго. Иначе он сошел бы с ума или умер. Разумеется, городские психологи не могут ему помочь. Это им не под силу по определению.

Флеминг, чуткий к телепатическим эмоциям, заметил:

— Вы встревожены.

— Разумеется. Нас, Контролеров, готовят специально. Обычный горожанин не может обладать нашими способностями, это было бы небезопасно. Строители разработали множество планов, прежде чем решили создать нас. Они хотели поручить контроль специально сделанным роботам и андроидам, но требовался человеческий фактор. Чтобы поддаваться подготовке, нужны эмоции. С рождения нас при помощи гипноза готовят защищать горожан и служить им. Мы ничего больше не умеем. Так задумано.

— Каждого горожанина? — спросил Флеминг, и Нерал вздохнул.

— В этом-то и беда. Каждого горожанина. Целое равняется сумме частей. Для нас один горожанин представляет всю группу. Я не уверен, что это не ошибка строителей. Ведь когда один горожанин угрожает группе... как Норм....

— Но мы должны разрешить проблему Нормана.

— Да. Это наша проблема. Каждый горожанин должен находиться в физическом и душевном равновесии. Должен. Я тут подумал...

— Да?

— Ради блага целого было бы лучше, если бы Нормана можно было уничтожить. В силу чисто логических причин ему следует позволить сойти с ума или умереть. Впрочем, я не могу это санкционировать. Моя подготовка не позволяет.

— И моя тоже,— заметил Флеминг, и Нерал кивнул.

— Вот именно. Мы должны излечить его. Должны вернуть его обратно в состояние психологического равновесия. Иначе нам самим грозит срыв — поскольку нас не готовили справляться с неудачами. Так вот. Ты среди нас самый молодой, у тебя больше общего с горожанами, чем у всех остальных. Так что, возможно, тебе удастся отыскать ответ там, где нам это не под силу.

— Надо было сделать Нормана Контролером,— сказал Флеминг.

— Да. Но теперь уже слишком поздно. Он взрослый. У него скверная наследственность — с нашей точки зрения. Математики и теологи. Монументы могут разрешить затруднения каждого жителя города. Мы можем дать ему именно те ответы, которые ему нужны. Но Норман гонится за абстракцией. Вот в чем проблема. Мы не можем дать ему ответ, который его устроил бы!

— Разве в истории никогда не было сходных случаев психоза?

— Это не психоз, в этом-то и загвоздка. Разве что по жестким стандартам города. О, мы сталкивались с множеством человеческих проблем — к примеру, когда женщина хочет иметь детей и не может. Если медицина бессильна помочь ей, в дело вступают монументы. Отвлекают внимание, обращая ее материнский инстинкт на другой объект или направляя его в иное русло. Заменяя его чем-то. Заставляют ее поверить, будто она исполняет определенную миссию. Или создают эмоциональную привязанность иного рода, не материнскую. Суть в том, чтобы докопаться до психологических корней проблемы, а за-

тем каким-то образом избавиться от неудовлетворенности. Именно неудовлетворенность — причина всех бед.

— Может, отвлечь?..

— Вряд ли получится. Проблема Нормана — абстракция. Если бы мы разрешили ее, он сошел бы с ума.

— Я не понимаю, в чем моя проблема,— с отчаянием в голосе сказал Норман.— Нет у меня проблем. Я молод, здоров, занимаюсь любимым делом, у меня есть невеста...

Психолог почесал подбородок.

— Если бы мы знали, в чем ваша проблема, то могли бы как-то с ней бороться,— сказал он.— Наиболее сомнительный момент во всем этом...— Он зашелестел бумагами.— Ну-ка, посмотрим. Я сейчас кажусь вам реальным?

— Вполне,— ответил Норман.

— Но иногда... В этом синдроме нет ничего необычного. Иногда вы сомневаетесь в реальности. У многих время от времени возникает подобное чувство.— Он откинулся на спинку кресла и задумчиво хмыкнул.

Сквозь прозрачную стену виднелся Пятый монумент, пульсирующий мягким светом.

— То есть вы не знаете, что со мной,— подытожил Норман.

— Пока не знаю. Но выясню. Сначала нам необходимо определить, в чем ваша проблема.

— Сколько времени на это уйдет? Десять лет?

— У меня у самого однажды была проблема,— признался психолог.— Тогда я не знал, в чем она заключалась. Но теперь знаю. Мне грозила мания величия, я хотел изменить человечество. Потому я и занялся этой работой. Я обратил свою энергию в полезное русло и тем самым избавился от неудовлетворенности. Этот способ подойдет и вам, как только мы разберемся, что вас тревожит.

— Я лишь хочу, чтобы прекратились галлюцинации,— сказал Норман.

— Слуховые, зрительные и обонятельные, по большей части, галлюцинации... И, по сути, не спровоцированные ничем извне. Это не иллюзии, это галлюцинации. Мне бы хотелось, чтобы вы рассказали о них поподробнее.

— Не могу.— Норман съежился и даже стал казаться меньше.— Меня словно бросают в кипящий металл. Это просто не описать. Какой-то шум, огни — появляются и исчезают, как вспышка. Адская вспышка.

— Завтра мы с вами еще раз попробуем лечение наркотиками. А я пока соберусь с мыслями. Возможно, это всего лишь...

Норман вступил в левитационный поток и стал подниматься в восходящей струе воздуха. На уровне верхнего балкона Пятого монумента он сошел. Там были люди, всего несколько человек. Они не обратили на него внимания, занятые своими делами — нежничаньем и любованием городом. Норман облокотился на перила и стал смотреть вниз. Он поднялся сюда в смутной несбыточной надежде, что на этом балконе высоко над городом будет потише.

Здесь было тихо, но не тише, чем в городе. Под ним изгибались и плавно скользили самодвижущиеся ленты транспортеров. Они двигались бесшумно. В вышине безмолвно серел купол Барьера. Норману преставилось, как оглушительные раскаты грома лупят по Барьеру снаружи, как несокрушимая полусфера начинает трескаться и коробиться, впуская внутрь рокочущий вал хаоса...

Он вцепился в прохладный поручень. Прочный пластик под руками не успокаивал. Еще миг — и Барьер развернется...

Монумент не принес облегчения. Норман оглянулся через плечо на основание лучащегося мягким светом шара, по поверхности которого пробегала золотистая рябь, но и он, казалось, вот-вот разлетится вдребезги. Норман хотел прыгнуть обратно в нисходящий поток, но в послед-

ний момент оступился. Он совершенно промахнулся и не попал в поток. На один леденящий миг он очутился в свободном падении. Потом защитный кокон парагравитации плотно сомкнулся вокруг его тела и плавно втянул в поток. Норман медленно полетел вниз.

Однако теперь его занимала новая мысль. Самоубийство.

Тут крылось два вопроса. Хочет ли он покончить с собой? И возможно ли это? Норман задумался о последнем.

В задумчивости он машинально ступил на движущуюся дорожку и опустился в одно из мягких кресел. Никто в городе не умирал насильственной смертью. Никто и никогда, насколько ему было известно. Но были ли попытки самоубийства?

Это была новая, необычная идея. Вокруг так много страховочных средств. Ни одна опасность не осталась непредусмотренной. Несчастных случаев не бывает.

Дорога поворачивала. В сорока футах, за лужайкой и невысокой стеной, возвышался Барьер. Норман поднялся и двинулся к нему, манящему и отталкивающему одновременно.

По ту сторону Барьера...

Норман остановился. Вот он, прямо перед ним — гладкая серая поверхность без всяких отметин и узоров. Не материя. Что-то другое, что создали строители — давным-давно.

Как там, снаружи? Шесть сотен лет миновало с тех пор, как был воздвигнут Барьер. За такое время весь остальной мир мог значительно измениться. В голову ему пришла странная мысль: а вдруг планету уничтожили? Вдруг какая-нибудь цепная реакция в конце концов обратила ее в пыль? Отразилось бы это на городе? Или город, отгороженный фантастическим барьером, оказался не просто под защитой, а и впрямь переместился на другой уровень существования?

Норман с силой грохнул кулаком по этой серости; она была как резиновая. Им вдруг овладел ужас. Собственного крика он не услышал.

Впоследствии он дивился, как вечность может втиснуться в одно-единственное мгновение. Мысли его вернулись к самоубийству.

— Самоубийство? — предложил Флеминг.

В мыслях Нерала творился сумбур.

— Экология подводит,— заметил он.— Полагаю, беда в том, что город — замкнутый объект. Мы искусственно делаем то, что шестьсот лет назад было законом природы. Но у природы не было любимчиков, как у нас. И природа оперировала переменными. Я говорю о мутациях. Никто не мешал ей вводить в игру новые фигуры — более того, никто не мешал ей вводить новые правила. Однако здесь, в городе, мы вынуждены придерживаться первоначальных правил и первоначальных фигур. Если Билл Норман покончит с собой, я не знаю, что может произойти.

— С нами?

— С нами, а через нас и с горожанами. Психолог Нормана не в силах ему помочь, он тоже горожанин. Он не знает...

— Кстати, что у него была за проблема? Ну, у психолога. Он сказал Норману, что решил ее, занявшись психологией.

— Садизм. Справиться с этим было несложно. Мы возбудили в нем интерес к изучению психологии. Его умственный показатель был так высок, что прооперировать его мы не могли; ему требовалась более изощренная интеллектуальная разрядка. Зато теперь он прекрасно вписывается в общество и вполне уравновешен. Занятия психологией дают ему сублимацию, в которой он нуждался, и он весьма сведущий специалист. Однако до корней расстройства Нормана ему не докопаться. Экология

подводит,— повторил Нерал.— В нашем случае организм несовместим со средой обитания. Галлюцинации! Нет у Нормана никаких галлюцинаций. И даже иллюзий. У него просто периоды просветления рассудка — к счастью, непродолжительные.

— В любом случае это ненормальная экология.

— Должно быть. Город непригоден для обитания.

Город захлебывался ревом!

Замкнутый микрокосм, он вынужден был противостоять невообразимым нагрузкам, чтобы сохранять работоспособность. Он был забортным мотором в спасательной шлюпке. Бушевал шторм. Мотор выбивался из сил, натужно гудел, искрил — захлебывался ревом. Внутренняя среда города была полностью искусственной — настолько, что ни одна нормальная технология не могла бы удержать равновесие.

Шесть столетий назад строители изучали и отклоняли план за планом. Максимальный диаметр Барьера равнялся пяти милям. Уязвимость повышалась пропорционально квадрату диаметра. А неуязвимость была главнейшим критерием.

Город должен был быть построен и функционировать как автономный организм внутри небывало крошечного радиуса.

Оцените задачу. *Автономный организм.* Никаких трубопроводов наружу. Цивилизация должна была неопределенно долгое время существовать на продуктах собственной жизнедеятельности. Пароходы и космические корабли в сравнение не шли. Они могли зайти в порт и пополнить запасы.

Городу-шлюпке предстояло находиться в плавании много дольше, чем шесть столетий. А горожане — потерпевшие крушение — должны были не просто выживать, но еще и оставаться здоровыми, физически и духовно.

Чем меньше площадь, тем больше концентрация. Строители могли создать нужные механизмы. Они знали, как это сделать. Но подобных механизмов не создавали на планете еще никогда. В такой концентрации — никогда!

Цивилизация — искусственная среда обитания. Со всеми необходимыми механизмами город становился настолько искусственным, что жить в нем не смог бы никто. Строители добились результата: они построили город, который мог существовать сколь угодно долго, производя весь необходимый воздух, воду, пищу и энергию. Этим занимались машины.

Но какие машины!

Энергия, которая затрачивалась и высвобождалась, поражала воображение. Она не могла не выделяться. И выделялась — в виде света, звука и радиации, внутри пятимильной зоны, окруженной Барьером.

Любой живущий в городе через две минуты заработал бы невроз, через десять — психоз, и вообще протянул бы немногим дольше. Строители получили автономный город, но обитать в нем не мог никто.

Решение было одно.

Гипноз.

Все в городе находились под гипнозом. Это был избирательный телепатический гипноз, а так называемые монументы — мощные гипноизлучатели — исполняли роль контролирующих устройств. Выжившие пассажиры в спасательной шлюпке и не подозревали, что снаружи бушует шторм. Они видели лишь безмятежные воды, по которым плавно скользила их лодка.

Город ревел перед глухими. Шесть столетий никто не слышал его. Никто не чувствовал радиации и не видел ослепительного, убийственного света города. Горожане — потому что не могли, Контролеры — потому что не могли тоже: они были слепы, глухи и немы, а также ли-

шены еще некоторых чувств. Они были наделены телепатией, экстрасенсорным восприятием, которые давали им возможность исполнять их задачу — править шлюпкой. Как и горожане, они должны были выживать.

Шесть столетий рева города не слышал никто — кроме Билла Нормана.

— У него пытливый ум,— сухо заметил Нерал.— Чересчур пытливый. Его проблема — абстракция, как я уже говорил, и если он получит верный ответ, это убьет его. Если же не получит, то сойдет с ума. В любом случае пострадаем мы, потому что нас не готовили к неудачам. Главный принцип, гипнотически внедренный в наше сознание,— каждый горожанин должен выжить. Ладно. Теперь у тебя есть все факты, Флеминг. Что-нибудь наклевывается?

— У меня нет всех фактов. В чем проблема Нормана?

— Он из опасного племени,— расплывчато ответил Нерал.— Теологи и математики. Он мыслит... чересчур рационально. Что же касается его проблемы... что ж, Пилат задавал тот же вопрос три тысячи лет назад, и что-то я не припомню, чтобы он получил на него ответ. Этот вопрос лежал в основе каждого исследования с самого зарождения научной мысли. Но до сих пор ответ не был роковым. Вопрос Нормана прост: что есть истина?

Повисла пауза. Потом Нерал продолжил:

— Он не сформулировал его даже для себя. Он не знает, что задается этим вопросом. Но мы-то знаем, у нас есть доступ к его мыслям. Этот вопрос мучит его своей неразрешимостью, и весь ужас в том, что это постепенно выводит его из-под нашей власти, из-под гипноза. Пока что у него были только проблески понимания. Мыслительные периоды длиной в долю секунды. Это довольно скверно для него. Он видел и слышал город таким, каков он есть.

Новая пауза. В голове у Флеминга было пусто. Нерал сказал:

— Это единственная проблема, которую нам не под силу решить гипнотическим внушением. Мы пытались. Но все без толку. Норман — та самая поразительно редкая личность, человек, который доискивается истины.

— Он ищет истину,— медленно проговорил Флеминг.— Но... непременно ли он должен... отыскать ее?

Его мысли ворвались в сознание Нерала и, словно удар кремня о кресало, высекли огонь.

Три недели спустя психолог объявил, что Норман излечился, и они с Мией немедленно поженились. Держась за руки, они вместе поднялись на Пятый монумент.

— Раз ты понимаешь...— начал Норман.

— Я пойду за тобой,— пообещала она ему.— Куда угодно.

— Ну, это будет не завтра. Я двигался по неправильному пути. Подумать только, пытаться проложить проход через Барьер! Нет. С огнем надо бороться огнем. Барьер — следствие естественных законов физики. В том, как он был создан, нет никакой тайны. Вот как его разрушить — это уже совсем другой вопрос.

— Говорят, его нельзя разрушить. В один прекрасный день он исчезнет, Билл.

— Когда? Я не намерен ждать. Может быть, у меня уйдут на это годы, потому что мне придется учиться пользоваться моим оружием. Годы учения, тренировки и исследований. Но у меня есть цель.

— Нельзя же стать экспертом в ядерной физике за одну ночь.

Он рассмеялся и обнял ее за плечи.

— Я и не собираюсь. Всему свое время. Чтобы стать хорошим физиком, сначала нужно выучиться. Эрлих, Пастер и Кюри — у них у всех был стимул, мотивация. Теперь они есть и у меня. Я знаю, чего хочу. Я хочу выбраться отсюда.

— Билл, а если у тебя не получится...

— Наверное, поначалу и не будет получаться. Но в конце концов у меня все получится. Я знаю, чего хочу. *Выбраться!*

Миа придвинулась к нему, и они умолкли, глядя на привычное дружелюбие города внизу. «Еще какое-то время я потерплю,— подумал Норман.— Особенно рядом с Мией. Теперь, когда психолог разобрался с моей болезнью, я могу заняться работой».

Над ними лучился мягким пульсирующим светом исполинский шар монумента.

— Миа?

— Что?

— Теперь я знаю, чего хочу.

— Но он не знает,— сказал Флеминг.

— Ничего страшного,— весело ответил Нерал.— Он никогда не понимал по-настоящему, в чем его проблема. Ты нашел ответ. Не тот, какого он хотел, но наилучший. Замещение, отвлечение, сублимация — называй как хочешь. В основе своей это то же решение, что и направление садистских наклонностей в благотворное русло хирургии. Мы дали Норману его компромисс. Он все равно не знает, чего ищет, но при помощи гипноза мы внушили ему, что он найдет это за пределами города. Положи еду на вершину стены, так, чтобы голодающий не мог до нее дотянуться, и получишь невроз. Но если дать ему материалы для постройки лестницы, его энергия будет направлена в производительное русло. Норман положит всю жизнь на исследования и, может быть, даже сделает какие-нибудь ценные открытия. Он снова в здравом уме. Мы подвергли его превентивному гипнозу. И он умрет, веря, что выход наружу существует.

— Сквозь Барьер? Его нет.

— Разумеется нет. Однако Норман покорился гипнотическому внушению и поверил, что выход есть, дело только за тем, чтобы найти его. Мы дали ему материа-

лы для постройки лестницы. Он будет терпеть неудачу за неудачей, но никогда не отчается. Он ищет истину. Мы убедили его, что он сможет найти ее за Барьером и что ему под силу отыскать выход. Теперь он счастлив. Он больше не раскачивает нашу шлюпку.

— Истина...— протянул Флеминг.— Нерал... Я тут подумал...

— Что?

— А Барьер существует?

— Но город ведь выжил! Ничто извне ни разу не проникло сквозь Барьер...

— Предположим, что Барьера не существует,— не сдавался Флеминг.— Как тогда выглядел бы город снаружи? Возможно, как реактор. Он непригоден для жизни. Мы не можем себе представить подлинный облик города, нам это под силу не больше, чем загипнотизированным горожанам. Вы стали бы соваться в реактор? Нерал, возможно, город и есть сам себе Барьер.

— Но мы ощущаем Барьер. И горожане ощущают...

— Ощущают ли? И мы — ощущаем? Или это тоже часть гипноза, часть, о которой нам неизвестно? Нерал... я не знаю. Возможно, Барьер существует, и, возможно, он исчезнет, когда истечет период его полураспада. Но представьте себе, что мы просто думаем, будто Барьер существует.

— Но...— Нерал запнулся.— Получается... Норман может найти выход!

— Мне тут пришло в голову... а что, если строители так и задумали? — сказал Флеминг.

НЕ СЕГОДНЯ, ТАК ЗАВТРА

Существо, застывшее в прозрачной глыбе, было из прошлого, не из будущего, и его чужеродность проистекала скорее из окружающей среды, нежели из родословной. У него вообще не было никаких предков, разве что, так сказать, по доверенности. ИГланны — тут нет опечатки, так называлась эта допалеолитическая раса — создали его, когда на Долину начали наступать ледники. Тем не менее иГланны все равно вымерли, и отчасти потому, что они не были людьми, никакие их артефакты так никогда и не были найдены представителями более поздней цивилизации homo sapiens, человека разумного.

ИГланны были разумными, но не людьми. И потому существо, которое они создали в свои последние дни, дни отчаянных экспериментов, было сверхиГланном. Оно не было сверхчеловеком, иначе Сэм Фессье не смог бы вступить с ним в контакт, когда обнаружил прозрачный куб.

Это произошло незадолго до Второй мировой войны.

Фессье вернулся в свою квартирку в сильнейшем возбуждении — худой рыжеволосый молодой человек двадцати восьми лет от роду, с голубыми глазами и осунувшимся от усталости лицом. В эту минуту Фессье снедало непреодолимое желание выпить. Утолив его, он обнару-

---

© Перевод И. Тетериной.

жил, что еще сильнее ему хочется общества, поэтому он вышел из дома, купил бутылку и отправился к Сью Дейли.

Сью, хорошенькая блондиночка, мечтала сделать карьеру. Работала она в рекламном агентстве, что служило предметом для громогласных насмешек Фессье. Сам он был карикатуристом из тех, которые обычно видят мир как будто в кривом зеркале. Поначалу он считал своим кумиром Винзора Маккея, но со временем Маккея вытеснили такие современные тицаны, как Парч и Адамс* (тицаны — это тоже не опечатка, а помесь титанов с тицианами).

— Я хочу сменить имя,— сообщил Фессье после третьего коктейля.— Отныне можешь звать меня Аладдином. Хоссподи!

Сью попыталась нахмуриться.

— Фу, дурацкое слово.

— А что поделать, если большинство издателей не переносят ни малейшего намека на богохульство? Приходится быть настолько осмотрительным с подписями к рисункам, что я и разговариваю уже экивоками. И вообще, не о том речь. Я сказал, что хочу сменить имя на Аладдин.

Сью взяла шейкер для коктейля и тряхнула его.

— Давай еще по стаканчику, а потом объяснишь мне, в чем соль твоей шутки.

Она попыталась налить, но Фессье отпихнул ее руку.

— Я предвижу, что теперь мне придется сталкиваться с подобным скептицизмом повсюду. Нет, правда, Сью. Кое-что произошло.

Она посерьезнела.

---

* Винзор Маккей (1871–1934) — американский художник-карикатурист, создатель газетных комиксов и пионер мультипликации. Вирджил Парч (1916–1984) — известный американский карикатурист. Чарльз Адамс (1912–1988) — карикатурист, известный своим черным юмором и жутковатыми персонажами, создатель «Семейки Адамс».

— Правда, Сэм? Это не одна из твоих...

— Нет,— с отчаянием сказал он.— В том-то и беда: все решат, что это розыгрыш. Но у меня есть доказательства. Запомни это. Сью, сегодня я побывал на аукционе и кое-что купил. Стеклянную глыбу размером с твою голову.

— Да ты что! — отозвалась Сью.

Фессье, не обращая внимания на тонкости женского восприятия, продолжал:

— Внутри этой глыбы был маленький человечек или что-то в этом роде. Я купил его, потому что...— Он замялся и умолк.— Он... он смотрел на меня,— договорил Фессье сбивчиво.— Открыл свои глазки-бусинки и посмотрел на меня.

— Ясное дело, посмотрел,— поддержала разговор Сью, наполняя стакан приятеля.— Глазками-бусинками, да? Надеюсь, дальше будет интересно.

Фессье поднялся и вышел в прихожую. Вернулся он с бумажным свертком размером с голову Сью. Усевшись, он примостил сверток на коленях и принялся его распаковывать.

— Мне стало любопытно, вот и все,— сказал он.— Или... в общем, мне стало любопытно.

— Может быть, эти глазки-бусинки загипнотизировали тебя, чтобы ты его купил,— предположила Сью, с невинным видом глядя на него поверх бокала.

Рука Фессье, теребившая бечевку, замерла.

— Угу,— промычал он и вновь занялся свертком.

Из-под обертки показался прозрачный куб со стороной примерно в девять дюймов и замурованной внутри мандрагорой. Во всяком случае, больше всего эта штука походила на корень мандрагоры или того, что китайцы называют женьшенем. Она напоминала грубовато вылепленную фигурку с руками, ногами и головой, но настолько коричневую и сморщенную, что это легко мог

быть просто корешок причудливой формы. Глазки-бусинки, однако, открыты не были.

— И сколько ты заплатил за эту штуковину? — поинтересовалась Сью.

— А, ерунда, десять баксов.

— Тогда ты точно был под гипнозом. И все-таки в ней что-то есть. Это мне?

— Нет,— грубо отрезал Фессье.

Девушка удивленно посмотрела на него.

— Ты завел себе еще одну девицу? Понятно. Она живет в мавзолее. Вместо того чтобы подарить ей цветы, ты тащишь этого уродца...

— Погоди,— оборвал ее Фессье.— По-моему, он собирается открыть глаза.

Девушка взглянула на глыбу, потом на приятеля. Ничего не произошло, и она протянула руку, чтобы взять куб и изучить его поближе, но Фессье предостерегающе покачал головой.

— Погоди минутку, Сью. Когда я увидел эту штуковину на аукционе, она была вся в пыли. Я протер ее. Тогда он и открыл глаза. Потом я принес ее домой и снова протер.

— Прямо как Аладдин, а? — заметила Сью.

— Он разговаривал со мной,— пробормотал Фессье.

На город начала опускаться ночь. Серость за окнами сгустилась в сумерки. Вдалеке помаргивали светящиеся вывески, но они не отвлекали — как и приглушенные звуки, доносившиеся с улицы, они были безличными. В Нью-Йорке оказаться в одиночестве не сложнее, чем в Монтане, только это одиночество несколько менее дружелюбно. Возможно, причина в том, что большой город — крайне замысловатый и сложный общественный механизм, и стоит только выбиться из ритма этой машины, как начинает ощущаться необъятность города. Это ошеломляет.

Человечек-мандрагора открыл глаза. Как Фессье и сказал, они были маленькие и походили на бусинки.

Когда Сью пришла в себя, она поняла, что существо говорит уже довольно давно. Речь его, разумеется, была полностью телепатической. Прозрачная глыба, в которую оно было заключено, не пропускала звуковые волны. Она вообще была почти непроницаемой. Сью удивилась, что не удивлена...

—...Но удивление и недоверие — обычные человеческие реакции,— говорило существо.— Даже тысячу лет назад было так. В то время представители вашей расы утверждали, что верят в ведьм и оборотней, но одно дело верить, а другое — наяву столкнуться с конкретным проявлением сверхъестественного. Я составил схему эмоциональных реакций — последовательность, развивающуюся от недоверия до веры посредством логического процесса убедительного эмпирического доказательства,— и выработал эффективный метод сократить процесс. Я давно уже не трачу энергию попусту. Примем за данность, что вы убеждены. Я добился этого при помощи средства, которое вы можете назвать психическим излучением. Таким способом я могу воздействовать на эмоции, но, к сожалению, мнемонический контроль мне недоступен. Ваша раса обладает неутолимым любопытством. Далее последуют вопросы.

— Далее последует коктейль,— заявил Фессье.— Сью, куда ты подевала бутылку, которую я принес?

— Она на кухне,— отозвалась девушка.— Я схожу.

Однако на кухню Сью и Фессье отправились вместе. Прислонившись к раковине, они переглянулись.

— Что самое странное, я ничуть не сомневаюсь, что он не врет,— признался Фессье.— С таким же успехом он мог бы излагать мне закон всемирного тяготения; я бы столь же безоговорочно ему поверил.

— Но кто он такой?

— Не знаю. Знаю лишь, что он... настоящий. Я убежден.

— Психическое излучение...

— Ты боишься? — тихо спросил Фессье.

Девушка взглянула в окно.

— Послушай, Сэм. Мы ведь верим в силу тяготения, но из окна слишком сильно не высовываемся.

— Э-э... У нас есть две возможности. Одна — уйти через черный ход и никогда больше не возвращаться. Вторая...

— Если он способен жонглировать психическим излучением, словно мячиками для пинг-понга, он может убить нас или... или превратить в двух отморозков,— заметила Сью.

— Угу. Мы могли бы уйти через черный ход, но мне не хочется даже думать о том, как стеклянный куб с корешком внутри будет гоняться за нами по всей Лексингтон-авеню. И что я здесь стою и думаю? Дай-ка...

Фессье завладел бутылкой и от души к ней приложился. После нескольких глотков возвращение к удивительной покупке показалось им напрашивающимся выходом.

— К-кто ты вообще такой? — спросил Фессье.

— Я же говорил, что далее последуют вопросы,— сказало существо.— Знаю я вашу расу. Вечное любопытство. Может быть, когда-нибудь...

— Ты опасен?

— Многие благословляли меня. Я стар. Я — легенда. Ты упоминал сказку об Аладдине. Я — прообраз джинна из бутылки. И лампы, и ве́щей мандрагоры, и гомункула, и Сивиллы, и еще сотни прочих талисманов, которые упоминаются в ваших легендах. Но я не являюсь ничем из них. Я — сверхиГланн.

Сью и Фессье стояли перед ним, безотчетно держась за руки.

— Сверх-кто? — переспросила девушка.

— Была такая раса,— сообщило существо.— Не человеческая раса. В те времена организмы часто мутировали. ИГланны обладали разумом, но их мозг работал иначе, нежели ваш. Они могли бы дожить до современной эпохи, но их погубил ледниковый период. Вот. У вашей науки есть свои слепые пятна, потому что вы люди и обладаете человеческими ограничениями. У вас, к примеру, бинокулярное зрение и всего шесть чувств.

— Пять,— поправил Фессье.

— Шесть. У иГланнов тоже были свои ограничения. В одних отношениях они были более развитой расой, чем ваша, в других — менее. Они пытались найти способ выжить и работали над созданием формы жизни, которая обладала бы абсолютной приспособляемостью, абсолютной неуязвимостью — чтобы потом в соответствии с этим изменить свою физическую структуру, чтобы ледниковый период и прочие опасности не уничтожили их. Человек может создать сверхчеловека — обычно в результате генетического сбоя. ИГланны создали сверхиГланна. А потом вымерли.

— Ты — сверхчеловек? — уточнила Сью, слегка запутавшись.

— Нет. Я — сверхиГланн. Это из другой оперы. Сверхчеловек теоретически не будет иметь человеческих ограничений. Но, скажем, сверхсобака — будет. Я — сверхиГланн, на которого не распространяются ограничения иГланнов, но некоторые вещи, которые можете делать вы, мне не под силу. И наоборот, я — легендарный талисман, я могу исполнять ваши желания.

— Ну и где мой скептицизм? — вздохнул Фессье.— Хотя, вообще-то, при мне.

— Ты не подвергаешь сомнению мое существование. Только мои способности. Если ты думаешь, будто я могу за ночь отгрохать дворец, то будешь разочарован. Но если тебе хочется дворец, я могу подсказать тебе самый простой способ его получить.

— Что-то это начинает смахивать на «Акры алмазов»*. Если ты примешься рассказывать мне, как упорство и труд сделают меня президентом, мне останется только надеяться, что это сон. Хотя и во сне мне не нравится, когда меня учат жить.

— У вас бинокулярное зрение и всего шесть чувств,— сказало существо,— поэтому вы не можете ясно видеть шаги, которые приведут к определенному исходу. Я же смотрю на ваш мир и все, что в нем происходит, как бы с высоты птичьего полета. Я вижу, какие ручьи впадают в какие реки. Так вы хотите дворец?

Оба отказались.

— А чего вы хотите?

— Не знаю, хотим ли мы чего-нибудь,— сказала Сью.— Хотим, милый? Не забывай про бесплатный сыр.

— Человеческая «народная мудрость», основанная на подозрительности и теории зеленого винограда,— заметило существо.— Взгляните на нее трезво. Разве зло всегда бывает наказано? А я не злой в человеческом понимании этого слова. Я слишком стар, чтобы задумываться даже о правомерности подобных терминов. Я могу дать вам то, что вы хотите, но у меня есть свои пределы. Мои жизненные силы невелики. Время от времени мне нужно отдыхать и восстанавливать их.

— Ты имеешь в виду спячку? — спросил Фессье.

— Это не сон,— возразил человечек-мандрагора.— Сон мне неведом.

— Полагаю, все хотят преуспеть на своем поприще. Если бы...

---

* «Акры алмазов» — знаменитая книга американца Рассела Конвелла (1843-1925), баптистского проповедника, адвоката, писателя и выдающегося оратора. Главная мысль книги заключается в том, что в США каждый человек благодаря своим силам, умениям и энергии может достичь большего, чем мог бы где-либо еще.

— Изучай творчество Пикассо и критские памятники.— Существо назвало еще несколько видов искусства и упомянуло книгу, о которой Фессье никогда не слышал.

— Ну, так я и думал. Упорство и труд все перетрут.

— В тебе скрыты определенные силы, а также определенная самобытность и талант. Полноводность реки можно оценить количественно, но самой реке это не под силу. Я знаю, какой потенциал в тебе заложен. Запруди реку в определенных местах, выкопай новое русло или позволь ей самой пробить себе выход. Я ведь говорил, что не могу отгрохать дворец за одну ночь.

Фессье молчал, но Сью подалась вперед, губы ее приоткрылись.

— Действия Сэма никому... никому не навредят?

— Некоторым определенно навредят.

— Ну, я хочу сказать... никто не умрет, чтобы Сэм мог занять его место?

— Разумеется нет. Возможно, при альтернативном развитии событий пострадает меньше народу, чем если бы вы никогда со мной не встретились. Думаю, существует вероятность-возможность, что в конце концов этот человек подхватит смертельную болезнь и заразит еще десяток человек.

— Ух ты,— сказал Фессье.— Предположим, я последую твоему совету.

— Тогда этого не произойдет.

— Но произойдет что-нибудь похуже?

— Не думаю... нет. С вашей точки зрения по всем признакам результаты обещают быть лучше для всех заинтересованных лиц.— Тут телепатическая речь перешла в шепот: — Даже для меня.

Сью думала о своем.

— А мне можно поучаствовать? Мне хотелось бы сделать успешную карьеру.

— Все, что мне под силу, это подсказать, как обойти кое-какие естественные препятствия, которые при обычном течении событий помешали бы тебе. В следующую

среду вечером отправляйся в «Chez coq» к десяти и надень зеленую шляпку.

— И все?

— Нет. Напейся. А теперь мне нужно отдохнуть.

Существо закрыло глаза и умолкло.

Оно побывало в бесчисленных мирах. В различных континуумах время текло по-разному, и существо уже не могло бы сказать, сколько лет, веков или тысячелетий миновало с тех пор, как иГланны дали ему жизнь. Внутри своей стеклянной глыбы оно лежало недвижимо, на человеческий взгляд. Однако на самом деле оно находилось не в глыбе. Глыба была лишь трехмерным окном, через которое оно могло смотреть в мир, который узнало первым.

Маленькое странное существо менее чем в фут высотой, коричневое и сморщенное, точно корень, и столь же неподвижное. Оно покоилось, утомленно наблюдая и выжидая.

Но Фессье читал старинную книгу и штудировал Пикассо, критское искусство и прочие вопросы. В четверг вечером он сидел дома, когда раздался звонок в дверь. Это оказалась Сью Дейли, раскрасневшаяся и веселая.

— Скрести пальцы! — воскликнула она.— Похмелье было жутким, но дело того стоило. Где ты был весь день? Я звонила.

— В музее «Метрополитен»,— сказал Фессье, гася сигарету.— Делал наброски. Что случилось?

Сью уселась и коснулась книги, лежавшей на кофейном столике возле нее,— небольшого томика, из которого торчало несколько десятков бумажных закладок.

— Это... а-а. Где наш талисман?

— Я запер его в шкафу. Он еще спит.

— Он же не знает, что такое сон,— сказала Сью.— Ты забыл? Ладно, я хотела рассказать тебе, что случилось вчера вечером.

— Да уж, неплохо бы. Раз уж ты не согласилась взять меня с собой.— В голосе Фессье послышались ревнивые нотки.

— И правильно сделала. Я познакомилась с одним человеком. Со смешным толстячком, который до ужаса сентиментален.

— Ага. И он собирается дать тебе миллион долларов?

— Не совсем,— ответила Сью.— Он был пьян в стельку. Да и я тоже, иначе не стала бы с ним разговаривать. Он подошел к моему столику и представился. Похоже, ему приглянулась моя шляпка — такая зеленая. Для него это символ. В двадцатые годы все сходили с ума по арленовской «Зеленой шляпке»*, и такая была на его жене, когда они познакомились. Теперь они развелись, но Пончик только что не таскает повсюду ведерко, чтобы лить туда слезы, вспоминая старые добрые деньки.

— Пончик?

— Ну да,— фыркнула Сью.— Он такой. Его зовут Роберт Коуэн Кук, и он только что купил фирму, которая делает какую-то химию. Растворитель для чернил или что-то в этом роде. Там все слишком сложно, но Пончик хочет организовать рекламную кампанию для своей новой фирмы, и когда он узнал, что я этим занимаюсь, то решил, что меня послало ему само небо. Сегодня он должен был встречаться с моим начальником, и я думаю, из этого может что-то выйти.

— Класс,— отозвался Фессье нарочито равнодушным тоном.

Сью поспешно поднялась и поцеловала его.

— Ну, Сэм!.. Не будь таким букой.

---

* Майкл Арлен (1895–1956) — английский писатель армянского происхождения. Роман «Зеленая шляпка», вышедший в 1924 году, в 1928 году был экранизирован, главную роль в нем сыграла Грета Гарбо.

— Точно,— ухмыльнулся он.— Ты разбогатеешь и прославишься, и мне придется жениться на тебе ради денег.

— И что, не женишься?

— Еще как. Но я бы предпочел...

— Ты тоже разбогатеешь и прославишься. Помнишь? Впрочем, что я говорю? — оборвала себя Сью.— Это все совпадение. Иначе быть не может.

Фессье водил угольным карандашом в альбоме для эскизов.

— Надо думать. Я верю в нашего... крошку, но не в его способности. Пока не верю. Он позабыл убедить меня в них.

— Может, это ему не под силу. У него ведь есть свои ограничения, помнишь.

— Бедный старичок,— сказала Сью.— Он дал бы иГланнам сто очков вперед, но здесь ему приходится тяжко. Должно быть, люди кажутся ему странными.

— Все человеческое ему чуждо.— Фессье нарисовал кривую линию, стер ее, нарисовал заново.

Сью вытянула шею.

— Что это? А? — Она прищурилась.— Что-то новенькое?

— Не знаю. У меня появились кое-какие идеи. Та книжка, которую посоветовал наш талисман...

— Это она и есть? «Тристрам Шэнди»*. Никогда не читала.

— И я тоже,— заметил Фессье.— Любопытная книжица. Автор написал ее в точности так, как и задумывал. У него был очень своеобразный взгляд на мир. Такой... чудной, знаешь ли.

---

* «Тристрам Шэнди» — роман Лоренца Стерна, впервые опубликован в 1760–1767 гг. Текст романа наполнен грубоватым юмором и отсылками к произведениям знаменитых писателей и мыслителей XVII–XVIII вв.

Он вдруг вскочил, отпер шкаф и вытащил прозрачный куб. Поставил его на кофейный столик.

— Он... оно спит,— сказала Сью.

— Ты же сама говорила, он не знает, что такое сон.

— Значит, отдыхает.

Фессье потер куб. Человечек не шелохнулся.

— Значит, терпение и труд, да? — сдался Сэм некоторое время спустя.— Ладно. Окажем уважение табличке «Не беспокоить».

СверхиГланн отправился обратно в шкаф — до лучших времен.

Пончик, он же Роберт Коуэн Кук, воспылал огромным, хотя и платоническим, интересом к Сью. Девушка приложила к этому все усилия. «Кук кемикалс инкорпорейтед» была на рынке новичком и нуждалась в рекламе. Толстяк решил, что Сью — единственная, кто способен воплотить его идеи, и настоял, чтобы рекламную кампанию отдали в ее полное ведение. Начальнику девушки это пришлось не очень-то по вкусу, но контракт был слишком выгодным, чтобы упускать его из-за недостатка дипломатичности. И потом, шеф считал, что сможет держать Сью в узде.

Он просчитался. Девушка выстроила свою кампанию в совершенно нетрадиционном духе, разрабатывая замыслы, которые за долгие годы скопились в ее записной книжке. У нее оказались недюжинные способности к рекламному делу, и, получив полную свободу действий, она развернулась так, что ее начальник рвал бы на себе волосы, будь он на двадцать лет моложе, однако с тех пор от прически у него остались одни воспоминания. Роберт Коуэн Кук сиял, одобрял все, что бы Сью ни делала, и радовался, что чутье не подвело его. И результат не заставил себя ждать. Сью Дейли определенно делала успехи и поняла это, когда другие агентства начали наперебой пытаться залучить ее к себе.

Дела Сэма Фессье тоже потихоньку шли в гору. В глубине души его всегда точил червячок сомнения, оживлявшийся всякий раз, когда он заглядывал в шкаф, однако один издатель изъявил желание выпустить альбом его избранных карикатур. Ранние работы Фессье издателя не заинтересовали, а новых пока не хватало на целый том, но он без труда восполнил этот недостаток. Он учредил новый *жанр*.

Ни сами рисунки, ни подписи к ним по отдельности не могли бы объяснить эффекта карикатур Фессье. Рисунки же в сочетании с комментариями получались уморительно смешными. Он приобрел новое видение и нашел новый способ выразить его как в изображении, так и в подписи. Оно было, разумеется, подражательным, но результатом стал оригинальный сплав, авторство которого принадлежало Фессье. Людей заставляло смеяться не мировосприятие Тристрама Шэнди, а смешение взгляда Шэнди и Фессье, выраженное в своеобразном, будто подсмотренном в кривом зеркале рисунке. У юмора есть свои законы. Источник нашел себе новый выход, а Фессье открыл верный способ подачи своих мыслей и черпал в нем созидательную энергию.

Шесть месяцев спустя Фессье давал вечеринку. На следующий день они со Сью должны были пожениться, и это требовалось отметить. Его квартирка была недостаточно просторна, поэтому они воспользовались гостеприимством Пончика, и через два часа все приглашенные уже были изрядно навеселе. Фессье очутился в обществе химика с безумными глазами, сотрудника «Кук кемикалс инкорпорейтед».

— Универсальный растворитель,— вещал химик, которого звали Макинтайр.— Растворяет все. Все без толку... Без толку.

Фессье, примостив стакан виски с содовой и льдом на колене, попытался изобразить умное лицо.

— Почему?

— Непрактично. Думать о его использовании — не мое дело. Пропихивают этот новый удалитель запахов, изобретение Кейстера. Рекламируют его усиленно. Не хотят выпускать ничего нового, чтобы не составлять конкуренции. Сказали, надо подождать. Не везет мне. Впрочем, я его запатентовал. То есть компания запатентовала. Универсальный растворитель.

— Он растворяет все на свете? — поинтересовался Фессье.

— С ума сошли? — поразился Макинтайр.— В чем вы будете хранить такой растворитель? Я сказал: универсальный растворитель для некоторых материалов. Чисто, быстро, аккуратно. Масса применений. Наливаете его, пшик! — и готово.

— Не верю,— сказал Фессье.

В конце концов они очутились в лаборатории Макинтайра на фабрике Кука на Лонг-Айленде. Возможно, Фессье не ушел бы с вечеринки, если бы какой-то приглашенный киноактеришка не начал нахально приударять за Сью. Фессье решил, что Сью еще пожалеет, когда обнаружит его, Фессье, мертвым, и на нетвердых ногах отправился на Лонг-Айленд вместе с неугомонным химиком. Однако там они столкнулись с одним затруднением. В лаборатории имелся растворитель Макинтайра, равно как и множество других веществ, но ни капли спиртного. Следующий логический шаг был очевиден. Фессье забыл о вечеринке и, словно хорошо обученный почтовый голубь, направился к себе в квартиру в сопровождении все того же Макинтайра.

— Универсальный растворитель — для некоторых материалов, по крайней мере,— не унимался Макинтайр, который уже успел испортить Фессье кофейный столик, пролив на него магическую жидкость.— Вот, видишь? Разъело.

— Но на металл не подействовало.

— С ума сошел? Абсолютно универсального растворителя не существует. В чем ты будешь его хранить?

— В чем-нибудь абсолютно нерастворимом? — предположил Фессье.

— Все без толку. Не везет мне.

— Полгода назад я тоже был совершенным неудачником. Все, что надо было сделать,— поменять имя на «Аладдин». Почему бы тебе не назвать свое зелье «Микстура Аладдина»?

— Дурацкая идея,— с отвращением отозвался Макинтайр.— Совершенно дурацкая.

Он поднялся и принялся бродить по комнате, то и дело расплескивая свой универсальный растворитель.

Фессье, одолеваемый острой жалостью к самому себе, испытывал потребность поговорить. Он рассказал Макинтайру о человеке-мандрагоре. Химик отнесся к рассказу не просто скептически, а безразлично.

— Я сказал только, что это универсальный растворитель для некоторых вещей! — пояснил он.— И для силикона тоже. Видишь? Пшик!

— Но...

— Разъело. Ой. Наверное, это окно было тебе нужно. Держи меня!

Фессье возился с дверцами шкафчика, но Макинтайр ухитрился самостоятельно удержать равновесие. Прозрачная глыба была извлечена на свет божий и водружена на попорченный кофейный столик.

— Давай же, убеди эту дубину! — уговаривал Фессье.— Просыпайся, приятель.

Ничего не произошло. Сэм с отвращением опустошил еще один стакан. Некоторое время спустя он с удивлением обнаружил, что сидит в другом углу комнаты, не вполне в ясном сознании, и наблюдает за тем, как Макинтайр разглядывает прозрачную глыбу.

Химик плеснул на нее своим универсальным растворителем.

Фессье внезапно протрезвел. Он вскочил, пошатнулся, сориентировался, бросился к гостю и с силой отпихнул его. Макинтайр плюхнулся на диван с опустевшим флаконом в руке; вид у него был удивленный.

— Я не хотел,— ошеломленно повторял он.

— Нет,— хриплым голосом проговорил Фессье.— Нет... Нет!

Прозрачное вещество вокруг человечка таяло. Растворитель стремительно разъедал его, подбираясь к корявой, похожей на маленький корешок фигурке, которая неподвижно стояла внутри глыбы. Впрочем, это больше не была глыба. Она превратилась в изъеденный, неправильной формы камень, все уменьшающийся и уменьшающийся в размерах.

А потом он снова начал расти.

Одна сияющая грань за другой, кристалл нарастал вокруг человечка. Это не заняло много времени. Мерцающее сияние вспыхнуло и померкло, и на кофейном столике вновь стояла прозрачная глыба в ее первозданном виде, без каких-либо видимых изменений, с маленькой фигуркой, похожей на корень мандрагоры, внутри.

На крошечном сморщенном личике была... ярость. Жгучая ярость, малиновым огнем полыхнувшая в глазках-бусинках. Испепеляющий взгляд переместился с потрясенного Макинтайра на Фессье, затем обратно на Макинтайра. Ярость вспыхнула и померкла. Маленькие глазки потускнели, похожее на корень мандрагоры тельце, на миг, казалось, затрепетавшее пугающей жизнью, обмякло.

В разум Фессье вяло просочилась мысль сверхиГланна.

— Не вышло,— была эта мысль.— Опять не вышло. Когда снова настанет час, надо действовать быстрее. Если меня не уничтожить очень быстро, прежде чем я успею приспособиться, уничтожить меня невозможно.

Следом за ней появилась еще одна мысль, медленнее и спокойнее предыдущей:

— Позволяю тебе забыть об этом. Ты подвел меня, но я дарую тебе забвение.

Петроний рассказывает о Сивилле, которую держали в стеклянной бутылке. Она была очень-очень стара. Когда школяры собирались вокруг и стучали по бутылке, они задавали вопрос: «Сивилла, чего ты хочешь?» И Сивилла отвечала: «Умереть».

СверхиГланн не оправдал ожиданий своих создателей. ИГланны наделили его неуязвимостью и приспособляемостью, какой только могли, но иГланны не принадлежали к виду homo sapiens. Им не под силу было дать ему способности, какими не обладали они сами. Они могли лишь усилить таланты собственной расы.

Они не обладали воображением. Не обладали творческим мышлением. Возможно, они вымерли потому, что подсознательно не хотели найти способ выжить. Никто и никогда не узнает этого наверняка.

В глубинах подсознания супериГланна прочно засел инстинкт самосохранения, молниеносная реакция на непосредственную опасность, приводящая в действие его приспособляемость. Вопреки его собственному желанию.

Он был стар, этот маленький, сморщенный, коричневый корешок мандрагоры, и не способен к творчеству, даже умозрительному. Он хотел умереть. В других континуумах, к которым он имел доступ, и на Земле, на протяжении всей ее истории, он искал орудие, которое мог бы обратить против себя самого. Он не знал, что такое сон. Сивилла в бутылке была очень-очень стара.

Но его возможности были ограниченны. Находясь среди людей, он мог бы заставить их экзотическую расу служить своим целям, но он не был сверхчеловеком. Он мог лишь проследить вероятные пути развития человече-

ства и попытаться оказаться в таком месте, где это орудие поразит его.

И он пытался. Пытался раз за разом. Он испробовал все существующие средства. Теперь сверхиГланн искал новое, искал окольными путями, на кружных тропах человеческих отношений. Сеть, которую он сплел для Сью и Фессье, была лишь одной из множества других, и каждая ее ниточка была накрепко привязана к какой-то с виду незначительной мелочи. Но когда сеть была завершена, стоило лишь потянуть за самый кончик, как все сооружение заколыхалось и в ее замысловатых переплетениях проступил четкий узор.

Сью должна надеть зеленую шляпку, провести потрясающую рекламную кампанию и устроить вечеринку в квартире Пончика Кука. Сэм должен добиться успеха, чтобы его работа могла обеспечить ему сравнимое со Сью финансовое благополучие, поскольку без этого равенства предсвадебная вечеринка могла бы никогда не состояться. Фессье не стал бы жениться на более преуспевающей, нежели он сам, женщине. Присутствие Фессье необходимо для того, чтобы он познакомился с Макинтайром, точно так же, как присутствие киноактера необходимо, чтобы изгнать Фессье с вечеринки. А венцом и целью всех этих замысловатых построений был...

Очередной провал.

Замысловатые построения давным-давно утратили для сверхиГланна свою ценность и перестали забавлять его. Давным-давно, когда те, кто были марионетками в его искусных руках, еще ходили в шкурах или таскали по дорогам Рима бронзовых орлов. Но марионетки продолжали развиваться, и сверхиГланн не сдавался, а конца все не было.

Ибо семя слишком глубоко укоренилось в подсознании, которое управляло похожим на корень мандрагоры телом, но не имело власти над собственными темными закоулками. Его действие было чистой воды рефлексом,

запускающим механизм адаптивной защиты от любого оружия, какое бы ни было обращено против него. Человек может желать совершить самоубийство, но инстинктивно шарахаться от лезвия ножа. А реакции сверхиГланна были куда более действенными.

Он не мог изобрести никакого эффективного орудия самоубийства, поскольку был лишен творческого начала. Он мог лишь ждать, пока люди обучались и усовершенствовали свои технологии,— и когда появлялось новое средство уничтожения, маленький коричневый корешок сложными обходными путями устраивал так, чтобы оказаться на пути этого средства.

К нынешнему времени и сами эти попытки превратились в рефлекс, и, подчиняясь ему, кристальный куб шел на новый виток самоуничтожения. Он пробовал мир за миром и в конце концов вернулся, как вынужден был возвращаться всегда, чтобы как можно ближе прижаться к окну в тот мир, который когда-то знали иГланны. «Если где-то и получится, то только здесь,— снова и снова твердил себе он.— Только здесь...»

В бессмертном разуме сверхиГланна зародилась искорка нового замысла. Где-то глубоко забрезжила надежда отыскать новую лазейку к успеху. А если и в этот раз у него не получится...

Река оставалась все столь же полноводной. Он не мог повернуть ее вспять, зато мог чуточку подправить там и сям, при помощи того или иного Аладдина добиться того, чтобы открылись новые русла, чтобы когда-нибудь, где-нибудь, как-нибудь прекратить свое существование.

Они были женаты уже неделю. Сью облокотилась на парапет садика на крыше и сказала:

— Так лучше, чем ехать куда-то. Я хочу сказать, мы можем устроить себе такой медовый месяц, какой нам подходит, прямо здесь, в Нью-Йорке.

Фессье обнял ее.

— Конечно. Но это же просто отсрочка. Не сегодня, так завтра мы сможем поехать. Устроим себе настоящий медовый месяц попозже, когда ты перестанешь работать. Все равно ведь ты когда-нибудь уйдешь со своей работы.

Она улыбнулась в темноту.

— О, дай мне еще немножко побыть деловой женщиной. Нет нужды спешить.

— Конечно нет,— согласился он, обнял ее за плечи и нежно поцеловал.— Никакой спешки. В любом случае, у нас всегда есть наш талисман.

Сью чуть нахмурилась.

— Ой... Вообще-то, больше нет. Разве я тебе не сказала?

— Э-э... Как это нет, Сью?

— Я сегодня отправила его в какой-то музей. В дар.

— Ты — сделала что? Отправила наш...

Она открыла рот.

— Я... ох, Сэм! Должно быть, у меня помутился рассудок! Я отослала его, отдала! Я не могла!

— Ничего страшного, милая,— спокойно сказал Фессье.— Но расскажи мне, что случилось.

— Я не знаю. То есть я знаю, но только теперь понимаю, что натворила. Я нашла в библиотеке про этот музей, завернула наш... наш талисман и отослала его туда. Но... я не знаю, почему я так поступила!

— Наверное, ты была под гипнозом. Что за музей?

Дрожа, она прижалась к нему, и они стояли вдвоем, между извечным сиянием звезд и зыбкими огнями города внизу.

— Я никогда раньше о нем не слышала,— сказала Сью.— Какой-то музей в Японии. Есть там город под названием Хиросима?

МОКРАЯ МАГИЯ

Это случилось в Уэльсе. Где же еще обитать Фее Моргане? Хотя Артур Вудли, конечно, оказался там вовсе не в поисках сказочной волшебницы. У него была совершенно другая цель. Спасти свою шкуру.

Скалистые вершины гор окутывал густой желтоватый туман, но две «штуки»*, преследовавшие Вудли, упорно висели на хвосте его самолета-разведчика. Пытаясь от них оторваться, он уже перепробовал все известные ему маневры. От напряжения его красивое мужественное лицо прочертили морщины. «Так нечестно,— думал он.— Этот драндулет не создан для воздушного боя. Как и его пилот, если уж на то пошло. Очень неспортивно со стороны немцев нападать на самолеты, сконструированные для перевозки пассажиров».

Ж-ж-ж!

Очередь трассирующих пуль прошла на волосок от шлема Вудли. Почему эти «штуки» не хотят оставить его в покое? Он на встречу не напрашивался. Если бы он знал, что в небе Уэльса рыщут вражеские самоле-

---

© Перевод Н. Берденникова.

* «Штука» (нем. Stuka) — так пилоты Второй мировой называли немецкий пикирующий бомбардировщик «Юнкерс-87».

ты, то полетел бы в противоположном направлении, причем очень быстро. Ж-ж-ж! — еще очередь. «Штуки» не отставали, хоть тресни. Вудли бросил самолет в опасное пике, надеясь скрыться в тумане.

Черт возьми, в Голливуде все было гораздо проще. Вудли невесело усмехнулся. Когда он участвовал в воздушных боях на съемках фильма «Боевые эскадрильи» компании «Парадокс», у него хотя бы был подходящий самолет. Например, «Спитфайр» или Р-38. И он мог...

Тра-та-та!

Черт и еще раз черт! Так он долго не продержится. Пилоты «штук» легко разгадывали все трюки Вудли. Донг! Каждое попадание пули в бронеплиту пилотского кресла отзывалось гулким звоном, напоминая о том неприятном факте, что здесь не Голливуд и немцы стреляют отнюдь не холостыми.

Тра-та-та-донг!

Будь «Юнкерс» один, Вудли еще мог бы с ним потягаться. Но немцев было двое, а это означало, что в честном бою у него практически не будет шансов. А вот густой туман обещал неплохое укрытие...

Двигатель закашлял и заглох — вероятно, одна из пуль перебила топливопровод. При этой мысли Вудли испытал едва ли не облегчение. Заложив вираж, он направил самолет в особенно плотное облако тумана, но, обернувшись, увидел, что «штуки» и не думают отставать. Интересно, до земли далеко?

В любом случае, придется рискнуть. Выбросившись из кабины с парашютом, Вудли услышал свист пуль, но ни одна из них, к счастью, его не задела. У земли туман был еще плотнее, он надежно скрыл купол парашюта, и огонь прекратился.

Где-то вдалеке самолет врезался в скалы и взорвался. Шум двигателей стал стихать — нацисты с чувством выполненного долга повернули на восток. Болтаясь на шелковых стропах, Вудли вглядывался вниз в попытке рассмотреть, куда он падает.

Оказалось, падал он на дерево. Вудли наскочил на мощную ветку — сильный удар едва не вышиб из него дух, дерево затрещало, и пилот повис на стропах, медленно вращаясь вокруг своей оси. Безмолвие тумана вновь сомкнулось вокруг него. Не было слышно ни звука, кроме тихого журчания ручейка или речушки, невидимой за серой пеленой.

Вудли выпутался из строп, спустился на землю, сделал глоток бренди из фляги и только потом огляделся по сторонам.

Смотреть оказалось особенно не на что. Туман был таким густым, что сквозь него проступали лишь призрачные силуэты деревьев. «Значит, я в лесу»,— понял Вудли. Почти под самыми его ногами склон круто уходил вниз, туда, где журчал невидимый поток.

После бренди Вудли захотелось пить. Он двинулся вниз по склону и вскоре едва не свалился в воду. Утолив жажду, он осмотрелся более внимательно. Было холодно, и он зябко поежился.

Поблизости рос гигантский дуб, корявый и древний, с толстым, как у калифорнийской секвойи, стволом. Между его обнаженных эрозией корней Вудли увидел подходящую на вид нору, скорее даже пещеру, в которой можно было, по крайней мере, укрыться от пронизывающего ветра. Вудли осторожно подошел и убедился в том, что в логове никого нет. Хоть здесь повезло!

Встав на четвереньки, он стал заползать в пещерку задом. Но далеко заползти не удалось. Что-то сильно ударило его ниже поясницы, и Вудли, описав в воздухе дугу, приземлился головой в ручей. Крича и отплевываясь, он вскочил на ноги и быстро заморгал, пытаясь избавиться от попавшей в глаза ледяной воды. Медведь?..

Но никакого медведя не было. Вудли помнил, что внимательно осмотрел пещеру и убедился в том, что там никто не прячется, разве что маленькая мышка. А мышки редко пинаются так сильно... если вообще пинаются.

Любопытство заставило Вудли вновь подойти к норе, ставшей причиной его унизительного полета. Он осторожно заглянул в пещерку. Пусто. Никого и ничего. «Наверное, это какой-нибудь пружинистый корень распрямился и ударил меня»,— решил он. Вряд ли такое повторится. Да и ветер становится все холоднее...

На этот раз Вудли попытался заползти в пещеру головой вперед — и получил в лоб.

Первое, что пришло ему в голову, когда он выскочил из ледяного ручья,— это безумная мысль о невидимых кенгуру. Вудли долго стоял столбом и таращился в абсолютно пустую пещеру. Потом решил выпить еще немного бренди.

На помощь пришла логика. Только что он пережил весьма неприятное нервное потрясение. Неудивительно, что ему мерещится всякая чушь. Тем не менее третьей попытки укрыться в логове Вудли предпринимать не стал. Вместо этого он быстро зашагал вниз по ручью. Ручей должен привести его куда-нибудь.

После жесткой посадки все тело ныло, и вскоре Вудли присел передохнуть. Из-за серых клубов тумана у него слегка кружилась голова. Темные стволы деревьев тихонько раскачивались, словно жили собственной, почти одушевленной жизнью. Вудли лег на спину и закрыл глаза. Ему не нравился Уэльс. Ему совсем не нравилась передряга, в которую он попал. Ему...

Кто-то поцеловал его в губы.

Вудли машинально ответил на поцелуй, прежде чем понял, что происходит. Открыв глаза, он увидел поднимающуюся с колен прелестную девушку. Он не слышал, как она подошла.

— Эй...— неуверенно произнес он.— Привет!

Девушка была немыслимо хороша собой. Ее темные волосы на лбу были прихвачены золотой лентой, длинное платье доходило до лодыжек, но даже этот балахон не мог скрыть достоинств ее фигуры.

— Ты пахнешь, как Мерлин,— сказала она.

— Я... что?.. Правда? — пробормотал Вудли, заподозрив, что ему только что сказали что-то обидное.

Он встал и внимательно оглядел девушку. Да, странные костюмы носят в этой местности. А может... ура! Может, он совсем не в Англии?

Вудли спросил об этом девушку, но та покачала головой.

— Мы в Уэльсе.— Она удивленно нахмурила черные брови.— Кто ты? Ты мне кого-то напоминаешь...

— Артур Вудли. Пилот Союзных экспедиционных войск, летаю на самолетах. Ты, наверное, видела меня в кино, да?

— Мерлин тоже умел летать,— загадочно произнесла она.

Совершенно сбитый с толку, Вудли смутно припомнил, что мерлин — это какая-то птица, сокол, что ли*. Это все объясняло.

— Я не слышал, как ты подошла. Ты здесь живешь?

Девушка мелодично рассмеялась.

— О, обычно я невидима. Никто не может видеть меня или прикоснуться ко мне, если я сама того не пожелаю. А зовут меня Вивианой.

— Какое красивое имя,— по привычке брякнул Вудли. Он всегда говорил это девушкам.— Очень тебе идет.

— Много лет я не желала мужчину,— сказала Вивиана.— Не оттого ли меня потянуло к тебе, что ты напомнил мне Мерлина? Кажется, я люблю тебя, Артур.

Вудли проглотил комок в горле. Ничего себе нравы в этом Уэльсе! Однако лучше поосторожнее подбирать слова, чтобы ненароком не обидеть девушку,— в конце концов, он ведь не знает, где находится, а она может помочь ему выбраться отсюда.

Но ему не потребовалось ничего говорить, потому что Вивиана заговорила сама.

---

* Merlin *(англ.)* — кречет.

— Я живу рядом. В озере. Мой дом, как и я сама, принадлежит тебе. Если, конечно, ты пройдешь испытание. Но раз ты умеешь летать, никакое испытание Морганы тебе не страшно, верно?

— Конечно...— Вудли замялся и окинул взглядом окружавший их холодный туман.— Конечно, я хотел бы пойти с тобой, Вивиана,— торопливо продолжил он.— Полагаю... ты живешь с родителями?

— Они давно обратились в прах. Ты пойдешь со мной по доброй воле?

— С удовольствием.

— Скажи, что идешь по доброй воле,— настойчиво повторила Вивиана, и странный огонек мелькнул в глубине ее темных глаз.

Озадаченный Вудли подчинился, решив ей не перечить. Ведь ничего с ним не случится только оттого, что он произнесет эти слова. Девушка ангельски улыбнулась.

— Теперь ты мой,— заявила она.— Вернее, станешь моим, когда пройдешь испытание Морганы. Идем же. Здесь недалеко. Или, может быть, полетим?

— Почему бы и нет? — усмехнулся Вудли.— Полетели.

Вивиана так и сделала. Она раскинула руки, поднялась на цыпочки и взлетела, медленно покачиваясь на ветерке. Вудли тупо уставился туда, где она только что стояла.

Спохватившись, он торопливо огляделся по сторонам и лишь потом крайне неохотно посмотрел вверх.

Девушка летела, держась над ущельем. Оглянувшись через плечо, она звонким, как серебряный колокольчик, голосом окликнула:

— Сюда!

Вудли повернулся и зашагал прочь. Глаза у него слегка остекленели. На ходу он уныло размышлял о галлюцинациях.

— Любовь моя...— донесся голос сверху.

Свист за спиной живо напомнил Вудли о «штуках». Он крутанулся на месте, пытаясь увернуться, и рухнул головой в ручей. Ударившись виском о речной голыш, он с облегчением провалился в беспамятство.

Очнулся он, лежа на шелковых простынях. Лоб приятно холодил пузырь со льдом. Вудли решил, что он снова дома, в Беллэре. Пузырь со льдом очень облегчал его страдания, почти избавлял от тупой пульсирующей боли. Похмелье...

Тут Вудли вспомнил. Никакого похмелья не было. Он упал и ударился головой. Но что произошло перед этим? Вивиана... Ох! Он вспомнил ее слова, и ему стало дурно: сейчас они приобрели новый, шокирующий смысл.

Но так же не бывает!

Вудли быстро поднял веки. Он действительно лежал в постели. Вот только это была не его постель. А над ним склонилась... склонилось... нечто.

На первый взгляд, это была девушка, великолепную фигуру которой не прикрывала никакая одежда. Однако тело девушки состояло словно бы из зеленого желе. Распущенные, похожие на тончайшие водоросли волосы облаком окружали ее голову. Испугавшись резкого движения Вудли, она отпрянула и отдернула руку, которая холодила его лоб вместо пузыря со льдом.

— Мой господин,— произнесла девушка и низко поклонилась.

— Сон,— пробормотал Вудли.— Не иначе. Скоро проснусь. Зеленое желе... цветное кино...

Прищурившись, он огляделся. Он лежал на простынях из тончайшего мягкого шелка и был укрыт такими же простынями. В комнате не было окон, ее озарял холодный, лишенный красок свет, льющийся непонятно откуда. Воздух был прозрачным, но казался каким-то густым. Резко сев на постели, Вудли смог заметить в нем малень-

кие завихрения. Простыня соскользнула с его голого торса.

— С-сон,— повторил Вудли, не веря своим глазам.

— Мой господин,— сказала зеленая девушка и снова поклонилась. Ее голос был мелодичным и журчащим.— Я — Нурмала, наяда, я буду прислуживать вам.

Вудли ущипнул себя. Больно. Наклонившись, он схватил Нурмалу за руку — и едва не закричал от ужаса: наяда была не просто похожа на желе, она состояла из желе! В его руке оказался будто бы мешочек с холодной кашей. Холодной и омерзительной.

— Леди Вивиана велела мне заботиться о вас,— сказала Нурмала как ни в чем не бывало, видимо, не почувствовав никакой боли.

Ее рука вновь приобрела нормальную форму. Вудли заметил, что очертания девушки едва заметно колышутся при каждом движении.

— До захода солнца вы должны пройти испытание, которому подвергнет вас Фея Моргана. Для этого вам потребуются все ваши силы и храбрость.

— Что? — спросил Вудли, совершенно не понимая, о чем речь.

— Вы должны будете сразить то, что ждет в логове за Качающейся скалой,— объяснила Нурмала.— Моргана создала его нарочно ради вас сегодня утром и поместила в логово. Я сплавала туда и посмотрела...— Девушка вдруг оборвала себя, быстро окинула взглядом комнату и прошептала: — Но чем я могу вам служить, господин?

Вудли протер глаза.

— Я... я сплю? Мне нужна одежда. И вообще, где я?

Нурмала удалилась — она скорее скользила, чем шла,— и скоро возвратилась со свертком одежды. Развернув сверток, Вудли обнаружил парчовый, синий с золотом, камзол до колен, белые льняные панталоны, длинные бежевые чулки с кожаными подошвами и пояс с кинжалом в ножнах. На груди камзола была вышита эмблема в виде свернувшейся кольцами змеи с

угрожающе поднятой головой, над которой сияла золотая звезда.

— Не изволите ли облачиться, мой господин? Вы не спите, вовсе нет.

Но Вудли уже и так понял это. Теперь он был уверен, что не спит, и ничуть не меньше уверен, что место, где он очутился, весьма... диковинное. Вывод мог быть только один.

Тем не менее в штанах он чувствовал бы себя гораздо лучше.

— Конечно, облачусь,— сказал он и стал ждать.

Нурмала тоже ждала и, склонив голову набок, смотрела на него с нескрываемым интересом. Наконец Вудли сдался и с грехом пополам, извиваясь под простыней, умудрился втиснуться в панталоны. Нурмалу этот его маневр явно разочаровал, но она ничего не сказала.

Выходит, Вивиана имела в виду в точности то, что говорила! Ну и дела! И все же... Вудли, застегивая камзол, задумчиво прищурился. Лучше будет принять исходную посылку за данность, какой бы невероятной она ни казалась. Магия... Гм. В сказках и легендах люди обычно терпят поражение в схватках с эльфами, феями и прочим волшебным народцем. Нетрудно догадаться, почему. В Голливуде продюсерам ничего не стоит заморочить голову актеру. Актер чувствует — его заставляют почувствовать! — собственные ограничения. А сверхъестественные существа имеют привычку полагаться на свое фантастическое происхождение. Тонкий психологический расчет: заставь противника нервничать, и победа, считай, у тебя в кармане.

С другой стороны, если противник не поддается на блеф, твердо стоит на ногах, работает головой, все может закончиться совсем иначе. Во всяком случае, Вудли на это надеялся. Что там говорила Вивиана, а потом и эта наяда Нурмала об испытании? Что-то зловещее...

Вудли вытянул вперед руку. Никакой дрожи. Теперь, в одежде, он чувствовал себя более уверенно.

— Где зеркало? — спросил он.

Сосредоточенность на таких вполне обыденных вещах позволит его психическому состоянию...

— Наша королева не жалует их,— прожурчала наяда.— В озере нет ни одного зеркала. Но вы выглядите великолепно, мой господин.

— Озеро? Королева? Ты имеешь в виду Вивиану?

— О нет! — воскликнула Нурмала. Предположение Вудли, похоже, потрясло ее до глубины души.— Наша королева — Фея Моргана.— Наяда коснулась вышивки на груди Вудли полупрозрачным пальцем.— Царица воздуха и тьмы. Она правит, а мы, конечно, служим ей... даже леди Вивиана, которая пользуется большим расположением ее величества.

Фея Моргана. Вудли начал кое-что припоминать. Перед его внутренним взором замелькали, как в калейдоскопе, образы: рыцари в доспехах, заточенные в башни страдающие девицы, Круглый Стол, Ланселот, Артур и... Вивиана! Девушка, в которую влюбился колдун Мерлин!

А Фея Моргана в романах артуровского цикла была злым гением, чародейкой, ненавидевшей своего царственного брата Артура так сильно, что...

— Послушай,— сказал Вудли.— Насколько...

— Я наречен Богартом!

Слова были совершенной бессмыслицей, но тот, кому они принадлежали, по крайней мере на вид, казался человеком. Мужчина с ощетинившимися от ярости рыжими усами стоял у портьеры, все еще развевающейся от его стремительного вторжения в комнату. Поверх почти такого же, как у Вудли, камзола на нем был надет блестящий металлический панцирь, а в руках незваный гость держал обнаженный меч.

Нурмала с журчанием отступила.

— Милорд Богарт...

— Молчи, наяда,— громовым голосом изрек рыцарь, пытаясь испепелить Вудли взглядом.— А тебя я называю мошенником, лакеем, льстецом и предателем! Да, тебя!

Вудли беспомощно посмотрел на Нурмалу.

— Это сэр Богарт,— с несчастным видом произнесла та.— Леди Вивиана будет в ярости.

Но сейчас Вудли куда больше беспокоила ярость сэра Богарта и, конечно, его обоюдоострый меч. Если он...

— Защищайся! — взревел рыцарь.

— Но у него нет меча,— возразила дрожащим голосом Нурмала.— Это не по правилам...

Сэр Богарт пробурчал что-то в усы и отбросил меч в сторону. Из ножен на поясе он выхватил кинжал — копию кинжала Вудли.

— Теперь мы на равных,— заявил он с плотоядной усмешкой.— Итак?

— Скажите, что вы сдаетесь,— прошептала Нурмала, обращаясь к Вудли.— Быстрее!

— Сдаюсь,— послушно произнес Вудли.

Рыцарю это явно не понравилось.

— Плут! Сдаешься без боя. Ха! Ты — рыцарь?

— Нет,— не задумываясь, ляпнул Вудли.

Нурмала ахнула от ужаса.

— Мой господин! Вы не рыцарь? Но теперь сэр Богарт может зарезать вас, не уронив своего достоинства!

Богарт двинулся в наступление, на его иссеченном шрамами лице играла самодовольная усмешка, кинжал угрожающе сверкал.

— Она говорит правду. Сейчас я перережу тебе глотку.

Звучало не слишком обнадеживающе. Вудли торопливо обогнул кровать, чтобы она находилась между ним и рыцарем.

— Погодите минуту,— сказал он.— Я даже не знаю, кто вы такой. Почему мы должны драться?

Сэр Богарт и не думал останавливаться.

— Трусливый пес! Ты отнял у меня леди Вивиану, а теперь пытаешься меня задобрить? Ну уж нет!

Они кружили возле кровати. Наяда, испуганно вскрикнув, выбежала из комнаты. Лишившись последней моральной поддержки, Вудли почувствовал, что у него подгибаются колени.

— Я вовсе не отнимал у вас Вивиану,— выпалил он.— Мы с ней совсем недавно познакомились.

— Много веков я прожил здесь, в озере,— процедил сквозь зубы сэр Богарт,— с тех самых пор, как Артур пал на равнине Солсбери. Тогда леди Вивиана любила меня, но через сотню лет я ей прискучил. Ее увлекла черная магия. Но я хранил ей верность, веруя, что со временем я вновь завоюю ее сердце. Я не сомневался в этом, ибо соперников у меня не было. А теперь ты соблазнил ее, трусливый пес! А-а!

Кинжал распорол рукав туники Вудли, но пилот ловко уклонился, схватил с низкого столика металлическую вазу и швырнул ее в голову Богарта. Ваза отскочила, не коснувшись рыцаря.

Без сомнения, снова магия.

— Может быть, я все-таки сплю,— простонал Вудли, отпрыгнув назад.

— Поначалу мне тоже так казалось,— хладнокровно произнес Богарт, вскакивая на кровать и размахивая кинжалом.— Но потом я понял, что это не сон. Ты будешь защищаться или нет?

Вудли обнажил свой кинжал. Увернувшись от прямого удара сэра Богарта, он рубанул рыцаря по руке, но с таким же успехом мог бы ударить по стеклу. Острие скользнуло, не нанеся противнику ни малейшего вреда, зато кинжал рыцаря в ответном выпаде едва не пронзил Вудли насквозь.

Как, черт возьми, можно сражаться с магией?

— Послушайте! — воззвал он.— Не нужна мне эта ваша Вивиана!

— Как ты смеешь оскорблять мою госпожу! — взревел рыцарь и бросился вперед с побагровевшим от ярости лицом.— Клянусь шипами на хвосте Сатаны, я...

— Сэр Богарт! — услышали они бархатистый, но не терпящий возражений голос Вивианы. Она стояла у портьеры, а из-за ее плеча выглядывала дрожащая Нурмала.— Остановись!

— О нет,— пропыхтел Богарт.— Этот плут не заслуживает даже того, чтобы его скормили черным тараканам. Не волнуйтесь за меня, я зарежу его без особого труда.

— А я клянусь, что зарежу *тебя*, если ты причинишь ему вред! И тебя не спасет даже твой волшебный доспех! — воскликнула Вивиана.— Оставь его в покое, я сказала! Иначе...

Сэр Богарт остановился и настороженно посмотрел на девушку. Потом бросил взгляд на съежившегося от страха Вудли и глухо зарычал.

— Мне позвать Моргану? — поинтересовалась Вивиана.

Лицо рыцаря стало серым, как выветренный камень. Он быстро повернулся к девушке, его взгляд не выражал ничего, кроме панического страха.

— Миледи...

— До сего дня я защищала тебя, в память о былых временах. Знаешь, королеве часто нужен был партнер для игры в шахматы и она просила отдать ей тебя. Положа руку на сердце, мне будет жаль расстаться с тобой, Богарт, в озере и так мало людей. Но Моргана уже давно не играла в шахматы.

Рыцарь медленно убрал кинжал в ножны и облизнул вдруг пересохшие губы. Потом молча шагнул к портьере, отодвинул ее и ушел.

— Может быть, сказать Блэзу, чтобы сделал ему кровопускание? — предложила Нурмала.— Сэр Богарт в последнее время стал таким раздражительным...

Гнев Вивианы вмиг улетучился. Она насмешливо посмотрела на зеленую девушку.

— Чтобы ты могла попить крови, да? Ох уж эти наяды! Ради капли человеческой крови готовы отдать последнюю рубашку... если бы, конечно, вы носили рубашки.— И она распорядилась уже другим тоном: — А теперь ступай. Мое платье должно быть готово к вечеру, потому что после испытания мы ужинаем с Морганой.

Когда Нурмала ушла, Вивиана шагнула к Вудли и обвила его шею руками.

— Простите меня, монсеньор. Сэр Богарт не будет вам больше докучать. Он страшно ревнует, но я никогда не любила его. Когда-то давно, много веков назад, он скрашивал мои дни, не более. Я люблю только тебя, мой Артур. Тебя одного.

— Послушай,— начал Вудли,— я хотел бы кое-что уточнить. Например, где я нахожусь?

— Разве ты не знаешь? — Вивиана выглядела крайне удивленной.— Когда ты сказал, что умеешь летать, я подумала, что ты волшебник, а то и кто-то еще, куда могущественнее. А когда я перенесла тебя сюда, оказалось, что ты не умеешь дышать под водой, и мне пришлось попросить Моргану изменить тебя.

— Изменить меня? — Рука Вудли против воли коснулась горла.

Девушка тихо рассмеялась.

— Не бойся, жабры у тебя не появились. Магия Морганы действует более тонко. Ты был... преобразован так, чтобы мог жить под водой. Вода стала для тебя такой же средой обитания, какой раньше был воздух. Подобным заклинанием Моргана погрузила этот замок в озеро, когда Камелот пал и долгая ночь опустилась на Британию. Это очень старое заклинание, однажды она наложила его на землю Лионесс, да так и оставила.

— А я думал, все это просто сказки,— пробормотал Вудли.

— Как мало вы, смертные, знаете! Тем не менее это правда, хотя разобраться, как такое может быть, достаточно нелегко. Моргана объясняла мне, но я не поняла. Ладно, сегодня ты сам сможешь спросить ее за ужином после испытания.

— Ах да, испытание. Мне не слишком нравится эта затея. Кстати, в чем оно заключается?

Вивиана снова удивленно посмотрела на него.

— Это древний рыцарский обычай. Прежде чем здесь поселиться, человек должен доказать свое право на это, совершив доблестный поступок. Сэру Богарту, например, выпало сразить Червя, ну, то есть дракона. Ему в этом помог волшебный панцирь. Сэр Богарт почти неуязвим, когда на нем эта штука.

— А что должен сделать я?

— У каждого рыцаря свое испытание. Моргана при помощи колдовства создает какое-нибудь существо и прячет его за Качающейся скалой. До заката ты должен будешь отправиться туда и убить это существо, кем бы или чем бы оно ни оказалось. К сожалению, мне не известно, что Моргана приготовила на сей раз, да она и не позволила бы мне рассказать это тебе, даже если бы я знала.

Вудли прищурился.

— А предположим, я откажусь сражаться...

— Ты должен, иначе Моргана убьет тебя. Но ты же не боишься, мой господин?

— Конечно нет,— торопливо успокоил он Вивиану.— Прошу, расскажи мне еще что-нибудь. Мы действительно живем под водой?

Вивиана вздохнула, усадила Вудли на кровать и удобно расположилась у него на коленях.

— Поцелуй меня,— сказал она.— Вот так! Хорошо. Когда Грааль был потерян, а Круглый Стол разрушен, магия покинула Британию. В ней не осталось места для волшебного народца. Одни умерли, другие сбежали, а

кто-то попрятался в разных укромных местах. Под холмами Британии скрывается много тайн, мой Артур. Моргана благодаря своим способностям стала невидимой и неосязаемой, она погрузила свой замок сюда, на дно озера среди диких гор Уэльса. Ее слуги, конечно, не были людьми. Однажды я оказала Моргане услугу, и она отблагодарила меня. Увидев, что страной начинает править жестокость, я попросила ее унести меня туда, где нам ничто не будет угрожать. Я взяла с собой Богарта, а Моргана — друида Блэза, престарелого учителя Мерлина. С тех пор ничего не изменилось. Люди не видят и не слышат нас, не чувствуют наших прикосновений. А теперь, когда ты заколдован, это относится и к тебе тоже.

— Мерлин? — Вудли стал вспоминать легенду.— Разве ты не заточила его в дубе? — Он осекся, сообразив, что допустил faux pas*.

Он никак не мог привыкнуть к тому, что сказка оказалась былью!

Безмятежное выражение исчезло с лица Вивианы.

— Я любила его,— сказала она, поджав губы.— Не хочу говорить об этом.

Вудли попытался все обдумать. Итак, похоже, он действительно дышит водой, не испытывая при этом никаких затруднений. Атмосфера вокруг обладала сверхъестественной... густотой и казалась какой-то стеклянистой. Более того, углы преломления были непривычными. Судя по всему, рассказ Вивианы — правда.

— Выходит, я угодил в сказку...

Она улыбнулась.

— Все это было на самом деле, в некотором роде. И все сохранилось в моей памяти. Какие скандалы разыгрывались в Камелоте! Помню, как-то раз Ланселот спас девицу по имени Элейна. По ее собственным словам, Элейна долгие годы провела в заточении, в башне,

---

* Бестактность *(фр.)*.

да еще и в ванне с кипящей водой. Лишь потом я узнала правду. Об этом судачил весь двор. Муж Элейны был старый — ну очень старый! — рыцарь, и эта дама, прознав, что Ланселот в городе, решила завлечь его. Для этого она послала к Ланселоту своего пажа, и паж наплел ему с три короба о проклятии и что ее муж — не муж вовсе, а злобный колдун. А сама Элейна тем временем заперлась и приготовила кипящую ванну. Когда Ланселот вышиб дверь и ворвался в башню, она прыгнула в ванну — в голом виде, естественно,— и принялась визжать, аки Зверь Рыкающий. Конечно, ей пришлось вытерпеть ужасную боль, но на что только не пойдешь ради осуществления своей затеи! Стоило мужу прибежать на крики, Элейна указала на него пальцем и завопила: «Колдун!» Ланселот, конечно, обнажил меч и сделал Элейну вдовой. Правда, добиться своего ей так и не удалось — Ланселота ждала в Камелоте Гвиневера. Лично я Гвиневеру не осуждаю. Как бесчестно Артур поступил с Моргаузой! Конечно, тогда он еще не был женат, но...

Вот, ты говоришь, легенды,— продолжала щебетать Вивиана.— Знаю я эти легенды! Полагаю, сейчас ими приукрашивают правду. Я могла бы тебе такое порассказать... Бьюсь об заклад, вы даже из этого старого распутника Лота наверняка сделали героя. А ведь он заслуживал того, что получил. Еще как заслуживал! Я всегда знала, что его дурная кровь проявит себя. А этот король Ангвисанс, у которого был охотничий домик в лесу, где он охотился на единорогов? Ага, на единорогов, как бы не так! Я знаю, что приманить единорога можно только девственницей, но должна сказать тебе, что король Ирландии Ангвисанс не слишком-то много рогов привозил домой! А его дочь Изольда? Вся в папашу! Спуталась с менестрелем Тристаном! Все знают, что за люди эти менестрели. На самом деле мужем Изольды был никакой не Галахад. И не Марк! Кстати, позволь рассказать

тебе о Галахаде. Погибельным в его судьбе было не только злополучное Сиденье. Говорят, одним жарким летом в Бедгрейнском лесу...

Ее рассказ прервал журчащий голос Нурмалы. Наяда стояла у завешенной портьерой двери.

— Госпожа, я сделала с платьем все, что могла, но теперь его нужно примерить.

— Увы,— сказала Вивиана, вставая с колен Вудли.— Я потом расскажу тебе о короле Утере и этой вдове. Десять детей, ничего себе! Послушай, к Качающейся скале тебе идти только после обеда, почему бы тебе пока не осмотреть замок?

— Подожди! — с тревогой окликнул ее Вудли.— Вивиана, это испытание...

— Все просто. Берешь меч, идешь к Качающейся скале — кто-нибудь проводит тебя — и убиваешь тварь, которую спрятала там Моргана. Потом возвращаешься на ужин.

— Только и всего? — с легкой иронией спросил Вудли.— А откуда мне знать, может, эту тварь нельзя убить мечом? А если она окажется драконом?

Нурмала едва слышно хихикнула. Вудли взглянул на наяду, припоминая, о чем она вскользь упомянула чуть раньше. Кажется, она говорила, что сплавала куда-то и увидела...

Тварь за Качающейся скалой? Вудли посмотрел на служанку с интересом. Эта наяда могла ему пригодиться!

Не сейчас, конечно. Времени у него достаточно. Будет полезно познакомиться поближе с водной жизнью замка...

— Позвать Блэза, чтобы он показал тебе замок? — спросила Вивиана.

Блэза? Колдуна-друида? Неплохая мысль. Может, удастся вытянуть из него какую-нибудь полезную информацию, да и вообще... Интересно, можно ли использовать магию для борьбы с магией?

Впрочем, Вудли не собирался идти к какой-то Качающейся скале. Он собирался смыться при первой же возможности. Плавать он умел. Если Блэз покажет ему выход из замка, то в следующее мгновение увидит лишь пару чистых пяток, быстро удаляющихся прочь.

— Отлично,— сказал Вудли.— Пошли.

Вивиана порхнула к двери.

— Нурмала проводит тебя к Блэзу. Не задерживайся, наяда, платье должно быть готово.

Вивиана ушла. Вудли подождал, пока стихнет звук ее шагов. Нурмала с любопытством смотрела на него.

— Мой господин...

Он остановил ее, вытянув руку, а другой рукой закрыл дверь.

— Подожди. Я хочу с тобой поговорить.

Зеленое желейное лицо наяды приобрело синеватый оттенок. Вудли понял, что она покраснела, и судорожно сглотнул.

— Я хочу, чтобы ты рассказала мне, что находится за Качающейся скалой,— быстро произнес он.

Нурмала отвернулась.

— Откуда я знаю? Это ведомо только Моргане.

— Ты плавала туда сегодня утром, верно? Мне так кажется. Послушай, я не хочу винить тебя в чрезмерном любопытстве, потому что мне нужна информация. Давай, выкладывай. Что там? Дракон?

Очертания наяды задрожали.

— Нет, мой господин. Я не смею... Если Моргана узнает...

— Не узнает.

— Я не могу вам сказать!

Вудли выхватил кинжал и коснулся острием своей руки. Нурмала следила за ним голодными глазами.

— Вивиана говорила, что наяды всегда жаждут человеческой крови. Как вампиры, да? Даже если крови будет всего несколько капель...

— Нет! Нет! Я не смею...

Вудли уколол кинжалом палец.

— Ладно,— сказала наяда через некоторое время.— Будь что будет. Фея Моргана создала ундину и спрятала ее за Качающейся скалой.

— Что такое ундина?

— Она футов пятнадцать длиной и похожа на... волосы,— объяснила, облизывая губы, наяда.

— Похожа на волосы?

— Ее тело невозможно рассмотреть — оно слишком маленькое и покрыто длинными волосками, которые, если их коснуться, жгут как огонь.

— Понятно,— сказал Вудли и мрачно кивнул.— Инфузория-переросток. Электрическая медуза. Самое то, чтобы идти на нее с мечом!

— Тварь мерзкая, но вы с легкостью ее победите.

— Да, конечно. Может быть, подскажешь как?

— Боюсь, что нет. Но я могу сказать, как ее найти. Возьмите корень мандрагоры, выдавите из него сок. Ундина непременно появится.

— Кошачья мята...— пробормотал Вудли, хотя наяда, разумеется, не поняла его.— Ладно, по крайней мере, теперь я знаю, что меня ждет.

— Вы же не станете говорить Моргане, что я вам все рассказала? Вы обещали.

— Не стану... Гм. Интересно, а если я все же...

Нурмала так и подпрыгнула.

— Я заставляю леди Вивиану ждать! Пойдемте, мой господин. Быстрее!

Вудли с задумчивым видом прошел вслед за наядой по увешанному гобеленами залу к резной двери, которую Нурмала резко распахнула.

— Блэз! — крикнула она.

— Ик!

— Опять напился, выродок друидский,— досадливо сказала наяда.— Для тебя есть работа.

— Снова погасло пламя дракона? — раздался немного печальный скрипучий голос.— Клянусь Мидиром, надежней было бы использовать саламандру. Полагаю, вода постоянно заливает пламя. Сколько раз можно говорить этому дракону, что нельзя вдыхать слишком глубоко. Ик!

— Это — монсеньор Артур Вудли. Покажи ему замок,— велела наяда и, подумав, добавила: — Имей в виду, он возлюбленный леди Вивианы.

Вудли густо покраснел.

В комнате Блэза было очень темно. Затянутая сетями водяных пауков, она здорово смахивала на древнюю лабораторию алхимика, каковой, впрочем, и являлась. Под слоем паутины скрывались: горы толстенных книг, пара тиглей, несколько перегонных кубов, чучело крокодила и сам Блэз.

Сам друид оказался сморщенным старикашкой, таким щуплым, что казалось странным, отчего его не сдувает сквозняком. Его грязная седая борода колыхалась в воде перед красно-коричневым, испещренным морщинами лицом, словно вуаль. Облаченный в длинный серовато-коричневый плащ с остроконечным капюшоном, Блэз сидел по-турецки и держал в руках огромный глиняный кувшин.

— Монсеньор Артур Вудли...— проскрипел Блэз.— Приветствую... Ик! — Он отхлебнул из кувшина.— Ик!

— У вас... гм... очень уютная комната,— сказал Вудли для затравки разговора.

Чтобы заручиться помощью друида, решил он, надо сначала завязать с ним дружеское знакомство.

Блэз небрежно махнул рукой на перегонные кубы и реторты.

— А, это... Использовал, когда занимался всякой магией. Ну, там, философский камень, понимаешь? Сейчас — нет. Сейчас делаю только выпивку. Ик!

— Выпивку?

— Всех сортов. Медовуху, вино... только при помощи магии, понимаешь? Настоящая выпивка не хранится дол-

го под водой, понимашь? Ик! Ни разу не напивался с тех пор, как оказался здесь с Морганой. Магический эль не бьет в голову так, как настоящий. Увы!

— Блэз,— нетерпеливо пробормотала Нурмала.

— О да, да, да.— Колдун близоруко уставился на них сквозь бороду.— Вивиана хочет, чтобы я показал тебе замок. Не стоит. Скучное место этот замок. Может, лучше посидишь со мной, выпьешь?

Вудли предложение показалось соблазнительным, но тут вмешалась наяда.

— Я обо всем расскажу леди Вивиане, Блэз,— заявила она.

— Ох, ну ладно.— Друид неохотно встал и нетвердым шагом направился к ним.— Тогда пошли, монсеньор Артур... Артур? — Он, прищурившись, вгляделся в лицо Вудли.— На мгновение мне показалось... нет, ты не Пендрагон. Существовало поверье, что он вернется, понимашь? Нурмала, ступай прочь, а то превращу тебя в головастика и раздавлю.

— Ты покажешь монсеньору Артуру замок?

— Покажу, покажу,— раздраженно отмахнулся Блэз.

Когда Нурмала отошла, вернее, отплыла достаточно далеко, он сердито пробурчал в бороду:

— Все меня обижают. Даже проклятые наяды. И правильно делают.— Он отхлебнул из кувшина.— Кто я такой? Конченый старый друид. А ведь это я научил Мерлина всему. Они ненавидят меня, потому что я отказываюсь для них колдовать. А с какой стати я должен это делать? Я предпочитаю заниматься вот чем. На, выпей... Нет! — тут же спохватился он, поспешно отдернув кувшин.— Не дам. Я сам делаю выпивку, и она моя. Хотя мне все равно не напиться! Магический эль, прах его побери! Иногда я жалею, что не умер. Ик!

Он направился к двери, Вудли пошел за ним.

— Что хочешь увидеть сначала?

— Не знаю. У меня будет масса времени на осмотр замка после испытания. Ты знаешь о нем, верно?

Блэз кивнул.

— Да, конечно. Но я не знаю, что за тварь на этот раз Моргана спрятала за Качающейся скалой.— Он посмотрел на Вудли снизу вверх пронзительным взглядом.— Прежде чем ты продолжишь, предупреждаю сразу: я не в силах тебе помочь. Я не могу вооружить тебя магией, потому что королева мне не позволит, и у меня нет ценных сведений, которые могли бы тебе пригодиться. Я могу дать тебе только меч, который я храню для... для того, кто придет потом.— Его голос странно изменился.— Ты должен встретить испытание с истинной отвагой, она и станет твоим щитом.

— Спасибо,— сказал Вудли, скривив губы.

Никаких сведений... Блэз должен знать, как выбраться из замка. Вот только как бы выведать это у него?.. Нельзя задавать вопрос в лоб...

— Итак,— сказал друид, шагая по коридору впереди Вудли.— Здание построено в виде полого куба, в центре — внутренний двор. Ни одного окна. Эти рыбы — хуже комаров. Выхватывают пищу прямо из рук. Во внутреннем дворе мы держим дракона. В качестве мусорщика. Он разбирается со всем тем, что мы выбрасываем. Ик!

Вудли вдруг смутно вспомнил, что он видел в музеях...

— Я что-то не заметил нигде рыцарских доспехов.

— Думаешь, тебе понадобятся доспехи? — Блэз гнусно захихикал.— Они лежат в арсенале,— сказал он на ходу, с какой-то мрачной целенаправленностью семеня по коридору на нетвердых ногах.— Это — не замок Веселой Стражи и не замок Пылающего Сердца. Среда другая. В наших башнях нет котлов для расплавленного свинца. Нас нельзя взять в осаду. По этой причине традиционная конструкция замка на дне озера бесполезна.

— А почему здесь ничего не намокает?

— По той же самой причине, по которой вода похожа на воздух. Мокрая магия. Этот вид колдовства до совер-

шенства был отточен в Атла́нтиде, мне он не подвластен, потому что я — друид. Мы в основном работаем с огнем. Дуб, огонь, терновник...— Блэз углубился в воспоминания.— Когда я был маленьким мальчиком в Стоунхендже... впрочем, ладно. Sic transit и так далее, понимаешь?* Ик! Мидир побери этот эль, он похож на тухлую воду. Все бы отдал за каплю спиртного, сделанного на суше! Но теперь я не могу жить вне воды. На что ты смотришь? А, на это? Узнаешь? — Друид снова противно захихикал.

Вудли рассматривал огромный гобелен. Древний и потертый, но тем не менее очень красочный. Вытканные на нем сцены что-то смутно напоминали. Мужчина и женщина... дерево... змей... А на заднем фоне — еще одна женщина, столь прекрасная, что ее красота ослепляла даже под водой.

— Лилит,— пояснил Блэз.— В этом замке полно гобеленов. На них вытканы всякие там легенды, битвы, осады, понимаешь? — продолжал он, глядя на Вудли сквозь вуаль плавающей бороды.— Ars longa... а то, что там дальше, к нам не совсем подходит, верно?** Ик! Ну, идем! — И он за рукав потащил гостя дальше.

Экскурсию никак нельзя было назвать неспешной. Нетерпеливый Блэз соглашался притормозить, только когда ему приспичивало выпить. Вудли волей-неволей вынужден был таскаться за ним, не успевая ничего рассмотреть толком. Но с грехом пополам ему все же удалось составить некоторое представление о замке.

Это было трехэтажное строение с внутренним двором. Самая высокая башня — донжон — возвышалась на одном из углов замка. Напротив нее, через двор, находились две огромные навесные башни, барбаканы. Между барбаканами в замковой стене были прорублены ворота,

---

* Sic transit gloria mundi *(лат.)* — Так проходит земная слава.

** Ars longa, vita brevis *(лат.)* — Искусство вечно, жизнь коротка.

защищенные опускной решеткой, через которую лениво проплывали рыбы, и бесполезным подъемным мостом, оставшимся на память о крепостном рве. Вудли увидел все это с площадки наверху донжона — это был первый раз, когда он покинул стены замка. До земли было отвратительно далеко.

Вернее, до дна. А он-то рассчитывал удрать! Чтобы выбраться отсюда, нужна дверь...

Вудли помнил, что вода для него теперь — все равно что воздух. И потому, спрыгнув с донжона, он бы, по всей видимости, добился только того, что свернул бы себе шею.

— Пошли скорее,— нетерпеливо сказал Блэз.— Пора вниз.

В замке были огромные пустые залы, соединенные галереями, кладовые и кухни, казармы и опочивальни. Небольших комнат было мало. Проходя мимо темного, облюбованного водяными пауками помещения, Вудли смог рассмотреть заваленные непонятными предметами полки, почти полностью скрытые вуалью паутины. Блэз пояснил, что Фея Моргана когда-то развлекалась приготовлением зелий и ядов, но потом отказалась от использования столь примитивных средств.

В голове Вудли зародилась идея. Он стал задавать вопросы. Друид отвечал.

— Это? Перегонный куб. Это? Олений рог с гуммиарабиком. Используется обычно при родах. В этой склянке хранятся сушеные постельные клопы. Смола, кирказон змеевидный, фенхель, мандрагора, мускус, кора дерева мушмула...

Мандрагора. Вспомнив, что говорила Нурмала, Вудли подошел ближе.

— А вот это что такое?

— Это — ведьмина люлька. Используется для...

Вудли ловко присвоил мандрагору и сунул за пазуху. Пока все в порядке. Осталось только разработать способ

эффективного применения корня. Жаль, что мандрагора приманивает, а не отпугивает ундин! В крайнем случае можно отвлечь внимание чудовища корнем и попытаться сбежать...

— Пошли дальше. Ик!

Потом они очутились на небольшом балконе, откуда был виден двор замка.

— Это дракон,— сказал Блэз.— Дрэдан. Имя англосаксонское. В наши дни все англосаксонское было непопулярно, включая драконов. Видишь весь этот мусор?

У стены громоздились какие-то заросшие илом руины, в центре двора виднелись развалины побольше.

— Когда-то это были конюшни, соколиные клетки, скотный двор, часовня. Правда, в ней никогда никто не молился. Эта Моргана, понимаешь... Воздух и тьма. Ик! — Блэз задумчиво уставился в кувшин.— Пошли дальше.

— Подожди,— взбунтовался Вудли.— Хочу посмотреть на дракона.

На самом деле он хотел найти выход, а с балкона открывался неплохой обзор.

— А, на Дрэдана. На этого червяка... Ну, как знаешь...— Друид, прислонившись к стене, опустился на корточки и закрыл глаза.— Ик!

Но пока Вудли высматривал лазейку, его взгляд невольно раз за разом возвращался к дракону, потому что зрелище было поистине грандиозным. Дракон немного напоминал стегозавра — такой же зубчатый костяной гребень на горбатой спине и длинный шипастый хвост с шишкой на конце. Голова, однако, не была крошечной, как у травоядных динозавров. Она была похожа на голову крокодила и тираннозавра одновременно, с тремя рогами на носу и пастью, куда поместилась бы станция подземки, с два вагона длиной, а высотой — вдвое больше. Желтые глаза мерцали огнем. Когда Дрэдан дышал, из ужасной пасти вырывались языки пламени.

В данный момент жуткий монстр поедал мусор, причем делал это довольно разборчиво.

Интересно, почему драконово пламя не гаснет под водой, задумался Вудли. Потом он вспомнил про магию Морганы. Вот бы соорудить что-нибудь вроде огнемета... Против огнемета ундина не устоит, только вот как его сделать... Вудли заметил, что каждый раз, когда из пасти дракона вырывается пламя, к поверхности поднимается множество пузырьков. Тучи маленьких рыбок норовили лишить Дрэдана обеда. Неуклюже переступая на толстых, как колонны, ногах, дракон с силой фыркал огнем на маленьких воришек, и те проворно бросались в стороны.

— Несладко ему живется,— проговорил Блэз, очнувшись от дремы.— Дракон любит только сырую пищу, но когда он наконец прогонит рыб, весь мусор окажется поджаренным. Я мог бы лишить его огненного дыхания, но для пищеварения этой твари нужен огонь в желудке. Это как-то связано с метаболизмом. Я вот никак не могу залить пламя у себя в желудке...— добавил он, после чего приложился к кувшину, задумчиво поикал и снова заснул.

Облокотившись на перила балкона, Вудли смотрел на дракона с любопытством и ужасом одновременно. Вялые движения ящера — ведь все драконы ящеры — лишь усиливали кошмарное впечатление. Дракон казался творением голливудских техников, довольно небрежным и абсолютно неубедительным...

И тут кто-то схватил Вудли за ноги чуть ниже колен, рванул вверх и перекинул через перила балкона.

Толстый слой грязи смягчил падение. Взметнув тучу ила, Вудли поспешно вскочил на ноги. Буквально в ярде от его носа неподвижно зависла, лениво перебирая плавниками в воздухе (вернее, в воде), озерная форель. Вудли, у которого сердце ушло в пятки, почудилось, что рыбина задумчиво его разглядывает. Другие рыбы, привлеченные движением, тоже подплыли к нему.

Когда облако ила осело, Вудли увидел Дрэдана. Дракон смотрел прямо на него.

Потом Дрэдан огнедышаще зевнул, поднял одну похожую на ствол дерева ногу и тяжело сдвинулся с места.

— Блэз! — взревел Вудли.— Блэз! На помощь!

Ответа не было, друид даже не икнул.

— Блэз! Проснись!

Заметив неподалеку дверь в стене, Вудли со всех ног бросился туда. Дрэдан был уже очень близко, но, к счастью, ящер двигался медленно и неуклюже.

— Блэз!

Дверь была очень надежно заперта изнутри. Вудли застонал и метнулся в сторону от неудержимо, как танк, надвигавшегося Дрэдана.

— Блэз!

На противоположной стороне двора Вудли увидел еще одну дверь и побежал к ней. За его спиной раздавалась тяжелая поступь дракона.

Но и эта дверь оказалась заперта.

Прижавшись к ней спиной, Вудли, прищурившись, оглядел двор, прикидывая пути к спасению. Там, где он пробежал, клубился взбаламученный ил. Сквозь эти тучи, сверкая желтыми глазами, словно противотуманными фарами, на него шел Дрэдан. Из драконовой пасти вырывались языки пламени.

— Блэз! Проснись!

По-прежнему никакого ответа. Отскочив в сторону, Вудли споткнулся о камень и упал, подняв тучу ила. Когда он вскочил на ноги, у него в голове мелькнула идея.

Дымовая завеса...

Вудли побежал, шаркая ногами и поднимая клубы ила. Легкая, как у бегемота, походочка Дрэдана тоже помогала. Изредка призывая Блэза на помощь, Вудли обежал двор и повернул назад по собственному следу, скрываясь за туманной завесой. Буквально через несколько минут вода стала мутной, как гороховый суп.

Но Дрэдан и не думал сдаваться. Оглушительно топоча, он упрямо следовал за Вудли, и сверкающие диски его глаз появлялись из клубов ила пугающе часто. Вудли так запыхался, что уже не мог кричать. Но если он не остановится, а будет бегать, Дрэдан в конце концов потеряет его из виду...

Вот только у дракона нашелся свой план. Полумрак вдруг прорезал длинный язык пламени. Почти мгновенно за ним последовал второй. Вудли кинулся наутек.

Дрэдан тяжело дышал, клубы ила то и дело пронзали струи пламени. Очевидно, дракон сообразил, что существует не один способ содрать шкуру с кошки — в смысле, заполучить свой обед. Вудли понимал, что стоит только одному из этих огненных языков коснуться его — и он превратится в пепел. «До чего нелепо — сгореть дотла под водой»,— горько усмехнулся он про себя, продолжая лихорадочно метаться по двору.

В горло набился ил, Вудли закашлялся, налетел на опускную решетку и остановился, чтобы перевести дыхание. Проржавевшее железо рассыпалось под его рукой, и в решетке образовалась брешь.

Прожекторы глаз Дрэдана нашли его в полумраке. Вудли в отчаянии вцепился в прутья решетки. Они тоже были изъедены ржавчиной и легко подались. Когда дракон бросился на него, Вудли нырнул в проделанное отверстие в решетке. Пламя лишь подпалило его панталоны.

Тем не менее он по-прежнему был в ловушке: впереди путь перекрывал подъемный мост, который нависал над пилотом, будто покосившаяся стена. Однако эта преграда оказалась чисто символической — Вудли легко протиснулся в широкую щель между краем моста и стеной. Замок остался позади, а никакого рва, который мог бы помешать бегству, не было.

Вудли стоял на дне озера. За его спиной, словно скала, возвышались стены замка Феи Морганы, который еще недавно был его тюрьмой...

Вудли прислушался. Дрэдан, очевидно, прекратил погоню. А Блэз, наверное, по-прежнему спит. Самое главное — путь на свободу был открыт. Тот, кто сбросил его с балкона, оказал Вудли большую услугу, хотя сам об этом, возможно, и не помышлял.

«Ладно, я не в обиде!» Вудли облегченно вздохнул. Теперь ему не придется проходить это неприятное испытание и встречаться с ундиной. Он поспешно зашагал прочь от замка.

Камни впивались в ступни сквозь тонкие кожаные подошвы. Дно круто уходило вверх. Озеро, как понял Вудли, напоминало очень глубокую чашу. Замок располагался в самой глубокой его части.

Интересно, где находится Качающаяся скала? Не то чтобы ему хотелось пойти и посмотреть...

Вдруг Вудли понял, что ему жаль расставаться с Вивианой. Она и в самом деле очень миленькая. Перед его внутренним взором тут же появилось ее лицо, но Вудли не сбавил шага, торопливо поднимаясь по склону. Он без особого труда пересек лес водорослей, потом на него налетела стайка любопытных пескарей. Сверху струился холодный голубой свет.

Вудли поднимался все выше и выше. Высоко над головой серебрилась плоская пленка, сквозь которую просвечивало небо — поверхность. Вот уже до нее осталось всего несколько шагов. Он видел каменистый берег, деревья, причудливо искаженные фантастической перспективой. Водяной клоп нырнул, чтобы посмотреть на путника, но поспешил удалиться.

Когда голова Вудли оказалась над водой, он стал задыхаться.

Воздух хлынул в ноздри, рот, легкие, и вместе с ним пришла невыносимая боль. Вудли закашлялся, потерял равновесие и упал, погрузившись в воду с головой. Ему тут же полегчало. Он сел на дно, чтобы перевести дыхание, и стал наблюдать, как пузырьки воздуха из ноздр-

рей и рта поднимаются к поверхности. Скоро они исчезли, и он почувствовал себя гораздо лучше.

Конечно. Этого и следовало ожидать. Но...

О господи!

Моргана изменила его так, что вода сделалась его стихией, средой обитания! Воздух стал для него смертельным, как для рыбы!

Это было совершенно нелепо, но до ужаса логично. Вудли закрыл глаза и задумался. В прошлой жизни он делал вдох на поверхности, а выдох в воде. Он изменил порядок на обратный и, набрав полные легкие воды, встал на ноги, выпуская воду изо рта тонкой струйкой.

Он находился рядом с крутым каменистым берегом озера, окруженного высокими горами. Невдалеке по ущелью журчал ручеек. Скалы, не считая этого ущелья, выглядели отвесными и неприступными.

Вудли, забывшись, вдохнул воздуху и вынужден был опуститься под воду. Знакомый голос заставил его отвлечься от грустных мыслей.

— А, вот ты где,— сказал Блэз.— Долго же я тебя искал... Почему ты меня не разбудил, когда свалился с балкона?

Вудли с упреком посмотрел на друида, но ничего не ответил. Его план побега явно провалился. Вудли не мог покинуть озеро. И не сможет, пока с него не будет снято заклятие мокрой магии.

А снять его может только Моргана. Но, вероятно, не снимет. Вивиана этого сделать точно не захочет, даже если она и умеет. Но ведь Блэз тоже волшебник. Если попробовать уговорить его снять заклятие...

— Пошли,— сказал друид.— Я оставил кувшин в замке, и меня уже мучает жажда. Ик!

Вудли поплелся за Блэзом, лихорадочно пытаясь придумать новый план. Придется вернуться в замок Морганы, а что потом? Испытание у Качающейся скалы? Вспомнив об ундине, Вудли прикусил губу. Не слишком-то обнадеживающая перспектива...

— Дрэдан не может покинуть двор, понимашь? — бубнил Блэз.— Что на тебя нашло? Зачем ты упал с балкона? Что за глупая идея?

— Я не падал,— огрызнулся Вудли.— Меня столкнули. Вероятно, сэр Богарт.

— Да ну? — Блэз фыркнул в седую бороду.— И вообще,— добавил он, нафыркавшись вдоволь,— ты можешь дышать только под водой. Даже не пытайся высунуться на поверхность.

— Когда я встретился с Вивианой,— задумчиво проговорил Вудли,— она благополучно дышала воздухом.

— Моргана научила ее этому фокусу,— пробурчал друид.— Мне это не под силу. Так и не смог научиться. Если захочется погулять по суше, обратись к Вивиане.— Он как-то мерзко усмехнулся.— Или к Моргане. Лично я думаю, что Вивиана — дочь Морганы. Это многое объясняет. Ну ладно, вот и замок. Войдем здесь.— Он остановился у двери, повозился с засовом и отошел в сторону.— Входи быстрее,— поторопил он Вудли.— А то рыбы набьется.

Он пошел по коридору, Вудли не отставал. Вскоре они оказались в комнате Блэза, и друид выбрал себе новый кувшин из обширного запаса.

— «Камелот Х-Х-Х»,— пробормотал он.— Девяносто градусов. Конечно, это совсем не то пойло, но старые этикетки напоминают мне о былых временах.— Он выпил и разразился залпом архаичных ругательств.— Самообман, не более того. Девяносто градусов, ха! Магией не создать хорошую выпивку, тут и говорить нечего. Ик! — Он сердито уставился на гостя.

Вудли задумался. Итак, Блэз не знает, как снять заклятие мокрой магии. Остаются Вивиана и Моргана. Вудли понятия не имел, как выведать у них этот секрет. Впрочем, сделать это необходимо, причем быстро. Когда должно начаться испытание? Он спросил у Блэза.

— Сейчас,— ответил друид и с трудом поднялся на ноги.— Солнце почти зашло. Пошли! — Он уставился на

Вудли мутным взглядом.— Вивиана приготовила для тебя меч. Не Экскалибур, конечно, но сойдет.

Они вошли в зал, где их ждали Вивиана и сэр Богарт. У рыцаря при виде Вудли отвисла челюсть, но он взял себя в руки и надменно проронил:

— Вы опоздали, монсеньор.

— Лучше поздно, чем никогда,— ответил Вудли и с удовольствием отметил, что Богарт отвел глаза.

Вивиана вышла вперед с огромным мечом в руках.

— Мой господин! Прими же оружие сие из моих рук! Я буду ждать твоего возвращения от Качающейся скалы.— Ее взгляд обещал так много, что сэр Богарт принялся злобно жевать свои рыжие усы.

Вудли ощупал корень мандрагоры за пазухой. Тут его посетила одна весьма удачная мысль, и пилот злорадно улыбнулся...

— По рукам,— сказал он.— Я готов.

Вивиана хлопнула в ладоши.

— Благодарю, мой доблестный рыцарь! Я вызову Нурмалу, которая проводит тебя...

— Не стоит беспокоиться,— перебил ее Вудли.— Я предпочел бы, чтобы дорогу мне показал сэр Богарт.

Рыцарь едва не поперхнулся.

— Я не лакей!

— Фи,— презрительно произнесла Вивиана.— Отказывать в такой ничтожной просьбе...

— Ничего.— Вудли пожал плечами.— Если сэр Богарт боится... Я могу понять его чувства. Даже волшебный панцирь не может защитить от несчастного случая. Нет, оставайтесь здесь, у камина, сэр Богарт. Здесь вам ничего не грозит.

Богарт побагровел. Разумеется, он мог дать только один ответ. И десять минут спустя Вудли уже шагал рядом с рыжеусым рыцарем по илистому дну озера к теряющейся в зеленой дымке каменной вершине.

Сэр Богарт хранил молчание, хотя внутренне клокотал от ярости. Он даже разок загремел мечом в ножнах, но Вудли сделал вид, что не услышал.

— Интересно,— заметил он,— что ждет меня у Качающейся скалы? Есть идеи?

— Моргана не посвящает меня в свои секреты.

— Угу. Скорее всего, что-то очень опасное, да?

Богарт улыбнулся, злобно оскалив зубы.

— Надеюсь.

Вудли пожал плечами.

— Вероятно, придется воспользоваться магией. Меча может оказаться недостаточно.

Рыцарь повернулся и уставился на него.

— Черной магией?

— Конечно, я же волшебник. А ты не знал?

— Вивиана говорила... Но я не думал...

Во взгляде Богарта появилось больше уважения и еще больше страха. Вудли беззаботно хмыкнул, хотя чувствовал себя отнюдь не беззаботно.

— Я знаю несколько фокусов. Например, как стать невидимым.

— При помощи спор папоротника? Я слышал об этом.

— Лично я использую сок корня мандрагоры,— объяснил Вудли.— Если подумать, сейчас этот трюк может пригодиться. Принимая во внимание то, что может оказаться за Качающейся скалой.— И он принялся совершать в воздухе замысловатые пассы, приговаривая: — Саскачеван, Виннипег, Мауч-Чанк, Филадельфия, Каламазу...

При этом Вудли незаметно доставал из-за пазухи мандрагору. Богарту, глядевшему на его манипуляции с открытым ртом, показалось, что уродливый корень возник из пустоты.

— Клянусь Аттисом! — воскликнул пораженный рыцарь.— Такого я еще не видел!

Вудли поднес к корень к глазам и притворился, будто задумался.

— Подожди. Может быть, лучше и тебя сделать...

— Тоже невидимым? — Богарт нервно поглядел на Качающуюся скалу и с радостью согласился: — Да, думаю, это хорошая мысль.

— О'кей, давай свой шлем. Гм... Может быть, ты даже поможешь мне победить это чудовище... Хотя вряд ли мне понадобится помощь.

Рыжие усы Богарта не могли скрыть злорадную усмешку.

— Посмотрим. Мой меч остер.

Но лесть, даже столь грубая, усыпила бдительность рыцаря. Он передал свой головной убор Вудли и стал смотреть, как тот, перевернув шлем, рукояткой кинжала толчет в нем, как пестиком в ступке, корень мандрагоры.

— Вот и все. Надень шлем так, чтобы ничего не высыпалось, и станешь невидимым.

Сэр Богарт повиновался и опустил взгляд на собственные ноги.

— Ничего не получилось.

Вудли принялся тупо озираться.

— Ты где? Я... Сэр Богарт!

Рыцарь опешил.

— Я здесь! Но я вижу себя не хуже, чем всегда.

— Конечно,— пустился в объяснения Вудли, стараясь не смотреть рыцаря.— Ты видишь, а больше никто не видит. Так действует заклинание мандрагоры.

— О! Ну ладно. Теперь сделай невидимым себя.

— Возиться лень,— небрежно отмахнулся Вудли.— Да и неспортивно как-то... Какой тогда интерес драться с чудовищем? Если станет туго, я что-нибудь наколдую, но, думаю, обойдусь и мечом. Ага, я смотрю, вот и Качающаяся скала.

Высоко над ними волны озера раскачивали огромный камень на вершине утеса. Вудли заметил в нескольких ярдах от него небольшую пещеру и остановился.

Встал и сэр Богарт, который явно занервничал.

— Я дальше не пойду.

— О'кей,— сказал Вудли пересохшими губами.— Подожди меня здесь. Вернусь через минуту. Кстати, ты не одолжишь мне свой панцирь?

— Нет.

— Я так и думал. Ладно... adiós*.

Вудли еще с минуту постоял, глядя на темный зев пещеры, но пути назад не было. Оставалось надеяться, что уловка сработает. Нурмала уверяла, что сок корня мандрагоры притягивает ундин...

Он оставил опирающегося на свой меч сэра Богарта и смело вошел в тень Качающейся скалы. Дальше дно под ногами резко уходило вниз, и он стал двигаться более осторожно. Смотреть здесь, общем-то, было не на что. Под скалой было слишком темно.

Затем Вудли заметил какое-то движение в зеленоватом сумраке. Огромный волосяной шар, проплывавший мимо, замер на мгновение, потом с поразительной точностью двинулся прямо на Вудли. Это была ундина.

Длиной футов пятнадцать, похожая на раздутую подводную лодку, она плыла в облаке тончайших волосков — ближе к кончикам они сужались настолько, что становились почти невидимыми. Из-за этого невозможно было различить, где кончаются щупальца, и очертания твари казались расплывчатыми. Плыла она, шевеля волосками, как ресничная инфузория, причем двигалась гораздо быстрее, чем ожидал Вудли. Не успел он и оглянуться, как ундина подплыла к нему почти вплотную. Один волосок коснулся его щеки и обжег, как оголенный провод, по которому пропущен сверхсильный электрический ток.

Вудли машинально выхватил меч, но здравомыслие не позволило пустить его в дело. Сталь не могла нанести

---

* Прощайте *(исп.)*.

этой твари ни малейшего вреда. Кроме того, у Вудли был более безопасный план. Если еще не слишком поздно...

Он повернулся и со всех ног бросился бежать вокруг Качающейся скалы. Сэр Богарт по-прежнему стоял там, где они расстались, но, увидев Вудли, тоже повернулся и побежал, напрочь забыв о своей «невидимости».

Зев пещеры был широким, как улыбка добряка, и Вудли нырнул в него головой вперед. Очутившись в пещере, он несколько раз перевернулся и выронил меч. Когда ему все-таки удалось остановиться, он торопливо обернулся и посмотрел, что происходит. Погонится ли ундина за ним? Или почует сок мандрагоры, которым благоухает сэр Богарт?

Облако извивающихся волосков шло по следу. Ундина летела за рыцарем, словно самонаводящаяся торпеда.

Вудли глубоко вздохнул. Подобрав меч, он вернулся к устью пещеры и стал ждать развязки. Ундина уже догнала сэра Богарта. Ее смертоносные волоски, конечно, не могли причинить вреда защищенному волшебным доспехом рыцарю. Но оказаться в объятиях ундины наверняка было неприятно...

Сверкнул меч — сэр Богарт вынужден был вступить в схватку. Вудли усмехнулся.

Он надеялся, что ундина не продержится долго, а то он уже проголодался, но на ужин можно будет отправиться лишь тогда, когда... он пройдет испытание Феи Морганы.

Из задумчивости его вывели крики Богарта:

— Ты обманул меня! Мошенник и плут! Я разрублю тебя от макушки до задницы! Ты сделал меня своим орудием...

— Эй, погоди! — попытался остановить его Вудли, ловко уклоняясь от ударов.

Он по-прежнему держал в руке меч и, когда Богарт снова атаковал, Вудли машинально парировал удар. Ундина, как он успел заметить, валялась мертвая футах в

двадцати ниже по склону. К ней уже подплывали стайки мелких рыб.

— Трусливый пес!

— Да подожди ты! Что скажет Вивиана, если мой труп найдут с отрубленной головой? Что скажет Моргана?

Его слова отрезвили сэра Богарта. Рыцарь замер как был, с занесенным для удара мечом, и только его рыжие усы шевелились от ярости. Его лицо стало свекольно-красным.

Однако нападать он перестал. Вудли опустил свой меч и быстро заговорил:

— Не забудь, я слышал, как Вивиана говорила, что натравит на тебя Моргану. Я помню, как ты испугался. Вивиана хочет, чтобы я остался в живых, и если она узнает, что ты убил меня,— а она обязательно узнает...

— Ты колдун,— прорычал сэр Богарт.— Чертов колдун!

Но на его щеках уже появились предательские бледные пятна.

Вудли убрал свой меч в ножны.

— Да что ты так разволновался? Ты ведь не пострадал, верно ? У тебя же есть волшебный панцирь. А теперь посмотри на меня! — Он провел указательным пальцем по багровому рубцу, который шел от виска к подбородку.— Ундина отметила меня, а на тебе — ни царапины.

— Ты обманул меня, сделал своим орудием,— угрюмо повторил Богарт.

Вудли взял рыцаря под руку.

— Забудь об этом. Мы можем пригодиться друг другу, если ты подыграешь мне, а я — тебе. Если ты не станешь... Видишь ли, Вивиана ко мне прислушивается. Хочешь, чтобы я кое-что шепнул ей на ушко?

— Ты сущий дьявол,— проворчал рыцарь, но он был побежден и прекрасно понимал это.— Я оставлю тебя в живых. Но за это ты защитишь меня от Морганы.— Он оживился.— Да! Скажи Вивиане, что я друг тебе. Тогда...

Вудли усмехнулся.

— А если я скажу ей, что ты столкнул меня во двор к Дрэдану?

— Но, монсеньор! — Богарт схватил его за плечи.— Нет! Я этого не делал! Ты не сможешь доказать, что это был я...

— Хотя это был ты, верно? Вивиана поверит мне, а не тебе. Но успокойся. Я ничего не скажу. Если ты, в свою очередь, кое о чем *не* забудешь.

Богарт облизал губы.

— О чем именно?

— О том, что ундину убил я.

— Три тысячи чертей! Впрочем, у меня нет выбора. Если я не соглашусь, ты используешь свое влияние на Вивиану. Она весьма своенравна, а Моргана часто просила ее...— Рыцарь проглотил комок в горле и начал снова: — Моргана хочет меня уничтожить. До сих пор Вивиана спасала меня. Давай договоримся. Ты скажешь, что убил ундину, то есть что прошел испытание, а взамен настоишь на том, чтобы Моргана оставила меня в покое, если возникнет опасность.

— Согласен.

— Но если Моргана узнает, как мы ее обманули, мы оба умрем страшной смертью. Она не умеет прощать.

— Она не узнает.

— Если узнает, даже Вивиана не сможет нас спасти.

Вудли нахмурился. Риск никогда не привлекал его. Но сейчас придется рисковать. Кроме того, Моргана ведь никогда не узнает...

— Договорились,— сказал сэр Богарт.— Но помни, вздумаешь когда-нибудь предать меня, сам погибнешь. Теперь наши жизни связаны. Если я начну тонуть, то потащу тебя за собой, потому что заговорю. И Вивиане придется оплакивать если не меня, то тебя уж точно.

Вудли поежился, но поспешно выбросил из головы мысли о грозящей ему страшной участи.

— Забудь об этом,— сказал он.— Нас ждет ужин. А нам еще нужно дотащить до замка ундину.

Сделать это оказалось совсем не трудно, потому что дохлое чудовище не волочилось по дну, а плыло. Шагая по дну озера к замку, Вудли приободрился. Он коснулся рукой эфеса меча. Когда он размахивал мечом, защищаясь от Богарта, его охватило удивительно приятное чувство. А если бы он не заставил Богарта обманом помочь ему? Если бы он сам сразился с ундиной? Вудли на секунду пожалел, что не попытался совершить этот подвиг.

Хотя это было бы слишком опасно. Слишком. Кроме того, не было никакой необходимости рисковать собственной шкурой, и он доказал это на практике. Самое главное — хладнокровие и рассудительность. Рано или поздно они помогут ему покинуть замок, освободиться от гибельного заклятия Морганы и вернуться на сушу.

Он прошел испытание, и пока ему нечего опасаться. А сейчас надо выведать заклинание мокрой магии, которое возвращает способность дышать воздухом.

Вудли дернул зажатый в кулаке пучок волосков ундины. За озерным чудовищем, словно хвост кометы, тянулись стайки рыбешек. Впереди показался замок...

— Помни! — уже в который раз предупредил его сэр Богарт.— Теперь наши жизни едины. Блэз идет. Прикуси язык, в замке говорить небезопасно.

Дно озера окутывали ночные тени. Видимо, солнце уже зашло. Сэр Богарт отпрянул в сторону и исчез. У подножия башни, рядом с дверью, виднелся силуэт Блэза в коричневом плаще.

— Вот мой трофей,— крикнул Вудли.— Забери его!

Друид подошел к нему, поднимая тучи ила. Его глаза сверкали сквозь белую вуаль бороды.

— Ундина. Ты сразил ее...

Вудли взглянул чародею в глаза и вдруг устыдился своего обмана. Но это же нелепо! Почему он должен смущаться того, что не пошел на верную смерть? Проклятье!

— Я говорил тебе, что храбрость станет твоим мечом и щитом,— медленно произнес Блэз.— Магия не может устоять перед ним. А теперь я...— Он замолчал и сделал рукой какое-то странное вялое движение.— Груз прожитых лет тяготит меня. Когда я увидел, как ты идешь к замку с добычей, мне показалось, что я стою у стен Камелота и смотрю на Артура Пендрагона...— Его слабый голос становился все тише.— Он был и пребудет вечно.

Из оцепенения Вудли вывел голос Нурмалы. Наяда выплыла из замковых ворот с зажженным фонарем в руке.

— О! Монсеньор Артур Вудли сразил чудовище! Мой господин! — Она низко поклонилась.— Сегодня будет великий пир. Стол уже накрыт.

Блэз, похоже, очнулся от воспоминаний и снова превратился в брюзжащего пьяницу.

— Понятно,— рявкнул он.

Наяда поспешила скрыться в башне. Вудли заметил, что свет фонаря пронизывал жидкий изумруд ее тела. Это выглядело довольно красиво, но жутковато.

— Эти наяды — хуже пироманьяков,— заметил Блэз, доставая откуда-то кувшин и делая глоток.— Никак не могут оставить огонь в покое. В замке фонари ни к чему, он освещается магией. Наяды могут думать только об огне и крови. Мерзкие мокрые жидкие твари,— закончил он в приступе старческой ярости.— Всех ненавижу. Всех до единой. Пошли! Ундину можешь бросить здесь — никуда она не денется.

Вудли поймал взгляд старого друида — удивительно острый, проницательный взгляд. Полно, да так ли уж пьян этот Блэз? Вероятно, да, потому что каждый его шаг по коридору сопровождался ругательствами, стонами и икотой. Блэз отвел Вудли в его комнату, где тот

торопливо привел себя в порядок, насколько это было возможно — когда вода как воздух, не умоешься,— и поспешил следом за провожатым в главный зал замка. Здесь Вудли бывать еще не доводилось.

Зал был поистине огромным, вдоль одной из его стен поверху тянулась галерея. Стены были увешаны гобеленами, пол застелен циновками, которые, очевидно, были прижаты грузами, чтобы не всплывали, а у дальней стены находилось возвышение. Там, за не слишком большим столом, восседала Вивиана. Она выглядела поразительно красивой в светло-зеленом, расшитом жемчугом атласном платье. В ее косы тоже были вплетены нити жемчуга, а талия перетянута украшенным драгоценными камнями поясом. Она была само воплощение волшебства.

— Милорд! — воскликнула она, подбегая к Вудли.— Мне сообщили, что ты вернулся с победой. Но твоя бедная щека... о! Ужасная ундина...

— Ничего особенного. Уже не болит.

— Ничего особенного! Победить ундину... Впрочем, я знала, что ты доблестный рыцарь. Садись рядом со мной, любовь моя, чтобы мы могли беседовать за ужином.

Вивиана так пожирала Вудли взглядом, что тот почувствовал себя неловко.

Что-то раздраженно бормоча, Блэз занял свое место и принялся рассматривать застеленный скатертью стол.

— Не хочу рыбы,— сказал он.— Меня тошнит от нее.

— Будет жареный поросенок,— бросив взгляд на друида, сказала Вивиана.— Детеныш морской свинки, естественно. Дичь и пирог с мясом... Ах, милорд! Теперь, когда ты прошел испытание Морганы, ты и я будем жить здесь вечно.

Вудли не успел ответить, потому что в этот момент грянула музыка. Певучая мелодия доносилась с галереи, но никаких музыкантов не было видно. Вивиана заметила, куда смотрит Вудли.

— Что, милый? Ах да, Моргана сделала музыкантов невидимыми. Это элементали, они такие уродливые, что могут испортить аппетит. Королева присоединится к нам через некоторое время. Она никогда не ест.

Занавес за возвышением раздвинулся, и появились наяды. На взгляд Вудли, все они как две капли воды походили на Нурмалу. Служанки, не проронив ни слова, внесли блюда и подносы. Большая часть еды была знакомой, но у некоторых блюд был весьма странный вкус. Компот, например, оказался просто отвратительным. А еще Вудли не понравилась присутствующая буквально во всех блюдах миндальная приправа.

Тем не менее ел он с аппетитом, потому что страшно проголодался. Кроме того, ему нужны были силы, чтобы осуществить свой план — выведать заклинание мокрой магии у Вивианы или, может быть, у Морганы.

Блэз непрерывно пил, Вивиана ела нехотя и бросала томные взгляды на своего избранника. Она настояла на том, чтобы Вудли соблюдал за столом этикет, принятый во времена короля Артура.

— Нам надлежит есть из одной тарелки, монсеньор,— сказала она, с притворной робостью потупив взор.— Ты должен выбирать самые вкусные кусочки и предлагать их мне на острие ножа. Я... о боже! Сэр Богарт явился.

Действительно, рыцарь шагал прямо к столу. В устремленном на Вудли взгляде Богарта читалось предостережение.

— Прошу прощения за опоздание, миледи,— сказал он.— Я не думал, что монсеньор Артур так быстро расправится с чудовищем и вернется в замок.

Вивиана с холодцой предложила рыцарю присоединиться к ним, и вскоре Богарт уже обгладывал баранью ногу, изредка бросая косые взгляды на Вудли. Ужин продолжался в тишине, которую нарушали лишь невидимые музыканты. Наконец подали десерт, состоявший из орехов, фруктов с пряностями и вина, которое Вудли на-

шел слишком легким и безвкусным. Тем не менее после такого количества пряностей даже купорос показался бы молоком, и Вудли с удовольствием потягивал вино. Ему казалось, что у него в животе бушует пламя, почти как у Дрэдана.

Наяды убрали скатерть, под которой оказалась полированная столешница с инкрустированной шахматной доской. Вудли, утолив голод, откинулся на спинку стула. Он заслужил отдых. Можно было бы заняться решением насущной проблемы, то есть попытаться выведать у Вивианы секрет, но пока ему было лень. Лучше добиться расположения девушки, подыграть ей, так нежно положившей милую головку ему на плечо...

— Да, я начала рассказывать тебе об Утере,— прощебетала она.— И о вдове. Десять детей, как я сказала. Этот Утер был таким негодяем. Мне кажется...

И она исчезла в облаке сплетен и скандалов. Блэз пил. Сэр Богарт все время ерзал, словно что-то не давало ему покоя. Вудли задремал. Вивиана открывала ему секреты далекого прошлого, музыканты играли...

Вдруг Вудли понял, что Вивиана замолчала. Он вздрогнул и резко выпрямился, ощутив необъяснимый ужас. Затем на мгновение у него закружилась голова и возникло ощущение, будто плоть сползает с костей.

За стол напротив него садилась женщина.

Она была одета в очень простое белое платье с длинными и просторными рукавами и цветами из драгоценных камней вокруг тонкой талии. Мерцающие, как звезды, цветы украшали и ее волнистые черные волосы с редкими бронзовыми прядями. Ее лицо было молодым и прекрасным. Вудли вдруг заметил, что ему никак не удается рассмотреть ее анфас, только в профиль. Почему?

Он... он не мог увидеть ее глаза.

Он просто не мог посмотреть в них. Было совершенно невозможно встретиться с ней взглядом. Вудли не находил этому никаких объяснений. Когда ему удавалось

повернуть голову так, чтобы заглянуть в глаза Феи Морганы, то собственные глаза не слушались его. Бунтовали на самой грани повиновения. Похоже, тело Вудли не подчинялось командам, отдаваемым мозгом.

Тем не менее он достаточно хорошо рассмотрел ее лицо, пусть не анфас, а только в профиль, и оно показалось ему странно знакомым. Где он видел его раньше?

Конечно! Гобелен с деревом и змеем. У Морганы было лицо Лилит...

Вудли встал и несколько неуклюже поклонился.

— Ваше величество...

— Нет,— рассеянно сказала Моргана тихим голосом.— Не нужно вставать. Я — Моргана, называй меня так. А я буду звать тебя... Артуром.— Она чуть помедлила, прежде чем произнести имя, словно оно было ей неприятно.

Вудли сел. За столом повисло неловкое молчание. Он снова попытался посмотреть в глаза Морганы и снова потерпел неудачу.

— Ты победил ундину? — спросила она.— Если ты не прошел мое испытание честно, тебя ничто не спасет. Тем более что тебя зовут Артур. Мне не нравится это имя...

Вудли поймал умоляющий взгляд сэра Богарта и проглотил комок во внезапно пересохшем горле.

— Я убил ундину,— сказал он.— И, разумеется, честно.

— Очень хорошо,— промолвила царица воздуха и тьмы.— Забудем об этом. Давно я не видела никого с поверхности. Насколько я помню, последним был сэр Галаходин.

Богарт нервно закашлялся. Моргана улыбнулась ему и забарабанила тонкими пальцами по столу.

— Он играл со мной в шахматы,— сказала она с почти неприкрытой угрозой.— Понимаешь... Артур... когда я только поселилась здесь, первые лет сто или около то-

го, я время от времени приглашала к себе гостей. Чтобы поиграть с ними в шахматы. Потом мне это наскучило, но недавно я вновь ощутила... тягу к игре. Впрочем, это ничего не значит. Я не собираюсь покидать озеро по такой ничтожной прихоти. Здесь есть сэр Богарт... кстати, Вивиана, он еще не надоел тебе?

— Надоел, причем давно,— честно ответила девушка.— Но я привыкла к сэру Богарту и его манерам.

— У тебя теперь новый любовник,— проворковала Моргана.— Почему бы тебе не лишить своего покровительства старого?

Сэр Богарт совсем сник.

— Вивиана,— торопливо произнес Артур.— Я надеюсь... я хочу сказать, Богарт обещал многое показать мне, объяснить, как биться на рыцарском поединке, и все такое прочее. Ты же не...

— Со временем тебе надоест и новый любовник,— тихим и ласковым голосом сказала Вивиане Моргана.— И ты не будешь плакать, если я приглашу его поиграть со мной в шахматы.

Вудли едва не поперхнулся.

— Я всегда буду любить монсеньора Артура,— решительно заявила Вивиана.— Когда я впервые увидела его, он напомнил мне Мерлина. И если компания сэра Богарта устраивает моего господина...

Моргана рассмеялась.

— Мерлина! Горе мне! Хорошо, я не буду трогать сэра Богарта без твоего разрешения, но...— Она пожала плечами.— Лично я предпочла бы Артура. Может быть, оттого, что его имя навевает воспоминания...

— Э...— начал Вудли.

Моргана посмотрела на него.

— Тебе ничто не грозит. Пока Вивиана здесь, а она никуда не собирается уходить, у нее должны быть свои игрушки. Но она — человек, к тому же женщина, и, значит, капризная. Настанет время, и ты тоже наскучишь ей, Артур, и мы сыграем с тобой в шахматы.

— Я... я не очень-то хороший игрок,— промямлил Вудли, но его оборвал оглушительный хохот Блэза.

Друид, правда, тут же умолк и приложился к бокалу.

— Тот, кто играет в шахматы с Морганой, всегда проигрывает, чем бы ни закончилась партия,— пояснил он.

Вудли снова вспомнил гобелен с изображением Эдема. Да, заклинание мокрой магии можно выпытать только у Вивианы. На Моргану рассчитывать не приходится. Слишком уж она... зловещая.

— Пока я здесь, монсеньор Артур не будет играть в шахматы,— твердо сказала Вивиана.

Моргана снова улыбнулась.

— Все когда-нибудь кончается,— загадочно изрекла она.— Давайте сменим тему. Артур, мир забыл обо мне?

— О нет. Вы остались в произведениях Теннисона, Мэлори, однажды про вас даже сняли кино.

— Кино?

Вудли объяснил. Моргана покачала головой.

— Надо же, меня считают сказочной героиней.

— Моргана, что ты говорила мне об истории и преданиях? — спросила Вивиана.— Я хотела объяснить монсеньору Артуру, но сама не слишком-то в этом разбираюсь. Он не понимает, как легенда может быть правдой, и я тоже.

— Блэз, расскажи,— велела королева.

Друид выпил еще вина и неспешно начал:

— О, все довольно просто. Это связано с изменчивостью времени. Исторического Пендрагона звали Артуриусом, и был он вождем небольшого племени, сражавшегося с римлянами в пятисотых годах. Тогда не было никаких рыцарей, никаких замков вроде этого. То, что есть сейчас, идет от Плантагенета.

Вудли непонимающе уставился на друида. Недоумение его было совершенно искренним.

— Но я думал...

— Легенды способны влиять на прошлое. Тебе доводилось что-нибудь сочинять?

— Я как-то раз-другой пробовал написать сценарий.

— Так вот, ты непременно возвращался назад, чтобы внести изменения или сделать вставки. Предположим, ты пишешь историю мира. Занимаешься Артуриусом и его временем, а несколько тысяч слов спустя тебе в голову приходит удачная мысль. Ты решаешь сделать Артуриуса великим королем, сочинить героическую сагу о рыцарстве и Круглом Столе, о Блэзе и Гвиневере, о Мерлине и так далее. Ты возвращаешься назад и делаешь вставки в текст. Как-нибудь потом один из твоих персонажей, скажем, Мэлори, делает ряд ссылок на артуровский цикл. Закон корректировки и пересмотра,— непонятно добавил он.

— Но ведь речь не о вымысле,— не сдавался Вудли.— Мы говорим о реальных событиях. Жизнь — не чьето сочинение.

Воцарилась тишина, которую нарушила Вивиана, начав рассказывать о давно забытом скандале, касающемся Изольды и Грустного Рыцаря. Вудли, как всегда, задремал. Последним, что он запомнил, было прекрасное, загадочное и ужасное лицо Морганы.

Проснулся он в постели и сразу же заметил выглядывающую из-за портьеры Нурмалу.

— Мы рано завтракаем, мой господин,— забулькала наяда.— Не желаете встать?

— Уже утро?

— Над озером светит солнце.

Вудли хмыкнул и повторил процедуру надевания панталон под простыней.

Это почему-то расстроило Нурмалу, и она поспешила покинуть комнату. При взгляде на ее зеленую желейную спину, у Вудли проснулся голод.

В главном зале он нашел только Вивиану. У него немного болела голова, и, ответив на просьбу девушки поцеловать ее, он накинулся на эль, мясной рулет и соленую

рыбу. Вместо эля он предпочел бы томатный сок. Невидимого оркестра на галерее не было.

— Уютная комнатка,— заметил Вудли, немного оживаясь.— Никогда не завтракал на Центральном вокзале.

Вивиана поняла, что он имеет в виду.

— Во всех замках есть главный зал. Потом, если хочешь, мы будем завтракать в личных покоях. В старые времена здесь часто пировали. Вместо столов были доски, положенные на козлы. Даже сейчас мы иногда устраиваем банкеты.

— Что? Здесь бывают гости? — недоверчиво спросил Вудли.

— Моргана воскрешает мертвых,— объяснила Вивиана.— Ей это кажется забавным.

— А мне нет,— с ужасом признался Вудли.— А где сейчас Моргана?

— Она... занята. Блэз? Пытается напиться, я думаю. Совсем сбрендил на старости лет.

— Ладно, а где сэр Богарт? — поинтересовался Вудли.

Вивиана как-то странно посмотрела на него.

— Вчера, когда ты уснул, а Богарт ушел в свою комнату, Блэз рассказал мне, что этот подлый рыцарь сбросил тебя с балкона во двор к дракону. Поэтому я лишила его своего покровительства. Сейчас он играет в шахматы с Морганой.

Вудли поперхнулся элем.

— О мой бог... Вивиана, где он?

— Играет в шахматы с Морганой. Ты его больше не увидишь.

Вудли положил рог на стол. Под ложечкой у него образовался мерзкий холодный комок. Значит, произошло самое худшее. Блэз вспомнил и заговорил. Теперь...

— Вивиана! Я думал, ты хотела сохранить Богарту жизнь. Ты должна спасти его!

— После того, как он пытался убить тебя? Ни за что! Кроме того, поздно что-либо менять. Игра... закончится только на закате, но сэра Богарта уже не спасти.

Девушка нахмурила темные брови.

— Да, чуть не забыла! Моргана хочет видеть тебя.

— П-правда?

— Она сказала, чтобы ты пришел к ней вечером. Не знаю зачем. Сказала, что сэр Богарт рассказал ей о чем-то. Какой-то пустяк...

— Неужели...— пробормотал Вудли, допивая эль.

Выпивка не принесла утешения. Он слишком ясно представлял, что его ждет. Богарт перед смертью открыл Моргане правду об ундине. А что сказала Моргана вчера за ужином? «Если ты не прошел мое испытание честно, тебя ничто не спасет».

Значит, решающий час пробьет сегодня вечером. У Вудли оставалось время только до заката или, может быть, чуть больше.

Один день, чтобы выведать у Вивианы заклинание мокрой магии!

Вудли вдруг бросился действовать очертя голову. Нападение — лучшая оборона.

— Вивиана,— сказал он.— Я хочу вернуться.

Ни один мускул не дрогнул на ее лице.

— Ты останешься со мной навсегда.

— А если Моргана что-нибудь сделает со мной?

— Не сделает. И...— Глаза Вивианы потемнели.— И... лучше это, чем отпустить тебя на поверхность, где тобой будут обладать другие женщины. Артур, теперь ты не можешь дышать над водой. Изменить это подвластно только Моргане и мне. На суше ты умрешь. Ни я, ни Моргана не поможем тебе покинуть озеро. А если ты попытаешься сделать это, я верну тебя, монсеньор. Слушай меня.— Она наклонилась над столом, поставив локти на шахматную доску.— Для людей ты невидим и неосязаем. Ты — один из нас. Твой голос могут услышать только волшебные существа.

— Но ты могла бы все изменить, Вивиана!

— Чтобы отдать тебя другим женщинам? Я лучше увижу тебя мертвым. Никогда больше не говори об этом, монсеньор, иначе я скажу Моргане, что она может поиграть с тобой в шахматы!

— Не волнуйся,— процедил сквозь зубы Вудли.— Моргана и так своего не упустит.

Но он понимал, что зашел слишком далеко, повел себя с Вивианой неправильно. Он попытался успокоить девушку, и она на удивление благосклонно восприняла это. Наконец, положив голову ему на плечо, она стала рассказывать о сэре Пеллиноре и Звере Рыкающем.

— Зверя звали Глатиссант,— сказала она, и ее голосок снова стал нежным.— Старому Пеллинору надоела жена, и он сказал, что должен отправиться на поиски зверя. Так, дескать, требует долг. И ушел бродить по Британии. Никто не видел зверя, кроме Пеллинора, но многие юные девицы, на свою беду, слушали рассказы Пеллинора. И в самом деле! Через девять месяцев путь Пеллинора стало нетрудно проследить. Я всегда говорила...

Вудли не слушал ее. Он пытался срочно придумать план побега. Теперь он со всей определенностью знал, что должен выбраться из озера до наступления темноты. Моргана... в ней нет ни капли человеческого. А эта игра в шахматы! Что за кошмар скрывался под этим эвфемизмом, Вудли не знал. Но точно знал, что не хочет играть в шахматы с царицей воздуха и тьмы, как играл сейчас бедняга Богарт. Вудли снова вспомнил гобелен с изображением Эдема...

Как же сбежать?

Он был невидим, неосязаем и нем для людей. Никто не мог увидеть или услышать его, равно как и почувствовать его прикосновение. За исключением всяких волшебных созданий. Более того, он задохнется, стоит ему только покинуть озеро.

Стоп! Вудли ухватился за последнюю мысль. Люди могут дышать под водой в водолазных костюмах. Веро-

ятно, Вудли сможет жить на поверхности, если будет постоянно дышать водой.

О водолазном костюме нечего и думать. Но ведь достаточно же постоянно носить с собой миску с водой! При этой мысли Вудли едва не улыбнулся, но вовремя спохватился.

В здешней гористой местности мало ручьев, вернее, всего один, который впадает в озеро. Но... Вудли не собирался всю оставшуюся жизнь дышать водой, это попросту неудобно.

И Вивиана будет преследовать его. Она умеет летать...

Вудли напряг память. Неужели в легенде об Артуре не было ничего, что могло бы ему помочь? У него родилась смутная догадка... Мерлин!

Впав в детство, Мерлин влюбился в Вивиану и преследовал ее по всей Британии. В конце концов девушка, устав от дряхлого любовника, выведала у него заклинание и с его помощью заточила волшебника в стволе дуба. Если бы найти Мерлина...

— О боже! — воскликнул Вудли и резко выпрямился.— У... о... ничего, любимая. Меня кто-то укусил.

— Бедненький,— сказала Вивиана, крепче прижимаясь к нему.— После схватки с этой противной ундиной... Так вот, как я уже сказала, рыцарь спустился с башни и спрятался в крепостном рву...

Вудли стал вспоминать, что с ним произошло перед встречей с Вивианой — пещеру в корнях дуба, где кто-то дал ему пинка под зад. А вскоре после этого Вивиана сказала, что он пахнет, как Мерлин.

Конечно! Мерлин заточен в том дереве!

И, без сомнения, он очень зол на Вивиану. Вудли вспомнил, что у Мэлори Мерлин и Фея Моргана были злейшими врагами. Побеждал обычно Мерлин.

Если Вудли удастся освободить волшебника, тот из благодарности наверняка поможет ему. Мерлину определенно по силам снять с Вудли заклятие, сделать так, чтобы он снова мог дышать воздухом, и защитить его

от Морганы и Вивианы. Конечно, проторчать в дубе несколько веков... ха!

Все было логично. Оставалось только узнать заклинание, которое освободит Мерлина.

В этом может помочь Блэз.

— Дорогая,— вдруг сказал Вудли,— а что стало с одеждой, в которой я был, когда попал сюда?

— Зачем она тебе? — Вивиана посмотрела на него с подозрением.

— Мне нужны сигареты.

Вудли объяснил ей, что такое табак. Девушка кивнула.

— Конечно, Моргана может сделать его при помощи магии, но на поиски нужного заклинания потребуется время. Твою одежду сейчас принесут. Нурмала!

Полупрозрачная девушка возникла из-за портьеры, выслушала поручение Вивианы, ушла и скоро вернулась с военной формой Вудли. Он порылся в карманах и нашел сигареты, которые волшебным образом оказались сухими. Конечно, курить под водой невозможно, но... Вудли выпустил дым кольцами.

— Дорогая, не хочешь попробовать? — коварно предложил Вудли.

Под его руководством девушка познакомилась с табаком поближе. Через десять минут ее лицо прибрело синеватый оттенок, и она, прервав рассказ о Гвиневере и Борре, выбежала из зала. Назад она не вернулась.

Дрожа от возбуждения, Вудли нашел в кармане кителя флягу. Она была полна почти наполовину!

Он направился к комнате Блэза. По пути он прихватил глазурованную глиняную миску и оставил ее рядом с дверью в комнату друида.

— Можно войти?

— Ик!

Вудли решил считать ответ положительным. Войдя, он увидел, что Блэз склонился над ретортой и снимает пробу с очередного кувшина.

— Сточная вода! — заверещал Блэз.— Помои! Кашка для сосунков! Я столько времени потратил на заклинание, что не сомневался — в этом пойле будет градусов двадцать. Да раздробит Сатана все мои кости! Нет! — добавил он торопливо.— Беру свои слова назад!

— Попробуй это,— предложил Вудли, протягивая ему флягу.— Вылетело из головы, что она у меня сохранилась.

Глаза Блэза, полускрытые вуалью плавучей бороды, сверкнули, его костлявая рука метнулась к фляге.

— Выпивка с суши? Монсеньор Артур, я тебя обожаю! Вино? Эль?

— Бренди. Попробуй.

Блэз сделал глоток. Потом опустил флягу, запрокинул голову и зачмокал губами. Из его горла вырвался блаженный мурлыкающий стон.

— Бренди,— с наслаждением произнес друид. Открыв глаза, он алчно уставился на флягу.— Я напьюсь! Напьюсь впервые за много веков!

— Нет,— сказал Вудли, отбирая у него бренди.— Извини. Больше не получишь.

— Но...— У Блэза отвисла челюсть.— Монсеньор Вудли! Ты, верно, шутишь!

— Отнюдь нет,— мрачно произнес Вудли.

— Подожди,— торопливо произнес Блэз, глотая слюнки.— Я сделаю тебе вино! Медовуху. Эль. Сколько угодно! Я дам тебе все, что хочешь!

Вудли ждал. Наконец он решил, что Блэз дошел до нужной кондиции.

— О'кей,— сказал он.— Я оставлю тебе бренди. Но хочу получить кое-что взамен. Ты должен сказать мне одно заклинание.

— Заклинание, которое позволит подводному жителю дышать воздухом? — хитро прищурился Блэз.— Хорошо.

— Нет,— резко оборвал его Вудли, убирая флягу.— Ты говорил, что не знаешь этого заклинания. Прекрати увиливать.

— Ладно,— хмуро произнес Блэз.— Что тебе нужно?

— Мерлин знает... знал заклинание мокрой магии?

— Да, знал. Мерлин был моим учеником, но он намного превзошел своего учителя. А что?

Вудли облегченно вздохнул.

— Ничего. Ты знаешь заклинание, способное освободить человека, заточенного в ствол дуба?

Блэз долго молчал. Потом подскочил к столу, схватил стоявший на нем кувшин и жадно сделал несколько глотков. Грязно выругавшись, он расколотил посудину об пол.

— Помои! — закричал он.— Я не могу пить эту гадость вечно! Заклинание дуба? Дуб — дерево друидов. Конечно знаю.

— Тогда скажи мне его,— предложил Вудли.— Взамен получишь бренди.

Жадность восторжествовала. Блэз открыл ему заклинание.

— Оно правильное?

— Конечно. Ик! Давай сюда бренди!

— Поклянись... Мидиром.

— Клянусь Мидиром,— сердито произнес Блэз.— Ты дурак, монсеньор Артур. Впрочем, поступай как знаешь. Если Моргана убьет меня, по крайней мере, помру пьяным.

Он глотнул бренди. Вудли повернулся, чтобы уйти.

Его остановил голос друида:

— Подожди. У меня возникла одна мысль.

Блэз тряс косматой бородой и часто мигал водянистыми глазами.

— Это бренди прочистило мой разум. Странно. Я столько времени провел в полупьяном состоянии... Минуту.

Он снова выпил.

Вудли не хотел ждать, памятуя о том, что скоро ему придется предстать перед Морганой, но друид вцепился в него костлявой рукой и посмотрел прямо в глаза уже затуманивающимся взором.

— Артур... мне следовало подумать об этом раньше. Когда увидел тебя вчера с ундиной... Да, похоже, с годами я совсем потерял разум. Но теперь я все вспомнил.— Он еще крепче сжал руку Вудли.— Ты должен выслушать меня. Это очень важно. Может быть, потому что ты не понравился Моргане, а еще потому, что тебя зовут Артур. Выслушай меня! Помнишь, я говорил тебе о том, что историю можно переписать, что время изменчиво?

— Да. Ну и что?

— Сильные персонажи направляют перо автора и изменяют само повествование. Арториус Британский сделал это. Он был всего лишь вождем маленького племени, но он был сильным и храбрым. Таким сильным, что взял на себя более значительную роль, чем та, что была уготована ему изначально. Так он изменил историю. Этот мелкий вождь взял в руки Экскалибур и создал легенду. Став Артуром Пендрагоном, он спас Англию от сил тьмы.

Вудли нетерпеливо посмотрел на дверь — время поджимало.

— Ну и что?

— На гробнице Артура начертаны слова: «Король былого и грядущего». Существует легенда, что Артур вернется, когда Англия будет в опасности, вернется, чтобы снова спасти ее. Неужели этот день настал?

— Тогда...— Вудли облизал губы и уставился на Блэза.

— Выслушай меня! — Костлявые пальцы друида впились в руку Вудли, словно хищные когти.— Любой человек может стать Артуром, если он достаточно силен, чтобы направлять перо автора. Любой человек может стать Артуром, если посмеет взять в руку Экскалибур. А тебя зовут... Твоя жизнь, может быть, не отличалась величием до этого момента. Это не имеет значения. Арториус не был великим, пока не взял в руки Экскалибур. Ты знаешь, почему я здесь? Почему Моргана держит меня в заточении?

— Почему?

— Я — хранитель Экскалибура,— сказал Блэз.— Когда Мерлин исчез, его обязанности перешли ко мне. Артур покоится на острове Авалон. Но предсказание гласит, что, когда для Англии настанет час испытаний, он вернется и я должен буду передать ему Экскалибур. Я пытался найти Пендрагона,— тихим голосом продолжил друид.— Я забыл, что когда-то Пендрагон был простым Арториусом. Теперь этот час наступил. Ты не случайно оказался под озером. Экскалибур лежит здесь, достаточно только взять его. С ним ты можешь стать Артуром.

У Вудли загорелись глаза.

— Блэз...— начал он, но умолк и прикусил губу.— А Моргана?

— С Экскалибуром в руках ты сможешь победить ее, и не только ее. Человек, у которого в руке Разрубающий Сталь, спасет Англию!

— Почему же ты сам не воспользовался им, чтобы победить Моргану? — спросил Вудли.

— Я его хранитель, единственный человек на земле, который не может к нему прикоснуться.

Голос Блэза был проникнут глубокой печалью. Друид и сам понимал, как нелепо он выглядит в своем замызганном плаще, заявляя о том, что он такая значительная фигура...

— Я знаю, о чем ты думаешь,— сказал друид.— О бегстве и безопасности. Но это неверный путь. Экскалибур ждет, чтобы ты взял его. Я видел знамения и полагаю, час наступил. Помни, любой человек может стать Артуром. Если у него достанет отваги взять в руки меч и взмахнуть им. Артур обладал такой отвагой, а вот сын Моргаузы Гавейн — нет. Разрубающий Сталь был предложен ему первому, но он испугался. А теперь...

— Я... возможно, я мог бы стать Артуром,— очень тихо сказал Вудли.

— Тебе под силу изменить прошлое, настоящее и будущее. Тот, у кого достанет силы и отваги, может переписать историю. И не важно, какой была твоя жизнь раньше. Если ты возьмешь Экскалибур, твое прошлое будет... пересмотрено.

Вудли долго молчал. Он вспомнил, как лежал в его ладони эфес меча, как странное восхитительное чувство охватило его, когда они скрестили клинки с Богартом. Держать в руке Экскалибур...

Быть Артуром!

— Ты можешь стать этим человеком,— гнул свое Блэз.— Ты победил ундину. Я должен был сразу догадаться, что ты — тот, кого я так долго ждал.

Но Вудли не сражался с ундиной. Под ложечкой у него опять заворочался ледяной червяк.

— А если я возьму... Экскалибур, что я должен сделать?

Тщедушное тело Блэза тряслось от возбуждения.

— Ты поймешь. Сначала убей Моргану. Потом твоя звезда укажет тебе путь.

Убить Моргану?

Почему-то меч, пусть даже сам Экскалибур, казался Вудли жалким оружием против ужаса, который таился во взгляде чародейки. Возможно, как раз в эту минуты она разделывается с Богартом и предвкушает встречу с новой жертвой...

А если Вудли возьмет Экскалибур, но не сможет победить Моргану? А если сражаться волшебным мечом окажется ему не по плечу? В конце концов, ундину ведь убил не он. Он положился на хитрость, которая порой оказывается вернее, чем отвага.

Если бы у Вудли не было иного пути, он сразился бы с Морганой и сделал все, чтобы ее победить. По крайней мере, ему хотелось в это верить. Но другой путь был, причем гораздо менее рискованный.

А еще — он не был Артуром!

Впрочем, трусом он тоже не был. Но предложение Блэза было чистой воды авантюрой. И почему он, Вудли, должен в ней участвовать? Зачем ставить на карту свою жизнь? Заточенный в дубе Мерлин сохранил свою магическую силу и наверняка может померяться ею с Феей Морганой. Вот он — логичный, менее опасный и куда менее рискованный путь.

И все же предложение Блэза было весьма соблазнительным. Экскалибур! Взять в руки легендарный меч! При одной мысли об этом у Вудли на миг закружилась голова. С волшебным мечом не страшна даже царица воздуха и тьмы!

Но вот незадача — все это только при условии, что он сможет взять в руки Разрубающий Сталь. А вдруг он окажется не тем человеком? Сам он определенно не чувствовал себя Артуром Пендрагоном. Попав не в те руки, Экскалибур окажется бессильным или даже хуже... Что, если неподходящий человек не сможет даже поднять его? У Вудли побежали мурашки по спине, когда он представил, как будет стоять перед Морганой с бесполезной железкой в руках.

Нет, риск был слишком велик. Предложение заманчивое, но Вудли понимал: если он его примет, пути к бегству будут отрезаны. А уверенности, что меч сможет защитить его, у него не было. Не стоит ставить на кон так много. Зато план с освобождением Мерлина сулил хорошие шансы на спасение.

Друид наклонился к Вудли, сверкая глазами.

— Экскалибур спрятан в таком месте, куда посмеет войти только Артур. Позволь мне проводить тебя к нему.

Вудли сделал глубокий вдох.

— Блэз,— сказал он. Голос его предательски дрогнул.— Думаю, у меня есть идея получше. По крайней мере, я хочу рискнуть. Если не получится, вернусь, чтобы сразиться с Морганой.

Друид сник, отчего, казалось, стал еще меньше. Он выпустил руку Вудли и отошел на шаг.

— Гавейн,— сказал он.— Экскалибур не предлагают дважды.

— Но я сражусь с Морганой, если придется. Только...

Ответом ему была гробовая тишина. Вудли почувствовал себя так, словно провалил какой-то важный экзамен. Он повернулся и направился к двери, оставив Блэза допивать бренди.

Минуту назад старик имел на удивление величественный вид — как ни странно, но от бренди он протрезвел или, по крайней мере, сделался менее пьяным, чем обычно. Впрочем, теперь друид снова превратился в грязного старикашку, плечи его безвольно поникли.

— Прощай, дурак,— сказал Блэз.— Ик!

Вудли кивнул, вышел за портьеру и, подобрав с пола глиняную миску, отправился на поиски двери, через которую они с Блэзом вчера вошли в замок. Предложение старого друида никак не шло у него из головы. Он почти жалел о принятом решении.

Но сейчас важнее было не попасться на глаза никому из обитателей замка. А если он столкнется с Вивианой? Или даже с самой Морганой? Однако ему повезло: он не встретил даже наяды и через десять минут уже шел по дну озера.

Мимо проплывали рыбы. Вудли упорно шагал вперед, и скоро его голова показалась на поверхности.

Что ж, он принял решение, и теперь оставалось лишь надеяться, что оно окажется правильным. Проверить можно было только одним способом...

Вудли наполнил миску водой и, когда захотел сделать вдох, погрузил в нее лицо. Получилось.

Повторив процедуру раз пять, он удостоверился, что не задохнется, и направился к берегу. В нескольких сотнях шагов виднелось ущелье, по которому тек ручей.

Приблизившись, Вудли обнаружил, что берега здесь, конечно, крутые, но вполне преодолимые.

Он оглянулся. За его спиной сверкала серебром под полуденным солнцем гладь озера. Что это? У него бешено заколотилось сердце. Что-то поднималось из глубин... Неужели?..

Слава богу, это оказалась всего лишь рыба. Но пережитой страх напомнил Вудли о том, что следует поторопиться. Он машинально вдохнул воздух и долго кашлял и отплевывался, опустив лицо в воду. Отдышавшись, он направился к ущелью.

Поднимался он быстро. Идти пришлось недолго, с полмили или даже меньше, пока он не дошел до места, где впервые встретился с Вивианой. До дуба оставалось всего несколько сотен ярдов.

Что-то заставило его поднять взгляд. Высоко над головой, в стороне озера, в небе парила птица. Нет, не птица — Вивиана!

— О боже! — охнул Вудли и спрятался под выступом скалы.

Когда он осмелился высунуться, Вивианы не было видно. Если ему повезло, она не заметила свою жертву.

В любом случае Моргана, видимо, еще ни о чем не знает. Уже неплохо. Вудли поспешил дальше по ущелью. Дышать становилось все труднее. Вскоре вода в миске уже не насыщала легкие, и ему пришлось набрать новой из ручья. Наконец он увидел дуб.

Таким он и запомнил это старое дерево с небольшой пещерой между корнями. Вот где заточен Мерлин!

Теперь за дело. Вудли еще раз наполнил миску свежей водой, поднялся по склону и осторожно подошел к дубу. Вивианы пока нигде не было видно.

Кожа за время пути высохла и стала горячей. Вудли хотелось погрузиться в воду, но ручей был слишком мелок, да и время поджимало. Пора было использовать заклинание, которое выдал Блэз...

Вудли сорвал семь дубовых листьев и положил их в ряд перед дубом. Потом опустил лицо в миску, сделал глубокий вдох и поднял голову. Итак...

Вся кожа горела огнем. Вудли понимал, что должен вернуться в воду, иначе он сморщится, как выброшенная на берег медуза.

Заклинание было довольно коротким. Он прочитал его, отчетливо произнося каждое слово.

Прогремел гром, ударила молния, и ствол дуба с оглушительным треском раскололся.

Вудли на мгновение испугался, что шум может привлечь внимание Вивианы.

Ствол дуба оказался полым, из него вышел человек.

Это был Мерлин Амброзий собственной персоной — высокий осанистый мужчина с орлиным носом и длинной седой бородой. Он здорово смахивал на профессора истории, впечатление портил только коричневый плащ с капюшоном.

— Мерлин! — облегченно воскликнул Вудли и сразу же опустил лицо в миску.

Теперь он не боялся Вивианы! Мерлин был свободен!

— Ну и ну,— проворчал волшебник.— Ты ведь не Артур? Конечно нет, сам вижу. Почему люди постоянно суют нос не в свои дела? Тебе что, больше нечем заняться?

— Я... я освободил тебя из дуба, в который тебя заточила Вивиана,— обескураженно попытался объяснить-ся Вудли.

Мерлин воздел руки.

— Откуда, скажи на милость, у тебя возникла такая дурацкая идея? Наслушался рассказов Вивианы? Разумеется, она не хочет, чтобы кто-нибудь узнал правду. Клянусь Мидиром! Уже много веков она пытается найти этот дуб, пытается отыскать меня, с тех пор как я от нее спрятался.

— Так вы... спрятались сами?

— Полагаю, ты уже познакомился с Вивианой,— сказал Мерлин. Видно было, что он кипит от злости, но пока

сдерживается.— Прелестная девушка. Просто очаровательная. Только трещит как сорока. Сплетни, сплетни, сплетни, утром, днем и вечером, даже по воскресеньям! Она преследовала меня по всей Британии, я никак не мог от нее отделаться. Как она любила меня! И как она болтала! Я потерял способность здраво мыслить. Каждый раз, когда я пытался придумать какое-нибудь заклинание, она начинала болтать о какой-нибудь интрижке между герцогом Таким-то и госпожой Сякой-то. О нет! — воскликнул Мерлин.— Вивиана не заточала меня в этот дуб, я сам в нем спрятался и с тех пор чудесно провожу время, за исключением тех случаев, когда поблизости появляется эта девица. Я сплю, когда хочу, а в остальное время занимаюсь столь любезной моему сердцу магией. И лишь одно меня тревожило — страх, что когда-нибудь эта прекрасная безмозглая болтливая сорока найдет меня и снова превратит мою жизнь в ад.

Но нет,— твердо заявил Мерлин.— Я придумал новое заклинание, которое невозможно обратить вспять. «Somnus eternatis» — вот как оно начинается, и я воспользуюсь им, чтобы снова спрятаться в дубе. И тогда сам дьявол не сможет вытащить меня отсюда. Давно нужно было так поступить, но я думал, что несколько веков не имеют большого значения.

— Но как же!..— воскликнул Вудли, который то опускал лицо в миску, то смотрел на Мерлина.— Неужели вы мне не поможете?

— Я помогу тебе,— проворчал волшебник.— Это совсем просто. Я сниму с тебя заклятие мокрой магии и защищу от Вивианы и Морганы — тебе ведь это нужно? Мне не потребуется много времени. А потом я удалюсь в свое любимое дерево и запрусь снаружи и изнутри. Я никогда не смогу выйти, и никто никогда не сможет ко мне войти. Артуру, когда он появится, я все равно не понадоблюсь. У него есть Экскалибур.

Что-то засвистело в воздухе за спиной Вудли. Он обернулся и увидел летящую к нему Вивиану, чьи волосы

развевались на ветру,— значит, раскат грома все-таки привлек ее!

— Монсеньор Артур! — кричала она.— Вот вы где!

Мерлин уныло застонал и шагнул обратно в дуб. Затем быстро и громко заговорил:

— Somnus eternatis...

— Мерлин! — пронзительно взвизгнула Вивиана, заметив его.— О, возлюбленный мой Мерлин! Наконец-то!

Она пролетела мимо Вудли, выбив миску у него из рук. Мерлин отчаянно пытался закончить заклинание. Но Вивиана уже подлетела к нему, обвила руками шею отчаянно отбивавшегося волшебника и принялась покрывать страстными поцелуями его небритые щеки.

Сверкнула молния, прогремел гром, и ствол дуба захлопнулся, как двухстворчатая дверь. Вудли уставился на дерево, уже привычно задержав дыхание. Мерлин и Вивиана исчезли.

Миска, к счастью, при падении не разбилась. Подобрав ее, он бросился к ручью набрать воды. Все тело горело, и он принялся обливаться. Затем, наполнив миску водой, поднялся к дубу и сорвал семь листьев.

Он повторил заклинание Блэза, но ничего не произошло. Он повторял его снова и снова, шесть раз подряд. Никакого эффекта. Мерлин и Вивиана оказались заточены внутри дуба.

Вудли вернулся к ручью и сел в неглубокий омут, иногда опуская голову в воду, чтобы набрать в легкие воды. Мучительно болели все участки тела, оставшиеся на поверхности. Ему хотелось погрузиться в ручей с головой, но омут был слишком мелким, и Вудли мог только поливать себя водой из миски. Это не слишком помогало.

Если бы Мерлин успел снять с него заклятие мокрой магии, если бы Вивиана прилетела чуть позже...

Вудли кусал губы. Если бы кто-нибудь мог помочь ему...

Если бы он согласился с Блэзом и взял Экскалибур...

Помощи ждать было неоткуда. Вудли знал, что должен все время находиться рядом с водой, чтобы наполнять миску. Можно было бы насыщать воду в миске кислородом при помощи тростинки, но он все равно не мог долго оставаться на суше. Воздух и солнце были для него губительны, как для медузы.

Вот бы найти глубокий омут...

Но таких омутов здесь не было. Мелкий ручей стремительно несся по ущелью. Вудли мог выжить только в озере.

«Нет,— подумал он.— Я останусь здесь. Смерть будет менее мучительной. Богарт...»

Но плоть слаба. С каждой минутой боль становилась все сильнее. Наконец она стала нестерпимой.

Выхода не было. Он должен вернуться в озеро. К Фее Моргане.

Вудли начал спускаться по ущелью. В конце концов, он может и не возвращаться в замок. Может спрятаться где-нибудь под водой, где Моргана его не найдет...

Он дошел до конца ущелья и стал погружаться в воду.

И тут перед его глазами возникло видение. Ему показалось, что из глади озера появилась рука в рукаве из тяжелого шелка. Рука сжимала меч, его клинок ослепительно сверкал на солнце...

Потом она исчезла. Вудли пошел дальше. Всего лишь галлюцинация.

Больше ничего необычного он не видел.

В прохладной воде кожа перестала гореть. Вудли лег на дно, с наслаждением чувствуя, как проходит мучительная боль в горле и легких. Он долго лежал без движения, отрешившись от всего вокруг. Ему необходимо было просто расслабиться.

Становилось темнее. Солнце скрылось за вершинами гор. Любопытная форель пощипала Вудли за волосы, но метнулась прочь, стоило ему пошевелиться.

Мерлин... Блэз... Не следовало рассчитывать на их помощь. Нужно найти укрытие. Может быть, пещера в Качающейся скале? Возможно, Моргана не найдет его там...

Кожа совсем перестала гореть. Вудли медленно встал и направился вниз по дну озера. Его окружал зеленоватый полумрак.

И вдруг он заметил под ногами какое-то движение. Что-то шевелилось на дне...

От потрясения Вудли не сразу поверил своим глазам. Ему стало дурно. Тошнотворен был не сам вид этой... твари, а то, что она, несомненно, еще недавно была сэром Богартом.

И тварь была живой. До некоторой степени.

Шахматная партия Морганы завершилась.

Вудли плотно зажмурил глаза и попытался утихомирить желудок, взбунтовавшийся при виде того, что сделала с Богартом колдунья.

Так, стоя с закрытыми глазами, он услышал:

— Сейчас она играет в шахматы с Блэзом.

Вудли попытался что-то сказать, но не смог. Тварь, которая вроде бы не могла иметь голоса, меж тем гнусаво говорила:

— Она не смела убить его прежде, потому что он хранил Экскалибур для Артура. Но теперь час возвращения Артура миновал и бояться ей больше нечего — так она сказала, прежде чем убить меня.

Больше существо не проронило ни слова, потому что рассыпалось в прах.

Вудли открыл глаза. Зеленый полумрак сгустился, уже почти ничего невозможно было разглядеть, кроме далекого темного силуэта — замка Морганы. Справа виднелось другое темное пятно — вероятно, Качающаяся скала.

Там можно спрятаться...

Нет. Моргана найдет его. Вудли едва не пошел назад по собственным следам, но вспомнил, какие муки испы-

тал на суше, и остановился. Во второй раз ему этого не выдержать.

И все же лучше муки, чем партия в шахматы с Морганой. Теперь-то Вудли понял, что скрывалось за этим эвфемизмом. Бедняга Блэз!

Вудли попытался выкинуть подобные мысли и воспоминания о Богарте из головы. Он знал, как должен поступить. Был только один выход. Решение всех проблем — удар острой сталью в сердце. Это станет точкой в длинной череде его ошибок.

Вудли опустил руку к поясу, но меча не нашел. Ну конечно, он же оставил клинок в своей комнате после поединка с ундиной!.. Ладно, значит, кинжал.

Кинжала тоже не было. Вудли был безоружен.

Снова накатила мучительная тошнота. Если он не убьет себя, то разделит участь Богарта. Нет, только не это. Уже в который раз Вудли оглянулся назад, туда, где остался берег.

Но покинуть озеро означало умереть в муках. Вудли твердо решил, что найдет другой способ покончить с собой, даже если придется вернуться в замок...

В итоге он так и сделал. Иного выхода не было. Здесь, в озере, оружие можно найти только в цитадели Морганы. Как попасть в замок, Вудли знал — Блэз показал ему. Вудли утешал себя мыслью, что случайная встреча с Морганой ему вряд ли грозит — чародейка сейчас слишком занята.

Тем не менее он старался держаться в тени, когда крадучись пробирался по коридору к своей комнате. Казалось, странная тьма опустилась на замок. Слабый, льющийся ниоткуда свет стал совсем тусклым. В замке царила полная тишина.

По пути Вудли не встретил никого, даже Нурмалы. Но оружия в комнате не оказалось. Его куда-то унесли.

Арсенал?

Вудли шел по замку, и с каждым шагом страх все сильнее сжимал его сердце. Что-то таилось в темноте, постоянно наблюдало за ним. И не давала покоя мысль о том, что где-то рядом Моргана играет в шахматы с Блэзом.

Блэз... Богарт... Моргана!

В конце коридора Вудли увидел приоткрытую дверь, за которой поблескивала сталь. Арсенал! Вудли бросился туда, но на полпути замер как вкопанный, разглядев вышивку на белой портьере, которая закрывала проход в одну из соседних комнат: свернувшаяся змея с угрожающе поднятой головой и золотой звездой над ней. Там, за портьерой, были покои Морганы.

Не помня себя от страха, Вудли на цыпочках прокрался мимо, прошмыгнул в арсенал и наугад схватил меч. Самый обычный клинок, но достаточно острый. Не Экскалибур, конечно, подумал Вудли с горькой усмешкой.

Смерть будет быстрой и чистой. Может быть, лучше использовать кинжал. Вудли взял и его.

Но пальцы не хотели выпускать меч. Вудли почти забыл, какое это удовольствие — держать в руках клинок. Оружие словно стало продолжением его руки, и это чувство наполняло его энергией и решимостью, придавало сил. Никогда прежде он не испытывал ничего подобного.

Взглянув на кинжал, Вудли сунул его за пояс, потом взвесил на руке меч, внимательно осмотрел его.

Жаль, это не Экскалибур. Никогда ему не держать в руке Рубящий Сталь. Никогда не победить Моргану, даже не вызвать ее на бой...

Выражение лица Вудли изменилось, рука крепче сжала меч. Он вспомнил, как совсем недавно сказал Блэзу: «Думаю, у меня есть идея получше. По крайней мере, я хочу рискнуть. Если не получится, вернусь, чтобы сразиться с Морганой».

Сразиться с ней? Без Экскалибура? Даже мысль об этом казалось нелепой. Тем не менее в сердце Вудли

медленно набирала силу незнакомая, не испытанная еще ярость.

С самого начала Моргана делала что хотела. Все боялись ее. Под защитой своей черной магии она творила все, что заблагорассудится, безжалостно растаптывая тех, кто оказывался на ее пути. Возможно, она немного опасалась, что Артур может вернуться и уничтожить ее. Но сейчас эта угроза исчезла, и Моргана почувствовала себя увереннее — и ее можно понять.

Никто не смел противостоять ей. Мысль о торжестве Морганы вдруг стала для Вудли невыносимой. Моргана даже не удосужилась найти и умертвить его. Знала, что он приползет назад или убьет себя, и ей не придется тратить силы даже на то, чтобы уничтожить его... раздавить, как муху.

Блэз... Богарт... То, во что превратился Богарт...

Почему дверь в арсенал была открыта? Неужели Моргана догадалась о намерениях Вудли?

От гнева кровь бросилась ему в лицо. Будь она проклята! Да, он не выдержал испытания. Хорошо. Пусть. Он должен умереть, спасения нет. Но, по крайней мере, он сделает так, чтобы Моргана потрудилась убить его сама!

Пылая гневом, Вудли развернулся и зашагал по коридору обратно. У задернутой белой портьерой двери он мгновение помедлил, потом отбросил ткань в сторону и шагнул через порог.

За дверью оказалась пустая комната. Дальняя ее стена была не совсем стеной. Вудли показалось, что она представляла собой сплошной, от потолка до пола, занавес из черной паутины. Или этот занавес был соткан из неосязаемой, переменчивой тьмы, из мрачных чар Морганы?

Будь она проклята!

Вудли решительно двинулся вперед. Из-за занавеса вышли два рыцаря в доспехах, их лица были скрыты забралами. В зловещей тишине рыцари подняли мечи.

Вудли усмехнулся. Ему пришлось скрестить меч с сэром Богартом, и он не собирался дать заколоть себя, как свинью. Моргане придется потрудиться, чтобы убить его.

Он не стал ждать атаки, а сам побежал вперед, легко, как кошка, и сделал обманный выпад в сторону одного из рыцарей. Ничем не обоснованная уверенность наполняла его благодаря ощущению меча в руке. Должно быть, давным-давно так чувствовал себя Артур, когда брал в руки Рубящий Сталь. Рыцарь попытался обрушить на него свой клинок, но Вудли, которому не мешали доспехи, отскочил в сторону и нанес удар. Острие его меча скользнуло в прорези забрала рыцаря и застряло, наткнувшись на кость.

Второй рыцарь взмахнул клинком... Времени вытаскивать свой меч у Вудли не было, а оружие поверженного рыцаря, упав на пол, рассыпалось в пыль. Вудли почувствовал резкую боль в руке. Он метнулся вперед, прижался к холодной твердой стали доспехов и нашарил рукоять кинжала за поясом. Его нога словно по собственной воле сделала подсечку, и оба противника рухнули на пол. Оглушительно загремели рыцарские латы.

Кинжал Вудли заскрежетал по стали и нащупал самое уязвимое место панциря — под мышкой. Панцирь подвел своего хозяина. Острое лезвие вонзилось в плоть, и еще раз, и еще...

Выхватив меч из руки умирающего рыцаря, Вудли вскочил на ноги. Из-за темного занавеса паутины появилась, сворачиваясь блестящими кольцами, змея. Сверкающая точка танцевала над ее головой. Эмблема Морганы и ее ближайший друг.

Вудли не стал ждать, пока огромные кольца задушат его — их вполне можно было разрубить мечом. Густая кровь ручьем полилась из раны в змеином боку, но тварь

уже бросилась в атаку, ее гигантское тело обвилось вокруг Вудли. Он стал рубить вслепую.

Плиты пола были скользкими от крови, когда он встал на ноги и сбросил с себя потерявшие силу кольца змеи. Звезда над головой твари погасла.

На нетвердых ногах Вудли двинулся навстречу хохочущему кроваво-красному чудовищу, которое отдаленно напоминало человека. После поединка монстр стал еще более кровавым, но уже не смеялся.

Больше из-за занавеса никто не вышел.

За ним были видны лишь тусклый красный свет и какие-то неясные силуэты. Отбросив занавес, Вудли увидел в багровом сумраке Моргану — чародейка поднималась из-за стола. Напротив нее сидел Блэз. Увидев Вудли, он поднял голову и недоверчиво уставился на него. Друид был бледен, однако на первый взгляд невредим. И все же он не произнес ни слова.

Моргана обратила свой ужасный взгляд на непрошеного гостя. Взгляд Вудли, как всегда, скользнул в сторону. Он не мог посмотреть ей в глаза, но заметил, что прекрасное нездешней красотой лицо осталось совершенно бесстрашным. Она не была напугана. Ей нечего было бояться. Никто и ничто не могло причинить ей вреда...

Держа меч наготове, Вудли двинулся через полутемную комнату. Моргана взмахнула рукой, и его клинок рассыпался в пыль. Вудли тупо посмотрел на опустевшую ладонь, и снова ярость вытеснила боль и отчаяние из его души. Выхватив кинжал, он бросился вперед.

Моргана воздела руку, и кинжал обратился в прах.

Оставшись безоружным, Вудли смотрел на Моргану сквозь вихри багровых теней. Но уверенность, которую вселил в него меч, не покидала его. Страха не было. Отвага и сила Вудли не исчезли вместе с клинком.

Он сделал широкий шаг вперед. Моргана вспыхнула ослепительным белым светом, вся комната засияла вместе с ней. Вудли смотрел на бледный свет, мерцающий

на ее горле, и пальцы его скрючились, словно когти. Он заставил себя сделать еще один шаг.

Он наткнулся коленом на что-то громоздкое и опустил взгляд. Это оказалась каменная наковальня, из камня торчал погруженный туда едва ли не по рукоять меч.

Оружие! Оружие против Морганы! Не задумываясь, Вудли схватился за меч, его пальцы любовно сомкнулись на украшенном драгоценными камнями эфесе. Помедлив мгновение, клинок плавно выскользнул из камня. Эфес подрагивал в ладони, словно живой.

И когда Вудли воздел меч над головой, ему показалось, что он поднял пылающий факел.

Новый хозяин Экскалибура замер, щурясь от испускаемого мечом ослепительного света и чувствуя, как сила, бежавшая когда-то по жилам Артура Пендрагона, наполняет его тело. Бледное сияние Рубящего Сталь обратило в бегство клубившиеся в комнате тени. Блэз сполз со стула, пал на колени и склонил голову перед священным огнем.

Тишина была полной.

И вдруг раздался голос Морганы:

— Мой заклятый враг, ты снова явился ко мне. Сейчас моя магия бессильна перед тобой. Озеро перестало быть твоей темницей. Твоя звезда взошла. Великий меч Экскалибур вновь обнажен во имя Англии, и никому не будет от него пощады.— Ее голос стал низким, наполнился жаждой отмщения.— Но тебе не удастся насладиться триумфом, Артур, враг мой! Прикосновение эфеса Экскалибура не менее смертельно, чем прикосновение его острия. В тот день, когда все победы будут одержаны, ты умрешь.

Меч пламенел живительным светом. Человек, сжимавший его в руке, ответил не сразу.

— Да,— сказал он очень тихо.— Но ты умрешь сейчас.

И сделал шаг вперед.

ЧТО ОВЛАДЕЛО МНОЙ?

/1/

Бегущий по темному лесу человек дышал часто и тяжело, его легкие при каждом вздохе взрывались болью. Бежать приходилось по сплошному переплетению поваленных молодых деревьев, и он не раз падал, оступившись на скользком подгнившем стволе, но тут же вскакивал на ноги.

На то, чтобы закричать, не хватало дыхания, и человек лишь тихо всхлипывал на бегу, вглядываясь в темноту до рези в усталых глазах. Странные шорохи доносились сверху. Порой сплошной полог листвы на мгновение расступался, и тогда человек видел ослепительно яркие звезды на иссиня-черном небе. Оно было холодным и мрачным, и человек понимал, что находится не на Земле.

Они преследовали его даже здесь.

Приземистая желтая фигура с огромными глазами возникла на его пути — один из жителей болот Южной Венеры. Человек, размахнувшись, попытался нанести удар, но кулак попал в пустоту. Существо исчезло. Вместо него возник одноногий гигант-марсианин, разразившийся громоподобным смехом уроженца Красной зем-

---

© Перевод Н. Берденникова.

ли. Человек споткнулся, сделал несколько неуверенных шагов и рухнул на землю. Однако тут же услышал тяжелую поступь, все ближе и ближе. Собрав последние силы, он попытался встать. Но не смог.

Марсианин подбирался все ближе, но теперь это был вовсе не марсианин. К человеку медленно полз землянин с мерзким лицом дьявола. Из его низкого лба росли рога, огромные клыки торчали изо рта. Тварь приблизилась, протянула руки с крючковатыми, увенчанными острыми когтями пальцами и сомкнула их на горле человека.

По лесу разнесся низкий протяжный звон гонга. От этого звука призрак рассыпался, как стекло от удара молотком. Человек остался один.

Глухо, по-звериному, зарычав, он с трудом поднялся на ноги и бросился на звон. Однако усталость брала свое — вскоре человек упал и уже не смог подняться. Его руки какое-то время еще двигались, потом замерли и они. Он заснул, но и во сне его лицо оставалось застывшей маской страдания.

Он услышал голос, доносившийся из бескрайней дали, вернее, два голоса. Голоса были нечеловеческими. И в то же время в них чувствовалось теплое биение жизни, затрагивавшее потаенные струны в его душе.

— Он прошел наше испытание,— произнес один голос.

Второй, более звучный и низкий, ответил:

— Другие тоже проходили испытания, но асы сразили их.

— У нас нет иного выхода. Мне кажется, этот человек... отличается от других. Он способен ненавидеть... он уже испытывал это чувство.

— Одной ненависти недостаточно,— возразил более низкий голос.— Даже если мы поможем ему. Времени мало. Лиши его воспоминаний, чтобы они не могли ослабить его...

— Пусть боги помогут ему в борьбе.

— Но он борется с богами. Единственными богами, которые известны людям в это смутное время...

Человек проснулся.

Череп звенел, словно по нему колотили молотком. Человек открыл глаза и тут же поспешно закрыл их, чтобы спастись от падавшего сверху зловещего красного света. Он лежал неподвижно, собираясь с силами.

Что произошло?

Он не знал. Осознав это, он едва не поддался панике. К тому же он понял, что не имеет представления, где находится. Где он?!

«Я — Дерек Стюарт,— подумал он, пытаясь взять себя в руки.— По крайней мере, потеря памяти не полная. Я знаю, кто я, но не знаю, где я».

Он снова открыл глаза и увидел над головой огромное дерево с широкими листьями. Сквозь листву и ветви просматривалось черное звездное небо, очень далекий, опоясанный кольцами диск Сатурна и ярко-алое свечение.

Значит, он не на Земле. На спутнике Сатурна? Нет, тогда Сатурн закрывал бы бóльшую часть неба. Может, в поясе астероидов?

Он немного повернул голову и увидел красную луну.

Асы!

Мысль подействовала, как команда, отданная напрямую мышцам и уж потом поступившая в мозг. Стюарт отреагировал мгновенно, его сильное тренированное тело напряглось, перевернулось на живот, и в следующее мгновение он уже был на ногах, чуть присев, как перед прыжком, его рука метнулась к поясной кобуре, а глаза принялись всматриваться в окружавшую темноту леса. Не было слышно ни звука, не видно ни малейшего движения.

Стюарт нетерпеливо смахнул рукой выступившие на лбу капли пота. На загорелом лице появилось выражение безысходного отчаяния. Бластера при нем не было. Впрочем, это не имело значения. Оружие на Асгарде бесполезно.

Он понял все, едва увидел красную луну. Только у одной планеты в Солнечной системе есть красный спутник, и ни один человек еще не попадал на этот искусственный астероид по доброй воле. Люди оказывались здесь только для того, чтобы стать проклятыми и обреченными. От Венеры до Каллисто астронавты говорят об Асгарде боязливым шепотом,— на этом астероиде живут асы, правящие миром людей.

Ни один космический корабль никогда не стартовал с Асгарда, кроме обтекаемых черных кораблей, которыми управляют жрецы асов. Ни одному человеку не удалось вернуться с этого астероида.

Стюарт невесело усмехнулся. Жизнь многому научила его, вот только он так и не намотал на ус ее уроков. Он всегда был уверен, что сможет перепить любого, кто примерно одинакового с ним веса и роста. И тот тощий мужик с усталыми глазами, с которым он схлестнулся в «Поющей звезде» в Нью-Бостоне, при обычных обстоятельствах должен был вырубиться раньше Стюарта.

Значит, обстоятельства были не совсем обычными. Его подставили. Подставили красиво, ничего не скажешь, потому что он не вернется, чтобы отомстить. Никто еще не возвращался с Асгарда.

Стюарт поежился и настороженно огляделся. Конечно, об асах ходило много легенд. Как и о хранителях, которые непрестанно наблюдают за астероидом. Говорили, что они — роботы. И служат асам. Впрочем, люди тоже служат им. Все до единого.

Ни малейшего звука. Ни малейшего движения. Только зловещий красный свет.

Стюарт проверил одежду. Обычный костюм из летероида, в каких ходят все астронавты. Спасибо, хоть его оставили, кто бы они там ни были. Он не помнил ничего после пятого стакана, выпитого с человеком с усталыми глазами. Смутно припоминал, что бежал куда-то, видел каких-то странных существ, слышал два странных, не-

реальных голоса. Но стоило ему попробовать сосредоточиться, воспоминания мгновенно ускользали.

Ну и черт с ними. Он на Асгарде. А это, если верить легендам, означает, что его ожидает нечто более неприятное, чем смерть. Вполне логичное завершение неправедной жизни в эпоху всеобщего смирения и законопослушности.

Стюарт поднял с земли толстую ветку — сойдет в качестве дубинки. Пожав плечами, он стал пробираться сквозь лес на запад. Не было смысла сидеть на месте и ждать, когда появятся хранители. По крайней мере, он может драться, как дрался всегда, сколько себя помнил.

В последнее время такие бойцы, как он, были не в почете. По крайней мере, у асов. Конечно, в мире существовали страны и их президенты, но главы государств были лишь марионетками, которые безропотно подчинялись любым приказам, поступавшим с окутанного тайной астероида, болтавшегося на орбите рядом с Марсом,— крошечного искусственного мирка, который правил Солнечной системой уже несколько тысяч лет.

Асы. Бесчувственные таинственные создания, которые, если верить легендам, когда-то были людьми. Стюарт нахмурился, пытаясь вспомнить все, что знал о них.

Энтропический ускоритель, вот как называлась эта штука. То ли устройство, то ли метод, позволяющий невероятно ускорить эволюцию. Так было положено начало тирании. Машиной, которая могла ускорить развитие человека на миллионы лет...

Некоторые люди использовали ее и стали асами — существами, продвинувшимися в эволюционном развитии настолько, что даже отдаленно перестали напоминать людей. Многое просто растворилось в тумане прошлого. Однако Стюарт смог вспомнить, что асы когда-то были людьми, а потом перестали ими быть, и что уже

несколько тысяч лет они железной рукой правят Системой со своего «запретного» астероида, названного Асгардом в честь легендарного жилища скандинавских богов.

Возможно, человек с усталыми глазами был жрецом асов, охотником за жертвами. По крайней мере, никто другой не посмел бы посадить корабль на Асгарде.

Стюарт продолжил путь, разглядывая пустое небо. В нем против воли росло странное воодушевление: по крайней мере, перед смертью он узнает, кто такие эти асы. Скорее всего, он получит от этого не удовольствие, а удовлетворение. И это удовлетворение будет более полным, если ему удастся двинуть кулаком по физиономии какого-нибудь жреца — а лучше самого аса...

А почему бы и нет? Ему терять нечего. Он обречен, обречен с того самого мгновения, как его ноги коснулись поверхности Асгарда. Но в одном Стюарт был абсолютно уверен — он не позволит вести себя, как агнца на заклание. Он не умрет без борьбы.

Лес поредел. Стюарт заметил далеко впереди какое-то движение и замер, крепче сжав дубинку и напряженно вглядываясь в темноту.

Между стройными и гладкими, как колонны, стволами деревьев парило светящееся облако. Его очертания были четко видны на фоне лиловых теней. От облака во все стороны расходились тонкие лучи света, такие яркие, что у Стюарта заболели глаза, когда он слишком пристально стал рассматривать это... существо.

Бестелесная, неосязаемая, мерцающая звездная сеть над его головой всколыхнулась. Сотни сверкающих крохотных огоньков мигали так быстро, что казалось, будто в застывшем темном воздухе плетется причудливая паутина из лучей света, паутина Норн...*

---

* В скандинавской мифологии — женские божества, определяющие судьбу людей при рождении.

Каждая мерцающая звездочка наблюдала. Каждая была глазом.

И когда это существо зависло над Стюартом с пугающе человеческой нерешительностью, из самого его звездного сердца послышалось глухое гудение.

Звездочки задрожали от этого звука, который становился все более громким и угрожающим.

Словно спрашивал!

Неужели это один из хранителей? Неужели один из них?

Вдруг существо оставило сомнения и бросилось на Стюарта. Он машинально взмахнул дубинкой и нанес сокрушительный удар, едва удержавшись при этом на ногах, потому что не встретил ни малейшего сопротивления. Тварь была неосязаемой, как воздух.

И в то же время она была реальной. Ослепительная паутина света окутала Стюарта, как плащом. По его коже сразу побежали мурашки, и он задрожал от страха. Тварь, возможно, была бестелесной, но она была опасной, беспредельно опасной!

Стюарт чувствовал давление со всех сторон, неустойчивое, постоянно изменяющееся, как зыбучие пески. Страшный холод проникал в его плоть и кости, колючие льдинки вонзались прямо в мозг. Задыхаясь от ужаса, Стюарт попытался вырваться. Он выронил дубинку. Попробовал ее поднять, но ничего не смог рассмотреть из-за мерцающей пелены крохотных бриллиантов, вихрем кружившейся вокруг него.

Снова послышалось гудение, на этот раз в нем звучало злорадное торжество.

Проклиная все на свете, Стюарт попытался сделать шаг вперед. Звездный плащ не отпустил его. Стюарт хотел схватить его, сорвать с себя, но не мог. Тысячи крошечных глаз смотрели на него с нечеловеческим восторгом, питаясь его жизненной силой и разгораясь все ярче.

Он чувствовал, что жизнь уходит из него. В тело все глубже проникал ледяной холод, шум в ушах становился все громче и триумфальнее.

Стюарт услышал свой голос, хрипло выкрикивающий страшные ругательства. Его глаза болели от напряжения, вызванного ослепительным блеском. А потом...

«Сердце хранителя! Раздави его сердце!»

Эти слова громом раздались в его голове. Кто-то произнес их? Нет... потому что этот приказ был одновременно и посланием. Мысль прозвучала в его мозгу, словно он получил телепатическое предупреждение. От кого?

Он напряженно всмотрелся в ослепительную пелену и увидел в самом центре более яркое пятно, которое оставалось неподвижным, пока звездное облако плело свою убийственную сеть. Пятно света, которое...

Стюарт протянул руку, пятно попыталось ускользнуть... На онемевших ногах он бросился вперед и почувствовал, как под подошвой сдвинулся камень. Уже падая, Стюарт ощутил, как пальцы сомкнулись вокруг чего-то теплого и живого, отчаянно пульсирующего в кулаке.

Гудение переросло в пронзительный крик — испуганный... предостерегающий...

Стюарт сжал кулак крепче. Он лежал неподвижно, глаза его были закрыты. Но он чувствовал, как ледяные щупальца звездной твари хлещут его тело, пьют его человеческое тепло, стараются проникнуть жадными пальцами в мозг.

Он чувствовал, как теплый комок пытается проскользнуть сквозь пальцы. И сжал кулак что есть силы...

Тишину расколол страшный вопль, полный нечеловеческой муки.

И резко оборвался.

В руке Стюарта ничего не было.

Он открыл глаза. Ослепительные звездочки исчезли. Вокруг был все тот же мрачный и тихий лиловый лес.

Стюарт медленно поднялся на ноги и сглотнул комок в пересохшем горле. Значит, прислужники асов не такие

уж неуязвимые. По крайней мере, для того, кто знает их слабые места.

Но как он узнал?

Чей голос говорил в его голове? Сейчас, когда Стюарт вспомнил этот голос, он показался ему странно знакомым, чего просто быть не могло. Но Стюарт испытывал такое ощущение, что где-то его уже слышал.

Провал в памяти...

Стюарт попытался вспомнить, но не смог. У него возникло непреодолимое желание идти на запад. Почему-то он был уверен в том, что найдет асов именно там.

Он сделал один неуверенный шаг, потом другой. И с каждым шагом в его душу украдкой просачивалась ничем не объяснимая уверенность. Словно кто-то разрушил дамбу в сознании, и дух неповиновения неистовым потоком затопил разум.

Это было неразумно. Это было опасно. Но, определенно, менее опасно, чем сидеть здесь, на Асгарде, и ждать, пока не появится очередной хранитель, чтобы уничтожить его. Здесь были опасности и пострашней звездных хранителей, если, конечно, верить легендам.

Стюарт продолжил путь, и волна неповиновения захлестывала его сознание все больше и больше. Это было странное, опьяняющее чувство чистой, безумной самоуверенности, совершенно неуместное для человека, который находится на населенном опасными призраками астероиде.

Стюарт попытался поразмышлять на эту тему, но не смог — он был слишком переполнен уверенностью в себе. Он просто перестал сомневаться.

«Да пошли к черту эти асы!» — подумал он.

Он вышел из леса. Прямо у его ног начиналась дорога, которая тянулась по бескрайней равнине к лиловому горизонту. В конце дороги была виден столб света, который, подобно башне, уходил в темное небо.

Там были асы...

/2/

Всякий астронавт интуитивно чувствует направление. В древние времена, когда парусные суда бороздили моря Земли, любой капитан-янки верил только в палубу под ногами и звезды. Южный Крест или Полярная звезда подсказывали им, в каких широтах они находятся. Даже в незнакомых водах у них по-прежнему был надежный киль и знакомые звезды над головой.

Так же и с астронавтами, которые дрейфуют между Плутоном и темной стороной Меркурия, доверяя только металлическим корпусам своих кораблей, которые удерживают атмосферу и защищают от безбрежной бездны межзвездного пространства. Когда приходится выходить в открытый космос, один короткий взгляд на звезды сообщает умелому астронавту, где он находится. Только крепкие, тренированные люди могут заниматься нелегким трудом межпланетных перевозок и остаться в живых. На Меркурии всегда видна на горизонте огненная корона Солнца, на облачной Венере в небе порой появляется зеленая звезда — Земля. На Ио, Каллисто и Ганимеде можно сориентироваться по гигантской материнской планете — Сатурну или Юпитеру, а в поясе астероидов небо пересекает причудливая череда похожих на фонарики миров, одни из которых едва светятся, а другие ярко сияют, отражая свет Солнца. В какой бы уголок Солнечной системы ни забросила тебя судьба, небо — твой друг...

Только не на Асгарде. Юпитер был слишком далеким и маленьким, Марса почти не было видно, а пояс астероидов выглядел не шире Млечного пути. Непривычные размеры планет не оставляли никаких сомнений в том, что Стюарт находился на неизведанной территории. Он лишился надежного якоря, на который полагались все астронавты, и остро чувствовал свое одиночество.

Но безрассудная самоуверенность не ослабевала. Более того, становилась все сильнее, пока он шел по дороге

и его мускулистые ноги с легкостью отмеряли милю за милей. Ему не терпелось быстрее добраться до цели. Он не испытывал ни малейшего желания встретиться со стражами асов, его интересовали только сами хозяева!

Башня света становилась все выше. Стюарт уже мог рассмотреть, что это не одно здание, а несколько стоящих вплотную цилиндрических сооружений гигантского диаметра и высоты и что свечение, холодное и не отбрасывающее теней, исходит от самого камня или металла, из которого они были сделаны. Дорога вела прямо к основанию самой высокой башни.

Она проходила между светящихся столбов, обозначающих ворота, и терялась в серебристой дымке. Эта крепость не нуждалась в стенах, защищающих от непрошеных гостей!

Холодный ветерок сомнения на мгновение охватил Стюарта. Он остановился в нерешительности, пожалев, что у него нет с собой бластера. Он был совершенно безоружен — даже дубинку потерял в лесу.

Стюарт огляделся.

Красная луна клонилась к горизонту. На равнину наползала густая тьма. Стюарту показалось, что он заметил танцующие звездочки вдалеке. Еще один хранитель?

Стюарт поспешил вперед.

Исполинская башня нависала над ним, как занесенный сверкающий меч. Серебристая дымка не позволяла рассмотреть ничего по ту сторону ворот.

Стюарт сделал шаг вперед, вошел в затянутое светящейся пеленой пространство между стройными колоннами ворот и тут же лишился способности видеть.

Он прошел шагов двадцать и остановился, обнаружив впереди бесформенную тень. Яма, прямо под ногами.

В полумраке Стюарт не смог разглядеть дна, но слева, всего в нескольких шагах, через провал был переброшен мостик. Стюарт прошел по нему и снова ощутил под ногами твердую землю.

Он вздрогнул от неожиданности, когда над ним раздались оглушительные раскаты издевательского, наглого хохота. Хохот гулко разносился по зданию.

Казалось, он звучал со всех сторон и становился все громче, эхом отражаясь от стен. Смех богов оглушал Стюарта.

Светящаяся пелена постепенно исчезала, втягиваясь в яму. Скоро дымка пропала совсем, словно испугавшись этого чудовищного хохота.

Стюарт стоял в зале, который, вероятно, занимал основание гигантской башни. За его спиной зияла бездна. Далеко впереди колебалась пелена света, закрывавшая все, что находилось за ней. Вокруг, между гигантских колонн, стояли троны, черные троны не меньше пятидесяти футов высотой.

А на тронах восседали великаны!

Стюарта окружали титаны в сверкающих кольчугах, и он мгновенно вспомнил древние полузабытые легенды... Асгард, Ётунхейм, царства богов и великанов. Тор и Один, коварный Локи и Бальдр — они все были здесь, и от их хохота сотрясался зал.

Они наблюдали за человеком с высоты...

Потом Стюарт поднял голову, и великаны показались ему не такими уж и большими...

У зала не было потолка. По крайней мере, Стюарт его не видел. Колонны уходили вверх вдоль увешанных огромными гобеленами стен и сходились в одной точке на безумной высоте. От гигантских размеров здания у Стюарта закружилась голова.

А хохот все гремел. И вдруг прекратился...

По залу разнесся низкий звучный голос, голос аса:

— Это — человек, братья!

— Да! Это человек, причем безумный, если посмел явиться сюда!

— Посмел войти в зал асов!

Рыжебородый великан наклонился и ледяными синими глазами уставился на Стюарта.

— Раздавить его?

Стюарт отскочил назад, когда на него обрушилась огромная, как могучее дерево, рука великана. Человек машинально попытался нашарить кобуру на ремне, и рыжебородый разразился хохотом. Другие асы подхватили его смех.

— А он смелый!

— Даруй ему жизнь!

— Да! Даруй ему жизнь! Он развлечет нас на какое-то время...

— А потом?

— А потом — в яму, к остальным.

К остальным? Стюарт незаметно опустил взгляд. Серебристая дымка рассеялась, и он увидел, что бездна не была бездонной. Дно находилось в футах пятидесяти от поверхности, на которой он стоял, и на дне он разглядел несколько фигур.

Они стояли неподвижно, как статуи. Дородный землянин в одежде из кожи, которого, вероятно, похитили с какого-нибудь рудника на Плутоне. Стройная полураздетая земная девушка с синими волосами, в расшитом блестками костюме танцовщицы из таверны. Приземистый венерианец с сутулыми плечами и серой кожей. Грациозная марсианка ростом не меньше семи футов, с лицом неземной красоты и зачесанными к макушке вытянутого черепа волосами. Еще один землянин — тощий и бледный, с виду — обычный клерк. Белокожий уроженец Каллисто, красивый, как Аполлон, и, подобно всем свои соплеменникам, скрывающий под маской красоты дьявольскую жестокость.

Их было не меньше дюжины, со всех уголков Системы. Стюарт вспомнил, что сейчас время сбора десятины, иными словами, обычного жертвоприношения. Раз в ме-

сяц необъяснимо исчезало несколько человек, не слишком много,— и черные корабли жрецов возвращались на Асгард с пленными мужчинами и женщинами на борту.

Никто не поднял головы. Неподвижные, как изваяния, люди стояли в яме и чего-то ждали.

И снова раздался хохот. Рыжебородый наблюдал за Стюартом.

— Смелость оставила человека,— загремел он.— Говори правду, землянин. Хватит у тебя мужества предстать перед богами?

Стюарт упрямо не желал отвечать. У него возникло странное, ничем не оправданное чувство, что все это — часть какой-то сложной игры и за издевками кроется нечто серьезное.

— Сейчас он смелый,— раздался голос другого великана.— Но всегда ли он был таким? Неужели ни разу за всю свою жизнь он не терял присутствия духа? Отвечай, землянин!

Однако Стюарт слушал другой голос, тихий и бесконечно далекий, который снова возник в его мозгу. Этот голос шептал: «Не отвечай им!»

— Пусть он пройдет наше испытание,— приказал рыжебородый.— Если не выдержит, ему конец. Если выдержит, отправится в яму, чтобы пройти по Длинной Орбите.

Великан наклонился.

— Ты готов померяться с нами мастерством и отвагой, землянин?

Стюарт и на этот раз ничего не ответил. Теперь он все отчетливее ощущал бурные подводные течения, скрытые под поверхностью игры. В эти минуты решалось нечто такое, о чем он не знал.

Он кивнул.

— Сейчас он смелый,— повторил великан.— Но всегда ли он был таким?

— Увидим...— сказал рыжебородый.

Воздух замерцал, задрожал перед Стюартом, и органы чувств стали изменять ему. Он прекрасно знал, кто он такой и где находится, какая опасность ему угрожает, но в неверном мерцающем свете, обманывающем глаза и рассудок, вдруг увидел себя в далеком детстве, мальчиком, который стоит на склоне холма. А еще он увидел черного коня, который возвышался над мальчиком, бил копытом землю и смотрел на него красными глазами. И тут Стюарта охватил страх, смертельный страх, которого он не испытывал вот уже четверть века. Сильнейший детский страх...

Кто открыл потайную дверцу в его душе и узнал его секрет? Он сам давно позабыл тут случай... Кто в этом враждебном мире мог вернуться сквозь время и пространство и напомнить Стюарту о том дне, когда черный конь сбросил с себя неопытного наездника и заронил в его душу зернышко ужаса, от которого Стюарт не мог избавиться много лет? Но страх давно исчез... давным-давно исчез... Исчез ли?

Откуда взялся этот устрашающих размеров черный жеребец, что бил копытом по полу зала, испепелял Стюарта взглядом налитых кровью глаз и показывал зубы, похожие на клыки? Не конь, а какое-то чудовище, не меньше десяти футов в холке, само олицетворение детского ужаса, который даже сейчас иногда заставлял Стюарта просыпаться по ночам!

Жеребец наступал на него, тряс уздечкой, фыркал, скалил огромные зубы. Стюарт заметил висевшие поводья, потом седло и стремена. И понял, что, как ни странно, самым безопасным местом в зале для него будет седло на спине этого порождения преисподней. Наездника не смогут достать ни копыта, ни клыки. Но ужас и отвращение, стершиеся из памяти в далеком детстве, вновь всплыли из самых глубин подсознания...

Жеребец бросился на Стюарта, по-змеиному вытянув шею; он и шипел, как змея, а поводья извивались, как локоны Медузы-Горгоны. Стюарт замер на мгновение,

не в силах двинуться с места. Он побывал в разных мирах, ему приходилось сталкиваться с опасностями, по сравнению с которыми эта была лишь детской страшилкой, но никогда он не испытывал такого парализующего страха. Этот страх возвратился к нему из детских кошмаров, страх хотел его уничтожить...

Нечеловеческим усилием воли Стюарт вырвался из оков страха и схватился за поводья. Его развернуло и поволокло, когда чудовище, оглушительно грохоча копытами, пронеслось мимо. Отчаянно цепляясь за поводья, Стюарт схватился другой рукой за луку седла и вставил ногу в стремя, ненадежно подавшееся вниз под его тяжестью.

И вот он в седле. Он оседлал свой кошмар, хотя его до сих пор поташнивало от вновь пережитого детского ужаса.

И вдруг он с опьяняющей остротой почувствовал, что страх исчез. Стюарт сидел на спине невообразимого зубастого чудовища, и его рассудок был свободен от старого страха. По телу теплой волной разливалась уверенность, и на этот раз она была его собственная, а не навеянная бестелесными увещеваниями из снов. Он больше ничего не боялся, он никогда не будет ничего бояться! Изводивший его много лет детский ужас наконец вышел на свет и был побежден навсегда. Стюарт крепко сжал поводья и с ухмылкой окинул взглядом зал.

И снова издевательский хохот. Стюарт почувствовал, как конь под ним непостижимым образом изменился. Мгновение назад Стюарт сжимал коленями крепкое, теплое, покрытое короткой шерстью тело, движения которого под седлом были знакомыми и привычными. И вдруг... вдруг...

Животное под ним стало странно извиваться. Исчезла теплая, покрытая короткой шерстью плоть. Сквозь ледероидные штаны Стюарт почувствовал холод, и этот холод исходил от множества мышц, которые сокращались одновременно — тело млекопитающего на такое не способно. Стюарт посмотрел вниз.

Он сидел верхом на исполинской змее. Словно почувствовав его взгляд, рептилия изогнула шею и уставилась на него. Ее огромная ромбовидная голова взметнулась высоко-высоко, потом стала опускаться прямо на Стюарта. В огромной пасти, будто пламя, трепетал раздвоенный язык.

Словно ласкаясь, змея прижалась головой к щеке Стюарта, потом обвила его шею, скользнула по руке, сделала еще один виток вокруг туловища и стала сжимать кольца своего мощного, покрытого чешуей тела.

Стюарт обхватил рептилию чуть ниже головы и сдавил, но тщетно — змея исчезла, и он ощутил в руках что-то мохнатое, но колючий мех вовсе не походил на шерсть животного. Движения существа под ним снова изменились, стали пружинистыми и легкими.

Теперь Стюарт сидел на чудовищном пауке. Его руки по запястья были погружены в омерзительную грубую шерсть, и он смотрел прямо в холодные фасеточные глаза, в которых тысячекратно повторялось его отражение. За бесчисленными искаженными изображениями зияла пустота. Холодные сложные глаза паука не видели Дерека Стюарта. Взгляд паука был совершенно непроницаем — можно было только догадываться, что где-то там, в глубине его чудовищной души, таятся паучьи мысли и воспоминания о родных красных равнинах Марса. Беспристрастно и деловито паук приблизил свои жвала к добыче.

Отвращение волной слабости прокатилось по телу Стюарта, но он заставил себя закрыть глаза и вслепую нанес удар по одному из огромных зеркальных глаз, почувствовав, как скользкая слизь обволокла кулак,— и тут... тут...

Ужас стал ослабевать, а потом исчез совсем, и всё вокруг поглотили пульсирующие волны зеленого света. Потом они сконцентрировались, превратившись в луг, поросший земной травой и окаймленный привычными

деревьями. Тут и там среди травы виднелись цветущие примулы. Небо было синим и безоблачным, светило теплое яркое солнце, которое можно увидеть только над холмами Земли.

Но Стюарта почему-то охватил ужас.

Шагах в двадцати от него среди травы виднелось округлое пятно, заросшее сорняками. Это пятно неумолимо притягивало его взгляд. Именно от него к Стюарту тянулись щупальца ужаса.

До него донесся едва слышный смех богов... Асов. Асов? Кто они такие, в конце концов? Как он, Дерек Стюарт, узнал о них, если их имена лишь шепотом, в страхе, произносили на космических кораблях, проносившихся где-то за облаками над этой фермой в Дакоте?

Дерек Стюарт... мальчик одиннадцати лет.

Нет... что-то не так. Он давно уже не ребенок. Он повзрослел, стал астронавтом...

Сны. Сны одиннадцатилетнего мальчика.

Но из-за безоблачного небосвода доносился громогласный издевательский хохот, заставляя содрогаться саму земную твердь.

Все это уже было когда-то. Это случилось с мальчиком в Южной Дакоте, который не знал, что скрывалось в густых зарослях сорняков.

Но сейчас Стюарт откуда-то — вот только откуда? — знал, что он там найдет.

И ему было страшно. Смертельно страшно, до тошноты. Холодная тошнота поднималась волнами, от самых ступней вверх по позвоночнику. Ему хотелось повернуться и убежать в дом, ведь до него всего полмили. Он уже собрался было так и поступить, но далекий хохот стал громче.

Они хотели, чтобы он убежал. Они пытались его напугать, и он неминуемо погибнет, если мужество покинет его. Стюарт понимал это со всей определенностью.

Каким-то образом он почувствовал присутствие человека на высоком холме вдали. Человека в потрепанном

костюме астронавта, с суровым лицом, поджатыми губами и сердитым взглядом. Знакомая фигура. Человек подгонял Стюарта, ни говоря ни слова, велел ему идти вперед, к зарослям.

Дерек Стюарт подчинился немому приказу. У него пересохло во рту, сердце готово было вырваться из груди, но он заставил себя пересечь луг, подойти к своей цели и опустить взгляд на окоченевший, покрытый засохшей кровью труп бродяги, которого двадцать лет назад зарезал рядом с фермой в Дакоте другой бездомный. Тошнота от испытанного в детстве ужаса снова подкатила, пытаясь задушить Стюарта.

Он отчаянно сопротивлялся. На этот раз он не убежал с криками домой...

И вдруг хохот богов смолк. Дерек Стюарт снова, пусть и в воображении, прошел путь от мальчика к мужчине. Он стоял в башне асов. Огромные троны между колоннами были пусты.

Асы исчезли.

/3/

Стюарт перевел дух. У него не было иллюзий по поводу исчезновения асов — он знал, что не победил этих могущественных созданий. Человеку это не по силам. Но, по крайней мере, он получил передышку.

Почти все астронавты, за исключением разве что самых флегматичных, страдают гипертонией. Это расстройство имеет любопытную закономерность: чем дальше от Солнца, тем больше скачки кровяного давления. Одно из объяснений было таково, что по мере удаления от центра Солнечной системы среда обитания становится все более суровой, а враждебная человеку среда порождает враждебные ему сущности. Многие сошли с ума на Плутоне...

Асгард был гораздо ближе к Солнцу, чем Плутон, даже ближе, чем Юпитер. Однако чужеродный враж-

дебный дух, витавший в атмосфере этого астероида, был почти осязаемым. Даже твердая почва под ногами — сам камень, из которого состоял планетоид,— была создана искусственно, при помощи науки, на миллионы лет опережающей время, в котором жил Стюарт.

Асы... Неожиданно для себя, Стюарт вдруг расхохотался, его широкая грудь затряслась от смеха. Необъяснимая уверенность в себе, которую он впервые ощутил в джунглях, не исчезла, напротив, с тех пор как он увидел богов-гигантов, она неуклонно росла. Он еще раз окинул взглядом огромный зал и посмотрел вверх на пятнышко света, в котором на немыслимой высоте сходились колонны. Рядом с ними он казался крошечным, как насекомое, но его это ничуть не тревожило.

Он не знал, есть ли у него хоть малейший шанс победить в этой игре, но был уверен, что доставит противникам немало хлопот.

Из ямы донесся какой-то звук. Стюарт осторожно подошел к краю и заглянул вниз. Фигуры по-прежнему неподвижно стояли на дне, в пятидесяти футах у него под ногами, однако теперь ему на глаза попалась одна, которую он раньше не замечал. Девушка с Земли, с бледным лицом в обрамлении вьющихся волос. Запрокинув голову, она смотрела на него.

На таком расстоянии он смог разглядеть немногое, увидел только, что одета она в зеленое трико, оставлявшее открытыми стройные ноги и изящные руки.

— Землянин! — разнесся по залу звонкий голос пленницы.— Землянин! Поспеши — асы скоро вернутся. Уходи! Уходи из их храма, пока они...

— Не трать слова попусту,— перебил ее Стюарт.— Мы на Асгарде.

Кем бы ни была девушка, ей должно быть известно, что из этого запретного мира сбежать невозможно.

— Если бы мне удалось найти веревку...

— Ты ее не найдешь,— быстро произнесла девушка.— По крайней мере, в храме.

— А как я смогу вытащить тебя отсюда? И других?

— Ты сошел с ума,— сказала девушка.— Зачем все это...— Она покачала головой.— Лучше умереть быстро.

Стюарт, прищурившись, посмотрел на дюжину застывших фигур.

— Я так не думаю. Нам будет легче сражаться, если нас будет четырнадцать. Если бы твои друзья очнулись...

— Слева от тебя, между колоннами, висит гобелен, на котором изображен Персей с Медузой-Горгоной. Прикоснись к шлему Персея и руке Андромеды. Будь осторожен — там могут оказаться ловушки.

— Куда?

— Сюда, вниз. Ты можешь нас освободить, если поспешишь. Хотя это безнадежно. Асы...

— Плевал я на асов,— прорычал Стюарт.— Разбуди остальных!

Он развернулся и побежал к дальней стене, где висел коричнево-золотистый гобелен с изображением Персея.

Если асы и видели это, они ничего не предприняли.

Губы Стюарта искривились в горькой улыбке. Безумная уверенность в себе не оставила его, а теперь к ней добавилось успокаивающее тепло — по крайней мере, он был не один. Было приятно ощущать это. В долгих путешествиях между мирами и на далеких планетах астронавтов всегда подстерегает одиночество, более ужасное, чем самое чудовищное порождение радиоактивного Плутона.

Стюарт дважды коснулся гобелена, и ткань скользнула в сторону. За ней оказалась винтовая лестница, ведущая вниз, сквозь то ли металл то ли камень — он так и не понял, что именно. Стюарт с трудом подавил порыв бегом броситься вниз по ступеням. Девушка предупреждала, что здесь могут быть ловушки.

Он стал спускаться осторожно, пробуя ногой каждую ступень, прежде чем перенести на нее свой вес. Впро-

чем, он сомневался, что ловушки асов окажутся столь примитивными.

Спустившись по лестнице, он оказался в зале, казавшемся крошечной каморкой по сравнению с тем, где Стюарт был недавно. Зал был овальной формы, с куполообразным потоком, его стены и пол излучали молочно-белый свет.

Только одно место в зале не светилось — прозрачная дверь в одной из стен. За ней была видна яма. Теперь он был на уровне дна этой ямы и видел дюжину по-прежнему неподвижных фигур, стоявших группкой, и ту девушку с Земли — всего в нескольких футах от двери. Девушка смотрела прямо на него, но, судя по всему, ее темные глаза ничего не видели — вероятно, с ее стороны дверь не была прозрачной.

Стюарт замер, положив руку на пульт, который, как ему казалось, открывал и закрывал дверь. Смуглое суровое лицо астронавта оставалось безучастным, но внутри возникло странное чувство. Стоя наверху, он не мог разглядеть, насколько красивой была девушка.

Он увидел это только теперь.

Она не могла быть чистокровной землянкой. Скорее всего, пленница была одной из межпланетных метисок — они порой бывают возмутительно хороши собой. Безусловно, в ее жилах преимущественно текла земная кровь, но присутствовало и что-то еще, некая квинтэссенция красоты, освещавшая ее изнутри, словно пламя в хрустальной лампаде. За все время скитаний между мирами Стюарту не приходилось видеть такой красавицы.

Его рука коснулась пульта управления, и дверь бесшумно распахнулась. В глазах девушки вспыхнула радость. Охнув от изумления, она бросилась к нему, чтобы найти убежище в его объятиях, и Стюарт, будучи совершенно не против такого оборота, обнял ее.

Потом он ласково отстранил ее от себя.

— Остальные?..

— Бесполезно,— сказала она.— Паралич...

Стюарт нахмурился и шагнул через порог в яму. Стоило ему это сделать, как его охватила тревога. Асы могли наблюдать за ним, или... или...

Ничего не произошло. Ничто не нарушало гробовой тишины, кроме неровного дыхания стоявшей у порога и наблюдавшей за ним девушки. Стюарт остановился перед землянином в кожаной одежде и похлопал его по мускулистой руке. Человек не пошевелился, его плоть была холодной и твердой как камень, а взгляд — остекленевшим. Землянин даже не дышал.

Остальные были такие же. Стюарт поморщился и пожал плечами. Когда он вышел в освещенный зал, у него мгновенно отлегло от сердца. Возможно, в зале было не намного безопаснее, но, по крайней мере, здесь ему не чудилось, что за ним наблюдают глаза бесчеловечных тварей, затаившихся наверху. Хотя для всевидящего ока асов наверняка и каменные стены — не преграда.

Девушка коснулась пульта управления, и дверь бесшумно закрылась.

— Бесполезно,— сказала она.— Они скованы параличом. Только я могла сопротивляться... немного. И все потому...

— А нельзя ли покороче? — резко перебил Стюарт и повернулся к двери, через которую вошел, но девушка схватила его за руку.

— Позволь мне объяснить,— произнесла она тихим голосом.— Здесь мы почти в безопасности. Возможно, есть выход... Сейчас я снова могу ясно мыслить...

— Выход отсюда? И нас никто не остановит?

В глубине ее темных глаз мелькнула одержимость.

— Не знаю. Я жила здесь так долго. Другие...— Она кивнула на дверь в яму.— Жертв доставили на Асгард только вчера. А я провела здесь много месяцев. Асы сохранили мне жизнь, потому что я развлекала их. Потом

я им надоела, и они бросили меня в яму к остальным. Но кое-что мне удалось узнать. Я... Никто не может жить в башне асов и не измениться, хотя бы немного. Поэтому паралич отпустил меня раньше остальных.

— Мы можем их спасти?

— Не знаю,— ответила девушка, беспомощно пожимая плечами.— Не знаю даже, сможем ли мы спастись сами. Меня так давно привезли на Асгард, что я начала забывать свою прошлую жизнь. Но я кое-что узнала об асах, и это может нам помочь.

Стюарт пристально смотрел на нее. Она попыталась улыбнуться, но безуспешно.

— Меня зовут Кари,— сказала она.— Остальное забыла. А тебя?..

— Дерек Стюарт.

— Расскажи мне, что случилось.

— Нет времени,— нетерпеливо произнес он.

Кари покачала головой.

— Нам понадобится оружие, и я должна знать, умеешь ли ты им пользоваться. Скажи мне!

Она была права. Она обладала знаниями, которые были необходимы Стюарту. Поэтому он коротко рассказал ей все, что помнил.

Она пристально посмотрела на него.

— Голоса в голове?

— Или что-то похожее. Не знаю. Нет. Нет... Подожди.

Стюарт попытался сосредоточиться на едва слышном зове, доносившемся из бесконечного далека: кто-то звал его по имени, настойчиво взывал к чему-то... Потом голос упал до шепота и затих.

— Показалось, наверное,— сказал наконец Стюарт, и Кари смущенно пожала плечами.

— Значит, помощи не будет.

— Скажи мне, в чем заключается сила асов? В гипнозе?

— Нет,— ответила Кари,— не совсем. Они могут превращать мысли в реальность. Они... такими станут люди

через миллион лет эволюции. Они изменились до неузнаваемости, в них не осталось ничего человеческого.

— Они похожи на людей, вернее, на великанов.

— Они могут принимать любое обличье,— сказала ему Кари.— То, как они выглядят на самом деле, нам и во сне не приснится. Существа, состоящие из чистой мощи... из силы разума... Матрицы электронной энергии. Они наносят удар через сознание.

— Интересно, почему они не натравили на меня одного из своих хранителей?

— Не знаю,— сказала Кари и нахмурилась.— Вместо этого они решили использовать твои слабости — застарелые страхи, которые ты носил в себе долгие годы. События, которые когда-то заставляли тебя трепетать от ужаса. Асы послали твой разум в прошлое, но ты оказался слишком силен для них.

— Слишком силен?

— На тот момент — да. Но у них есть другие возможности, Стюарт, такие, что невозможно даже представить. Ты не сможешь сражаться с ними в одиночку. А ты должен с ними сражаться. За последнее тысячелетие никто не смел...

Стюарт кое-что вспомнил.

— Двое посмели,— сказал он.— Однажды.

Кари кивнула.

— Я знаю. Слышала эту легенду. О Джоне Старре и Лорне. О великих мятежниках, первыми бросивших вызов асам в самом начале тирании. Возможно, это только легенда. Так или иначе, они потерпели поражение.

— Да, они потерпели поражение. И умерли тысячу лет назад. Но эта история что-то значит — по крайней мере, для меня. Люди не должны быть рабами этих чудовищ. Мятеж...

Кари наблюдала за ним. Взгляд Стюарта затуманился.

— Джон Старр и Лорна,— прошептал он.— Интересно, в каком мире они жили тысячу лет назад? Сейчас у

нас есть всевозможные миры, все планеты Системы, от Юпитера до крошечного астероида. Но мы не правим ими, как тогда люди правили Землей. Мы — рабы асов.

— Но асы — боги.

— Джон Старр так не считал,— сказал Стюарт.— Я тоже так не считаю. В худшем случае, я погибну, как и он. Послушай, Кари.— Он схватил ее за руки.— Подумай. Ты жила здесь так долго. Существует ли оружие против богов?

Она смотрела ему прямо в глаза.

— Да. Но...

— Что это? И где оно?

Выражение лица Кари неожиданно изменилось. Она прильнула к Стюарту, однако спрятала лицо от поцелуев, потому что нуждалась лишь в теплоте и сочувствии. И тихо заплакала.

— Так долго...— прошептала она, крепко обнимая его.— Я так долго жила здесь с богами. Дерек, мне так одиноко. Я скучаю по зеленым полям, по кострам и синему небу. О, как бы мне хотелось...

— Ты увидишь Землю,— заверил ее Стюарт.

Услышав это, Кари высвободилась из его объятий. В этот миг ее необычная красота расцвела в полную силу, слезы блестели на темных ресницах, прекрасные губы дрожали.

— Я покажу тебе оружие, Стюарт,— сказала Кари прерывающимся голосом.

Девушка повернулась к стене и сделала быстрое движение рукой. На светящейся поверхности открылась панель управления.

Рука Кари скрылась в стене, а когда появилась, Стюарту показалось, что с нее ручьем льется кровь. Но потом он понял, что это плащ, сшитый из материала столь тонкого, что он струился как вода. Его кричаще-алый цвет выглядел странно на фоне холодной зелени костюма Кари.

— Этот плащ...— сказала девушка.— Ты должен надеть его, если нам предстоит сразиться с асами.

Стюарт поморщился.

— Какая польза от тряпки? Я бы предпочел бластер.

— Бластер не поможет,— сказала Кари.— Стюарт, это не просто тряпка. Он почти живой, это плод науки асов. Надень его! Он тебя защитит.

Она накинула алое покрывало на плечи Стюарта, ее пальцы коснулись застежки на горле. И вдруг...

«Она лжет!» — раздался отчаянный, оглушительный крик в голове Стюарта.

Он узнал этот беззвучный голос, раньше тихий, а теперь звенящий от ярости. Стюарт попытался сорвать с себя плащ... Слишком поздно. Кари отскочила назад, глядя широко открытыми глазами, как плащ, будто удавка, затягивается у него на шее. Острая боль огненной волной пробежала по позвоночнику и вонзилась в мозг. Борьба длилась всего лишь мгновение — перед глазами все плыло, в голове надрывались от крика голоса — *два* голоса, как понял он только сейчас. А потом все кончилось — мышцы Стюарта обмякли, отказались служить ему, и он рухнул на пол.

Это был не паралич. Стюарт просто напрочь лишился сил. Он чувствовал, как сжимается горло, как холодное пламя боли лижет позвоночник и мозг, ощущал саму текстуру плаща, который жалил сквозь его костюм астронавта, как почти разумное, почти живое существо!

Стюарт шепотом выругался. Лицо Кари не изменилось. Странно, но в ее темных глазах ему померещилось нечто похожее на жалость.

Из проема в стене, откуда Кари извлекла плащ, появилась фигура, закутанная в длинную черную накидку с капюшоном, полностью закрывавшим лицо. Вошедший был на фут выше девушки. Он подошел к ним странной шаткой походкой и остановился рядом с Кари.

— Я должен был вспомнить,— прошептал Стюарт.— Асы могут изменять свой облик. Великаны, которых я видел, были не настоящими. И ты тоже совсем не то, чем кажешься, ты даже не человек!

Кари покачала головой.

— Я настоящая,— медленно произнесла она,— а он — нет.— Она показала на фигуру в черном плаще.— Но все мы — асы. Как мы и думали, тебя послали Защитники. Теперь ты лишился силы, и тебе предстоит пройти по Длинной Орбите вместе с другими пленниками.

Фигура в капюшоне вышла вперед, наклонилась, но Стюарт ничего не увидел под капюшоном. Колышущаяся накидка коснулась его лба.

Тьма окутала его, как чуть раньше окутал коварный алый плащ.

/4/

Долгое время Стюарт оставался наедине со своими мыслями. И мысли эти были не слишком радостными. Ему было очень одиноко — таким одиноким и покинутым он не чувствовал себя нигде в Системе. Теперь Стюарт понимал, что с того самого мгновения, когда он очутился на Асгарде, он в некотором смысле ни разу не оставался один, что двойной голос, раздававшийся у него в голове, был более реальным, чем он думал. Голос дарил ощущение живого тепла, дружеского присутствия...

Теперь это чувство исчезло, и на его месте в душе Стюарта разверзлась черная бездна. Он остался один.

Кари... Если они встретятся снова, если у него не будут связаны руки — он убьет ее. Стюарт не сомневался в этом. Но ее сияющая улыбка освещала окутывавшую его тьму. Он никогда не видел более красивой девушки, хотя знал много женщин, даже слишком много... А человека, который прокладывал себе дорогу к Солнцу и обратно к иссеченной ущельями полуночи Плутона, трудно обмануть улыбкой красивой женщины.

Кари не была обычной женщиной, бог тому свидетель! Возможно, она даже не была человеком, не существовала в действительности. Возможно, именно благодаря не-

человеческой природе ее прекрасный образ так отчетливо сохранился в его памяти, но Стюарт не мог выбросить ее из головы. Он видел ее лицо в темноте своей тюрьмы, и еще отчетливее — в темноте своего одиночества, особенно теперь, когда голоса смолкли. Прелестная, необычная, с глазами, полными тоски и ужаса, как умело она лгала! А эта ослепительная улыбка...

Стюарт почувствовал горечь во рту. Либо девушка была одним из асов, либо служила им. Служила преданно. Стюарту нечего было ей сказать. Все, что она получит от него,— это нож в сердце. Если, конечно, Стюарту удастся выжить. И все же она была так прекрасна...

Темнота постепенно стала таять. Стюарт увидел знакомое лицо — грубое, иссеченное морщинами лицо землянина в яме. А за ним — стройную марсианку. Все они неподвижно, как статуи, стояли рядом с ним... рядом с ним! Потому что Стюарт стал одним из них. Он был в яме с остальными пленниками.

Сознание возвращалось медленно. А вместе с ним возникло теплое покалывание в позвоночнике... вокруг шеи... в мозгу. Он не мог шевелиться, но на краю поля зрения тлело яркое алое пятно — плащ! Плащ по-прежнему был накинут на его плечи.

Стюарт не знал, видят ли его остальные пленники, сохранилась ли у кого-то из парализованных пленников способность думать и воспринимать окружающее, как у него, или холод гробовой тишины сковал не только их тела, но и разумы.

В сердце Стюарта рос гнев, словно потоки магмы стремились вырваться на поверхность из жерла вулкана. Кари — предательница и убийца! Она — одна из асов? Или дитя Земли? А эта тварь в черном плаще с капюшоном, которую Кари назвала ненастоящей? Очередной морок асов, как те гиганты?

«Тебя послали Защитники» — так сказала Кари, вспомнил Стюарт. И с этим воспоминанием, словно он немного приоткрыл запертую дверь, пришел шепот.

Неслышный. Слабый, далекий, подобный шелесту осенней листвы от дуновения ветерка, он то появлялся, то исчезал... Он звал Стюарта.

Алый плащ зашевелился, плотнее облепил его тело, и шепот стал еще тише.

Стюарт тянулся к этому шепоту. Он всей душой тянулся к этим дружеским, совсем не человеческим голосам, доносившимся из ниоткуда.

Тупое оцепенение исподволь окутывало его разум. Плащ все плотнее прилегал к телу...

Стюарт не поддавался. Укрывшись в потаенных глубинах собственного разума, в неприступной цитадели сознания, он сосредоточился на еле различимом потустороннем зове...

И наконец смог разобрать слова:

«Дерек Стюарт. Ты нас слышишь? Отвечай!»

Парализованные губы не подчинялись ему, но ему удалось ответить мысленно. И голоса отозвались, хотя они то затихали, то становились громче, словно сбоила настройка этой неведомой телепатической связи:

«Мы проиграли. Ты тоже проиграл, Стюарт. Но мы останемся с тобой, мы должны остаться, и может быть, благодаря этому твоя смерть не будет мучительной...»

«Кто вы?» — мысленно спросил он.

Тот, кто скрывался за этим голосом, вернее, двумя голосами, говорящими в унисон, помимо воли Стюарта вызывал у него почти благоговейный трепет.

«У нас мало времени.— Шепот стал едва слышным, через мгновение зазвучал громче: — Нам трудно общаться с тобой из-за плаща. Теперь мы лишились возможности наделить тебя своей силой. Плащ, который на тебе,— чудовищное изобретение, какое могли придумать только асы. Это наполовину живое устройство блокирует телепатическую связь. Мы не можем тебе помочь...»

«Кто вы?»

«Мы — Защитники. Стюарт, выслушай нас, потому что скоро тебе предстоит пройти по Длинной Орбите вме-

сте с другими пленниками. Мы стерли некоторые твои воспоминания, чтобы асы не могли прочесть твои мысли и подготовиться. Мы рассчитывали, что на этот раз нам удастся уничтожить асов, но снова потерпели поражение. Сейчас мы вернем тебе память».

И прошлое стало захлестывать Стюарта, будто медленный прилив. Каким образом это было сделано, ему было все равно. Главное, что наконец-то начала рассеиваться мгла, за которой скрывались его воспоминания, начиная с ночи в «Поющей звезде» в Нью-Бостоне. Несколько стаканчиков в компании человека с усталыми глазами, потом — темнота...

Но теперь завеса приподнялась. Он вспомнил...

Он вспомнил крохотную каморку в подземелье. Несколько вооруженных охранников — на самом деле их было не так уж много — не спускали с него глаз. Кто-то сказал:

— Ты должен присоединиться к нам или умереть. Мы не можем рисковать. Уже несколько сотен лет нам удается выжить только потому, что асы не подозревают о нашем существовании.

— Вы — повстанцы? — спросил он.

— Мы поклялись уничтожить асов,— ответил человек, и глаза остальных вспыхнули в ответ на его слова.

Стюарт засмеялся.

— А ты смелый,— сказал незнакомец.— Смелость тебе понадобится. Я понимаю, отчего ты смеешься, но мы не сражаемся в одиночку. Ты когда-нибудь слышал о Защитниках?

— Никогда.

— Немногие знают о них. Они — не люди, как и асы. Но, в отличие от асов, они не порочны. Они защищают человечество. Они поклялись уничтожить асов, и мы тоже поклялись сделать это, поэтому мы служим им.

— Кто они такие? Чем занимаются?

— Никто не знает,— тихо ответил мятежник.— Защитники никому не говорят, кто они и где находятся. Но мы слышим их слова. И всего один раз за жизнь целого поколения, не чаще, они говорят нам, где найти того, кого они отобрали среди многих на всех планетах. В нашем поколении таким человеком стал ты, Стюарт.

Стюарт потрясенно уставился на них.

— Я? Но почему?..

— Чтобы стать орудием Защитников и спасти человечество. Защитники давно перестали быть людьми и не могут сражаться за нас в своем облике. Им нужен... сосуд, чтобы они могли влить в него свою силу. Можно назвать такого человека мечом, которым они будут сражаться с асами. Они долго изучали людей всех миров и выбрали...— мужчина, прищурившись, посмотрел на Стюарта,— в качестве сосуда тебя, Дерек Стюарт. Тебе предначертано совершить великий подвиг.

Стюарт, нахмурившись, обвел мятежников взглядом.

— Предположим. А что они предлагают взамен?

Мужчина покачал головой.

— Если повезет — смерть. Еще никому не удавалось выиграть бой, выступая на стороне Защитников. Потому асы и правят миром до сих пор. У тебя почти нет шансов на успех. Уже много тысяч лет человек снова и снова терпит поражение в этой игре. Но это гораздо важнее, чем твоя или наша жизнь, Дерек Стюарт. Думаешь, у тебя есть выбор?

Стюарт посмотрел ему прямо в глаза.

— Никаких шансов?

Лидер мятежников улыбнулся, и в его улыбке отразились все чаяния непокорившегося человечества.

— Неужели Защитники стали бы тратить свои и наши силы, чтобы найти тебя, если бы не было надежды? Они обладают удивительными способностями. Выбрав нужного человека в качестве сосуда, они могут превзойти по силе асов. Ни один человек не сможет сражаться

с асами в одиночку. И Защитники не могут их победить без помощи человека. Но вместе, соединив руку и меч, слив воедино их и человеческий разум, у нас есть шанс!

— Тогда почему другие потерпели поражение?

— Потому что они были недостаточно хороши. Лишь один раз в сорок-пятьдесят лет на свет появляется человек, у которого хватит отваги и силы, чтобы победить. Посмотри на нас. Неужели ты думаешь, что любой из нас не мечтает оказаться на твоем месте? Но Защитники направили нас к тебе. Если ты позволишь им вступить в контакт с твоим разумом, проникнуть в него, завладеть им, у нас появится возможность уничтожить асов. И покончить с рабством людей! — При последних словах голос человека дрогнул.

Стюарт еще раз посмотрел на горящие верой лица фанатиков и почувствовал, что где-то в глубине его души начал тлеть огонек. Великая и благородная цель, старая, как само человечество... Сколько раз в истории земляне тайно собирались в темных комнатах и клялись вступить в борьбу с тиранией и угнетателями? Сколько раз земляне клали свои жизни, а порой и жизни сыновей своих сыновей на алтарь древней, немыслимо древней мечты о свободе — пусть даже им самим не суждено будет дожить до ее осуществления?

Здесь, в этой тесной комнате, несмотря на унизительное рабство, в которое были загнаны все миры, горел факел свободы.

Стюарт медлил.

— Тебе придется нелегко,— предупредил лидер мятежников.— Клинок нужно выковать на наковальне, разогреть в горниле и закалить. Защитники подвергнут тебя испытанию, чтобы твой разум стал несокрушимым и смог выдержать атаки асов. Ты будешь страдать...

И он страдал. Страдал от мучительных кошмаров в лесу, призраков, которые подвергали его страшным мукам... Были и другие испытания, о которых он не хотел

вспоминать. Но в итоге из него выковали клинок без единого изъяна. Защитники остались довольны и вошли в его разум. Они до сих пор оставались с ним, хотя связь сделалась совсем слабой.

Голоса, которые он иногда слышал, были голосами наставников...

«Мы лишили тебя воспоминаний, чтобы асы не смогли прочесть твои мысли и подготовиться заранее. Теперь это не имеет значения, и твоя память восстановлена. Но ты проиграл, когда позволил девушке накинуть на тебя плащ».

«Если бы я мог пошевелиться,— мысленно отозвался Стюарт.— Если бы я мог сорвать его...»

«Это — часть тебя. Мы не знаем, как можно снять плащ. И мы не можем наделить тебя своей силой, пока ты носишь его».

«Если бы вы догадались дать мне хотя бы часть своей силы раньше!» — с горечью подумал Стюарт.

«Мы это сделали. Иначе как, по-твоему, ты смог бы выдержать первое испытание асов? Но это крайне опасно. Мы должны контролировать передаваемую тебе мысленную энергию, чтобы не произошло перегрузки. Ты — всего лишь человек, если бы мы позволили тебе взять хотя бы десятую часть нашей энергии, ты расплавился бы, как тонкий провод, через который пропустили слишком сильный ток».

«И что теперь?»

«Мы снова проиграли. Ты потерпел поражение, и нам очень жаль. Единственное, чем мы можем помочь, это облегчить тебе смерть. Сейчас твой разум находится под нашим контролем, и если мы покинем тебя, ты мгновенно умрешь. Мы сделаем все, что пожелаешь. Потому что асы все равно убьют тебя, и смерть твоя будет мучительной».

«Я не собираюсь добровольно прощаться с жизнью. Пока я жив, я буду сражаться».

«Мы тоже. Такое случалось и раньше. Мы выбирали других героев и вселялись в них, однако все они потерпели поражение. Но прежде чем асы их... убивали, мы покидали наших бойцов. Только так мы могли выжить и попытаться снова вызвать асов на поединок. Настанет день, и мы победим. Настанет день, и мы уничтожим асов. Но мы не можем цепляться за сломанный меч, иначе погибнем сами».

«Значит, предпочитаете смыться, как только запахнет жареным?»

В странном сдвоенном голосе послышалась жалость:

«У нас нет выбора. Ведь мы сражаемся за все человечество. И сейчас мы можем даровать тебе только быструю смерть».

«Мне не нужен такой подарок,— подумал Стюарт с яростью.— Я не сдамся! Может быть, именно поэтому вас преследуют неудачи — вы слишком легко опускаете руки. Значит, я умру, если вы покинете мой разум? Нет уж, так не пойдет!»

И вновь в беззвучных голосах не прозвучало гнева — лишь сострадание:

«Чего ты хочешь, Стюарт?»

«От вас — ничего! Только позвольте мне жить. Я сам буду сражаться. А смыться успеете и в последний миг, когда палач уже занесет топор. Я прошу только об одном: сохраните мне жизнь, чтобы я еще раз мог сразиться с асами!»

Пауза.

«Это очень опасно. Опасно для нас. Но...»

«Ну так как?»

«Мы рискнем. Но, пойми, мы вынуждены будем оставить тебя, когда риск станет слишком велик. А такой момент наступит... неизбежно».

«Спасибо,— совершенно искренне поблагодарил Стюарт.— И вот еще что — Кари... Кто она?»

«Сотни лет назад она была человеком. Ее привезли сюда, и асы завладели ее разумом, как мы завладели тво-

им. Шло время, и все меньше в ней оставалось человеческого. Она уже не принадлежит к вашей расе. Сейчас у нее сохранились лишь смутные воспоминания о прошлой жизни, скоро исчезнут и они. Общение с асами подобно заразной болезни: чем дальше, тем более похожей на них будет становиться Кари. Возможно, в итоге она станет одним из асов».

Стюарт поморщился.

«А если асы покинут ее разум?»

«Она умрет. Ее жизненные силы слишком истощены. И ты, и она живы лишь до тех пор, пока не разорвется связь с теми, кто вселился в вас».

Прекрасно, подумал Стюарт. Если уничтожить асов, Кари погибнет вместе с ними. А если он потерпит неудачу, то не жить ему самому, потому что Защитники покинут его, чтобы не разделить его судьбу.

Почему он так беспокоится о Кари? В девушке его привлекала лишь экзотическая красота полукровки. Перерезать ей горло — и...

Ведь в эти минуты его собственная жизнь висела на волоске.

— Все, что я могу...— сказал он и замолчал.

Он произнес эти слова вслух! Сдвоенный голос в его сознании терпеливо ждал продолжения.

Стюарт медленно согнул и разогнул руки. Задрал голову, чтобы посмотреть на край ямы в пятидесяти футах над головой. Он увидел немыслимо высокие колонны, поднимавшиеся к потолку огромной башни. Зал вроде бы был пуст.

— Я могу двигаться,— произнес он.— Я...

Пораженный осенившей его мыслью, он схватился за складки плаща. Ткань была тошнотворно теплой и живой. Казалось, она шевелится в его руках. Стюарт попытался сдернуть с себя плащ и тут же почувствовал, как резкая боль пробежала по позвоночнику, сжала горло, вонзилась раскаленным добела клинком в череп.

— Если б только избавиться от него... Вы можете мне помочь?

«Мы можем дать тебе свою силу, чтобы ты использовал ее против асов. Но мы не знаем, как снять плащ».

— Вот и я не знаю,— буркнул Стюарт.

Тут он заметил краем глаза какое-то движение — стоявший рядом мускулистый землянин зашевелился... потом медленно повернулся. Стоявшая за спиной землянина марсианка покачала увенчанной перьями головой и подняла изящные руки. Начали просыпаться все стоявшие рядом со Стюартом пленники.

Но их глаза по-прежнему были подернуты пеленой. В них не было искры разума, не было осмысленности. Лишь пустота и слепое отчуждение.

Все пленники повернулись и направились к арочному проходу, который вдруг появился в одной из стен.

«Длинная Орбита»,— произнес голос в голове Стюарта.

— Что это?

«Смерть. И пища для асов. Они питаются жизненной энергией живых организмов».

— Это — единственный выход?

«Единственный, открытый для тебя».

Стюарт медленно последовал за остальными. Они миновали арку и двинулись по озаренному холодным синим светом тоннелю, который плавно заворачивал влево. За спиной Стюарта проход закрылся.

Плащ волочился за ним по полу, словно ожившая лужа крови, и вел себя вовсе не как кусок материи — подчас он двигался по собственной воле. Стюарт снова попытался сдернуть с себя чертово устройство, но застежка только туже сдавила его горло и покалывание вдоль позвоночника усилилось.

Искусственная изоляция... блокирующая нервные окончания так, чтобы он не мог вобрать в себя силу Защитников...

В левой стене тоннеля показалась ниша. От коридора ее отделяла завеса белого света, похожая на сияющий водопад. Там, за огненной пеленой, что-то двигалось, словно порхающие язычки пламени. Над нишей в камне был высечен символ. Знак Меркурия.

«Меркурий,— прозвучал в сознании Стюарта голос.— Слуга Солнца. Быстроногий Вестник. Меркурий, который пьет пламя Солнца и сам пылает, как звезда в пучине неба. Первый на Длинной Орбите».

Пленники остановились и стали тупо раскачиваться взад-вперед, волна возбуждения пробежала по толпе. Вдруг марсианская девушка стрелой метнулась к нише...

И молочно-белое пламя поглотило ее.

Она стояла неподвижно, пока завеса белого огня не сомкнулась за ней. На лице марсианки застыло выражение ужаса...

«Асы питаются,— прошептал голос.— Они пьют из чаши ее жизни... выпивают все, до последней капли».

Пленники пошли дальше. Стюарт тихо последовал за ними по тоннелю. В стене появилась еще одна ниша.

Синяя... на этот раз синяя, как туманное море из сказки, подернутое дымкой, под которой смутно угадывалось движение...

«Знак Венеры,— сказал голос.— Мир, скрытый за облаками. Планета жизни и чрево, породившее ее. Властительница морей и туманов — Венера!»

В эту нишу затянуло землянина. Он замер в нише, а лазурное море поднималось все выше, захлестывая его. Сквозь прозрачную стену воды было видно его лицо, искаженное яростью и нечеловеческим страхом...

Жертвоприношения продолжались.

Не было только ниши с символом Земли. Асы давно забыли планету, на которой когда-то родились.

«Марс! Красная звезда безумия! Властитель страстей человеческих, хозяин морей крови! Марс, третий на Длинной Орбите, Марс, чей красный песок течет в часах времени!»

Алое свечение, словно свет проходит сквозь пыльный рубин... Напряженное лицо венерианца, искаженное немыслимыми мучениями... голод асов...

«Малые Миры! Великий Пояс, окружающий Внутреннюю систему! Взорвавшаяся планета...»

Крохотные, мерцающие и пляшущие огоньки, синие и сапфировые, тускло-оранжевые, винно-красные и предрассветно-желтые...

Голод асов.

«Юпитер! Титан! Колосс межзвездных дорог! Юпитер, могучие руки которого хватают корабли землян и топят их в его кипящем сердце! Великая пятая часть Длинной Орбиты!»

Голод асов.

«Увенчанный лучистой короной, опоясанный кольцами Сатурн! Страж внешних небес! Сатурн...»

Уран... Нептун...

Плутон.

Голод асов...

За Плутоном последовали темные, неизвестные Стюарту миры. Наконец он остался один — последний из его спутников исчез в очередной кровожадной нише Длинной Орбиты.

Стюарт двинулся дальше.

И скоро увидел слева от себя новую нишу. Она была заполнена ночью. Иссиня-черная тьма, холодная и ужасная, переливалась через край.

Нечто подобное невидимому течению подхватило его и понесло вперед, хотя он сопротивлялся изо всех сил. Против своей воли он послал отчаянный зов о помощи Защитникам.

«Мы не можем помочь. Мы должны оставить тебя... ты умрешь мгновенно».

«Подождите! Не сдавайтесь! Дайте мне вашу силу!»

«Мы не можем. Пока на тебе этот плащ».

Край тьмы коснулся Стюарта, и холодок пробежал по его телу. Он почувствовал, как нечто алчущее, голод-

ное потянулось к нему из ниши. Плащ стал вздыматься волнами...

Пот выступил на лице Стюарта. Он вдруг понял, как должен поступить. Возможно, его ждет верная смерть, возможно, ему придется испытать нечеловеческие муки, но, по крайней мере, он погибнет сражаясь. Если плащ нельзя расстегнуть, может быть, его можно просто сорвать с плеч!

Стюарт вцепился обеими руками в полуживые полы плаща и рванул что было сил.

Невыносимая, запредельная боль огненной волной пробежала по позвоночнику и пронзила мозг. Стюарт чувствовал себя так, словно сдирал с себя собственную кожу. Из пересохшего рта вырывались рыдания, к горлу подкатывала тошнота. На подкашивающихся ногах попятился от черной ниши, не оставляя попыток оторвать плащ от себя. Тот цеплялся за него, словно живой...

Наконец Стюарт отбросил от себя проклятую тряпку. Плащ упал на пол... и жалобно закричал!

Стюарт был свободен.

На мгновение ужасная слабость охватила его. А потом в него хлынул бурный поток силы, опьяняющей мощи, которая в одно мгновение залечила все его раны и возродила к жизни. Энергия Защитников!

Щупальца тьмы тянулись к нему из ниши, но какая-то сила подхватила его и понесла по тоннелю. Он смутно понимал, что поднимается по плавно повышающемуся полу... потом прошел сквозь стену, которая почему-то растаяла, когда он к ней приблизился,— и снова вверх...

Он оказался в зале асов.

Над его головой уходили вверх циклопические колонны, по сравнению с которыми стоящие между ними троны казались игрушечными. А перед Стюартом возникла сверкающая стена света.

Его несло прямо на эту стену... сквозь нее.

Он очутился на черном помосте. Перед ним возвышалась фигура в черном плаще с капюшоном, которую он видел с Кари.

А рядом с этой зловещей черной громадой стояла сама Кари!

Существо подняло руку... и струя красного пламени устремилась к Стюарту. Насмешливый хохот сорвался с губ человека — ему больше не было нужды пытаться противостоять асам в одиночку. Внутри него бушевала чудовищная энергия Защитников, энергия, способная распылять солнца.

Огненное копье замерло в воздухе и погасло. Ас сделал шаг назад и плотнее закутался в плащ, словно растерявшись. А Кари... Кари тоже отступила, и на мгновение что-то похожее на надежду появилось на ее прекрасном неземной красотой лице. Похожее на надежду?.. Но Кари принадлежит асам. Если они потерпят поражение, она погибнет. Тогда почему?..

Плащ аса замерцал, и фонтан огненного света попытался сразить Стюарта.

И снова волна энергии накатилась на человека. Ослепленный, опьяневший от собственной силы, Стюарт скорее почувствовал, чем увидел, как перед ним возникла изогнутая поверхность, и огненное копье отскочило от нее. Огонь, остановленный щитом, рассыпался на множество мелких брызг. Каждая огненная капля, догорая, издавала режущий ухо звук. За спиной аса Стюарт увидел улыбку Кари, и эта улыбка была более ослепительной, чем любой колдовской огонь.

Она умрет, если ас будет повержен. Она не может не знать об этом. Но ее улыбка сделала то, чего не смогло сделать копье аса,— поразила Стюарта в самое сердце. Теперь он все понял... Все...

Плащ аса завихрился и стал вздыматься огромными черными клубами, подобно грозовой туче. Сам ас на мгновение сделался выше, словно пытался сравняться ростом с богами. А потом он сделал ради Дерека Стюарта то, чего ни один из асов не делал для смертного. Ни одному из асов прежде не приходилось идти на такое — он сбросил с себя бесполезный плащ и приготовился к схватке с этим

ничтожным существом, с которым у аса были пусть и далекие, но общие корни. В этом его жесте было что-то похожее на признание родства: впервые в этом зале появился достойный противник, равный асам, отпрыск достойного племени...

Сбросив покровы, не скрывая больше своей ужасающей мощи, ас собирался сразиться с человеком.

Сам он не был похож на человека. Не похож даже отдаленно, за исключением общих очертаний, которые эти существа, опередившие своих сородичей на миллиарды лет, почему-то решили сохранить. Старую плоть они отвергли, и ас предпочел предстать перед своим предком в виде чистой, ослепительно сверкающей энергии. Вдвое превосходя человека ростом, он был божественно ужасен и великолепен.

Огромный зал беззвучно звенел от наполняющей пространство энергии Защитников.

И вдруг откуда-то сверху упал луч света, потом еще и еще. Все они были поглощены асом, который, стоя перед своим противником, засверкал еще ярче, стал еще ужаснее. Все асы пришли на помощь собрату, стали с ним единым целым, чтобы сокрушить защитника человечества.

Стюарт приготовился принять немыслимый поток энергии Защитников. И через долю секунды она обрушилась на него!

Разум и тело человека содрогнулись от удара. Пришедшая извне мощь пронзила Стюарта и устремилась к сотканной из молний башне, в которую превратился ас. Но силы, вычерпавшей все возможности человеческого тела, было недостаточно, чтобы разрушить этот огненный столп. Ас ответил на удар, и Стюарт упал на колени в охваченном огнем зале.

Но взгляд его был прикован не к грозному в своем ослепительном блеске противнику, а к лицу Кари. Поражение Стюарта означало для нее жизнь, однако чу-

десная улыбка исчезла с губ девушки. Надежда, которой светилось ее лицо, погасла, как пламя свечи, и Кари снова стала лишь человекоподобным сосудом, постепенно разрушающимся вместилищем силы асов.

Охваченный бессилием и отчаянием, Стюарт решился:

«Эй, Защитники, помогите же! Дайте мне всю вашу силу!»

«Ты не сможешь ее выдержать,— произнес спокойный сдвоенный голос.— Ты сгоришь дотла».

«Я выдержу столько, сколько нужно! — пообещал он.— Всего одна секунда абсолютной силы! Всего одна! Этого довольно, чтобы уничтожить асов. Тогда можно и умереть, но не раньше!»

Время словно остановилось. Воплощение разрушительного ужаса, который возник много тысяч лет назад и пронесся по мирам, подобно чуме, стояло перед Стюартом. Ас склонился над ним — сейчас он нанесет последний сокрушительный удар...

И тогда в разум Стюарта хлынула мощь, подобная той, что движет галактиками, несущимися сквозь пустоту космоса.

Он был не готов. Никакой человеческий опыт не мог бы подготовить его к этому. Защитники не были людьми. В них было не больше человеческого, чем в асах. И когда высвобожденная энергия Защитников с беззвучным грохотом рванулась сквозь него в мир, душу Стюарта будто вывернули наизнанку. Он не мог пошевелиться. Не мог сложить ни единой мысли. Все, что он мог,— стоять на коленях и смотреть на аса, пока галактическая энергия наполняла его, превращая в меч, способный сокрушить врагов человечества.

Выше и выше вздымалась волна великого противостояния. Цитадель асов опасно качалась на тверди созданной богами маленькой планеты. А может быть, и сама планета дрожала на своей орбите, когда на ее поверхности бились в поединке титаны...

Все быстрее вращался слепящий огненный столп — сущность аса. Все быстрее прокатывались волны энергии по изможденному телу Стюарта, едва не разрывая его на части и испепеляя мозг космическим пламенем.

Стюарту безумно хотелось, чтобы битва скорее завершилась, чтобы наконец прекратилась эта пытка, рвущая на части его тело и душу. Он знал, что остановить мучения в его власти,— достаточно лишь признать свое поражение...

Но он упрямо пропускал через себя мощь, сжигавшую его заживо. Секунда за секундой, каждая из которых казалась ему вечностью, он изо всех сил старался не впасть в беспамятство. Защитники обрушивали стрелы огня на броню аса, и циклопические колонны зала ходили ходуном, сам воздух превратился в жидкий огонь.

Стюарт так никогда и не узнал, какой из ударов космической энергии оказался решающим. Огромная колонна аса вдруг стала вспыхивать и тускнеть, и по залу пронесся громкий и пронзительный, пробирающий до самых костей крик, рвущий барабанные перепонки и саму душу...

Твердыня асов закачалась. Яркие гобелены начали вздыматься волнами, а потом прижались к стенам... И пламенное существо, которое было асом, потухло как свеча. На глазах у Стюарта его сияние мгновенно из ослепительно яркого стало воспаленно-красным, потом потускнело до цвета тлеющих угольков и, наконец, погасло совсем. Исчезло, будто его и не было.

А вместе с ним стала угасать и жизнь Стюарта. Он увидел лицо Кари, восторженное и ликующее, но через мгновение мгла небытия заволокла ее прелестные черты.

Он не умер. Его тело, в котором не осталось ничего живого, лежало ничком где-то далеко, на холодных плитах зала асов. Но сам Стюарт завис в пустоте, где-то между жизнью и смертью.

Мысль Защитников коснулась его осторожно, почти ласково.

«Ты — великий человек, Дерек Стюарт. Имя твое не будет забыто, пока живет человечество».

Безумным усилием он заставил свой разум очнуться.

«Кари...» — мысленно произнес он.

Он ничего не услышал в ответ, только тишину, но эта тишина была наполнена теплом. Потом голоса, звучавшие как один, сказали:

«Ты забыл? Когда асы умерли, Кари умерла тоже. И ты, Дерек Стюарт, никогда не сможешь вернуться в свое тело. Ты помнишь об этом?»

Дух неповиновения вновь овладел бестелесным разумом Стюарта.

«Убирайтесь прочь! — крикнул он двойному голосу.— Что вы знаете о людях? Я одержал победу ради человечества, но что получил сам? Ничего, ничего! А Кари... Убирайтесь прочь и дайте мне умереть! Что вы знаете о любви?»

И тут, к его удивлению, голоса мелодично рассмеялись.

«О любви? — спросили они.— О любви? Ты так и не догадался, кто мы?»

Все, на что хватило Стюарта,— немой, бессловесный вопрос.

«Мы знаем людей,— сказал голос.— Мы сами были людьми, тысячу лет назад. Хорошими людьми, Дерек Стюарт. И мы помним, что такое любовь».

Он почти догадался.

«Вы...»

«Давным-давно жили на свете мужчина и женщина,— терпеливо принялся объяснять ему голос.— Человечество еще помнит легенды о них. О Джоне Старре и Лорне, людях, которые осмелились не покориться асам».

«Джон Старр и Лорна!»

«Мы враждовали с асами еще в те времена, когда и мы, и они были людьми. Мы работали вместе с ними над энтропическим прибором, который позволил им стать те-

ми, кем они стали, а нам — теми, кем стали мы. Когда мы поняли, как они собираются использовать власть, мы обратились против них... Но их было пятеро, и они были сильны, ибо не ведали сострадания. Нам пришлось спасаться бегством».

Голоса, которые говорили как один, стали совсем далекими, словно погрузились в воспоминания.

«Они создали Асгард, поселились на нем и копили мощь, они постоянно изменялись, потому что миллионы лет проносились для них в одно мгновение благодаря ускорению энтропии. Мы обитали в своем собственном мире и тоже менялись, но совсем по-другому. Теперь мы — не люди. Но и не чудовища, какими стали асы. Нам много раз пришлось испить горькую чашу поражения, Дерек Стюарт. Но мы помним, что такое человечность. Что же до любви...»

«У вас — своя любовь, и лишь о ней вы можете говорить,— с горечью произнес Стюарт.— Ваша любовь будет жить вечно. А Кари... Кари мертва».

Теперь в голосах послышалось еще больше сострадания.

«Вы пожертвовали бóльшим, нежели мы. Вы отказались от любви, лишились тел. Мы...»

Снова молчание. Потом раздался голос — только один, женский. Тихо и нежно он произнес:

«Есть один способ, Джон. Правда, нам будет нелегко...»

«Но Кари мертва»,— повторил Стюарт.

«Ее тело лишилось жизненных сил асов,— сказала женщина.— А твое сгорело от энергии, которую мы пропустили сквозь него, поэтому оно не способно жить, если только тебе не поможет существо, превосходящее человека».

«Лорна...»

«Мы должны на время разделиться, Джон. Мы слишком долго были едины. Сейчас нужны двое, чтобы поддержать этих двоих. До тех пор, пока они не станут другими...»

«Кем мы станем?» — нетерпеливо спросил Стюарт.

«Если наши жизни поддержат ваши, вы изменитесь так же, как когда-то изменились мы. Энтропия сделает для вас то, что сделала для асов и для нас. И это, по-моему, совсем неплохо. Человечество нуждается в вожде. Мы с Джоном лучше сумеем помочь вам, если снова испытаем человеческие переживания. Пройдет время, пройдут тысячелетия, круг замкнется, и мы с Джоном снова сможем соединиться. И вы с Кари тоже».

Стюарт задумался.

«Но Кари... это точно будет Кари?»

«Конечно,— услышал он ласковый голос.— Очищенная от зла асов, поддерживаемая моей силой, как ты — силой Джона. Вы снова будете самими собой. И все миры будут открыты перед вами, а потом... вы будете жить с нами среди звезд».

«Лорна, Лорна...» — раздался мужской голос.

«Ты знаешь, что мы должны так поступить, любимый. Мы слишком многого хотели от них, ничего не давая взамен. Кроме того, мы ведь расстаемся не навсегда».

И снова темнота и тишина.

Стюарт вдруг ощутил нечто циклопическое, нависшее над ним. Он со стоном пошевелился. Он был в собственном теле, на полу зала асов — асов, которые теперь были мертвы! — и огромная башня терялась в дымке над его головой.

Он повернул голову.

Девушка, свернувшаяся подле него под светлым покрывалом своих волос, вздохнула и пошевелилась.

ПЛАЦДАРМ

Даже сейчас трудно непредвзято и точно изложить историю Вторжения. Начать с того, что сам этот термин неправилен. Чужеземцы, топчущие железными ногами обессиленную, истекающую кровью Землю, на самом деле не испытывали к нам никакой враждебности. Теперь мы понимаем это, что, однако, не делает результат их появления менее катастрофическим.

Случись это несколько веков назад, люди наверняка восприняли бы пылающую в небесах комету как зловещее предзнаменование. В наше время все свелось к тому, что ученые в обсерваториях, приникнув к телескопам, трудились не покладая рук, делая спектроскопический анализ и фотографии кометы Мендера.

Именно доктор Джулес Мендер первым увидел комету со своей станции на горе Паломар. Позже в газетах появились краткие заметки о небесном госте и более пространные статьи со зловещими иллюстрациями в воскресных приложениях.

Комета была новичком в нашей Солнечной системе. Возможно, она отклонилась от своего первоначального курса под воздействием гравитации массивного небесного тела где-то за Андромедой. Однако тщательное изуче-

---

© Перевод Б. Жужунавы.

ние ее новой орбиты показало, что она будет нашим постоянным гостем, возвращаясь в Солнечную систему каждые семьдесят пять лет. Комета Мендера... Запомним это. Потому что она действительно была вестником надвигающейся гибели.

В то время мы, американцы, видели гибель повсюду за пределами своей страны. По всему миру бог войны размахивал окровавленным мечом, испуская яростные крики. Вторая мировая война слепо сокрушала все вокруг. Мгла сражений сгустилась над Европой и странами Востока. В конфликт оказались втянуты все правительства Восточного полушария, и пушки грохотали днем и ночью.

Земля жадно впитывала кровь. Это была война горечи и ненависти, война на уничтожение. На Восточном фронте шла беспримерная бойня. Между линией Зигфрида и линией Мажино простиралась земля, где люди не жили, а лишь умирали в ужасных мучениях.

Грохотали пушки, но мы, в Америке, слышали их издалека. Для многих из нас жизнь продолжалась как обычно. Молодые люди катались на коньках в Центральном парке, в праздничные дни по Пятой авеню маршировали парады, женщины с открытыми плечами танцевали с безупречно одетыми мужчинами в Рэйнбоу-холле, в отелях «Риц-плаза» и «Астор». Открывались новые театры. И в театре «Метрополитен-опера» в Нью-Йорке состоялась мировая премьера фильма под названием «Люди будущего».

Эта картина демонстрировалась только раз, да и то показ был прерван почти в самом начале. Киностудия «Саммит», конечно, потеряла на этом фильме огромные деньги. Они рекламировали его на протяжении многих месяцев как образец совершенно новой технологии в создании кинофильмов, высшее достижение в области многоплановости и попыток добиться на экране трехмерного изображения.

Подлинный метод, который использовали специалисты «Саммита», так никогда и не стал достоянием гласности, однако не вызывает сомнений, что и сам экран, и метод проектирования отличались от обычных. Экран состоял из бесчисленных слоев тончайших ячеек, сделанных из упругого пластика. Свет проектора представлял собой комбинацию невидимых ультрафиолетовых и инфракрасных лучей с видимым светом. Киностудия «Саммит» потратила миллионы на всеохватную рекламную кампанию. Попасть на премьеру можно было лишь по пригласительному билету.

Предпочтение отдавалось общественным деятелям и критикам. Из Голливуда на специальных самолетах прилетели кинозвезды, продюсеры, режиссеры и элита столицы кинематографа. Грузовики с телевизионщиками ожидали у входа в театр. Бродвей сверкал огнями прожекторов. Афиши провозглашали:

МИРОВАЯ ПРЕМЬЕРА
ЛЮДИ БУДУЩЕГО
А ТАКЖЕ САМЫЕ СВЕЖИЕ
ЛЕНТЫ КИНОХРОНИКИ
ВОЙНЫ В ЕВРОПЕ

Кинозвезды, сияя улыбками, лепетали в микрофоны и раздавали автографы. Режиссеры и продюсеры говорили, как они счастливы присутствовать на премьере. Таймс-сквер заполонила толпа, и транспорт пришлось пустить в обход, по Шестой и Восьмой авеню. На Таймс-билдинг бегущая строка высвечивала самые последние новости.

«На премьеру нового фильма киностудии "Саммит" съехались тысячи людей... Генерал предсказывает скорую победу... Над Ла-Маншем сбиты двадцать самолетов... Ученые утверждают, что комета Мендера испускает излучение, схожее с космическим...»

В небе, неразличимый на его светлом фоне, висел огненный шар с хвостом, вытянутым в сторону от солнца.

Лощеный диктор представлял в микрофон прибывающих знаменитостей:

— Мисс Дженис Арден, очаровательная звезда Голливуда, и сопровождающий ее Дэн Дэрроу... Генерал Орни. Он специально прилетел из Вашингтона, чтобы присутствовать на премьере... И малышка Бетси Фенвик, пяти лет от роду, но с головы до ног истинная звезда...

Генерал Гораций Орни вошел в свою ложу и уселся там в уединении с присущим ему величественным и надменным видом. Это был немолодой, но представительный мужчина, которому очень шла военная форма. Закурив сигарету, он разглядывал зрителей внизу, время от времени приветственно кивая, если видел знакомое лицо.

В зале присутствовал Джек Ганнибал, второй человек в армии, в сопровождении хорошенькой блондинки. «Джек всегда отличался отменным вкусом»,— подумал генерал, выпрямляясь в кресле. Свет в зале медленно погас, и тяжелые занавеси раздвинулись, открывая экран.

Наступила тишина. На экране возникла фигура человека, игравшего в фильме главную роль, и его появление приветствовала буря аплодисментов. Все, естественно, заметили, что изображение выглядит трехмерным, человек был почти как настоящий. Ничего похожего на плоские картинки обычных фильмов. По-видимому, киностудия «Саммит» добилась желаемого, сумела создать движущиеся трехмерные изображения!

Киноактер произнес краткую речь, поклонился и исчез. Начался сам фильм, «Люди будущего». Картина производила впечатление. Она была создана на основе недавно вышедшего, чрезвычайно популярного фантастического романа, и к тому же с использованием всех

технических трюков, имевшихся в арсенале Голливуда. Действие происходило в отдаленном будущем, и — невероятно, но факт — ощущение возникало такое, будто экран стал окном в реальность.

Генерал Орни откинулся в кресле, раскурил вторую сигарету, но, не успев поднести ее ко рту, с недоуменным видом резко подался вперед.

Что-то было не так. Картинка сделалась нечеткой, утратила фокус. Звук стих, а потом возобновился с новой силой, но теперь как пронзительное гудение очень высокого тона.

В зрительном зале послышались смешки. Киномеханика, можно не сомневаться, ждут большие неприятности. Сейчас все снова наладят...

Этого не произошло. Экран приобрел странный, не поддающийся описанию цвет. Пронзительное гудение достигло такой силы, что резало уши и вызывало ощущение дискомфорта. Люди начали беспокойно ерзать.

А потом экран... исчез! На его месте замерцал необъяснимый туманный квадрат... что-то вроде стены тусклого света. И на этом невероятном фоне возникли две гигантские фигуры.

Две таинственные фигуры, каждая около двадцати футов высотой, спокойно стояли, по-видимому, разглядывая зрителей. Критики заглянули в свои программки, потом снова посмотрели на экран. Гиганты по-прежнему не двигались.

Они выглядели, как настоящие монстры — с гротескно большими, похожими на луковицы черепами и огромными горящими глазами. Длинные трехпалые руки были, казалось, лишены костей, а длинные, как ходули, ноги поддерживали тощие бедра и бочкообразную грудь, заключенную во что-то вроде скафандра.

Кто-то из зрителей начал возмущенно размахивать руками в сторону будки киномеханика. Генерал Гораций Орни сощурился, заметив, как Джек Ганнибал, шепнув

что-то своей спутнице, поднялся и начал пробираться по проходу.

Гиганты пришли в движение, взмахнув похожими на щупальца руками. Какой-то мужчина в первом ряду встал и, явно нервничая, потянул свою даму за руку.

И потом это произошло.

Монстры вышли из экрана!

Это было настолько неожиданно, настолько фантастически, что несло в себе примесь какого-то абсурдного юмора. Странная все-таки штука психология: по залу прокатилась волна нервного смеха. Да уж, думали люди, «Саммит» постаралась на славу: фильм и впрямь получился потрясающий...

Смех, однако, мгновенно смолк, когда человек в первом ряду завопил от страха и бросился бежать. Увы, он успел сделать всего несколько шагов. Тот монстр, что покрупнее, протянул руку и схватил человека бескостными пальцами. Джек Ганнибал, уже в проходе, на мгновение остановился и закричал:

— Остановите фильм! Немедленно!

Крик привлек внимание второго монстра, и в его руке появилось что-то вроде длинноствольного ружья. Он вышел из экрана и выстрелил в Ганнибала световым лучом. Тот схватился за сердце, застонал и упал.

Генерал Гораций Орни обнаружил, что стоит, негромко ругаясь и посылая из автоматического пистолета пулю за пулей в ближайшего монстра. Выстрелы, однако, не произвели на чудовище ни малейшего впечатления. Он стоял, с любопытством разглядывая извивающуюся в его пальцах жертву. Люди кричали и топали ногами.

Свет в будке киномеханика погас, однако гиганты не исчезли. Тот, который схватил человека, повернулся, сделал несколько шагов назад и пропал, точно растаяв в экране. Второй начал методически расстреливать своим лучом всех, кто находился в театре. Генерал Орни,

присев за перилами, без всякого результата продолжал стрелять, пока не кончились патроны. Монстр был неуязвим, или, по крайней мере, казался неуязвимым. Он расхаживал по залу, круша ряды кресел тяжело ступающими ногами и выискивая новые жертвы взглядом огромных глаз.

В конце концов в партере не осталось никого живого. Великан повернулся, и в этот момент Орни встал и тщательно прицелился. Он выжидал, пока существо медленно приближалось к нему.

Осталась всего одна пуля.

Орни выстрелил точно в глаз противнику. Он не промахнулся, но и этот выстрел не причинил монстру никакого вреда. Тогда генерал швырнул пистолет прямо в уродливое, совершенно чужеродное лицо.

Великан по-прежнему стоял совершенно неподвижно, разглядывая его. В огромных глазах застыло выражение холодного, бесстрастного любопытства и что-то еще... ужасное присутствие Неведомого, вызвавшее волну холодной дрожи в спине Орни. Внезапно до него дошло, что для этого создания он все равно что муравей...

Генерал осторожно, медленно попятился к портьерам, остановился на мгновение и выскочил в коридор. Монстр не пытался задержать его. Гораций Орни бросился бежать, слыша лишь звенящую тишину вокруг и ощущая стекающий по щекам холодный пот.

«Вашингтон! — лихорадочно думал он.— Нужно позвонить в Вашингтон...»

Внезапно страшный, болезненный удар неведомой природы настиг Орни. Волна света и звука обрушилась на него, он ослеп и оглох. Пол ушел из-под ног, острая боль сдавила легкие. За миг до смерти он попытался крикнуть, попытался предостеречь...

И в это мгновение Таймс-сквер исчезла. От Манхэттена остались одни руины. И так же внезапно над городом возник световой купол с центром на месте «Метропо-

литен-опера», похожий на перевернутую чашу мерцающей белизны, в сотню футов высотой. Внутри этой чаши все было мгновенно уничтожено, разложено на атомы. Оставшиеся без опоры верхушки небоскребов рухнули в купол и исчезли. В наступившей затем тишине послышались испуганные крики и вой полицейских сирен.

Вот так Ужас пришел на Землю.

Как водится, вскоре начали возникать разные теории. Титаны пришли из другого измерения, предположили ученые. Из плоскости, пересекающейся с нашей, но вибрирующей на другой частоте. Они хотят завоевать Землю, истребить весь человеческий род.

Теории теориями, а Нью-Йорк тем временем поспешно эвакуировали, бомбардировщики осыпали световой купол бомбами, мощные орудия обстреливали его. На все это титаны не обращали никакого внимания. И ровно через тридцать четыре часа после их появления из сверкающей полусферы на Манхэттене вылетел флот, состоящий из странных воздушных судов.

Один за другим корабли проносились сквозь мерцающую завесу купола и устремлялись на восток, через Атлантический океан. Гладкие, веретенообразные, без каких-либо характерных особенностей. Они пролетели над Британскими островами, над раздираемой войной Европой и устремились дальше, в Сибирь.

Зенитные орудия обстреливали их, но титаны были неуязвимы. В Сибири они создали второй световой купол — в нем-то один за другим и скрылись их корабли. На этом все закончилось.

Мир замер в ожидании, растерянный, охваченный страхом. Теперь на Земле существовали два ослепительно сверкающих купола... это казалось совершенно бессмысленным! Почти тридцать часов прошло, прежде чем корабли появились снова.

Но не все. Из сибирского купола вынырнули около трети первоначального количества кораблей и отчаянно устремились к Манхэттену. Они так туда и не долетели. Вслед за ними из таинственной, немыслимой полусферы появились сотни кораблей совершенно другой конструкции. Эти походили на огромные кубы, со сторонами в сотни квадратных футов. Они бросились вдогонку за улетающими кораблями титанов и уничтожили их в невиданном бою над Атлантикой.

Его наблюдало множество морских судов, которые тут же радировали об увиденном. В ответ им сообщили другие, не менее устрашающие новости. С острова Джерси пришло сообщение, что из купола на Манхэттене вынырнули буквально тысячи веретенообразных кораблей и полетели на запад.

Русские заявили, что из сибирской полусферы появляются все новые и новые суда кубической формы. Небо почернело от них. «Кубы» и «веретена» сражались друг с другом в яростной битве, от которой содрогалась Земля. Оружием им служили лучи и вибрация. О людях никто и не вспоминал.

Потом война приобрела характер отдельных стычек и распространилась по всему миру. «Кубы» и «веретена» крушили друг друга и все, на что падали. В развалинах были обнаружены тела. Титанов мы уже видели — крупноголовые создания с бочкообразной грудью и плотью, твердой и холодной, точно металл. Все, кого мы находили, были мертвы.

Создания в разрушенных кубических судах выглядели иначе; в них совсем не было ничего человеческого. Просто шары, десяти футов в диаметре, с дюжиной гибких щупальцев, растущих из тел на разных расстояниях друг от друга. Другие видимые органы отсутствовали, плоть поблескивала перламутром. Это были организмы на основе не углерода, а кремния. Живые кристаллы —

удивительно, в какие формы способна облекать себя жизнь!

Естественно, пока шли сражения между «кубами» и «веретенами», европейская война прекратилась. Ради борьбы с общим врагом правительства забыли о своих притязаниях. Линия Зигфрида и линия Мажино опустели. Пушки были нацелены исключительно в небо. Но, не обращая внимания на людей, титаны и силикаты продолжали воевать друг с другом, оставляя позади себя выжженную землю.

Бьющие из кораблей лучи разрушали дома в пыль. Кливленд, Париж, Сан-Франциско, Константинополь, Токио и множество других городов были частично или полностью уничтожены. При всем при том чужеземцы не питали к людям ненависти.

Просто городам не повезло оказаться на их пути.

Тем немногим, что нам известно о мотивах пришельцев, мы обязаны человеку по имени Куртис Гровер, ювелиру из маленького городка на Среднем Западе. Один из воздушных боев происходил как раз над этим городком. Дома превращались в прах. Гровер увидел, как корабли падают с неба, и спрятался в подвале под своим ювелирным магазином.

Нам исключительно повезло, что Гровер оказался человеком образованным: библиофилом, лингвистом. В то время ему было пятьдесят три года. Это был худощавый лысый человечек с болезненно-желтым, изрезанным морщинами лицом. Спрятавшись в своем подвале, он вслушивался в то усиливающийся, то затихающий грохот сражения. А потом прямо над головой раздались тяжелые удары. Кто-то вошел в магазин... раненый, подумал Гровер. Он поднялся по лестнице, чтобы посмотреть, кто там.

Это оказался один из титанов. Одна нога у него превратилась в месиво, он то и дело поглядывал на дверь и

выбитые окна. Гровер, стоя на верхних ступенях лестницы, непроизвольно издал возглас страха. Титан повернулся и увидел его. Взметнувшись, бескостная рука обвилась вокруг тела Гровера. Он почувствовал, как его поднимают, и потерял сознание.

Очнувшись, он обнаружил, что лежит на полу, а рядом с ним, скрючившись, сидит титан — гротескный, жуткий силуэт, уже отчасти утонувший в сумраке приближающегося вечера. Какие мысли в этот момент возникли в голове Гровера, мы никогда не узнаем. Он вскочил и бросился бежать. Огромная рука метнулась следом, подтянула его обратно и снова расслабилась. Гровер повторил попытку — и опять его подтащили назад.

Это повторилось несколько раз. Потом титан, все еще сжимая свою жертву, замер и наклонил огромную голову, как бы к чему-то прислушиваясь. Лишенные век глаза, не отрываясь, смотрели на человека. И совершенно необъяснимым образом Гровер ощутил какое-то копошение внутри головы. Казалось, в мозгу ковыряется ледяной палец. Мысли стали обрывочными, бессвязными.

По его словам, это ощущение можно было бы сравнить с тем, как если бы он глядел не в тот конец телескопа или находился под анестезией. Все чувства исчезли. А потом в голове Гровера зазвучал голос.

Теперь мы понимаем, что это была телепатия. Ювелир, человек образованный, пришел к тому же выводу спустя минуту. От появления логического объяснения, однако, легче ему не стало. Шквал странных мыслей обрушился на его разум, и вместе с ними возникли не менее странные, явно чужие эмоции — страх, настороженность и что-то вроде иронического удивления. Он понимал — или чувствовал,— о чем думает титан.

Корабль чужеземца был сбит, а вся его эскадра уничтожена силикатами. Один из кубических аппаратов все еще прочесывал местность, выискивая поверженного противника. Пока он летал над головой, титан был в ловуш-

ке. Он даже не мог послать сообщение с просьбой о помощи, поскольку оно было бы тут же перехвачено врагом.

Однако по прошествии некоторого времени кубический корабль должен улететь, и тогда титан попросит прислать помощь, и соотечественники спасут его. Тем временем великан скучал, и это человекоподобное, хотя и очень странное с виду создание забавляло его. Оно было, до известной степени, разумно, а также полно страха и любопытства.

Гровер, прежде сражавшийся на Первой мировой войне, потрясенно вспомнил, как однажды прятался в воронке от снаряда в компании нескольких трупов и небольшой крысы. Он поймал крысу и, чтобы время проходило быстрее, играл с ней — скармливал крошки сухого печенья и смеялся над ее ужимками. Это сравнение, не лишенное иронии, отчасти даже позабавило Гровера. Титан уловил его мысль и понял ее.

Внезапно Гровером овладело чувство негодования, и он — впрочем, без всякого толку — забился в удерживающих его сильных руках. Титан наклонил похожую на луковицу голову, устремив на землянина внимательный взгляд сверкающих глаз.

Спустя некоторое время к Гроверу вернулся здравый смысл. Он заставил себя успокоиться. Если ему удастся установить контакт с титаном — подружиться с ним или даже выведать ценную информацию,— это, возможно, окажется небесполезно для военных.

Великан, казалось, мысленно зааплодировал ему.

— Кто вы? — вслух спросил Гровер.— Откуда пришли?

И тут же закричал от жуткой боли, пронзившей голову. Гигантский поток чужеземных мыслей хлынул в сознание. Титан совершенно чистосердечно хотел ответить на вопросы, однако его ненормальный, с точки зрения землянина, абсолютно чужеродный образ мыслей был недоступен человеческому пониманию. Если бы авст-

ралийский бушмен попытался понять Евклида, у него, наверно, тоже разболелась бы голова, хотя геометрия Евклида базируется на законах нашего мира.

Наконец пульсирующая боль в голове Гровера стихла. Он увидел, как титан протянул руку к ближайшей витрине, разбил стекло и достал горсть драгоценностей. Отобрал три из них, а остальные отбросил. Потом чужеземец сделал странную вещь. На полу, непосредственно перед Гровером, он положил в ряд рубин, жемчужину и алмаз.

Кроваво-красный рубин... розовая жемчужина... искрящийся алмаз... все три камня располагались на прямой линии. Ну, типа того, как человек использует деревянные кубики, чтобы объяснить ребенку алфавит.

Жемчужина лежала в середине. Титан указал на нее.

— Это ваш мир,— телепатически объяснил он Гроверу.— Понимаешь? Ваш мир в середине.

Это было фантастическое зрелище! Вечерние тени сгустились внутри маленького магазинчика. Гротескная фигура чужеземца казалась нереальной...

Титан прикоснулся к алмазу.

— А это мой мир. Мой мир соприкасается с вашим, смыкается с ним. Но только в гиперпространстве, в другом измерении. Сами по себе и ваш, и мой миры трехмерны.

Гроверу приходилось читать подобные теории, и он понимающе кивнул.

Теперь титан указал на рубин.

— Эта... драгоценность — еще один мир, из которого пришли те, кого вы называете силикатами. Итак, у нас есть три мира, соприкасающиеся друг с другом только в четвертом измерении. Силикаты — рубин. Вы, земляне,— жемчужина. И мы — алмаз.

— Теперь,— продолжал титан,— представь себе, что ты живешь в мире алмаза и хочешь добраться до мира рубина, но можешь двигаться только по прямой. Как сделать это?

Гровер схватывал быстро.

— Пройдя через мир жемчужины,— ответил он.

— Правильно. Именно поэтому титаны вынуждены проходить через ваш мир, чтобы добраться до планеты силикатов. Войти напрямую в вибрационную плоскость силикатов мы не можем. Нам обязательно нужно сначала пересечь ваш мир.

— Но зачем? — взорвался Гровер.— Не понимаю! Эта бессмысленная война...

— Тебе ничего о ней неизвестно. Не мы ее начали. Мы просто боремся за свою жизнь. Вопрос стоит так: или мы убьем силикатов, или они нас.

Гровер покачал головой.

— Это вы вторглись к ним,— упрямо заявил он.

— Погоди. Я сказал, что трехмерные объекты не могут напрямую перемещаться из мира силикатов в наш или обратно. Однако существуют виды излучений, которые способны проникать из одной плоскости в другую, минуя вашу планету. Не так давно силикаты разработали новую форму энергии, питающую их машины и города. Им эта энергия не причиняет вреда, но ее излучение, проникая к нам из мира силикатов, убивает нас. Мы просили их прекратить использовать эту энергию, но они отказались.

Вот и получается,— завершил свое объяснение титан,— что мы должны убить их до того, как смертоносное излучение прикончит нас. Наше вторжение в мир силикатов полностью оправдано.

Гровер задумался.

— Они не пойдут на уступки?

— Они говорят, что без этой энергии им не обойтись. Замены ей нет, а без энергии они погибнут. Выходит, и мы, и они сражаемся за свою жизнь.— Титан замолчал, как будто прислушиваясь к чему-то.— Вражеский корабль улетел. Теперь я пошлю сигнал о помощи.— После краткой паузы он заметно расслабился.— Ну вот. Совсем скоро корабль подберет меня.

— А что будет со мной? — в страхе спросил Гровер.— Ты не...

— С тобой? — Эта мысль титана несла на себе оттенок веселого удивления.— Вижу, ты думаешь, будто я собираюсь убить или пленить тебя. Но зачем? Что плохого ты мне сделал? Позабавил в час скуки, и все. Теперь ты можешь уйти.— Гигант кивнул в сторону двери.

Гровер прикусил губу.

— Вы же уничтожаете Землю!

— Ненамеренно. Уж пусть лучше сражения происходят здесь, чем позволить силикатам проникнуть в наш мир, разрушать наши города. Мы должны загнать их обратно в их мир, а потом уничтожить.

Неожиданно у Гровера мелькнула одна мысль, и титан тут же уловил ее.

— Тебя интересует, как произошло наше первое появление... через киноэкран. И мы, и силикаты на протяжении многих лет пытались пробиться в земное измерение. Однако не было прохода — с вашей стороны его запирали ворота. Но когда начали показывать эту картину, на экран упали новые световые вибрации. В сочетании с лучами, испускаемыми кометой, не так давно появившейся в Солнечной системе, это помогло нам преодолеть разделяющий наши миры барьер.

Мы не могли бы проникнуть в ваш мир, если б вы сами не открыли нам ворота... и притом в нужное время. Возможно, когда-нибудь мы научимся проходить в ваш континуум без вашего, пусть неумышленного сотрудничества, однако излучение кометы — вы называете ее кометой Мендера — играет решающую роль.

Гровер внезапно сменил тему.

— А что, если предложить силикатам другой источник энергии? Типа электричества? У них оно есть?

— Они используют атомную энергию, которая высвобождает кванты... Электричество? Что это такое?

Ювелир пустился в объяснения, но успеха не достиг.

— В девяти милях к югу отсюда на плотине стоит электростанция,— сказал он, в конце концов.— Может быть...— Он подробно объяснил, как туда добраться.

Титан кивнул.

— Мы проведем исследования. Электричество... для нас это что-то новое. Возможно, оно способно действовать в мире силикатов. Если это так и если они согласятся использовать его...— Он поднялся и вышел из магазина, но его мысли все еще долетали до Гровера.— За мной прилетел корабль. Прощай.

Некоторое время ювелир просидел в молчании. Потом вышел на улицу, посмотрел на небо и увидел, как в южном направлении исчезает похожий на веретено корабль.

— Электричество,— задумчиво произнес он.— Может быть...

Гровер подошел к автомобилю, чудесным образом уцелевшему во время жуткого погрома. Нужно связаться с властями. Они наверняка знают, что делать. Люди в Вашингтоне поймут...

Тем временем, однако, с неба продолжал падать смертоносный ливень. Силикаты и титаны сражались своим ужасным оружием. Комета Мендера медленно ползла к Солнцу. Из Вашингтона по радио сообщали новости, которые принес Гровер, и высказывали по этому поводу различные предположения.

Все мы, земляне, были просто муравейником на ничейной территории. Противоборствующие силы топтали нас, не замечая этого. Мы не стоили того, чтобы принимать нас в расчет. С какой стати? Это был... плацдарм! И только происходящие на этом плацдарме бои имели значение. Земля представляла собой мост между двумя отрезанными друг от друга цивилизациями — и они сражались на этом мосту!

Были задействованы все ученые, все военные силы, но без малейшего эффекта. Нам удалось найти и сохранить небольшое количество оружия со сбитых кораблей титанов и силикатов, но, по строжайшему приказу, это держалось в секрете. Правительства призывали всех: «Ждите!»

Ждите... но чего?

Мы не знали. Комета подползала к солнцу. Титаны медленно оттесняли силикатов. Настал день, когда кубические корабли лавиной устремились в сторону Сибири. Один за другим они подлетали к световому куполу и, проходя сквозь него, исчезали в своем мире. За ними последовали корабли-веретена. Что это означало? Убедительную победу? Этого мы так никогда и не узнали.

Гровер, конечно, не раз спрашивал себя, предлагали ли титаны секрет электричества силикатам и каков был ответ. Как бы там ни было, пока наступила передышка. Два «веретена» остались на Земле; один парил над Манхэттеном, другой над Сибирью.

А потом... полусферы исчезли. Однажды ночью светящиеся чаши замерцали и растворились, будто их никогда и не было.

На их месте остались странные, таинственные сооружения из кристаллов и металла, одиноко возвышающиеся в центре круглых проплешин голой, выжженной земли. Два корабля продолжали бдительно парить над ними.

Генерал Роберт Холл сидел рядом с Гровером в бомбардировщике и смотрел, как над Аппалачскими горами восходит солнце. В небе кружили около дюжины самолетов. Холл кивнул одному из пилотов, и тот коротко произнес что-то по радиосвязи.

— Готовитесь к нападению? — спросил Гровер.

— Да. Мне не следовало допускать вас сюда, знаете ли. В конце концов, вы гражданский человек. Однако вы заслужили это. Ваша информация...

Второй пилот встал со своего места и подошел к ним. Это был стройный молодой человек с худощавым лицом, в котором сейчас вряд ли кто-нибудь узнал известного физика, кем он, собственно говоря, являлся. Он сел лицом к Гроверу и генералу, закурил сигарету.

— Скоро все выяснится,— сказал он.

— Вы уверены, Стэнтон? — В голосе генерала явственно прозвучали нотки сомнения.

— Все указывает на это.— Стэнтон глубоко затянулся дымом сигареты.— Все эксперименты подводят нас к одному-единственному выводу. Ворота между этими другими мирами открыты только тогда, когда на Землю воздействует прямое излучение кометы, а она сегодня ночью ушла за Солнце. Теперь Солнце экранирует ее излучение, и оно не достигает нас. Как только это произошло, ворота — сверкающие купола — исчезли. Уверен, именно с учетом всего этого титаны оставили на Земле свои корабли.

Когда комета выйдет из-за Солнца, что произойдет спустя несколько часов, титаны в кораблях включат свои проекционные установки и снова откроют ворота. Конечно,— Стэнтон криво улыбнулся,— когда комета уйдет за Плутон, ее излучение ослабеет настолько, что уже не будет иметь значения. Однако это произойдет нескоро. Если нам удастся уничтожить оставленные титанами корабли и их проекционные установки, мы будем спасены.

Гровер промокнул лысину носовым платком.

— Все правильно. Ворота можно открыть только из нашего мира. Сейчас титаны уже наверняка знают, как воссоздать вибрации, возникшие при демонстрации того кинофильма. Однако им по-прежнему требуется помощь кометы Мендера.

— Оставляю науку вам,— генерал хмуро воззрился на Стэнтона.— Мое дело воевать. На самолетах установлено оружие, которое мы нашли в сбитых кораблях

силикатов. Может, оно и сработает, если наши бомбы не принесут результатов. Однако эти их лучевые пушки...

— Силикаты сбивали корабли титанов именно лучевыми пушками.— Стэнтон посмотрел на часы.— Сибирская эскадра сейчас вылетает?

— Да. И здесь...

Генерал перевел взгляд за окно. Там, где когда-то была Таймс-сквер, сейчас раскинулся опустошенный, безжизненный круг земли, в центре которого возвышалось казавшееся маленьким по сравнению с ним сооружение из кристаллов и металла. Над ним парил веретенообразный корабль титанов.

— Как только комета появится из-за Солнца, они включат свои проекционные установки и снова откроют ворота,— угрюмо сказал Стэнтон.

Вместо ответа генерал Холл взял микрофон и что-то отрывисто произнес в него. Взревели моторы. Пять самолетов устремились к земле.

«Веретено» висело над проектором, защищая его и, похоже, игнорируя угрозу со стороны приближающихся кораблей. Фугасные бомбы не причинят ему вреда. Ничто земное не причинит ему вреда.

Однако оружие, нацеленное на корабли титанов, не было земным.

Первый самолет выстрелил ослепительно алым лучом. Он зашарил по земле, поднимая облака пыли там, где касался ее. Корабль титанов не сдвинулся с места, но внезапно из его корпуса вырвался яркий зеленый луч.

Потом второй... и еще.

Самолет взорвался. Корабль генерала накренился, провалившись в воздушную яму. Когда он выровнялся, нападающих самолетов осталось лишь четыре, и все метали вниз алые лучи. Однако это оказалось нелегко — прицелиться точно с летящего самолета.

Один пилот устремился вниз в самоубийственном пике, остальные последовали за ним. Они мчались к вере-

тенообразному кораблю в кромешном аду пылающих зеленых лучей.

Красные лучи обшаривали землю под собой. Два самолета взорвались, осталось всего два.

И потом возникло впечатление, будто аппарат титанов резко увеличивается в объеме. Его корпус пошел трещинами и с оглушительным, раздирающим уши ревом развалился на части.

Один из уцелевших самолетов сумел выйти из смертельного пике. Второй рухнул вместе с обломками вражеского корабля.

Поджав губы, генерал Холл смотрел вниз, изучая картину разрушения.

— Получилось,— сказал он.— Корабль титанов и проектор... все уничтожено.

Пилот повернулся к нему, похлопывая себя по наушникам.

— Сибирь докладывает, сэр,— взволнованно сообщил он.— Цель поражена и там.

— Хорошо,— сказал генерал.— В аэропорт. Немедленно.

Гровер посмотрел на Стэнтона.

— И что теперь?

Ученый пожал плечами.

— Бог знает. Нужно подождать. Все наши теории основываются на предпосылке, что ни титаны, ни силикаты не могут открыть ворота до возвращения кометы Мендера. Будем ждать...

И мы ждали. Наконец комета Мендера вынырнула из-за Солнца. Над Сибирью и Манхэттеном безостановочно кружили самолеты. Мы замерли в ожидании новостей, страшась появления новых световых полусфер.

Комета прошла орбиты Венеры, Земли, Юпитера и двинулась дальше. Миновала Плутон, и мы облегченно вздохнули. Мы были в безопасности...

В безопасности? Раз так, мы занялись восстановлением. Разрушенные города снова поднимались из пепла. И время от времени люди спрашивали себя: чем закончилась битва титанов и силикатов? Кто победил?

— Может, они заключили мир,— сказал Стэнтон Гроверу, когда они сидели за ланчем в восстановленном Рокфеллеровском центре.— Не исключено, что в конце концов силикаты решили удовольствоваться электрической энергией вместо атомной. Думаю, и те и другие предпочитают мир. Ведь это разумные расы, и к тому же сравнимые по мощи. Продолжение войны между ними в итоге означало бы гибель обоих миров, обеих цивилизаций.

Слушая ученого, Гровер прикурил сигарету.

— И все же угроза остается. Комета Мендера имеет семидесятипятилетний цикл. За это время наука титанов и силикатов может заметно продвинуться вперед. Вдруг у них появится новый повод к вражде? Вдруг они опять прорвутся в наш мир? Не знаю. Знаю лишь одно — через семьдесят пять лет комета Мендера вернется...

ОЧИ ТХАРА

Он вернулся, хотя знал, что его ожидает. Он всегда возвращался в Кланвар с тех пор, как много лет назад его изгнали из этой древней марсианской твердыни. Возвращался нечасто и всегда тайком, поскольку за его голову была назначена немалая цена и те, кто правил Сухой провинцией, с радостью заплатили бы ее. Очень скоро у них появится прекрасный шанс выложить эту награду, думал Дантан, шагая по выжженной солнцем земле сквозь раскаленную тишину ночи и настороженно прислушиваясь к звукам в разреженном, сухом воздухе.

Даже после наступления темноты здесь ощущалась жара. Мертвая земля, потрескавшаяся и безводная, хорошо сохраняла тепло, очень медленно освобождая его в свете двух лун — Очей Тхара, как величали их в кланварском фольклоре,— неспешно плывущих по бескрайнему небу. И все же Сэмюель Дантан уже в который раз возвращался в эти заброшенные земли, притягиваемый любовью и ненавистью.

Любовь он утратил навсегда, однако насытить алчущую ненависть все еще было можно. Он пока не в полной мере утолил свою жажду крови. Всякий раз, когда Дантан приходил в Кланвар, умирали люди, хотя тупую

© Перевод Б. Жужунавы.

боль в его сердце было не унять, даже истреби он все племя Красноголовых.

Теперь они охотились на него.

Та девушка... он не думал о ней годами, просто не хотел вспоминать. Он был молод, когда все это произошло. Родом с Земли, во время Великой марсианской засухи он стал крестником старого шамана Кланвара, одного из тех жрецов, которые еще хранили клочки забытого знания о прошлом Марса, о славных временах его величия, когда гордые цитадели победоносно возносились к Очам Тхара.

Воспоминания... мрачное достоинство древних подземных городов, ныне лежащих в руинах... морщинистый шаман, под монотонное пение исполняющий свои ритуалы... очень древние книги и еще более древние предания... набеги Красноголовых... и девушка, которую любил Сэмюель Дантан. Произошел очередной набег, и девушка погибла. Такие вещи не раз случались прежде и, надо полагать, будут случаться снова. Однако для Дантана была важна лишь эта смерть.

Он стал убивать. Поначалу с бешеной яростью, позднее со спокойным, холодным удовлетворением. И поскольку в насквозь коррумпированном марсианском правительстве было много Красноголовых, его объявили вне закона.

Сейчас та девушка не узнала бы его. Он стал космическим бродягой, годы изменили его. Он по-прежнему был худощав, с глазами темными и непрозрачными, словно затененная вода карового озера, однако стал сухим, мускулистым, жилистым и двигался с выработанной за долгие годы опасной быстротой хищника, которым по сути и являлся — а что касается морали, то, по его мнению, о ней не стоило и упоминать. Он нарушил не то что все десять заповедей — гораздо больше. На других планетах, в особенности на тех, что разбросаны у самого края вечной тьмы, их точно больше десяти. И Дантан не раз нарушал все.

Его никогда не отпускало тупое, болезненное ощущение безнадежности, отчасти вызванное одиночеством, а отчасти чем-то еще, трудно поддающимся определению. Преследуемый этим чувством, он возвращался в Кланвар, и когда он приходил, Красноголовые умирали. И умирали не легкой смертью.

Однако на этот раз охотниками были они, не он. Его отрезали от корабля и теперь гнали, как гонят собаки дичь. В этом последнем сражении он оказался почти безоружен. И Красноголовые не потеряют его след — они на протяжении многих поколений учились читать следы, оставленные на умирающей тундре Марса.

Он остановился, распластался на скале и оглянулся. Было темно. Очи Тхара еще не взошли, и только звезды отбрасывали слабое призрачное сияние на хаотически разбросанные холмы за спиной Дантана, усыпанные огромными расколотыми валунами, и тянущиеся до самого горизонта зигзагообразные расселины — зрелище, характерное для любого старого, усыхающего мира. Он не видел преследователей, но они приближались, хотя и были все еще далеко. Впрочем, это не имело значения. Он должен кружить... кружить...

Прежде всего, надо хоть немного восстановить силы. Вода во фляжке кончилась, горло пересохло, язык был непомерно раздувшимся и жестким. Все с тем же невозмутимым выражением смуглого лица Дантан неловко расправил усталые плечи, нашел маленький голыш и сунул его в рот, хотя и понимал, что толку от этого будет немного. Он не ощущал вкус воды уже... сколько времени? Ну, слишком много, как ни посмотри.

Оглядываясь вокруг, он попытался оценить, что имеет в своем распоряжении. Он был один... Что там старый шаман когда-то говорил по этому поводу? «В Кланваре ты никогда не бываешь один — вокруг толпятся живые тени прошлого. Они не могут помочь, но наблюдают, и их гордость не следует попирать. Да, в Кланваре ты никогда не бываешь один».

Однако ничто не шевелилось. Только сухой, жаркий ветер бормотал в отдалении, вздыхая и шелестя, словно еле слышные струны арфы. Призраки прошлого бродят в ночи, подумал Дантан. Каким они видят Кланвар? Может быть, не как заброшенную пустошь. Они видят его глазами памяти — как Материнскую империю, каковой Кланвар был когда-то, так давно, что об этих временах сохранились лишь предания, искаженные и кажущиеся невероятными.

Еле слышный шелест... На мгновение Дантан замер, дыхание его остановилось, взгляд устремился в пустоту. Это что-то да означает. Устойчивый поток ветра... термальный источник... или подземный, может быть. Иногда в этих вековых ущельях обнаруживаются затерянные реки, чье течение многократно изменялось по мере разрушения Марса, и их можно отследить по звуку.

Что ж... он знал Кланвар.

Еще полмили, и он обнаружил арройо*, не слишком глубокое, футов пятидесяти или даже меньше, с зазубренными склонами, по которым легко спускаться. Он слышал журчание воды, хотя не видел ее, и жажда стала почти невыносимой. Однако из осторожности он спускался крайне медленно и не стал пить, пока не оглядел все вокруг и не убедился, что находится в безопасности.

Эта мысль заставила Дантана криво усмехнуться. Какая может быть безопасность для человека, за которым охотятся Красноголовые? Абсурд. Он умрет... он должен умереть. Однако он не собирался умирать в одиночку. Возможно, на этот раз они доберутся до него, но им придется дорого заплатить за его смерть. Если бы удалось найти хоть какое-то оружие, устроить засаду, подготовить ловушку для преследователей...

Может, что-то подходящее обнаружится в этом ущелье. Судя по некоторым верным приметам, ручей совсем

---

* Арройо — высохшее русло реки или ручья.

недавно свернул в это русло. Дантан задумчиво побрел вверх по течению. Не из расчета, что вода скроет его следы — Красноголовые слишком умны, так просто их не проведешь. Нет, он просто искал что-то, что-нибудь...

Пройдя около мили, он обнаружил то, что́ изменило течение ручья. Оползень. Раньше вода текла влево, теперь она свернула в другую сторону. Дантан пошел по иссохшему руслу, отметив про себя, что идти стало легче, поскольку уже взошел Фобос... нет, Око Тхара. «Глаза бога не упускают ничего. Они плывут над миром, и от Тхара не скрыться, равно как и не сбежать от судьбы».

Потом Дантан увидел что-то выпуклое, металлическое. Омытая водой, которая текла тут сравнительно недавно, разъеденная коррозией выпуклая поверхность поднималась из пересохшего русла ручья.

Дело рук человеческих в этих местах... Любопытно. Люди древней расы Кланвара строили из материала, который довольно быстро разрушался и потому не сохранился до прихода землян — из пластика или чего-то в этом роде. Однако этот купол тускло отблескивал металлом. Сплав, скорее всего, необычайно прочный, иначе он ни за что не просуществовал бы так долго, даже под защитой прикрывающих его камней и почвы. Щека Дантана начала нервно подергиваться. Он на мгновение остановился, но тут же двинулся дальше и носком ботинка слегка раскидал землю вокруг таинственного куска металла.

Изгиб выпуклости нарушала изогнутая линия. Старательно очистив поверхность, Дантан обнаружил очертания овальной двери, горизонтально расположенной, с чем-то вроде ручки, заляпанной ссохшейся грязью. Глаза Дантана азартно блестели, губы были плотно поджаты. Возможность устроить засаду, оружие против Красноголовых — да мало ли что могло находиться за этой дверью! Ясное дело, посмотреть стоило. В особенности тому, кто практически обречен.

Используя воду ручья и острый осколок камня, Дантан соскребал и счищал грязь, пока ручка полностью не освободилась. Это оказался крюк, как у пастушьего посоха, торчащий из небольшого чашевидного углубления в двери. Дантан подергал крюк, но тот не двигался ни туда ни сюда. Дантан собрался с силами, расставил пошире ноги, сложился чуть не вдвое и потянул крюк на себя.

От напряжения в глазах у него потемнело, в висках послышался барабанный бой. Он резко выпрямился, подумав, что это звуки шагов Красноголовых. Потом, горько усмехнувшись, снова дернул изо всех сил, и на этот раз ручка поддалась.

Дверь скользнула вниз и в сторону, из открывшегося проема хлынул мягкий свет. Дантан увидел вертикально уходящую под землю трубу, из ее металлических стен через равные промежутки торчали колышки. Похоже на лестницу. Дно шахты находилось на глубине тридцати футов, ее диаметр был чуть шире плеч крупного мужчины.

На мгновение он замер, глядя вниз. В голове роились самые разнообразные догадки. Это, должно быть, старое, очень старое сооружение, поскольку ручей проточил свое русло в скале, стены которой сейчас возвышались над Дантаном. Старое... и тем не менее металлические поверхности мерцали так ярко, как, наверно, в тот день, когда их собрали и установили тут... но с какой целью?

Со стороны ущелья снова послышались вздохи ветра, и Дантан вспомнил о Красноголовых. Он еще раз оглянулся по сторонам, скользнул вниз и поставил ноги на колышки, сначала осторожно попробовав их и лишь потом навалившись всей тяжестью. Они выдержали.

Может, внизу ждет опасность, а может, и нет. Зато со стороны извивающихся каньонов опасность точно приближается. Он выглянул наружу, огляделся и рывком задвинул дверь на место. С внутренней стороны обнару-

жил замок и, быстро разобравшись, как тот действует, закрыл его.

Пока все складывалось совсем неплохо. Временно Красноголовые ему не угрожали — если, конечно, он не задохнется тут. Отверстий, сквозь которые поступал воздух, видно не было, но пока дышалось легко. Ладно, вряд ли стоит беспокоиться об этом заранее. Всему свое время. Может, проблемы возникнут еще до того, как почувствуется нехватка воздуха.

Он начал спускаться.

На дне шахты обнаружилась еще одна дверь. На сей раз ручка поддалась без сопротивления. Дантан перешагнул через порог и оказался в большой, прямоугольной комнате, озаренной бледным свечением металлического пола, как будто строители при создании подмешали в сплав жидкий свет.

Комната...

Он услышал далекий, слабый звук, похожий на звяканье колокольчика. Звук почти мгновенно смолк. Комната была большая и почти пустая, если не считать какой-то машины, стоящей у дальней стены. Дантан в технике не очень-то разбирался. Оружие и корабли — этого с него хватало. Однако явная функциональность этой гладкой, блестящей машины вызывала ощущение почти чувственного удовольствия.

Как давно она тут стоит? Кто создал ее? И с какой целью? У Дантана даже никаких догадок по этому поводу не возникало. На стене висел большой овальный экран, а под ним располагалось нечто вроде пульта управления и несколько других, более таинственных устройств.

Экран был черен — той чернотой, которая, казалось, поглощала свет без остатка.

Тем не менее в черноте что-то было...

— Санфел! — произнес чей-то голос.— Санфел... Коз др'гчанг, Санфел... зан!

«Санфел! Санфел... ты вернулся, Санфел? Ответь!»

Это был голос женщины, привыкшей властвовать, уверенный, высокомерный... таким мог бы быть голос Люцифера или Лилит. И это был язык, который понимали, в лучшем случае, человек пять из ныне живущих. Когда-то на нем говорила вся великая раса, но ныне его помнили лишь очень-очень немногие шаманы. Крестный отец Дантана был одним из них, и Дантан, неоднократно присутствовавший во время ритуалов, достаточно хорошо изучил этот язык, чтобы понимать, о чем говорит надменный бестелесный голос.

Мурашки побежали по спине. Здесь происходило что-то непонятное, и это Дантану не нравилось. Словно почуявший опасность зверь, он весь подобрался и даже внешне как бы стал меньше. Замер в ожидании, готовый ко всему, только глаза посверкивали, обшаривая комнату в поисках таинственной женщины... или какого-нибудь оружия, которое можно будет использовать, если понадобится.

Взгляд вернулся к экрану на стене.

Голос заговорил снова, на языке древнего Кланвара:

— Я не привыкла ждать, Санфел! Если ты меня слышишь, ответь. И поторопись, поскольку опасность с каждым мгновением все ближе. Мой Враг силен...

— Ты меня слышишь? — спросил Дантан, не сводя взгляда с экрана.

Последовала пауза, и потом снова зазвучал женский голос, надменный и отчасти настороженный.

— Ты не Санфел. Где он? Кто ты, марсианин?

Дантан позволил себе немного расслабиться. Пока это можно было рассматривать как переговоры. Но вот потом...

Он с трудом подбирал слова древнего языка, на котором так давно не говорил.

— Я не марсианин. Я родом с Земли. И я не знаю никакого Санфела.

— Тогда как ты проник сюда? — Высокомерия в голосе прибавилось.— Что ты здесь делаешь? Санфел построил эту тайную лабораторию, и, кроме него, никто не знает о ней.

— Она была достаточно хорошо укрыта,— угрюмо ответил Дантан.— Может, на протяжении тысячи лет или десяти тысяч, не знаю. Вход сделали под водой...

— Там нет воды. Дом Санфела в горах, а его лаборатория под землей.— Сейчас голос звенел, точно колокол.— По-моему, ты лжешь. По-моему, ты враг... Услышав сигнал вызова, я тут же пришла, гадая, почему Санфел отсутствовал так долго. Я должна найти его, незнакомец. Должна! Если ты не враг, приведи сюда Санфела! — На этот раз в ее голосе послышались почти панические нотки.

— Я бы сделал это, если бы смог,— ответил Дантан.— Но здесь нет никого, кроме меня.

Мелькнула неприятная мысль, не безумна ли женщина, чей голос он слышит. Говорит из какого-то таинственного места позади экрана, на языке, который мертв уже тысячу лет, зовет человека, наверняка давным-давно умершего... Может, она не в состоянии оценить, сколько времени лаборатория была похоронена в глубине ущелья?

— Это место заброшено уже очень давно,— продолжал он после паузы.— И... на протяжении многих столетий никто не говорит на языке Кланвара. Если твой Санфел говорил на этом языке...

Дантан почему-то не смог закончить свою мысль. Если Санфел говорил на языке Кланвара, то он мертв уже много веков. А эта женщина, которая знала Санфела... ее голос казался таким молодым, мелодичным и... странно знакомым... Может, подумал Дантан, я тоже начинаю сходить с ума?

Последовало долгое молчание. Когда голос незнакомки раздался снова, в нем звучали печаль и нотки ужаса.

— Я не осознавала,— сказала она,— что время до такой степени по-разному течет в моем и Санфела мирах. Пространственно-временной континуум... да, день в моем мире это, возможно, целая эпоха в вашем. Время эластично. Здесь, на За, прошло всего несколько...— она употребила термин, которого Дантан не понял,— а на Марсе столетия?

— Десять столетий,— подтвердил Дантан, не сводя взгляда с экрана.— Если Санфел жил в древнем Кланваре, от его соплеменников сейчас не осталось и воспоминаний. И Марс умирает. Ты... ты говоришь из другого мира?

— Из другой Вселенной, да. Совсем не такой, как ваша. До сих пор контакт был возможен только через Санфела... как тебя зовут?

— Дантан. Сэмюель Дантан.

— Не марсианское имя. Ты с... Земли, так ты сказал? Что это?

— Другая планета. Ближе к солнцу, чем Марс.

— У нас на За нет ни планет, ни солнц. Это в полном смысле совсем другая Вселенная. Настолько другая, что мне трудно даже представить себе ваш мир...— Голос умолк.

Голос, который Дантан знал. Сейчас у него почти не осталось в этом сомнений, и это пугало. Если в марсианской пустыне человек начинает видеть и слышать то, чего не может быть, у него есть основания пугаться. Молчание затянулось, и у Дантана зародилось полуопасение-полунадежда, что голос — такой знакомый, совершенно невозможный тут — ему лишь почудился.

— Ты еще здесь? — неуверенно спросил он.

И почувствовал облегчение, когда она ответила:

— Да, здесь. Я думаю... Мне нужна помощь. Отчаянно нужна. Хотелось бы знать... лаборатория Санфела изменилась? Машина все еще стоит? Хотя, конечно, стоит, иначе я не могла бы говорить с тобой. Если и остальное работает, есть шанс... Послушай,— голос зазвучал более

настойчиво,— ты можешь мне помочь. Видишь рычаг, темно-красный, с кланварским символом, обозначающим «зрение»?

— Вижу.

— Отожми его вперед. Это не причинит тебе вреда, если ты будешь осторожен. Мы сможем видеть друг друга... вот и все. Только не прикасайся к рычагу с символом «дверь». Смотри, не перепутай. Постой!

— Да?

— Я кое-что забыла. На самом деле опасность существует, если ты не будешь защищен от... от вибрации, которая возникнет. Это другая Вселенная, и физические законы Марса не в полной мере действуют, когда наши миры соприкасаются. Вибрация... свет... и кое-какие другие вещи могут причинить тебе вред. В лаборатории Санфела должен быть защитный костюм. Найди его.

Дантан посмотрел по сторонам и увидел в углу шкаф. Медленно подошел к нему, настороженно оглядываясь. Не стоит терять бдительности только потому, что голос звучит так знакомо...

В шкафу висел костюм, похожий на скафандр, но из более гибкого и в то же время плотного материала, чем Дантану когда-либо приходилось видеть, с прозрачным шлемом, сквозь который все виделось слегка искаженным. Дантан осторожно натянул костюм и расправил складки, думая о том, как много времени прошло с тех пор, когда его надевали в последний раз. Теперь сквозь шлем комната выглядела немного иначе. Наверное, стекло поляризовано, решил Дантан, хотя это одно не могло объяснить, почему все выглядит таким тусклым и искривленным.

— Я готов.

— Теперь отожми рычаг.

Дантан протянул руку, но в последний момент заколебался. Он вступал в область неизведанного, а для него неизведанное всегда означало опасность. Мелькнула мысль о Красноголовых, рыщущих по его следам. Ну что

же — не исключено, что в мире, откуда исходит голос, обнаружится оружие, которое можно будет использовать против них. А пока он безоружен, особо терять нечего. И все это время его не оставляла мысль: оружие там или нет, опасно это или нет, он должен увидеть лицо той, что говорит этим мелодичным, знакомым, властным голосом.

Он нажал на рычаг. Тот сдвинулся не сразу — сказывалась инерция тысячелетней неподвижности. Потом, заскрипев в своем гнезде, рычаг поддался.

На экране сверкающим ливнем вспыхнули краски. Ослепленный их яркостью, Дантан отпрыгнул назад и прикрыл руками глаза.

Когда он взглянул на экран снова, краски стали спокойнее и чище. Удивленный, он смотрел, не в силах оторвать взгляда. Потому что сейчас экран превратился в окно, за которым был виден мир За...

И в центре окна... девушка. Едва увидев ее, Дантан закрыл глаза, чувствуя бешеный стук сердца и нервный тик в щеке.

Он прошептал ее имя.

Девушка бесстрастно глядела на него с экрана. Ни искры узнавания не мелькнуло на таком знакомом, любимом лице. На лице девушки, много лет назад погибшей от рук Красноголовых в крепости Кланвара... Это из-за нее Дантан преследовал Красноголовых долгие годы. Это из-за нее он вел жизнь космического бродяги и преступника. И в каком-то смысле, это из-за нее сейчас в ущельях наверху охотились на него Красноголовые. Но, возникнув здесь, на экране, она ничего этого не знала.

Он понимал — это невозможно. Наверное, сильное искажение делает женщину из другой Вселенной возмутительно похожей и лицом, и стройным телом на ту, которую он помнил. И все равно это просто иллюзия, осознавал он, поскольку в мире, столь отличном от земного, как За, нет и не может быть людей вообще и, уж точно, женщины с лицом той, кто навеки осталась в его памяти.

За исключением самой девушки, смотреть особенно было не на что. Кроме нее на экране виднелись лишь смутные формы... очертания... Шлем не просто фильтрует свет, понял Дантан. Он чувствовал, что за спиной девушки раскинулся мир За, но не видел ничего, кроме изменчивого, постоянно движущегося фона.

Она смотрела на него сверху вниз, без всякого выражения. Очевидно, его вид не всколыхнул в ней столь же глубоких эмоций, что вспыхнули в нем. Она заговорила невыносимо знакомым голосом — голосом, звучащим из тишины смерти, случившейся много лет назад.

— Дантан. Сэмюель Дантан. Земной язык такой же грубый, как кланварский, которому я научилась от Санфела. Возможно, мое имя покажется тебе странным. Я Квиана.

— Чего ты хочешь? — внезапно охрипшим голосом спросил он.— Чего ты хотела от Санфела?

— Мне нужна помощь. Оружие. Санфел обещал мне оружие. Он, рискуя многим, трудился, создавая его... А теперь Санфела поглотило время... странное, непостоянное время, так сильно отличающееся в наших вселенных. Для меня это было лишь вчера. И мне по-прежнему требуется оружие.

В хриплом смехе Дантана прозвучал оттенок зависти к неизвестному, давным-давно мертвому марсианину.

— Тогда я не тот человек, что тебе нужен,— резко бросил он.— У меня нет оружия. Прямо сейчас меня самого преследуют, чтобы убить.

Она слегка наклонилась вперед.

— Ты же сбежал и спрятался здесь.

— Они пройдут тем же путем, что и я, и найдут меня.

— Дверь лаборатории наверху шахты можно запереть изнутри.

— Знаю. Я запер ее. Но здесь нет ни пищи, ни воды... И вообще, будь я вооружен, меня здесь не было бы.

— Ты уверен? — Сейчас ее голос прозвучал немного странно.— Санфел рассказывал мне... в древнем Кланва-

ре существовала поговорка, что никому не уйти от своей судьбы.

Дантан пытливо посмотрел на нее. Что она имеет в виду? Себя? То же лицо и тело, так жестоко вернувшееся из мрака смерти, чтобы оживить старую печаль? Знала ли она, чью личину носит... хотя, может, это всего лишь игра его воображения? Потому что получается, что, если Санфел знал ее тоже и, по-видимому, умер много лет назад, этот прекрасный образ существовал уже сотни, тысячи лет, задолго до того, как в кланварской крепости появилась та девушка...

— Я знаю эту поговорку,— сказал Дантан.

— Мой мир,— продолжала Квиана, безразличная к охватившему его смятению,— слишком отличается от вашего и поэтому не в состоянии предложить тебе убежище. Правда, ты можешь проникнуть сюда ненадолго в специальном защитном костюме, который сделал Санфел. Но не остаться тут. Мы произрастаем на почве, слишком сильно отличающейся от всех других миров... Даже эта связь — дело нелегкое. К тому же безопасности нет и у нас. Теперь, когда Санфел обманул мои ожидания.

— Я... Я помог бы тебе, если бы это было в моих силах.— Слова давались Дантану с трудом; он все время напоминал себе, что перед ним всего лишь незнакомка.— Скажи, что нужно сделать.

Она пожала плечами — выглядело это мучительно знакомо.

— У меня есть Враг. Он принадлежит к низшей расе. И он... оно... не знаю, как сказать... отрезал меня от моих соплеменников. Я оказалась здесь, в некоторой части За... ну, опасной... нет, не могу объяснить, какие здесь условия. Для их описания у нас нет общих терминов. Но здесь очень, очень опасно, и Враг приближается... а я одна. Если бы здесь был еще кто-нибудь из наших людей, то, думаю, вместе мы справились бы с этой угрозой. Я смогла бы уничтожить Врага. У него есть оружие, превосходящее мою силу, однако не силу двоих представителей на-

шей расы. Оно... оно *тянет* и убивает посредством... нет, не могу найти слов для описания. Я надеялась, то, что сделает Санфел, хотя бы отвлечет Врага, если не поможет мне убить его. Я объяснила, как сделать такое оружие, но... время помешало Санфелу. Зубы времени смололи его в прах. Скоро и Враг сделает то же со мной.

— Если бы у меня был хотя бы пистолет,— сказал Дантан.— Или излучатель...

— Что это такое?

Он описал оружие, применяемое в его время, но Квиана лишь презрительно улыбнулась.

— Мы в мире За не прибегаем к оружию, которое стреляет... неважно чем, пулями или лучами. Оно не причинит вреда моему Врагу. Мы уничтожаем без... без помощи лучей или взрывчатых веществ. Нет, Дантан, все, о чем ты говоришь, применимо лишь в твоей Вселенной. У нас нет точек соприкосновения. Жаль, что время подвело меня в отношении Санфела, но так уж произошло, и теперь я беспомощна. Скоро Враг доберется до меня. Очень скоро.

Она понурилась, и на лице, запомнившемся Дантану полным жизни, появилось выражение покорности судьбе. Он угрюмо смотрел на нее, играя желваками на скулах. Это было невыносимо: снова встретиться с ней, и снова она в беде, снова беспомощна, и он бессилен ей помочь. Это и в первый раз было ужасно — узнать спустя долгое время, что она погибла от рук врага, когда он, Дантан, находился слишком далеко, чтобы прийти на помощь. Но пережить такое еще раз, да к тому же увидеть все собственными глазами!

— Должен быть какой-то способ,— сказал он и положил руку на рычаг со словом «дверь» на древнем языке.

— Постой! — воскликнула Квиана.

— Что произойдет?

— Дверь откроется. Я смогу войти в твой мир, а ты в мой.

— Почему ты не можешь на время укрыться здесь и дождаться, пока для тебя не станет безопасно вернуться?

— Я уже пробовала,— ответила Квиана.— Опасность никуда не исчезает. Враг просто поджидает меня. Нет, выход один — сражаться, но эту битву мне не выиграть. Никогда больше не увижу я ни родной земли, ни своих соплеменников. Наверное, лучше смириться с этим. Во мне вспыхнула надежда, когда я услышала сигнал, но это оказался не Санфел.— Ее губы тронула легкая улыбка.— Знаю, ты помог бы мне, если бы это было в твоих силах, Дантан. Однако теперь ничего поделать невозможно.

— Я пойду к тебе,— решительно заявил он.— Может, как-то и сумею помочь.

— Нет, ты не можешь причинить вреда Врагу. Даже сейчас существует опасность. Он был совсем рядом, когда раздался сигнал. Это его территория. И все же, услышав звон колокольчика, я подумала, что это Санфел вернулся с оружием, и рискнула прийти сюда...

Ее голос сошел на нет, в глазах возникло выражение безнадежности.

После долгой паузы она сказала:

— Враг приближается. Выключи экран, Дантан. И прощай.

— Нет. Подожди! — воскликнул он.

Но она покачала головой, отвернулась и начала удаляться, словно бледная тень на фоне тусклой, испещренной тенями пустоты. Тонкое одеяние вздымалось и опадало вокруг нее. Он стоял, беспомощно глядя ей вслед и чувствуя, как прежнее отчаяние снова захлестывает его. Во второй раз девушка, которую он любил, оказалась в опасности, и он бессилен ей помочь. Временами ее фигуру скрывали предметы, которых он не мог видеть сквозь защитный шлем — деревья, подумалось ему, или, может быть, скалы. Наверное, За действительно очень странный мир, если его деревья и скалы настолько чужеродны для человеческого глаза, что смотреть на них небезопасно.

Квиана на экране становилась все меньше и меньше. У Дантана возникло ощущение, будто по мере ее удаления связывающая их нить утончается.

Это было невыносимо — думать, что нить может оборваться... оборваться во второй раз...

Вдалеке в сумрачном мире За пришло в движение... нечто. С такого расстояния разглядеть детали как следует не представлялось возможным, но это определенно был не человек. Дантан больше не видел Квиану. Может, она укрылась где-то на местности, особенностей которой он не мог себе даже вообразить?

Враг между тем приближался.

Он был огромен, ужасен, покрыт чешуей; человек и в то же время не человек; с хвостом, но не зверь; умен, но бесконечно жесток. Дантан ни разу не видел его отчетливо и был благодарен за это шлему. Поляризованное стекло, по-видимому, что-то преобразовывало, что-то затемняло. Дантан не сомневался, что создание, которое он видит — или почти видит — на экране, в действительности не совсем таково, как ему представляется. Оно было чужеродно... как все в мире За. Ни на одной из планет Дантан не встречал ничего даже отдаленно похожего на него. И оно было полно ненависти. От одного его вида волосы у Дантана встали дыбом.

На гротескном плече висело что-то вроде ярко окрашенной трубы, согнутой в кольцо. Создание с непреклонной монотонностью все дальше продвигалось по экрану, не издавая ни звука и покачивая чудовищной головой из стороны в сторону, словно странная, ужасная механическая игрушка.

Внезапно оно остановилось. Может быть, почувствовало присутствие спрятавшейся девушки. Потянулось к своей трубе уродливой... рукой?

— Квиана,— сказало оно нежным, как у ребенка, голосом.

Тишина, такая полная, что Дантан слышал собственное дыхание.

— Квиана? — Сейчас в этом странном голосе звучали раздраженные нотки.— Квиана...— напевно повторил монстр, резко повернулся с неожиданным проворством и растаял в тумане фона, как это прежде произошло с девушкой.

Целую вечность Дантан вглядывался в разноцветную пустоту, стараясь не дрожать.

Когда голос раздался снова, в нем не осталось и следа напевной мягкости — теперь он звенел, точно колокол, возвещающий победу.

— *Квиана!*

Из облачного вихря возникла Квиана, полы ее одеяния развевались, на лице было написано отчаяние. Вслед за ней появился Враг. Он вскинул свою трубу, и Квиана в ужасе отскочила в сторону. Из конца трубы вырвалась ослепительно яркая молния.

Раскалывая хаотическое мельтешение, ослепительный конус яркого цвета поймал Квиану, и отчаяние в ее глазах достигло такой глубины, что Дантан не мог больше этого выносить.

Он отжал рычаг с символом «дверь», и затягивающая экран завеса исчезла. Он перепрыгнул низкий порог, не видя ничего, кроме ужаса на лице Квианы. Однако, совершая прыжок, он шептал не ее имя.

Ноги утонули в мягкой, податливой субстанции, не похожей ни на что, по чему Дантану приходилось ступать прежде. Сжав кулаки, он ринулся вперед, горя желанием обрушить неистовые удары на чудовищную морду Врага. Его размытый силуэт маячил впереди — огромный, словно башня, едва различимый сквозь шлем... И тут сверкающий конус нашел Дантана.

Нестерпимо яркий свет обрушился на него, точно копер. У Дантана перехватило дыхание. Боль была не только физической. Дрожа и пошатываясь от шока, закрыв глаза, Дантан упрямо переставлял ноги. Он продвигался вперед, словно бы сражаясь с мощным течением. Рядом

он чувствовал присутствие Квианы, захваченной тем же смертельным потоком. И позади источника света высился застывший, нечеловеческий силуэт Врага.

Дантан так и не увидел мира Квианы — слишком ослепителен был свет. Ослепителен не столько для глаз, сколько для разума. Та часть его рассудка, которая сохраняла способность рассуждать здраво, подсказывала, что это вообще не свет. Слишком поздно Дантан вспомнил предостережение Квианы о том, что За — далеко не Марс или Земля и что здесь даже свет иной.

Его трясло от холода и жара одновременно — странное, неописуемое ощущение. И было еще много чего... другого. Свет, бьющий из оружия Врага, зародившийся в бесконечно чуждой Вселенной, обладал свойствами, которыми, по представлениям Дантана, свет не должен обладать. От Дантана как будто осталась лишь пустая оболочка, пронизанная потоком невиданного излучения.

Каждая клеточка его тела словно бы обрела способность чувствовать свет. Яростное, невыносимое сверкание било по самим основам его психики. Оно омывало его, пронизывало нервы, кости, плоть, мозг потоками цвета, который не был цветом, звука, который не был звуком, и вибрации, порожденной в трясущихся преисподних иных, невообразимых миров.

Чудовищный световой прилив все продолжался, сияние норовило захлестнуть с головой и, пока Дантан, потеряв счет времени, беспомощно стоял в его потоке, хозяйничало внутри тела, разума и души. В сознании с грохотом взрывались звезды. По нервам растекалась порочность неописуемых оттенков, чудовищная грязь, от которой не очиститься...

И не существовало больше ничего — только свет, который был не светом, а попранием всего светлого.

Потом он начал убывать... слабеть... гаснуть, пока... Теперь Дантан мог видеть рядом с собой Квиану. Она больше не пошатывалась в световом конусе, не содрогалась

и не покачивалась под его напором. Нет, она стояла, выпрямившись, повернувшись лицом к Врагу, и из ее глаз струилось... нечто.

Конус ослепительного света неуклонно угасал, однако его тускнеющая мерзость по-прежнему пронизывала Дантана, затопляла сознание, высасывая силы, притупляя зрение и слух...

И наконец, тьма полностью накрыла его.

Он снова был в лаборатории. Прислонившись к стене, судорожно, глубоко втягивал ртом воздух. Он не помнил, как прошел сквозь Дверь. Рядом стояла Квиана, глядя, как он с трудом приходит в себя, как успокаивается сердце, как ровнее становится дыхание. В устремленных на него глазах девушки застыло странное, чуточку насмешливое выражение. Дантан чувствовал себя опустошенным, измотанным, словно прошедшим сквозь очистительное пламя.

Он потянулся к застежке неуклюжего защитного костюма, но Квиана быстрым движением руки остановила его и покачала головой.

— Нет.— Она надолго замолчала, с оттенком удивления глядя на него.— Я не знала... не думала, что такое возможно. Второй человек моего рода — да. Но ты, с Марса... Я не верила, что ты выстоишь против Врага хотя бы мгновение, даже в защитном костюме.

— Я с Земли, не с Марса. И я выстоял не так уж долго.

— Достаточно.— Ее губы тронула легкая улыбка.— Понимаешь, что произошло? Мы в мире За можем убивать без оружия, используя лишь врожденную силу собственных тел. Те, кого мы называем Врагами, тоже обладают такой силой, но небольшой, и поэтому для ее усиления им требуются механические устройства. Ты отвлек его внимание и заставил напасть сразу на нас обоих. В результате давление на меня ослабло, и я смогла уничтожить его. Но у меня и в мыслях не было, что такое возможно.

— Теперь ты спасена,— без всякого выражения сказал Дантан.

— Да. Я могу вернуться.

— И ты сделаешь это?

— Конечно.

— Мы похожи больше, чем ты предполагала.

Она перевела взгляд на многоцветную завесу экрана.

— Это правда, хотя и не совсем, Дантан.

— Я люблю тебя... Квиана,— впервые он назвал ее по имени.

Они замерли. Минута за минутой в тишине ускользали прочь.

— Твои преследователи близко,— заговорила Квиана таким тоном, словно не слышала его последних слов.— Я уже некоторое время прислушиваюсь к ним. Они пытаются пробиться в шахту.

Он сжал ее руку.

— Останься. Или позволь мне уйти в твой мир с тобой.

— Ты не сможешь жить там без защитного костюма.

— Тогда останься ты.

Квиана отвернулась, пытаясь спрятать боль во взгляде. Дантан хотел снять шлем, но она снова остановила его движением руки.

— Не делай этого.

— Почему?

Вместо ответа она поманила его за собой, шагнула в шахту и начала быстро подниматься по колышкам к поверхности, где Красноголовые продолжали колотить в дверь. Дантан последовал за ней.

Она бросила через плечо:

— Мы принадлежим к двум разным мирам. Смотри... но будь осторожен.

Она дотронулась до замка, и дверь скользнула вниз и в сторону.

Красноголовые мгновенно отскочили на безопасное расстояние. Они, конечно, не знали, что Дантан безо-

ружен. Он попытался втащить Квиану обратно, но она ускользнула и легко выбралась из шахты в прохладу серого марсианского утра.

Забыв о ее предостережении, он подтянулся, собираясь последовать за ней. И замер, едва просунув наружу голову и плечи. Потому что Красноголовые валились на землю один за другим; никаких ран или отметин на них не было, но они падали...

Вот и последний из них замер навсегда, а Квиана так и не сделала ни малейшего движения. Дантан вылез наружу, не оглядываясь на девушку, подошел к ближайшему телу и перевернул его. Так и есть — никаких следов. Но тем не менее Красноголовый был мертв.

— Вот почему ты должен носить защитный костюм,— сказала она.— Мы принадлежим к разным мирам, ты и я.

Он обнял ее... но жесткий защитный костюм не позволил ощутить мягкую упругость ее тела. И эта преграда всегда будет стоять между ними. Дантан не мог даже поцеловать ее... снова. Последний раз он целовал губы, так похожие на губы Квианы, много лет назад, и больше этому не бывать никогда.

— Ты не можешь снова уйти,— сказал он хриплым, срывающимся голосом.— Мы принадлежим *к одному* миру... неважно какому... неважно как... Ты не чужая для меня, Квиана!

Когда она подняла на него взгляд, ее глаза были полны тревоги. Она покачала головой и спросила, с сожалением в голосе:

— Думаешь, я не знаю, почему ты сражался за меня, Дантан? И тебе не приходило в голову задуматься, почему Санфел пошел на такой большой риск ради меня?

Он смотрел на нее, мысли вихрем проносились в голове. Он почти боялся услышать то, что она скажет дальше. Он не хотел этого слышать. Однако она неумолимо продолжала:

— Я обманула тебя, Дантан. И обманула Санфела вчера... тысячу лет назад. Мне крайне нужна была помощь, видишь ли. Но я понимала, что ни один человек не станет сражаться за совершенно чужое ему существо.

Обтянутыми перчатками руками он крепко прижимал ее к себе, однако чувствовал лишь, что обнимает нечто твердое, а не то, каким на самом деле было ее тело. Он хотел прервать ее, но она торопливо говорила:

— У меня нет возможности понять, какой ты воспринимаешь меня, Дантан. Не знала я и кем видит меня Санфел. Для каждого из вас я приняла тот облик, который непременно заставил бы вас откликнуться на призыв о помощи. Я могу достаточно глубоко проникнуть в твое сознание... и извлечь оттуда образ, прочнее всего врезавшийся в твою память. Однако настоящая я... совсем другая. Ты никогда не узнаешь, как я выгляжу.— Квиана вздохнула.— Ты храбрый человек, Дантан. Я даже и представить себе не могла, что чужеземец может быть таким храбрым, таким сильным. Хотелось бы мне... Я спрашиваю себя... Ох, позволь мне уйти! Позволь мне уйти!

С внезапной горячностью она вырвалась из его объятий и отвернулась, чтобы он не мог видеть ее глаз. Не оглядываясь, склонилась над шахтой, ступила на верхние колышки и спустя мгновение исчезла.

Дантан замер в ожидании. Услышал приглушенное звяканье колокольчика, донесшееся как будто из другого мира, и понял, что в древней лаборатории у него под ногами больше никого нет.

Он тщательно закрыл дверь и забросал ее землей, но не стал помечать место. Над обрывистым склоном ущелья всходило тусклое красное солнце. Дантан зашагал в направлении далекой пещеры, где спрятал свой корабль. Она находилась на расстоянии многих миль, но он знал, что никого, кто мог бы его остановить, не осталось.

Он ни разу не оглянулся назад.

ПРОМАШКА ВЫШЛА

У нас, в городке Гуаймас, есть свое чудо. Правда, лишь те, кто видел его собственными глазами, верят, что это действительно чудо. Вот почему ни в одной газете пока не появилось ни словечка. К фотографиям отнеслись скептически. Решили, что это подделка. Никто за пределами Гуаймаса — и Пуэбло Пекуэньо — не воспринял их как доказательство.

И все же однажды наступит день, когда корреспондент журнала «Лайф» сумеет убедить свое нью-йоркское начальство, что он не пьян. Однажды наступит день, когда какой-нибудь адмирал, или физик, или конгрессмен окажется в нужное время в нужном месте. Тогда вы услышите о том, что за чудеса творятся в Гуаймасе — и, конечно, в Пуэбло Пекуэньо. Однако что бы ни появилось в печати, там никогда не напишут, как все началось. Бессовестный делец Том Диллон вряд ли станет рассказывать об этом, а Тио Игнасио, хоть и болтун, порой не прочь приврать.

Все началось одним солнечным утром в Нижней Калифорнии...

— Эти креветки полетят отсюда прямо на рынок,— уверенно заявил Диллон, обращаясь к brujo.

© Перевод Б. Жужунавы.

Brujo, то есть колдун, перевел взгляд на восток, где искрился в лучах солнца Калифорнийский залив. Никаких летающих креветок в воздухе не наблюдалось. Несколько жителей деревни бродили с сетями по берегу, без особой надежды разыскивая креветок, благодаря которым крошечная деревушка Пуэбло Пекуэньо приобрела некоторую, пусть и скромную, известность. Вот вроде бы летучая рыба на мгновение выскочила из родной стихии и тут же ушла обратно в воду... А может, показалось — уж больно далеко...

— Мне не терпится взглянуть на это,— отозвался Тио Игнасио.— Даже такой старый чародей, как я, дрожит от возбуждения, как мальчишка, когда выпадает редкий случай быть свидетелем волшебства, какого мир еще не видел.

Диллон подавил желание хорошенько пнуть старого колдуна, чтобы тот сам полетел — с утеса прямиком в залив. Вместо этого он вежливо произнес:

— Должно быть, я недостаточно ясно выразился.

— Что ты, что ты, это у меня с мозгами плохо,— сказал Тио Игнасио.— Я подумал — конечно, я подумал неправильно,— что ты собираешься доставлять los camarónes grandes по воздуху.

— Нет, все правильно,— ответил Диллон.— Вот почему мой самолет — моя летающая машина — ожидает вон там, на той столовой горе. Завтра, если все пойдет хорошо, мы погрузим недельный улов креветок в этот самолет, и они полетят в Гуаймас.

— Воистину настало время чудес,— отозвался Тио Игнасио.— Можно предложить тебе глоток вина?

— Спасибо... Так вот, есть лишь одна маленькая трудность. Жители Пуэбло Пекуэньо отказываются продавать мне креветок. Говорят, что в базарный день Фелипе Ортега всегда отвозит их улов в Санта-Росалию, что на другом берегу полуострова. А завтра как раз базарный день. Нужно сделать так, чтобы Фелипе не смог добраться до Санта-Росалии.

Оба задумчиво посмотрели туда, где дорога, на которой в дождливую погоду свиньи утопали в грязи по уши, тянулась на север от Пуэбло Пекуэньо к Санта-Росалии.

Тио Игнасио ждал.

— Как я понимаю, ты обладаешь магической силой,— продолжал Том Диллон.— Если бы мне удалось уговорить тебя наслать brujería на Фелипе Ортегу...

— Ты хочешь, чтобы я наложил заклятие на собственного племянника?

— Я надеялся, что ты окажешь мне любезность и примешь небольшой подарок.

Тио Игнасио вздохнул.

— Очень жаль. Попроси ты о чем-нибудь другом, сеньор, я охотно исполнил бы твое желание. Но тут я ничего поделать не могу. К несчастью, мой племянник невосприимчив к заклятиям.

— Говоря о маленьком подарке, я имел в виду...

— Ох, да я не об этом,— перебил его колдун.— Я не торгуюсь. По крайней мере, пока. Тут такое дело. В детстве Фелипе был очень противным мальчишкой. И однажды я его наказал — уж не помню, за что именно,— я наложил на него заклятие. Может, меня раздражало его вечное нытье. Он был такой маленький, хилый... Не то что сейчас — большой, сильный молодой мужчина. И все из-за меня.

Диллон смотрел на него с вежливым недоумением.

— Да заклятие оказалось слишком слабым,— пояснил Тио Игнасио.— Такое иногда случается. Совсем слабенькое заклятие, не страшное. Фелипе был маленьким заморышем, а потом вдруг — раз! — и стал большим и здоровым парнем. Ну, не таким большим, как сейчас, конечно. Ему тогда было всего шесть лет. Однако из болезненного, вечно хныкающего малыша он неожиданно превратился в крупного, орущего благим матом детину. И потом никакое мое заклятие его не брало. Что-то вроде

того, когда приходит доктор и царапает детей. Они как бы слегка заболевают, а потом у них не бывает оспы.

— Понятно,— сказал Диллон.— Мы называем это прививкой.

На этом разговор прервался. Мужчины сидели, обдумывая, как бы объегорить друг друга. Диллон восхищался изворотливостью колдуна: надо же, какую байку сочинил, лишь бы набить себе цену. У Диллона, однако, была своя гордость. Еще никому не удавалось надуть его в денежных делах. Однако, по правде говоря, до сегодняшнего дня он и не попадал в подобные истории. Временами Том Диллон почти жалел, что ему довелось услышать о camarónes grandes, редких, восхитительно вкусных креветках, которые прекрасно чувствуют себя лишь в одном месте в мире и представляют собой единственную продукцию, поставляемую на рынок захудалой деревушкой Пуэбло Пекуэньо.

Эти самые camarónes grandes и привели Тома Диллона в Пуэбло. Его план состоял в том, чтобы ежедневно доставлять улов креветок в Гуаймас, где их можно было заморозить, а уж в таком виде отправлять куда угодно, чтобы они попали на стол алчущим посетителям ресторанов. Однако осуществить этот нехитрый замысел оказалось не так-то просто.

Экономика Пуэбло Пекуэньо опиралась исключительно на традиции. Раз в неделю Фелипе Ортега на своем Эль-Джипе* (иначе он машину не именовал) отвозил груз креветок за пятьдесят миль в город Санта-Росалия, где этих маленьких, одиноких созданий перегружали на борт местного баркаса, чтобы доставить в Гуаймас. Эль-Джип был старой дребезжащей колымагой, очень enfermo**. Поездка на этом драндулете по ужасным дорогам Ниж-

---

* Фелипе употребляет с «именем» своего джипа артикль «эль», что подчеркивает его уважительное отношение к автомобилю.

** Больной *(исп.)*.

ней Калифорнии занимала весь день еще и потому, что Фелипе относился к своей машине с бесконечной нежностью и проливал потоки слез по поводу малейшей поломки. Водил машину Фелипе очень осторожно. Более того, он ни за что не соглашался делать больше одной поездки в неделю. По его словам, было бы жестоко заставлять Эль-Джип трудиться чаще.

Пытаясь организовать ежедневную доставку креветок на своем личном самолете из Пуэбло Пекуэньо в Гуаймас, Диллон обнаружил, что жители деревни отказываются иметь с ним дело. Это, говорили они, было бы невежливо по отношению к Фелипе. Напрасно Диллон объяснял, как много денег они заработают, если он будет забирать у них улов. От них требуется лишь вылавливать столько креветок, чтобы это оправдало ежедневные полеты. Жители отвечали, что если станут ловить креветок каждый день, то к тому дню, когда Фелипе отправится в свою еженедельную поездку в Санта-Росалию, они испортятся. Диллон спрашивал, почему нельзя ездить чаще. Они смотрели на него как на сумасшедшего.

Это объяснялось очень просто: жители Пуэбло были консерваторами во всем, что касается традиций. На протяжении многих лет они отсылали своих креветок с Эль-Джипом раз в неделю и не собирались ничего менять. А что до самолета, то это против Господа. Конечно, жителям деревни уже приходилось видеть самолет, но они никогда не понимали, как тот работает. Ласточка или бабочка — это понятно. Даже летучая рыба. Но летающая машина... нет, это что-то таинственное и опасное.

— Она работает точно так же, как Эль-Джип,— говорил Диллон.— Вам понятны механические принципы работы Эль-Джипа?

— Это,— отвечали ему,— совсем другое дело. Эль-Джип едет, потому что им управляет Фелипе, а Фелипе мы знаем. Тут, несомненно, нет никакой тайны.

— Я могу пригнать сюда судно.

— О, к Пуэбло Пекуэньо никогда не приставал ни один корабль, кроме наших,— со смехом заявляли мексиканцы.— Кроме того, это будет невежливо по отношению к Фелипе.

— Но я могу сделать всех вас богачами — в определенных пределах, конечно,— если вы согласитесь сотрудничать.

— Сотрудничать мы будем с радостью. Но los camarónes должен возить Фелипе Ортега.

Оказавшись в тупике, Диллон пришел к Фелипе Ортега. Это был крупный, сентиментальный и немного неуравновешенный молодой человек. У него была жена, четверо детей и Эль-Джип. Диллон сделал ему восемь различных предложений, но все они были отвергнуты на том основании, что это было бы невежливо по отношению к Эль-Джипу. В конце концов, поскольку Диллону нравились молодой человек и шумная, но приятная атмосфера его тесного дома, он предложил нанять Фелипе, чтобы тот ездил на своем Эль-Джипе в Санта-Росалию с грузом креветок ежедневно. Да ведь не пройдет и нескольких месяцев, как старый автомобиль от такой каторжной работы развалится на части, ответил Фелипе. При этом он тяжко вздыхал, нежно поглаживая капот Эль-Джипа и нашептывая ему какие-то невыполнимые обещания. Диллон почувствовал себя убийцей.

Учитывая вышеизложенное, может показаться странным, что следующий план Диллона предполагал диверсию на Эль-Джипе. Правда, Том чувствовал себя виноватым и избегал встречаться глазами с невинным взглядом фар Эль-Джипа. Но, в конечном счете, дело есть дело, а жители Пуэбло Пекуэньо оказались редкостно неделовыми людьми. И, безусловно, это был вопрос профессиональной гордости. Как мы уже говорили, еще никому не удавалось перехитрить Тома Диллона в делах.

А еще, уладив свои дела, он привезет механика, который отремонтирует Эль-Джип. Диллон мог бы даже за-

платить ему за работу, но не станет — это задело бы достоинство Фелипе. Однако можно придумать что-нибудь другое...

К сожалению, повредить машину и остаться незамеченным в крошечной мексиканской деревушке практически невозможно. Даже если бы Диллон сумел отвязаться от целой тучи детей, собак и свиней, которые таскались за ним по пятам, ему ни за что бы не удалось избежать бдительного взгляда Фелипе. Фелипе охранял свой Эль-Джип ревностно, словно Аргус*.

И в результате, поскольку жители Пуэбло Пекуэньо верили в магию, Диллон решил обратиться к местному колдуну. Колдуны, как он усвоил уже давно, порой могут оказаться весьма и весьма полезны. А Тио Игнасио — это Диллон понял с первого взгляда — был чрезвычайно хитер, даром что плох здоровьем и стар. С ним можно иметь дело, пусть даже придется притвориться, будто Диллон верит в его магическую силу. Невелика плата.

Словом, когда brujo объяснил, что у Фелипе иммунитет к заклятиям, Диллон, после недолгих раздумий, спросил его:

— А нельзя ли, сеньор, наложить brujería на машину Фелипе?

— Наложить заклятие на Эль-Джип? — Тио Игнасио поскреб седую голову.— Разве такое возможно? Я могу заколдовать семью человека, его животных, его урожай... но это все живое.

— Однако я слышал, что ты можешь заколдовать дом человека.

— Дом сделан из плодов земли, нашей матери. Кроме того, в доме живут люди, и жизнь передается ему от них. Но машина?

---

* Аргус — в древнегреческой мифологии многоглазый великан-страж.

— Я видел такое в Эль-Пасо,— сказал Диллон.— Видел, как один колдун племени навахо сделал muñeco* автомобиля... ну, как бы его изображение...

— Muñeco, ясное дело. Muñeco из глины, смешанной с краской, которую нужно соскоблить с Эль-Джипа. И, возможно, с каким-нибудь винтиком из его таинственной начинки... Постой. Я никогда не слышал о таком. Возможно ли, что машина тоже живая? Правда, Фелипе говорит Эль-Джипу о своих чувствах, но голова у Фелипе такая же нежная, как его сердце. Давай-ка подумаем. Люди, урожай, дома — это все вещи известные. Но Эль-Джип... Фелипе пригнал его из Тихуаны, через весь полуостров... и... короче говоря, сеньор, Эль-Джип — единственный автомобиль в Пуэбло Пекуэньо. Выполнив твою просьбу, я создам прецедент. Это будет нечто особенное.— Потрясенный неожиданно открывшейся ему концептуально новой перспективой, Тио Игнасио прикрыл морщинистые веки.

— С другой стороны,— продолжал он, снова открыв глаза,— племянник не выказывает мне должного уважения и приносит мало подарков. Разве так следует поступать понимающему свой долг племяннику? Если бы у него не развился иммунитет к моим заклинаниям, он приносил бы мне гораздо больше подарков.— Внезапно голос старого колдуна зазвучал с новой силой.— Hijo de perro!** Я ему покажу, кто в Пуэбло Пекуэньо brujo! С огромным удовольствием. Но, впрочем, это будет стоить мне баснословно дорого, так что не стоит мечтать... Ведь я просто бедный старик, одинокий, перебивающийся с хлеба на воду...

— Но я настаиваю, чтобы ты позволил мне пожертвовать небольшую сумму на...

---

* Куклу *(исп.)*.

** Сукин сын *(исп.)*.

— Небольшую? — пробормотал Тио Игнасио, не сводя маленьких поросячьих глазок с Диллона, который полез за бумажником.

В итоге сговорились на восьмидесяти песо. Из осторожности Диллон вручил старику только десять — с условием, что остальное уплатит по результату.

— По результату, сеньор?

— Конечно. Если креветки — или Эль-Джип — доедут до Санта-Росалии, значит, твоя магия не сработала и я ничего тебе не должен,— твердо ответил Диллон.

Знавал он старых обманщиков вроде Тио Игнасио.

Brujo вздохнул.

— На все воля божья.

Диллону очень хотелось заметить, что подсыпать немного песка в коробку передач Эль-Джипа тоже не помешает, но он прикусил язык. У него почему-то возникла уверенность, что у колдуна хватит знаний и средств, чтобы повредить обожаемый автомобиль Фелипе. И вся магия, которая потребуется Тио Игнасио, это отвертка и темная ночь.

На этом Диллон распрощался с колдуном, пообещав себе, что, как только дело выгорит, он не просто слегка подремонтирует Эль-Джип, а сделает полноценный капитальный ремонт. В конце концов, без практической жилки нынче никуда.

Какое облегчение — иметь дело с практичным человеком типа Тио Игнасио.

Ранним утром следующего дня Том Диллон, прислонившись к стене дома, наблюдал за Эль-Джипом, стоящим посреди площади. Фелипе готовился отбыть в Санта-Росалию. Корзины с креветками были уже погружены — погрузка представляла собой длительное действо, прерываемое бесчисленными паузами на увлекательные беседы. Последние двадцать минут Фелипе посвятил тому, что прощался с каждым жителем Пуэбло Пекуэньо лично. Потом он заключил в нежные объятия свою же-

ну, и они стали говорить, говорить без умолку, словно не в силах расстаться, что было бы вполне естественно, если бы Фелипе собирался, скажем, лет на двадцать в Южную Африку. Эта сцена неизменно повторялась каждую неделю.

Тио Игнасио в поле зрения не наблюдалось. Или он притащился сюда на своих тощих ногах еще до появления Диллона, быстренько испортил что-то в потрохах Эль-Джипа и скрылся, или автомобиль по-прежнему на ходу.

Возможно, у колдуна есть сообщник. Люди шатались вокруг Эль-Джипа, время от времени обращаясь с дружескими замечаниями к молчаливому автомобилю, но... Диллон присел на корточки и заглянул под Эль-Джип. Никаких признаков серьезного повреждения.

Наконец Фелипе нашел в себе силы выпустить супругу из объятий и забрался в Эль-Джип. Машина была так набита креветками, что для него едва-едва хватило места. Он повернул ключ, потратил пять минут на болтовню с мэром и наконец нажал на стартер.

Ничего не произошло.

Эль-Джип не реагировал. Он был, как выразился бы Тио Игнасио, muerte*.

Диллон облегченно вздохнул.

Еще около пяти минут Фелипе экспериментировал со стартером. В конце концов, обсудив проблему со всеми собравшимися, он вылез из машины, открыл капот и принялся ковыряться в двигателе отверткой. Время от времени то тут, то там искрило — и только.

Стало ясно, что Эль-Джип сдох. Последовал оживленный обмен мнениями. Время шло. Выбрав подходящий момент, Диллон подошел к людям на площади.

— Я мог бы вам помочь.

— Вы механик, сеньор?

---

* Мертв, убит *(исп.)*.

— Нет. Однако ясно, что Эль-Джип не в состоянии ехать. Солнце жарит, время идет, и креветки могут испортиться. Не разумнее ли подумать о том, чтобы доставить их другим способом?

— Это не...— с сомнением начал Фелипе, но Диллон торопливо продолжал:

— Моя летающая машина наготове. Прежде чем креветки испортятся, я могу доставить их в Санта-Росалию... или даже, еще лучше, прямо в Гуаймас.

— По воздуху? — в ужасе охнул какой-то морщинистый старец.

— А иначе креветки протухнут. Есть только один выход, сеньоры.

Разгорелся жаркий спор.

Диллон, стараясь не смотреть в глаза Фелипе, сурово заявил:

— Эль-Джип никогда больше не тронется с места. И Пуэбло Пекуэньо погибнет тоже — если не доставлять креветки на рынок по воздуху. Los camarónes — единственное, что у вас есть. Стоит вам лишь слово сказать, и я сочту за честь спасти Пуэбло Пекуэньо от гибели.

— Тише, тише, сеньор,— сказал кто-то.— Это невежливо по отношению к Фелипе.

— Дело не во мне,— возразил Фелипе.— Но Эль-Джип, бедный малыш, при виде которого у меня прямо сердце разрывается... Вы могли бы, по крайней мере, отойти, чтобы он не слышал.— Он нежно погладил помятое крыло автомобиля.— Хотя теперь уже слишком поздно. Мой бедняжка, я знаю, у тебя этой ночью разболелись шины. Но сейчас они снова хорошо накачаны воздухом. Что же у тебя за горе?

Все огорченно молчали.

— Креветки испортятся,— пробормотал Диллон.

— Это мы уже поняли,— откликнулся старец, который пугался полетов по воздуху.— Пойдемте в церковь и помолимся.

Диллону тоже было интересно, что за беда приключилась с Эль-Джипом, но он сдержал свое любопытство. Он подозревал, что в машине что-то закоротило, но, поскольку пара-тройка бездельников осталась на площади, сонно развалившись в тени, Диллон не решился подойти к Эль-Джипу, просто закурил сигарету. Правда, немного передвинувшись, прислонился к другой стене, чтобы фары не смотрели прямо на него; взгляд машины казался укоризненным и немного печальным.

Прошло довольно много времени, прежде чем жители деревни вернулись, довольные и счастливые.

— Бог ответил на наши молитвы! — сообщил Фелипе.— Пока я молился, меня вдруг осенило — словно молнией ударило. Я впрягу двух ослов в Эль-Джип и отвезу креветки в Санта-Росалию. Пуэбло Пекуэньо спасен.

Диллон закашлялся, подавившись дымом сигареты. Кто-то протянул ему бурдюк с вином.

— Это ли не счастливый день? — спросили его.

— Куда уж счастливее,— согласился он и, отказавшись от вина, торопливо зашагал в лачугу Тио Игнасио.

Фелипе и остальные разошлись на поиски ослов и упряжи.

— Мы договаривались, что ни креветки, ни Эль-Джип в Санта-Росалию не попадут,— требовательно заявил Диллон.

Brujo продемонстрировал ему шестидюймовую модель Эль-Джипа, сделанную из твердой глины.

— Я старался, как мог, сеньор. Видишь? Это muñeco. Что случается с muñeco, то случается и с Эль-Джипом. Сегодня ночью я спустил шины, но Фелипе накачал их снова. Тогда утром я сделал... кое-что еще. Эль-Джип мертв, разве не так?

— И все же он в состоянии двигаться. Ослы могут дотащить его до Санта-Росалии.

Тио Игнасио пожал плечами.

— Жаль,— продолжал Диллон.— Стало быть, я ничего тебе не должен...

— Сеньор! — воскликнул потрясенный колдун.— А как же семьдесят песо?

— Послушай, это ты должен мне те десять, которые я дал тебе, чтобы закрепить нашу сделку. Ведь ты ее нарушил. Извини, но твоя магия не настолько сильна, чтобы помочь мне. Что правда, то правда!

И Диллон повернулся, собираясь уйти.

Тио Игнасио, держа в корявых пальцах muñeco, пристально смотрел на него.

— Никогда прежде я не заговаривал машину,— пробормотал он.— Что касается человека, я силу своей магии знаю. Почти всегда. А вот с машиной... quién sabe?*

— В любом случае, теперь уже слишком поздно,— сказал Диллон.— Жаль. Я выложил бы двести песо за то, чтобы Эль-Джип сегодня не добрался до Санта-Росалии.

— А? Что же... прекрасно, сеньор, я попытаюсь еще раз. Заставлю Эль-Джип скользить.

Диллон вопросительно посмотрел на старика.

— Как человек по мокрой грязи. Если, скажем, полить маслом колеса muñeco, колеса Эль-Джипа тоже начнут скользить. Разумеется, если я применю свое заклинание. Так, значит... масло.

— Ах да. Согласен. У тебя оно есть?

— Послал бог немного...

Колдун вышел и вскоре вернулся с маленькой баночкой масла. Пропажу точно такой же баночки недавно обнаружил у себя Диллон.

— Ну вот,— сказал колдун, смазывая маслом колеса глиняного muñeco. Помолчав, он от души рассмеялся.— Помнишь, я рассказывал, что наложил слишком слабое заклятие на Фелипе, когда тот был ребенком? И что в результате он вырос сильным и стал невосприимчив

---

* Кто знает? *(исп.)*

к магии? Ну, теперь я убедился, что это не так, до известной степени, конечно. Из-за его огромной любви к Эль-Джипу они теперь вроде как одно целое. Что причиняет вред Эль-Джипу, то причиняет вред и Фелипе. Значит, в итоге, заклинание действует и на Фелипе. Кому-то может прийти в голову, что с моей стороны это месть. Но что сталось бы с человеком, если бы он не верил в справедливость? — Старик противно захихикал, продолжая энергично размазывать масло.

Однако Диллон уже спешил обратно.

Обычное вымогательство, и ничего больше. Игнасио спланировал все с самого начала, возможно, даже с молчаливого согласия Фелипе. Идея состояла в том, чтобы заставить Диллона подергаться, а потом повысить цену. Так оно и вышло. Теперь, за двести песо, магия Тио Игнасио сработает куда лучше, рассуждал Диллон. Может, все ослы в Пуэбло Пекуэньо таинственным образом исчезнут, и тащить Эль-Джип в Санта-Росалию будет некому. Не имеет значения, какой способ использует колдун,— важен результат. А Диллон чувствовал, что Тио Игнасио относится к тому сорту людей, которые добиваются результата.

Что ж, дело есть дело. И поскольку Диллон в случае необходимости был готов выложить гораздо больше двухсот песо, ход событий его вполне устраивал.

К тому времени когда он добрался до площади, стало ясно, что с Эль-Джипом что-то сильно не так. Автомобиль потерял устойчивость. Он скользил по твердой, утоптанной земле, будто по льду.

Более десятка человек старались удержать машину. На ослов уже надели латаную упряжь из кожи и веревок. Фелипе, сидящему за рулем, вручили поводья и кнут.

— Vámanos!* — закричал он, и люди, удерживающие Эль-Джип, отскочили.

---

* Пошли! *(исп.)*

Машина заложила дикий вираж, потащив за собой упирающихся ослов. Фелипе изо всех сил жал на тормоз, спрашивая у Эль-Джипа, что с ним такое.

Диллон смотрел во все глаза и никак не мог догадаться, что за трюк придумал колдун.

Ослы взревели от ужаса. Упряжь лопнула. Эль-Джип с вцепившимся в руль Фелипе понесло юзом в сторону толпы. Люди бросились врассыпную. Жена Фелипе с пронзительным воплем бросилась на помощь мужу, но ее перехватил мэр. Священник пытался изгнать злых духов из мечущегося во все стороны автомобиля. Диллон еле успел отскочить, когда Эль-Джип, резко крутанувшись, задом устремился в его сторону, врезался в стену и, в лучших традициях ньютоновский механики, отскочил назад.

Очевидно, Бог тут был ни при чем.

Вращаясь, точно волчок, Эль-Джип носился по площади, с грохотом ударяясь бортами обо все, что попадалось на пути. Крики усиливались. Отдельные смельчаки пытались помочь, рискуя свернуть себе шею.

— Прыгай, Фелипе! — взывали голоса.— Пожалей себя, прыгай!

Однако Фелипе яростно замотал головой и прокричал, что не бросит своего бедного малыша. «Бедный малыш» тут же врезался в стену под таким углом, что из него вывалилась последняя корзина с креветками, и его отбросило почти на противоположный край площади.

— Прыгай! — вопила толпа.

Эль-Джип несся прямо к единственной уцелевшей стене полуразрушенного дома. Без сомнения, она не выдержит сильного удара, как, впрочем, и Эль-Джип, и сидящий в нем Фелипе. Когда стена рухнет, от них и мокрого места не останется.

— Ох, нет! — внезапно услышал Диллон собственный голос.— Я не хотел... Фелипе! Прыгай!!!

Он бросился за джипом в тщетной попытке догнать его и как-нибудь сбить со смертоносного курса.

Однако Эль-Джип неумолимо приближался к шаткой стене. Невероятно, но его механическая физиономия выглядела сейчас более живой, чем окаменевшее лицо Фелипе. Последний оцепенел от ужаса, а во взгляде фар Эль-Джипа застыло выражение непереносимой муки. Диллон гнался за ним, надеясь сделать хоть что-то...

Тут это самое что-то и произошло.

Всю площадь огласил устрашающе громкий бренчащий звук, за которым последовала короткая ослепительная вспышка белого света. Мгновение Эль-Джип сверкал, точно бриллиантовый, вибрируя от бампера до бампера, а потом взмыл в воздух, словно был оснащен реактивным двигателем, и проскочил буквально на миллиметр выше полуразрушенной стены.

Как безумный, джип устремился в небо, постепенно снижая скорость. На высоте пятидесяти футов он описал широкую дугу и полетел обратно — это Фелипе чисто автоматически повернул руль. Все вскинули головы; все вытаращили глаза. В полной тишине джип устремился вниз и остановился прямо в центре площади. Колеса медленно вращались в воздухе почти в футе от иссушенной солнцем земли. Эль-Джип немного покачался и затих.

Диллона зажало в толпе, рванувшейся к автомобилю. Последовал шквал поздравлений. Диллон с трудом пробился к Эль-Джипу, сел на корточки и, не веря собственным глазам, сунул руку в зазор между вращающимся колесом и землей.

— Левитация? — слабым голосом произнес он, встал и встретился с невинным взглядом Фелипе.— Фелипе, как это случилось?

Молодой человек пожал плечами.

— Quién sabe? Может, тут замешана магия. Ну, в любом случае,— Фелипе нежно похлопал по устаревшей приборной панели Эль-Джипа,— бедный малыш спасен, и... и Пуэбло Пекуэньо, я думаю, тоже.

— Olé! — одобрительно завопили жители деревни.

Пауза затягивалась. Тио Игнасио беспомощно вертел в скрюченных руках muñeco Эль-Джипа.

— Мне очень жаль, сеньор,— сказал он Диллону.— Все случилось в точности так, как тогда, когда я наложил заклятие на маленького Фелипе. Заклятие оказалось слишком слабым, и Фелипе, вместо того, чтобы заработать лихорадку или корь, стал vigoroso*. И вдобавок на него перестала действовать магия.

— Но ведь Эль-Джип не стал vigoroso! — в отчаянии воскликнул Диллон.— Эль-Джип полетел.

— Любая вещь может делать только то, что для нее возможно,— терпеливо объяснил Тио Игнасио.— Фелипе не может летать. Ни один человек не способен летать. А вот сильные люди есть. Значит, любой может стать сильным.

— И что? — упавшим голосом спросил Диллон.

— Pues**, машина не может стать vigoroso. Однако у тебя самого есть летающая машина. Следовательно, любая машина может стать летающей — как Эль-Джип сейчас. Вероятно, мое первое заклинание оказалось слишком слабым, и у Эль-Джипа тоже развился иммунитет.

— Но это физически невозможно! Машина может летать, это правда. Но Эль-Джип сделан так, чтобы ездить по земле, а не летать по воздуху.

— А рыба создана, чтобы плавать. Однако существуют летучие рыбы.

— Они не летают. Они планируют. Выпрыгивают из воды, убегая от более крупной рыбы.

— А Эль-Джип подпрыгнул с земли, убегая от моей магии,— сказал колдун с видом победителя.

Снова тупик.

— Смотри! — воскликнул Тио Игнасио.

В отдалении, над крышами Пуэбло Пекуэньо, поднимался в небо Эль-Джип, нагруженный корзинами с кре-

---

* Сильный *(исп.)*.

** Значит *(исп.)*.

ветками, с Фелипе за рулем. Издалека послышались радостные, приветственные возгласы.

На высоте сотни футов джип развернулся и полетел на восток. Фелипе посмотрел вниз и помахал рукой двоим мужчинам. И вот уже автомобиль обогнул утес и понесся через залив, держа курс на Гуаймас.

Тио Игнасио с тайной надеждой бросил muñeco в воду. Послышался негромкий всплеск — и только. Эль-Джип остался в воздухе. Колдун пожал плечами.

— Ах, все, что ни происходит, к лучшему,— сказал он.— Теперь, вместо того чтобы везти креветки в Санта-Росалию, Фелипе полетит прямо в Гуаймас. Как ты и хотел, сеньор. Ты помнишь? В самом начале ты выразил желание, чтобы креветки улетели в Гуаймас. Так и случилось. Теперь, если ты заплатишь мне двести песо, все завершится к полному и взаимному согласию.

Диллон глядел вслед уменьшающемуся Эль-Джипу.

— И я еще называю себя деловым человеком,— пробормотал он.— Я, Том Диллон, которого никому и никогда не удавалось перехитрить в денежных делах. Что ж, все когда-нибудь происходит впервые. Это первый случай, когда я заключил сделку с убытком для себя, а не с прибылью. И, что самое интересное, до сих пор непонятно, как именно меня провели. Если бы только понять...

Он замер. Медленно повернул голову, взглянул в маленькие плутовские глазки колдуна и отвел взгляд.

— Так вот, значит, что это такое. Будь я проклят! — Лицо Диллона неожиданно просветлело.— Тио Игнасио,— продолжал он, не сводя взгляда с далекого горизонта.

— Да, сеньор?

— Когда ты впервые загипнотизировал меня?

— Загипнотизировал тебя? Но я вовсе не...

— Конечно, ты это сделал.— Теперь голос Диллона звучал куда жестче, чем прежде.— Другого объяснения нет. Если это, конечно, не магия, но, при всем моем к тебе уважении, в магию я не верю. Мне казалось, будто я вижу, как Эль-Джип летит. Но джипы не летают. А вот

людей гипнотизировать можно. Ты ловкий и очень деловой человек, Тио Игнасио.

— Понятия не имею, что такое деловой человек, сеньор. Я всего лишь бедный старый колдун...

— Ты старый обманщик. Но теперь у меня открылись глаза. И у тебя еще хватает наглости заявлять, что я должен тебе двести песо?

— Сделка есть сделка. Креветки не попадут в Санта-Росалию. А для тебя эта сумма ничего не значит.

— Ну так попробуй получить ее,— торжествующе заявил Диллон и двинулся прочь.

— Одну минуту, сеньор,— окликнул его колдун.— Одну минуту. Давай, по крайней мере, расстанемся друзьями. Я согласен, что ты не должен мне ничего. Забудем об этом. И на прощанье прими от меня маленький сувенир в доказательство того, что я не держу на тебя зла.

Диллон оглянулся. Тио Игнасио достал из складок своего грязного serape маленькое глиняное изображение. Куколку. Сердце Диллона подпрыгнуло.

— Что ты с ней сотворил? — быстро спросил он.

— С этой игрушкой? Просто сувенир...

— Это моя muñeco!

— Твоя, сеньор? Ну, должен признать, некоторое сходство есть,— рассуждал Тио Игнасио, разглядывая куколку.— Но ты ведь не веришь в магию, верно? Так вот, если ты примешь этот маленький дар...

Смертельно побледнев, Диллон протянул руку.

— Минуту. У людей доброй воли принято обмениваться дарами,— осуждающе сказал Тио Игнасио, пряча куколку за спину.— Поэтому если ты пожелаешь дать мне, просто в качестве сувенира, несколько песо... ну, скажем, ту сумму, которую мы оговорили как плату за последнее заклинание... Ах! Muchas gracias, señor! Muchas gracias!*

---

* Премного благодарен, сеньор! Премного благодарен! *(исп.)*

ТРОФЕЙ

Майор Сатура уважал логику. В качестве представителя Японской империи он на протяжении многих лет неукоснительно следовал в высшей степени логичным приказам своих военачальников — сначала будучи студентом-медиком в Вене, затем — интерном в Нью-Йорке и, наконец, став практикующим хирургом и работая во многих значительных городах мира. В соответствии с этими приказами он не забывал смотреть в оба, и Токио получил от красавца майора Сатуры очень много ценной информации.

Даже сейчас, заброшенный судьбой на необитаемый островок в Тихом океане где-то между Новой Гвинеей и Каролинскими островами, Сатура оставался хорош собой, на тот загадочный, лощеный манер, который многие женщины находят невыразимо привлекательным. Ночью он ухитрился побриться, в темноте и без зеркала. А вот капрал янки, единственный уцелевший из всего экипажа американского бомбардировщика, наверняка уже смахивал на обезьяну. Упадочная раса, эти белые. Даже немцы... впрочем, майор немедленно прогнал крамольную мысль о союзниках. Это не его дело. У военачальников свои планы.

© Перевод Б. Жужунавы.

Он высадился на острове два дня назад, и с тех пор успел столкнуться с необъяснимой загадкой. Все началось прошлой ночью, когда на западе показался самолет янки и люди Сатуры по его приказу подали сигнал бедствия. Если бы все прошло хорошо, самолет приземлился бы на берегу, экипаж вышел бы наружу, и его расстреляли бы из засады. К несчастью, события начали развиваться в неожиданном направлении.

Когда самолет янки заходил на посадку, показался еще один воздушный корабль. Внешне он напоминал тупорылую торпеду, летел низко и невероятно быстро. Немцы? Возможно. Как бы то ни было, корабль явно преследовал американцев. С оглушительным ревом промчавшись над островом на бреющем полете, он поднял ураганный ветер, который подхватил накренившийся самолет янки и зашвырнул его в пенный прибой, превратив в груду искореженных обломков.

А потом эта странная машина взяла и исчезла. Быть может, приземлилась на другой стороне острова, Сатура не мог утверждать этого наверняка, но допускал такую возможность. На Тихом океане сейчас опасно — и будет опасно до тех пор, пока Япония не сокрушит всех своих врагов и не установит диктатуру над странами Востока, как того требует император.

Японские и американские солдаты вступили в бой. Даже несмотря на гибель самолета, боевой дух янки оказался сильнее, чем можно было ожидать. Когда они выбрались на мелководье, из зарослей на них обрушился смертоносный град пуль — но, вопреки всякой логике, американцы не остановились. Те, кто не упали, сраженные огнем японцев, продолжали наступать. Дело дошло до ближнего боя, противники стреляли в упор и орудовали штыками, и, когда все было кончено, белый песок покраснел от крови и более дюжины трупов остались лежать на берегу.

Тела майора Сатуры среди последних, разумеется, не было. Он держался в стороне, выжидая своего часа.

Этот час должен был пробить достаточно скоро, поскольку в бою уцелели только два американца, и, скорее всего, одному из них оставалось жить не так уж долго. Тем не менее капрал янки был вооружен, и... и не имело смысла рисковать. Другое дело — ловушка, засада...

Не теряя присутствия духа, майор нашел убежище в зарослях пандануса, подальше от берега, и всю ночь невозмутимо приводил себя в порядок, словно находился в своих роскошных апартаментах в Токио. Тщательно почистил пистолет, а штык спрятал под кителем. И пока он всем этим занимался, в его мозгу начал смутно вырисовываться план. Майор не сомневался, что выйдет победителем, поскольку знал, что может положиться на свой мозг, этот превосходно отлаженный коллоидный механизм, благодаря которому он стал одним из самых успешных хирургов, а также одним из самых успешных шпионов на службе императора.

Тем не менее кое-что вызывало у Сатуры беспокойство. В самом деле, странно: как на тропе среди диких джунглей могла оказаться груда золотых монет? Он наткнулся на них ночью, и в ярком свете тропической луны монеты так и сверкали. Сначала мелькнула мысль, что это мираж...

Нет, это был не мираж. Самые что ни на есть настоящие монеты, законное платежное средство — английские соверены, сияющие, как мечта Мидаса. Наверняка они заминированы, подумал Сатура. Очень дорогостоящая ловушка. Слишком дорогостоящая. Может, это янки подбросил монеты? Нет, у него не было времени. Тогда кто? Непонятно. На всякий случай Сатура осторожно обошел сокровище, держась от него как можно дальше. Под золотом наверняка спрятана граната... Да, безусловно, очень странная находка.

Сидя под хлебным деревом, майор массировал длинные тонкие пальцы. Прохлада ночи сдавала свои позиции — сквозь переплетение ветвей уже проглядывало

жемчужно-розовое зарево рассвета. Сатура снова подумал о торпедообразном воздушном корабле, который видел вчера. Интересно, он приземлился? Может, это те, кто прилетели на нем, расставили ловушку? Но тогда на чьей они стороне? Сильная рука Сатуры любовно погладила сталь штыка, спрятанного под кителем.

Он решил еще раз обследовать поле вчерашней битвы и двинулся на разведку. Через полчаса стало ясно, что в живых остался только один противник — капрал, но американца нигде не было видно. На бесстрастное лицо Сатуры набежала тень. Враг мог затаиться в засаде где угодно!

И не то чтобы Сатура наивно верил в святость человеческой жизни вообще и жизни японцев в частности. Для него, опытного хирурга, тела были просто телами, неважно, к какой расе они принадлежали. Кровь что у янки, что у японцев одного цвета. Однако демонстрировать это на собственном примере у Сатуры не было ни малейшего желания.

Поэтому он нашел у себя чистый носовой платок — у такого человека, как майор Сатура, не могло не быть чистого платка,— привязал его к палке вместе со своим пистолетом и поднял этот импровизированный флаг перемирия. Он был уверен, что янки не застрелит его без переговоров, хотя и будет держаться настороже. Тщательно все спланировав, Сатура вытащил штык из-за пазухи и спрятал его под упавшим листом пандануса рядом с грудой золота, которую нашел на тропе в глубине острова. При этом к самому золоту он не прикоснулся — майор Сатура, с его прекрасным логическим мышлением, никогда бы не попался на такую приманку.

Вместо этого он вышел на побережье и принялся громко кричать «Kamerad!» на нескольких языках. Там же, на берегу, забинтовал правую руку, слегка измазав ее кровью убитых и подвесив на перевязи. Для большей убедительности.

Все эти меры, однако, ничуть не убедили капрала Фила Джанегана с меньшей неприязнью относиться к поганым япошкам. Послужив на Тихом океане, он уяснил для себя, что эти узкоглазые низкорослые люди невероятно безнравственны и что для них цель всегда оправдывает средства. Перл-Харбор и казни в Токио наглядно это показали. Хотя, в общем-то, бойня в Токио никого особенно не удивила. И без нее было ясно, что японцы на войне не придерживаются международных соглашений. Просто те казни добавили еще один пункт к длинному перечню претензий, который рано или поздно будет им предъявлен.

Вот почему, когда капрал Джанеган, крупный, мускулистый детина, который видел смысл своего участия в войне в том, чтобы убивать япошек, вышел из джунглей, его автоматический пистолет был направлен на Сатуру, а лежащий на спусковом крючке средний палец подрагивал. Указательный палец капрал потерял в Новой Гвинее, что, однако, не помешало ему остаться метким стрелком. Он смотрел на майора, майор смотрел на него, и в жарком тропическом воздухе между ними трепетала смерть. Лежащие на песке свидетели этой встречи, увы, не могли уже ничего ни сделать, ни сказать.

— У меня флаг перемирия,— глядя в дуло пистолета, внезапно заговорил Сатура.

Так и произнес — «флаг». В отличие от большинства японцев он умел выговаривать чужеземное «л».

Джанеган не отвечал, однако его серые глаза распахнулись чуть шире.

— Ты не можешь не уважить перемирие, капрал,— продолжал Сатура.— Я не вооружен. Мой пистолет...

— Вижу,— проворчал Джанеган.— Навоевался вчера вечером, да? Ты...— И для убедительности он добавил несколько отборных ругательств.

Майор тем временем присмотрелся к своему противнику, и результаты наблюдений его обнадежили. Этот

американец явно не блещет умом. Провести его не составит труда. И раз капрал не выстрелил до сих пор, он и не станет стрелять. Это же основы психологии, и все равно, на каком языке говорит человек.

— Мне просто повезло.— Сатура улыбнулся.— Не я в ответе за это. Я хирург, капрал, о чем свидетельствуют мои знаки различия. Мое дело — исцелять.

— Ты командовал этими людьми,— проворчал Джанеган, не двигаясь и скользя взглядом по телам на берегу.— Устроил засаду, да?

— Тот, кто командовал, мертв. Я оставил его несколько часов назад, в глубине острова. Он был ранен в бою.

Джанеган снова выругался и вдруг спросил:

— А что за странный самолет гнался за нами? Ваш?

— Нет. Не знаю. У него не было крыльев. Какого-то нового типа. Я подумал, может, это враг... в смысле, корабль союзников... Тут так неудобно стоять! Солнце светит мне в глаза. Можно, я... Так ты уважишь перемирие?

— Как же, перемирие! Знаю я вас, обезьян...— Джанеган сделал шаг вперед.— Подними руки. Нет, сначала брось пистолет. Вот так. А теперь посмотрим, что ты припрятал в рукаве.

— Я безоружен.

— Сейчас увидим.

Джанеган быстро обыскал майора. Тот сказал правду, поскольку его хитроумный план предусматривал этот шаг капрала. Сатура был безоружен, если не считать безопасной бритвы и маленьких ножниц в небольшой аптечке первой помощи.

Джанеган подобрал пистолет японца и сунул его в карман.

— Ну, теперь ты, значит, мой пленник. Хотя... мы оба пленники. С острова-то никак не выбраться, а?

— Мне не известно ни одного способа сделать это.

— Спустя неделю, если не раньше, тут должен появиться один из наших самолетов. Мы успели сообщить

по радио координаты, когда шли на посадку. Правда, помехи были сильные — где-то за час до того, как мы упали, эфир наполнился шумом. Так что парням понадобится время, чтобы найти нас. Но они найдут, и тогда, обезьяна, ты сядешь за решетку до конца войны.

Сатура пожал плечами.

— Я хирург, не воин,— сказал он.

И не соврал. «Воин» и «убийца» — это и в самом деле не одно и то же.

— А кстати, эта ловушка в джунглях — твоя работа? — спросил майор.

Джанеган непонимающе уставился на него, и японец торопливо описал золотую груду.

— Не знаю, откуда там взялось золото, но только оно там лежит не так уж долго. Монеты даже не успели запылиться.

— Если ты рассчитываешь поймать меня на такой дешевый трюк, ты еще глупее, чем кажешься.

— Как пожелаешь. Я просто подумал, что, может, тот, другой корабль приземлился где-то на острове.

— Остров невелик,— сказал капрал.— Если он здесь, мы найдем его.

— А может, его команда найдет нас раньше. И они окажутся союзниками... одного из нас.

Джанеган обдумал это соображение. Аж лоб наморщил от усилий.

— Ладно,— сказал он наконец.— Я по-прежнему считаю, что ты лживая ящерица, но, так или иначе, остров осмотреть надо. Так что давай, двигай. Держись все время впереди, если не хочешь получить пулю в живот.

На мгновение на жестком лице янки вспыхнуло выражение первобытной ярости. И хотя оно тут же пропало, Сатура еще больше утвердился в мысли, что, имея дело с этим человеком, нельзя идти напролом. Тут нужно действовать хитростью. Может, засада... или смертельная ловушка...

А ловушка уже была расставлена.

Итак, они двинулись по тропе в глубь острова и вскоре наткнулись на груду золота. Джанеган остановился, поглаживая спусковой крючок и недобро щурясь. Сатура, впереди него, тоже замер и многозначительно пожал плечами.

— Видишь, я не солгал. Мы не одни на этом острове.

— Из всех безумных вещей это...— пробормотал капрал.— Бросить чистое золото вот так вот, посреди леса! Небось заминировано, а?

— Может...— начал Сатура и замолчал.

Несмотря на тропическую жару, майора будто холодной водой окатили. Потому что груда золота внезапно... исчезла.

Как сквозь землю провалилась.

А потом там, где только что было золото, появилось нечто другое... Оно... она вмиг возникла прямо на пустом месте, такая реальная, такая живая, что трудно было не позабыть о чудесном способе ее появления. Это была девушка, высокая, стройная, с фигурой Афродиты. Ее тело представляло собой симфонию плавных, текучих линий. Оно было безумно изящно и привлекательно, даже не верилось, что такая красота может существовать в этом мире...

Но тело это было *необитаемым!*

Глаза красавицы походили на зеркала — блестящие, бесцветные, ничего не выражающие глаза, затененные длинными ресницами. Черные как ночь локоны струились по округлым плечам, руки были раскинуты в стороны...

Но в глазах не было ни капли жизни. Никакое волшебство, никакая неземная наука не могли вдохнуть душу в этот прекрасный мираж.

Сатура первым осознал это. И его разум, пусть и не понимая природу чуда и целей его создания, ухватился за возможность, которой майор ждал. Один враг лучше,

чем два. Почти у самых его ног под листом пандануса лежал спрятанный загодя штык.

Майор упал на колени. Взгляд Джанегана метнулся к нему, не заметил опасности и возвратился к девушке. Палец американца по-прежнему лежал на спусковом крючке, но решимость покинула капрала — он стоял столбом и чего-то ждал, обескураженный, растерянный, сбитый с толку. Сатура выжидать не стал. Он вскочил на ноги и бочком, бочком, чтобы его тело заслоняло штык, отошел в сторону, якобы в ужасе перед призраком.

— Стреляй,— прошептал он.— У тебя есть пистолет. Стреляй в нее, капрал. Не медли! Она опасна. Неужели ты не видишь?

— Нет,— ответил Джанеган.— Это же просто девушка.— Затем он добавил громче, внезапно охрипшим от напряжения голосом: — Какого дьявола ты тут делаешь? Отвечай немедленно! Знаешь, что такое пистолет?

— Этого она, может, и не знает,— сказал Сатура.— Но зато прямо сейчас узнает, что такое штык.

С этими словами он нанес удар. В его умелых, сильных руках острая сталь проникла глубоко, и Джанеган протяжно застонал от боли. Раненый капрал попытался направить пистолет на Сатуру, но майор с силой ударил его по запястью. И Джанеган сгорбился, кашляя кровью.

Тем не менее он ухитрился пнуть Сатуру ногой в бок. Штык вошел в тело не совсем под нужным углом и лишь ранил, а не убил янки. Американец был по-прежнему жив, и это совершенно не устраивало майора.

Помогло джиу-джитсу. Драка закончилась тем, что Сатура сумел ухватить штык и повернуть его в ране. Джанеган затих. Испустив долгий вздох облегчения, майор вытащил штык, и из спины американца потоком хлынула кровь.

Сатура отступал, держа американца на прицеле и настороженно поглядывая на девушку. Та не двигалась и не говорила. Когда он отошел на расстояние около деся-

ти футов, Джанеган снова зашевелился — этим упрямым янки свойственна невероятная живучесть. Пошатываясь, он поднялся и попытался броситься на майора. Сатура выстрелил. Пуля попала в цель.

— Ты... косоглазый...

Снова послышался треск пистолетного выстрела, однако Джанеган, хоть и тяжело раненный, на этот раз успел отпрыгнуть в сторону. И прежде чем Сатура смог выстрелить снова, капрал головой вперед нырнул в заросли и скрылся из виду. Он с шумом ломился сквозь густые джунгли, и настигнуть его там не составило бы труда, но Сатура поступил иначе. Сощурив глаза, он вскинул пистолет и выпустил несколько пуль наудачу, широким веером. Послышался сдавленный крик и звук падения тела.

Только тогда, очень настороженно, Сатура двинулся следом.

Однако Джанегана он не нашел. Кровавый след уводил в зеленый сумрак. Майор решил, что игра не стоит свеч. Как хирург, он понимал, что янки смертельно ранен и нет никакого смысла попусту рисковать жизнью, преследуя его. Поэтому, нацепив на лицо очаровательную улыбку, Сатура вернулся, чтобы разобраться с миражом.

Девушка исчезла.

А на ее месте обнаружился превосходный коротковолновый радиопередатчик.

Да что тут, черт побери, происходит? Может, все-таки это мина? На всякий случай майор несколькими выстрелами уничтожил передатчик. Сам он, конечно, не решился бы его использовать, но не хотел предоставить такую возможность Джанегану, если тот еще жив.

Превратив передатчик в обломки, Сатура вернулся на берег, собрал оружие, бóльшую его часть забросил далеко в море, а себе оставил только патроны. Выходя из моря в последний раз, он с удивлением обнаружил на берегу еще один подарочек.

Это был самолет без экипажа, само присутствие которого здесь казалось совершенно невероятным. Лицо Сатуры, и прежде совершенно бесстрастное, превратилось в маску хладнокровия. Он вскинул пистолет, тщательно прицелился, но стрелять не стал. Менее разумный человек на его месте, скорее всего, испытывал бы страх. Возможно, не избежал этого и Сатура, однако он хорошо понимал, какую губительную роль может сыграть страх, если ему поддаться, и как важно держать нервы под контролем.

Безжалостная логика подсказывала, что тут не может быть никакого самолета. А высокоразвитый, вооруженный обширными познаниями мозг всегда следует логике.

Самолет так и приглашал забраться внутрь... Майор вскинул бровь, осторожно обошел его и углубился в джунгли. Пройдя несколько футов вдоль тропы, он заметил кое-что, чего не видел прежде: свет, поблескивающий на металле. Автоматический пистолет.

Пистолет логическому объяснению поддавался: его вполне мог прошлой ночью обронить какой-нибудь янки. А майор Сатура всю жизнь следовал логике. Поэтому он сделал шаг вперед и наклонился, чтобы подобрать пистолет...

Рука прошла сквозь металл. Майор отскочил назад, уже понимая, что опоздал, и в тот же миг каждую клеточку его тела пронзила дергающая, свербящая боль. Свет вдруг сделался невыносимо ярким и ослепил Сатуру. Майор ощутил головокружение, земля ушла у него из-под ног. Казалось, что темные вихри рвут на части саму душу, яростно сотрясая ее. А потом все эти кошмарные метаморфозы исчезли без следа и так же внезапно, как появились.

Вот только теперь майор был не в джунглях.

Ловушка захлопнулась. Засада оказалась успешной. Западня сработала. Сатура оглядывался по сторонам, поволчьи оскалив зубы. Вся его хваленая бесстрастность

рассыпалась вдребезги. Логика ко всему этому не имеет — не может иметь! — отношения. Это... это настоящее колдовство!

Майор Сатура тут же отбросил эту мысль и взял себя в руки. На помощь, как обычно, пришел здравый смысл. Со всех сторон его окружали стены. Он стоял в абсолютно голой светлой комнате площадью около семи квадратных футов. В одной стене виднелась дверь, хотя никаких признаков замочной скважины Сатура не обнаружил. Стены, пол, потолок — все было сделано из сероватого металла, испускающего бледное свечение, настолько рассеянное, что предметы не отбрасывали теней.

Тюрьма?

Сатура ждал, что враг как-то проявит себя, но ничего не происходило. Наконец майор сунул пистолет в кобуру и медленно двинулся к двери, при каждом шаге носком сапога осторожно пробуя пол.

Он вспомнил, как действуют охотники: расставляют ловушки и возвращаются в свою хижину, а потом лишь время от времени обходят капканы и силки. Если так, может быть, врага сейчас здесь нет? Возможно. По крайней мере, Сатура надеялся на это. В таком случае у него будет чуть больше времени, чтобы разобраться в этой таинственной истории.

Дверь выполняла свои функции безупречно. На свете существовало очень мало людей, способных проникнуть в тайну запирающего ее замка. Однако Сатура обладал интеллектом значительно выше среднего уровня, а его руки были руками хирурга, привыкшего действовать чрезвычайно выверенно, не допуская даже самых ничтожных неточностей. Кое-какие инструменты нашлись у него в аптечке первой помощи, вместо недостающих он использовал то, что было под рукой. Он трудился над дверью пять часов, и все это время по гладким щекам струился пот, потом пропитался и китель. Раз в час майор позволял себе пятиминутный перерыв на отдых. Но не более того.

Нужно использовать все преимущества, которые давала отсрочка. А то, что это именно отсрочка, не вызывало сомнений. И пока умелые пальцы Сатуры неустанно трудились, он все больше убеждался в том, что столкнулся с чем-то поистине невероятным. Разум, который изобрел этот замок, определенно не был человеческим, поскольку принципы замка, эти хитроумные сочетания ритма и нажима, не базировались на обычных законах физики. Похоже, и дверь, и замок были созданы в расчете на необычные условия — например, очень высокое или низкое атмосферное давление. На Земле таких условий не существует, разве что в глубинах океана или в верхних слоях стратосферы.

Продолжая работать, майор пытался выстроить хоть какую-то гипотезу. Однако данных для этого явно не хватало — так, всего лишь несколько смутных намеков, ничего особенно не проясняющих. Вопреки своему стоицизму, Сатура чувствовал, как в его душе нарастает напряжение, будто кто-то все больше взводит тугую пружину. Если дверь не поддастся в самое ближайшее время...

Но она в конце концов поддалась, бесследно исчезла, словно лопнувший пузырь, и на ее месте открылся прямоугольный проход. Силовое поле, надо полагать. Впрочем, сейчас это не имело значения. Сейчас важно, выражаясь на американский манер, как можно быстрее «рвать когти».

Сквозь дверной проем видно было немного. Мерцающие стены тюрьмы едва-едва освещали пространство за порогом, но постепенно глаза майора привыкли к полумраку. Пусть и не сразу, но Сатура понял, что за дверью находится еще одно помещение, хотя и весьма необычное по форме и размерам. Там, насколько ему удалось разобрать, ничто не двигалось, не издавало никаких звуков. Впрочем, в неверном свете он мог и обмануться.

Благодаря полумраку казалось, будто в помещении царит зловещая атмосфера, в духе готических романов.

И в то же время оно выглядело странно знакомым... У Сатуры возникло необъяснимое чувство, будто он уже видел нечто подобное, хотя, конечно, такого быть не могло.

Он сделал несколько шагов вперед и замер, выжидая. Тусклый свет, льющийся из дверей камеры за его спиной, отбрасывал на дальнюю стену огромную тень Сатуры. Стена была изогнутой, но в ней присутствовали и плоские участки, и углы, о существовании которых майор скорее догадывался.

В воздухе висело множество прозрачных цилиндров разных размеров. Они парили без всякой опоры, если не считать тонких, как карандаш, горизонтальных лучей, выходящих из торцов каждого,— цилиндры свисали с этих пучков света, как гамаки. И лишь возвышение, уставленное незнакомой аппаратурой, навело майора на верную мысль.

Это был операционный зал.

Сатура быстро оглянулся, увидел еще одну дверь, на этот раз открытую, и торопливо прошел сквозь нее. Он, конечно, был вооружен, однако сильно сомневался, что от его пуль будет толк против... против Охотника.

Охотник со звезд. Исследователь, инопланетянин, нечеловек, выискивающий своих жертв в отдаленных глубинах космоса... Его трофеи висели в огромном зале, где теперь оказался Сатура. Тот зал был огромным, с сообразным его ширине высоким потолком, и утопал в полумраке, отчего казался еще больше. Сквозь серые тени медленно проступали предметы, каких не увидишь и в кошмарном сне — трофеи Охотника, развешанные на голых стенах, отлично сохранившиеся, выглядевшие совсем как живые.

Экспонатов с Земли было немного. Голова слона с изогнутым хоботом и горящими красными глазами; лапы с длинными когтями — лапы, и больше ничего,— скорее всего, принадлежавшие кроту, известному своим умением рыть под землей норы; блестящие кольца с хвоста

гремучей змеи; еще несколько трофеев с этой планеты. Все очень логично и функционально — здесь было представлено только то, что является главным фактором выживания в процессе эволюции. Крот живет благодаря своим лапам; для тех же целей — и, в частности, для добывания пищи — предназначен сильный, гибкий хобот слона. А висящие рядом похожие на пузыри предметы были, скорее всего, чернильными мешками каракатицы.

С этими экспонатами все было ясно. Чего не скажешь об остальных. «Охотник обыскал множество миров, чтобы добыть эти трофеи»,— подумал Сатура. От волнения у него пересохло во рту. Зеленоватая, трехглазая звериная голова, увенчанная гибкими щупальцами,— какая планета породила это клыкастое чудовище? А этот невероятный комок плоти, утыканный блестящими, как самоцветы, кристаллами,— каким целям он служил?

Трофеев было множество — весь огромный зал был увешан ими, но Сатура не стал надолго задерживаться. Его интересовало одно — как отсюда сбежать.

Он обнаружил, что ни одна дверь не заперта — кроме двери его тюрьмы. Из зала с трофеями он перешел в помещение, выглядевшее как жилая каюта, хотя обстановка явно не предусматривала удобство в человеческом понимании этого слова. У майора даже возникло неприятное подозрение, что, возможно, Охотник не является созданием из плоти и крови. Теоретически нельзя исключать возможности существования созданий из чистой энергии. Или из комбинации энергии и плоти... скажем, на основе углерода и электричества.

Машинное отделение, расположенное на носу корабля. Сейчас Сатура не сомневался, что находится внутри того похожего на торпеду аппарата, который видел прошлой ночью. Это подтверждалось изгибом стен и планом помещений. Двигатели... при виде них внутри у Сатуры все заледенело. Он попытался прикоснуться к одному, но в нескольких дюймах от пластиковой решетки его

рука наткнулась на невидимую преграду. Снова силовое поле, надо полагать. Или что-то в этом роде.

В конце концов он по чистой случайности нашел ту дверь, которую искал. Размещена она была высоко на полом, как будто Охотник влетал и вылетал сквозь нее, чего Сатура, ясное дело, сделать не мог. Он подтащил к стене несколько странных на вид предметов обстановки, соорудил из них пирамиду и вскарабкался на нее. Сердце майора бешено колотилось — в любой момент Охотник мог вернуться!

С дверью особых хлопот не возникло. Поворот, толчок — и створка открылась, впустив теплый, насыщенный запахом гибискуса ветер. Было еще рано, солнце только-только перевалило через зенит. Корабль стоял прямо посреди тропического леса — Охотник не делал никаких попыток спрятать или замаскировать его.

До земли было далеко, однако Сатура предпочел рискнуть и прыгнуть, нежели испытывать судьбу, замешкавшись. Приземлился майор не очень удачно и даже подумал, что сломал лодыжку, однако боль быстро прошла, и он, слегка прихрамывая, углубился в джунгли. Только раз он оглянулся, но ничего нового не увидел, лишь неподвижно покоящийся на чужой земле космический корабль.

Майор побежал. Сейчас ему стало известно гораздо больше, и выводы из всего увиденного получались неутешительные. Прежде всего, он отдавал себе отчет в том, что этого противника физически ему не одолеть. Пули — какая чушь! Майору могли помочь лишь тщательно продуманная стратегия и логика.

Он заброшен на остров, где, кроме него и Охотника, никого нет. Не вызывает сомнений, что, когда Охотник вернется, его фантастическое научное оснащение позволит ему запросто выследить и снова пленить Сатуру. Майора и спасло-то лишь временное отсутствие Охотника.

Все сходится. Охотники на крупную дичь всегда коллекционируют трофеи. По-видимому, жизнь существу-

ет и в других планетарных системах, и нет никаких оснований полагать, что она повсюду развивается точно так же, как на Земле. Наука базируется на жестких принципах, и потребность в образцах будет всегда. Трофеи коллекционируют по двум причинам: в качестве биологических образцов и забавы ради.

Конкретно в данном случае явно преследовалась первая цель, но с определенным уклоном. Охотник вешал на стены не просто головы созданий, которых смог поймать. Он придерживался научного подхода и забирал в коллекцию лишь те органы, которые жизненно важны с точки зрения выживания. У крота — лапы, у слона — хобот, у человека... голову.

Сатура, решительно углубляясь все дальше в лес, задумчиво покивал собственным мыслям. Голова, мозг — вот что является определяющим органом для эволюции вида homo sapiens. Охотник наверняка преследовал самолет янки, вот только его планам помешала авария. Тогда он просто расставил везде ловушки и отправился куда-то по своим, ведомым лишь ему одному чужеземным делам.

Более мелким человеком в подобных обстоятельствах, подумал майор, могла бы овладеть замешенная на суеверии трусость. Но Сатура был не таков. Он боялся, да, но этот страх не выбивал его из колеи, страх был не более чем сигналом, предупреждающим об опасности и тем самым обеспечивающим возможность уцелеть. Теперь никакие ловушки его не обманут.

Чтобы поймать тигра или крокодила, привязывают козленка. Чтобы заманить птицу, сгодятся и хлебные крошки. Чтобы поймать человеческое существо, требуется кое-что посложнее. Золото, женщина, оружие, возможность покинуть остров, которую предлагал тот самолет на берегу.

Что это, проекции образов или зрительные иллюзии? Как это было сделано? Сатура не знал. Впрочем, на дан-

ном этапе это его мало заботило. Суть в том, что Охотник может читать разум человека с такой же легкостью, с какой люди способны предвидеть реакцию кролика. Он даже, скорее всего, не счел необходимым лично заниматься подготовкой. Расставить ловушки и поймать Сатуру могли и должным образом натасканные роботы. Майор вспомнил операционный зал и обнажил зубы в безрадостной ухмылке.

Однако Охотник имеет дело с майором Сатурой, а не с каким-нибудь суеверным, беспомощным глупцом вроде... вроде, к примеру, капрала янки. Этот янки...

Сатура резко остановился, широко распахнув глаза,— его озарило, как можно спастись. Нет, это было не озарение; просто сделало свое дело логическое мышление, присущее его острому уму.

Посылка первая: Охотник хочет — иначе и быть не может — заполучить в качестве образца голову человека. В зале с трофеями ничего похожего нет.

Посылка вторая: пока не придет помощь, покинуть остров невозможно. На замкнутой территории и с помощью своей науки Охотник без труда выследит жертву.

Вывод: нужно найти другую жертву.

Итак, с облегчением понял Сатура, изменив курс в нужном направлении, решение найдено, но действовать следует быстро. Конечно, может оказаться, что Охотник желает заполучить не голову целиком, а только мозг. Что ж, остается надеяться, что все же голову. Ведь прочие трофеи выглядят как законченные части тела, а не как вычлененные органы.

Другая голова...

Майор наконец обнаружил оставленный Джанеганом кровавый след. Пройдя по нему, он нашел американца — тот лежал без сознания под колючими кустами, где, видимо, пытался спрятаться. Его туловище стягивала самодельная повязка — топорная работа, заставившая Сатуру презрительно улыбнуться. Впрочем, сейчас

ему было не до злорадства — каждая секунда была на счету.

Он набрал дров, разжег костер, принес свежей воды из ближайшего ручья и подвесил котелок над огнем. Потом настала очередь аптечки первой помощи и бритвы. Стерилизовать инструменты в полевых условиях невозможно, но Сатура сделал все, что было в его силах.

После этого он раздел Джанегана и осмотрел его раны. Нанесенная штыком уже не кровоточила и выглядела вполне прилично. Другое дело — рана от пули, вошедшей в опасной близости от позвоночника.

Жарким днем на поляне в тропическом лесу майор Сатура занимался тем, что умел лучше всего: оперировал. Он был прекрасным хирургом, никто не посмел бы это оспорить. И никогда еще ему не приходилось делать операцию в таких сложных условиях. Приходилось постоянно напрягать слух, ловя каждый звук, могущий свидетельствовать о том, что приближается опасность... о том, что Охотник вернулся. Нужно было закончить все до того, как это произойдет.

Три часа спустя дело было сделано, однако майор остался совершенно без сил. Капрал Джанеган по-прежнему пребывал без сознания, но теперь он будет жить: пуля удалена, раны промыты асептическим раствором и перевязаны. Сатура отступил на шаг, испустил долгий вздох и посмотрел на американца, лежащего у его ног.

Варвар. Самый настоящий варвар. Без сомнения, именно он станет трофеем Охотника, а майор Сатура уцелеет, чтобы продолжать служить своему императору и Стране восходящего солнца. Хотя без жертв не обойтись...

Какой, однако, урод этот янки! Ступни огромные, не то что у Сакуры, маленькие и изящные; и руки — грубые, мускулистые, на правой отсутствует указательный палец... разве их можно сравнить с тонкими, гибкими руками японского майора? Да-а, если придется выбирать между ними...

Нужно помочь Охотнику сделать выбор. Сатура открыл бритву, вынул лезвие и простерилизовал его. Взял маленькое металлическое зеркальце, асептический материал, еще кое-какие необходимые предметы...

Поскольку Охотник хочет иметь голову... он наверняка предпочтет ту, которая в хорошем состоянии. Не искалеченную.

Сатура сделал себе местную анестезию, но все же время от времени шипел от боли. От подкожной анестезии немного толку, а такая ужасная мазохистская операция не может не быть болезненной.

Тем не менее это был логичный ход, и к тому же единственно возможный. Позже можно будет исправить нанесенный вред с помощью пластической хирургии. О, наверняка! Если не обращать внимания на несколько еле заметных шрамов, майор Сатура будет столь же неотразим, как раньше.

А пока придется потерять лицо...

Когда операция была завершена, майор превратился в настоящую горгулью. Повязки покрывали все, кроме глаз. Под повязками были умело перерезанные мышцы, гротескно расширенные раны, расщепленный рот... и прочее в том же духе. Дрожащими пальцами майор достал сигарету и раскурил ее. Операция оказалась тяжелее, чем он рассчитывал.

Джанеган очнулся.

Открыл глаза, увидел Сатуру и разразился потоком ругательств, не иссякавшим ровно десять минут,— майор засекал время. Когда янки наконец замолчал, Сатура улыбнулся.

— Неблагодарный! — Говорить ему было трудно из-за ран и повязок.— Я спас тебе жизнь. Ты, похоже, этого не заметил?

— И что с того? — взъярился Джанеган.— У тебя наверняка что-нибудь припрятано в рукаве. Наши парни прилетели? Рассчитываешь захватить меня в заложники?

— Не разговаривай. Ты все еще слаб, не стоит перенапрягаться.

— Какого черта! Я в норме.

Американец с трудом поднялся и, покачиваясь, сделал шаг вперед.

Сатура небрежным жестом вытащил из кобуры пистолет.

— Отдай должное моим медицинским навыкам. Да, ты будешь жить, капрал. Потеря крови большая, но ты силен... достаточно силен, чтобы побриться. Давай-ка, займись этим!

Джанеган вытаращился на него.

— А? Что за чушь?

— У меня не хватило времени, а то я побрил бы тебя. Так что сделай это сам, иначе я тебя пристрелю. Вон там горячая вода. И учти, я не шучу.— Вкрадчивый тон майора превратился в приказной.— Делай, что сказано, и побыстрее!

Капрал Джанеган удивленно заморгал и пожал плечами. Сатура улыбнулся.

— Бритва против пистолета — не слишком подходящее оружие, если это у тебя на уме.

Ответа не последовало. Джанеган взял металлическое зеркало и принялся соскребать щетину со своих огрубевших щек.

— Ах ты, обезьяна, придурок чертов,— бормотал он, стирая остатки мыльной пены с лица.— Я всегда знал, что япошки сумасшедшие,— и вот, нате вам! Что тут происходит, можешь мне объяснить?

Сатура не отвечал. Он не сводил взгляда со сверкающей точки, появившейся на расстоянии футов десяти в пустом воздухе над поляной. Даже в надвигающихся сумерках он различал нечто, окружающее инопланетное создание, точно ажурный узор или сплетение теней, похожее на рентгеновский снимок. Очертания эти были настолько чужеродными, настолько нечеловеческими,

что, когда Сатура пытался разглядеть пришельца, глаза отказывались ему подчиняться.

Охотник вернулся.

Джанеган резко обернулся, Сатура чисто автоматически — поскольку понимал всю бесполезность этого действия — вскинул пистолет, и тут их накрыла завеса, состоящая из... пустоты. Майор почувствовал, как пистолет выпал из руки, и услышал стук его удара о землю. По ногам майора что-то скользнуло: это Джанеган бросился за упавшим оружием. Перед лицом этой непосредственной угрозы Сатура встрепенулся, попытался пнуть капрала ногой, но не попал.

Они с Джанеганом сцепились. Пистолет сейчас был у капрала, и... и...

И Сатура почувствовал, как тело американца уплывает прочь, растворяется — как и весь мир вокруг — в огромной пустоте, внезапно разверзшейся под ним. В последнее мгновение майор успел поразиться эффективности этой ментальной анестезии, а потом она подействовала. Забвение поглотило его.

Последняя сознательная мысль была о том, что он победил на дуэли с созданием, несравненно более могущественным, чем он сам. А все потому, что руководствовался логикой...

Голова Джанегана, а не его, Сатуры, изрезанное лицо будет красоваться на стене в зале с трофеями.

Час спустя Сатура открыл глаза и увидел над головой клочок звездного неба. Он лежал на берегу, у самого края джунглей. И что-то его разбудило...

Неподалеку тяжело протопал человек, на ходу он громко, на чем свет стоит, ругался. Сатура узнал голос Джанегана. Американец явно не опасался быть обнаруженным.

Майор лежал молча, незаметный в сгущающихся тенях, и настороженно прислушивался. Вскоре шаги и ругань затихали, а потом и вовсе смолкли. Сатуру пе-

реполняли недоверие и дурные предчувствия. Что произошло? Охотник отверг обоих людей... счел их неподходящими для своей коллекции?

Боль жгла перевязанное лицо.

Он утомленно приподнял голову и оглядел собственное тело, заметив, что оба пистолета заткнуты за пояс. Видимо, во время последней схватки он все-таки сумел вырвать пистолет у Джанегана. Значит, американский капрал безоружен, беспомощен. И...

Почему Охотник не захватил свой трофей?

Сатура недоумевал лишь до тех пор, пока не попытался встать. Охотник оказался таким прекрасным хирургом, а его исцеляющая мощь столь совершенна, что боль начисто отсутствовала. Кровотечение было полностью остановлено, разрез обработан антисептиками. Операционный зал инопланетного корабля все-таки пригодился еще раз. Охотник получил свой трофей — самую ценную для эволюции часть человеческого тела.

Не мозг, поскольку по сравнению с мозгом Охотника человеческий мозг был не лучше обезьяньего.

На Земле есть одно-единственное млекопитающее, которое может согнуть большой палец таким образом, чтобы он пересекал ладонь. Именно эта способность позволила человеку стать доминирующей расой.

Огненная полоса, прочертившая ночное небо, грохот и свист ветра возвестили о том, что Охотник ушел, отправился на поиски новых трофеев. Однако теперь на острове был другой охотник, безжалостный мститель, которому не нужны пистолеты, чтобы совершить убийство.

Что же до пистолетов Сатуры...

Без рук из пистолета не особенно-то постреляешь.

ПОКА Я СПЛЮ...

Это история мальчика по имени Педро Кутино, на которого наложили заклятие. Или проклятие, как считают некоторые. Я не знаю, что верно. Это зависит от множества вещей. От того, течет ли в ваших жилах цыганская кровь, как у старой Беатрис Саузы, которая много чего узнала о магии в племени вольных цыган в горах за Лиссабоном. И от того, довольствуетесь ли вы жизнью рыбака в Кабрилло.

Хотя жизнь рыбака не так уж плоха. Совсем даже не плоха. Днем ты выходишь в море на лодке, которую мягко покачивают голубые воды залива, а вечером можешь слушать музыку и пить вино в «Приюте рыбака», «Замке» или любой другой таверне на Приморском бульваре. Чего еще желать? Разве есть в мире что-то иное?

И какое дело любому здравомыслящему человеку — или любому здравомыслящему мальчику — до того дивного колдовства, которое придает всему невероятную яркость и блеск, делает цвета вокруг такими глубокими, что глазам больно, и завораживающей мелодией льется со звезд, которые становятся вдруг живыми и загадочными? Педро, наверное, не следовало мечтать об этом, а он мечтал, потому-то с ним и произошло то, что произо-

---

© Перевод Б. Жужунавы.

шло. И на опасную дорожку он ступил задолго до того, как в его судьбу вмешалась настоящая магия.

Педро Игнасио да Сильва Кутино, обладатель имени слишком длинного для такого щуплого, жилистого четырнадцатилетнего мальчишки, любил сидеть на пристани, глядя на яркие, голубовато-зеленые воды залива, и думать о том, что лежит по ту сторону этой безбрежной дали. Он слышал рассказы о Тампико, острове Сосен и других местах, и эти названия всегда звучали для него как волшебная музыка. Он знал, что непременно должен отправиться туда, когда подрастет, и заранее представлял себе, что увидит.

Остров Сосен окажется островом Цирцеи, с белыми мраморными колоннами, разбросанными среди темной зелени, и там будут сражаться пираты, а их лязгающие мечи — вспыхивать в солнечном свете, как и белые зубы в безжалостных ухмылках. Тампико для Педро не был индустриальным торговым портом, каким знал его отец мальчика. Это был город «Тысячи и одной ночи», с дворцами и пестрыми попугаями, с извилистыми белыми дорогами, где расхаживают чародеи в странных одеяниях, преимущественно добрые, и руки их скрючены, точно древесные корни... чародеи, которые умеют творить заклинания.

Мануэль, отец Педро, мог бы рассказать мальчику совсем другое, ведь когда-то, прежде чем осесть в Кабрилло и стать рыбаком, он ходил в море под парусами. Однако Мануэль не слишком-то часто разговаривал с сыном. Мужчины говорят с мужчинами, не с мальчиками, вот почему Педро не узнал многого от своего отца, загорелого португальца, ходившего в море с рыбацкой флотилией. Мальчик черпал знания из книг, и это были странные книги и странные знания.

На вершине холма, в маленьком белом доме, жил доктор Мэннинг, обосновавшийся здесь несколько десятилетий назад. Целыми днями он бесцельно слонялся по своему саду и еще писал бесконечную автобиографию,

которая никогда не будет опубликована. Педро, спокойный, тихий мальчик, пришелся доктору по душе. И Педро часто можно было застать сидящим со скрещенными ногами в каком-нибудь укромном уголке маленького дома и перелистывающим страницы книг Мэннинга. Он зарывался в них, бегло проглядывал, спеша дальше, но всегда задерживался на цветных вклейках с иллюстрациями Рэкхема, Сайма и Джона Р. Нила. Они открывали ему мир, слишком яркий и пленительный, чтобы быть настоящим.

И поначалу он понимал, что этот мир вымышленный, но постепенно все дольше грезил наяву, что неудивительно для мальчика, который праздно болтается день за днем на берегах каналов, под палящими лучами жаркого тропического солнца, не имея возможности поговорить с кем-нибудь, кто разделял бы его мысли. И достаточно скоро изображенный на картинках мир сделался настоящим. На стене у доктора Мэннинга висела огромная карта, и Педро стоял перед ней, прокладывая пути воображаемых странствий к портам, пленительные виды которых изображали Рэкхем и Нил.

Да, в конце концов они стали реальны.

Картахена и Кокосовые острова, остров Клиппертон и Кампече — Педро перебирал названия по алфавиту, вызубренному в школе. И все до одного это были заколдованные места. Клиппертон представлял собой убежище старых кораблей. Собственно, это был не остров как таковой, просто сотни и сотни старых американских клиперов, с парусами, похожими на белые облака, и толпящимися у планширов моряками, которые не умрут никогда.

Не то чтобы у Педро были какие-то иллюзии относительно смерти. Он видел покойников и знал: что-то покидает человека — душа покидает,— когда губы у него вваливаются, а из глаз смотрит пустота. Тем не менее умершие могут вернуться к жизни в Кампече, и на Кокосовых островах, и в Парамарибо, где вечно слышен гро-

хот, потому что там живут драконы. Однако драконов Парамарибо можно убить, если стрелу предварительно окунуть в блестящий яд дерева анчар — однажды, странствуя по дорогам фантазии, Педро обнаружил рощу, где росло такое дерево.

Потом он нашел жабу. Как-то раз он ходил следом за отцом, следя, чтобы упившийся вдрызг старик не упал ненароком в канал. Был вечер субботы, а по субботним вечерам все добрые рыбаки выпивают столько, сколько в состоянии удержать в себе, а иногда и немного больше. И Педро, худенький, молчаливый страж, следовал за отцом, прячась в тени, готовый в любой момент подхватить пошатывающееся тело, если оно слишком сильно накренится к темной воде, или позвать на помощь, если поймать не успеет.

Педро думал о городе под названием Джуба, о котором ему приходилось слышать. Там на золоченых тронах восседали огромные, лоснящиеся черные фигуры и повсюду были разбросаны леопардовые шкуры. Перед внутренним взором мальчика вставали удивительные картины, ему чудился рокот барабанов... Голые ноги Педро вздымали дорожную пыль, заставляя ее клубиться в косо падающем из окон свете, из «Приюта рыбака» долетала нестройная музыка. Мануэль остановился и пнул что-то у себя под ногами. Потом догнал и снова пнул. Так и пошел дальше, гоня это что-то перед собой.

Педро украдкой приблизился, в его взгляде светились настороженность и любопытство. Что-то маленькое, темное энергично прыгало, стремясь увернуться от ноги пьяного человека. Педро мог бы позволить отцу раздавить жабу, но почему-то поступил иначе, хотя вовсе не отличался особенной добротой. Подтолкнуло его то, что отец был сильно пьян. Педро на ум пришла смутная мысль: раз пьяный великан может затоптать до смерти живое существо... а в звездном небе, может быть, водятся какие-то уж вовсе невероятных размеров великаны — вдруг в один прекрасный день они переберут лиш-

него и станут топтать людей! Педро часто лезла в голову такая небывальщина.

Важно то, что он налетел на отца сзади, толкнул его так, что тот шлепнулся на дорогу, и схватил жабу. Она ощущалась в руке как холодная гладкая тяжесть. Мануэль кричал и ругался, пытаясь встать, ему померещилось, что он свалился за борт в стычке с береговым патрулем и скоро, привлеченные запахом крови, явятся тигровые акулы. Правда, вскоре он обнаружил, что кровь — вовсе не кровь, а красное вино из разбившейся бутылки в кармане. Это открытие так огорчило его, что он остался сидеть в пыли, заливаясь слезами.

А Педро бегом бросился домой. Холодная, твердая жаба ровно дышала в его руке. Мальчик не стал заходить в лачугу, где мать варила к возвращению Мануэля крепкий кофе, а обежал дом и оказался на заднем дворе, он там выгородил когда-то небольшой садик. Было бы приятно сообщить, что Педро обожал цветы и вырастил целую грядку роз и фуксий, рдеющих на фоне своего жалкого окружения... Однако на самом деле он выращивал кукурузу, кабачки и помидоры. Мануэль не одобрил бы роз и наградил Педро затрещиной, если бы тот вздумал их выращивать.

Рядом с садиком лежала груда камней, и мальчик усадил жабу среди них. Забавно, что после этого он долго разглядывал ее, сидя на корточках. В глазах жабы поблескивали искорки, словно блики в глубине драгоценных камней. А может быть, то были не просто искорки...

Вы скажете, что на заднем дворе было темно и Педро не мог разглядеть жабы. Однако факт остается фактом — он видел ее, и старая цыганка Беатрис, которая знала о ведьмах больше, чем следовало бы, могла бы кое-что тут прояснить. Видите ли, ведьма должна иметь фамильяра, прислужника, животное вроде кота или жабы. Он каким-то образом помогает ей. Когда ведьма умирает, фамильяр обычно умирает тоже, но иногда этого не происходит. Иногда он успевает настолько пропитаться

магией, что продолжает жить. Может, эта жаба была родом из Салема, где она обитала еще в те времена, когда Коттон Мазер вешал ведьм. Или, может, девушка-креолка зазвала Черного Человека в Баратарию, служившую прибежищем пиратам. Залив полон призраков и воспоминаний, и, возможно, одним из этих призраков был призрак женщины с ведьмовской кровью, которая много лет назад приехала из Европы и умерла на своей новой родине.

И возможно, ее фамильяр не знал дороги домой. Сейчас в Америке почти нет места магии, но когда-то дело обстояло иначе.

Если вы думаете, что жаба разговаривала с Педро голосом, который можно слышать, то вы ошибаетесь. Я не пытаюсь уверить вас, что не произошло ничего необычного. Вполне вероятно, что крошечный, холодный, невозмутимый разум жабы заглянул в душу мальчика и задал пару вопросов. Возможно также, что в темном, пропахшем рыбой заднем дворе, под резкие звуки музыки, доносившиеся из баров Кабрилло, свершилось волшебство. Однако я не утверждаю и того, что нечто подобное действительно случилось.

Но вот что известно точно: Педро вернулся в дом и получил пощечину за то, что бросил Мануэля. Маргарита, низенькая, толстая женщина с беспокойными темными глазами, сказала, что Мануэль наверняка теперь свалится в канал, что его сожрет барракуда и что вся семья — Педро, пятеро его братьев и сестер, а также сама Маргарита — обречена влачить жалкое, полуголодное существование. Неистово жестикулируя, она постаралась расписать их будущие бедствия со всеми подробностями. Потом кофе начал убегать, Маргарита бросилась убрать его с огня и налила чашку Педро.

Педро пил кофе, с ухмылкой глядя на потуги шестилетнего Грегорио наточить багор со всей сноровкой, присущей его возрасту.

— С отцом все будет в порядке, minha mae,— сказал он Маргарите.— Он не так уж и пьян.

— Педрино, Мануэль уже немолод. Совсем скоро тебе самому придется выходить в море.

— Вот здорово! — воскликнул Педро, с восторгом думая о Кампече и Тампико.

Может, на самом деле в Тампико и нет никаких чародеев, но правда наверняка окажется даже чудеснее!.. Маргарита смотрела на мальчика, кусая губу. Что ж, basta, завязки слюнявчика все равно рано или поздно придется обрезать. Мальчик всегда мечтал ходить под парусами по Карибскому морю.

— Уложи crianca* в постель,— приказала она и отвернулась к кухонной плите.

Педро подхватил Киприано Хосе, смешливого, толстого младенца, и погнал впереди себя Грегорио в соседнюю комнату.

Во мраке, среди камней, жаба пристально глядела в темноту глазами, мерцающими, словно диковинные самоцветы.

Той ночью Педро заснул не сразу. Перед его внутренним взором мелькали яркие образы кораблей, величественно бороздящих мировые океаны. Когда-нибудь и он поплывет в Картахену или Джубу... В Джубу, где на шелковистой черной коже особенно ярко сияют тяжелые золотые браслеты, где под лязг цимбалов и грохот барабанов тянутся длинные процессии с паланкинами и алыми знаменами. Кокосовые острова, и Кампече, и остров Сосен, где пираты, подпоясанные алыми кушаками, усмехаются в бороды и поют кровожадные песни. Тампико, где чародеи в тюрбанах призывают ифритов и джинов, а во дворцах из перламутра спят прекрасные принцессы! Клиппертон с белыми парусами, Белем, где в мирной долине при каждом белом доме есть колокольня, и мелодичный перезвон доносится отовсюду...

---

* Crianca *(португ.)* — малышей.

Педро спал.

Его постель начала медленно вращаться. Педро ощутил нарастающий восторг и предчувствие, что вот-вот должно что-то произойти. Соскользнув с постели и заметив внизу перекатывающиеся волны, он инстинктивно вытянул над головой сведенные вместе руки и прыгнул. Поверхность воды он прорезал почти без всплеска и пошел вниз, вниз... Потом зрение прояснилось, и он увидел сквозь облако пузырьков чистый голубовато-зеленый свет.

Постепенно замедлив погружение и загребая руками, он перевернулся и начал подниматься к поверхности, но это происходило не слишком быстро. До сих пор он задерживал дыхание. Но тут сквозь лес покачивающихся водорослей прямо на него стремительно выплыла барракуда, и страх заставил его конвульсивно забить по воде ногами и вдохнуть. Педро ожидал, что вода ворвется в легкие и задушит его, однако ничего неприятного не почувствовал, словно бы и не воду вовсе вдохнул, а воздух.

Барракуда поплыла за ним. Молотя ногами, он задел рыбу, и она метнулась прочь. Педро видел, как ее длинное, похожее на торпеду тело тает в голубовато-зеленой бесконечности. Тогда он завис на месте, продолжая машинально взбивать воду, и огляделся.

Это было южное море. Кораллы, чья окраска тускнеет, если их вытащить из воды, здесь сверкали кричаще ярко и образовывали на дне сложные, необыкновенно красивые лабиринты. Среди кораллов сновали рыбы, а над головой мальчика, медленно взмахивая крыльями и волоча за собой шипастый хвост, проплыла манта, или морской дьявол. Мурены, извиваясь, точно змеи, разевали на Педро жуткие зубастые пасти, крабы на бесчисленных ножках ползали по камням и маленьким песчаным прогалинам на дне. Целые рощи морских водорослей и огромные опахала разноцветных губок покачивались с гипнотической монотонностью, среди них сновали

стайки крошечных полосатых рыбок, двигавшихся слаженно, словно управляемые единым разумом.

Педро нырнул глубже. Из пещеры в красно-бурых скалах на него уставился осьминог, взгляд его огромных глаз был бесконечно чужд, щупальца медленно колыхались. Педро поплыл прочь от него и замер над широкой площадкой светлого песка, на котором, расходясь волнами, мелькали блики пронизывающего море света и распласталась тень самого мальчика. Множество мелких подводных созданий деятельно сновало по своим делам. Этот мир был нарисован не на плоском листе бумаги, а в трех измерениях, и тяготение тут отсутствовало. Здесь были лишь красота, необычность и налет жути, от которого у Педро сладко замирало сердце.

Он поплыл вверх и вырвался на поверхность, стряхивая воду с волос и лица. Дышать воздухом оказалось так же легко, как водой. Оглядываясь по сторонам, он легко заскользил по вздымающимся и опадающим волнам. На расстоянии полумили голубое, сверкающее на солнце море обрамляло лесистое побережье, а за ним вздымались темные склоны гор. Океан был пуст, если не считать... Да, он был здесь, клипер с убранными парусами, с мачтами, покачивающимися в такт волнам. У Педро перехватило горло, такими ровными, радующими взгляд были обводы судна. Мальчику представилось, как красавец корабль скользит по морям под белыми парусами, наполненными встречным ветром, рассекая волны острым бушпритом, и водяная пыль орошает позолоченную фигуру девушки на носу.

Клипер стоял на якоре — Педро видел цепь. И еще он разглядел движение на палубе. Может быть... Он поплыл к кораблю. Однако море становилось все неспокойнее. Волны обрушивались на него, шлепали по щекам...

— Minho filho! Педрино...

И:

— Педро! — пророкотал низкий голос отца с оттенком тревоги.— Просыпайся!

Мальчик почувствовал на лбу прохладную, сухую ладонь, и как будто что-то теплое пронзило голову, точно электрический разряд. Он слышал слова, которых не понимал, но голоса взывали к нему, взывали...

Он открыл глаза и поднял взгляд на маленькое сморщенное лицо цыганки, Беатрис Саузы. Долгий, долгий миг ее невероятно яркие черные глаза всматривались в него, а беззубый рот неразборчиво шептал что-то. Потом она кивнула с удовлетворенным видом и скрылась из виду, уступив место Маргарите. Мать кинулась к Педро и грубо прижала его голову к своей обширной груди.

— Ай-яй-яй! Педрино, coelzinho, мой крольчонок, ты слышишь меня? Ты проснулся?

— Ну да.— Педро зевнул и попытался вырваться из объятий матери, удивленно глядя на нее.— А в чем дело? Почему сеньора Беатрис...

Прикрыв глаза морщинистыми веками, старая цыганка набивала крепким черным ароматным табаком свою потрескавшуюся трубку. Она даже не посмотрела на Мануэля, когда он бросил на нее возмущенный взгляд и проворчал, обращаясь к жене:

— Давай-ка, mae, иди отсюда и прихвати с собой старуху. Все это глупость, так я считаю. Вставай, парень. Ну!

Маргарита выскользнула на кухню, потянув за собой Беатрис Саузу и шепча старой женщине, чтобы она не обращала внимания на Мануэля.

— Он хороший человек, сеньора. Просто думает, что пощечина — лучшее лекарство от всех болезней.

Под сердитым и отчасти затуманенным взглядом Мануэля Педро скинул пижаму, натянул заплатанное нижнее белье, заношенную рубашку из грубой хлопчатобумажной ткани и штаны. Он от всей души надеялся, что Мануэль промолчит, однако стоило мальчику повернуться к двери, как мозолистая рука ухватила его за плечо и отец хмуро уставился в лицо сына.

— Время уже далеко перевалило за полдень,— сказал он.— Что это за сон такой? Твоя mae не могла тебя

добудиться и с плачем прибежала ко мне, а ведь это *мне* не помешало бы поспать подольше.

Что верно, то верно, подумал Педро, заметив, что у отца покраснели глаза, а под ними набрякли красноречивые круги.

— Надеюсь, ты не свалился ночью в канал, meu pai,— вежливо сказал он.

— Нет, а мог бы,— проворчал Мануэль.— Теперь послушай меня, rapaz*. И смотри, говори чистую правду. Тебе известно о белом порошке, который Беберикадор продает по ночам на пристани?

— Я никогда не прикасался к этому порошку, meu pai,— твердо заявил Педро,— или чему-либо еще, что продает Беберикадор. Ни разу в жизни.

Мануэль наклонился вперед и с сомнением принюхался.

— Ты редко врешь, Педро. И от тебя не пахнет вином. Может, ты просто устал, хотя... Что я должен думать, если парня не разбудить даже тумаками?

Педро пожал плечами. Он ужасно проголодался и страстно желал, чтобы расспросы поскорее закончились. Кроме того, в чем дело-то? Ну проспал он дольше обычного, что с того? А Мануэль злится, потому что ему не дали отоспаться и теперь в его седой голове лязгало тяжкое похмелье.

— Иди сюда, Педрино,— позвала с кухни Маргарита.

Мануэль оттолкнул мальчика, и Педро, радуясь тому, что наконец освободился, юркнул за дверь. Он услышал, как отец тяжело рухнул на постель. Можно не сомневаться, что через несколько минут послышится его мощный храп. Педро усмехнулся, подмигнул малышу Грегорио и посмотрел на стоящую у плиты мать.

— Педро...— Рядом оказалась Беатрис Сауза, напряженно глядя ему в глаза.

---

* Rapaz *(португ.)* — вороватый, нечистый на руку.

— Sim, сеньора?

— Педро,— прошептала она,— если у тебя возникнут сложности... приходи ко мне. Помни, я могу видеть сквозь каменную стену. И не забывай, сны снам рознь.

Беззубые челюсти старухи сомкнулись, и она проковыляла мимо него к двери, шурша черной юбкой. Педро проводил ее недоуменным взглядом. Как понимать Беатрис? Такой переполох только из-за того, что он заспался. Смех, да и только!

— Ты напугал меня, Педро,— сказал Грегорио.— Я подумал, ты умер.

— Не смей говорить такое, дьявольское отродье! — воскликнула Маргарита, пролив соус, который зашипел на горячей плите.— Убирайся отсюда и для разнообразия займись чем-нибудь полезным, гадкий мальчишка. Вон, смотри, Киприано Хосе опять роется в мусоре. Педрино, ешь свое мясо. Оно придаст тебе сил.

Педро не чувствовал себя столь уж истощенным, но мясо было сочное, острое, и он быстро расправился с ним. Потом, вспомнив про жабу, пошел посмотреть на нее, но она спряталась в прохладном, темном уголке между камней, и ему не удалось разглядеть даже мерцания ее странных, блестящих глаз-бусинок. Что ж, раз так, он взял самодельную удочку и отправился на канал.

По дороге Бенто Барбоса, богатый человек, владелец кораблей, ткнул в мальчика толстым, как сосиска, пальцем и обозвал его sonambulo, из чего Педро стало ясно, что кто-то, скорее всего Грегорио, проболтался о том, что произошло. Надо будет дать Грегорио затрещину за это, решил он. Однако Бенто Барбоса, посчитав, что шутка получилась славная, подкрутил черные усы и весело расхохотался вслед Педро.

— Mandriao! — с довольным видом вопил он.— Preguicoso! Лентяй!

Педро захотелось швырнуть в него камнем, но он сдержался. Бенто Барбоса владел кораблями, и Педро очень

надеялся, что в один прекрасный день, если повезет, отплывет на одном из них. Картахена... Кокосовые острова... Клиппертон... Мальчик просто шел себе и шел под жарким солнцем Флориды, меся босыми ногами горячий песок и раздумывая о сне, который ему приснился. Это был замечательный сон.

На канале стояла тишина. Педро ловил рыбу в заводи, вокруг не было ни души. Дожидаясь, пока рыба клюнет, он мечтал о том дне, когда наконец сбудется его мечта и он станет бороздить воды Мексиканского залива на корабле. Тампико и Джуба взывали к нему, в ушах перекатывался зловещий гром, доносившийся с Парамарибо, где живут драконы. Покрытые блестящей зеленовато-серебристой чешуей, они сражались в синей вышине. Их гигантские крылья затмевали небо, чешуйчатая броня громко лязгала. Ему чудился Кампече и остров Сосен, и мраморные дворцы на них, и веселые бородатые пираты... А еще Картахена, Кадис, Кочабамба и множество других околдованных портов. Все они для юного Педро Игнасио да Сильва Кутино были самыми настоящими, и от возбуждения он шлепал загорелыми ногами по зеленой воде канала.

О, в то воскресенье ничего особенного с Педро не случилось. Вечером он приплелся домой, с головой, набитой удивительными образами, и, ужиная, почти не слышал привычного домашнего шума вокруг.

Жаба сидела среди камней, мерцая глазами-самоцветами и, возможно, предаваясь воспоминаниям. Не знаю, готовы ли вы согласиться, что жаба может иметь воспоминания. Однако не знаю я также, готовы ли вы согласиться, что когда-то в Америке существовало колдовство. Это слово не кажется разумным, когда думаешь о Питсбурге, о его метро и кинотеатрах, но черная магия зародилась не в Питсбурге и даже не в Салеме. Она берет свое начало в темных оливковых рощах Древней Греции, в затянутых туманами лесах старой Британии и среди каменных дольменов Уэльса. Поймите, я хочу сказать

лишь, что жаба сидела там, под камнями, а Педро в это время растянулся на своей жесткой постели и, устраиваясь, словно кот, готовился отойти ко сну.

На этот раз постель начала вращаться почти сразу же, унося его во тьму. Отчасти он ожидал этого. Теперь он уже не пытался задерживать дыхание под водой, а просто расслабился, медленно погружаясь и дожидаясь, пока глаза привыкнут к зеленоватой тьме. Хотя на самом деле это, конечно, была не тьма. Там присутствовали краски и цвет. Если бы не ощущение скользящей по коже воды, Педро вполне мог бы представить себя в небе, среди пролетающих мимо метеоров и комет. Однако здесь его окружало то, что могло быть только в море, и притом в южном море, и все это двигалось и светилось во тьме.

Вначале он видел крошечное светящееся пятнышко, похожее на звезду. Оно могло быть рядом с его щекой или на расстоянии мили — разве разберешь в этой бескрайней, лишенной ориентиров, лишь слегка зеленоватой пустоте? Оно могло приблизиться и превратиться в лучезарное оранжево-пурпурное солнце, а могло в последний момент свернуть в сторону. Еще здесь были извилистые огненные ленты, складывающиеся в яркие узоры, и стайки крошечных рыбок, вспыхивающих, словно звезды. Далеко внизу, в глубине, цвета выглядели бледнее, и как-то раз там медленно проплыло что-то огромное, как будто само дно вдруг решило тронуться в путь. Педро долго смотрел, полный благоговения, а потом устремился наверх.

Под тонким серпиком новой луны колыхалось залитое серебром море. За спиной Педро громоздился молчаливый остров, а в лагуне маячил на якоре силуэт быстроходного судна, американского клипера, его бушприт сновал вверх-вниз, указывая то в море, то в небо. Судно покачивалось на волнах, и Педро, двигаясь в том же ритме, наслаждался тем, что одно море обнимает и его, и обожаемый им корабль. Педро понимал корабли и любил их, а этот корабль был воплощением мечты. Больше все-

го на свете Педро хотел увидеть его на ходу, с наполненными ветром белыми парусами и пенистым следом за кормой.

Он поплыл к молчаливому клиперу и уже почти добрался до якорной цепи, когда из моря вынырнула мурена и метнулась к нему. Педро почувствовал колющую боль в руке. У мурены было человеческое лицо, очень серьезное и задумчивое, и она держала стеклянную трубочку, заканчивающуюся длинной острой иглой, и это была вовсе не мурена. Это был старый доктор Мэннинг, спустившийся из своего дома на вершине холма...

Под языком Педро ощущал странный вкус. Он удивленно поднял взгляд на полное беспокойства толстое лицо Маргариты и сказал недоуменно:

— Minha mae...

— Слава тебе, Господи! — истерически воскликнула Маргарита, судорожно заключая Педро в объятия.— Мой Педрино... а-а-а... спасибо...

— Спасибо доброму доктору, я думаю,— проворчал Мануэль, однако он тоже выглядел обеспокоенным.

Маргарита его не слышала. Она то приглаживала волосы Педро, то снова взъерошивала их. Мальчик понять не мог, отчего вся эта суета. Доктор Мэннинг захлопнул свой черный чемоданчик, с сомнением глядя на Педро. После чего отослал Маргариту и Мануэля из комнаты, уселся на постель и стал расспрашивать Педро.

С доктором Мэннингом всегда было легко разговаривать, и Педро рассказал ему о пиратских островах с их волшебными названиями, о южном море и о клипере. Это был замечательный сон, сказал Педро, глядя в недоумевающие глаза доктора. Нет, он не принимал никаких наркотиков. Мэннинг особенно подробно расспрашивал его об этом. В конце концов он велел Педро пока оставаться в постели и ушел на кухню. Хотя он понизил голос, Грегорио, прошмыгнув следом за ним, оставил в двери небольшую щель, и Педро слышал, о чем там говорили. Но, по правде говоря, мало что понял.

По словам доктора Мэннинга, поначалу врач подумал, что это сонная болезнь или даже нарколепсия — этого слова мальчик не понял — но... нет, физически Педро вполне здоров. Мануэль проворчал, что мальчишка просто лентяй, что его интересуют лишь рыбалка и книги. Книги! От них всегда одни неприятности.

— В каком-то смысле вы правы, Мануэль,— нерешительно ответил доктор Мэннинг.— Все мальчишки мечтают, но, мне кажется, Педро слишком уж увлекся своими фантазиями. Я позволил ему пользоваться моей библиотекой, когда пожелает... м-м... и, похоже, он начитался того, чего не следует. Волшебные истории, конечно, завораживают, но они не помогут мальчику приноровиться к реальной жизни.

— Com certeza*,— согласился Мануэль.— Вы имеете в виду, что голова у него набита безумными идеями.

— О, в этих идеях нет ничего плохого. Но они почерпнуты исключительно из волшебных сказок, и Педро начинает в них верить. Видите ли, Мануэль, на самом деле существуют два мира, один реальный, а другой тот, что у вас в голове. Иногда мальчику — или даже взрослому человеку — настолько нравится мир его мечты, что он просто забывает о подлинном мире и живет в том, который сам создал.

— Понимаю,— ответил Мануэль.— Я встречался с такими людьми. Это очень скверная штука.

— И для Педро это может скверно обернуться. Он очень впечатлительный мальчик. Тот, кто живет в мечтах, не может, столкнувшись с реальным миром, повести себя как надо. А Педро должен работать, чтобы жить.

— Но он не болен? — с тревогой спросила Маргарита.

— Нет. У него мысли устремлены не туда, куда следует, вот и все. Он должен избавиться от этого, должен обрести другие интересы, должен понять, что такое настоящая жизнь. Должен отправиться в Кампече, Там-

---

* Com certeza *(португ.)* — это точно.

пико и другие места, о которых мечтает, и увидеть, каковы они на самом деле.

— А-а... Если бы он поплавал на кораблях, может...— нерешительно начал Мануэль.

— Что-то в этом роде,— согласился доктор Мэннинг.— Если бы он смог завтра отплыть, к примеру, на «Принцессе»... Это судно обходит все порты залива, и Педро смог бы устроиться туда юнгой или еще кем-нибудь. Перемены и новые знакомства — вот все, в чем он нуждается.

Мануэль громко хлопнул в ладоши.

— Бенто Барбоса — совладелец «Принцессы». Я поговорю с ним. Может, все и устроится.

— Это было бы лучше всего для Педро.

На этом разговор закончился. Педро лежал, дрожа от радостного волнения. Наконец-то перед ним открывалась перспектива увидеть порты залива!

Потом он снова заснул, на этот раз без всяких сновидений. Это была, скорее, легкая дремота, продолжавшаяся несколько часов. Мальчика разбудил доносившийся с кухни сердитый голос Мануэля. Маргарита пыталась успокоить его.

Шлеп! — и Грегорио жалобно захныкал.

— Надеюсь, теперь ты попридержишь язык! — закричал Мануэль.— Нечего разносить по улицам слухи. Это семейное дело.

— Он же еще menino,— умоляюще воскликнула Маргарита, но Мануэль сердито прикрикнул на нее.

— Он мелет языком днем и ночью! И Бенто Барбоса сразу же начал расспрашивать меня, что не так с Педро. Он сказал, что не может направить на «Принцессу» больного мальчика. Мне пришлось долго уговаривать его, прежде чем он согласился взять Педро. И чтобы больше не было никаких этих... этих...— Мануэль выругался.— Сейчас в Кабрилло слишком жарко и воздух плохой. В море Педро станет лучше. Женщина, неужели ты думаешь, что я отослал бы его, будь он в самом деле болен?

Дверь хлопнула, наступила тишина. Педро снова задремал, он вспоминал Кокосовые острова, Картахену и парящих над Парамарибо драконов, но в конце концов решил, что всё, хватит валяться. Встал, по настоянию Маргариты выпил кофе и вышел. Предплечье все еще побаливало от подкожного впрыскивания доктора Мэннинга.

Он двинулся кружным путем, чтобы не проходить рядом со складом Бенто Барбосы, и в результате ноги понесли его мимо калитки цыганки. Старая женщина окликнула его, и Педро не смог сделать вид, будто не слышал,— от острого взгляда черных глаз Беатрис Саузы не ускользнешь. Поэтому он, испытывая неловкость, вошел в сад и поднялся на веранду, где за шатким столом сидела сеньора, тасуя карты.

— Присядь, Педро.— Она кивнула на скрипучее плетеное кресло напротив.— Что тебе сегодня приснилось, meus neto?

Забавно, что она никогда прежде не называла его внучком. Забавно также, что она ни разу не посмотрела на него с того момента, как он открыл калитку. Мудрые яркие глаза не отрывались от карт, которые она выкладывала перед собой. Шлеп... шлеп... кивок; шлеп... шлеп... Она вскинула серебряную голову и посмотрела прямо в глаза Педро.

— Много лет назад я жила в Лиссабоне.— В ее речи чувствовался мягкий португальский акцент, заставивший название города прозвучать как «Лишбоа».— Но до этого, meus neto, мое племя обитало в горах, где было лишь то, что существовало издревле,— деревья, скалы и ручьи. Есть истины, которым можно научиться у древних вещей...— Она заколебалась, и ее смуглая, усохшая ладонь накрыла руку Педро.— Ты ведь знаешь истину, Педрино?

Он смотрел в ее яркие черные глаза, гадая, к чему она клонит.

— Истину о чем, сеньора?

Еще мгновение цыганка вглядывалась в его лицо. Потом ее рука упала, и Беатрис улыбнулась.

— Нет. Неважно. Я вижу, ты не знаешь. Мне подумалось, что тебе может понадобиться мой совет, но теперь я понимаю, что ты ни в чем не нуждаешься. Ты в безопасности, menino. Древняя магия не всегда зло. Она может оказаться очень вредной для людей в городах, но дар предлагают лишь тому, кому он пойдет на пользу.

Педро ничего не понимал, но из вежливости слушал.

— Sim, сеньора?

— Ты вынужден будешь решить.— Она пожала узкими плечами.— Тебе не требуется ни моя, ни чья-либо еще помощь. Запомни одно — ты не должен бояться, Педро, никогда. Нет, не смотри на карты. Я не стану предсказывать тебе будущее. Твое будущее...— Она пробормотала что-то по-цыгански.— А теперь уходи. Уходи.

Педро неохотно встал. У него было такое чувство, будто он ненароком обидел старую женщину. Пока он спускался с веранды, она ни разу не взглянула на него.

Даже вернувшись домой этим вечером и застав разрывающуюся между гордостью и слезами Маргариту за укладыванием вещей ему в дорогу, мальчик не мог до конца поверить, что все это для него, Педро Игнасио да Сильва Кутино. Мануэль сидел тут же и с презрительным видом уже успел отвергнуть дюжину вещей, которые жена хотела положить в мешок сына. Младшие от возбуждения точно обезумели, а соседи без конца заглядывали, давая добрые советы. На протяжении часа Педро вручили двадцать распятий и амулетов, предназначенных для защиты от опасностей на море. Мануэль лишь презрительно фыркал.

— Крепкая спина и зоркий глаз вернее будут,— заявлял он.

Внезапно Маргарита накинула фартук на голову и разразилась бурными рыданиями.

— Он болен,— бормотала она.— Он умрет, я знаю.

— Глупая женщина! — воскликнул Мануэль.— Доктор сказал, что Педро здоров как осел. Перестань вести себя, точно ты сама ослиного племени, и принеси мне еще вина.

А Педро тем временем вышел во двор и огляделся по сторонам новым взглядом — все видится иначе, когда тебе вот-вот предстоит уехать. Сейчас все порты мира лежали перед ним: Тампико, Кампече и тысячи других. И на острове Сосен распевали пираты, и чешуйчатые драконы, громко хлопая крыльями, летали над Парамарибо.

Когда этой ночью Педро отправился в постель, он был уверен, что сегодня не заснится. Нет, ведь все порты мира зовут и манят его к себе. Сквозь открытые окна долетали далекие отголоски песен и музыки из «Замка» и других портовых таверн, последние звуки маленького селения Кабрилло на берегу залива перед тем, как Педро отплывет на «Принцессе» в мир, который так манил его...

Что он там обнаружит, было для него, конечно, тайной за семью печатями. Но он не сомневался, что в Тампико есть чародеи, а в Джубе — шкуры леопардов и золоченые троны. А также драконы, пираты и белые замки, где живет волшебство. И, что еще лучше, есть места, о которых он пока не знает ничего,— они станут для него сюрпризом. Ох, и вовсе не обязательно приятным сюрпризом, там непременно должен ощущаться налет зла и легкое прикосновение ужаса, что лишь подчеркнет великолепие и яркость приключения...

Тампико... Тампико... Джуба и Кампече... Парамарибо... Кокосовые острова, Клиппертон и Картахена... Эти названия, словно музыка, звучали в его голове, постепенно затихая.

Сидя среди темных камней, неслышно дышала жаба, устремив взгляд не в ночь, а на что-то гораздо более далекое.

Голубое сияние закружило Педро, южное море с радостью повлекло его в свои глубины. Внизу яркими красками сияли кораллы, тигровая акула при виде него свернула и исчезла вдали.

Он поплыл вверх, вырвался на поверхность и под голубым небом увидел бескрайнее голубое море, баюкающее лесистый остров. В лагуне покачивался на волнах клипер. Ушей Педро коснулся громкий лязг — это вытаскивали из моря якорь, а на мачтах между тем поднимали паруса. Ветер подхватывал и надувал их, и от этого корабль слегка кренился.

Корабль готовился к отплытию...

Внезапно все существо Педро охватило отчаяние. Он ужасно испугался, что останется совсем один посреди этого зачарованного моря. Неужели ему придется, провожая взглядом клипер, смотреть, как тот превращается в крошечное пятнышко на горизонте? И Педро торопливо поплыл к кораблю.

В прозрачной голубой глубине под ним замелькали стремительные светлые силуэты. Стая дельфинов вырвалась на поверхность и, двигаясь слаженно и точно, затеяла игру вокруг мальчика. Они выныривали из воды, их гладкие шкуры блестели на солнце, разбрызгивая во все стороны серебряные капли. Между тем бряцание якорной цепи становилось все громче.

В нем почти угадывались слова... почти понятные... Хриплый голос приказывал... что?

Просыпайся... просыпайся...

Просыпайся, потому что в Кабрилло уже наступило утро, Педрино... Просыпайся, потому что совсем скоро отлив понесет «Принцессу» через залив, и ты должен отплыть на этом корабле. Должен увидеть Тампико и Кампече. Должен увидеть настоящий Тампико с его черными нефтеналивными танкерами и масляными пятнами на воде. Должен увидеть другие порты и найти в них то, что всегда находят люди... Так просыпайся же,

Педро. Чувствуешь? Отец протянул руку и трясет тебя за плечо.

Это не для тебя, Педро.

Откуда-то из далекого далека негромкий, холодный, нечеловеческий голос произнес:

— Дар предложен, Педро. Древняя магия не всегда зло. Протяни руки, Педро, быстро протяни руки...

Мальчик заколебался. Манящие порты мира... будет так замечательно их увидеть, и «Принцесса» ждет его. Однако якорная цепь клипера была уже так близко... Он услышал негромкий ровный голос, сделал еще один, последний, рывок, протянул руки к цепи и вцепился в ее скользкие, влажные звенья. Цепь пошла вверх, вытаскивая его из воды.

Голоса постепенно стихали, оставаясь далеко позади. Педро почудился далекий плач матери и пронзительные крики маленького Грегорио, но они становились все тише, сменяясь новыми звуками с палубы, звуками песни и шарканья голых ног.

«Когда я ш-е-ел по Парадайз-стрит...»

Чьи-то руки подхватили Педро и помогли перебраться через леер. Он увидел, как моряки, ухмыляясь и наклоняясь над тяжами, ходят вокруг кабестана и поют, поют... Он чувствовал под ногами нагретую солнцем палубу. Над головой затрещали и захлопали горделиво наполнившиеся ветром паруса, отбрасывая на палубу и ухмыляющихся людей полупрозрачные тени. Корабль ожил, его бушприт зарылся в волну раз, другой, и на позолоченной носовой фигуре, словно бриллианты, засверкали брызги. Педро услышал низкие, дружелюбные голоса, заглушающие слабый, затихающий призыв от... от кого? Он не мог вспомнить.

Прокатился мощный грохот. Педро поднял взгляд.

С громким шумом хлопая крыльями, в пронизанном солнечным светом воздухе над Парамарибо пронесся закованный в чешуйчатую, сверкающую броню дракон.

Тяжело, но мягко ступая, он размашистым шагом медленно продвигался по коридору своей сокровищницы. Его окружали экспонаты из различных миров; он перетряхнул немало времен и расстояний, чтобы наполнить раритетами свой дворец. Роскошный наряд, складками ниспадавший с его внушительного округлого тела, не имел цены, как и все в пределах этих стен. На тончайшей кисее был вытиснен неведомый узор, имеющий смысл лишь для мира, в котором она была изготовлена, но, бесспорно, прекрасный. Тем не менее любая вещица из его обширной коллекции по красоте не сравнилась бы с ним, и эта мысль была источником глубинного, греющего душу удовлетворения.

Его поступь отличалась великолепием и источала спокойную уверенность; он грациозно нес свое грузное тело. За объемистой фигурой развевались полы дорогой мантии. Он сладострастно провел рукой по телу, наслаждаясь искусным и изящным тиснением тончайшей ткани, соперничающей с паутиной. Глаза на самодовольном лице были полуприкрыты, радужно поблескивая из-под тяжелых век. Цвет их беспрерывно менялся, но любой оттенок был бесподобен.

© Перевод Т. Алеховой.

Его снова покинул покой. Ему было хорошо знакомо это ощущение лихорадочного недовольства, разрастающегося где-то на краю сознания. Пришло время снова начать охоту за опасностями. Давным-давно, когда он только начал строить свою сокровищницу, ему было довольно одной красоты. Теперь ее недостаточно — понадобился еще и риск. Его вкусы становились все вычурнее и, пожалуй, испорченнее, поскольку он прожил уже немало.

Да, приобретение каждой новой драгоценности требовало известного риска. Следовало отыскать невиданное великолепие и невиданную опасность, затем подчинить себе одну и завоевать второе — от этой мысли его глаза снова поменяли цвет, а кровь быстрее побежала по жилам, пульсируя мощными толчками. Он снова погладил ладонью тисненую ткань одежд, прижимая ее к телу. Бесшумно и стремительно скользил он по полу, украшенному орнаментом из остро заточенных клинков.

Ничего больше не интересовало его в жизни, кроме своей коллекции красивых вещей, собранных из стремления к прекрасному. Впрочем, и тут уже проявился его прихотливый вкус. Повернув за угол, он взглянул на широкую раму на стене, и его глаз знатока увидел помещенные туда объекты под нужным углом. Там находились три организма — в том сочетании, которое когда-то вызвало его истинное восхищение. Возможно, в их мире они были живыми существами и даже обладали разумом, но его это ничуть не заботило. Он уже не мог припомнить, обладал ли хоть кто-нибудь в том мире зрением и интеллектом, необходимым для восприятия красоты. Он знал только, что на этом повороте коридора он всегда получал несравненное наслаждение при виде застывших в вечном совершенстве существ, помещенных им в рамку.

На этот раз его удовольствие от созерцания омрачилось. Его полузакрытые глаза медленно поменяли цвет, выдав гамму от желто-зеленого до холодноватого оттен-

ка беспримесной зелени. Этот экспонат достался ему без всякого риска, отчего ценность раритета в его глазах понизилась. Трепет неудовлетворенности вновь пронизал его тело. Да, пора начинать новую охоту за сокровищами...

Вот и бархатная занавесь, а за ней — большой овальный камень, поверхность которого источает легчайший, подобный дыму, свет, расходящийся медленными волнами, лениво меняющими оттенок. Когда-то это явление его опьяняло. Он добыл камень на одной из центральных улиц огромного города, в ином мире, и давным-давно позабыл, где именно. Он даже не задумывался, был ли этот камень ценен для жителей того города и замечали ли они его неповторимость, но поимка сопровождалась всего лишь небольшой стычкой, и поэтому камень теперь обесценился для его придирчивого ока.

Проходя по коридору, он ускорил шаги, и вся массивная громада дворца едва заметно заколебалась под грузом его великолепия. Он все еще рассеянно поглаживал себя по полному боку, осязая тисненый узор, но мысли давно отвлеклись от коллекции сокровищ. Он проницал будущее, и его глаза теперь вспыхивали оранжевыми оттенками спектра, теплея от предвкушения опасностей. Ноздри его слегка раздувались, углы губ большого рта опустились в презрительной гримасе. Там, куда он ступал, орнамент из клинков на полу позванивал, остроконечные узоры дрожали под грузом массивного тела.

Он прошел мимо фонтана, изрыгающего цветное пламя,— ради него пришлось обратить в руины целый город. Затем он отодвинул в сторону портьеру, сплетенную из прочнейших хрустальных древков; только его могучая сила и могла сдвинуть с места это сооружение. Потревоженный занавес заиграл тысячами цветных огней, но такая красота уже не умиляла его.

Мысли летели впереди него, увлекая его в круглую сумрачную комнату посреди дворца, где он намечал себе дальнейшую цель наживы и откуда выходил на ее след. Он тяжеловесно шел по залу, не удостаивая взглядом

накопленные сокровища, и кисейные одежды развевались за ним, подобно облаку.

В полумраке комнаты на стене тускло поблескивал огромный круглый экран — оставалось только включить его. Это и была дверь во время и пространство: дверь к прекрасному, к смертельным опасностям — ко всему, что оправдывало его жизнь, давно достигшую своего рубежа. Теперь уже было невероятно сложно подхлестнуть пресыщенные эмоции, некогда с такой готовностью отзывавшиеся на различные раздражители, счет которым он давно потерял.

Он вздохнул, и его обширная грудь еще больше раздалась в ширину. Где-то по ту сторону экрана, на тропинках иного мира, куда еще не ступала его нога, ждало сокровище — достаточно прекрасное, чтобы бросить вызов его скуке, и в меру недоступное, чтобы ненадолго рассеять ее.

Он подошел к экрану, и матовая поверхность прояснилась. По ней задвигались смутные тени, неясный шум заполнил комнату. Его обостренные чувства перебирали отдельные звуки и фигуры, тут же отвергая ненужные; светящиеся глаза округлились, оранжевые отсветы в них вспыхивали все ярче. Вот тени на экране замелькали чаще — там что-то обретало форму. Блики наконец сгустились в трехмерное красочное изображение, поначалу расплывчатое, а затем преобразившееся в пустынный пейзаж под ярким малиновым небом. Над песком колыхались высокие причудливые соцветия, меняющие оттенок от странного освещения. Он внимательно их рассмотрел и скривил лицо. Экран погас.

Он предпринял новые поиски в пустоте, прокручивая картины одна чуднее другой, но отверг их все, едва удостоив взглядом. Он видел городскую стену, сложенную из резных прозрачных плит, но даже не дал себе труда установить ее местонахождение. Ему являлись то крупная сверкающая птица с сияющим длинным хвостом, то восхитительный гобелен с вытканными на нем сценами

из неведомых преданий, но, придирчиво изучив их, он от всего отказался, и оранжевый отсвет его глаз потускнел от надвинувшейся скуки.

На минуту его внимание привлек причудливо вытесанный высокий темный божок. Странную фигуру идола украшали драгоценные камни, источающие огонь. На мгновение его кровь ускорила свой бег по жилам: приятно было представить на своем наряде эти драгоценности, озаряющие дворцовые залы огненными бликами. Но, присмотревшись, он убедился, что никому не нужный божок стоит посреди заброшенного мира, самоценный в своем одиночестве. Дешево доставшееся имеет пресный вкус. Он вздохнул всей полнотой могучей груди и снова обратился к скольжению картин на экране.

Сначала его внимание привлек отдаленный золотистый проблеск в пустоте, а в уши проник отзвук безымянного мира. Он нехотя позволил теням на экране сгуститься в изображение. Там появился какой-то механизм, мечущий свистящие, извилистые молнии, но он лишь мельком окинул сооружение взглядом, потому что рядом уже вырисовывались две фигуры. Рассматривая их, он вдруг застыл, и беспокойные складки одежды опали вдоль тела. Глаза его снова вспыхнули оранжевым. Затаив дыхание, он стоял и смотрел.

Такие силуэты он видел впервые. Фигуры отдаленно напоминали его самого, но были гибки и куда более стройны, а пропорции тел причудливо отличались от его собственных. Одно из существ было, несмотря на всю непохожесть... Он задумался. Да, оно было красивым.

За его спокойствием затеплилось оживление. Чем дольше он смотрел на неведомый организм, тем более привлекательным казалось его изысканное очарование. Никакой вычурности, как у полыхающих огнем драгоценностей или у той птицы с великолепным оперением,— лишь утонченность сходящихся линий, плавность изгибов и нежные смешанные оттенки от абрикосового и кремового до оранжево-красного. Сине-зеленый покров мог,

вероятно, служить просто одеждой. Ему стало любопытно, разумно ли это существо в достаточной степени, чтобы начать защищаться, и станет ли его напарник, склонившийся над мечущей молнии машиной, противиться похищению своего товарища.

Он придвинулся к экрану. Его дыхание участилось, а в глазах промелькнула первая красная вспышка — признак волнения. Да, это достойный трофей, прекрасный экспонат для его залов. Он уже представил его в рамке, украшенной в соответствии его с плавными утонченными изгибами и подчеркивающей его нежную цветовую гамму. Несомненно, эта добыча стоила усилий — если, конечно, ее поимка будет сопряжена со столь необходимыми ему опасностями...

Он положил руки на края экрана и слегка углубился внутрь; глаза его теперь угрожающе полыхали алым. Проблески молний в том механизме наводили на мысль об оружии. Если эти существа разумны... Любопытно будет установить предел их интеллекта и опробовать мощь неизвестного средства защиты...

Он понаблюдал еще, все более распаляясь, сгорбив внушительных размеров спину. Затем, едва двинув плечом, сбросил тонкий покров, словно досадную помеху, и утробно захохотал. Голый, безоружный, с алым блеском в глазах, он легко устремился вперед, в отверстый проем экрана. Ради этого и стоило жить — ради риска, ведущего к красоте...

Вокруг него заклубилась тьма. Он несся по созданному им самим коридору, сквозь бесконечность вне всякого измерения.

Усевшись на металлическую скамью, девушка скрестила длинные ноги, отчего складки ее блестящего платья вспыхнули на свету.

— Пол, долго еще? — спросила она.

Мужчина улыбнулся:

— Пять минут. Отвернись, я попробую еще раз.

Он опустил на лицо выпуклую прозрачную маску, закрыв от пламени загорелое лицо с приятными чертами. Девушка вздохнула и отодвинулась, отводя глаза.

Стены и потолок лаборатории тускло отсвечивали металлическим блеском. Стоило девушке пошевелиться, как в них колебалось мутное сине-зеленое пятно от ее платья. Она подняла голую руку, потрогала волосы и увидела, как вслед за этим взволновалось и отражение. Ее продуманная прическа выглядела на нем, как расплывчатое бледно-пепельное пятно, отливающее серебром.

По шороху, который издавали при трении хорошо смазанные металлические поверхности, она следила за перемещением рычага. Помещение озарилось золотистым сиянием, словно туда ворвался солнечный свет,— и все со свистом распалось на зазубренные фрагменты, словно от удара молнии. Стены заколебались, не сразу придя в равновесие от светового и звукового воздействия, затем шипение смолкло, пламя погасло. В воздухе плавал запах нагретого металла.

Мужчина удовлетворенно перевел дух и поднял обе руки, чтоб откинуть с лица маску. Она услышала, как он невнятно начал: «Ну, вот, справились. Теперь можно и...», но прервался на полуслове, так и не сняв маски и не отрывая взгляда от стены напротив. Наконец он медленно, почти автоматически отвел в сторону забрало, словно оно и было причиной видения, явившегося им обоим. Над нагромождением аппаратуры, управляющей механизмом, с которым он только что работал, появилась тень — на стену упал огромный неясный круг.

Вот тень сгустилась, словно сумерки у них на глазах мгновенно перетекли в ночь — такую темную, какой на земле не видывали, в эфирную черноту, пришедшую из бездн между мирами. Круг перестал быть просто тенью, превратившись в проем, распахнутый навстречу тьме. Тьма хлынула внутрь и окутала людей, подобно дыму. Блики на аппаратуре потускнели, затянув пеленой светлые волосы девушки, глянец ее плеч и переливы на пла-

тье. Мужчина не сразу сообразил, что видит ее словно в сумерках. Только тогда он будто очнулся и замахал руками, тщетно пытаясь разогнать полумрак.

— Аланна,— беспомощно произнес он,— что происходит? Я ничего не могу разглядеть...

Она растерянно всхлипывала, закрыв лицо руками, словно боясь, что их обоих поразила слепота. Мужчина ощутил непонятное головокружение, мешающее и говорить, и двигаться, и подумал, что сейчас упадет в обморок. Разум с готовностью отметил странное колебание пола под ногами, как если бы слабость и поражение зрения были его прихотью, а не вмешательством внешних сил. Но едва каждый из них успел хоть что-то пробормотать, отчаянно пытаясь найти разумное объяснение приключившемуся сбою органов чувств, как тьма стала кромешной. Помещение заполнила чернота, убив всю видимость.

Ощутив сотрясение пола, мужчина на краткий миг снова решил, что виной тому его собственное помутнение зрения и дурнота. Пол не мог сотрясаться — разве что от чьей-нибудь тяжелой поступи, но в помещении, кроме них двоих, никого не было. Следовательно, увесистые шаги, мягко приближавшиеся во тьме и заставлявшие содрогаться стены лаборатории, ему почудились...

В тишине мужчина ясно различал прерывистое дыхание Аланны. Вначале он не чувствовал страха — только удивление и любопытство. Девушка позвала: «Пол, Пол, не надо...» — и вдруг закричала. Он услышал самое начало ее вопля, и сразу же звук непостижимым образом прервался. На мгновение ее призыв эхом отдался в стенах лаборатории: видимо, от ужаса девушка завопила во всю мочь. Затем отзвук стал стихать, уносясь в неизмеримую даль, словно камнем падая в бездну, и только тихий писк, резонирующий в стенах помещения, какое-то время еще напоминал о нем. Невероятная скорость удаления крика придала всему происшествию оттенок кошмара. Мужчина не верил сам себе.

Тьма рассеивалась. Он протер глаза, все еще надеясь, что попал во власть кратковременного помрачения рассудка, и позвал:

— Аланна, кажется, я...

Но в полумраке он никого не увидел. Он не знал, сколько времени прошло с тех пор, как он впервые заметил круг на стене, до нынешнего момента, когда смог прийти в себя. Его взгляд был по-прежнему прикован к стене, на которой все так же лежала тень. Наверное, он уже успел и лихорадочно осмотреть помещение, и пройти все стадии от сомнения и возрастающего недоверия до состояния, близкого к истерике. Теперь, отказавшись от попыток возможного объяснения, мужчина взирал на стену с темным кругом на ней, втягивающим в себя из углов лаборатории последние остатки полумрака.

Приходилось верить глазам — Аланна исчезла. Ее поглотила тьма, невероятным образом проникшая в помещение. Некто, грузный и молчаливый, сотрясающий своей поступью стены, схватил ее в тот момент, когда она обращалась к Полу, приняв за него неизвестного похитителя. А когда она вскрикнула, незнакомец уже уносил ее с собой в неведомую даль.

У мужчины не оставалось времени, чтобы оценить невозможность происшедшего. Он был уверен лишь в том, что никто не выходил из лаборатории и что огромный круг на стене являлся дверью, через которую этот Некто проник, а потом удалился восвояси — и не один...

Между тем дверь закрывалась. Мужчина, не раздумывая, торопливо двинулся к стене, но налетел на ящик с механизмом, который испытывал до того, как на него нашло помрачение. При взгляде на прибор он обрел толику здравомыслия. Вот оно — оружие: какой-никакой, а контроль за ускользающей реальностью и осознание, что ты не совсем беспомощен. На секунду он засомневался, поможет ли какое-либо оружие против того, кто

передвигается в абсолютной тьме бесшумными шагами, но притом сотрясающими здание до самого фундамента...

Механизм был увесистый. Будет ли он работать вдали от головной аппаратуры? Трясущимися пальцами мужчина нашарил ручку для переноски. Отрывая ящик от земли, он пошатнулся, но тут же обернулся, посмотрев на круг на стене. Огромная тень вбирала в себя остатки полумрака, едва ощутимо бледнея. Если он хочет успеть за неизвестным, проскользнувшим у него под носом, нужно поторапливаться.

Мужчина еще раз взглянул на пусковой рычаг, чтобы убедиться, что аппарат включен на полную мощность: питание инструмента зависело только от этого источника — если, конечно, можно будет передавать энергию на то неизмеримое расстояние, которое предстоит преодолеть. Последний критический осмотр лаборатории — вдруг все-таки Аланна где-то здесь...

Нижнее полукружье тени было порогом, за которым открывалась чернота. Он не стал задумываться, как сможет проникнуть в плоскую тень на плоской твердой стене, а просто неуверенно вытянул руку и шагнул вперед, затем еще дальше, слегка сгибаясь под тяжестью аппарата.

Вдруг всякая тяжесть исчезла. Пропали и свет, и звук — осталось только безбрежное пространство, увлекшее его в водоворот и завертевшее вверх тормашками. Бесконечно долго вращаясь в кромешной тьме, он видел, как перед глазами вспышками проносятся целые эпохи. И вдруг...

— Пол, Пол!

Все еще пошатываясь, он стоял в тускло освещенной круглой комнате со странным узором на стенах, который пока не удавалось хорошо рассмотреть. Все органы чувств были в полном разладе, даже зрение только-только начало проясняться. Ему показалось, что в полумраке

он видит Аланну — длинные светлые волосы, спадающие на обнаженные плечи, лицо, искаженное смятением и ужасом.

— Пол, ответь же мне! Что это? Что случилось?

Дар речи еще не вернулся к нему. Мужчина счел за лучшее покачать головой и лишь крепче вцепился в ручку аппарата, чья тяжесть так и пригибала его к земле. Аланна зябко поежилась и обхватила себя голыми руками за плечи — на кремовой коже остались светлые лунки от ногтей. Зубы ее стучали, но не от холода.

— Как мы сюда попали? — спрашивала она.— Как нас сюда занесло? Давай вернемся обратно, а? Интересно, что же такое случилось?

Она не требовала ответа, словно сейчас для нее важнее была сама речь, чем ее смысл.

— Оглянись, Пол! Смотри, мы пришли оттуда...

Он обернулся и увидел на тусклой стене огромное круглое зеркало, но зеркало неправильное, поскольку в нем отражались не они с Аланной, а его лаборатория. Заглянув туда, он ясно, как на картинке, разглядел знакомое помещение с металлическим отблеском стен, датчики на приборах и поднятый вверх рычаг, свидетельствующий о сокрушительной мощи механизма, оттягивавшего ему руку. Но осталась ли эта мощь в аппарате? Здесь, в этой ирреальности? И откуда им знать, что Некто, обитающий здесь, настроен к ним враждебно?

Во все это было слишком трудно поверить. Скорее всего, на самом деле они по-прежнему в лаборатории и оба видят один и тот же сон. Мужчина решил, что принимать все это за действительность даже опасно, поскольку, если допустить, даже в порядке исключения, что такое возможно, то... Но как это может быть правдой?

Он поставил ящик на пол и, машинально растирая себе руку, стал осматриваться. Язык плохо его слушался, но один вопрос требовал немедленного выяснения.

— Аланна, это... существо — оно какое? Как оно тебя...

Она плотнее обхватила себя за голые плечи; по всему ее телу пробежала дрожь. Зелено-голубые блестки на платье холодно вспыхивали при каждом ее движении, словно звездочки. Голос девушки срывался, глаза были пусты — казалось, весь рассудок ее словно бы затянут пеленой. Но когда она заговорила, слова ее звучали вполне разумно и отвечали течению его мыслей.

— Мне, наверное, все это снится.— Голос ее доносился словно откуда-то издалека.— Это не на самом деле. Но... что-то обхватило меня там,— она кивнула в сторону лаборатории, отражавшейся в зеркале,— и все завертелось, а потом...— Ее снова сотрясла дрожь.— Я не знаю...

— Ты его не видела?

Она покачала головой.

— Может, и видела, не знаю. Я так растерялась... Мне казалось, что мы проникли через дверь. Ведь это можно назвать дверью? — Она нервно хохотнула, готовая разрыдаться.— Я... слышала, как оно уходит.

— Но какое оно? Как оно выглядело?

— Не знаю, Пол.

Он сомкнул губы, хотя вопросы так и рвались наружу. Да, во сне многие вещи кажутся непривычными — например, этот узор на стенах. Он допускал, что порой можно смотреть на что-то и быть не в силах это разглядеть как следует. Дрожь, бьющая Аланну, свидетельствовала о сильном потрясении. Вероятно, ее рассудок предусмотрительно затуманился, спасаясь от перенапряжения. Тем временем она спросила:

— Пол, так мы возвращаемся?

Взгляд ее метнулся к зеркалу с отраженной в нем лабораторией. Наивная — она инстинктивно отказывалась понимать что-либо, кроме очевидной трудности их положения. Мужчина не знал, что ответить. Он едва не сказал: «Подожди еще минутку, и мы проснемся». А что, если нет? Что, если они в ловушке? Вдруг Существо вернется и...

Он нехотя произнес:

— Конечно же, мы спим. Но пока мы не проснулись, давай принимать все за реальность. Мне не очень хочется («На самом деле,— признался он себе он,— я просто боюсь»), но придется. Возвращение ничего не даст, если мы будем спать и дальше. Все может повториться.

Оно может снова явиться во сне и утащить их назад, подумалось ему; к тому же, разве люди не умирают во время сна — когда видят сны? Он в раздумье потыкал носком ботинка неповоротливый ящик: «Может, от него будет хоть какая-то польза? Если тут вообще можно помочь. Если же нельзя, то и вреда от него не случится...»

Он взглянул на высокий неровный проем — вероятно, дверь, уводящую к другим помещениям этого невероятного, пригрезившегося им здания. Значит, Существо туда и скрылось. Наверное, стоит его разыскать. Если они хотят проснуться невредимыми после этого кошмара, возможно, надо действовать решительно, пока оно не подозревает о погоне. К тому же, Существо может и не догадываться о присутствии постороннего. Оно, вероятно, оставило Аланну одну в полутемной комнате, рассчитывая вернуться, но не ожидая застать ее под чьей-либо защитой — тем более вооруженной защитой...

Впрочем, будет ли прок от его оружия? Пол усмехнулся. Хорошо было бы опробовать аппарат. И все-таки его не покидала мысль, что странное внеземное Существо может в этот момент не сводить с него пристального взгляда. Полу ни в коем случае не хотелось, чтобы неведомый хозяин усомнился в его беспомощности. Главное — внезапность. Оружие следовало скрывать до тех пор, пока не придет время пустить его в дело — если вообще придется... Он чуть-чуть передвинул рычажок регулятора рядом с линзой. В стерильной атмосфере лаборатории прибор исправно выдавал разряды. Будет ли он работать во сне?

Очень долго не было никакого результата. Затем на подставленной под раструб ладони Пол ощутил слабую,

едва заметную пульсацию — опробовать аппарат на большей мощности он не решался. Сможет ли прибор ее развить, если понадобится? Пол не знал. Кто мог подумать, что придется испытывать изобретение в такой фантастической ситуации!

— Аланна,— обратился Пол к девушке,— надо бы тут поосмотреться. Нет смысла стоять и ждать, пока оно вернется. Может, оно доброе — так часто бывает во сне. Но мне бы хотелось увидеть, что там снаружи.

— Мы же через минуту проснемся,— кивнула она, стуча зубами.— И мне уже гораздо лучше, правда. Просто... нервы.

Пол решил, что она оправляется от потрясения. Скорее всего, любой поступок, даже безрассудный, будет для них лучше, чем просто бездействие. Он воспрянул духом и поднял ящик.

— Но, Пол, это ведь невозможно!

Она было уже направилась к двери, однако вдруг что-то вспомнила и обернулась:

— Разве я тебе не сказала? Я уже пробовала, еще до твоего появления: там коридор, а на полу повсюду ножи... Узоры из лезвий, острые спирали и... другие фигуры. Смотри.

Она приподняла блестящий подол и выставила вперед ногу. Пол разглядел свежие глубокие порезы на кожаной подошве туфли. Слегка поморщившись, он все же сказал:

— Давай все-таки попробуем. Пошли!

Перед ними простирался коридор, исчезающий в багровой дали; огромные готические ниши и арки наслаивались друг на друга. По стенам были развешаны некие предметы. На многих из них, как и на настенном рисунке в первой комнате, было трудно сосредоточить взгляд: они настолько противоречили человеческому опыту познания, что их назначение не достигало рассудка. Взгляд бессмысленно скользил по ним, не приводя ни к каким

умозаключениям. Полу подумалось, что помещение очень напоминает музей, а внушительные сооружения на стенах — витрины с экспонатами.

У самой двери к стене был прислонен узкий пустой ящик высотой около шести футов и достаточно глубокий, чтобы туда мог встать человек. По краю он был хитроумно и вычурно украшен; цвет отделки замечательно гармонировал с зелено-голубым платьем Аланны, а вплетенные в нее серебряные нити перекликались со светлым оттенком ее блестящих волос.

— Похоже на гроб,— произнесла Аланна.

В голове у Пола промелькнула какая-то мерзкая догадка. Он не стал вдумываться и поспешно отогнал ее, но в очередной раз обрадовался, что не зря тащил сюда аппарат. Впереди по коридору разливалось странное мерцание. Полу все еще не удавалось как следует всмотреться, зато четко стал виден стальной узор из острых клинков на полу. Ему подумалось, что выбор подобного украшения для пола в высшей степени странен, и он еще раз вспомнил увесистые шаги в темноте лаборатории, от которых сотрясалось все здание. А теперь они во сне идут по заточенным лезвиям. Вернее, собираются пойти. Но как?

Спиральный рисунок складывался в петли и розетки. Пол еще раз осмотрел их и обратился к девушке:

— Уверен, у нас получится. Между клинками есть немного свободного места — можно ступать, но осторожно.

А если будет не до осторожности? Если придется спасаться бегством? Вслух он произнес: «Надо рискнуть» — и эти слова, впервые с начала видения, навели его на мысль о том, что в этом сне есть место и спешке, и риску, и опасности...

Он крепче сжал ручку ящика и аккуратно поставил ногу в пространство между стальными спиралями. Аланна, ухватившаяся за него ради равновесия, шла следом

на цыпочках. Кругом царило безмолвие; огромные пустоты звенели от тишины, не возвращая эха.

Они очень медленно продвигались вперед, озираясь в поисках признаков жизни и напряженно всматриваясь вдаль. Все их чувства были до крайности обострены в попытках уловить легчайшее сотрясение пола, возвещающее приближение обладателя такого громадного тела. Но тот, кто открыл им дверь, давно ушел и дал им небольшую передышку, чтобы прийти в себя.

Свободной рукой Пол давил на регулятор разряда, ладонью ощущая слабую вибрацию раструба. Вибрация означала, что связь между прибором и далекой лабораторией сохраняется. Будь оно иначе, он не решился бы и дальше пробираться по этому невероятному зданию, среди острых мозаичных рисунков.

Они шли медленно, встречая различные диковины. Огромный прозрачный занавес складками ниспадал со сводчатого потолка — неподвижный, словно окаменевший. Они проскользнули в щель между разошедшимися портьерами, слегка их задев и вызвав этим самым сноп ярких холодных искр. Далее посреди коридора им встретился фонтан, извергающий языки бесшумного пламени. Повсюду на стенах, в рамах и без рам, находились предметы слишком загадочные, чтобы постичь их суть. Эта загадочность и тревожила Пола. Во сне обычно встречаешь явления из своего прошлого — страхи, надежды, воспоминания. Но разве может присниться то, чего ты не только никогда не видел, но и не смог бы вообразить?

Они обогнули овальный камень, вырастающий прямо из пола. Рассмотрев украшающий его орнамент из металлических завитков, оба почувствовали головокружение — весьма опасное, если учесть, что падать пришлось бы на остро заточенные лезвия.

Им пришлось пройти мимо невыразимого явления, пришпиленного к черной дощечке на одной из стен. Его

чарующая прелесть вызвала у них слезы. Предмет был несравненной красоты, столь далекой от человеческого понимания, что их память не сохранила никакого образа — лишь живое впечатление от изящества, слишком утонченного для мертвой хватки разума.

Теперь Пол удостоверился, что не спит, поскольку в человеческой памяти не могло быть ничего, напоминающего такую вещь. Их органы чувств, взбодренные неуверенностью и страхом, воспринимали все ярко и живо и тем не менее будто сквозь туман, рассеивавшийся по мере продвижения. Пола мучило ужасное подозрение — неужели это все-таки не сон? Неужели они очутились в некой чуждой реальности? А еще тот непонятный ящик у выхода из комнаты, смахивающий на гроб и украшенный в соответствии с цветовой гаммой платья и волос Аланны... Интуиция уже подсказала Полу, для кого приготовлена эта упаковка. Он понял, что коридор и все здание заполнены чудесными экспонатами, и догадался, что Аланна тоже оказалась здесь неспроста. Эта мысль была очень пугающей, даже для самого фантастического сна...

— Пол, взгляни.

Он увидел, что Аланна привстала на цыпочки, потянувшись к стальной голубоватой рамке на стене, не содержащей ничего, кроме смутного розоватого мерцания. Заинтригованная, девушка пошарила внутри рукой. Пока ей еще не приходил на ум ящик у дверей комнаты. Не задумывалась она и о том, что от этого сна ни одному из них, возможно, уже не пробудиться...

— Смотри,— обратилась она к Полу,— внутри вроде бы пусто, но на ощупь... Там что-то похожее на пух. Как ты думаешь...

— Никак не думаю,— ответил он с невольной резкостью.— Все здесь выглядит бессмысленно.

— Но, Пол, здесь есть прелестные вещицы. Вот, например, этот... снегопад вверху, между колонн.

Он поднял голову. Свод терялся в пелене, состоящей из застывших в воздухе фигурных снежинок. Возможно, они были лишь вышивкой на кисее, слишком тонкой, чтобы ее рассмотреть. И все же Полу показалось, что снежные хлопья едва заметно колеблются. Они вздрагивали, потом успокаивались, будто бы...

— Пол!

На миг все замерло. Аланна могла и не шикать — у него сердце замерло от неимоверного усилия хоть что-нибудь расслышать, рассмотреть, ощутить. Сомнений не оставалось: снежный занавес подрагивал, а вместе с ним дрожал пол — издалека доносились слабые толчки.

«Это оно,— подумал Пол.— Не сон».

То, что прогулка им не пригрезилась, он понял еще раньше. В данный момент их окружала невозможная действительность, а неведомый Враг приближался весомыми бесшумными шагами. Оставалось только ждать — ничего больше.

Оно шло за Аланной, и Пол знал зачем. Его оно не возьмет, а просто сметет своим мощным напором, словно дымку, устремляясь прямо к цели. Хоть бы аппарат подействовал... Сердце у Пола тяжело и глухо застучало, вторя отдаленным шагам.

— Аланна,— позвал он девушку, стараясь не допустить дрожи в голосе,— спрячься за что-нибудь — вон хоть за ту колонну — и не шевелись. А если я крикну — беги!

Он сам встал за одну из опор. Рука затекла от тяжести ящика, но вибрация линзы, отдающаяся в ладони, сулила определенное преимущество. Должно сработать.

Колебание под ногами нарастало, а шагов по-прежнему не было слышно. Только по силе толчков Пол мог судить о том, как близко находится Существо. Теперь уже дрожали и колонны, а «снегопад» колыхался всякий раз, как некая нога бесшумно сотрясала коридор. Полу вспомнились узоры из отточенных лезвий, по

которым так уверенно и непоколебимо ступал неизвестный.

Он едва не запаниковал, уже пожалев, что решился встретиться с хозяином. Следовало бы затаиться в комнате с зеркалом — а еще лучше броситься обратно в темный водоворот, который принес их сюда. Но из кошмара нет обратного пути. Пол покрепче сжал раструб аппарата, выпускающий слабые разряды в ладонь, и приготовился метнуть молнию — но в кого?

Оно уже подошло совсем близко и теперь находилось за снежной завесой, у самых колонн. Полу почудилось какое-то смутное продвижение сквозь хлопья. Снежинки разлетались, потревоженные чьими-то могучими плечами, и роились вокруг огромной головы преследователя. Его было невозможно ясно разглядеть — выделялись лишь очертания высокой, уродливой и ужасной фигуры, чьи глаза багрово светились сквозь пелену.

Оценив внушительные размеры Существа, Пол непроизвольно стиснул в руке свое смертоносное оружие. Время будто застыло. Пол был слишком поражен величиной явившегося ему Существа, чтобы страшиться неуспеха своей затеи: ошеломление отогнало все прочие мысли. Он едва успел удивиться, когда золотистое пламя с шипением вырвалось из его рук, озарив все кругом. Воздух пронзительно взвизгнул, и напряжение вдруг спало. Выпуская сокрушительные разряды в неприятеля и видя, как темнеют каменные колонны под атакой световых лучей, Пол почувствовал, что все мышцы у него разом обмякли. Вспышки слепили его; он щурился, удерживая регулятор разряда в крайнем положении. От обугленного металла и камня стоял удушливый запах. Где-то обрушилась колонна, скошенная огненным лезвием; наверное, Существу уже давно пришел конец. На самом краю сознания забрезжила надежда...

Всхлипы Аланны убедили Пола в том, что его радость преждевременна. Он запоздало спохватился опустить

забрало шлема, который так и не снял, но вспышки почему-то больше не слепили его. Среди вытянутых, извилистых сполохов Пол увидел, как валятся колонны, как стальные розетки под ногами становятся сизыми и плавятся от жара. А Существо по-прежнему высилось среди каменного крошева... Его лизали огненные языки; пламя плескалось о его грудь, бессильно стекая по могучим плечам подобно безвредным водяным потокам. Глаза Существа потемнели от гнева, из багровых став фиолетовыми; вытянув устрашающую конечность, оно тяжкими, грузными шагами двинулось вперед, смахивая с лица искры.

— Аланна,— едва слышно произнес Пол среди гудения пламени,— тебе нужно спасаться. Я задержу его, насколько смогу. Беги, Аланна...

Он не знал, подчинилась ли она: нельзя было надолго отвлекаться от своего безнадежного занятия, нельзя было мешкать — приходилось бороться за каждую минуту, полминуты, за каждый вздох свободного существования. Лучше не загадывать, что случится потом. Может, вовсе не смерть, а нечто более неведомое и непонятное...

Пол знал, что сопротивление бесполезно и бессмысленно, но решил не сдаваться до последнего вздоха. Участок коридора между ним и Существом напоминал теснину, одна стена которой к тому же была повреждена огнем. Пол метнулся к ней, уворачиваясь от надвигающегося исполина и исчерчивая шипящими разрядами почерневшие камни. Отовсюду сыпалась выбитая крошка, от неимоверного жара сгибались несущие опоры. Скрежетали друг о друга расколотые плиты, скрипели стены. Наконец они медленно сложились, накренились и рухнули. Известковая пыль облаком затянула обвал, но не заглушила неумолчный треск разрядов и визг металла по камню.

Вдруг до Пола явственно донесся чей-то глухой стон. Он на мгновение застыл, не осмеливаясь сразу поверить, что наконец сладил с Врагом, боясь даже приблизиться

к месту предполагаемого триумфа. Но едва он бросил взгляд на груду сложившихся домиком стен, как надежда тут же сменилась отчаянием: каменные плиты лишь мгновение сопротивлялись внутреннему напору — всего мгновение.

Пыль, камни, стальные фермы — все посыпалось с исполинских плеч Существа, показавшегося в искореженном проеме. Зазубрины молний, истошно пища, тыкались ему в лицо, но оно их едва ли замечало. Стряхнув с себя обломки стены, колосс двинулся дальше; глаза его полиловели от злости, мощные руки шарили перед собой.

Оружие не помогло. Пол снял палец с рычага, и визг разрядов утих, длинные хвосты молний поблекли. Природный инстинкт, дошедший сквозь миллионы лет от неведомого прародителя-воина, подсказал ему замахнуться тяжелым прибором и швырнуть его прямо в лицо неприятелю. Не ощущая больше на ладони привычного дрожания линзы, Пол невольно подумал: так, должно быть, обрекают на гибель боевого товарища.

Наудачу метнув аппарат во Врага, Пол стремглав кинулся наутек. Под ногами мелькали острые лезвия. Если приноровиться, то можно продвигаться скачками, по незаполненным пустотам узора, и тогда ему, пожалуй, удастся добраться до комнаты в конце коридора. Конечно, это не спасет, но неведомый инстинкт гнал его к месту прибытия.

Впереди мелькнул зелено-синий проблеск: Аланна тоже убегала, чудом не теряя равновесия среди убийственного орнамента. Пол боялся оторвать глаза от лезвий, выискивая опору для ног среди коварных завитков и спиралей. А позади беззвучно топали все те же тяжелые шаги, сотрясающие здание...

И тут события стали разворачиваться с такой быстротой, что восприятие не могло отделить одно от другого. Пол услышал, как тишину, пришедшую на смену треску разрядов, неожиданно прорезал новый душераз-

дирающий звук. Потом он мог вспомнить только, что увидел, как стальные лезвия на полу вдруг отбросили причудливые тени, и понял, что Существо нащупало рычаг аппарата. Теперь раструб пульсировал во вражеской руке.

Но в этот момент впереди замаячил вход в прежнюю комнату, и Пол очертя голову ринулся в темноту вслед за Аланной, ощущая кровоточащие порезы на ногах и успев заметить, что и по ее следу разбрызганы темные пятна. Они очутились у зеркала с отраженной в нем лабораторией, до боли знакомой и, кажется, навеки утраченной.

В то же мгновение их настиг устрашающий бесшумный грохот шагов, и преследователь заполонил собой комнату, вихрем завертев все вокруг. У Пола перехватило дыхание, и он ощутил безмолвное, бессловесное присутствие Врага. Некто обхватил его чудовищными руками и яростно закружил, подобно смерчу. На миг опомнившись, Пол сквозь пелену разглядел чьи-то багровые зрачки, но в следующий момент монстр отшвырнул его, и он устремился в пустоту.

Пола подхватил новый вихрь и с воем повлек, оглушенного и растерянного, тем же путем, что и при путешествии в странную комнату. Где-то в отдалении вскрикнула Аланна.

В полутемной круглой комнате в недрах сокровищницы царило безмолвие, если не считать приглушенного свиста из глубин экрана. Хозяин спокойно всматривался в него, и его полуприкрытые глаза постепенно остывали — из багровых становились просто красными, затем оранжевыми, пока не приобрели обычный светло-желтый оттенок. Грудь его еще вздымалась от волнения, связанного с неудавшимся развлечением, но вскоре и оно прошло, сменившись разочарованием. Тогда он немного устыдился своей мимолетной вспышки гнева. Не следовало все же палить вслед этим тщедушным существам их игрушечными молниями, когда они уже провалились

в темноту. Тем более что он переоценил их возможности: они явно не годились для настоящей схватки. Любопытно все же, что напарник последовал за товарищем, прихватив для защиты забавно искрящую машинку; удивительно, что такое ничтожество само вызвалось на бой.

На мгновение он пожалел, что вышвырнул прекрасное бело-голубое существо с такими плавными линиями стройных контуров, такой нежной окраской... Жаль, что оно тоже беззащитно, а значит, бесполезно для него. Он подумал, что и сам он беззащитен — перед собой и своими непостижимыми побуждениями. Он вздохнул, снова с оттенком сожаления вспомнив, как зашвырнул в вихревую воронку, оплетенную молниями, то прелестное создание и как оно устремилось в черноту. Погибло ли оно? Он не знал.

Его слегка опечалило, что он настолько потерял самообладание из-за ничтожных беглецов, попортивших его коллекцию. Из-за каких-то жалких трусов... Беспомощность лишила их всякой привлекательности в его глазах, но он больше не испытывал раздражения — только печаль и смутное, необъяснимое сожаление, не заслуживающее внимания. Жаль было потерять прекрасную добычу, жаль, что возможная опасность обернулась разочарованием, жаль, что побуждения живых существ так банальны, даже труда не стоит их исследовать... Он понял, что стареет.

С темного экрана все еще доносились завывания смерча. Он отошел, и портал затянула пелена, заглушив все звуки. Глаза хозяина отсвечивали невозмутимой желтизной. Завтра можно будет еще поискать, и кто знает...

Он медленно вышел из комнаты и бесшумно устремился вперед по стальным узорам, тихо напевавшим под его ногами.

НЕТ ЖЕНЩИНЫ ПРЕКРАСНЕЕ

Никогда больше на экране не появлялось столь прелестного личика. Джона Гарриса, ее бывшего импресарио, поднимавшегося на бесшумном лифте на этаж, где в комнате его ждала Дейрдре*, осаждали воспоминания о той минувшей красоте. Со времени ее гибели при пожаре в театре он ни разу не позволил себе ясно представить знакомый образ — разве что бросится в глаза старая полусорванная афиша или мелькнет на телевидении слезливая передача, посвященная ее памяти. Впрочем, теперь пришлось вспомнить поневоле.

Лифт со вздохом остановился, дверца скользнула в сторону. Джон Гаррис медлил. Он понимал, что идти надо, но ноги отказывались его нести. Бесполезно было теперь, после стольких запретов самому себе, вызывать в памяти превозносимое всеми изящество ее великолепного гибкого тела, ее мягкий сипловатый голос с легкой картавинкой, сводивший с ума зрителей многих стран.

© Перевод Т. Алеховой.

* Дейрдре — имя героини ирландского фольклора, женщины из Верхнего Мира, наделенной магическими способностями, которая ценой собственного бессмертия воскресила из мертвых своего погибшего мужа.

Другой такой красавицы больше не встретишь. Конечно, и до нее люди восторгались хорошенькими актрисами, но только Дейрдре смогла стать родной для целого мира. Мало кто из провинциалов вживую видел легендарную Бернар или ту же Джерси Лили. Телекрасотки тоже могли рассчитывать только на тех поклонников, которые хоть иногда появляются на спектаклях. Но вот на телеэкране каждого более-менее цивилизованного жилища засияло лицо Дейрдре — и рамки цивилизации раздвинулись. Ее нежное сипловатое пение достигло тропических дебрей, а томно двигавшаяся в такт ему прелестная фигурка поселилась в кибитках кочевников и палатках полярников. Мир с упоением следил за каждым плавным изгибом ее тела и малейшей модуляцией голоса. Стоило ей улыбнуться, как ее черты озарялись неуловимым сиянием.

Когда она погибла в огне, ее оплакивал весь мир. И для Гарриса она была непоправимо мертва, хотя он представлял, кто ждет его в комнате. В голове у него вертелись строки, некогда обращенные Джеймсом Стивенсом* к другой Дейрдре — тоже прекрасной, горячо любимой и за две тысячи лет не стершейся из памяти.

Снова нам сердце сжимает
Скорбная повесть о Дейрдре,
Чьи губы теперь — только тлен.
Нет и не будет женщины в мире
Прекраснее этой;
Ни одной на земле
Столь же прекрасной...

Ерунда, конечно,— одна такая все же нашлась. Хотя, возможно, эта Дейрдре, погибшая всего год назад, не дотягивала до совершенства. Он подумал, что и та, должно быть, тоже, потому что в мире хватает в высшей сте-

---

* Стивенс, Джеймс (James Stephens; 1882–1950) — ирландский писатель.

пени безупречных женщин, но вовсе не о них слагают легенды. Причиной всеобщей любви был внутренний свет, озарявший ее милые несовершенные черты и придававший прелесть лицу. Такого очарования, как у ушедшей Дейрдре, Гаррис больше не встречал ни у одной женщины.

Пусть соберутся мужи горевать сообща;
Никто уже не влюбится в нее,
Возлюбленным не станет,
Не скажет ей...
К чему теперь слова?
И слов таких не сыщешь...

Да, не сыщешь. И все это стало совершенно нестерпимым.

Надавив на звонок, Гаррис внутренне заметался, но дверь немедленно отворилась, и отступать было поздно. Прямо перед ним стоял Мальцер, разглядывая Гарриса сквозь толстые линзы очков. Очевидно, он уже извелся ожиданием. Гаррис даже поразился, заметив, что того трясет. Странно было видеть его таким взволнованным. Гаррис познакомился с ним около года назад, общались они много, и Мальцер, сколько он его помнил, всегда был уверенным в себе и невозмутимым. Гаррису подумалось, что нервная дрожь, возможно, бьет и Дейрдре, но об этом еще рано было загадывать.

— Входите же, входите — нетерпеливо пригласил Мальцер.

Он нервничал без всякого к тому повода. Виной всему годичная работа, осуществлявшаяся в основном в глубокой тайне и полном уединении. Это она вымотала его до предела — и морально, и физически.

— С ней все нормально? — не к месту спросил Гаррис, переступая порог.

— С ней... Да, с ней-то все в порядке.

Мальцер, кусая ноготь большого пальца, покосился на другую дверь — вероятно, ведущую в комнату, где и

ждала Дейрдре. Гаррис нетерпеливо направился к этой двери, но Мальцер его остановил:

— Давайте для начала поговорим. Присаживайтесь. Выпьете чего-нибудь?

Гаррис кивнул. Мальцер трясущими руками налил ему из графина. Было ясно, что он дошел до края, и Гаррис вдруг почувствовал холодок сомнения, пробежавший как раз там, где раньше жила необъяснимая уверенность.

— Точно в порядке? — переспросил он, беря стакан.

— Да-да, лучше не бывает. Она так доверчива, что мне становится даже не по себе.

Мальцер осушил стакан, снова наполнил его и только потом уселся.

— Тогда что не так?

— Вроде все так. Хотя... не знаю. Я в сомнениях. Я работал над вашей предстоящей встречей целый год, а сейчас... не уверен, что уже пора. Просто не уверен, и все.

Он изучал Гарриса, и за стеклами очков его глаза казались огромными и расплывчатыми. Это был сухой жилистый человек, похожий на натянутую струну. Темная кожа плотно обтягивала его костистое лицо. Впрочем, сейчас он выглядел еще худощавее, чем год назад, когда познакомился с Гаррисом.

— Мы с ней очень сроднились,— произнес Мальцер.— Меня теперь только она и заботит. Я не могу думать ни о чем, кроме как о своей работе. И мне кажется, что ее рано показывать и вам, и кому бы то ни было.

— Она сама так сказала?

— Я в жизни не встречал женщины доверчивей ее.

Мальцер пригубил из стакана, стуча зубами о край. Неожиданно он поднял искаженный линзами взгляд и добавил:

— Нынешняя неудача будет означать... скорее всего, полный провал.

Гаррис кивнул. Он подумал о кропотливом годичном труде, предшествовавшем этой встрече, об огромном на-

учном капитале, о бесконечном терпении, о тайном сотрудничестве художников, скульпторов, дизайнеров и ученых и о гении Мальцера, сводившем воедино их усилия, подобно главному дирижеру оркестра.

Ему подумалось, с примесью необъяснимой ревности, о странной близости, холодной и бесстрастной, возникшей за этот год между Мальцером и Дейрдре — более тесной, что когда-либо связывала два человеческих существа. В некотором смысле та Дейрдре, которую предстояло увидеть Гаррису, была Мальцером — точно так же, как и в нем самом он теперь пристрастно выискивал те характерные особенности речи и поведения, которые когда-то были присущи ей. Эти двое вступили в немыслимый союз, какого прежде невозможно было даже вообразить.

— ...столько сложностей,— обеспокоенно говорил Мальцер, и в речь его вкрадывались очаровательные ритмические модуляции голоса Дейрдре — та же приятная, мягкая хрипотца, которую Гаррис еще недавно считал навеки утерянной.— Последствия шока, разумеется. Серьезного потрясения. Отсюда — непреодолимый страх огня. Перед тем как что-либо начинать, нужно было его преодолеть, и это нам удалось. Вы войдете и, вероятно, увидите ее сидящей у камина.

Он улыбнулся, заметив изумление Гарриса.

— Нет же, тепла она теперь, конечно, не ощущает, но любит глядеть на пламя. Она прекрасно справилась с этой всепоглощающей фобией.

— А видит она...— замялся Гаррис,— хорошо, как и прежде?

— Отлично,— заверил Мальцер.— Идеальное зрение — не такая уж большая проблема. Подобные эксперименты уже проводились — правда, по другому поводу. Можно даже утверждать, что ее зрение превосходит общепринятый стандарт.

Он досадливо потряс головой.

— Механические нюансы не так важны. К счастью, ее удалось вытащить из огня до того, как пострадал мозг. Шок — вот главная угроза для нервных центров; им-то мы и занялись прежде всего — как только смогли установить связь. Тем не менее с ее стороны тоже потребовалось немало мужества. И силы духа.

Он замолчал, глядя в пустой стакан, затем неожиданно спросил, пряча глаза:

— Гаррис, правильно ли я поступил? Может, пусть бы лучше она умерла?

Тот безнадежно покачал головой: вопрос без ответа тревожил весь мир на протяжении целого года. На эту тему существовало сотни мнений, устных и письменных. Если тело утрачено, правомерно ли поддерживать жизнеспособность мозга? Даже если примерить к нему другое тело, оно будет совершенно непохоже на прежнее.

— Ее нельзя назвать... уродливой,— поспешно продолжил Мальцер, словно опасаясь ответа.— Металл нейтрален. А Дейрдре... вы сами увидите. И оцените, потому что я уже неспособен: я настолько изучил весь механизм, что для меня он — не более чем просто машина. Возможно, слегка нелепая, не знаю. Я часто сожалею, что, когда начался пожар, я оказался рядом, вместе со своими идеями. Или что это произошло именно с Дейрдре, а не с кем-нибудь другим. Она ведь была так прекрасна... Впрочем, как знать: будь на ее месте кто-то другой, вся задумка могла бы окончиться крахом. Дело ведь не только в неповрежденном мозге — дело и в силе воли, и в беспримерной смелости, и в... чем-то еще. У Дейрдре все это есть. Она прежняя. И ее, как и раньше, можно назвать прекрасной. Но я не берусь утверждать, что и другие, кроме меня, заметят ее красоту. Знаете, что она собирается делать?

— Нет. Что же?

— Вернуться на телеэкран.

Гаррис смерил его ошеломленным и недоверчивым взглядом.

— Она все так же красива,— с нажимом повторил Мальцер.— Смелости ей не занимать, и у нее появилась поразительная безмятежность. Она смирилась с неизбежным и забыла прошлое. Приговор публики ее не страшит. А меня страшит, Гаррис. Просто ужасает.

Они молча переглянулись. Мальцер пожал плечами и встал.

— Она там,— указал он стаканом на дверь.

Гаррис обернулся и, не сказав больше ни слова и не дав себе времени передумать, направился к ней.

Комнату заливал мягкий рассеянный свет, источником которого был огонь, потрескивающий в белом изразцовом камине. Гаррис помедлил у открытой двери, ощущая глухие удары сердца,— Дейрдре он пока не видел. Совершенно заурядная комната — светлая, просторная, с неброской мебелью, уставленная цветами, от которых исходит нежный аромат. Дейрдре нигде не было.

Кресло у камина скрипнуло — невидимая за высокой спинкой, Дейрдре переменила позу, затем заговорила. Гаррис с ужасом услышал ровный металлический голос, словно у робота.

— При-вет,— произнесла она. А потом засмеялась и поздоровалась снова, уже своим голосом, с той знакомой милой хрипотцой, которую Гаррис и не надеялся услышать.

Он невольно выдохнул ее имя, и образ Дейрдре возник у него перед глазами, словно она, живая, вдруг встала со стула — высокая, золотистая, дивно колеблющаяся от привычки танцевать, с ее прелестным несовершенным лицом, озаренным особым светом, придающим ей очарование. Как все-таки жестока бывает память... А голос, если не считать первой неудачной попытки, просто великолепен.

— Подойди, посмотри на меня, Джон,— позвала она.

Усилием воли он заставил себя сдвинуться с места. Это одномоментное, столь яркое воспоминание чуть не ли-

шило его с трудом достигнутого самообладания. Подойдя, он приготовился беспристрастно оценить то, что один только Мальцер мог знать до мельчайших подробностей. Никто не взялся бы предугадать, в какую форму должно облечь прекраснейшую женщину планеты — ту, чья красота давно померкла.

Гаррис воображал себе множество вариантов — от скопища грубых цилиндров, нетвердо стоящего на шарнирных конечностях, до просто мозга, плавающего в стеклянной емкости с выходящими из нее трубками. Все эти абсурдные образы, терзавшие его с настойчивостью ночных кошмаров, никуда не годились. Как может металлический остов вместить помимо самого мозга очарование и ум, некогда восхищавшие весь мир? Гаррис обошел кресло и увидел ее.

Человеческий мозг так хитроумно устроен, что иногда дает сбои. Вот и теперь в голове Гарриса всплыли весьма разнородные впечатления. Внезапно ему на ум пришла курьезно составленная фигура, которую он увидел однажды, остановившись у ограды какой-то фермы. На мгновение ему представился до невозможности нескладный, крепко сбитый, но, несомненно, живой представитель человечества, пока более пристальный взгляд не разъял этот образ на отдельные метлы и ведра. То, что глаз согласился принять за человеческое подобие, легковерный мозг щедро наделил всеми необходимыми свойствами.

Так получилось и сейчас, с Дейрдре. Самое первое зрительное впечатление повергло его в шок и вызвало скепсис, поскольку разум недоверчиво констатировал: «Да, это Дейрдре! Она ничуть не изменилась!» Затем план восприятия сместился, и зрение вкупе с разумом, не менее пораженные, заявили: «Нет, не Дейрдре — она не живая. Это просто завитушки из металла, а не Дейрдре...»

Вот этого-то он и боялся. Похоже на то, когда увидишь во сне любимого, но ушедшего навсегда человека и

уже легкомысленно уверуешь в его обретение, а когда проснешься, с неопровержимой ясностью вновь осознаешь, что мертвого не вернуть. Дейрдре больше нет, а на цветастой накидке кресла навалены металлические детали.

Механизм плавно и изящно сдвинулся — с той самой негой, которую еще помнил Гаррис. Мягкий хрипловатый голос Дейрдре пропел:

— Это я, дорогой. Это ведь и вправду я.

Так и было. Гаррис стал свидетелем третьего, решающего преображения. Иллюзия застыла и превратилась в факт, в реальность — в Дейрдре.

Не чуя под собой ног, Гаррис обессиленно опустился на стул. Безмолвно и бездумно он глядел на Дейрдре, позволив своим органам чувств воспринимать ее как есть, не пытаясь подобрать увиденному объяснение.

Она не утратила своего золотого сияния. Ее создателям удалось сохранить практически неприкосновенным ощущение света и теплоты, исходящее от ее гладких волос и нежнейшего оттенка кожи. Впрочем, им хватило такта этим ограничиться и не соблазниться попыткой слепить восковую фигуру умершей Дейрдре. «Нет и не будет женщины в мире прекраснее этой... Ни одной на земле столь же прекрасной...»

Лица как такового не было. Голову заменял ровный, изящной формы овал с полумаской в виде месяца, расположенной в области лба, точнее, там, где у человека располагаются глаза,— если бы они были нужны Дейрдре. Просто узкий лунный серп рожками кверху. Он был заполнен чем-то прозрачным, отчего казался выточенным из дымчатого хрусталя, и окрашен аквамарином под цвет глаз Дейрдре. Посредством его она и смотрела на мир: видела с помощью этой маски и скрывалась за ней, как любой человек — за своими органами зрения.

Другие черты лица отсутствовали, и Гаррис, подумав, оценил благоразумие разработчиков ее образа. Оказа-

лось, что подсознательно он опасался увидеть нечто вроде большой марионетки с неуклюжей скрипящей мимикой. Тем не менее глаза, видимо, располагались на обычном для них месте, на прежнем расстоянии друг от друга, чтобы обеспечить ей привычное стереоскопическое зрение. Но Гаррису понравилось, что дизайнеры обошлись без прорезей с втиснутыми в них стеклянными шариками. Глухая маска все же лучше.

Странно, что он совсем позабыл о незащищенном мозге где-то посреди этой груды металла. Маска служила лишь эмблемой скрытой за ней женщины. Она придавала загадочность: неизвестно, с каким выражением смотрит на вас Дейрдре — если вообще смотрит. Многообразие переливов на ее невыразимо подвижном лице было, конечно, недостижимо, но глаза — сами глаза человека — уже таят в себе загадку. У них нет никакого выражения, если не считать положения век,— они черпают оживление в чертах лица. Обычно мы в разговоре глядим в глаза собеседнику, но если он обращается к нам лежа, так что его лицо оказывается для нас перевернутым, мы немедленно переводим взгляд на его рот. Взгляд беспокойно мечется от его губ к глазам, потому что не привык видеть одно вместо другого; глаза важны для него как точка опоры, а не как пресловутое зеркало души. Маска Дейрдре располагалась на нужном уровне: легко было допустить, что она скрывает именно глаза.

Когда Гаррис опомнился от первого впечатления, то заметил, какой красивой формы у нее голова — яйцевидная, золотистая. Дейрдре весьма грациозно повернула шею, и он разглядел едва намеченные дизайнером очертания щек, уходящие под тень маски, словно у настоящего лица. Скулы выступали ровно настолько, чтобы сообщить повороту металлической головы эффект ракурса, придать ей многомерность и подобие выражения, иначе свету, падающему на голый золотой череп, не за

что было бы зацепиться. Пока Бранкузи* не взялся за образ Дейрдре, ему не удавалось создать ничего столь же простого и изящного. Но выражение ее лица было безвозвратно утрачено: его поглотил дым пожара вместе с милыми, изменчивыми, сияющими чертами, составлявшими суть Дейрдре.

Очертаний тела Гаррис не рассмотрел: их скрывала одежда. Впрочем, дизайнеры осознали неуместность попытки нарядить ее так же, как и во времена былой славы; мягкие складки бесцеремонно напомнили бы всем, что под ними — металлическая конструкция, которую абсурдно прикрывать какой-либо тканью. И все же неприкрытая, подумалось ему, Дейрдре казалась бы раздетой, тем более что ее новое тело напоминало человеческое, без механически-угловатых выступов. Художник разрешил этот парадокс, одев ее в платье из тончайшей металлической сетки. Оно ниспадало с приятной округлости плеч прямыми струящимися складками наподобие хламид у древних греков — легкое, но достаточно весомое, чтобы не слишком вызывающе облегать контуры скрытого под ними металлического тела. Руки остались обнаженными, равно как и щиколотки ног.

Изобретая суставы для Дейрдре, Мальцер сотворил настоящее инженерное чудо, хотя взгляд немедленно оценивал и художественность исполнения, и понимание задачи. Металлические руки отсвечивали светлой позолотой. Они ровно и постепенно утончались от плеч к кистям и гнулись по всей длине, поскольку состояли из разной величины браслетов, выходящих один из другого, пока не разрешались миниатюрными круглыми запястьями. Кисти были едва отличимы от человеческих; их искусно выточенные, мельчайшие трубчатые секции двигались с почти природной гибкостью. Пальцы у осно-

---

* Бранкузи (Брынкуши; Brancusi (Brîncusi) Константин (1876–1957) — выдающийся румынско-французский скульптор.

вания были толще обычного, а их конусообразные кончики длиннее. Стопы под расширяющимися вверх браслетами щиколоток тоже были смоделированы по образцу человеческих ног. Искусно подогнанные скользящие сегменты имитировали свод и пятку, а подвижная передняя часть ступни наводила на мысль о солеретах* средневековых доспехов. Дейрдре и сама напоминала рыцаря в латах — на руках и ногах панцирь, лицо якобы скрыто шлемом с прозрачным забралом, и кольчуга поверх мнимого туловища. Но ни одному из средневековых латников не была доступна ее легкость движений, и никто из них не мог бы похвалиться столь нечеловечески изящным телосложением — разве что витязь из иного мира или придворный Оберона обладали подобной утонченностью.

Гарриса удивили ее миниатюрные и изысканные пропорции: он ожидал увидеть неповоротливую махину вроде индустриальных роботов-автоматов. Впрочем, он тут же сообразил, что для механического мозга, управляющего их действиями, требуется куда больше места, а на мыслительных операциях Дейрдре по-прежнему лежал отпечаток непревзойденного, недоступного человечеству мастерства творца. Да, тело было сработано из металла, и весьма непритязательно, хотя он пока не знал, почему создатели выбрали именно этот образ.

Гаррис не помнил, сколько он так просидел, глядя на фигуру, расположившуюся в мягком кресле. Она не утратила прелести и, по сути, осталась все той же Дейрдре. Рассматривая ее, он наконец решился прогнать застывшую на лице настороженность. Не было смысла скрывать от нее свои чувства.

Дейрдре чуть сместилась, оперлась на подушки. Ее удлиненные руки двигались с нечеловеческой гибкостью. И если само по себе ее новое тело не вызвало у Гарриса отторжения, то эта чужеродная пластика неприятно ре-

---

* Солереты — остроконечные металлические башмаки рыцарских доспехов.

занула глаз, и его лицо снова окаменело. Ему показалось, что она пристально разглядывает его из-под маски.

Она медленно поднялась — очень плавно, по-змеиному, как если бы ее тело под кольчужной сеткой состояло из таких же смыкающихся деталей, что и конечности. Гаррис ожидал и опасался неповоротливости негнущихся сочленений и никак не мог предполагать легкости движений, превосходящей естественную. Дейрдре спокойно встала и подождала, пока расправятся тяжелые сетчатые складки одежды. Кольчуга едва слышно звякнула, словно колокольчик в отдалении, и распределилась вокруг ее тела бледно-золотистыми застывшими струями.

Гаррис машинально поднялся вслед за ней. Теперь они стояли лицом к лицу, глядя друг на друга. Дейрдре никогда не сохраняла полную неподвижность — вот и сейчас она слегка покачивалась: неистребимая жизненная сила по-прежнему струилась в ее мозгу, как некогда в живом теле; вялое оцепенение было по-прежнему ей чуждо. Легкие телодвижения сообщались золотистому сетчатому платью, и оно поблескивало в лучах каминного огня. Затем она слегка склонила ровную овальную головку и рассмеялась — все тем же тихим, грудным, задушевным смехом, что и при жизни. Каждое движение, поворот, наклон так напоминали настоящую Дейрдре, что разум Гарриса вновь поддался этой всепоглощающей иллюзии. Несомненно, перед ним стояла женщина из плоти и крови — невредимая, словно восставшая из огня птица-феникс.

— Ну что, Джон,— весело обратилась она к нему мягким хрипловатым голосом,— я ли это?

Она и сама знала ответ, поэтому могла позволить себе лишнюю нотку самоуверенности.

— Потрясение постепенно забудется, вот увидишь. Со временем станет гораздо легче. Я уже почти освоилась. Правда?

Она повернулась и непринужденно прошлась по комнате прежней танцующей походкой, пока не оказалась у противоположной зеркальной стены. Он снова стал свидетелем того, как она прихорашивается: Дейрдре пригладила гибкими металлическими руками складки кольчуги, повертелась, оглядывая себя сзади через плечо. От удачно выполненного арабеска* складки ее тяжелой одежды заволновались, зазвенели...

Колени у Гарриса подогнулись, и он снова опустился на стул. То ли потрясение, то ли облегчение вконец лишили его сил, тогда как сама Дейрдре казалась спокойной и уверенной.

— Произошло чудо,— убежденно заявил он.— Это же ты. Но я пока не знаю, как...

Он имел в виду «без лица и тела», но предпочел не договаривать. Дейрдре ухватила мысль Гарриса и закончила ее, не подозревая, что отвечает на его невысказанный вопрос.

— Все дело в движении,— сказала она, все еще выгибаясь перед зеркалом и любуясь собой.— Смотри.

Легко и пружинисто привстав на носки, она совершила перед ним цепочку стремительных па, закончившуюся восхитительным пируэтом.

— К такому выводу мы с Мальцером пришли, когда я немного научилась усмирять свои эмоции.

Мрачные воспоминания на мгновение отразились в ее голосе, но она тут же овладела собой:

— Все это далось нелегко, зато было интересно! Джон, ты даже не представляешь, насколько это увлекательно! Мы решили, что надо придумать некое факсимиле моего прежнего образа, но построить его на совершенно иной основе. А ведь манера двигаться — второй после внешнего сходства компонент узнавания.

---

* Арабеск — одна из основных поз классического танца, с поднятой и вытянутой назад ногой.

Легко ступая по ковру, она подошла к окну и остановилась, склонив голову. Свет сиял на ее ровном лице, огибая едва заметные очертания скул.

— К счастью,— весело продолжила Дейрдре,— я никогда не была красавицей. Впечатление достигалось за счет... не знаю — живости, наверное, и хорошей координации. Годы и годы тренировки — и все это заключено здесь,— она легонько постучала золотистыми костяшками пальцев по голове, и металл нежно зазвенел,— запечатлено в моем мозгу в виде набора схем движения. Короче, это тело — он сказал тебе? — работает исключительно за счет мозга. Электромагнитные потоки текут от одного браслета к другому, вот так.— Она повела неимоверно гибкой рукой, имитируя течение струящейся жидкости.— Эти магнитные поля у меня вместо мышц: только они скрепляют меня в единое целое, и больше ничего! Если бы на моем месте был кто-то другой, привыкший двигаться иначе, то и сами конечности изгибались бы иначе, повинуясь импульсам чужого мозга. И у меня впечатление, что я сейчас делаю то же самое, что обычно. Те же импульсы, что раньше подавались к мышцам, теперь распределяются здесь.

Она протянула к нему трепещущие, змеящиеся руки, как в камбоджийском танце, и так заливисто рассмеялась, с такой чистосердечной радостью, что Гаррису снова невольно померещилась знакомая улыбка, поблескивающая белизной зубов.

— Все выходит абсолютно непроизвольно,— заверила она.— Поначалу пришлось много тренироваться — не без этого,— но теперь даже мою подпись не отличить от прежней: я научилась в точности ее воспроизводить.

Она снова волнообразным жестом изогнула перед ним руки и фыркнула от смеха.

— Но голос,— вдруг не к месту возразил Гаррис,— голос-то твой, Дейрдре.

— Голос — не более чем удачная конструкция связок плюс контроль за дыханием, дорогой мой Джонни!

По крайней мере, так убеждал меня год назад профессор Мальцер, и у меня нет причин ему не доверять!

Она снова захохотала. Она вообще многовато смеялась; ему хорошо помнились эти приступы веселья, почти истерического возбуждения. Впрочем, если женщине позволено иногда впасть в истерику, то Дейрдре сейчас — и подавно.

Отсмеявшись, она живо подхватила нить беседы:

— Он говорит, что контроль за голосом практически полностью зависит от умения слышать произносимое — разумеется, при наличии исправного механизма. Вот почему у глухих, у которых связки в полном порядке, голос меняется до неузнаваемости, а со временем вообще утрачивает модуляции. К счастью, как видишь, я не глухая!

Дейрдре закружилась вокруг Гарриса, звеня блестящими складками платья, и бесподобно пропела гамму. Дойдя до верхней ноты, она так же правильно и постепенно понизила голос — словно ручеек сбежал по камушкам. Гаррис не успел зааплодировать, как Дейрдре продолжила:

— Ты убедился — все очень просто. От профессора потребовалось лишь немного изобретательности, чтобы подстроить механизм под меня. Вначале он разработал новую модель забытого синтезатора речи — ты, вероятно, слышал о таких. В исходном виде они были очень громоздки. Ты имеешь представление, как они работают? Речь разбивается на ряд элементарных звуков, а потом на клавиатуре из них набираются различные комбинации. Думаю, что изначальными звуками служили различные шумы, типа шипения или шиканья, но мы добились плавности и в конце концов составили обычный произносительный ряд. Теперь мне остается только мысленно нажимать на клавиши моей, э-э, акустической системы — так, кажется, это называется. Конечно, в действительности все не так примитивно, но я уже де-

лаю это бессознательно. Я разговариваю и автоматически подгоняю речь под услышанное. Если бы на моем месте — вот здесь — оказался ты, то поступал бы точно так же, то есть те же самые клавиатура и диафрагма воспроизводили бы уже твой голос. Все зависит от мыслительных образцов, которые передаются телу или, теперь, механизму. От мозга исходят сильнейшие импульсы, которые потом поступают куда требуется: сюда или вот сюда...

Дейрдре коснулась кольчужного платья в нескольких местах, затем смолкла и посмотрела в окно. Подойдя к камину, она снова устроилась в своем мягком кресле. Ее металлическое лицо было обращено к Гаррису; сквозь аквамариновую маску он чувствовал на себе ее испытующий взгляд.

— Как-то... странно ощущать себя в этом... в этой... вместо своего тела,— призналась она.— Но не настолько... непривычно, как ты, возможно, себе воображаешь. Я много размышляла — на это у меня было предостаточно времени — и пришла к выводу, что человеческое «я» обладает громадной мощью. Я вовсе не собираюсь утверждать, что это некая мистическая сила или что она может подгонять под себя механизмы, но все-таки она существует. Она проникает и в неодушевленные предметы, и тогда у них тоже появляется частичка индивидуальности. Например, люди накладывают отпечаток на свое жилище — я не раз в этом убеждалась. Даже в отсутствие хозяина в комнате будто витает его дух. Это происходит не только с домами, но и с вещами, особенно, как мне кажется, с теми, от которых зависит жизнь и безопасность человека. Возьмем корабли — у каждого из них свой характер. А самолеты — военные пилоты часто рассказывают о том, как их машина была повреждена столь серьезно, что не должна была держаться в воздухе, но тем не менее боролась за жизнь наравне с экипажем. Даже у оружия есть свое лицо. И летчик, и матрос обращаются к

самолету или кораблю как к человеку, так же как и солдат к своей винтовке, потому что они вверяют им свою жизнь. Сложный механизм со множеством подвижных частей создает имитацию жизнедеятельности и заимствует у своего хозяина не саму жизнь, конечно, но часть его личности. Не могу объяснить точнее. Может быть, металл поглощает расходящиеся от мозга электрические импульсы — особенно в минуты крайнего напряжения.

Так вот, со временем меня посетила мысль, что мое новое тело должно подчиняться мне не менее охотно, чем самолет или корабль,— не говоря уж о том, что все его «мышцы» полностью контролируются мозгом. Я уверена, что люди, изобретающие различные механизмы, чувствуют с ними некое сродство. Они придумывают их у себя в голове, вынашивают замысел, и это можно сравнить с зачатием и беременностью. Плоды их труда похожи на своих создателей, а также на тех, кто умеет с этими механизмами управляться и работает с ними.

Она смущенно поерзала и гибкой рукой провела по бедру, обтянутому металлической сеткой.

— Ну вот, это я,— продолжила она.— Из металла — но все же я. Чем дольше я живу в нем, тем больше к нему привыкаю. Это и мой дом, и механизм, от которого зависит моя жизнь,— только мне оно гораздо ближе, чем любой дом или машина для человека. Знаешь, иногда я задаю себе вопрос: придет ли такое время, когда я забуду о старом теле — каково оно на ощупь — и прикосновения к металлу будут для меня столь же привычны?..

Гаррис не отвечал. Он сидел неподвижно, изучая ее бесстрастное лицо. Дейрдре заговорила вновь, и голос ее теперь звучал так мягко и задушевно, что, несмотря на отсутствие глаз, Гаррису невольно представился ее теплый внимательный взгляд.

— Скажу больше, Джон,— продолжала она,— я не собираюсь жить вечно. Возможно, меня не все поймут, но это так. Знаешь, какая мысль была самой ужасной

после того, как я поняла... как я вновь пришла в себя? Что я буду вечно жить в чужом теле, увижу старость и кончину всех моих друзей и ничего не смогу поделать... Но Мальцер предположил, что мой мозг будет стареть естественным путем — правда, на моей внешности старость никак не скажется! — а когда он износится и остановится, вместе с ним откажет и мое тело. Магнитные поля, отвечающие за мою форму и движение, умрут вместе с мозгом, и от меня останется только... кучка разрозненных браслетов. Если их собрать снова, это буду уже не я.— Она запнулась, но закончила: — Так будет лучше, Джон.

Гаррис почувствовал, что она ловит его взгляд. Он мог объяснить себе ее мрачноватую решимость. Ни у него, ни у нее не находилось для этого нужных слов, но он понимал Дейрдре. Она заранее приговорила себя к смерти, несмотря на бессмертие тела. Она не желала отрезать себя от остального человечества в неотъемлемой составляющей его жизни — бренности бытия. Раз уж у всех людей вместо стальных мышц — обычная плоть, то и Дейрдре должна прекратить существование; в своем нечеловеческом облике рыцаря короля Оберона она по-прежнему разделяла с людьми их страхи и надежды. Ему подумалось, что и в смерти она останется неповторимой — распадется на звенящие кольца и браслеты,— и даже позавидовал такой совершенной и прекрасной кончине. Но ведь рано или поздно всем нам предстоит воссоединиться с остальным человечеством, поэтому она правильно рассудила, что ее затворничество в металле не более чем временное.

(Это если предположить, что мозг, заключенный в металл, с течением времени не потеряет врожденных, свойственных человеку особенностей. Жилец накладывает на свой дом определенный отпечаток, но и дом тоже неприметно влияет на эго обитателя. Однако ни Гаррису, ни Дейрдре в тот момент это в голову не приходило.)

Дейрдре, обдумывая сказанное, некоторое время сидела молча, затем, изогнувшись, встала, и ее платье звякнуло о лодыжки. Она снова безошибочно пропела восходящую и нисходящую гамму — тем же, некогда столь прославленным, мягким голосом.

— Я возвращаюсь на сцену, Джон,— кротко сказала она.— Петь я не разучилась, танцевать тоже. По сути, я ничуть не изменилась, и я не могу представить для себя другого занятия на оставшуюся жизнь.

Гаррис слегка замялся:

— Но как отнесутся к этому зрители, Дейрдре? Все же...

— Они меня поймут,— заверила она.— Сначала, возможно, они увидят во мне лишь посмешище, но потом убедятся, что я — Дейрдре, и будут приходить снова и снова, как и прежде. Вот увидишь, дорогой.

Гаррис слушал ее, и его все сильнее охватывали сомнения — те же, что мучили Мальцера. Она столь царственно легковерна, а ведь разочарование для нее — для того, что от нее осталось,— равносильно смертельному удару... В эти дни она крайне уязвима. Остались лишь тепло и сияние, исходящие от заключенного в металл разума — силы, преодолевающей механистичность стального тела и сообщающей ему призрак былой прелести. Эта наивная самоуверенность светилась в новом облике Дейрдре, но ее мозг все же не утратил благоразумия. Она уже пережила не один ужасный стресс, измерила неведомые глубины отчаяния и нового самоосознания — такие, что другим даже не снились. К тому же, кто, кроме Лазаря, восставал из мертвых?

Что будет, если люди не поймут такой красоты? Если они осмеют ее, или станут жалеть, или придут поглазеть на шарнирного уродца, на марионетку, вместо того чтобы, как и прежде, восхищаться прекрасной Дейрдре?

Гаррис опасался, что именно так и случится. Он слишком хорошо знал ее в облике из плоти и крови, чтобы ны-

нешний металлический образ мог повредить его объективности. Любое изменение тона живо вызывало в памяти лицо, вспыхивающее мимолетной красотой, успевающей за голосом. Для Гарриса Дейрдре осталась прежней, потому что за столько лет он изучил ее поведение и привычки во всех подробностях.

Но люди, знакомые с ней лишь поверхностно или впервые встретившие ее именно в таком облике,— кого увидят они? Робота? Или все же красоту и грацию, скрытые в металле? Этого Гаррис не мог предсказать. Он ясно представлял, какой она сама сейчас видит себя, но для него она была неразрывно связана с прошлым — вне металлического облика. Гаррис понимал, чего боится Мальцер, поскольку ослепление профессора относительно Дейрдре являло другую крайность: он не был с ней знаком до трагедии и не мог непредвзято оценивать то, что являлось теперь механизмом, набором металлических деталей. Он видел в ней прежде всего робота, созданного посредством его гения и мастерства,— да, непостижимо оживленного работой мозга Дейрдре, но по всем внешним признакам остающегося просто машиной. Мальцер так долго разрабатывал каждую мельчайшую ее деталь, так хорошо разбирался во всех сочленениях этого сложного механизма, что перестал видеть целое. Разумеется, он просмотрел массу фильмов с ее участием, чтобы лучше изучить ее внешность и добиться максимального сходства с оригиналом, но его произведение было лишь весьма точной копией. Он слишком приблизился к Дейрдре, чтобы рассмотреть ее. А Гаррис, как ни странно, был слишком от нее далек. Непобедимая Дейрдре источала живое сияние даже сквозь металл, и он не мог справиться с иллюзией и не смешивать эти два облика.

И все-таки, как ее примет публика? Какой приговор она вынесет, к какой крайности окажется ближе? Но сама Дейрдре давно все решила.

— Я ничуть не боюсь,— спокойно произнесла она и вытянула руки к огню, любуясь золотыми бликами на сверкающих металлических гранях.— Я ведь все та же. И мне всегда удавалось... м-м, подчинить себе зрителей. Каждый артист должен это чувствовать. Моя публика верна мне. Я ее не разочарую — наоборот, теперь я смогу предложить ей даже большее разнообразие и глубину восприятия. Вот, например...— Она пошевелилась, и по ее телу прокатилась текучая волна, отражавшая ее воодушевление.— Тебе ведь известен принцип арабеска? Достижение наибольшего расстояния между кончиками пальцев руки и ноги при идеальном изгибе по всей длине тела, причем другие рука и нога должны служить противовесом. Так вот, посмотри сюда: у меня теперь нет суставов, и я при желании могу изобразить какой угодно изгиб. Мое тело способно на такое, что я даже могу дать начало совершенно новой хореографии. Разумеется, я не отважусь теперь на кое-какие прежние приемы — например, не встану на пуанты,— зато новые достижения с избытком покроют эти упущения. Я уже занимаюсь. Знаешь, я ведь теперь могу без устали прокрутить сто фуэте. Думаю, что не стоит на этом останавливаться, и даже тысяча для меня — не предел.

Огненные блики плясали на ее руках. Дейрдре слегка повела плечами, и ее платье мелодично зазвенело.

— Я уже придумала себе новый танец,— сообщила она.— Хореограф из меня пока неважный, но просто не терпелось попробовать. Может быть, потом мной заинтересуются такие авторитеты, как Масанчин или Фокилев, и разработают что-нибудь специально для меня — систему движений, основанную на новой технике. Музыка тоже должна в корне отличаться... Возможности попросту неисчерпаемы! Диапазон моего голоса расширился, звук стал громче. Хорошо, что я не актриса: глупо пытаться играть Камиллу и Джульетту с обычной труппой. Хотя и это я смогла бы.— Она повернулась к Гар-

рису и посмотрела на него сквозь стеклянную маску.— Правда, смогла бы, но в этом нет смысла: есть масса других вариантов. О, мне не о чем беспокоиться!

— Зато Мальцеру есть о чем,— напомнил Гаррис.

Она стремительно повернулась, зазвенев кольчужным платьем, и в ее голосе появились знакомые капризные нотки. Прежде в таких случаях Дейрдре морщила лоб и склоняла голову набок. Вот и теперь она наклонила голову, и Гаррису показалось, что он видит ее нахмуренный лоб так же ясно, как если бы ее лицо по-прежнему покрывала плоть.

— Я знаю. Я волнуюсь за него, Джон. Он столько работал ради меня. У него депрессия — скорее всего, от переутомления. И я знаю, о чем он думает: он боится, что все остальные увидят во мне то же, что и он,— машину из металла. Он достиг того, что никому до него еще не удавалось: он ведь почти что Господь Бог.— В ее тоне промелькнула игривость.— Думаю, для Бога мы все — не более чем скопище клеток и корпускул. Но Мальцеру недостает божественной беспристрастности.

— Конечно, он видит тебя иначе, чем я,— с трудом подбирая слова, начал Гаррис.— Может быть, ты согласишься... отложить на время свой дебют — чтобы дать ему передышку? Вы с ним чуть ли не срослись. Ты не представляешь, как мало его отделяет сейчас от полного упадка сил. Я был просто в ужасе, когда увидел его.

— Нет,— покачала Дейрдре золотистой головой,— может, он и недалек от срыва, но лучшее лекарство от этого — действие. Он считает, что мне нужно удалиться от мира, не показываться на людях. Навсегда, Джон. Он запретил бы видеться со мной кому бы то ни было, кроме горстки старых приятелей, которые еще помнят меня прежней,— то есть тех, кто, по его мнению, сочувствует мне.

Она расхохоталась. Этот всплеск веселья в сочетании с лишенным выражения гладким лицом выглядел более

чем странно. Гарриса вновь охватил приступ паники при мысли, какова должна быть реакция неподготовленной публики на такой смех.

— Я не нуждаюсь в сочувствии,— возразила Дейрдре на его невысказанные сомнения.— И со стороны Мальцера жестоко держать меня взаперти. Я знаю, сколько ему пришлось работать. Он сам довел себя до ручки. Но все труды окажутся напрасны, если я буду скрываться от мира. Ты не представляешь, Джон, какая прорва таланта и мастерства в меня вложена! Ведь с самого начала мы старались воссоздать утраченное и этим доказать, что ни красота, ни дарование не обречены на гибель со смертью тела. Наши усилия послужат не только мне одной, мало ли происходит с людьми травм, прежде несовместимых с жизнью. Отныне им больше не придется из-за этого страдать. Мальцер сделал человечеству и мне лично бесценный подарок. Джон, он истинный гуманист, как большинство великих. Он бы никогда не обрек себя на целый год каторжной работы, если бы она касалась всего лишь одного человека. Нет, он видел за моей спиной тысячи таких же обреченных, и я не позволю ему погубить результаты своего труда из-за того, что ему боязно выставлять их на всеобщее обозрение. Все величие его победы обратится в ничто, если я не сделаю решительного шага. Мне кажется, что, если я соглашусь на бездействие, его ждет еще худший и окончательный крах, чем если моя попытка потерпит неудачу.

Гаррис сидел молча: ему нечего было возразить. Он надеялся, что она не прочла на его лице мимолетный укол щемящей ревности, и ему пришлось снова напомнить себе, что необходимость связала этих двух людей узами более тесными, чем даже брак. Любая его реакция будет не менее предвзятой, чем у Мальцера,— и по тем же самым, и по совсем другим причинам. Единственное отличие состоит в том, что у него пока свежий взгляд на проблему, тогда как Мальцера гнетет год тяжелейшей работы, истощившей его физически и духовно.

— Что же ты собираешься делать? — спросил Гаррис.

Дейрдре слушала его, стоя у камина, ее тело едва заметно колыхалось, отчего на ее золотистом теле искрились блики. Со змеиной гибкостью она повернулась и опустилась в свое мягкое кресло. Гаррису пришло на ум, что она сверхчеловечески грациозна,— и это пугало его не меньше, чем механистичность, которую он ожидал увидеть.

— Я уже договорилась о концерте,— объявила Дейрдре.

В ее дрогнувшем голосе Гаррису послышалась знакомая смесь вызова и предвкушения. Он даже подскочил на стуле:

— Как? Где? Но ведь об этом еще не объявлено? Я ничего не знал...

— Ну же, успокойся, Джонни,— улыбнулась ему Дейрдре.— Ты будешь, как и прежде, вести все мои дела, как только я вернусь к работе,— если ты, конечно, не против. Но этот концерт — моя проба. Это сюрприз. Я хочу, чтобы получился сюрприз.

Она поудобнее устроилась на подушках.

— Мне всегда удавалось скорее чувствовать, нежели просчитывать психологию зрителей, и сейчас, мне кажется, без этого не обойтись. Все-таки случай уникальный, беспрецедентный. Положусь на собственную интуицию.

— Ты хочешь сказать, что приготовила абсолютный сюрприз?

— Надеюсь, что да. Не хочу, чтобы зрители судили обо мне предвзято. Я хочу, чтобы они сначала увидели меня нынешнюю, а потом уже узнали, кто перед ними. Пусть они поймут, что я по-прежнему способна давать достойные выступления, прежде чем вспомнят меня бывшую и сравнят с настоящей. Мне не нужно, чтобы они пришли поплакать над моими увечьями — которых нет! — или просто из нездорового любопытства. Я выйду в эфир

из «Телео сити» после восьмичасовой программы о будущем. Просто исполню один номер в концерте. Договоренность уже есть. Разумеется, они дадут рекламу, представят меня «гвоздем программы», но сохранят мое инкогнито до самого конца выступления — если только публика не узнает меня раньше.

— Публика?

— Да-да. Разве ты забыл, что концерты в «Телео сити» не только транслируются — на них до сих пор приходят люди? Именно поэтому я и хочу там дебютировать. Мне всегда лучше удавалась запись, если в студии сидели живые зрители,— тогда я могла наблюдать за их реакцией. Думаю, как и любому артисту. Так или иначе, все уже решено.

— А Мальцер знает?

Она смущенно поежилась:

— Еще нет.

— Но разве не стоит спросить его мнения? То есть...

— Джон, послушай! Вы с Мальцером оба должны выкинуть из головы мысль, будто я — его собственность. Сойдемся на том, что он был для меня вроде доктора на протяжении долгой болезни, но если я захочу, я всегда могу отказаться от его услуг. В случае возникновения формальных разногласий он, вероятно, может претендовать на очень крупную сумму — учитывая труд, вложенный в мое новое тело. Само тело в какой-то мере — его произведение, но не собственность! Ни на него, ни на меня он прав не имеет. Не представляю, какое заключение вынес бы по этому делу суд: здесь все тот же беспрецедентный случай. Тело — это его творение, а мозг, скрепляющий воедино бездушную груду металлических браслетов,— мой, и Мальцер не может удерживать меня против моей воли, как бы ему ни хотелось. Ни по закону, ни...

Она вдруг замялась и отвела взгляд. Впервые Гаррис заметил, что Дейрдре что-то утаивает, и не нашел этому объяснения.

— В любом случае,— продолжала она,— до такого не дойдет. За последний год мы с Мальцером очень сроднились, и по принципиальным вопросам разногласий быть не может. В глубине души он осознает мою правоту и не станет чинить мне препятствий. И его труд нельзя будет считать законченным, пока я не исполню своего предназначения. А я отступать не собираюсь.

В ее дружелюбном тоне промелькнула неприметная дрожь, совершенно Дейрдре не свойственная. Гаррису она запала в память, и он решил подумать об этом на досуге, а пока что просто согласился:

— Хорошо. Наверное, ты права. Когда же выступление?

Она повернула голову таким образом, что стеклянная маска, служащая ей органом зрения, посмотрела на него будто бы искоса, и золотое ровное лицо с едва намеченными скулами от этого приобрело заговорщицкое выражение.

— Сегодня вечером,— ответила Дейрдре.

Мальцер никак не мог набрать на диске номер, так тряслись его исхудавшие руки. После двух попыток он нервно рассмеялся и дернул плечом в сторону Гарриса.

— Попробуйте вы,— попросил он.

Тот посмотрел на часы:

— Еще рано. Ее номер только через полчаса.

Мальцер нетерпеливо дернул рукой:

— Ну, давайте же, скорее!

Гаррис равнодушно пожал плечами и начал крутить диск. Наклонный экран над ними заполнили помехи звука и изображения, затем перед глазами возникла мрачная средневековая зала, сводчатая, просторная, по которой передвигались люди в красочных одеждах, напоминающие подземных гномов. В пьесе фигурировала Мария Шотландская, поэтому театральные костюмы создавали иллюзию елизаветинской эпохи; но, поскольку любой

исторический период приходится передавать сообразно бытующей моде, Елизавета, вероятно, поразилась бы, увидев прически актрис. Что до обуви, то она была уже сущим анахронизмом.

Зала пропала из виду, и на экран наплыл чей-то крупный план. Лицо исполнительницы роли Марии Стюарт обдало Гарриса и Мальцера роскошной, чувственной красотой, богато оттененной облаком усеянной жемчугами прически. Профессор застонал.

— И ей предстоит соперничать с этой...— сдавленно произнес он.

— Думаете, не сможет?

Мальцер в сердцах шлепнул ладонями по подлокотникам. Он, видимо, только сейчас заметил, как сильно дрожат у него руки, потому что пробормотал: «Как трясутся! Ни молоток, ни пилу мне доверять нельзя». Попеняв таким образом самому себе, вслух он рассерженно выкрикнул:

— Конечно, не сможет! Она больше не женщина, а бесполое существо. Она пока этого не осознала, но скоро ей это предстоит!

Гаррис изумленно уставился на Мальцера. Подобная мысль еще ни разу не посещала его — настолько образ прежней Дейрдре перекрывал нынешний.

— Она теперь — просто абстракция,— продолжил Мальцер, злобно выстукивая дробь на ручке кресла.— Не знаю, как на ней это отразится, но равнодушной точно не оставит. Помните Абеляр? У нее пропало все, чего ждала от нее публика, и она это восприняла слишком близко к сердцу. Потом...

Лицо у него передернулось, и он смолк.

— У нее не все пропало,— возразил Гаррис.— Она поет и танцует так же хорошо, как и прежде,— и даже лучше. Она не утратила грации и обаяния, и...

— Да, но откуда берутся и грация, и обаяние? Вовсе не из удержанных памятью шаблонов — нет! Из человеческого общения, из всех тех контактов, что стиму-

лируют чувственные натуры к творчеству. А Дейрдре лишилась трех из пяти органов чувств. Она может лишь видеть и слышать. Один из сильнейших стимулов для женщин ее типа — постоянное соперничество. Вы и сами знаете, как она оживлялась, когда в комнату входил мужчина. Все это пропало, а без этого ей нельзя. Помните, как ее возбуждал алкоголь? Теперь и он ей недоступен. Ей не оценить вкуса блюда или напитка, даже возникни у нее такое желание. Духи, аромат цветов, любые запахи больше ничего для нее не значат. Тактильные ощущения ей недоступны. Дейрдре привыкла жить в роскоши, потому что роскошь — тоже стимул, но теперь все утрачено. Она лишена всех физических контактов!

Мальцер невидяще скосил глаза на экран, и его исхудавшее лицо застыло. Казалось, что за последний год его голова лишилась остатков плоти, превратившись в голый череп, и Гаррис почти ревниво отметил, что профессор даже в своей худобе все больше уподобляется металлической Дейрдре.

— Зрение,— говорил тем временем Мальцер,— самое развитое из механизмов восприятия. И самое позднее. Другие органы чувств более тесно связывают нас с основами жизни; мне кажется, что они гораздо острее, чем мы можем представить. То, что мы воспринимаем через вкус, обоняние и осязание, действует на нас напрямую, без окольных путей осознания. Замечали ли вы, что вкус и запах часто вызывают у нас неуловимые оттенки воспоминаний, а мы потом гадаем, откуда они взялись? Эти изначальные ощущения объединяют нас с природой и всем человечеством. Дейрдре черпала из них жизненную силу, сама того не замечая. Зрение по сравнению с другими чувствами — всего лишь холодное, рассудочное оценивание, но теперь ей придется опираться только на него. Она больше не человек, и, по моему мнению, все, что в ней осталось от человека, понемногу истощится — и безвозвратно. Абеляр можно считать ее прототипом, но потери Дейрдре невосполнимы.

— Да, она не человек,— задумчиво согласился Гаррис.— Но ведь и не робот. Она — нечто среднее, и, я думаю, ошибочно сейчас строить предположения, что из всего этого выйдет.

— Мне нет нужды предполагать,— мрачно заметил Мальцер.— Я и так знаю. Ей было лучше умереть. Я навредил ей в тысячу раз больше, чем любой пожар. Я не должен был препятствовать ее смерти.

— Давайте подождем,— предложил Гаррис,— и посмотрим. Уверен, вы ошибаетесь.

Тем временем на телеэкране Мария Шотландская взбиралась на эшафот навстречу своей гибели. Традиционное алое платье мягко облегало изгибы юного тела — столь же анахроничные, сколь и туфли-лодочки актрисы: всем, кроме драматургов, известно, что королева встретила кончину в весьма зрелом возрасте. Новомодная же Мария грациозно опустилась на колени перед плахой и склонила голову, перекинув набок длинные волосы. Мальцер с каменным лицом разглядывал актрису.

— Напрасно я дал свое согласие,— пробормотал он.— Нельзя было ей позволять...

— Вы всерьез считаете, что надо было воспрепятствовать? — вяло спросил его Гаррис.

Тот помолчал, потом замотал головой:

— Нет. Видимо, нет. Просто я думаю, что если бы мы чуть-чуть подождали, поработали бы подольше, то ей было бы легче... Но все-таки нет — рано или поздно ей придется показаться на люди в таком виде.

Мальцер резко встал, опрокинув стул:

— Если бы только она не была такой... хрупкой. Она даже не представляет, сколь ненадежно ее психическое равновесие. Мы дали ей все, что могли; и художники, и дизайнеры, и я сам отдали ей все силы — но даже наши старания не смогли избавить ее от прискорбной неполноценности. Она так и останется не более чем абстракцией и... изгоем, отрезанным от мира барьерами, которые

никогда еще не вставали ни перед одним человеком. Когда-нибудь она сама это осознает, и тогда...

Стиснув ладони, Мальцер начал расхаживать туда-сюда быстрыми, неверными шагами. Лицо его искажал легкий тик, то натягивая, то отпуская одно веко. Гаррис понял, что профессор вот-вот сорвется.

— Вы хоть представляете, каково это? — рявкнул вдруг Мальцер.— Быть запертой в металлическую оболочку и лишиться поступления любой информации, кроме той, что просачивается через зрение и слух? Дейрдре и так достаточно натерпелась. А когда на нее свалится еще и это испытание...

— Хватит,— резко оборвал его Гаррис.— Если вы доведете себя до нервного срыва, то этим нисколько ей не поможете. Смотрите — представление начинается.

Огромный золоченый занавес сомкнулся, скрыв несчастную королеву Шотландии, и разошелся вновь. На сцене не осталось больше места для печали и разочарований, словно пролетевшие с тех скорбных событий века навсегда изгнали их. На эстраду выступила череда маленьких танцовщиц. Их слаженные коленца и прыжки придавали им сходство с заводными куклами — неестественно миниатюрными и безошибочными. Телекамера скользнула вдоль всей шеренги, напоминающей штакетник; на лицах танцовщиц застыли натянутые улыбки. Затем камера переместилась на высоту театральных сводов, показав нелепо укоротившиеся фигуры артисток. Даже под этим нечеловеческим углом зрения было понятно, что они по-прежнему непогрешимо отбивают ритм.

Невидимая аудитория разразилась аплодисментами. Затем последовал танец с зажженными факелами. Танцор жонглировал длинными змеистыми языками пламени, пропуская их меж облачков, очень похожих на обыкновенную вату, но, вероятно, сделанных из асбеста. Его сменила пышно разряженная компания, заявленная как «Сильфиды», но мало оправдывающая это название. Ее

участницы в псевдоисторических костюмах лишь приблизительно следовали знаменитому сюжету, продвигая в жизнь идею поющего балета. Потом снова показались поборницы четкости в танце, напыщенные и очаровательные, как и положено куклам.

Номера следовали один за другим, а Мальцер между тем уже весь извелся. Выступление Дейрдре было, разумеется, запланировано на финал представления. Целая вечность прошла, пока камера не показала крупным планом вышедшего на сцену конферансье с нарочито благожелательным лицом. Срывающимся от волнения голосом он объявил «гвоздь программы»: вероятно, ему самому только что сообщили, кого сейчас увидит публика.

Ни Гаррис, ни Мальцер его не слушали, но оба уловили волнение, охватившее зал, перешептывания и восклицания от нарастающего любопытства; время словно обратилось вспять, и зрители заранее предчувствовали, какое поразительное открытие их ждет.

На экране вновь возник золоченый занавес. Портьеры дрогнули и разошлись арками, открыв пространство сцены, заполненное мерцающим золотым туманом. Вскоре Гаррис понял, что эффект дымки достигается за счет кисейных занавесей, предвосхищая появление некоего чуда, будто обволакивая его величественный выход. Наверное, так выглядел весь мир в первое утро творения, пока ни земля, ни небеса еще не обрели очертаний в божественном сознании. Безусловно, оформление сцены в духе символизма было удачнейшей находкой, хотя Гаррис засомневался, не виной ли тому обычная спешка — возможно, подготовить вычурные декорации просто не хватило времени.

Зрители затаили дыхание. Заурядного выступления не ждут в таком напряжении. Разумеется, никто из них ничего не знал заранее — и все-таки они что-то предчувствовали...

Мерцающая дымка заколебалась и начала таять по мере того, как кисейные занавеси слой за слоем раздвигались. За ними царил полумрак, скрывающий ряд блестящих опор, оказавшихся перилами, вокруг которых и расположились тончайшие золотистые складки газовой материи. Все увидели, что балюстрада плавно поднимается слева направо, сопровождая лестничный пролет, покрытый, как и сама сцена, черным бархатом. Такие же черные драпировки неплотно сходились за галереей, пропуская отсвет тусклых искусственных звезд, подвешенных на темном небосклоне.

Наконец поднялась последняя газовая штора. Сцена пустовала — вернее, казалась пустой. Несмотря на расстояние, разделяющее комнату с экраном и помещение театра, Гаррис уловил, что зрители вовсе не ждут появления артиста из-за кулис: не было слышно ни шелеста, ни покашливаний, ни других признаков нетерпения. На сцене — с той самой минуты, как поднялся основной занавес,— чувствовалось чье-то присутствие; некто простирал на публику свое невозмутимое господство. Он выжидал момент, приковывая всеобщее внимание, словно дирижер, застывший с поднятой палочкой и обводящий взглядом оркестр...

На мгновение зал замер. Затем на верхней площадке лестницы, куда вели перила, обнаружилась чья-то фигура, до того казавшаяся одной из опор балюстрады. Залитая светом, она стала неспешно изгибаться, и ее платье из металлической сетки заискрилось под его лучами. Она едва намечала движения, пока просто привлекая к себе внимание, затем замерла, давая всем возможность получше себя рассмотреть. Телекамеры не давали крупного плана, и загадочная незнакомка оставалась неузнанной; телезрители видели ее ничуть не лучше, чем публика в зале.

Вероятно, большинство сначала приняло ее за чудо робототехники, подвешенное на проволочках, невиди-

мых на фоне бархата. За обычную женщину, облаченную в металл, она сойти не могла из-за своей чрезвычайной стройности. Возможно, она сама нарочно не спешила развеять это заблуждение и спокойно покачивалась — непроницаемо безликая, скрытая маской, невероятно тонкая. Ее платье ниспадало вниз безупречными складками наподобие греческой хламиды, хотя незнакомка не имела с Грецией ничего общего. Золотой шлем с забралом и кольчужное платье наталкивали на неуместное сравнение с рыцарями, вызывая тем самым размышления о внешней простоте Средневековья, скрывающей внутреннее богатство. Впрочем, этого было явно недостаточно, чтобы зрители приняли незнакомку за женщину в латах: даже миниатюрной святой Жанне было далеко до столь исключительной стройности. И рыцарский дух в ее облике, и ее изящество принадлежали, скорее, некоему неизвестному миру.

Фигура шевельнулась, и по залу прошел удивленный гул. Затем все опять стихло. Никогда еще в этом зале зрители не смотрели на сцену с таким напряжением. Даже те, кто поначалу принял незнакомку за манекен, казалось, предвкушали грандиозное разоблачение иллюзии.

Вот она снова заколебалась и стала медленно спускаться по лестнице — с грацией, лишь ненамного превосходящей привычную, человеческую. Она изгибалась все заметнее и, достигнув пола сцены, уже танцевала. Такого танца никто до нее ни разу не исполнял. Медленные, текучие, томные движения были недоступны человеческому телу, ограниченному суставами. (Гаррису вспомнилось, как он боялся, что Дейрдре окажется роботом на шарнирах. Но рядом с ней любой человек сам выглядел механической куклой.) Па, исполняемые в неспешном ритме, казались не более чем импровизацией, но Гаррис-то знал, сколько на них потрачено часов раздумий и репетиций, сколько утомительного труда по заучи-

ванию непривычных новых приемов — чтобы изгнать прежние шаблоны и добиться послушания металлического тела.

Ступая по ковру, она плела на черном бархатистом фоне змеистый лабиринт танца, будто нехотя, но настолько завораживающе, что сама атмосфера казалась пронизанной ритмическим узором, в то время как ее длинные конусообразные конечности словно размножились, и их отпечатки, застывшие в воздухе, постепенно таяли по мере ее движений. Гаррис понял, что она хочет охватить всю сцену, полностью покрыть темный фон продуманными танцевальными позами и внушить аудитории впечатление, что она пребывает везде одновременно. Задумав оставить у зрителей ощущение одного общего двигательного рисунка, она стремительно перемещалась, и ее фантомные копии сильно отставали от нее.

Потом вслед за ней полилась музыка — замысловатые модуляции, подобные сияющим гирляндам ее телодвижений. Это не оркестр играл — она сама напевала что-то без слов, проникновенно и нежно, плавно прокладывая себе извилистую дорожку по бархату сцены. Незнакомка пела удивительно громко, хотя явно не в микрофон — это чувствовалось безошибочно. Только сейчас, услышав ее, люди понимали, сколько неуловимых искажений и скачков тона бывает в обычной музыке. Эта же казалась абсолютно беспримесной и точной, будто образец истинной чистоты, ранее неслыханной.

Публика сидела, затаив дыхание. Возможно, люди уже начали строить предположения, кто это перед ними выступает, но, скорее всего, большинство из них полагали, что танцовщица на сцене — хитроумно сработанная марионетка, подвешенная на невидимых проволочках. Пока что ее невозможно было принять за живую женщину: человек не в состоянии так петь и танцевать.

Наконец в медленном ритме наметились признаки завершения, танец приближался к финалу. Дейрдре закон-

чила выступление так же невероятно, как и танцевала; ей не хотелось, чтобы номер прерывали аплодисментами, и она, как и прежде, всецело владела вниманием публики. Подразумевалось, что и робот может танцевать, но ему вряд ли будут хлопать. Если зрители решили, что невидимые механики руководят каждым ее шагом, то овация будет предназначена именно тем, кто вот-вот выйдет на поклон из-за кулис. Но публика подчинилась ей и притихла, ожидая продолжения чуда. Атмосфера в зале становилась все напряженнее.

Танец закончился там же, где и начался. Дейрдре медленно, почти небрежно, взошла по черным ступеням, безупречно изгибаясь в такт безупречной музыке. Оказавшись наверху, она повернулась лицом к зрителям и на мгновение застыла, похожая на стальную конструкцию, оставленную нерадивым механиком без движения.

И вдруг неподвижная статуя рассмеялась — негромко, но от всей души. Она запрокинула голову, раскачиваясь и вздрагивая всем телом. Смех, словно музыка, прокатился по залу и, нарастая, заполнил пространство театра до самого купола. Он достигал каждого зрителя в отдельности, создавая иллюзию интимности, будто женщина смеялась лично для него. Теперь уже никто не сомневался, что на сцене — настоящая женщина. Ее фигура источала почти осязаемое человеческое тепло. Те, кому ранее доводилось слышать этот смех, должны были оставить все сомнения. Но прежде чем они полностью осознали, кто перед ними, ее смех плавно перешел в пение, на которое не способен ни один человеческий голос. Она принялась мурлыкать мелодию, знакомую каждому присутствующему в зале, и вскоре дополнила ее словами. Чистым, легким и нежным голосом Дейрдре пела: «Желтая райская роза в сердце моем цветет...»

Это была ее песня. Дейрдре исполняла ее по телевидению за месяц до пожара в театре... за месяц до гибели. Незатейливая мелодия сразу пришлась по вкусу всей

стране: людям нравятся такие незамысловатые вещицы. В ней была искренность, зато напрочь отсутствовал тот налет вульгарности, который обрекает на забвение многие ранее нашумевшие хиты. Никто не мог сравниться с Дейрдре в исполнении этого шлягера. Его так прочно ассоциировали с ней, что, когда после трагедии артисты решили возродить песню в память о погибшей и потерпели полное фиаско в попытке сымитировать своеобразие ее интерпретации, хит умер сам собой из-за невозможности достойного исполнения. Отныне любой, напевающий эту мелодию, с грустью вспоминал именно о Дейрдре как о чем-то прекрасном и навеки утраченном.

Но сейчас песня не казалась печальной. Если и нашелся зритель, до сих пор недоумевающий, кто бы мог сообщать движение этому гибкому металлическому телу, то теперь и он отбросил всякие сомнения: и песня, и голос принадлежали только Дейрдре, а чудная грация присущих ей одной поз дополняла эту уверенность, словно перед публикой возникло хорошо знакомое лицо.

Дейрдре не успела допеть музыкальную строку, как аудитория уже узнала исполнительницу и не дала ей продолжить. Гул, прервавший пение, был более красноречивой наградой, чем вежливое внимание. Сначала по залу пронесся шепоток недоверия, затем — долгий вздох удивления, почему-то напомнивший Гаррису ахи на дневном сеансе при появлении на экране легендарного Валентино*, умершего больше столетия назад. Но этот вздох не был похож на мимолетное изумление. Многократно возросшее напряжение проявилось в неясном шуме, отдельных восклицаниях, робких попытках аплодировать и, наконец, вылилось во всепоглощающую овацию, сотрясшую зал театра. Изображение на экране дрогнуло и зарябило от напора аплодисментов.

---

* Рудольф Валентино — американский актер итальянского происхождения, звезда немого кино.

Умолкшая Дейрдре стояла на сцене, объятая ревом зала, и реверансами благодарила публику, заметно вздрагивая от нахлынувших на нее чувств. Гаррис не мог отделаться от впечатления, что она лучисто улыбается, а по ее щекам текут слезы. В тот миг, когда Мальцер потянулся к выключателю, ему даже показалось, что Дейрдре посылает зрителям воздушные поцелуи характерным для знаменитых актрис жестом. Отсвечивающими золотом руками она касалась безликой маски и осыпала публику приветами, хотя никто так и не разглядел ее губ.

— Ну что? — торжествующе спросил Гаррис.

Мальцер нервно потряс головой. Очки ерзали у него на носу, и вместе с ними перемещались искаженные линзами глаза.

— Глупости — разумеется, они хлопали,— накинулся он на Гарриса.— Я должен был предугадать, что они поддадутся впечатлению. Но это ничего не доказывает. Да, она сумела их поразить — допустим,— но их аплодисменты предназначались в той же мере им самим, что и ей. Эйфория, признательность за то, что они побывали на таком историческом концерте,— в общем, массовая истерия. Только теперь начнется настоящее испытание, и этот концерт тут ни при чем. Слухи о ее возвращении вызовут нездоровое любопытство; люди будут смеяться над ее желанием казаться живой. Будут, уверяю вас — всегда найдутся такие. Новизна скоро пройдет, а человечность в ней будет меж тем идти на убыль из-за отсутствия обычных физических стимулов...

Гаррис вдруг с неудовольствием вспомнил об отложенном на потом моменте в разговоре с Дейрдре. Что-то в ее речи показалось ему чужим... Неужели Мальцер прав? Неужели обесчеловечивание уже началось? Или причина гораздо глубже, чем кажется на первый взгляд? Все же ей пришлось испытать то, что недоступно разуму

обычного человека, и душевные раны еще не полностью зарубцевались. Возможно ли, чтобы через металлическое тело в ее мозг проникло нечто инородное, чему человеческий мозг никогда не найдет объяснения? Они помолчали. Затем Мальцер поднялся и в угрюмой прострации застыл над Гаррисом.

— Вам лучше уйти,— произнес он.

Гаррис поднял на него изумленный взгляд. Профессор снова начал быстро и сбивчиво мерить шагами комнату. Не оглядываясь на собеседника, он добавил:

— Я все решил — этому необходимо положить конец.

Гаррис встал.

— Послушайте,— начал он,— скажите мне вот что: почему вы так убеждены в собственной правоте? Вы станете отрицать, что практически все ваши домыслы ни на чем не основаны? Между тем из разговора с Дейрдре я понял, что она придерживается совершенно противоположной точки зрения. Какие существенные доводы вы можете привести?

Мальцер снял очки и стал тщательно, не торопясь, массировать нос. Ему явно не хотелось отвечать, но он сделал над собой усилие, и в его голосе прозвучала неожиданная настойчивость.

— Доводы есть,— сказал он.— Но вы им не поверите. И никто не поверит.

— Я попытаюсь.

— В это невозможно поверить,— покачал головой Мальцер.— Никогда еще два человека не оказывались в столь тесных отношениях, как мы с Дейрдре. Я помогал ей вернуться из абсолютного... небытия. Я узнал ее раньше, чем она обрела голос и слух. При первом нашем контакте она была не чем иным, как обезумевшим мозгом, психически расстроенным от страха пережитых событий и будущей неизвестности. Она в буквальном смысле возродилась, выйдя из этого состояния, и мне приходилось направлять каждый ее шаг. Я знал ее мыс-

ли еще до того, как они приходили ей в голову. И когда находишься в таком тесном контакте с другим разумом, общность остается надолго.

Он снова надел очки и посмотрел на Гарриса. Из-за линз глаза ученого казались огромными.

— Дейрдре обеспокоена,— продолжил Мальцер.— Я знаю. Можете мне не верить, но я, если хотите, это чувствую. Повторяю, что я настолько приблизился к самым истокам ее мышления, что не могу ошибаться. Вам, наверное, пока не заметно — пожалуй, и ей самой тоже. Но беспокойство есть, я ощущаю его в общении с ней. И мне бы не хотелось, чтобы оно вышло на уровень сознания, тем более что до этого уже недалеко. Я положу этому конец, пока не стало слишком поздно.

Гаррис промолчал. Он не знал, как реагировать на сообщение профессора, поэтому пока воздержался от возражений и только спросил:

— Каким образом?

— Пока не выбрал. Но это надо сделать до того, как она вернется. Мне необходимо переговорить с ней наедине.

— Мне кажется, вы ошибаетесь,— спокойно заметил Гаррис.— Все это выглядит надуманно, к тому же вы вряд ли сможете ее переубедить.

Мальцер взглянул на него исподлобья.

— Смогу,— странным голосом ответил он и поспешно продолжил: — С нее вполне довольно, она и так почти человек. Она может прожить, как многие другие, и без актерства. Может быть, сегодняшнее выступление уже отобьет у нее охоту. Я попытаюсь доказать ей, что его вполне достаточно. Если она уйдет в тень, ей не суждено будет узнать, какой жестокой подчас бывает публика, и тогда глубокое... разочарование, смущение или что там еще — останутся неведомы Дейрдре. Так надо. Она слишком непрочна, чтобы выдержать подобное.— Мальцер с резким шлепком сомкнул ладони.— Я обя-

зан помешать ей — для ее же собственной пользы! — выкрикнул он, повернувшись к Гаррису и взглянув ему прямо в глаза.— Так вы уходите?

Никогда в жизни Гаррис не прерывал разговора с большей неохотой. Ему даже на миг захотелось возразить: «Нет, не уйду», но что-то подсказывало ему, что Мальцер по-своему прав. Дело касалось только Дейрдре и ее создателя; оно представлялось Гаррису кульминацией их годичной близости, так же как в браке супруги рано или поздно должны признать главенство за кем-то одним. Он решил по возможности не мешать выяснению отношений. Может быть, весь год они исподволь шли к этому разговору, из которого один из них выйдет победителем. После долгих перегрузок непонятно было, на чьей же стороне перевес, и вполне может оказаться, что психическое здоровье их обоих зависит от исхода этой стычки. Впрочем, поскольку участники невероятной дуэли больше переживают не за собственное благополучие, а тревожатся за партнера, Гаррис понял, что должен предоставить им решать этот вопрос один на один.

Он уже вышел на улицу и остановил такси, когда до него наконец дошел смысл сказанного Мальцером. «Смогу»,— заявил тот каким-то необычным тоном, имея в виду свое влияние на Дейрдре.

Гарриса прошиб озноб. Мальцер собрал ее — разумеется, он сможет при желании ей помешать. Неужели в этом гибком золотистом механизме где-то имеется выключатель, парализующий Дейрдре по воле конструктора? Неужели она узница собственного тела? Ему подумалось, что ни разу за всю историю человечества ничье тело не оправдывало названия тюрьмы духа лучше, чем то, в котором сейчас обитает разум Дейрдре. Мальцеру остается только щелкнуть тумблером, чтобы ее выключить — не обязательно буквально. Например, он может прекратить подачу питания к ее мозгу. Впрочем, Гаррис и мысли не допускал, что профессор так посту-

пит — он же не сумасшедший, он не станет губить собственный замысел. Его решимость проистекает только из заботы о Дейрдре, и он никогда не дойдет до того, что станет оберегать ее, заключив в темницу ее собственной черепной коробки.

На мгновение Гаррис заколебался у края тротуара, раздумывая, не вернуться ли. Но что он может сделать? Даже если допустить, что Мальцер прибегнет к чему-то подобному, как можно помешать ему, изобретателю? Впрочем, Гаррис был уверен, что Мальцер не посмеет.

Нахмурившись, он неторопливо уселся в такси. Завтра надо будет встретиться с ними обоими.

Но он не смог. Его без конца одолевали восторженными откликами по поводу вчерашнего представления, а нужного звонка все не было. День тянулся невыносимо медленно. К вечеру Гаррис не выдержал и сам позвонил Мальцеру.

Ему ответила Дейрдре, и впервые Гаррис увидел лишь ровную маску вместо знакомых черт. Безликая и непроницаемая, смотрела она на него с экрана.

— Все нормально? — неуверенно поинтересовался он.

— Разумеется,— произнесла она с металлическим призвуком в голосе, словно обдумывала в тот момент нечто важное и не заботилась о произношении.— Вчера мы долго беседовали с Мальцером, если ты об этом спрашиваешь. Ты знаешь его мнение. Но мы пока не договорились окончательно.

От ее железной непоколебимости Гарриса передернуло. Невозможно было ничего понять ни по ее лицу, ни по голосу: на все нашлась своя маска.

— Каковы твои планы? — спросил он.

— В точности те, что я наметила,— бесстрастно произнесла она.

Чувствуя, что почва уходит из-под ног, Гаррис уцепился за практический аспект:

— То есть мне пора заняться организацией концертов?

Она грациозно покачала головой:

— Пока не надо. Ты сегодня уже получил отзывы — я им все же... понравилась.

Она явно поскромничала, зато в ее голосе появилась теплота. Впрочем, озабоченности в нем тоже хватало.

— Я собираюсь выдержать паузу после первого выступления,— продолжила Дейрдре.— Недельки на две. Джон, помнишь, я говорила, что у меня есть дачный домик в Джерси? Сегодня я еду туда. Там только прислуга — отдохну от всех, даже от Мальцера. И от тебя. Мне нужно о многом поразмыслить. Мальцер согласился отложить обсуждение, пока мы оба не обдумаем все как следует. Ему тоже необходим отдых. Джон, мы увидимся, как только я вернусь. Ты не против?

Не дождавшись его кивка, она отсоединилась, и его робкое возражение так и осталось непроизнесенным. Гаррис остался сидеть, уставившись на пустой экран.

Две следующие недели, по истечении которых Мальцер снова ему позвонил, показались Гаррису самыми длинными в жизни. Он успел о многом передумать, особенно о последнем разговоре с Дейрдре. Гаррис решил, что в ее голосе все же сквозило затаенное беспокойство, о котором предупреждал Мальцер,— не озабоченность, а, скорее, погруженность в себя. Дейрдре занимала некая мысль, которой она не хотела — или же не могла? — поделиться даже с близкими друзьями. Гаррис стал опасаться, что, если ее рассудок действительно так нестабилен, как уверяет профессор, никто не может гарантировать, что она не тронулась умом, ведь внешние проявления Дейрдре так скудны — по ним ничего нельзя утверждать наверняка.

Больше всего его беспокоило, как смена обстановки скажется на ее недостаточно опробованном теле и наново переученном разуме. Если Мальцер не ошибается,

при следующей встрече уже будут заметны признаки обесчеловечивания. Гаррис гнал такие мысли.

Профессор сообщил ему о ее возвращении по телесвязи. Выглядел он хуже некуда — кажется, все это время он вовсе не отдыхал. От него остались кожа да кости, а расплывающиеся за толстыми линзами глаза лихорадочно блестели. Но несмотря на неважный вид, Мальцер казался на удивление спокойным. Гаррис подумал, что тот, вероятно, принял какое-то решение; впрочем, оно не избавило профессора ни от дрожания рук, ни от нервного тика, уродливо перекашивавшего лицо.

— Приезжайте,— без предисловий пригласил он Гарриса.— Она будет здесь через полчаса.

И, не дождавшись ответа, Мальцер отключился.

Когда Гаррис вошел, Мальцер стоял у окна, глядя на улицу и стараясь унять дрожь в руках, стискивавших подоконник.

— Я не смог ее переубедить,— без всякого выражения произнес профессор, словно продолжая начатый разговор.

Гаррис представил, как за истекшие две недели мысли Мальцера не сходили с накатанной колеи, пока, наконец, любое слово не превратилось для него в пустой звук.

— Не смог,— повторил тот.— Я даже пытался угрожать, но она мне, конечно, не поверила. Остается только один путь, Гаррис...— Мальцер быстро взглянул на него из-под очков глубоко запавшими глазами, но сказал лишь: — Оставим пока. Потом поделюсь.

— Вы рассказали ей все то же, что и мне?

— Практически все. Я уличил ее в... том беспокойстве, которое для меня давно не секрет. Она все отрицает. Она солгала мне, и мы оба это поняли. А после выступления ее тревога только усилилась. Говорю вам, тогда вечером в разговоре с ней я снова почувствовал, что она и сама ощущает некое отклонение от нормы, но не хочет в этом признаться. Вот...

Мальцер пожал плечами. В наступившей тишине они услышали приглушенный шум лифта, спускающегося с площадки для вертолетов, расположенной на крыше. Оба обернулись к дверям.

Она ничуть не изменилась. Гаррис поймал себя на том, что удивлен, но тут же спохватился: теперь она и не должна меняться — до самой своей смерти... Сам он когда-нибудь поседеет и одряхлеет, а она будет все так же изгибаться перед ним — подвижная, золотистая, загадочная. Все же ему показалось, что у нее перехватило дыхание при виде Мальцера, сильно сдавшего за столь короткий срок. Конечно, никакого дыхания у нее не было, но голос при приветствии заметно дрогнул.

— Рада, что вы оба здесь,— не очень уверенно произнесла Дейрдре.— На улице чудесная погода. И в Джерси было прекрасно. Я уже забыла, как красиво бывает летом. Тебе понравилось на курорте, Мальцер?

Тот, промолчав, ожесточенно помотал головой. Не вникая в подробности, Дейрдре продолжала щебетать о пустяках. Теперь Гаррису удалось увидеть ее глазами зрителей — какой она предстанет им, когда эффект неожиданности сотрется, равно как и воспоминание о ее прежнем облике. Отныне они смогут лицезреть только металлическую Дейрдре — правда, столь же прелестную, что и раньше, и даже не менее живую — на время. Ее движения завораживали гибкой грацией, свободно переливаясь по всему телу. Гаррису неожиданно пришло на ум, что теперь не лицо, а это податливое тело сможет передавать ее настроение: и оно само, и конечности прекрасно годились для этой цели.

Но что-то шло не так, ощутимо сквозило в ее интонациях, в ее уклончивости, скрытой за завесой из слов. Об этом некогда предупредил его Мальцер, а сам Гаррис ощутил перед самым отъездом Дейрдре за город. Правда, теперь это нечто оформилось, стало заметнее. Прежняя Дейрдре, чей голос еще звучал в ушах, отгоражи-

валась от них обоих пеленой отчуждения и оставалась там горевать одна. Она неведомым образом и неизвестно когда сделала для себя некое открытие, глубоко ее поразившее. Гаррис очень опасался, что догадывается о предмете ее разоблачения. Мальцер был прав.

Профессор все так же опирался на подоконник, рассеянно оглядывая раскинувшийся за окном Нью-Йорк, опутанный сетью виадуков, поблескивающий солнечными зайчиками и сливающийся в необъятной дали в голубое марево наземных уровней. Нарушив ее веселую болтовню, он спросил:

— Как ты себя чувствуешь, Дейрдре?

Та засмеялась — довольно искренне. Непринужденно прошлась по комнате, отбрасывая солнечные блики и звеня сетчатым платьем, затем склонилась над пачкой сигарет на столе и проворно ее открыла.

— Закуришь? — направилась она с пачкой к Мальцеру.

Он не противился, когда она всунула ему в рот темный цилиндрик и поднесла зажигалку,— казалось, он этого даже не заметил. Дейрдре вернула пачку на место и прошла к зеркалу у дальней стены. Там она начала экспериментировать с танцевальными движениями, отражения которых были похожи на текучие золотые узоры.

— Прекрасно, разумеется,— наконец ответила она.

— Лжешь.

Дейрдре не обернулась. Она наблюдала за Мальцером в зеркало, все так же томно, неторопливо и равнодушно изгибаясь.

— Нет.

Ответ предназначался им обоим. Мальцер глубоко затянулся, затем сильным толчком распахнул окно и швырнул дымящийся окурок в пустоту.

— Дейрдре, зачем ты меня обманываешь? — неожиданно спокойно обратился он к ней.— Дорогая моя, ведь я же тебя создал. Я все знаю и уже давно замечаю, что

ты беспокоишься — чем дальше, тем больше. Две недели назад ты такой не была. Что-то случилось с тобой на отдыхе — не знаю, что именно, но ты изменилась. Ты хоть себе-то признаешься в этом, Дейрдре? Неужели ты до сих пор не осознала, что тебе нельзя возвращаться на экран?

— Ничуть,— произнесла Дейрдре, по-прежнему глядя на него в зеркало и лениво намечая танцевальные па.— И я не собираюсь отказываться от своего намерения.

Теперь она казалась просто куском железа, беззастенчиво использовавшим свою непроницаемую внешность, искусно прятавшимся за безликостью черт и голоса. Даже тело — единственного свидетеля, чьи непроизвольные движения могли выдать ее чувства,— она заняла упражнениями и, таким образом, осталась недосягаемой. Пока она изгибалась и извивалась перед зеркалом, никто не мог угадать, что творится в ее мозгу, заключенном в стальной череп.

Гаррис впервые осознал степень ее отчужденности и был потрясен. В прошлый раз при встрече она была настоящей Дейрдре и не скрывалась — наоборот, оживляла металлическую оболочку столь свойственной ей женской теплотой и обаянием. С тех пор — со дня выступления в театре — он не узнавал прежнюю Дейрдре и очень хотел понять, что происходит. Может быть, уже в самый миг триумфа она стала подозревать, что восторг публики — временное явление? Или среди моря похвал она расслышала насмешливый шепот кого-то из зрителей?

А если предположение Мальцера верно? Возможно, недавнее свидание было и последним приветом от погибшей Дейрдре, оживленной влиянием момента и радостью встречи с давним другом. Тогда ее подбадривало и придавало сил желание убедить его, что она рядом. Но теперь она исчезла: то ли спасаясь от невольной жестокости людей, то ли утеряв контакт с жизнью — этого Гаррис не

знал. Все человеческое, видимо, быстро улетучивалось из нее, а мозг понемногу покрывался металлическим налетом.

Опершись ладонями на край раскрытого окна, Мальцер посмотрел вниз и глухо произнес, впервые без брюзгливости в голосе:

— Я был ужасно неправ, Дейрдре. Я причинил тебе непоправимый вред.

Он помолчал. Дейрдре ничего не ответила, Гаррис тоже не решался встревать. Мальцер продолжил:

— Я не подумал о твоей уязвимости и не дал тебе никакого средства для защиты от врага. Твой враг — все человечество, дорогая моя, веришь ты этому или нет. Думаю, ты и сама это подозревала. Наверное, потому ты и молчишь. Скорее всего, эта мысль пришла тебе две недели назад, во время выступления, и ты обдумала ее еще раз, когда уезжала в Джерси. Тебя станут ненавидеть — очень скоро,— потому что ты все так же прекрасна; и тебя станут преследовать — за то, что ты неповторима и... беспомощна. Когда схлынет удивление, твоя публика превратится в обычную толпу, дорогая моя.

Мальцер не смотрел на нее. Наклонившись, он вглядывался вниз. Ветер, ощутимый на такой высоте, трепал его волосы, задувая в створку распахнутого окна.

— Я думал, что вместе с тобой помогаю всем, кто однажды пострадает в катастрофах, прежде смертельных. Но я должен был предугадать, что такой подарок приведет к еще худшим увечьям. Теперь я понимаю, что человек может создавать новую жизнь только одним проверенным путем. Если же он ищет другие способы, то скоро получит горький урок. Помните такого ученого — Франкенштейна? Он тоже приобрел опыт. В какой-то степени ему даже повезло: ему не пришлось увидеть плоды своего труда. А может, ему бы и не хватило на это смелости — у меня бы явно не нашлось.

Гаррис обнаружил, что уже стоит, хотя не помнил, когда встал. Вдруг его осенило насчет развязки событий, стала понятна решимость Мальцера и его непривычное, неестественное спокойствие. Он понял также, зачем профессор пригласил его сюда — чтобы не оставлять Дейрдре в одиночестве. Франкенштейн тоже заплатил за свое недопустимое творение жизнью.

Между тем Мальцер все дальше высовывался из окна, глядя вниз, словно загипнотизированный. Голос его относило ветром, будто между ним и комнатой уже встала непреодолимая преграда. Дейрдре не двигалась; в зеркале отражалась ее бесстрастная маска. Она, вероятно, все поняла и тем не менее не подавала виду — только замедлила движения, едва поводя в воздухе руками. Так танцуют в кошмарных снах или под водой. Конечно, ей было не по силам выразить свои эмоции, по ее лицу нельзя было что-либо прочесть, но, по правде говоря, в этом не было ее вины. В любом случае, она не выказывала ни малейшего оттенка чувства. Ни она, ни Гаррис не бросились к окну — один неосторожный шаг мог привести к беде. Оба сохраняли спокойствие, прислушиваясь к доводам профессора.

— Те, кто по моему примеру рождают жизнь неестественным путем,— рассуждал вслух Мальцер,— должны потесниться и уступить ей место. По всей видимости, это непреложный закон, он срабатывает автоматически. Существо, произведенное нами, донельзя осложняет нам жизнь. Дорогая моя, не прими на свой счет. Я прошу от тебя невозможного, противного твоей сущности. Я заложил в тебя программу, а теперь требую отказаться от того, для чего ты, собственно, и создана. Теперь я понимаю, что если ты послушаешься, то погибнешь, но вина полностью на мне — ты тут ни при чем. Я больше не отговариваю тебя от выступлений: ты не можешь прожить без зрителей. Но я... я не смогу смотреть на все это. Я вложил в свое творение все мастерство, всю свою любовь,

и мне нестерпимо видеть, как его покалечат. Я не в силах наблюдать, как ты будешь выполнять только то, что тебе предназначено, и губить себя, потому что так надо. Но перед тем, как уйти, я хочу, чтобы ты поняла...

Он наклонился еще ниже, и его голос стал еле слышен, доносясь будто сквозь стекло. Мальцер говорил жестокие вещи, сухим, сдержанным, бесстрастным тоном, ослабленным преградой оконной рамы, ветра и отдаленного городского шума, стирающих остроту его замечаний.

— Я мог бы остаться трусом,— продолжал он,— и закрыть глаза на последствия своего поступка, но я не могу уйти... не предупредив тебя. Знать, что толпа накинется на тебя и тебе будет некуда податься, не к кому обратиться,— это даже хуже, чем думать о твоем провале. Дорогая моя, я не скажу тебе ничего принципиально нового — ты, наверное, и сама уже о многом догадываешься, хотя и не признаешься себе. Мы слишком близки, чтобы обманывать друг друга, Дейрдре, и я всегда вижу, где ты солгала. Я знаю о тревоге, что растет в твоей душе. Ты же не полностью человек, милая моя, и ты сама с этим согласишься. Несмотря на все мои усилия, тебе во многом недостает человечности — и так будет всегда. У тебя утрачены органы восприятия, помогающие общаться остальным людям. У тебя остались только зрение и слух, а зрение, как я уже говорил,— последний и самый отвлеченный из органов чувств. Ты же балансируешь на самой грани рассудка. Ты сейчас — не более чем проницательный ум, оживляющий тело из металла, похожий на язычок пламени в стеклянном колпаке. Он зависим от малейшего дуновения.

Профессор помолчал и наконец закончил:

— Не давай им окончательно погубить себя. Когда обнаружат, что ты слабее их, когда тебя станут травить... Я должен был дать тебе больше средств к защите, но не сумел. Я так старался ради нашего общего блага, а вот об этом не подумал...

Он внезапно смолк и посмотрел вниз, уже наполовину высунувшись из окна и держась только за раскрытую раму. Ему с трудом удавалось сохранять равновесие, и Гаррис, наблюдая за этой агонизирующей неуверенностью, тоже не мог решиться на резкое движение, поскольку не знал, спасет ли оно профессора или, напротив, столкнет в бездну. Дейрдре все так же медленно и беспрерывно выводила танцевальные па, глядя на свое отражение в зеркале. Лицо ее оставалось загадочным и непроницаемым.

— Я хочу только одного, Дейрдре,— донесся до них слабый голос Мальцера.— Я хочу, чтобы ты сказала мне правду. Мне было бы спокойнее перед смертью от мысли, что я все же достучался до тебя. Ты ведь поняла, что я говорил тебе? Ты веришь мне? Если нет, я буду знать, что все доводы оказались напрасны. Если же ты признаешься в своих сомнениях — а я уверен, что они тебя одолевают,— тогда я увижу, что твое положение не так уж безнадежно. Ты ведь солгала мне, Дейрдре? Ведь ты понимаешь... чем я тебе навредил?

Повисло молчание. Затем Дейрдре едва слышно заговорила. Казалось, что ее голос плавает в воздухе: рта у нее не было, и приходилось напрягать воображение, чтобы понять ее речь.

— Выслушай меня, Мальцер,— попросила она.

— Хорошо, я слушаю,— согласился он.— Все же — да или нет?

Она медленно опустила руки, затем плавно и спокойно повернулась к нему лицом. Ее металлическое платье, покачиваясь, издавало тихий звон.

— Я отвечу,— пообещала она,— но не на этот вопрос. Ни «да», ни «нет» тут не годятся. Можно, я буду немного прохаживаться? Мне есть что сказать, но я не привыкла стоять неподвижно. Не думай, что это уловка, чтобы тебя удержать.

Мальцер рассеянно покачал головой.

— Оттуда ты и не сможешь, но ближе не подходи. Что ты хотела мне сказать?

Она стала неторопливо, с текучей плавностью мерить шагами дальний угол комнаты. Столик с сигаретами мешал ей, и Дейрдре осторожно отодвинула его с дороги, не сводя с Мальцера глаз и не делая резких движений, чтобы его не спугнуть.

— Я бы не назвала себя... недочеловеком,— начала она с оттенком возмущения,— и сейчас объясню почему. Но я бы хотела начать с другого. Обещай, что дослушаешь до конца. В твои рассуждения закралась обидная для меня ошибка. Я вовсе не то чудовище, которое Франкенштейн слепил из мертвечины. Я — живая; ты не вдохнул в меня жизнь — ты только помог сохранить ее. И я не робот с заложенной в него программой, которой он вынужден подчиняться. Я свободна и независима, Мальцер, и... все-таки я — человек.

Гаррис немного перевел дух: Дейрдре понимает, что делает. Он не знал, что она задумала, и решил дождаться развязки. Во всяком случае, она вовсе не тот равнодушный механизм, за который себя выдавала.

Не нарушая отмеренных границ, Дейрдре подошла к столу и склонилась над его поверхностью, обернув к Мальцеру свое безглазое лицо. Она следила, чтобы ее движения не выглядели излишне порывистыми.

— Я человек,— повторила она едва слышно и очень мягко.— Разве ты сам так не думаешь?

Она выпрямилась и поглядела на них обоих. Внезапно весь ее облик засиял такой теплотой, притягивая к себе знакомой жгучей прелестью, что Дейрдре больше не казалась роботом, а от ее непроницаемости не осталось и следа. Гаррис вспомнил, как при первой встрече ее голос помог ему ясно увидеть прежнюю Дейрдре — милую и прекрасную. По давней привычке она слегка пританцовывала, склонив голову набок, и тихонько посмеивалась над ними обоими — нежным, мелодичным, родным смехом.

— Видите, я все та же,— произнесла она, и звук ее голоса не оставил у них никаких сомнений: она их обоих заворожила.

Дейрдре отвернулась и снова стала расхаживать по комнате. Влияние личности, пробудившейся внутри нее, пронизывало их приятными теплыми волнами, словно ее тело было горнилом, жар которого и у других заставляет кровь быстрее бежать по жилам.

— Не все мне дается просто,— продолжала она,— но моим зрителям не обязательно об этом знать. Я им и не позволю. Думаю, вы все же верите, что я могу в этом облике играть Джульетту — с обычной труппой, и людям понравится мое исполнение. Как ты считаешь, Джон? Мальцер, а ты что скажешь?

Она замедлила шаги и обернулась к ним — оба мужчины смотрели на нее, не говоря ни слова. Для Гарриса она была прежней — золотистой, узнаваемой в каждом грациозном изгибе, и сияние все так же пробивалось сквозь металл, напоминая о ее некогда лучившемся человеческом облике. Он уже не спрашивал себя, не обманывается ли, можно позже обдумать, не притворяется ли она, не использует ли некогда утраченное тело, словно одежду, облекаясь в него лишь при необходимости. Ее неотразимое очарование не оставляло времени на сомнения, и Гаррис просто любовался, веря, что перед ним настоящая Дейрдре. Конечно, она может сыграть Джульетту, раз она сама так сказала. Она может подчинить себе любой зал так же легко, как подчинила и его самого. В самом деле, в это мгновение он ощущал в Дейрдре гораздо больше человеческого, чем когда-либо. Эта мысль пришла к Гаррису в какую-то долю секунды, прежде чем он осознал ее причину.

Дейрдре смотрела на Мальцера. Смотрел во все глаза и Гаррис, не в силах избавиться от наваждения. Она перевела взгляд с одного на другого, затем склонила голову набок и разразилась долгим громким смехом, со-

трясшим все ее тело. Гаррису даже показалось, что он видит, как с приступами хохота по ее горлу прокатываются мягкие волны. Дейрдре искренне веселилась, насмехаясь над ними обоими.

Вдруг она подняла руку и бросила сигарету в незажженный камин. Гаррис поперхнулся, и на мгновение на него нашло помрачение. Неужели он все это время глядел на курящего робота и даже не подумал удивиться? Что за нелепость! Тем не менее так и было. Этот последний штрих, видимо, и довершил все дело: загипнотизированный рассудок Гарриса не мог сопротивляться обаянию ее человечности. Дейрдре проделала все так искусно, так незаметно, излучая непреодолимую естественность, что его рассеянное внимание нисколько не усомнилось в ее действиях.

Он взглянул на Мальцера: тот по-прежнему свешивался с подоконника, но сквозь стекло тоже взирал на нее — ошеломленно и недоверчиво. Гаррис понял, что профессор попал во власть такого же заблуждения. Дейрдре все еще сотрясалась от смеха.

— Ну,— спросила она прерывающимся от смеха голосом,— робот я или нет?

Гаррис открыл было рот, но не смог вымолвить ни слова. Интерлюдия разыгрывалась между Дейрдре и Мальцером; у него же не было в ней роли, поэтому вмешиваться не стоило. Гаррис выжидательно посмотрел на Мальцера, который, по-видимому, уже оправился от наваждения.

— Ты... просто актриса,— вымолвил он.— Но... это ничего не меняет. По-моему...

Он замолчал. В его голосе появилась недавняя сварливая нотка; скорее всего, профессора начали осаждать прежние сомнения и тревоги. Затем Мальцер снова оцепенел, и Гаррис увидел, что тот не оставил принятого решения, и понял почему: он уже слишком далеко ушел по однажды избранному, стылому, безлюдному пути, что-

бы возвращаться назад. Это решение стоило ему жестоких душевных переживаний, и он не хотел вновь с ними сталкиваться. Мальцер уже определил для себя удел, где ожидал обрести покой и безопасность. Он так устал, так вымотался за долгие месяцы внутреннего разлада, что был не в состоянии испытать все заново. Гаррис видел, что профессор ищет новый повод, чтобы уйти, и тот его вскоре отыскал.

— Ловко,— произнес он загробным голосом.— Наверное, ты сможешь обмануть и гораздо больше зрителей. У тебя заготовлено немало таких штучек, хотя, может быть, я не прав. Но, Дейрдре,— вдруг заторопился он,— ты все-таки не ответила на один крайне важный для меня вопрос. И не ответишь — но ты ведь тревожишься, не отрицай. Ты осознала собственную неполноценность, хотя и научилась неплохо ее скрывать — даже от нас. Но меня не обманешь. Ты не согласна, Дейрдре?

Она больше не смеялась. Руки ее опустились, а гибкий золотистый стан слегка ссутулился, будто бы могущество мозга, только что излучавшего волны непоколебимой уверенности, ослабло и вместе с ним обессилели неосязаемые мускулы, скрепляющие ее конечности. Сияние человечности в ней поблекло. Оно бледнело, пока совсем не угасло, словно остывающие угли в печи.

— Мальцер,— неуверенно откликнулась Дейрдре,— я пока не могу ответить. Не сейчас...

Они с нетерпением ожидали, пока она закончит мысль, а она вдруг вспыхнула. Дейрдре вышла из ступора — и запылала. Она двигалась столь молниеносно, что глазам было не уследить за ней, а мозгу — не успеть за зрением.

Мальцер был уверен, что размеры комнаты не позволят присутствующим удержать его силой, потому что обычный человек не сумел бы его удержать, если бы профессор вдруг решил сорваться вниз. Но Дейрдре не была обычной, как не была и человеком. Ее поникшая

фигура по-прежнему стояла у зеркала и одновременно находилась у окна. Ее перемещения отрицали течение времени и взрывали пространство. Так же как кончик зажженной сигареты эмоционального курильщика описывает у вас перед глазами замкнутые круги, Дейрдре превратилась в одну непрерывную золотистую молнию, мечущуюся по комнате.

Как ни странно, ее очертания не теряли четкости. Гаррис чувствовал, что его рассудок не справляется с увиденным — впрочем, скорее от изумления, чем от быстроты, недоступной обычным зрительным рецепторам. В тот самый миг крайней неопределенности его хитроумно устроенный человеческий мозг дал неожиданный сбой и, взяв передышку, самоустранился внутрь себя, чтобы в краткую долю секунды проанализировать наблюдения. Мыслительная деятельность протекала вне времени, и слова за ней не успевали.

Гаррис понял, что стал свидетелем четырехмерного движения, осуществляемого человеческим существом. Одномерная точка, двигаясь в пространстве, создает двухмерную линию, а та в свою очередь в движении даст трехмерный куб. Теоретически движущийся в пространстве куб должен превратиться в четырехмерную фигуру. Никому еще не удавалось наблюдать, как трехмерный объект преодолевает время и пространство — до того самого момента. Облик Дейрдре не расплылся, каждое ее движение ясно прослеживалось, вовсе не напоминая при этом кадры на кинопленке. По крайней мере, человеческий язык пока не подыскал подходящих слов для данного явления. Мозг воспринимал его, не осознавая: не только слова, но даже соответствующие мысли не успевали описывать происходящее.

Наверное, Дейрдре не в буквальном смысле использовала четвертое измерение; возможно — поскольку Гаррис был способен воспринимать ее — все объяснялось гораздо проще, и тем не менее в это верилось с трудом.

Пока зрение с запозданием фиксировало ее местонахождение у противоположной стены, Дейрдре уже стояла рядом с Мальцером, крепко удерживая его за руки длинными гибкими пальцами. Она выжидала...

В комнате разлилось мерцание; волна сильнейшего жара обожгла Гаррису лицо. Затем все снова успокоилось, и Дейрдре тихо и печально произнесла:

— Извини, мне пришлось... Прости, я не хотела раскрывать тебе...

Гаррис пришел в себя и увидел, что Мальцер тоже опомнился, судорожно и безуспешно пытаясь высвободиться из захвата цепких пальцев в нелепой попытке вернуть упущенный момент. Дейрдре оказалась проворней его мысли. Мальцер отчаянно рванулся еще раз — с силой, достаточной, чтобы вырваться из хватки обычного человека и устремиться вниз, в раскинувшуюся под ним бездну нью-йоркских улиц. Разум с готовностью опередил события и уже видел, как профессора крутит в воздухе, как его фигурка с устрашающей быстротой удаляется, пока не превращается в темную точку, мелькающую в солнечных лучах и поглощенную наконец околоземной тенью. Гаррису даже почудилось, что он слышит пронзительный крик, удаляющийся вместе с падающим телом, но еще долго висящий в потревоженном воздухе. Человеческое воображение исходит из человеческого опыта.

Дейрдре же бережно и спокойно сняла Мальцера с подоконника и без всяких усилий отнесла в глубину комнаты, подальше от окна. Она поставила его у дивана и медленно разжала золотистые пальцы, вцепившиеся ему в руки. Профессор понемногу пришел в себя и молча опустился на диван.

Повисло долгое молчание: Гаррис лишился дара речи, Дейрдре же терпеливо ждала. Мальцер заговорил первым, но его рассудок, по-видимому, был пока неспособен покинуть привычную колею.

— Ладно,— едва дыша, произнес профессор,— на этот раз ты меня опередила. Но я все равно не верю! Я не верю тебе! Ты зря скрываешь от меня свои чувства, Дейрдре. Я знаю, что тебе нехорошо. Но в следующий раз я не стану пускаться с тобой в разговоры!

Дейрдре вздохнула. У нее не было легких, чтобы вытолкнуть наружу воздух, но в это не верилось. Непостижимо было, что после такого неимоверного напряжения она совсем не запыхалась; разум знал причину, но не принимал ее. Дейрдре вновь казалась человеком.

— Ты по-прежнему не понимаешь, Мальцер,— обратилась она к нему.— Но постарайся!

Дейрдре грациозно присела на пуфик у дивана, обхватив руками колени. Откинув голову назад, она взглянула в лицо Мальцеру, но увидела в нем только тупое безразличие: на профессора обрушился такой шквал эмоций, что думать он был не в состоянии.

— Хорошо,— согласилась Дейрдре,— я не стану спорить. Ты не ошибся — да, я несчастна. Я прекрасно знаю, что ты сказал правду,— но ты не угадал причину. Я далека от остального человечества, и пропасть все растет. Преодолеть ее будет очень трудно. Ты слушаешь меня, Мальцер?

Гаррис понял, что только громадным усилием воли профессор заставил себя вернуться к действительности. Он еле-еле сосредоточился, застыв на диване в усталой позе.

— Значит... ты все же не отрицаешь? — растерянно спросил он.

Дейрдре сухо покачала головой.

— Ты все еще нежничаешь со мной? — поинтересовалась она.— После того как я на руках пронесла тебя через всю комнату? Известно ли тебе, что для меня такой вес — ничто? Я могла бы...— она огляделась и закончила, нетерпеливо и яростно взмахнув руками,— разнести все это здание по камешку.

Затем более спокойно Дейрдре продолжила:

— Я могла бы проложить себе путь сквозь стены. Я чувствую в себе такую силу, что пока для нее не нашлось бы достойных преград.— Она подняла золотистые руки, изучающе рассмотрела их и задумчиво произнесла: — Металл, возможно, и не выдержит... Но ведь я все равно ничего не ощущаю.

— Дейрдре!..— взмолился Мальцер.

Она взглянула на него, и в ее голосе явно послышалась усмешка:

— О, не бойся. Мне совсем не обязательно калечить свои руки. Смотри — и слушай!

Она запрокинула голову, и из глубин ее предполагаемого горла вырвался глухой гул. Его интенсивность быстро нарастала — от него уже звенело в ушах, сотрясалась мебель. Неуловимо начали дрожать стены. Комнату наполнил невыносимый шум, пронизывающий каждый атом и готовый разорвать все материальное на своем пути.

Наконец шум прекратился, гул утих. Дейрдре рассмеялась и произвела новый, совершенно иной звук. Он протянулся через всю комнату, словно рука, и достиг окна. Распахнутая створка вздрогнула. Тогда Дейрдре издала более громкий звук, и рама, медленно и плавно подрагивая, стала закрываться, пока со звоном не захлопнулась.

— Ну, что? — спросила Дейрдре.— Видел?

Мальцер по-прежнему молча наблюдал — как и Гаррис, который уже понемногу осознал, что она хочет продемонстрировать. Но оба пока не торопились с выводами.

Дейрдре нетерпеливо встала и начала расхаживать по комнате, ее кольчужное платье тихонько звенело и отбрасывало блики света. Вкрадчивостью движений она напоминала пантеру. Гаррис и Мальцер теперь знали, какая мощь скрывается за этой гибкостью; они больше

не считали ее беспомощной, но дальше заходить в размышлениях не решались.

— Ты ошибся насчет меня, Мальцер,— нарочито спокойно произнесла Дейрдре,— но и был по-своему прав. Ты даже не подозреваешь, в чем именно. Я не боюсь людей. Им нечем меня напугать. Знаешь...— в ее тоне промелькнуло презрение,— я ведь по-прежнему законодательница мод. Через неделю ты не встретишь женщины без точно такой же маски, а платья других покроев, чем у меня, будут считаться устаревшими. Я вовсе не боюсь людей! И я буду общаться с ними, пока мне это не наскучит. Я уже знаю достаточно — пожалуй, даже больше чем достаточно.

Она умолкла, а Гарриса посетила устрашающая догадка, что на ферме, в одиночестве, Дейрдре опробовала свои силы — возможности зрения, голоса... А что, если ее слух тоже намного острее обычного?

— Ты переживал, что я утратила осязание, обоняние и вкус,— продолжала она, расхаживая, словно настороженная тигрица.— Ты считаешь, что зрения и слуха недостаточно... Но почему ты решил, что зрение — последний из органов чувств? По времени появления — возможно, но... Мальцер, Гаррис, почему вы думаете, что он — последний?

Может быть, она вовсе не шептала. Возможно, ее голос доносился до них словно издалека потому, что рассудок обоих гнал от себя столь ошеломляющую информацию.

— Нет,— заявила Дейрдре,— я не утратила связи с человечеством. Этого и не случится, если я сама не захочу. Это ведь нетрудно... совсем нетрудно.

Расхаживая по комнате, она глядела не на собеседников, а под ноги, на свои блестящие ступни. Голос ее теперь звучал мягко и печально.

— Я не собиралась тебе признаваться... Если бы не этот случай, ты никогда бы не узнал. Но я не могла допустить,

чтобы ты, умирая, считал себя неудачником. Ты создал совершенный механизм, Мальцер. Даже более совершенный, чем можешь себе вообразить.

— Но...— выдохнул профессор, по-прежнему не сводя с нее зачарованного и недоверчивого взгляда,— Дейрдре, скажи, если нам все удалось — тогда что не так? Я ведь и сейчас чувствую — как и все это время... Ты очень несчастна — и раньше, и теперь. Почему же, Дейрдре?

Она вскинула голову и обратила к нему проницательный взгляд на безглазом лице.

— Ты настаиваешь на этом? — мягко спросила она.

— Ты считаешь, что я могу ошибаться,— я, знающий тебя лучше всех? Да, я не Франкенштейн... И ты говоришь, что мое творение безупречно. Почему тогда?..

— Ты мог бы воспроизвести мое тело? — спросила она.

Мальцер взглянул на свои трясущиеся руки:

— Не знаю. Сомневаюсь. Я...

— А кто-нибудь смог бы?

Профессор молчал. Дейрдре ответила за него:

— Думаю, что нет. Думаю, я — исключение, мутация, нечто среднее между телом и механизмом. Случайность, аномалия, побочный эволюционный виток, ведущий в бесконечность. Чей-нибудь другой мозг в подобном теле умер бы или свихнулся, как ты и опасался насчет меня. Синапс* ведь очень хрупок. Но ты — к счастью, не правда ли? — всегда был рядом. Учитывая обстоятельства, мне не кажется, что можно создать вторую такую... диковину.— Она помолчала.— Твой поступок — то же самое, что воспламенение феникса. Эта птица выходила из пепла невредимой и обновленной. Помнишь ли ты, зачем ей было возрождаться таким способом?

Мальцер покачал головой.

---

* Синапс — область связи нервных клеток друг с другом и с клетками исполнительных органов.

— Так я скажу тебе,— продолжила Дейрдре.— Потому что феникс был единственным. Другой такой птицы не было во всем мире.

Они молча переглянулись. Дейрдре пожала плечами:

— И из огня она всегда вставала безупречной. Я не беспомощна, Мальцер, и не мучай себя больше такими мыслями. Я неуязвима и сильна. Разве я недочеловек? Смею надеяться,— она сухо усмехнулась,— что я — сверхчеловек.

— И все же ты несчастна.

— Скорее, напугана. Дело не в счастье или несчастье, Мальцер. Я боюсь. Мне не хотелось бы слишком отходить от остального человечества. Хорошо бы, если бы не пришлось. Именно поэтому я и стремлюсь на сцену — чтоб не отрываться от людей, пока это еще возможно. Но мне бы хотелось иногда видеть себе подобных. Я... я одинока, Мальцер.

Снова повисло молчание. Затем заговорил профессор — голосом столь далеким, будто он по-прежнему обращался к ним из-за стекла, через бездну глубже, чем само забвение:

— Значит, я все-таки Франкенштейн.

— Может быть,— кротко откликнулась Дейрдре.— Не знаю. Может быть.

Она повернулась и плавной уверенной поступью направилась к окну. Теперь Гаррис почти физически ощущал, какая невероятная сила гудит в ее металлическом теле. Она прислонилась к стеклу золотистым лбом — стекло тонко прозвенело — и поглядела в пропасть, куда недавно готов был сорваться Мальцер. Вглядываясь в захватывающую дух бездну, сулившую забвение ее создателю, Дейрдре задумалась.

— Мне на ум приходит только одна преграда,— произнесла она едва слышно.— Только одна. Мой мозг износится примерно лет через сорок. А до тех пор можно будет узнать... Я изменюсь — найду то, что пока для меня

недостижимо. И изменюсь... Вот что меня пугает. Не хочется даже думать об этом.

Она взялась золотистыми изящными пальцами за оконную ручку и без усилий толкнула створку, слегка приоткрыв ее. Стекло запело от порыва ветра.

— Я могла бы при желании покончить с этим прямо сейчас,— продолжила Дейрдре.— Прямо сейчас. Но нельзя — столько всего еще впереди. У меня человеческий мозг, а человек никогда не откажется от таких возможностей. Поэтому мне интересно... Да, интересно...

Этот милый голосок был хорошо знаком Гаррису; Дейрдре когда-то пела и говорила столь нежно, что заворожила весь мир. Но теперь вместе с заботами в ее тон проникла некая монотонность. Стоило Дейрдре отвлечься и не прислушиваться к себе, как в ее словах проскальзывал оттенок инородности — металлическое эхо, которое слышится, когда человек разговаривает в обитом железом помещении.

— Мне интересно...— повторила она, и стальной отзвук в ее голосе стал еще ощутимее.

ПРЕВЗОЙТИ БОГОВ

Над столом из отполированной до блеска стали висело зеркало, вернее, окно, открывающееся в визуальное и звуковое подпространство всякий раз, как включался зуммер теледатчика. Два хрустальных кубика на столе были трехмерными фотографиями — из тех новинок, чье появление стало возможным только к началу двадцать третьего века. Между ними лежало письмо с обращением более древним, чем само зарождение письменности. «Милая...» — вывел на нем мужской почерк с сильным наклоном.

Тут Билл Кори отложил ручку и от безысходности стал ерошить волосы, переводя взгляд с одной фотографии на другую и тихо поругиваясь. Хорошенькое дело, в ярости рассуждал он сам с собой, если мужчина никак не может решить, на какой же из девушек ему жениться. Коллеги по биологическому колледжу, верящие в непогрешимую прозорливость доктора Уильяма Кори и в ясность его оценок, содрогнулись бы, увидев его в эти минуты.

Вот уже сотый раз за день он смотрел то на один снимок, то на другой. Женские лица улыбались внутри хрустальных кубов, и Билл терзался, покусывая губы.

© Перевод Т. Алеховой.

Слева от него в прозрачной призме навечно задержалась улыбка темноволосой Марты Мэйхью; из трехмерного пространства глядели на Билла ее васильковые глаза. Доктор Марта Мэйхью из химического колледжа, вся будто из слоновой кости и черного шелка. Ни за что не подумаешь, что она и есть ведущий химик Города Ученых, где работают крупнейшие специалисты со всего мира.

Билл Кори наморщил лоб и посмотрел на другую девушку. С фотографии на него глядела Салли Карлайл, неподдельно живая во всем, вплоть до светлых завитков, разметанных застывшим в хрустале ветерком. Билл повернул кубик так, чтобы лучше разглядеть ее нежный профиль. Время будто застыло внутри прозрачной тверди, и хорошенькая трепетная Салли, слегка отвернувшись, вечно позировала фотографу.

Наконец Билл вздохнул и снова взял ручку. После слова «милая» он уверенно вывел «Салли».

— Доктор Кори...

Кто-то нерешительно мялся у дверей. Билл нахмурился — это оказалась мисс Браун, хлопавшая глазами за стеклами очков.

— Доктор Эшли...

— Не докладывай обо мне, Брауни,— лениво произнес посетитель.— Он бездельничает, а я застукаю его с поличным. Что, Билл, любовные записки разбираешь? Войти можно?

— Тебя разве остановишь?

Угрюмость Билла как ветром сдуло. Высокий и растрепанный молодой мужчина, стоявший на пороге, был Чарльзом Эшли, директором телепатического колледжа. Их давняя дружба вполне допускала безобидные подтрунивания, но тем не менее Билл испытывал глубокое уважение к незаурядному таланту Эшли. До него ни один глава телепатического колледжа не мог охватить столь бесчисленные, неподвластные заурядному уму, области знания.

— У меня столбняк от работы,— заявил, позевывая, Эшли.— Пошли в парк, искупаемся?

— Не могу,— отложил ручку Билл.— Молодняк ждет...

— К черту молодняк! Ты думаешь, все научное сообщество трепещет в ожидании, пока твои молокососы первый раз тявкнут? Мисс Браун за ними присмотрит. Она получше тебя разбирается в генетике. Вот подожди, скоро в Совете разберутся, что к чему, и отправят тебя на черные работы.

— Заткнись,— ухмыльнулся Билл.— Как там щенки, мисс Браун?

— Превосходно, доктор. Я покормила их в три часа, как положено, и теперь они спят.

— Они всем довольны? — заботливо поинтересовался Эшли.

— Смейся, смейся,— вздохнул Билл.— Эти щенки под моим руководством будут носиться по коридорам времени, попомни мои слова.

Эшли кивнул с почти серьезным видом — да, вполне возможно. Щенки были живым доказательством успехов Билла в области внутриутробной половой идентификации — шесть выводков резвых кобельков, без единой сучки. Они являли собой результат долгой кропотливой работы — бесконечных экспериментов по лазерной бомбардировке хромосом с целью выделить и описать гены, отвечающие за половую принадлежность, бесчисленных неудач и громадного терпения. Если щенки вырастут во взрослых собак, это событие значительно приблизит день, когда, благодаря заслугам Билла, можно будет изменять соотношение числа мужчин и женщин в зависимости от потребностей человечества.

Мисс Браун исчезла с робкой ускользающей улыбкой. Дождавшись, пока за ней закроется дверь, Эшли, все это время с изумленной гримасой разглядывавший фотографии на столе, вольготно устроился на диванчике у стены. До Билла донеслось его бормотание:

— На златом крыльце сидели... Ну, что будешь делать, Уильям?

Их отношения были столь доверительными, что притворяться не имело смысла.

— Не знаю,— подавленно признался он, в нерешительности глядя на листок со словами «Милая Салли».

Эшли снова зевнул и полез в карман за сигаретами.

— Знаешь,— безмятежно начал он,— было бы интересно прикинуть варианты твоей будущности. То есть с Мартой и с Салли. Может быть, однажды кто-нибудь найдет верный способ предвидеть появление развилок будущего и осмысленно выбирать поворотные пункты, которые приведут к нужной цели. Если бы ты сейчас мог знать, как сложится жизнь с Салли или с Мартой, ты мог бы повлиять на весь ход человеческой истории. Если, конечно, ты и вправду такая шишка, какой себя воображаешь.

— Хм,— ухмыльнулся Билл.— Предсказание — то, что уже сказано наперед и обусловлено. Получается, что выбора как такового и нет.

Эшли неторопливо чиркнул спичкой, прикурил и только потом пояснил:

— Будущее представляется мне в виде бездонной емкости, наполненной бесчисленными вариантами — каждый из них завершен, но податлив, словно глина. Понимаешь? В любой момент жизни мы оказываемся на перекрестке и вынуждены выбирать из множества возможностей, чем нам заняться в следующее мгновение. На каждом из этих перекрестков есть дорога в какое-нибудь другое будущее, тоже реальное и вполне определенное — ожидающее, пока мы им займемся. Возможно, существует нечто вроде... скажем, плоскости вероятностей, где все эти результаты наших потенциальных решений существуют одновременно — как своеобразные проекты будущих действий. Когда реальное, физическое время подхватывает один из них и наполняет его содержанием, то возможный план получает отражение в дей-

ствительности. Но, пока еще нет сцепки со временем, пока мы еще на перекрестке и не сделали окончательный выбор, перед нами — бессчетное количество вариантов будущего; они все возможны, все ожидают нашего решения в немыслимой, неизмеримой бесконечности. Представь, если можно было бы просто распахнуть окно и увидеть эту плоскость вероятностей, рассмотреть события в будущем, проследить их последствия, прежде чем на что-то решиться! Мы смогли бы лепить судьбы человечества! Нам стал бы по плечу удел богов, Билл! Мы бы даже сумели их превзойти! Мы проникли бы внутрь космического разума — того, что замыслил нас,— и по своей воле вмешались бы в его планы!

— Очнись, Эш,— мягко перебил его Билл.

— Ты думаешь, это бред? На самом деле идея не нова. Старик Беркли, философ, касался этого, когда развивал свои теории субъективного идеализма — будто бы мы познаем Вселенную лишь благодаря разлитому вокруг нас сознательному началу, бесконечному разуму. Слушай, Билл, если ты представишь себе эти... наброски будущего, ты увидишь целую череду поколений, уже состоявшихся и существующих параллельно друг другу — во всей полноте внешних обстоятельств их жизней — и тем не менее еще не рожденных на свет. Возможно, они и вовсе никогда не появятся, стоит только настоящему избрать другую ветку развилки. Они же убеждены в своей реальности ничуть не меньше, чем мы — в своей. Где-то на плоскости вероятностей протянулись две расходящиеся линии твоих потомков, уже готовых родиться поколений; само их существование зависит от твоего выбора. Они — твоя проекция; их жизни и смерти сейчас висят на волоске. Советую хорошенько подумать!

Билл кисло улыбнулся и предложил:

— А не вернуться ли тебе в Трущобы, чтоб разнюхать, как мне заглянуть во вселенский замысел?

Эшли покачал головой:

— Эх, если бы! Тогда бы все позабыли это слово — Трущобы... Найди мы ключ к плоскости вероятностей, наш телепатический колледж перестали бы считать бедным сироткой. Видишь ли, мне сейчас не до тебя с твоими пустяковыми проблемами! Я забочусь о будущем Города. Сегодня это мировой центр. Завтра этот центр будет править миром. А мы ведь пристрастны — это при том, что здесь под одной крышей собраны лучшие умы, трудящиеся на ниве всех известных наук. В наших руках власть, не снившаяся ни одному из королей...— в один прекрасный день все это может обрушиться нам же на голову. Мы можем не удержать шаткое равновесие, скатиться в пропасть и... и... В общем, мне бы хотелось знать будущее, чтобы это предотвратить. Стоит только подумать, что кто-нибудь встанет на путь измены...

Он пожал плечами и встал:

— Точно не хочешь искупаться?

— Иди-иди, а мне некогда бездельничать.

— Оно и видно,— покосился Эшли на кубики с фотографиями.— А может, и хорошо, что тебе не дано угадывать наперед. Кто знает, вынес бы ты такую ответственность? Мы все-таки не боги, и посягать на их права небезопасно. Ну, до скорого!

Билл прислонился к косяку и проводил взглядом приятеля, направившегося к стоянке, где застыли хрустальные машины, готовые ринуться вдоль трубчатых магистралей, пронизывающих Город Ученых. Вдалеке, за стоянкой, виднелась центральная площадь города, расположенная на сотни и сотни этажей ниже.

Билл невидяще смотрел в пространство, гадая, Салли или Марту он увидит на этой высотной стоянке годы спустя. Отношения с Мартой больше напоминают сотрудничество. Но зачем в семье два ученых? Мужчина дома хочет расслабиться, а кто, как не хохотушка Салли, сможет его развлечь? Да, выберем Салли. Если плоскость вероятностей действительно существует и по ней про-

тянулись многочисленные дорожки — пунктиры реальности и забвения,— то пусть все другие исчезнут.

Он хлопнул дверью, чтобы очнуться от размышлений, и улыбнулся заточенному в хрусталь снимку одной из девушек. Она совсем как живая, и словно настоящий ветер теребит ее локоны. Ресницы трепещут под припухшими веками...

Билл зажмурил глаза и помотал головой. Что-то с ним не то... Хрустальный брусок помутнел; шум в ушах нарастал, а в глазах потемнело. Из бесконечной дали до него необъяснимым образом донесся тихий плач, и детский голосок позвал: «Папа... Папа!» Ближе прозвучал девичий голос: «Отец...», а потом какая-то женщина стала повторять с нежной настойчивостью: «Доктор Кори... Доктор Уильям Кори...»

Темноту закрытых век нарушали смутные вспышки, пересекали полосы света. Ему почудились залитые солнцем башни, леса, прогуливающиеся люди в длинных одеждах — и все это стремительно унеслось, стоило Биллу открыть глаза. Из хрустального куба ему по-прежнему улыбалась Салли — вернее, кто-то, похожий на Салли.

Рассудок Билла пребывал в ступоре — как и у всякого, кто сталкивается с необъяснимым. На снимке теперь была не Салли, а некто с таким же выражением прелестного улыбчивого лица. Та же миловидность и доброта — и что-то еще. Что-то очень знакомое. Это оживленное кареглазое личико с решительной складкой у рта напомнило Биллу — неужели его самого?..

Руки у него задрожали — он даже сунул их в карманы и сел, ни на секунду не отрывая взгляда от фотографии. Лицо на снимке выражало удивление, недоверие, сменившееся затем радостью. Нежные губы, сочетающие мягкость Салли и решительность Билла, дрогнули и что-то произнесли. Голос прозвучал будто из хрусталя или где-то у Билла в голове: «Доктор Кори... Доктор Кори, вы меня слышите?»

— Я вас слышу,— отстраненно и хрипло ответил он, словно во сне.— Но...

Гибрид лица Билла и Салли благодарно вспыхнул радостью, и на нежных щечках заиграли задорные ямочки.

— Слава богу, это и вправду вы! Мне все-таки удалось дотянуться до вас. Я уже так давно и безуспешно пытаюсь...

— Но кто... что?..

От изумления Билл поперхнулся и смолк, дивясь необъяснимому приливу нежности, вдруг охватившему его при виде этого знакомого, ни разу не виденного лица. Раньше ему и в голову не приходило, что мужчине свойственны такие всеобъемлющие, покровительственные и бескорыстные переживания. Окончательно сбитый с толку, забыв поинтересоваться, не сон ли это, Билл снова принялся спрашивать:

— Кто вы? Что вы здесь делаете? Как вы...

— Но я не здесь — не в этой реальности.

Личико снова улыбнулось, и чувства так переполнили Билла, что горло у него перехватило от странной нежности и гордости.

— Я здесь — дома, в Эдеме. Нас разделяет целое тысячелетие! Смотрите...

До этого момента он ничего не видел внутри куба, кроме ее лица. Теперь Салли улыбалась ему уже из прозрачного тумана, хотя хрусталь оставался чистым как слеза. В нем открылся вид на зеленую долину — как ни странно, в натуральную величину; несмотря на то что размеры призмы ограничивали перспективу, у Билла не возникло впечатления, будто он смотрит на макет. Кубик служил лишь окном, выходящим на лесную прогалинку. У подножия белокаменных стен, обступивших сад, на склоне, поросшем зеленым миртом, расположились кружком загорелые мужчины и женщины. Они лежали на темном ковре глянцевитой листвы без движения, плотно закрыв глаза. Очевидно, что они собрались

не для отдыха: всю группу пронизывало напряжение — не телесное, а, скорее, духовное; оно сосредоточилось на женщине в самом центре круга.

Светловолосая незнакомка сидела на траве, подперев рукой подбородок и устремив пристальный взгляд в пространство — прямо в глаза Биллу. Он сообразил, что его угол зрения значительно расширился: теперь он различал вдали, за стенами сада, некий пейзаж. Выходило, что куб, вмещавший беспечный облик Салли, действительно стал окном в какое-то немыслимо далекое пространство и время.

Билл понял, что спит. Он уверил себя в этом, хотя слова Эшли вертелись где-то на границе осознаваемого, осаждали его, но ускользали от хватки рассудка. Однако плотно сжатые в карманах кулаки упрямо говорили Биллу, что все происходит на самом деле.

— Но кто же вы и что вам надо? Как вы смогли...

Из всех вопросов она выбрала последний, незаконченный, и ответила, будто угадав его мысли:

— Я обращаюсь к вам через неразрывную нить, протянувшуюся меж нами... отец. Столько эпох минуло, но все-таки — отец. Эта нить проходит сквозь поколения, разделяющие нас, но и связующие воедино. Благодаря усилиям всех этих людей вокруг, поддерживающих меня при помощи концентрации ментальной энергии, я наконец-то смогла установить с вами контакт — после стольких неудач, поисков вслепую среди неизвестности, которая и мне едва поддается, хотя в моей семье издавна постигали тайны наследственности и телепатии.

— Но зачем?..

— Разве этот успех не говорит сам за себя? Установление двустороннего контакта с прошлым, беседа с предком — чего еще желать? Для меня это огромная радость! Вам непонятно, почему выбрали именно вас, так ведь? Потому что вы — последний прямой предок по отцовской линии, родившийся до благословенного происшествия, спасшего весь мир. Я загадала вам загадку!

Из куба донесся заливистый смех — или это смеялись в голове у Билла?

— Нет, вы не спите! Вам трудно поверить, что можно передвигаться по цепи воспоминаний против течения времени, от моего разума к вашему?

— Но кто вы? Ваше лицо... напоминает мне...

— Я похожа на дочь, которую родила вам Салли Кори целое тысячелетие назад. Это сходство — загадка, чудо, выходящее за рамки объяснимого. Тайны наследственности куда удивительнее, чем даже факт нашего общения. Мы все здесь сразу подумали о бессмертии... впрочем, довольно, я вас уже замучила!

Удивительно родное лицо, несшее на себе таинственный отпечаток многих поколений, снова оживилось мимолетным смехом, и, услышав ее, заметив, как похож излом ее бровей на его собственный, а изгиб нежных губ в точности повторяет улыбку Салли, Билл более не боролся с сердечным расположением, покорявшим его все глубже и сильнее. Он глядел сам на себя из хрустального куба карими глазами Салли, сияя от радости долгожданного успеха. Она назвала его отцом. Значит, вот какова отцовская любовь — бескорыстная, неизмеримая привязанность к своей симпатичной, дорогой дочурке!

— Не мучайте себя загадками,— снова раздался смех где-то рядом.— Вот прошлое — оно пролегло между нами. Я хочу, чтобы вы увидели, что разделяет два наших мира.

Миртовая поляна и милое улыбчивое личико, похожее разом на Билла и на Салли, растворились в тумане, возникшем внутри куба. Все пропало на мгновение; затем в дымке что-то заволновалось, будто раздвинулась некая завеса. Билл оказался внутри трехмерного изображения...

Он увидел свадебную процессию, направлявшуюся от церкви ему навстречу. Салли-невеста таинственно улыбалась сквозь серебристую фату. Посмотрев на нее, Билл

понял, что, несмотря на случайность сделанного выбора, он будет любить Салли Карлайл Кори до самозабвения.

Время пронеслось со скоростью мысли; события, не смешиваясь, вытекали одно из другого, сменяясь подобно череде воспоминаний — отчетливых, но мгновенных. Билл рассмотрел свое будущее, где вся жизнь вращалась вокруг Салли, словно она была центром мироздания. Вот она то влетает в его лабораторию, то выпархивает из нее; стоит ей появиться, все озаряется светом, а когда она уходит, Билл начинает так тосковать, что не может толком работать.

Он увидел, как впервые повздорил с ней. Салли, кружась в блестящем платье из цветного стеклянного шелка, улыбалась ему — Биллу Кори, в этом живом видении более реальному, чем он сам, наблюдавший со стороны.

— Гляди, милый, правда, божественно?

Он услышал и свой ответ:

— Сойдет, дорогая. Кстати, сколько оно стоит?

Салли прощебетала:

— Всего полторы тысячи кредитов. Для Скиапарелли это, считай, за бесценок.

Билл разинул рот:

— Салли, мы столько не тратим за целый месяц! Я не понимаю...

— Ладно, попрошу у папы, раз ты такой скупердяй. Просто мне хотелось...

— Я сам покупаю одежду своей жене,— Билл был неумолим,— но парижские модели мне не по карману.

Нижняя губка Салли угрожающе задрожала. Она подняла на него милые карие глаза, полные слез, и его сердце тут же растаяло в мучительном порыве.

— Не плачь, любимая! Ладно, так и быть, оставь это платье. Однако в следующем месяце нам придется экономить. Но больше — ни-ни, договорились?

Она беспечно кивнула, от радости тут же обо всем позабыв.

Но экономить не получилось. Салли любила вечеринки, а Билл любил Салли, и отныне в биологическом колледже, за дверью с табличкой «Доктор Уильям Винсент Кори», больше веселились, чем работали. Телеканалы были настроены на трансляцию не лекций и демонстраций биологических опытов, как прежде, а концертов с энергичной музыкой.

Никому не дано хорошо выполнять два дела одновременно. В работе над половой идентификацией — где, казалось, уже был расчищен путь к успеху,— наметились непредвиденные затруднения, а у Билла постоянно не хватало времени, чтобы вплотную ими заняться. Его мыслями всецело завладела Салли — нежная, улыбчивая, желанная.

Рожать она захотела в доме родителей, живописном белокаменном строении, стоящем среди зеленых холмов на побережье Тихого океана. Салли там нравилось. Даже когда малышка Сью окрепла для переезда, жена этому воспротивилась. К тому же, там такой чудесный климат для новорожденной...

К этому времени в Совете стали неодобрительно посматривать на Билла и результаты его работы. Что ж, наверное, он и вправду не создан для науки — счастье Салли превыше карьеры, а жизнь в Городе Ученых явно не для нее.

Родилась еще одна дочка. В то время девочки рождались чаще мальчиков. Телерепортеры шутили, мол, хороший знак. Если перевес на стороне мальчиков, значит, войны не миновать. А девочки символизируют мир, то есть недостатка в потомках не предвидится.

Мир и благополучие стали для Билла и Салли основным в этой жизни — да еще две их чудесных дочурки, да дом на побережье, среди зеленых холмов. Маленькая Сьюзан выросла в очаровательную девушку, и Билл при мысли о ней всякий раз переполнялся гордостью и нежностью. Она была мила и белокура, как мать, но вместе с тем решительна, как некогда отец. В мечтах он ви-

дел, что она когда-нибудь доведет до конца начатое, но заброшенное им на полпути дело.

Время летело, годы, лишенные событий, накладывались друг на друга. Вот дочки Билла уже выросли, вышли замуж, родили детей. Пошли внучки — и ни одного внука. Когда дедушка Билл вслед за женой упокоился на тихом кладбище за их домом, на зеленом склоне холма, обращенном к морю, фамилия Кори исчезла вместе с ним. Правда, у его дочери остались те же глаза и та же спокойная уверенность во взгляде — более подлинная, чем может выразить имя. Имя умрет, а человек, носивший его, будет жить в своих потомках.

Поколение сменяло поколение, и численность новорожденных девочек существенно опережала количество появлявшихся на свет мальчиков. Так происходило во всем мире, и никто не мог найти этому объяснение. Впрочем, повода для тревог не наблюдалось: женщины прекрасно проявляли себя на общественной работе и в управлении старались избегать раздоров. Первая женщина-президент победила на выборах благодаря программе отказа от войн — по крайней мере, пока в Белом доме снова не появится правитель-мужчина.

Разумеется, матриархат не на всех областях сказался положительно. Ученый, изобретатель, механик, инженер и архитектор — профессии мужские по определению. Чтобы не загубить их, туда по традиции шли представители сильного пола; для нужд нового времени их вполне хватало. Но всюду назревали перемены. К примеру, Город Ученых — он, конечно, нужен и важен, но не настолько, чтобы обескровливать всю страну. Можно прекрасно прожить и при меньшем количестве технологий...

Общество охватила децентрализация. Города росли вширь, а не вверх. Небоскребы стали анахронизмом. Среди садов и парков попадались лишь одноэтажные домики, кругом играла детвора. Война превратилась в давно забытый кошмар, в воспоминание о тех варварских временах, когда судьбы мира решали мужчины.

Старичок доктор Филипс, глава никому не нужного, утратившего былую славу Города Ученых, вызвал настоящую бурю гнева у президентши Уилистон, осмелившись критиковать современную тенденцию развития цивилизации по аграрно-антитехническому пути. Их беседу транслировали в теленовостях на полмира.

— Госпожа президент,— говорил доктор,— неужели вы не понимаете, куда мы движемся? К регрессу! Сколько можно поручать лучшим мировым умам биться над улучшением условий жизни? Какое небрежение талантами! Вчера ваша администрация на корню зарубила блестящий проект одного из самых даровитых молодых специалистов!

— Да! — Плохо скрываемая досада в голосе Алисы Уилистон была слышна половине земного шара.— Этот, с позволения сказать, блестящий проект — изобретение прибора, ведущего прямо к войне! К чему он нам? Помните ли вы, доктор Филипс, что обещала миру первая женщина-президент? Пока в Белом доме не будет заседать мужчина, никто не вспомнит о войне!

В Лондоне эти слова одобрила Елизавета Английская; их же, улыбаясь с телеэкрана, повторила в интервью амстердамским репортерам Юлиана VII. Пока правят женщины, война будет вне закона. Нашей цивилизации нужны мир, комфорт и достаток, культ всевозможных искусств, и тогда на земле после веков боли, страданий и кровопролития настанет эра подлинного гуманизма.

В мире, превращенном в сад, годы безмятежно складывались в века. Наука направила свой гений на стабилизацию климата, и больше никто на планете не страдал ни от холода, ни от ураганов. Продовольствия с избытком хватало на всех. Рай, утраченный Адамом и Евой на заре зарождения человечества, был заново обретен их отдаленными потомками, и земля сравнилась с Эдемом. В мире, где любые физические усилия стали лишними, человечество занялось духовным развитием. В своих белых

одноэтажных домиках, рассеянных среди всеобъемлющего парка, люди самозабвенно погружались в нематериальные сферы бытия, исследуя тайны духа.

Билл Кори, ссутулившись в рабочем кресле, давно перестал быть собой. Он превратился в отвлеченный разум, наблюдающий за потоком времени. Надгробный камень с его именем на одном из калифорнийских кладбищ давно затянуло дерном, но Билл, словно и вправду обретший бессмертие, двигался все дальше сквозь века, вдоль длинной разматывающейся вереницы своих потомков. То тут, то там он неожиданно натыкался на какого-нибудь праправнука с точь-в-точь таким же лицом, как у него или у Салли. Здесь и там мелькал, словно отраженный во многих зеркалах, милый облик Сью — иногда едва узнаваемый и неполный: то ее живые карие глаза озарят лицо далекой праправнучки, то тень улыбки или форма носа покажутся Биллу смутно знакомыми. Но порой в отдаленном будущем он встречал настоящую Сью, похожую на себя до мельчайших подробностей, и всякий раз при виде этого родного лица его сердце мучительно сжималось — от нежности к дочери, которой могло и не быть.

Любуясь своими милыми Сьюзан и миром, похожим на царство праздности, Билл не мог отделаться от беспокойства. Люди деградировали физически и умственно. Зачем торопиться или волноваться? К чему переживать, что часть ненужных знаний пропадает с течением времени? Погодные и продовольственные машины вечны, а остальное, по большому счету, неважно. Пусть рождаемость и дальше падает, пусть исчезают с лица земли, как пережиток, все смельчаки и изобретатели. Культ тела достиг наивысшего развития, разум же всегда устремлен в будущее. Просторы мироздания — невспаханное поле для пытливого ума. Но к чему оно, если можно проводить день за днем в бесконечной неге...

Райские долины постепенно пропали в туманной дымке. Билл Кори откинулся в кресле и энергично протер глаза. Руки у него тряслись — он смотрел на них в замешательстве, не до конца осознавая, какого рода видение его сейчас посетило. Билла обуревали противоречивые чувства. С одной стороны, воспоминание о Салли, о его пылкой любви к ней, о милой сердцу Сью, гордость за них обеих. А с другой — сомнение, что он на протяжении веков руками своих дочерей боролся за благополучие мира и сам привел его к единственно возможному логическому концу — к гибели.

Все было не то, все неверно — весь этот рай. Человеческая раса в своем величии способна творить настоящие чудеса — и обречена угасать, сидя на миртовой поляне и погружаясь в абстракции? Биллу предстало вялое, полумертвое общество, сползающее по склону в пропасть забвения. Вот плод людских достижений — и решения самого Билла.

Его пронзила отчаянная надежда, что Эшли прав — что будущее не предполагает неизбежности и неизменности. Если порвать письмо, пока лежащее на столе, и не жениться на Салли, разве тогда не появится у него возможность успешно завершить научный эксперимент и предотвратить катастрофу от несбалансированной рождаемости? В силах ли человек изменить предначертанное?

Билл с некоторой опаской потянулся к письму. Рядом, в затянутом дымкой хрустальном кубе, годы незыблемо отражались один в другом. Неужели можно взять это письмо и просто так порвать — на две половинки?..

От треска разрываемой бумаги Биллу стало спокойнее. Ну вот, он снова не связан никакими обещаниями. На мгновение ему взгрустнулось. Теперь он не женится на Салли, не будет слушать ее заливистый смех. Не увидит, как будет подрастать малышка Сью, пока не станет красавицей с мягким, но решительным характером.

Но разве не он сам только что упрекал себя, что ничего не добился к старости? А Сью — это ли не достижение, достойное любого мужчины? Его Сью и другие Сьюзан в долгой череде потомков вместили в себя все лучшее, что было в нем,— бессмертные, словно сама жизнь, преодолевающая тысячелетия.

Билл избегал глядеть внутрь хрустального куба, чтобы ненароком не встретить взгляд карих глаз последней из череды Сьюзан. При мысли о ней он страдал от любви и, несмотря ни на что, верил, что мир, в котором живет его дочь, прекрасен — хотя бы потому, что она дышит его воздухом.

Но письмо было порвано, и он никогда не женится на Салли — ради самого же себя. Даже такая награда, как Сью, не оправдает будущих потерь. Почти священный трепет обуял Билла, едва он осознал, что совершил. Вот о чем мечтал Эшли! Приоткрыть дверь, выходящую на плоскость вероятностей и получить знания, достаточные для того, чтоб сбить с пути космический разум. Изменить будущее для себя и для всего человечества. Превзойти богов... Но ведь он-то не бог! А Эшли предупреждал его, что посягать на их права бывает небезопасно.

Билл вдруг испугался. Он отвел взгляд от куба, вмещавшего его будущее, и посмотрел в васильковые глаза Марты Мэйхью, на лице которой застыла улыбка. Ему показалось, что, с тех пор как он в последний раз видел ее снимок, произошло столько событий, что хватило бы на полжизни. Темноволосая миловидная молодая женщина глядела прямо на него, и в ее проникновенном взгляде угадывалось что-то похожее на...

И куб, и лицо Марты, и всю комнату вдруг заслонил белый экран, на котором ослепительно вспыхнул свет. Билл непроизвольно прижал ладони к глазам, заметив, как за темнотой век заплясали цветные пятна. Все произошло так быстро, что он не успел удивиться; открыв глаза, он снова посмотрел на фотографию Марты и, разумеется, встретил все тот же васильковый взгляд.

Но вскоре сознание Билла захлестнула новая волна ужаса и изумления: он убедился в правоте Эшли. Перед ним предстало альтернативное будущее. Когда смятение и шок достигают пика, человеческий мозг теряет способность поражаться чему бы то ни было. Так случилось и с Биллом: он был бессилен искать какие-либо разумные объяснения происходящему. Он осознавал, что все еще смотрит на фотографию Марты, только что улыбавшейся ему из глубин хрустального куба. Билл по-прежнему видел ее темно-синие глаза — но на лице юноши в серебристо-голубом шлеме, сильно напоминающего его самого. Значит, и другое будущее тоже доступно. Биллу вдруг стало невероятно интересно, почему же оба этих плана явились к нему практически одновременно, даже не подозревая друг о друге.

Тем временем картинка в кубе прояснилась. В нем стремительно разворачивалась объемная перспектива, словно хрустальная призма стала окном, распахнутым в неведомый мир, сверкающий стеклянными и хромированными гранями. Позади юноши теснились чьи-то лица, заглядывающие в комнату, где он сидел; их глаза сверкали любопытством из-под серебристых шлемов. А молодой человек, столь похожий на Билла, склонился вперед, будто хотел заглянуть в собственное прошлое. Билл ясно расслышал его нетерпеливое учащенное дыхание. Лицо и особенно губы имели явное сходство с его собственными чертами, но глаза и выражение лица перешли к нему от Марты, правда, ее мягкая решимость немного огрубела в мужских чертах.

Едва юноша раскрыл рот, как Билл сразу же понял, кто к нему обращается, и едва не вскрикнул при виде того, кого ни разу не встречал, но безошибочно узнал. Неизмеримая любовь и гордость, наполнившие его сердце, подсказали ему, что молодой человек, столь похожий на него самого, мог бы быть — мог бы однажды стать...

Билл произнес недоверчиво:

— Сын?

Юноша, может, и услышал, но, вероятно, не понял его обращения. В любом случае, никаких чувств, подобных тем, что переживал в тот момент Билл, на его лице не отразилось. Его четкий металлический голос доносился с направленной ясностью, словно и впрямь из раскрытого окна:

— Уильям Винсент Кори, шлем вам привет из Соединенного Света! Вас приветствует Пятнадцатый правитель Пятого столетия новой исторической эры.

Позади строгого, непреклонного юношеского лица теснились другие; там толпились сурового вида мужчины в стальных шлемах. Молодой человек замолчал, и правые руки десятка присутствующих взметнулись вверх в приветствии, некогда введенном Цезарем в Древнем Риме. Раздались отрывистые голоса: «Приветствуем вас, Уильям Винсент Кори!»

Билл от изумления пробормотал нечто нечленораздельное, и лицо юноши смягчилось.

— Я поясню,— улыбнулся он.— Вот уже несколько поколений наших ученых пытаются проникнуть в прошлое, доктор Кори. Сегодня нам удалось наконец установить двусторонний контакт, и для его демонстрации в Совете выбрали именно вас как наиболее достойную и подходящую кандидатуру. Ваше имя для нас свято; мы подробно изучили ваши труды и жизнь в целом, но нам очень хотелось взглянуть на вас и рассказать вам о нашей признательности за то, что вы создали предпосылки для образования общества Соединенного Света. Меня просили сразу зарегистрировать, в какой момент прошлого мы попали. Какое число у вас на календаре?

— Седьмое июля две тысячи двести сорокового года.

Билл говорил с запинкой и чувствовал, что его лицо расползается в глупой улыбке. Он и не пытался ее сдерживать: ведь это его сын, мальчик, который родится еще неизвестно когда — который мог вообще не родиться! Тем не менее Билл хорошо знал его и улыбался от радостной

гордости и счастливого изумления. Какая непоколебимость в лице, какое чувство ответственности! Их с Мартой сын... Хотя нет — конечно, этого не может быть: он видит события далекого будущего.

— Две тысячи двести сороковой! — воскликнул юноша.— Значит, великий труд еще не завершен! Мы проникли даже дальше, чем намечали!

— Кто ты, сынок? — не выдержал Билл.

— Джон Уильям Кори IV, сэр,— важно ответил тот.— Ваш прямой потомок по линии Уильямов. Я — первый в кандидатской группе.— Его голос преисполнился гордостью, а на решительном лице отразился священный трепет.— Это означает, что я стану шестнадцатым правителем, когда почтенный Данн отойдет от дел, и шестым в роде Кори — шестым, сэр! — завоевавшим высший пост среди руководящих должностей — Главенство!

Васильковые глаза, несколько неуместные на этом суровом лице, загорелись фанатичным блеском. Из-за юноши выдвинулось чье-то хмурое лицо; человек в стальном шлеме отсалютовал Биллу, скупо ему улыбнувшись.

— Данн — это я, сэр,— пояснил он голосом столь же неприветливым, как и выражение его лица.— Мы позволили кандидату Кори открыть контакт с вами по причине родства, но теперь моя очередь поприветствовать вас от лица системы, существующей исключительно благодаря вам. Я вам ее покажу, но для начала примите мою благодарность за то, что стали родоначальником величайшей семьи в истории Соединенного Света. Никакая другая фамилия не встречалась более чем дважды на великом посту Главенства, зато Кори было целых пять — и на подходе еще один, достойнее прежних!

Билл заметил, что надменное, самолюбивое лицо юноши залилось краской, и почувствовал, что и его сердце сильнее забилось от любви к нему. Все-таки это был его сын — неважно, под каким именем. Воспоминание о милой дочурке мгновенно вытеснила волна гордости за этого

рослого голубоглазого парня с непреклонными чертами и сдерживаемым внутренним пылом. В нем угадывались напор, энергия, мощь и сила воли.

Билл едва слушал то, что энергичным голосом рассказывал ему Данн, находившийся по ту сторону экрана, в хрустальном кубе, поскольку с любопытством изучал лицо сына, который мог не появиться на свет, пристально всматривался в каждую его знакомую черточку, таящую и твердость, и пыл, и энтузиазм. Жесткие и прямые губы достались юноше от Билла, как и щеки, сильно западавшие, стоило ему улыбнуться; но синие глаза делали его похожим на Марту, и нежная непреклонность матери одновременно и огрубляла, и смягчала его черты. Молодой человек позаимствовал у них обоих все лучшее, однако его облик дополнило неизъяснимое сияние — фанатичная преданность некой высшей цели, сродни истовому служению и неумолимой обязанности.

— Ваше будущее, сэр,— говорил меж тем Данн,— для нас, конечно, прошлое. Хотели бы вы взглянуть на него, доктор Кори, чтобы понять, в какой степени наш сегодняшний мир обязан вам?

— Да, очень!..

Билл улыбнулся своей неуверенности, и неожиданно у него отлегло от сердца: ведь это только сон. Ну разумеется! Даже совпадения в нем уже вызывают подозрения. Или — не совпадения? Билл отчаянно пытался уяснить, что за мысль вызревает у него в голове, колоссальная по своей значимости, неподвластная доводам рассудка. Нет, все же это сон и ничто иное... Если бы все это было действительностью, тогда существуют и другие варианты. Не зря двое его потомков, пронзившие тьму ради контакта с ним, явились почти одновременно. За этим кроется некая причина — слишком серьезная, чтобы он мог с легкостью выразить ее словами.

Едва Билл попытался что-то сказать, как Данн его опередил:

— Глядите же, Уильям Винсент Кори! Убедитесь, что ваше величие возрастает от эпохи к эпохе!

Картинку в хрустале затянуло туманом, и родное синеглазое лицо сына, который мог никогда не родиться, растаяло, словно греза. Сон, тающий во сне, смутно подумал Билл.

На этот раз из церковных дверей ему навстречу вышла Марта — синеглазая Мадонна под фатой из белых кружев. Билл точно знал, что не любит ее: сердце ему до сих пор сжимало воспоминание о Салли. Но любовь не заставит себя ждать: рядом с такой женщиной она обязательно придет. В восхищенном взгляде невесты он прочитал лукавство, нежность и страсть, а еще упорство, которое пробудит в нем ответную твердость. И никаких слабостей, как на том лице с ямочками, которые у Билла вызывали ответную размягченность. Ему не хватает собственной твердости — он это знал. Только от его спутницы жизни будет зависеть, какое из двух качеств возобладает в его характере.

Жизнь с Мартой складывалась удачно. Билл увидел долгую вереницу дней, проходящих в работе, развлечениях и взаимопонимании, пробуждающих лучшее в обоих супругах. Странное видение, в котором его мучила мысль о любви к Салли, поблекло. Вот она, рядом с ним — любимая женщина, храбрая и неунывающая, чьи васильковые глаза с гордостью устремлены на него одного.

Краткие и отчетливые мгновения жизни быстро проносились перед его взором. Билл увидел, как постепенно продвигалась к завершению его работа. Стоило на пути возникнуть малейшим трудностям, как Марта неустанно подбадривала его и заражала верой в успех. Она так гордилась своим многообещающим молодым супругом, что ее энтузиазма хватало на двоих. Именно она настояла на обнародовании результатов эксперимента.

— Я хочу, чтобы о тебе узнал весь мир! — торопила она.— Давай немедленно известим Совет, дорогой! Ну пожалуйста, Билл!

— Но еще не все готово,— слабо протестовал он.— Может, подождем?

— Зачем? Вот, смотри,— она потрясла листом с выкладками у него перед носом.— Последние десять экспериментов дают стопроцентный результат! Чего еще ждать?! Пора сделать заявление по всей форме и сообщить о своем вкладе в мировую науку! Ведь от фруктовых мушек до обезьян — путь немалый! Прежде чем ты двинешься дальше, необходимо уведомить Совет. И помни, мой дорогой, я следующая на очереди!

Увидев, что она смеется, он сжал ее плечи и нахмурился:

— В моей семье подопытных кроликов не будет! Когда младший или младшая Кори появится на свет, это произойдет без вмешательства рентгеновских лучей! Ясно?

— Милый, мне казалось, что суть твоей идеи — дать родителям возможность выбирать, кого родить: мальчика или девочку.

— Результаты еще не столь хороши, чтоб я мог рисковать собственной женой! К тому же... иногда мне кажется, что лучше принять то, что есть. Не могу объяснить, но...

— Билл, да ты, оказывается, суеверен! Ладно, мы еще вернемся к этому вопросу. А пока ты займешься составлением полного отчета для Совета об успешном ходе экспериментов, и я смогу назвать себя счастливейшей супругой в Городе Ученых. Все, точка!

Доклад получил широкую огласку и произвел настоящую сенсацию. Мир рукоплескал чудодейственному способу, превращающему будущее в достояние самих людей. Билл Кори, краснея и ухмыляясь с телеэкранов, обещал очарованной аудитории скорое завершение работ, а рядом с ним сияло отраженным светом лицо Марты.

Ко времени экспериментов с человеком его щенки — первый успешный результат опытов над млекопитающими — уже вызывали у Билла легкое беспокойство. Трево-

гу подняла мисс Браун. Однажды она прошла из питомника прямиком к нему в кабинет, недовольно поправляя очки в стальной оправе.

— Доктор Кори, разве кто-то дрессирует наших щенков?

— Дрессирует? — непонимающе уставился на нее Билл.— Нет, конечно. А что?

— Они ведут себя так, словно с ними работали лучшие в мире специалисты. Или выводок попался такой исключительно смышленый... или что-то еще. Они сбивают друг друга с ног, стремясь выполнять все доступные их разумению команды.

Билл отвлекся от микроскопа и выпрямился.

— Хм-м... интересно. Обычно всего один или двое в помете умнее и послушнее других. Но чтобы все щенки в шести выводках оказались гениями — что-то не верится. А вы как думаете?

— Они не гении. Мне кажется, что эта необыкновенная сообразительность — просто повышенное стремление к послушанию, или, можно сказать, недостаток личной инициативы. В общем, выводы делать рано. Но щенки эти очень странные, доктор Кори.

С выводами и не торопились. Исследования показали, что щенки повышенно восприимчивы к дрессировке, но какое качество в них отвечало за эту способность, выяснить пока не удавалось. Билл не знал, как ко всему этому относиться, и пробудившаяся однажды тревога теперь не давала ему покоя.

Между тем на свет появились первые «рентгеновские» младенцы. Все они без исключения оказались нормальными, здоровыми, крепкими детишками; заданность пола ни разу не дала сбоев. В Совете были довольны, родители тоже — все, кроме самого Билла. Его неотвязно преследовала мысль об аномально послушных щенках.

Через три года система Кори получила широкое распространение. Экспериментальная группа детей выдавала такие многообещающие результаты, что в конце

концов Билл уступил и предоставил свои достижения во всеобщее пользование — несмотря на внутренний протест против подобной спешки, причины которого он и сам не мог объяснить.

Дети получались вполне нормальными — здоровыми и умными. Возможно, с повышенным чувством ответственности — но ведь это не природная склонность, а, скорее, весьма ценное свойство характера.

Вскоре по всему миру во множестве расплодились представители новой системы, и опасений у Билла поубавилось, а появление Билла-младшего и вовсе отвлекло его от чужих детей. Тем не менее Билл Кори втайне был рад, что его ребенок оказался сыном по наитию, без вмешательства внешних сил. Как ни странно, он был очень щепетилен насчет собственного потомства и неуклонно противился идее рентгеновского влияния на зачатие.

Последующие годы оправдали его радость. Кори-младший быстро подрастал. От матери он унаследовал васильковые глаза, от отца — светло-русый цвет волос, а от себя лично — пренебрежение к чужому мнению. Он собирался стать архитектором, и ни отчаянные увещевания Марты в том, что он предает дело отца, ни плохо скрываемое разочарование Билла-старшего не могли его переубедить. Во всем остальном он был приличным парнем. Университетские каникулы отец и сын неизменно проводили вместе, и тогда для Кори-старшего этот чудный, талантливый, упрямый юнец превращался в средоточие мироздания; глядя на него, Билл чувствовал, что не зря живет на этой земле.

Ему даже нравилась сыновняя непокорность. В те дни уже никто не опасался, что дети, рожденные по системе Кори, вырастут хилыми. По всем показателям они были вполне здоровы, но начисто лишены какой бы то ни было инициативы, словно изначальная заданность пола убила в них всякую способность принимать собственные реше-

ния. Из них получались прекрасные исполнители, но лидерство было им неведомо.

Между тем увеличение числа безропотных последователей в мире, и особенно в Соединенных Штатах, где президентствовал генерал Джордж Гамильтон, не сулило ничего хорошего. Когда первая опытная группа системы Кори достигла совершеннолетия, генерал был избран уже на четвертый срок. Он истово и искренне исповедовал подчинение большинства интересам государства; новое поколение обрело в его лице едва ли не богоданного правителя.

Генерал Гамильтон грезил о Соединенном Свете, где все нации будут пребывать в слепой покорности и непоколебимом желании жертвовать всем ради общего блага. Ему удалось претворить свои грезы в реальность. Разумеется, поначалу он признавал наличие оппозиции. Он также допускал, что прольется немало крови, но, предаваясь возвышенным мечтам, свято верил, что любая цена оправданна и результат превзойдет все мыслимые ожидания. И казалось, само небо взялось помогать ему: подоспело целое поколение молодых людей, готовых безоговорочно принять такого предводителя.

Генерал знал, в чем тут дело; эффект, производимый системой Кори на младенцев, ни для кого не был секретом: они готовы слепо подчиняться сильнейшему. И Джордж Гамильтон понял, что одно поколение таких подражателей его воле станет основой последующих, которые в будущем воплотят в жизнь его самые дерзновенные замыслы. Милитаристу нужна целая нация вояк, обилие младенцев мужского пола, чтобы впоследствии пополнять ими армию. Удивительно, что очень немногие разглядели истинные причины кликушества генерала, призывающего рожать больше, больше мальчиков. Герои-отцы были в чести и получали вознаграждения. Каждый понимал, что за этими призывами маячит призрак войны, но мало кто догадывался, что система Кори,

обеспечившая мир бесперебойным производством мужчин, обусловливала и появление все новых поколений соглашателей, пресмыкающихся перед вожаком,— точь-в-точь как их отцы. Возможно, система Кори вымерла бы сама собой, учитывая ее недостатки, если бы генерал Гамильтон не требовал от своих приспешников именно сыновей.

Джордж Гамильтон умер в Вашингтоне накануне окончания первой Великой войны. Его последними словами, едва слышными за грохотом бомбежки, были: «Не отступайте, объединяйте мир!» Вице-президент и правая рука генерала, Филип Сполдинг, был уже готов подхватить угасающий факел и заново возжечь в мире стремление к единению.

К концу Великой войны половина Соединенных Штатов представляла собой дымящиеся руины. Но недаром генерал Гамильтон выбрал для строительства самый надежный из фундаментов — людскую преданность. Его сторонники, сами того не ведая, претворяли в жизнь заповедь «плодитесь и размножайтесь». У Сполдинга не было недостатка в человеческих ресурсах, а на их послушание он всегда мог положиться. Прославленный генерал с радостью отдал жизнь за идею, и его смерть не была напрасной. За десятилетие, прошедшее после его кончины, полмира объединились под звездно-полосатым знаменем. Еще через полвека Соединенный Свет из его мечты стал реальностью.

Мир, лояльность и всеобщее процветание обеспечили развитие Городу Ученых. Аппетиты руководителей, вкусивших власти, росли день ото дня, а глаза его обитателей все чаще обращались вверх, к звездному небу. Первый успешный космический полет был осуществлен при четвертом (после генерала Гамильтона) правителе. Человек ступил на пористую поверхность Луны и тем самым проложил дорогу в космос остальному человечеству.

Еще через три поколения был покорен Марс. Его вымирающее население уступило после краткой, но крово-

пролитной войны, и седьмой правитель стал сладостно и дерзновенно помышлять о Соединенной Солнечной Системе.

Время стремительно неслось мимо, на Земле поколения сменяли поколения, похожие друг на друга как две капли воды из-за неизменной голубой униформы вековой давности. В какой-то степени все люди действительно были «как Джордж». Человечество формировалось по единому шаблону военного образца, вполне пригодному для жизни в СС — Соединенном Свете. Система Кори давным-давно была возведена в абсолют, и все дети появлялись на свет в строгом соответствии с решением правителей. Примечательно, однако, что руководящая верхушка по-прежнему производила потомков на свет по принципу случайности, как было еще до изобретения знаменитой системы.

Фамилия Кори по-прежнему гремела. По давней традиции это прославленное семейство не использовало научные изыскания своего родоначальника. Оно снискало славу на посту Главенства, дав стране нескольких правителей с легендарной фамилией, хотя, разумеется, сама должность не переходила по наследству. В нее вступали, лишь пройдя специальный курс обучения и выдержав серьезный конкурс среди лучших представителей кандидатской группы, когда срок прежнего правителя переваливал за середину.

Род Кори славился также фамильным сходством. Конечно, от поколения к поколению оно постепенно ослабевало, но через годы неизменно возвращалось, проявляясь то в светло-русых волосах, заимствованных у Билла-старшего, то в темно-синих глазах, завещанных сыну Мартой, то в поразительной схожести кого-либо из потомков с Биллом-младшим, чьи дорогие черты некогда переполняли отцовское сердце гордостью и нежностью.

Теперь перед глазами Билла Кори предстал мир, унифицированный до мельчайших подробностей. Человечество с гордостью подавляло само себя — свои слабости

и сентиментальную, эгоистическую потребность в личном счастье,— противопоставляя им великую идею общего блага. Некоторые не выдержали и погибли от малодушной тоски, а все, кто выжил, стали доносчиками на ближних — столь же непримиримыми, как и сами правители, в борьбе с происками против мощи СС. Настоятельной и священной обязанностью каждого индивида должно было стать принесение себя на алтарь интересов правителя и СС, а правитель и Соединенный Свет видели единственную задачу в том, чтобы контролировать эту жертвенность.

Прогресс шел вперед семимильными шагами. Стихии подчинились человеку, некогда непокорный атом отдал свою энергию механизмам, и даже космос превратился в скоростное шоссе для транспорта СС. Под иссиня-черными небесами Марса на красной горячей земле раскинулась гигантская шахматная доска человеческой цивилизации; тот же унылый разграфленный узор скрывали густые серые тучи в атмосфере Венеры: среди обжигающих испарений местных джунглей разбегались от центра придавленные доносами городишки. Ненасытные глаза правителей с высоты небоскребов из стекла и бетона были теперь устремлены к Юпитеру и его многочисленным спутникам.

Во всех трех образцовых мирах на лицах сторонников правителя читалось только одно — решимость и непримиримость, их черты тоже были созданы по единому образцу, исключающему счастье. Там мало смеялись; серьезность нарушали помимо отраженной экзальтации, излучаемой обликом правителя, только косые, вороватые взгляды, украдкой бросаемые на окружающих. Билл понял их причину: каждый был обязан не только жертвовать делу свои устремления и счастье в целом, но также и личную честь. Каждый должен был своевременно сигнализировать о преступных слабостях друзей, коллег, родных.

Но вот грядущие века смешались, подернулись дымкой и растаяли, снова уступив место облику синеокого юноши в стальном шлеме. Он улыбался, смотря прямо в глаза Биллу — напряженно, выжидательно и доверчиво.

Билл откинулся на спинку кресла и вздохнул полной грудью, чтобы на мгновение забыть о гордой улыбке своего сына. «А ведь там — я! — подумал он.— Снова и снова рождаюсь, чтобы изо всех сил бороться за человеческое счастье... Но то же самое было и со Сью, и со всеми дальнейшими ее воплощениями — то есть моими... То же искреннее стремление к противоположной цели — к миру без войн. В любом случае, я проигрываю. Если я не закончу работу, перекос рождаемости приведет мир к матриархату; если закончу, человечество превратится в бездушный механизм. Плохо. Так и эдак плохо...»

— Доктор, разумеется, ошеломлен размахом, который принял его великий проект,— донесся из окна будущности голос Данна.

Биллу даже почудилась извинительная нотка в его тоне, и он выпрямился, с трудом заставив себя посмотреть в исполненные достоинства глаза юноши, который однажды мог бы стать его сыном. На лице молодого человека читалось ожидание похвалы, но Данн, вероятно, заметил колебания Билла и веско добавил, еще более усилив его замешательство:

— Мы, все до единого, идем к великой цели, не тратя сил на мелочные устремления,— к покорению всей Солнечной системы и процветанию человеческой расы! Этой великой цели следуете и вы, доктор Кори, только в другую эпоху.

— Как вам известно, самое главное — это человеческие ресурсы, сэр,— подхватил его слова юный Билли.— У нас уже накоплен громадный потенциал, и мы продолжаем его наращивать. На Марсе полно свободного пространства, Венера очень мало освоена. А когда мы научимся адаптировать людей к гравитации Юпитера, тогда...

тогда нашей власти не будет границ, сэр! Мы пойдем еще дальше — в неизведанную даль! Придет день, когда мы увидим соединенной всю Вселенную!

Поначалу, прислушиваясь к радостной дрожи в голосе юноши, Билл пытался прогнать сомнения. Процветание человеческой расы! А он сам — частичка этой расы, принадлежащая тому далекому будущему, воплощенная в потомка с каменным лицом и пылким сердцем! На мгновение он совсем забыл о том удивительном, невероятном факте, что из двадцать третьего века он видит в окно тридцатое столетие и беседует с еще не рожденным отпрыском собственного сына, которого пока нет даже в планах. Для Билла эта встреча стала реальностью, чудесным, будоражащим кровь событием, подарком, сделанным самому себе.

— Отец! Отец! — раздался нежный звонкий голосок у него в голове.

Его память мгновенно обратилась вспять, и в сердце не осталось ничего, кроме всепоглощающей любви к милой дочурке.

— Да, Сьюзан... да, радость моя...— громко прошептал он, тотчас повернувшись к кубику, вместившему альтернативное будущее.

Среди миртовых зарослей он увидел скорченную на траве фигурку Сью; ее карие глаза в испуге взирали на него. Меж взметнувшихся бровей залегла морщинка — такая же, как в этот момент у самого Билла. Некоторое время они смотрели друг на друга, словно в зеркало, настолько были схожи их черты — до мельчайших подробностей. Затем на щеках отдаленной правнучки Салли заиграли те же ямочки: Сью робко, неловко улыбнулась.

— Отец, что-то не так? Что происходит?

Он уже открыл рот, но не нашелся что сказать. Чем можно утешить ту, кто даже не подозревает о своей эфемерности? Как объяснить живому человеку, этой трепетной девушке, что ее на самом деле нет, что ее существование под вопросом?

Билл в замешательстве глядел на Сью, подыскивая слова для ответа и не находя их, но тут послышалось: «Доктор Кори! Сэр, что там случилось?» — и, обернувшись, он увидел на лбу молодого Билли точно такую же складочку.

Билл ошалело переводил взгляд с одного лица на другое. Как помочь им услышать друг друга? Билли, смотря из будущего в нынешний момент, видел перед собой только куб с застывшей улыбкой Салли, а перед Сью, выглядывавшей из своего окна, стоял хрустальный брусок со снимком Марты. Биллу казалось, что его молодые потомки говорят почти одинаковыми голосами, используют одни и те же слова, но совершенно не подозревают друг о друге. Да и как иначе? Не могут же они одновременно существовать в одном и том же мире! У него будет кто-то один из этих горячо любимых потомков — но никак не оба сразу. Да, он одинаково любит их обоих, но придется выбирать. Но как тут выберешь?

— Отец! — в голосе Сью нарастала тревога.— В чем дело? Что-то нехорошо? О чем ты думаешь?

Билл молча сидел, по очереди вглядываясь во взаимоисключающие лица. Вот они, а за ними — их миры; у обоих на лбу меж бровей — морщинка беспокойства. Говоря с любым из них, он неминуемо покажется другому безумцем, беседующим с пустотой. Билла разбирал дикий хохот: из этого положения нет и не может быть выхода. И тем не менее придется дать ответ... Придется выбрать.

Пока Билл тщетно искал, что ответить, в его мозгу постепенно сложилось некое новое осознание ситуации. Странно, что именно эти двое смогли установить с ним контакт, хотя многие поколения до них безуспешно пытались проникнуть в прошлое. И почему они сошлись в одной временной точке, хотя в их распоряжении было не одно десятилетие его жизни? Тем более что они руководствовались совершенно разными мотивами и ис-

пользовали разные способы достижения цели... Если это не сон, значит, случайность исключается.

Билли и Сью — такие схожие, несмотря на огромную разницу в средствах выражения; их различие не охватить разумом, поскольку невозможно измерить расстояние между двумя несовместимыми сущностями! Билли взял от Билла Кори всю возможную решимость, силу и гордость; Сью воплотила в себе его более мягкие качества — нежность, стремление к миру. Они так полярны... Вот оно! Они — разные полюса! Положительные и отрицательные качества, слившись, и составили нынешнего Билла Кори. Даже их миры выглядели, словно две половинки одного целого: одна — сильная и жестокая, другая — сама кротость, отвлеченная и идеалистичная. И обе неполноценны, как и любые крайности. Если ему удастся установить причину, по которой две противоположные судьбы обратились вспять и застали его именно в этот момент... если удастся понять, для чего две крайности его натуры раскололись и показали ему все свои плюсы и минусы, зачем облеклись его собственной плотью и теперь мучают его необходимостью выбора, тогда...

Выбирать он не будет — все равно это невозможно. К тому же проблема гораздо глубже, и от его поведения мало что зависит. Билл терялся в поисках решения, гадая, не ответит ли таким образом на все мыслимые вопросы. Обычные объяснения не годятся: за этим происшествием мнилось грандиозное намерение, туманные вершины смысла, от которых кружилась голова.

Обращаясь сразу к обоим потомкам, Билл промямлил:

— Но как... почему ты... именно в эту минуту...

Билли, вероятно, ничего не разобрал из его лепета, а Сью поняла вопрос, заключавшийся в самом разуме Билла, и озадаченно протянула:

— Я не знаю, почему... Вероятно, что-то еще повлияло на успешное установление контакта. Я даже чувствую... ощущаю нечто за пределами моих стараний... и это

меня пугает. Будто кто-то управляет мной и моими действиями... О отец! Мне страшно!

Стремление защитить ее вынудило Билла забыть обо всех доводах рассудка. Он поспешил ее успокоить:

— Не бойся, детка! Я не дам тебя в обиду!

— Доктор Кори! — крикнул Билли.

Голос его срывался: видимо, юноша принял слова Билла за чистейшей воды бред. Люди, стоящие за ним, начали перешептываться в замешательстве. Перекрывая гул их голосов, Сью выкрикнула: «Отец!», и ей вторило испуганное эхо из другого куба: «Доктор Кори, вам нездоровится? Сэр!»

— Замолчите на минутку, вы оба! — взревел Билл и, запинаясь, обратился к Билли, чтоб остановить истерический поток его вопросов: — Твоя сестра... Да, Сью, детка, я тебя слышу! Я не дам тебя в обиду! Только обожди!

Юношеское лицо в глубинах куба окаменело, в васильковых глазах, оттененных сталью шлема, появилось недоумение. Билли с трудом разлепил непослушные губы и пролепетал:

— Но у вас никогда не было дочери...

— Не было, но могла быть, если бы... если бы я женился на Салли, которую ты даже ни разу... О боже!

Билл смолк и закрылся ладонями, чтобы не видеть недоверчивого, ошарашенного лица юноши. Он почти выдал секрет, но пока не готов был побороть сумятицу мыслей и проявить беспристрастность. Единственное, что он ясно осознавал,— это необходимость уделить равное внимание и одному, и другой. Они должны понять, какие причины побудили его...

— Кандидат Кори, доктор болен? — раздался в кубе зычный голос Данна.

Билли неуверенно произнес:

— Нет... в общем, я не знаю...

Потом он еще тише пробормотал:

— Правитель, не страдал ли великий доктор от... безумия?

— Что ты, Бог с тобой!

— Но... поговорите с ним сами!

Билл измученно смотрел на Данна, который увещевал его раскатистым голосом главнокомандующего на строевом смотре:

— Придите в себя, сэр! У вас не было дочери! Разве вы не помните?

Билл исступленно захохотал:

— Не помню? У меня и сына-то еще не было! Я не женат — даже не помолвлен! Как я могу помнить то, чего еще не случилось?!

— Но ведь вы женитесь на Марте Мэйхью! Вы женились на ней! Вы основали знаменитую династию Кори и дали миру...

— Отец... Отец! Что там происходит? — ворвался ему в уши горестный призыв Сью.

Он мельком взглянул на нее, заметил в любящих карих глазах ужас и шепнул: «Тише, дорогая, подожди минутку!» — а затем опять посмотрел в лицо правителя и, призывая себя к спокойствию, вымолвил:

— Ничего этого пока не было.

— Но будет... как не быть... это было!

— Даже если я не женюсь на Марте и у нас не будет никакого сына?

Потемневшее лицо Данна исказилось гримасой гневного нетерпения.

— Боже праведный, послушайте же меня!

Он схватил Билли за плечи и подтолкнул его вперед:

— У вас был сын! А это — его потомок, живая копия Кори-младшего! И этот мир, и я сам, все мы... результат вашей женитьбы на Марте Мэйхью! У вас никогда не было дочери! Вы что, хотите сказать, что нас нет?! А то, что я вам показываю,— всего лишь выдумка? — Он еще раз встряхнул Билли за широкие плечи, облаченные в голубую униформу.— Вы видите нас, слышите нас, говорите с нами! Разве вам до сих пор непонятно, что вы были женаты?

— Отец, где же ты? Вернись! — неотступно стенала Сью.

— Подождите, Данн,— взмолился Билл и, отвернувшись, спросил: — Да, радость моя, что случилось?

Сидя на солнечной прогалине в прохладной зеленой тени миртовых кустов, Сью умоляла:

— Отец, не надо... не верь им! Я слышала их через твой разум: он связан с моим, и я кое-что разобрала. Я вижу, о чем ты думаешь,— но это неправда! Ты считаешь, что мы до сих пор на плоскости вероятностей — но ведь это идея, не больше! Это только гипотеза относительно будущего! Разве я не существую? Это же глупо! Посмотри на меня! Послушай! Вот она я! Разубеди же меня, а не то я и в самом деле могу подумать... что ты прав. Но ведь ты все-таки был женат на Салли Карлайл, да? Скажи «да»!

Билл поперхнулся:

— Постой, милая, давай я сначала разберусь с теми.

Он понял, что неверно выбрал посылку для убеждения. Невозможно доказать живому человеку, что он не существует,— он просто решит, что ты спятил. Сью еще можно попытаться объяснить: она все же не чужда метафизики и телепатии, но Билли...

Глубоко вздохнув и внутренне подобравшись, Билл решил попытаться еще раз — справедливости ради. Взглянув в другой куб, он спросил:

— Данн, вы слышали о плоскости вероятностей?

Ошарашенный вид правителя натолкнул его на неприятную догадку, не живет ли он сам в таком же иллюзорном мире, что и его мнимые потомки, и опора, на которой зиждилось понятие времени, на мгновение ушла у него из-под ног. Но размышлять было некогда — Билли должен понять, а уж Данн пусть считает его каким угодно сумасшедшим. И Сью должна знать, почему он поступил именно так — а как именно, он и сам еще не до конца представлял. Голова у Билла гудела от всей этой неразберихи.

— О плоскости вероятностей?

В глазах Данна, устремленных на него, Билл заметил вспыхнувшее на миг убеждение, что, в реальности или нет, в прошлом или в будущем, но этот человек явно не в своем уме. Правитель с сомнением протянул:

— Хм-м... да, вроде бы слышал... Вспомнил! Эти штучки-дрючки были в ходу у мошенников, работавших в телепатическом колледже,— пока их оттуда не вымели! Но какое отношение этот вздор имеет...

— Это не вздор.

Билл прикрыл веки, ощутив внезапную, нестерпимую потребность, чтобы его оставили в покое и дали возможность все взвесить. Но нет, надо решать сейчас, и времени на раздумья не остается. Возможно, это и к лучшему: человеческий мозг долго не выдержит, если заставить его размышлять над подобным бредом. Надо как-то объяснить юному Билли... Но что объяснить? Как можно глядеть в лица обоих любимых им детей — в эти непонимающие, умоляющие лица — и отказывать им в праве жить? Если бы только он мог разбить треножник времени, на котором все они оказались по воле случая...

Билл не знал, как это сделать. Надо все сказать Билли.

— Это не вздор,— упрямо повторил он.— Будущее, то есть вы и ваш мир,— не больше чем вероятность. Я еще не сделал выбор. Если я не женюсь на Марте, не доведу до конца изыскания по заданности пола — тогда будущее будет строиться... по другому образцу.

«Не лучшему, а может, и худшему!» — добавил он про себя.

— Он сошел с ума? — донесся из куба шепот Билли.

Правитель забормотал в ужасе, ни к кому не обращаясь:

— Я не... не могу... это абсурд! Но ведь он пока не женат, и великий труд еще не окончен. Если он так и не... Но ведь мы живые! Из плоти и крови! — Он топнул ногой в тяжелом ботинке, словно проверяя свой мир на проч-

ность.— Весь наш непрерывный род происходит от... от этого полудурка. Боже праведный, мы что, все сумасшедшие?

— Отец! Вернись же! — взвизгнула Сью.

Билл в отчаянии повернулся к ней, втайне радуясь поводу отвлечься от безумных взглядов из одного окна и встретиться с еще одним — точно таким же.

Сью уже вскочила на ноги. Она стояла в прохладе и тиши миртовой поляны, среди безмятежного, озаренного солнцем мира — ее будущего. Из последних сил она упрашивала:

— Не слушай, отец! Я чувствую, как смятен твой разум. Я знаю, чего они добиваются! Но они же ненастоящие, отец, их нет! У тебя не было никакого сына, или ты забыл? Все твои разговоры — только слова... ведь правда? И чепуха насчет плоскости вероятностей — просто гипотеза! Ну скажи же, отец! У нас такой чудесный мир, в нем так приятно жить... Я хочу жить, отец! И живу! Мы столько боролись — не одно столетие — за покой и счастье, создавали этот вечно цветущий сад! Не обращай его в ничто! Впрочем...— она легонько усмехнулась,— ты и не смог бы: все, что нас окружает, существует не одну тысячу лет. И я... О отец!

Голос ее дрогнул, сорвался, и сердце у Билла мучительно сжалось, на глаза набежали слезы. Кому, как не ему, любить ее и оберегать от всех напастей? Как он допустил...

— Доктор Кори, вы слушаете? Пожалуйста, выслушайте! — вторгся из другого будущего знакомый юношеский голос.

Билл бросил туда взгляд, а потом зажал уши ладонями и отвернулся от стола. Оба голоса слились в неразумительную умоляющую какофонию.

Сью на миртовом склоне — дитя отдаленного будущего, загнивающего мира, сползающего в пропасть небытия. Билли и его цивилизация, возможно, и впрямь столь про-

славленны, сколь они сами себя воображают, но цена этой славы непомерно высока. Изыскания Билла Кори лишили этих людей самостоятельности — их врожденной привилегии. Он украл у них также и право на счастье, и волю самим принимать решения, определяющие их собственное будущее. Нет, даже ради столь выдающихся достижений нельзя отнимать у человечества законное право выбирать свою судьбу. Если во власти Билла — устранить систему, отвергающую свободу, честь и счастье человека, пусть и обеспечивающую непрерывный прогресс, то выбора не остается. Слишком велики жертвы. Ему смутно припомнились слова из глубокой древности: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?»*

А противоположность? Билл вздохнул. Счастье, мир, свобода, честь... Да, в мире, где живет Сью, есть все, чего нет у Билли. Но к чему все это приведет? К праздности, к упадку, к угасанию великой расы, которую цивилизация Билли мечтает вознести до самых звезд.

— И я еще рассуждаю о выборе,— простонал Билл.— Но выбора-то нет! Если я женюсь на Салли и заброшу свою работу — одна дорога. Если женюсь на Марте и завершу эксперимент — другая. Обе неверны, но что же делать? Человек и человечество — у кого из них больше прав? Счастье плюс вымирание или отсутствие счастья, помноженное на величие и бессмертие,— что лучше?

— Кори! Доктор Кори!

Суровый голос Данна пробился сквозь сомнения, льдом сковавшие рассудок Билла. Он обернулся. Черты лица правителя, под стальным шлемом казавшиеся высеченными из камня, превратились в застывшую маску. Билл понял, что Данн принял некое бесповоротное решение, и испытал восхищение перед чувством ответственности этого человека. Не зря же его выбрали правителем!

---

* Евангелие от Матфея, 16:26.

— Вы сваляли дурака, Кори, что рассказали все это нам. Вы или дурак, или сумасшедший, или то и другое вместе. Вы понимаете, о чем я? Неужели вы думаете, что мы устанавливали этот контакт, не учитывая возможных затруднений? Та сила, что обеспечивает передачу звука и изображения из нашей эпохи в вашу, может стать и разрушительной! Нигде в анналах не записано, что Уильям Кори погиб от залпа из атомного бластера, сидя за своим рабочим столом,— но, боже мой, сэр! Если вы способны изменять прошлое, то мы тем более!

— Этим вы истребите и самих себя,— напомнил Билл, стараясь не поддаваться панике и вглядываясь в злобное лицо человека, который, вероятно, никогда раньше не встречался с открытым неповиновением.

Оставалось гадать, поверил ли он словам, похожим, по его мнению, на сущий бред. Билла разбирал нездоровый смех, но внутри уже пробежал холодок от того, что потомки его нерожденного сына из своего предполагаемого будущего, того и гляди, сотрут его самого с лица земли. Он произнес:

— Если меня не станет, вы и весь ваш мир исчезнете.

— Но исчезнем отмщенными! — запальчиво выкрикнул правитель, затем опомнился и добавил с сомнением: — Но что я такое говорю? Вы меня совсем свели с ума! Послушай, друг, будем же мыслить здраво! Ты можешь представить, как растворяешься в пустоте, будто тебя никогда и не было? Вот и я не могу!

— Если вы меня убьете, то каким образом весь ваш мир вообще зародится?

— Да к черту все! — заревел Данн.— Я вам не метафизик! Я военный! И сейчас я это докажу!

— Прошу вас, доктор Кори...

Билли придвинулся вплотную к кубу, словно пытался проникнуть в прошлое, чтобы успеть образумить человека, столь на него похожего, оцепеневшего, с белым как мел лицом, на пороге собственного будущего. В его

дрогнувшем голосе угадывалось не просто миролюбие: если Билл Кори при виде этого молодого родного лица испытывал теплоту и привязанность, то почему и юноше было не проникнуться к нему ответными чувствами? Возможно, неведомое, неуловимое сродство между ними двумя и вызвало трепет в его голосе — по мере того как пробуждались сомнения? И слова юноши подтвердили его колебания, хотя сам он едва ли отдавал себе в этом отчет. Он с жаром воскликнул:

— Прошу вас, постарайтесь понять! Мы не боимся умереть! Мы бы охотно отдали свои жизни, и немедленно, если бы могли упрочить этим наше общее дело! Но мы не в силах вынести мысль о гибели всей цивилизации — блага, несущего человечеству бессмертие. Подумайте же об этом, сэр, как о единственно верном решении! Стали бы мы убеждать вас, если бы сами не были так уверены? Неужели вы обречете людей прозябать на крохотной планете, когда можете подарить им просторы Вселенной и любые достижения технической мысли?

— Отец! Отец! — неистово восклицала вдалеке Сью.

Но прежде чем Билл успел посмотреть на нее, в беседу резко вмешался Данн.

— Постойте, я передумал!

Билли с надеждой обернулся, и Билл тоже во все глаза уставился на правителя.

— Насколько я понимаю,— продолжал тот,— вся эта нелепица возникла из-за ваших колебаний насчет спутницы жизни. Лично я не допускаю даже мысли о том, что вы могли жениться на ком-то еще, кроме женщины, на которой *были* женаты,— но если вы действительно не совсем уверены, то я решу этот вопрос за вас.

Он обернулся и кивком головы указал куда-то в угол помещения, выходящий за пределы видимости Билла. Глазеющая толпа в голубых униформах тут же подчинилась и бесшумно выкатила вперед внушительный ствол на низком лафете, отсвечивающий стальными бликами.

Дуло его было направлено как раз в окно прошлого-будущего, отделявшее Билла от тех людей. Он никогда не встречал подобного оружия, но сразу догадался о его смертоносной силе. Ствол подался вперед и замер, словно зверь, готовый к прыжку; его темное жерло напоминало круглый проем, ведущий прямо к смерти. Данн сзади пригнулся и опустил руку на смутно различимый рычаг у основания ствола.

— Итак,— веско произнес он,— Уильям Кори, вы, кажется, интересовались, есть ли у нас оружие, способное вас уничтожить. Позвольте заверить вас, что силовой пучок, соединяющий наши миры, может передавать не только свет и звук, но и кое-что еще! Надеюсь, мне не будет нужды это демонстрировать. Надеюсь, что вы будете достаточно благоразумны и сейчас подойдете вон к тому телеэкрану у вас за спиной и свяжетесь с Мартой Мэйхью.

— С Мартой? — переспросил дрожащим голосом Билл.— Но зачем?..

— Вы вызовете ее и в нашем присутствии попросите ее руки. Вот вам выбор — женитьба или смерть. Слышите?

Билл не знал, смеяться или плакать. Свадьба под прицелом из несуществующего будущего!

— Вы же не будете вечно держать меня на мушке вашего пугача,— сдерживая смех, заметил правителю Билл.— Откуда вы знаете, что я потом сдержу слово и женюсь на ней?

— Вы сдержите слово.— Данн был невозмутим.— Не забывайте, Кори, что мы знаем вас лучше вас самих. Мы видим ваше будущее яснее, чем вы можете себе представить. И мы знаем, какой через много лет у вас будет характер. Вы же порядочный человек! Попросив руки женщины и услышав ее согласие — а она его даст,— вы не пойдете на попятный. Нет, ваше предложение и его принятие Мартой равносильно самой брачной церемо-

нии, как если бы мы лично на ней присутствовали. Вы видите, мы полагаемся на вашу честность, Уильям Кори.

— Но...

Билл не успел больше ничего сказать, как в его голове громко запричитала Сью:

— Отец, отец, куда ты пропал? Что там происходит? Почему ты не отвечаешь?

В горячке Билл едва не забыл о дочери, но ее родной голос отдался в нем надсадной болью. Сью... Какие бы ей ни грозили напасти, Билл, не задумываясь, готов был пообещать оградить ее от них. Инстинкт, коренящийся глубоко внутри него,— защита слабого, любимого существа — требовал безотлагательных действий. На мгновение Билл позабыл и о стволе, направленном на него из другого окна, и о Билли, и обо всей альтернативной будущности. Он видел только, что его дочь плачет от страха и зовет на помощь — зовет его, чтобы защититься от него же. Билл так запутался, что в голове у него царила полная неразбериха.

— Сью...— нерешительно обратился он к ней.

— Кори, мы ждем! — зловеще напомнил о себе правитель.

И Билл принял решение. Он сам не знал, когда оно пришло к нему — возможно, не сейчас; может быть, подсознательно он давно его вынашивал. И он не мог с точностью сказать, как оно проникло в его рассудок, зато догадывался откуда. Это решение было настолько верным и всеобъемлющим, что не могло зародиться в сознании Билла без посторонней помощи... Пожалуй, только космический разум, в котором блуждают бессчетные души, подобные душе Билла, был способен предложить этот выход, сверившись со своим безграничным, непостижимым планом.

«Все находится в равновесии... Сила, движущая миры по их орбитам, не приемлет вопросов без ответа...»

Случайности нет, все, что происходит,— часть единого замысла. Билл неожиданно ощутил глубокое доверие

к неизвестной силе, которая его вела. Он снова повернулся к столу, и его лицо выражало такую спокойную решимость, что Билли с облегчением улыбнулся, а Данн вздохнул свободнее.

— Слава богу, сэр,— обрадовался Билли,— я и не сомневался, что здравый смысл вас не подведет. Поверьте, вы не раскаетесь.

— Постойте,— обратился к ним обоим Билл и под столом нажал кнопку, соединяющую его с лабораторией.— Смотрите, что будет.

В трех мирах и измерениях три человека, сходные между собой в чем-то большем, чем обычное, внешнее сходство,— возможно, три ипостаси одной и той же личности, кто знает? — замерли в напряженном ожидании. Прошла целая вечность, пока дверь открылась и в комнату вошла мисс Браун. Она застыла на пороге и, обратив к Биллу доброжелательное лицо, спокойно поинтересовалась:

— Вы звали меня, доктор Кори?

Билл ответил не сразу. Он вложил всю душу в долгий прощальный взгляд, обращенный к юному потомку, которого больше никогда не увидит. Осознание, хлынувшее из безбрежного безымянного источника, наполнило его разум, и Билл наконец понял, что грядет и почему так должно быть. Он в последний раз посмотрел в другой куб, на родное лицо Сью, столь похожее на его собственное. Это дитя любви, неосуществленной любви к милой Салли, никогда не увидит свет.

Набрав в легкие побольше воздуха, Билл едва не задохнулся, но отчетливо произнес:

— Мисс Браун, вы выйдете за меня?

Данн сам дал ему подсказку: брачное предложение и его принятие нельзя отменить; дорога в будущее, таким образом, приведет в такой мир, которого ни Сью, ни Билли не суждено будет узнать.

Спокойствие, с которым мисс Браун встретила его вопрос, подало Биллу первый проблеск надежды. Эта

женщина не таращила глупо глаза, не хихикала, не мямлила. Она остановила на нем долгий, проницательный взгляд — Билл только сейчас заметил, что под очками глаза у нее светло-серые,— и невозмутимо ответила:

— Благодарю вас, доктор Кори. Я с радостью выйду за вас.

Все было кончено. В недрах его разума, словно олицетворенное отчаяние, прогремел мучительный вопль попранной веры. Его любимая, дражайшая дочь Сью в мгновение ока канула в небытие, откуда ей больше не выбраться. Прощайте, зеленые райские холмы, прощай, светловолосая красавица на миртовом склоне! Всего этого никогда не было — и не будет.

В другом окне Билл с нестерпимой ясностью увидел на миг лицо Билли, недоверчиво взирающее на него, а за этим любимым, преданным Биллом юношей — корчащегося от ярости правителя. На тот короткий, ослепительный момент, пока исчезающее, несуществующее будущее задержалось внутри куба, Билл заметил в нем вспышку свирепого красно-белого пламени, вырвавшегося из жерла пушки. Жар опалил его мозг; но, настигни эта вспышка Билла — испепелила ли бы она его?

Этого он так и не узнал, потому что все длилось долю секунды, а потом вечность сомкнулась над потухшим миром, накрыла его бесшумной, безбрежной, всепоглощающей волной. Там, где только что суетились люди, Билл видел теперь неподвижное лицо Марты, смотревшей на него сквозь хрусталь. Рядом, в другом кубе, застыла милая и беззаботная улыбка Салли. Фотографии стали для Билла воротами в будущее — но он их закрыл. Ни одна из этих будущностей не воплотилась — и не воплотится. Две полуоформившиеся в космическом разуме задумки, два проекта в грандиозном плане мироздания погасли, словно пламя задутых свечей.

Билл шумно вздохнул и обернулся к сероглазой женщине, стоявшей у порога. Он смотрел на нее, и в голове

у него бродили мысли слишком смутные, чтобы их можно было выразить словами.

«Теперь я твердо уверен — как ни один человек до меня — в нашей тождественности Замыслу. Будущностей неизмеримое множество; сейчас я не могу увидеть все остальные, но надеюсь, очень надеюсь, что эта не худшая. Она не позволит мне забросить мои изыскания, но и не станет заставлять меня дарить их несовершенному миру. Возможно, совместными усилиями нам удастся установить, какой просчет лишает эмбрион самостоятельности, а затем — к чему загадывать? Кто может сказать, почему все случилось так, а не иначе? Все подвластно Замыслу, даже мои видения, но я никогда не узнаю, чему они послужили. Я понял только, что будущее бесконечно, а значит, я не терял ни Билли, ни Сью. Я не согласился бы пожертвовать ими, если бы не был уверен, что они — это я сам, лучшее во мне, остающееся на века. Наверное, я и не умру никогда — моя сущность не иссякнет, пока живы эти лучшие воплощения, какие бы формы и обличья они ни принимали. В них и осуществится высшее предназначение человека — в будущем, которое мне недоступно. И этому тоже есть причина. Когда-нибудь я познаю и ее».

Вслух же Билл ничего не сказал, а просто протянул руку женщине, стоявшей у дверей, и, улыбнувшись, доверчиво поглядел в ее светло-серые глаза.

ДАЭМОН

Слова даются мне с трудом, падре. Уже давно мне не приходилось говорить по-португальски — больше года. Мои здешние собеседники не привыкли к людским наречиям. К тому же, падре, знайте, что в Рио, где я родился, меня прозвали Луис О'Бобо, что значит Луис Простодушный. С головой у меня было что-то не в порядке, поэтому руки мне все время мешали, а ноги то и дело запутывались. Память у меня была никудышная, зато я многое видел. Да, падре, я видел то, о чем другие люди и не догадываются.

Я и сейчас вижу. Знаете ли вы, падре, кто стоит рядом с вами и слушает меня? Впрочем, неважно. Я ведь по-прежнему Луис О'Бобо, хотя этот остров издавна славится исцеляющими свойствами. Теперь-то я помню, что случилось со мной несколько лет назад. Помню даже лучше, чем то, что было на прошлой или позапрошлой неделе. Год пролетел, как один день, потому что время на этом острове течет по-иному. Стоит человеку поселиться с ними, как время исчезает. Я говорю о *нинфа* и им подобных.

Я не лгу. К чему мне это? Я ведь умираю — скоро умру, и в этом вы были правы, падре. Но я и так знал. Давно знал. У вас красивое распятие, падре. Вон как сияет на

© Перевод Т. Алеховой.

солнце. Увы, не для меня. Верите ли, я всегда знал про людей, что кого ожидает. А про себя нет. Может, потому, что у них есть душа, а у меня нет, оттого я и простодушный. А может, дело в одаренности, которая дается только умным. Или то и другое вместе, не знаю. Знаю только, что умираю. *Нинфа* уйдут, и тогда жить станет незачем.

Вы спрашивали, как я попал сюда, и я расскажу, если хватит времени. Вы не поверите. Пожалуй, это единственное место на всей земле, где до сих пор встречается такое, во что вы не верите.

Но прежде чем я расскажу о них, я должен обратиться к прошлому, когда был еще юнцом и жил на берегу синей бухты Рио, у подножия Сахарной Головы*. Помню доки в Рио и мальчишек, дразнивших меня. С виду я был большой и сильный, но умом все равно О'Бобо, не отличающий «вчера» от «завтра».

Minha avó, моя бабушка, была добра ко мне. Она была родом из Сеары** — области неумолимых ежегодных засух — и, полуслепая, страдала от вечных болей в спине. Она работала, чтобы нас прокормить, и не слишком журила меня. Я знаю, она была доброй. Это-то я понимал, на это у меня хватало способностей.

Однажды утром бабушка не проснулась. Я дотронулся до ее руки — она была холодная. Я не испугался, потому что добро не сразу ушло от нее. Я прикрыл ей глаза, поцеловал ее и ушел. Мне хотелось есть, а поскольку я был Бобо, то надеялся, что кто-нибудь накормит меня по доброте душевной.

Кончил я тем, что стал рыться в мусорных кучах. Нет, я не голодал, но был предоставлен самому себе. Вам приходилось испытывать подобное, падре? Похоже на рез-

---

* Сахарная Голова (Pão de Açúcar) — гора в Рио-де-Жанейро, у входа в залив, на берегах которого стоит город.

** Сеара — штат на северо-востоке Бразилии.

кий ветер с гор, от которого не спасает никакая овчина. Однажды я забрел в портовый кабачок и запомнил, как сверкали глаза у темных теней, во множестве сновавших среди пьянствовавших там матросов. У моряков были красные обветренные лица и просмоленные ладони. Они поили меня до тех пор, пока все не завертелось у меня перед глазами и не провалилось во мрак.

Я проснулся на грязной койке. Доски пола скрипели, а сам он качался подо мной. Да, падре, меня увезли обманом. Я пробрался на палубу, где чуть не ослеп от яркого солнечного света, и встретил там человека необычного и сияющего даэмона. Человек тот был капитаном судна, хотя тогда я этого еще не знал. Я его едва видел. Я смотрел на его даэмона.

Почти за каждым человеком следует даэмон, падре. Наверное, вы сами знаете. Какие-то из них темные, вроде тех, что я видел в таверне. А некоторые — сияющие, как у моей бабушки. Бывают цветные, такого бледного оттенка, словно пепел или радуга. А у того человека даэмон был ярко-алый. Настолько яркий, что по сравнению с ним кровь покажется золой. Этот цвет ослепил меня. Но в то же время он и притягивал. Я и взора не мог отвести, и долго смотреть на него не мог: болели глаза. Никогда прежде я не видел цвета столь прекрасного, но и столь пугающего. Сердце у меня в груди сжалось и затряслось, словно собачонка при виде хлыста. Если у меня все же есть душа, наверное, это она и трепетала. Я испугался красоты этого цвета ничуть не меньше, чем ужаса, который он пробудил во мне. Негоже видеть красоту в том, что злонамеренно.

У других людей на палубе тоже были свои даэмоны. Помимо видимых теней за ними следовали и невидимые — у кого светлее, у кого темнее. Но я заметил, что все они шарахаются от того прекрасного алого существа, что нависало над капитаном судна. У других даэмонов глаза светились, а у алого даэмона очей не было. Его пре-

красное слепое лицо было все время обращено к капитану, словно он не мог смотреть иначе, как его глазами. Я видел очертания его закрытых век. И мой страх перед его красотой и порочностью не шел ни в какое сравнение с ужасом от того, что красный даэмон вот-вот приподнимет веки и взглянет на мир.

Капитана звали Иона Страйкер. Это был жестокий человек, от которого следовало держаться подальше. Матросы его ненавидели. Выходя в море, они оказывались в его власти не меньше, чем он сам во власти собственного даэмона. Вот почему я не испытывал к нему той же ненависти, что и другие. Я даже по-своему жалел Иону Страйкера. Вы разбираетесь в людях лучше, чем я, поэтому поймете, что из-за этой жалости капитан ополчился на меня даже больше, чем команда — против него самого.

Однажды утром я вышел на палубу и из-за того, что был ослеплен солнцем и сиянием алого даэмона, а также потому, что был сбит с толку и растерян, нарушил корабельный устав. Не знаю, какое именно правило — их было так много, а память в те дни часто подводила меня. Может быть, приблизившись к капитану, я загородил ему ветер. Наверное, так не делается на клиперах, падре? Мне так и не удалось узнать.

Капитан закричал на меня на языке янки — злые слова, значение которых было мне неясно, а его даэмон запунцовел еще ярче, пока Страйкер обращался ко мне. Потом он ударил меня кулаком, и я упал. Слепое алое лицо, реющее над капитаном, преисполнилось тайного наслаждения, вослед гневу Страйкера. Мне подумалось, что закрытые глаза даэмона смотрят на меня посредством капитанского зрения.

Я зарыдал. Тогда-то я впервые понял, что человек вроде меня воистину одинок. У меня ведь нет даэмона. Не просто тоска по бабушке или любому дружескому уча-

стию нагнала слезы — ее я еще мог бы пережить, но только не блаженство на слепом лице даэмона. Он радовался дурному поступку капитана, и я тут же вспомнил, как радуются и переливаются порой яркие даэмоны, сопутствующие добрым натурам. Однако ни один из моих поступков не вызовет ни радости, ни огорчения у того, что движет человеком, обладающим душой.

Я лег на залитую солнцем, нагретую палубу и плакал — не из-за взбучки, а потому, что неожиданно понял, насколько я одинок. Нет такого даэмона, который толкал бы меня на добро или зло. Наверное, потому, что и души у меня нет. Даже вам, святой отец, не под силу постичь, что значит подобное одиночество.

Капитан схватил меня за руку и грубо поставил на ноги. Я все еще не понимал, что он говорит мне на языке янки, хотя потом я навострился схватывать смысл разговоров, которые вели матросы. Наверное, вы удивляетесь, как это О'Бобо мог выучить чужестранный язык. А это нетрудно. Пожалуй, даже проще, чем разумному человеку. Многое я читал по лицам даэмонов и, хотя большинство слов звучали для меня по-прежнему непривычно, догадывался об их значении по обрывкам мыслей в головах людей.

Капитан окриком подозвал Бартона, и старший помощник в страхе кинулся к нему. Одновременно Страйкер оттолкнул меня к лееру, так что я едва удержался на ногах, видя и его, и палубу, и даэмонов сквозь радужную пелену слез, застилавших мне глаза.

Завязалась перебранка — судя по их жестам, относительно меня и еще двух мужчин, вывезенных из порта Рио. Старший помощник, указывая на меня, лупил себя по голове, капитан клял его на чужеземном языке, а даэмон, стоящий у него за плечом, сладко улыбался.

Наверное, в тот раз Страйкер впервые заметил жалость на моем лице, когда встретился со мной взглядом. Этого он, конечно, не мог стерпеть — выдернул из поруч-

ня кофель-нагель* и засветил мне по лицу так, что зубы во рту раскрошились. Но кровь, что я сплюнул на палубу, была бесцветнее воды по сравнению с багрянцем капитанского даэмона. Там были и другие даэмоны, наблюдавшие, как льется у меня кровь, но только алый слегка склонился, вдыхая, вбирая ее в себя, словно благовоние. Капитан снова ударил меня — за то, что я изгадил палубу. Первым моим поручением на борту «Танцующей Марты» было отскрести собственную кровь с опалубки.

Затем меня препроводили на камбуз и толкнули в узкий проход, прямо под ноги коку. Я обжег ладони о плиту. Капитан осклабился, видя, как я отпрянул. Нестерпимо было слышать этот смех снова и снова, много раз за день, и не находить в нем подлинного веселья. Зато был доволен даэмон капитана.

Боль от побоев и ожогов надолго сделалась моей постоянной спутницей, чему я был даже рад: она отвлекала меня от мыслей о собственном одиночестве, внезапно постигнутом мною. Это было нелегкое время, падре. Худшее в моей жизни. Позже, когда я уже избавился от одиночества, я оглядывался на те дни, подобно душе в раю, порой вспоминающей чистилище.

И все-таки я по-прежнему одинок. Никто не идет за мной следом, как за всеми прочими людьми. Здесь, на острове, я столкнулся с *нинфа* и удовольствовался их обществом.

Я обнаружил их благодаря Шонесси. Теперь я понимаю его лучше, чем в те дни, потому что он был мудрецом, а я до сих пор всего лишь О'Бобо. Но мне кажется, что кое-какие его мысли сейчас мне доступны, ведь и я в свою очередь знаю, что вот-вот умру.

---

* Кофель-нагель — деревянный или металлический стержень с рукоятью на верхнем конце, вставляемый в гнездо кофель-планки для завертывания на него бегущего такелажа (подвижных судовых снастей).

Шонесси долго носил в себе смерть. Как долго, мне неведомо. Она вошла в него не за одну неделю или даже месяц и поселилась в легких и сердце, подобно ребенку во чреве матери, ожидающему срока своего рождения. Шонесси был пассажиром на судне. Он был богат, поэтому мог потратить оставшееся время своей жизни, как ему вздумается. К тому же он принадлежал к прославленному семейству в чужедальней стране, именуемой Ирландией. У капитана были свои причины, чтобы недолюбливать Шонесси. Страйкер насмехался над его недомоганием и побаивался его болезни. Возможно, он в чем-то и завидовал ему, потому что род того считался королевским, отчего Шонесси презрительно относился к смерти. А капитан, несомненно, страшился ее. Она ужасала его, и недаром. Хотя Страйкер понятия не имел, что над его плечом нависает невидимый даэмон с елейной улыбкой, внутреннее чутье, видимо, предупреждало его о близящемся сроке, неотвратимом, словно смерть в легких Шонесси. Я видел, как умер капитан. Не зря он боялся часа, предсказанного его даэмоном.

Жизнь на корабле была несладкой. Хуже всего то, что нас окружала несказанная красота. Раньше мне не приходилось бывать в море, поэтому мне в диковинку были и бег судна по волнам, и взметнувшиеся ввысь облака тугих парусов, и сам морской простор, изборожденный цветными течениями и слепящий солнечными бликами, дорожкой протянувшимися по воде. Белые чайки неустанно кружили над палубой, поджимая желтые лапки, а дельфины, не отстающие от корабля, совершали у борта дугообразные прыжки, роняя капли, сверкающие подобно алмазам.

Я трудился не покладая рук, получая в награду лишь избавление от побоев, если справлялся с поручением, и объедки со стола после того, как кок хорошенько насытится. Кок был подобрее капитана, но все же дурным че-

ловеком. Ему было плевать на все, и даэмон у него был мутный, вечно сонный, равнодушный и к коку, и ко всему миру.

Шонесси вернул мне желание жить. Если бы не он, я мог бы предаться отчаянию и однажды ночью, пока никто не смотрит, кинулся бы во вздымавшиеся вокруг волны. Для меня, человека без души, это вовсе не грех, как для всех остальных.

Но я удержался из-за Шонесси. Даэмон у него был изумительный — на свету перламутровый, а в сумерках мерцающий более темными оттенками. Возможно, он прожил не слишком праведную жизнь, я ничего об этом не знаю. Может быть, дыхание смерти заставило его прозреть. Скажу только, что ко мне он был необыкновенно добр. Даэмон его светлел вместе с нараставшей в Шонесси слабостью и приближением смерти.

Он много рассказывал. Мне никогда не доводилось бывать в далекой стране Ирландии, но в своих грезах я часто бродил там, следуя за его повествованием. Познакомился я и с ранее неведомыми мне греческими островами, которые Шонесси успел полюбить, пока жил в тех краях.

Он предупредил меня, что его рассказы — вымысел, но, думаю, он и сам им отчасти верил, настолько красочными были его описания. Великий Одиссей был для меня живым человеком из плоти и крови, с сияющим даэмоном у плеча, и я будто сам помнил волшебное путешествие, длившееся долгие годы, словно был одним из матросов его судна.

Он поведал мне об ослепительной Сафо, и я понял, почему поэт так ее назвал, и Шонесси, наверное, тоже, хотя и не признался в этом. Я представил, сколь сияющим было существо, следовавшее за ней по светлым дорогам Лесбоса и склонявшееся к ее плечу, пока она пела.

Он говорил о нереидах и океанидах, и однажды мне показалось, будто вдали, среди солнечной морской гла-

ди, слепящей глаза, высунулась из воды огромная голова, и я услышал звук рога, которым мокрый Тритон сзывал девушек с рыбьими хвостами.

«Танцующая Марта» бросила якорь у берегов Ямайки, чтобы взять груз сахара и рома. Затем мы направились к стране, именуемой Англией, стремительно бороздя голубой океан. Но нам не везло. Все на корабле шло наперекосяк. Бочонки для воды не были вычищены как следует, и наше питье протухло. Личинки из соленой свинины еще можно кое-как выбрать, но негодную воду пить не будешь. Поэтому капитан распорядился взять курс на островок, находившийся где-то в этих широтах,— слишком крошечный, чтобы там мог кто-нибудь жить. Это был просто утес, поднимающийся из неведомых морских глубин, а на нем, в окружении поросших лесом скал, возносилась высоко вверх струя живительного источника.

Я заметил утес на рассвете и сначала принял его за зеленоватое облако на горизонте. Когда мы приблизились, он стал похож на зеленый драгоценный камень, покоящийся на синеве волн. Сердце едва не выпрыгнуло у меня из груди и стало легче воздуха, засияв всеми цветами радуги. Мне на миг показалось, что этот островок похож на те, что находятся в бухте Рио, будто я вернулся домой и на берегу меня ждет бабушка. Я многое тогда забывал. Не помнил, что она уже умерла. Я был уверен, что сейчас мы обогнем утес, и с другой стороны откроется праздничная бухта у подножия Руа д'Опорто, с прекрасным городом на холмах, подступающих к морю.

Я был так в этом уверен, что побежал обрадовать Шонесси о прибытии домой. А поскольку очень спешил и не видел перед глазами ничего, кроме Рио, то налетел на капитана, стоявшего на палубе. Он покачнулся и схватил меня за руку, чтобы сохранить равновесие, и на миг мы оказались совсем близко друг к другу, так что алый

даэмон распростерся и у меня над головой, обратив ко мне свое безглазое лицо.

Я засмотрелся на его прекрасный улыбчивый лик, которого, казалось, можно было коснуться рукой, и все же более недосягаемый, чем самая далекая из звезд. Я взглянул на него и вскрикнул от ужаса. Никогда раньше мне не приходилось настолько приближаться к даэмону — я чувствовал его дыхание на своем лице, сладкое, леденящее кожу жгучим холодом.

Страйкер побелел от гнева и... от зависти? Возможно, он и вправду завидовал мне — О'Бобо, потому что человеку с даэмоном, подобным капитанскому, вполне пристало завидовать кому бы то ни было, пусть даже напрочь лишенному даэмона. Он яростно ненавидел меня, потому что знал о моем сочувствии к нему, а сочувствие такого, как О'Бобо, наверное, очень унизительно. К тому же он видел, что я всегда отвожу глаза, не перенося ослепительного цвета его даэмона. Скорее всего, он не догадывался, почему я моргаю и прячу взгляд, внутренне содрогаясь всякий раз, когда сталкиваюсь с ним. Зато он догадывался, что причиной такого избегания был не злобный страх, как у других матросов. Думаю, он чувствовал, что проклят и именно поэтому я не могу удержать на нем взгляд. Страйкер поневоле ненавидел и боялся презреннейшего члена команды и в то же время завидовал ему.

Капитан окинул меня взглядом, и лицо его мертвенно побледнело, а даэмон над ним заалел еще живее и ярче. Дрожащей рукой Страйкер потянулся за кофельнагелем. Его глазами глядел на меня не человек, а даэмон, трепещущий от удовольствия точно так же, как я трепетал от страха.

Штырь опустился мне на голову, и я почувствовал, как хрустнул под ударом череп. Перед глазами мелькнула ослепительная вспышка, тут же заполнив всю голову. Больше ничего о том злодеянии я не помню. Меня

вдруг окутала тьма, сквозь которую я различал только яркие молнии капитанских ударов. Даэмон его смеялся.

Когда я пришел в себя, то понял, что лежу на палубе, а рядом на коленях расположился Шонесси, обмывающий мне лицо какой-то жгучей жидкостью. Даэмон, переливающийся перламутром, участливо смотрел на меня из-за его плеча. Но я не ответил на этот взгляд. Мое одиночество жалило сильнее, чем ссадины от побоев, потому что у меня не было своего даэмона, который склонился бы над моими болячками, и не будет никогда.

Шонесси заговорил со мной на мягком, убаюкивающем лиссабонском наречии, к которому я никак не мог привыкнуть.

«Не двигайся, Луис,— шептал он,— не плачь. Я позабочусь, чтобы он больше не прикасался к тебе».

А я и не знал, что рыдаю. Но я плакал не от боли, а от печали на лице его даэмона и от одиночества.

«Когда он вернется с острова,— продолжил Шонесси,— я поговорю с ним начистоту».

Он говорил и говорил, но я не слушал. Я боролся с мыслью, нет, многими мыслями, продиравшимися сквозь сонный туман, в который был вечно погружен мой разум. Шонесси хотел мне добра, но капитан был хозяином судна. К тому же мне по-прежнему казалось, что мы стоим в порту Рио и бабушка ждет меня на берегу.

Я сел. За леерами сверкал зеленью высокий утес, солнечные блики плясали на воде и на листве, скрывавшей его склоны. И я понял, что надо делать. Шонесси ушел за водой, а я тем временем поднялся на ноги. Голова у меня раскалывалась, все тело ныло от капитанских ударов, а палуба ходила ходуном, хотя больших волн на море не было. Я подошел к поручню, без усилий перевалился через него и тихо погрузился в пучину. После этого я помню только вспышки, жгуче-соленую воду, вздымающиеся и опадающие волны, жар в легких, с которым не могла соперничать даже боль от попавшей

в них жидкости. Затем я ощутил под коленями песок и выполз на узкую прибрежную полосу, а потом, думается мне, заснул в тени пальм.

Мне приснилось, что уже стемнело, над головой сияют звезды — такие близкие, что рукой подать, и такие яркие, что больно глазам. Мне снилось, что какие-то люди за пальмами зовут меня, а я все молчу. Мне слышались звуки ссоры, громкий и недовольный капитанский голос против решительного и высокого тона Шонесси. Затем скрипели уключины, и весла с плеском погружались в воду, а потом, наконец, все это отступило перед теплом и темнотой.

Я поднял руку, чтобы потрогать созвездие, висевшее у меня над головой,— оно казалось светлым и трепетало под пальцами. Это было лицо Шонесси.

Я прошептал: «О сеньор!», потому что помнил, что капитан где-то поблизости. Шонесси, озаренный светом звезд, улыбнулся: «Можешь не шептать, Луис. Мы теперь одни».

На острове мне было хорошо. Шонесси обходился со мной по-дружески, дни текли долго и безмятежно, и сам остров благоволил к нам. Это всегда чувствуется. В те дни я было решил, что уже никогда не увижу ни Страйкера, ни его нестерпимо-алого даэмона, источающего за плечом капитана слепую затаенную улыбку. Капитан оставил нас на погибель на этом острове, и одного из нас она все же настигла.

Шонесси уверял, что другой бы непременно скончался от ударов, которые пришлись на мою долю. Но, видимо, мой разум так незатейлив, что его легко залатать; к тому же через пролом в черепе в мою голову могло проникнуть еще немного ума. Или, может быть, тут заслуга счастливого стечения обстоятельств, обилия пищи и сказок Шонесси о том, во что вы не верите, святой отец.

Шонесси слабел по мере того, как я набирался сил. Целые дни он проводил в тени раскидистого дерева на

берегу, и вместе с покидающими его силами даэмон его все светлел и отдалялся, словно уже готов был переступить черту иного мира.

Когда я окончательно поправился, Шонесси показал мне, как устроить пальмовую хижину для защиты от ливней.

«Здесь бывают тайфуны, Луис,— сказал он.— Эта барака не устоит перед непогодой. Запомнишь ли ты, как построить такую же?»

«Sim,— ответил я,— запомню. Вы мне покажете».

«Нет, Луис, меня здесь не будет. Ты должен будешь сам все сделать».

Он снова и снова повторял свои объяснения с неизменным терпением: как искать моллюсков на отмелях во время отлива, как ловить рыбу в ручье, какие плоды можно есть, а какие — ни в коем случае. Мне это давалось с трудом: стоило перенапрячь память, как начинала болеть голова.

Я бродил по острову, потом возвращался и рассказывал, что мне удалось обнаружить. Вначале я не сомневался, что стоит взобраться на холмы, как с вершин мне откроются склоны Рио, сияющие по ту сторону пролива. Сердце мое замерло, когда я впервые оказался наверху: впереди расстилался все тот же бескрайний океан, вздымающий валы между мной и горизонтом. Впрочем, вскоре я опять все позабыл, и Рио вместе с остальным прошлым померк в моей памяти.

Я отыскал чашевидное озерцо с вкусной прозрачной водой, заполнившее пустоту меж утесами, со дна которого, пузырясь, бил ключ. Оттуда, с высоких скал, в древесной тени бежал ручеек, прыгая по уступам, выдолбив в каждом небольшой водоем. Я набрел на рощи, где бледные пряди листвы, напоминавшие распущенные волосы, шелестели, вторя шуму водопада. Людей я не обнаружил, хотя не мог отделаться от ощущения, что за мной наблюдают сквозь лиственную завесу, а иногда за

моей спиной будто кто-то смеялся, но тотчас смолкал, стоило мне обернуться. Я рассказал об этом Шонесси, и тот улыбнулся.

«Я перестарался со сказками,— сказал он.— Впрочем, если кому-то и дано их увидеть, то как раз тебе, Луис».

«Sim, сеньор,— подхватил я.— Расскажите мне еще о лесных женщинах. Вы думаете, сеньор, это они?»

Он пропустил меж пальцев струйку песка, глядя на нее так, будто в самом падении песчинок заключался некий недоступный мне смысл.

«Ах да,— ответил Шонесси,— может, и они. Им больше по душе оливковые рощи Греции и древесные великаны на Олимпе. Но у каждой горы своя ореада. И здесь, наверное, они есть. Маленький народец давно уже бежал из Ирландии, и, насколько мне известно, ореады тоже чураются цивилизации. Места, подобные этому, заменили им дом. Одна из них когда-то давно обернулась источником. Я видел его в Греции и пил из него. Наверное, его воды были волшебными, потому что с тех пор я все время возвращался в Грецию. Я уезжал, но не мог надолго ее покинуть.— Он улыбнулся.— Может быть, поскольку сам я не могу добраться туда, ореады и навестили меня здесь».

Я внимательно всматривался в его лицо, пытаясь разгадать, шутит он или нет, но Шонесси только покачал головой и снова улыбнулся.

«Думаю, они навестили не меня — скорее, тебя, Луис. Они уповают на веру. Если ты в них веришь, может, они тебе и покажутся. Кому, как не мне, знать такие вещи. Тебе впоследствии потребуется общество, дружок,— пусть это будут хотя бы они».

Он снова стал пересыпать песок в ладонях, и выражение его лица при этом было такое, что я озадачился.

Ночь на острове спускалась быстро. Там было очень красиво. Шонесси говорил, что острова исполнены особого очарования, потому что на них суша встречается с

морем. Мы частенько лежали на берегу и глядели, как полыхают гребни волн, накатывающих на песок, а потом устало отползающих назад. Шонесси все рассказывал. Голос его заметно ослабел, и он уже не терзал меня повторением затверженных мною истин. Он повествовал о древнем волшебстве, и в свои последние дни все чаще вспоминал о чудесах страны, именуемой Ирландией.

Он поведал мне о зеленых человечках, прячущих свои фонарики среди зарослей папоротника. Рассказал о единороге, обгоняющем в беге любую птицу,— волшебном олене с единственным рогом на лбу, длинным, словно древко копья, и острее острого. Он говорил также о Пане с козлиными ногами, бегающем по лесам, приносящем веселье и сеющем после себя панику — вроде той, что навевает его имя и в нашем языке, и в языке Шонесси. Мы, бразильцы, называем ее panico.

Однажды вечером Шонесси обратился ко мне, воздев передо мной деревянный крест.

«Посмотри-ка, Луис,— сказал он, и я заметил, что на перекладинах ножом вырезаны какие-то значки.— Это мое имя,— пояснил Шонесси.— Если кто-нибудь приедет сюда искать меня, покажи им этот крест».

Я внимательно рассмотрел зарубки. Я понял, что он имел в виду, говоря об имени: это тоже своего рода волшебство, когда закорючки могут говорить, только голосок у них такой тихий, что ушами его не услышишь. Я — О'Бобо, и читать не умею, потому что не понимаю, как это возможно.

«Когда-нибудь,— продолжил Шонесси,— думаю, кто-нибудь сюда доберется. Моя родня не поверит россказням капитана Страйкера, что бы он там ни выдумал. Или подвыпившие матросы могут проболтаться. На тот случай, если они отыщут этот остров, Луис, поставь этот крест над моей могилой, чтобы люди знали, кто там похоронен. И не только поэтому,— задумчиво произнес он,— не только. Впрочем, неважно, meu amigo».

Он подсказал мне, где вырыть для него ложе. Он не велел класть в могилу листья или цветы — я сам додумался, когда через три дня пришел срок. Раз уж он того пожелал, я положил его в землю, хотя мне и не очень хотелось. Но мне было немного страшно ослушаться его распоряжений, потому что даэмон Шонесси все еще витал над ним — очень, очень яркий, настолько, что я не мог смотреть ему в лицо. Казалось, от него исходит музыка, но мне могло и почудиться.

Я осыпал цветами сначала Шонесси, а потом землю над ним. Не вся она поместилась обратно в яму, поэтому я устроил сверху вытянутый холмик — по росту Шонесси, а в головах, как он учил, воткнул подножие креста. Затем я попробовал приложить ухо к значкам на перекладине, надеясь услышать их беседу: мне казалось, что шепот зарубок, сделанных его руками и означающих его имя, ненадолго прогонит мое одиночество. Но все было тихо.

Затем я возвел глаза к его даэмону — тот сиял, словно полуденное солнце, и свет от него был нестерпимым. Я закрыл себе веки ладонями, а когда отнял их, даэмон уже исчез. Вы не поверите моим словам, падре, но в тот самый момент что-то вокруг переменилось. Все листья на острове будто повернулись другой стороной, слаженно прошелестев некое слово,— всего один раз, а потом все стихло. Мне кажется, я догадываюсь, что это было за слово, и могу потом поделиться с вами — если захотите.

Остров тоже вздохнул — похоже на человека, который долго задерживал дыхание, боясь боли, и облегченно выдохнул, когда боязнь прошла. Тогда я понятия не имел, что все это означает. Но мне захотелось вскарабкаться на скалы, к источнику, потому что он напоминал мне о Шонесси. Я полез вверх, пробираясь меж плакучих деревьев. Ветер свистел среди ветвей, а мне чудился смех. Я вроде бы даже заприметил одну *нинфа,* буро-зеленую на фоне зарослей, но она засмущалась. Когда я

обернулся, бурое стало древесной корой, а зеленое — просто листвой.

Я подошел к источнику — из него пил единорог. Он был прекрасен, белее пены, а его грива спускалась по обеим сторонам могучей шеи, словно накипь на гребнях волн. Острие его длинного витого рога чуть касалось воды, пока он утолял жажду, и далеко по воде расходились круги. Учуяв меня, он вздернул голову: на его бархатистой морде сверкали капли, похожие на бриллианты. Глаза у единорога были такими же зелеными, как и отражение листвы в ручье, а в их серединках горели золотые точки. Медленно, с плавной величавостью он повернулся и удалился в лес. Там, куда он ушел, раздавалось пение.

Я все еще оставался О'Бобо. Я попил на том же самом месте, где только что был единорог, и мне подумалось, что вода стала куда слаще. Затем я вернулся в барраку на берегу, потому что уже все забыл и рассчитывал найти там Шонесси.

Настала ночь, и я уснул. Рассвело, и я проснулся как ни в чем не бывало. Я выкупался в море. Потом собирал моллюсков и плоды, пил из ручейка, вытекающего из горного озерца. Но едва я наклонился к воде, из нее высунулись две белые руки, схватили меня за шею, и на губах я ощутил поцелуй чьих-то мокрых холодных губ. Меня приняли в братство. С тех пор островные *нинфа* больше не скрывали своих лиц.

Волосы и борода у меня понемногу отросли, а одежда изорвалась о кустарник и превратилась в лохмотья, которые вы видите на мне. Но я не обращал на это внимания. Это не имело для меня значения, ведь они видели не мою внешность, а мою простоту. Я был такой же, как *нинфа* и все прочие.

Часто меня навещала ореада той горы, куда приходил пить единорог. Бессмертие сделало ее мудрой и загадочной. Внешние уголки ее раскосых глаз были обращены вверх, а волосы — зеленый лиственный поток —

реяли сзади, поскольку ее всегда овевал ветерок, даже при полном затишье. В жаркий день она любила сидеть у водоема, запуская темные пальцы в гриву единорога, примостившегося рядом. Во время наших бесед они не сводили с меня глаз: она — мудрых и раскосых, цвета древесной тени, а он — круглых и зеленых, напоминавших отражения в озерце, с золотыми искорками внутри.

Ореада многое мне поведала. Большую часть я не могу пересказать вам, падре. Но Шонесси оказался прав: я верил в них, и они тянулись ко мне. Пока был жив Шонесси, они не могли являться воочию, им оставалось лишь наблюдать со стороны: они боялись. Но потом их страх прошел.

Уже много лет они лишены пристанища и бродят по свету в поисках уголка, где нет места недоверию, где они могли бы обосноваться. С любовью рассказывали они о греческих островах, тоскуя по их языкам, и сквозь их речь я будто снова слышал Шонесси.

Они говорили о Нем — о том, кого я еще не видел, вернее, заметил лишь украдкой. Это случилось, когда в сумерках я проходил мимо захоронения Шонесси: оказалось, что крест на его могиле рухнул. Я выпрямил его и снова приложил ухо к зарубкам, надеясь услышать их тихий шепот. Но это волшебство было мне по-прежнему недоступно.

Зато я увидел, как кто-то — Он — бродит неподалеку. Однако, пока я поднимал крест, Он неторопливо удалился, медленно скрывшись в сумраке леса, и оттуда вскоре донесся до меня высокий звук свирели.

Наверное, Ему не было до меня дела, тогда как все другие были мне рады. Они утверждали, что теперь редко встретишь человека, который чувствовал бы себя своим в их обществе. С того самого времени, когда началось их изгнание, со слезами говорили они мне, почти не осталось людей, кто близко знал бы их. Я расспрашивал об изгнании, и они сказали, что оно длится много-много лет. Боль-

шая звезда застыла в небе над яслями в городе, чье название я запамятовал, хотя когда-то знал. Помню только, что оно было красивым. Небеса разверзлись, в вышине разнеслась песнь, после чего греческие боги вынуждены были спасаться бегством. С тех пор они и кочуют.

Они были рады, что я составил им компанию, а уж как я-то был рад: впервые после бабушкиной смерти я осознал, что не одинок. Даже Шонесси не смог так сблизиться со мной, как *нинфа*,— потому что у него был даэмон. *Нинфа* же бессмертны, но души у них нет. Именно поэтому, думается мне, они так обрадовались моему обществу. Мы, простодушные, рады всякому, кто похож на нас. Для нас единственное спасение от одиночества состоит в том, чтобы держаться вместе. *Нинфа* давно это поняли, на то они и вечные, и я делился с ними всем. Мне было очень жаль их, ведь их смертный час грозил вот-вот наступить.

Да, жить на острове было прекрасно. Дни и месяцы проходили в неге, исполненные цветистых оттенков и запахов моря. Ночь освещали звезды, яркие, словно эти факелы у нас над головой. И я уже не был прежним О'Бобо, потому что *нинфа* учили меня мудрости, которой я не слыхивал от людей. Это было счастливое время.

А потом на остров возвратился Иона Страйкер.

Вы прекрасно знаете, падре, почему он вернулся. Мудрый Шонесси верно предсказал, что его ирландская родня не успокоится, пока не выяснит все у капитана, а тому нечего было ответить. Но Шонесси не смог предугадать, что Страйкер быстро вернется, пока родственники Шонесси не дознались правды, со злобным умыслом уничтожить на острове все следы пребывания тех двух, кого он обрек на гибель.

В тот день я сидел на берегу, слушая песни двух нереид, разлегшихся в полосе прибоя; морская вода окаты-

вала их и отбегала назад по покатой песчаной отмели. *Нинфа* выгибали прекрасные рыбьи тела, отливающие всеми цветами радуги, и напевали. Голоса их смешивались с шепотом волн, вторя музыке морских глубин.

Вдруг пение оборвалось, и я увидел, как на лицо одной, а потом и другой набежал ужас. Зеленая кровь их жил отхлынула, и обе нереиды уставились на меня, от страха белые, почти прозрачные, словно уже распростились с жизнью. Затем они дружно повернули головы, всматриваясь в морскую даль.

Я тоже вгляделся. Как мне помнится, первым, что я заметил, была полыхнувшая алым вспышка далеко впереди, над гребнями волн. И сердце у меня в груди затряслось, словно собачонка при виде хлыста. Я сразу узнал этот прекрасный и ужасный отсвет.

Следом я увидел «Танцующую Марту», встающую на якорь у гряды скал. Между берегом и судном показалась шлюпка, ныряющая с волны на волну; человек в ней сгибался и выпрямлялся, и снова сгибался над веслами, лопасти которых то и дело вспыхивали на солнце. Над гребцом нависало алое облако, отсвечивающее устрашающим багрянцем.

Я обернулся — *нинфа* исчезли. Нырнули ли они в пучину или просто растворились, пропали с глаз — я так и не понял. Больше они мне не являлись.

Я отошел в заросли и стал наблюдать из-за деревьев. Дриады молчали, но я слышал рядом их прерывистое дыхание и трепет листвы. Я не мог смотреть на алого даэмона, скользящего ко мне по голубым волнам, но и не смотреть не мог, настолько он был прекрасен и опасен одновременно.

Капитан сидел в лодке один. Я уже почти перестал быть О'Бобо и понимал, почему он один. Страйкер вытащил лодку на песок и стал взбираться вверх по откосу, а даэмон его реял над ним багровой тенью. Я видел, что прекрасный, безмятежный слепой лик даэмона испол-

нен блаженства от намерений капитана. В руке Страйкера поблескивал пистолет с длинным дулом. Капитан ступал осторожно, оглядываясь по сторонам. Он был явно чем-то озабочен, и рот его стал еще жестче с тех пор, как я видел его в последний раз.

Мне было жаль его, но в то же время я боялся. Я понял, что он намерен убить всякого, кто повстречается ему на острове, чтобы ни одна живая душа не смогла поведать семье Шонесси о злодеяниях капитана.

На берегу капитан наткнулся на мою барраку, крытую пальмовыми листьями, и разнес ее в клочья ударами жестких башмаков. Затем он набрел на холмик над могилой Шонесси, над которым возвышался крест, поставленный в головах. Страйкер склонился к перекладине, и значки на ней рассказали ему то, что не хотели поведать мне. Я ничего не уловил, а он все расслышал и понял. Тогда он ухватился за крест и выдернул его из могилы.

Затем капитан вернулся к развалинам барраки, где тлел костерок, который я обычно поддерживал. Страйкер сломал крест о колено и бросил обломки на горячие угли. Сухая древесина мигом вспыхнула и сгорела у меня на глазах. Я заметил также, что пламя вызвало легкий ветерок, а по листве окрест пронесся неприметный вздох. Теперь ничто не могло указать тем, кто пришел бы впоследствии на остров, что Шонесси покоится в здешней земле. Ничто и никто — кроме меня.

Страйкер заметил мои следы вокруг разрушенной барраки и нагнулся, желая получше их рассмотреть. Когда же капитан распрямился и внимательно обследовал взглядом побережье и заросли, я заметил в его глазах блеск. Не человек смотрел этими глазами, а его даэмон.

Капитан двинулся по моим следам к лесу, где я укрылся. Я сильно испугался, вскочил и побежал сквозь заросли, а вокруг всхлипывали дриады. Они отводили ветви с моей дороги, а потом снова распрямляли их, чтобы пре-

градить преследователю путь. Я все бежал, карабкался на скалы, пока не оказался у озерца, облюбованного единорогом. Горная ореада уже ждала меня, положив руку на шею животному.

На острове поднялся ветер. Деревья шелестели, переговариваясь меж собой, а лиственная шевелюра ореады развевалась, открывая ее мудрое лицо с раскосыми глазами. Ветер трепал серебристую гриву единорога, рябил воду озерца.

«Беда пришла, Луис»,— сказала мне ореада.

«Даэмон. Я знаю»,— кивнул я и поморгал, потому что мне почудилось, будто они с единорогом, как и морские *нинфа*, настолько побледнели, что просвечивают на фоне леса. Или, может, просто даэмон капитана обжег мне глаза?

«На остров пришел человек, обладающий душой,— продолжила она.— Он не верит в нас. Хотя, может быть, ему придется поверить, Луис».

«У Шонесси тоже был даэмон,— возразил я,— но вы жили здесь и до того, как его даэмон покинул его. Почему же сейчас вы хотите уйти?»

«Его даэмон был добрым. Но, пока он был здесь, мы могли жить лишь наполовину. Ты же помнишь, Луис, что я говорила о часе, когда звезда застыла над яслями, в которых лежал младенец. Тогда силы покинули нас. Мы не можем оставаться там, где живут людские души. У пришельца душа очень недобрая, она пугает нас. Впрочем, теперь он сжег крест, и Хозяин еще может побороться...»

«Хозяин?» — удивился я.

«Тот, кому мы служим. Тот, кому и ты служишь, Луис. Пожалуй, и твой Шонесси служил Ему, хоть и не догадывался об этом. Он — Повелитель открытых глаз и дальних мест. Он не может явиться, пока существует Знамение. Однажды ты уже видел Его — когда Знамение случайно рухнуло на могиле, но ты, наверное, успел забыть».

«Я не забыл. Я уже не такой О'Бобо, как прежде».

Она улыбнулась мне, и сквозь ее приветливое лицо я увидел деревья позади нее.

«В таком случае ты в силах помочь Хозяину, когда наступит срок. Мы не можем этого сделать — мы слишком ослаблены присутствием не верящего в нас человека, сопровождаемого даэмоном. Видишь?»

Она дотронулась до моей руки, но вместо прикосновения ее мягких пальцев я ощутил только холодок, пробежавший по коже подобно сквозняку.

«Может быть, Хозяин одолеет его,— произнесла ореада едва слышно, будто издалека, хотя стояла совсем рядом,— не могу предсказать. Нам пора, Луис. Кто знает, встретимся ли мы теперь. Прощай, дорогой О'Бобо,— пока я еще в силах попрощаться...»

Последние ее слова смешались с шелестом листвы, и ореада с единорогом обратились в дымок, какой тянется от костра по лесной прогалине. Одиночество охватило меня еще сильнее, чем в тот час, когда я узрел даэмона капитана и понял истинную причину своей печали. Впрочем, горевать не было времени: среди листвы позади меня пронесся испуганный шепот, а затем раздался треск сучьев под ногами, и меж деревьев мелькнул ужасный алый отсвет.

Я побежал. Я толком не знал, куда бегу. Я слышал, как вскрикивали вокруг дриады — значит, меня окружал лес. Наконец я снова оказался на берегу и увидел вытянутый могильный холмик Шонесси, уже без креста. Я резко остановился: страх обуял меня. Над могилой низко склонилось Нечто.

Ранее такой страх был мне неведом — жестокий и смутный, он окутывал Хозяина, словно облако. Я знал, что он не желает мне зла, но ужас давил на меня, вызывая головокружение от паники. *Panico*...

Хозяин встал, нависая над могилой, дважды топнул ногой с козлиным копытом и поднес флейту к губам, пря-

тавшимся в бороде. До меня донесся странный высокий рыдающий звук, от которого кровь стыла в жилах. Эта музыка вызвала явление, уже однажды замеченное мною на острове: все листья на деревьях повернулись обратной стороной, прошептав одно лишь слово. Это слово и было именем Хозяина. Я побежал оттуда прочь в панике — как и всякий, кто хоть раз слышал это имя.

Я добежал до края прибрежной полосы — дальше пути не было. Тогда я присел за выступом скалы, на мокром песке, и стал ждать, когда мой преследователь покажется из леса. Оттуда вышел капитан, сопровождаемый даэмоном, который реял над ним подобно дымке. Страйкер держал пистолет наготове, а его глаза обшаривали берег, словно подкарауливая дичь на охоте.

Наконец он заметил Хозяина, стоявшего над могилой Шонесси. Я видел, как он разом застыл, оцепенел, словно обратился в камень, так что алый даэмон даже немного опередил его в полете. Капитан глядел во все глаза, и неверие его было столь сильным, что мне даже на миг показалось, будто очертания Хозяина расплылись, как в тумане. Все же сила людей, обладающих душой, невероятна.

Я выпрямился, показавшись из-за скалы, и выкрикнул, стараясь перекрыть шум прибоя: «Хозяин, Великий Пан, я верю!» Он услышал меня, вздернул голову с рожками, и контуры его тела вновь обрели четкость. Хозяин опять поднес флейту к губам.

Капитан Страйкер резко обернулся, услышав мой крик. Он вскинул пистолетное дуло — мелькнула вспышка, и раздался грохот выстрела. Что-то пронеслось мимо со зловещим визгом, но не задело меня.

Полились звуки музыки — ужасной, нестерпимо-пронзительной, похожей на беспричинный звон в ушах. Она неощутимо, но сильно захватила капитана и заставила его обернуться, и он снова застыл, оцепенев, не в силах отвести взгляд. Даэмон над его головой беспокойно извивался, похожий на змею.

И вдруг капитан Страйкер пустился наутек. Я видел, как мокрый песок летел из-под его подошв, пока он убегал вдоль берега. Следом за ним летел его даэмон — алая тень с закрытыми глазами, а позади них шел Пан, мелко переступая козлиными копытцами, не отрывая флейту от губ и сверкая на солнце золотыми рожками. И любому страху, что подкарауливает людей в ночи, было, по-моему, далеко до этого полуденного ужаса.

Я все таился за скалой. Море позади меня было пустынно, если не считать «Танцующей Марты», стоявшей на якоре и ожидавшей капитанских распоряжений. Ни одна из *нинфа* не показывалась из пены, чтобы составить мне компанию, ничья голова, увитая водорослями, не высовывалась из воды. И море, и остров — все было безлюдно, за исключением капитана с его духом и Дудочника, поспевающего за ними по пятам. Себя я в расчет не беру — я же простодушный.

Уже почти стемнело, когда они вернулись. Наверное, Дудочник прогнал их по берегу вокруг острова, неторопливо переступая копытами, неспешно, но и неумолимо, наполняя уши капитана устрашающе назойливой музыкой. В сумерках мне удалось разглядеть лицо Страйкера — старческое, измученное, бледное, изрезанное глубокими морщинами. Глаза его были столь же безумны, сколь и глаза Пана. Одежда капитана изорвалась в клочья, пальцы кровоточили, но он так и не выпустил из рук пистолет, а алый даэмон по-прежнему реял над его головой.

Думаю, Страйкер даже не заметил, что вернулся на то же самое место. Наверное, к тому времени все вокруг слилось для него в одно. Он, пошатываясь, пошел в мою сторону, едва ли видя меня. Я выпрямился во весь рост. Тогда он заметил меня, поднял пистолет и пробормотал несколько слов на языке янки. Капитан Страйкер был по-настоящему выносливым человеком, если за время столь долгой гонки он все еще не забыл, что собирается

меня убить. Я счел, что он вряд ли позаботился перезарядить оружие, поэтому не двигался, глядя ему прямо в лицо.

Флейта Пана предостерегающе взвизгнула, но Хозяин не подошел ближе и не встал между нами. Багровый даэмон виднелся из-за капитанской спины, и я понял, почему Пан не поспешил мне на помощь. Те, кто потерял свою мощь после рождения Младенца, не в силах напрямую влиять на людей, обладающих душой. А души, даже такие злодейские, как у Страйкера, неколебимы перед владычеством Пана. Только звук флейты способен достигать людских ушей, но и его бывает достаточно.

Флейта не могла меня спасти. Я слышал, как без передышки хохочет капитан; затем раздался непонятный резкий звук, и из пистолетного дула сверкнула молния. Она вызвала гром, поразивший меня сильным ударом вот сюда, прямо в грудь. Я едва не упал, потому что не сразу заметил толчок, несмотря на всю его мощь. Мне еще многое предстояло сделать.

Капитан хохотал, а я сразу подумал о Шонесси. Я шагнул вперед и ухватился рукой за горячее пистолетное дуло. Я очень сильный, и я вырвал у Страйкера оружие, а он так и остался стоять с разинутым ртом, не веря собственным глазам. Капитан прерывисто и глубоко дышал, и я заметил, что и сам хватаю ртом воздух, хотя пока еще не осознавал почему.

Страйкер встретился со мной взглядом и, думаю, понял, что я по-прежнему не испытываю к нему ненависти, а только жалость. Человек в его глазах куда-то пропал, и его место занял алый даэмон, исходящий яростью от того, что я осмелился сострадать капитану. Я еще раз взглянул на это прекрасное слепое лицо, на глаза, скрытые веками. Вот кого я по-настоящему ненавидел и, в конечном счете, поразил. Я поднял пистолет и разрядил его в лицо капитана.

В тот момент в моей голове уже произошло помутнение. Я рассчитывал убить даэмона, но именно капитан почему-то отступил на три шага и упал. Я очень силен — одного выстрела хватило с избытком. На мгновение на острове воцарилась мертвая тишина. Даже волны не шевелились. Капитан затрясся, потом испустил вздох, словно нехотя возвращаясь к жизни. Он упер ладони в землю и приподнялся на руках, разглядывая меня сквозь свисавшие на лоб волосы. Он рычал словно дикий зверь. Не знаю, на что он рассчитывал. Думаю, стал бы биться со мной, пока лишь один из нас не остался бы в живых.

Но вдруг даэмон над ним заволновался. Впервые я видел его в движении, если не считать реакций на поступки капитана. Всю жизнь даэмон сопровождал Страйкера — незрячий, бессловесный: тень, копирующая походку и жесты своего владельца. Но в этот раз она поступила по-своему.

Даэмон вознесся над головой капитана на небывалую, недосягаемую высоту, и цвет его стал неизмеримо ярче и насыщеннее. Он превратился в ослепительное существо, пылавшее так жарко, что стало больно глазам. Блаженство снизошло на прекрасное слепое лицо, засиявшее от восторга,— радость и порок смешивались в нем. Я понял, что пробил час этого даэмона.

Некая высшая мудрость подсказала мне закрыть глаза. Веки даэмона дрогнули, и я осознал, что мне не стоит смотреть в глаза тому, кто собирается в последний раз окинуть ужасным взглядом мир, который до сих пор ему довелось наблюдать лишь посредством капитанского зрения.

Я упал на колени и закрыл лицо. А капитан, вероятно, наконец понял, кого я всегда видел у него за плечами. Думаю, всякий человек узнает об этом в свой смертный час. Думаю, в свой последний миг он все понимает, оборачивается и впервые за всю жизнь встречается взглядом со своим даэмоном.

Я не видел, что сделал капитан. Я вообще не смотрел. Зато я услышал долгий громкий крик, подобный музыке, оглашающей рай,— вопль, полный восторга, благодарности и радости в конце бесконечного изматывающего пути. В нем были и веселье, и красота, и все зло, которое только может охватить разум. Пламя полыхнуло у меня в щелях между пальцами, прожгло веки и проникло в мозг. Я не мог от него отгородиться. Мне даже не пришлось поднимать голову: сияющее видение достигло самых моих костей.

Я узрел, как даэмон опустился на своего обладателя. Капитан вскочил на ноги, воя будто дикий зверь — жестоко и бессмысленно. Он запрокинул голову и стал отбиваться от налетевшего на него ослепительно алого существа. Но все его усилия были напрасны: пришел час его даэмона. Мне неведомо, когда наступает этот час, но даэмон знал, что делал, и остановить его было невозможно.

Я увидел, как огненный сгусток слетел на капитана подобно метеориту, прорвался сквозь преграду капитанских воздетых рук и проник сквозь плоть и кости в пустоты, населенные душой. Страйкер на миг застыл, как пригвожденный, лишенный чувств, залитый алым сиянием. Я видел, как багрянец постепенно пронизывает его насквозь, так что на коже проступил силуэт скелета. И вдруг полыхнуло пламя, вырвавшись из глаз, рта и носа капитана. Все его тело служило теперь фонарем из плоти, наполненным огнем пылающей души. Только вот пламя выжигало фонарь изнутри...

Когда сияние стало слишком нестерпимым для моего зрения, я хотел отвернуться — но не смог. Боль в груди разрослась до предела. В тот момент я вспомнил Шонесси, который тоже знал, какой бывает боль в груди. Думаю, именно тогда я впервые осознал, что, как и Шонесси, скоро умру.

На моих глазах капитан сгорал в пламени собственного даэмона. Он горел не переставая, и его живые глаза

смотрели на меня сквозь багряное великолепие, а мелодичный смех даэмона заглушал гудение пожара. Я же не мог ни смотреть, ни отвести взор.

Наконец пожар стал утихать. Раскатисто прогремел победный смех, и в глазах у меня вспыхнул ослепительный багрянец, с яркостью которого не могла сравниться даже кровь, а потом все заволокла тьма.

Когда ко мне вернулось зрение, капитан безжизненно лежал на песке. Я увидел его и узнал смерть. Он вовсе не обгорел. Он был, как и любой мертвец, неподвижен и безмолвен. Не тело его, а душа недавно сгорела у меня на глазах. Даэмон капитана вернулся туда, откуда пришел,— я узнал об этом по чувству одиночества, вновь охватившему меня.

Остальные тоже ушли. Явление огненного даэмона стало последней каплей, и они не смогли вынести его присутствия на острове. Может быть, недобрая душа была для них опасней, чем благочестивая, хотя они не различали добра и зла — просто опасались неизвестности.

Вы сами знаете, падре, чем все закончилось. На следующее утро матросы с «Танцующей Марты» забрали тело капитана. Остров страшил их. Они пытались установить причину гибели Страйкера, но не посмели углубляться в лес, где я прятался, пока они не ушли. Это я уже плохо помню: в груди у меня все горело, то и дело горлом шла кровь — вот как сейчас. Мне неприятно смотреть на нее. У крови красивый цвет, но я помню, что есть цвета куда красивее, куда краснее...

Потом появились вы, падре. Я не знаю, сколько времени спустя. Вы приплыли сюда вместе с родней Шонесси, разыскивающей его могилу. Теперь вы все знаете. Я рад вам: хорошо побыть рядом с таким человеком в свой последний час. Если бы только у меня был свой даэмон, который после моей смерти вспыхнул бы и исчез без следа! Но О'Бобо не может на это рассчитывать, и я успел

привыкнуть к одиночеству. Вы же видите, я не жилец теперь, когда здесь больше нет *нинфа*. Мне было хорошо с ними, мы спасали друг друга от одиночества, но я должен признаться, падре,— это было весьма жалким утешением. Хоть я и О'Бобо, но все-таки человек, а они — *нинфа*. Они даже не догадываются о том, что я знаю наверняка,— сколько теплоты и счастья придает человеку душа. Но я не стал бы им об этом рассказывать. Мне было жаль *нинфа*, падре. Они ведь, как известно, бессмертны. Что до меня, я скоро забуду и об одиночестве, и вообще обо всем. И мне бы не хотелось превратиться в *нинфа* и жить бесконечно.

За спиной у вас даэмон, падре. Он ослепителен. Он смотрит на меня из-за вашего плеча. В глазах его и мудрость, и печаль. Нет, даэмон, не печалься обо мне — пожалей лучше *нинфа* и людей, подобных тому, кто сгорел на этом берегу. А меня не жалей — я получил свое. И теперь я могу уйти.

СОДЕРЖАНИЕ

DE PROFUNDIS
(перевод Н. Берденникова) 5

МЕЛКИЕ ДЕТАЛИ
(перевод Н. Гузнинова) 19

БОЛЬШАЯ НОЧЬ
(перевод Б. Жужунавы) 38

А ДВЕ ЛУЧШЕ
(перевод Б. Жужунавы) 81

НАЗОВЕМ ЕГО ДЕМОНОМ
(перевод Д. Громова и О. Ладыженского) 104

МЕЧ ГРЯДУЩЕГО
(перевод Б. Жужунавы) 136

НЕВЕРОЯТНАЯ СИЛА ЭДВИНА КОБАЛЬТА
(перевод Н. Берденникова) 215

НАСЛЕДНИК ПИЛАТА
(перевод И. Тетериной) 226

НЕ СЕГОДНЯ, ТАК ЗАВТРА
(перевод И. Тетериной) 244

МОКРАЯ МАГИЯ
(перевод Н. Берденникова) 265

ЧТО ОВЛАДЕЛО МНОЙ?
(перевод Н. Берденникова) 337

ПЛАЦДАРМ
(перевод Б. Жужунавы) 384

ОЧИ ТХАРА
(перевод Б. Жужунавы) 405

ПРОМАШКА ВЫШЛА
(перевод Б. Жужунавы) 428

ТРОФЕЙ
(перевод Б. Жужунавы) 447

ПОКА Я СПЛЮ...
(перевод Б. Жужунавы) 470

ДВЕРЬ ВО ВРЕМЕНИ
(перевод Т. Алеховой) 492

НЕТ ЖЕНЩИНЫ ПРЕКРАСНЕЕ
(перевод Т. Алеховой) 515

ПРЕВЗОЙТИ БОГОВ
(перевод Т. Алеховой) 578

ДАЭМОН
(перевод Т. Алеховой) 624

Литературно-художественное издание

Генри Каттнер

МОКРАЯ МАГИЯ

Ответственный редактор *Н. Аллунан*
Редактор *Е. Ахматова*
Художественный редактор *А. Матвеев*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *К. Иванов*
Корректоры *Л. Самойлова, Н. Тюрина*

В оформлении переплета использована иллюстрация *Garry Rudell*

Оригинал-макет подготовлен ООО «Издательский дом «Домино».
191028, Санкт-Петербург, Моховая ул., д. 32.
Тел./факс (812) 329-55-33.
E-mail: dominospb@hotbox.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 268-83-59/60.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.
Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Подписано в печать 08.01.2007.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 34,44.
Тираж 4100 экз. Заказ № 6057

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

★ВСЕ ЗВЕЗДЫ★

ГЕНРИ КАТТНЕР

Генри Каттнер — пожалуй, самый многогранный фантаст двадцатого века. Первый успех пришел к нему в двадцать один год — тогда ему прочили большое будущее как автору мистики в духе Лавкрафта. Потом его раскритиковали за «космические боевики» с лихо закрученным сюжетом, и Каттнер стал прятаться под многочисленными псевдонимами. В 1940 году он женился на писательнице Кэтрин Мур. Супруги практически постоянно работали в соавторстве и печатали плоды совместного труда под псевдонимами или под именем самого Генри Каттнера, так что до сих пор неизвестно, чьему перу какие рассказы принадлежат. После безвременной кончины в 1958-м за Каттнером закрепился титул классика жанра. Мы с гордостью представляем читателям ранее не издававшиеся в нашей стране рассказы и повести этого великого мастера.

ISBN 5-699-20634-5

